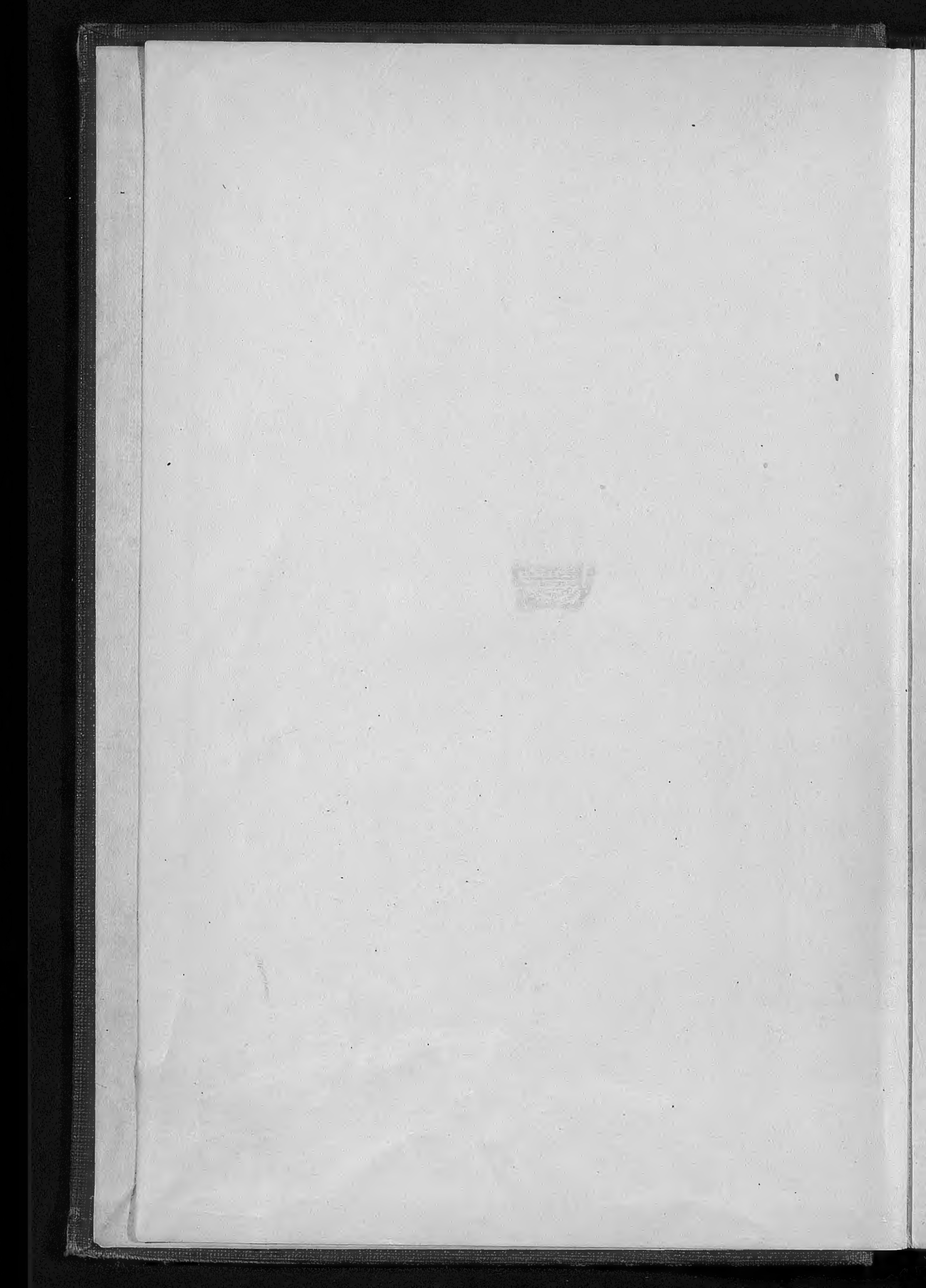
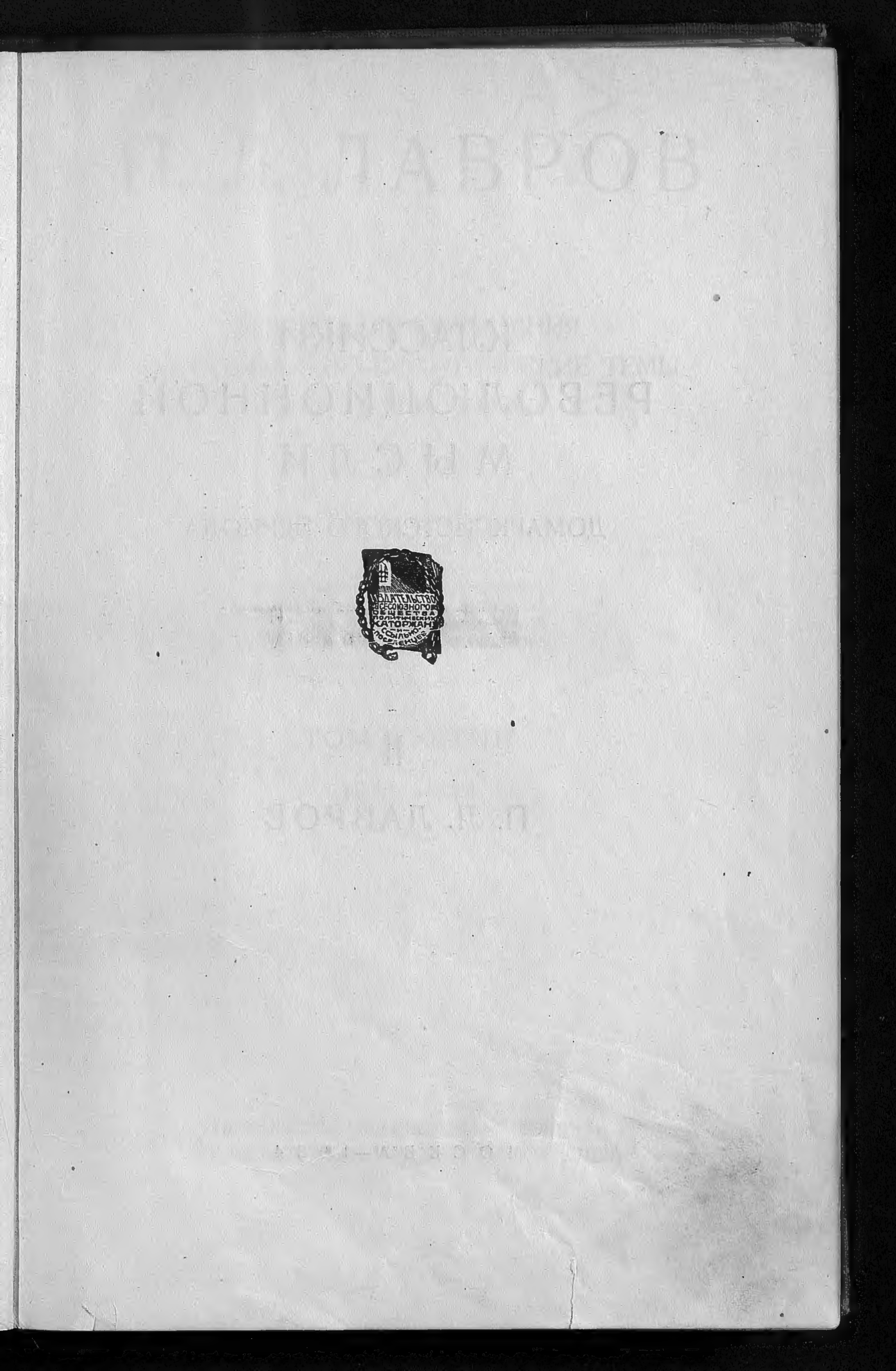
П. Л. ЛАВРОВ

ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
И
ССЫЛЬНО-

КЛАССИКИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ МЫСЛИ ДОМАРКСИСТСКОГО ПЕРИОДА

II

П. Л. ЛАВРОВ

МОСКВА—1934

П. Л. ЛАВРОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ
В ВОСЬМИ ТОМАХ

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ, КОММЕНТАРИИ, ПРИМЕЧАНИЯ, БИОГРАФИЧЕСКИЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКИ И. С. КНИЖНИКА-ВЕТРОВА

ТОМ ТРЕТИЙ

1873—1874

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Переплет работы художника А. А. Толоконникова.

Техредактор М. Масляненко.

Сдано в набор 15/II 1934 г.
Подписано к печати 13/VI 1934 г.

Формат бумаги 62 x 94 см.
$26^1/_4$ печ. л. 42.000 зн. в печ. л. Изд. № 166
Заказ типографии № 125

Тираж 5000 экз.
Уполномоченный Главлита В-60110

Отпечатано в типо-литографии им. Воровского
Москва, ул. Дзержинского, 18.

СТАТЬИ

(1873—1874)

ХАОС БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА ПЕРВУЮ ТРЕТЬ 1873 г.[1]

Вступление. — Недоумение читателя. — Основы государственной жизни. — Современная свобода и современное равенство. — Буржуа и пролетарии. — Смысл современной политики.

Если ты, любезный читатель, следишь за политикою, то ты, конечно, привык уже к быстрой смене лиц и «важных событий»; ты привык к разным манифестам, заявлениям, протестам, более или менее красноречивым; тебя не поражают уже громкие фразы знаменитых ораторов, победы и поражения, мирные и военные, и тому подобные вещи, проделываемые для «общественного блага», для «пользы народа». Но если ты человек мыслящий и буржуазное самодовольство не заглушило в тебе человеческого чувства, то, несмотря на обыденность этих явлений, ты, конечно, не раз останавливался над вопросом: отчего же большинство этого общества, этот народ, во имя которого все это делается, находится в таком бедственном положении? Отчего эксплоатация его, несмотря на государственные перевороты, перемены форм правления, министерств и т. п., не только не уменьшается, но с каждым днем все увеличивается? Отчего все эти явления «прогресса» или «реакции» как будто не касаются массы народа, которая с каждым поколением все более и более вырождается от непомерной эксплоатации ее физических и нравственных сил? Напротив, всякий шаг, завоеванный цивилизацией, служит только для того, чтобы удобнее выжать из массы ее жизненные соки...

Ты обращаешься к газетам и журналам, в которых ты ежедневно черпаешь политическую мудрость, но там нет ответа на эти вопросы. Ты обращаешься к трактатам о политике, большим и малым, изучаешь всевозможные политические теории, разбираешь их, принимаешь одни, отвергаешь другие, но вопросы остаются без ответа. Ты, наконец, припоминаешь все вынесенное со школьной скамьи, но... чем больше ты думаешь в этом направ-

лении, тем больше ты открываешь противоречий; недоумение твое увеличивается, и... вопросы остаются неразрешенными.

Да, любезный читатель, если смотреть на эти вопросы с той узкой точки зрения, с какой на них обыкновенно смотрят, то они или навсегда останутся неразрешенными, или же мы придем к печальному выводу, что законы природы виновны в бедствиях человечества, а следовательно, не во власти людей устранить их. В виду такого решения у человека честного опустятся руки, а менее щепетильный сам постарается извлечь пользу из «законов природы».

Но есть другая точка зрения, на которую, к сожалению, редко становятся современные политики и публицисты. Если мы станем на эту точку зрения, если мы изучим историю образования политических учреждений, если мы вникнем в самую глубь социальных отношений как современных, так и исторических обществ, то мы, может быть, и найдем путеводную нить для решения наших вопросов, и то, что теперь нам представляется противоречием, может быть, окажется естественным следствием не природных, а социальных отношений, — следствием, которое может быть устранено с устранением произведшей его причины.

В самом деле, как образовались государства? В одних случаях приходили в страну чужестранцы, подчиняли себе население страны: создавали государственную власть, полицию, войско; в других из самого населения выделялась группа людей, которая какими-либо обстоятельствами поставлена была в положение, позволяющее ей эксплоатировать массы, и закрепляла свое положение государственными учреждениями. Касты, сословия, классы в среде общества—вот источники государства, и все политические учреждения, по крайней мере в том виде, в каком они существовали до сих пор и существуют теперь, суть не что иное, как *организация, создаваемая эксплоатирующими классами общества для сохранения существующих социальных отношений, т. е. для сохранения возможности эксплоатировать и грабить народные массы.*

В различные исторические эпохи общество разделялось на различные классы, и разделение это находилось в соответствии с теми формами производства богатств, которые господствовали в данном обществе. Сообразно с этим изменялись и формы политических учреждений, но сущность всегда оставалась та же: всегда учреждения эти служили для охранения интересов эксплоатирующей части общества. С развитием цивилизации погибли рабовладельцы и рабы, помещики и крестьяне, средневековые ремесленные цехи и средневековые подмастерья. Уничтожена личная подчиненность одного человека другому на том основании, что один — сын помещика, а другой — сын крестьянина; исчезли ограничения личной свободы, обусловливаемые принадлежностью

к тому или другому классу общества. В наше время в большинстве цивилизованных стран юридически все равны, все свободны. Современное общество состоит только из двух классов: во-первых, из буржуа, капиталистов, свободных эксплоатировать, грабить, обворовывать своих ближних; во-вторых, из пролетариев, свободных умирать с голоду. Современные же политические учреждения, созданные буржуазией, имеют целью сохранить существующий порядок вещей, борьбу со всем тем, что представляет опасность для государства буржуазии и развития общества в смысле капиталистического производства.

А знаешь ли ты, читатель, что значит развитие общества в смысле капиталистического производства?.. Это значит предоставление *полной свободы конкуренции* и — как естественное следствие этого — с одной стороны, поглощение мелких капиталов более крупными, т. е. сосредоточение орудий производства в руках все меньшей и меньшей группы людей, а с другой — все большее и большее увеличение числа пролетариев; это значит все большее и большее разделение человечества на два резко разграниченных и противоположных класса, из которых один пользуется всеми благами жизни, всеми физическими и умственными наслаждениями, которые может только доставить современная цивилизация, а другой состоит из автоматов, всю жизнь свою поворачивающих какой-нибудь винтик или какое-нибудь колесцо машины; это значит, наконец, — если рассуждать последовательно, — развитие с течением времени из одного вида Homo двух разновидностей, одной высшей, а другой низшей, потому что условия жизни буржуазии и пролетариата делаются до того различными, что если бы человечеству еще долго пришлось находиться в таком состоянии, то и сама физическая организация буржуа и пролетариев должна будет значительно отличаться одна от другой.

Став на такую точку зрения, мы уже легко поймем смысл каждого, даже самого мелкого факта политической жизни современных обществ; мы уже не будем удивляться, что разные политические перевороты, реформы и т. п. в лучшем случае оставляют народ в прежнем положении; для нас станет ясно, что когда какой-нибудь политик говорит о благе общества, то он подразумевает благо буржуазии; когда он толкует о благе народа, то делает это только для того, чтобы обмануть народ, чтобы оттянуть тот момент, когда народ во всей своей целости узнает, наконец, что все существующие политические учреждения ему враждебны и что единственный выход для него — устроить общество так, чтобы в нем не было эксплоатирующих классов, чтобы в нем не было никаких классов, а следовательно, не было бы учреждений для защиты этих классов.

Французская буржуазия и Вторая империя. — Республика 1870 года. Президентство Тьера. — Уплата пяти миллиардов. — Германская империя. — Стремление к централизации. — Борьба с клерикалами. — Брошюра епископа Кеттелера [2]. — Централисты и федералисты в Австрии. — Отречение Амедея испанского от престола. — Республика в Испании. — Представительная система правления. — Выборы Бародэ [3]. — Победа Жюль Симона [4]. — Комиссия тридцати. — Министерский фарс в Англии *.

Восемьдесят четыре года прошло с тех пор, как Великая французская революция превратила буржуазию из «ничего» во «все». Много переворотов происходило с тех пор во Франции, а буржуазный порядок не только не подорван, но, напротив, каждый переворот как бы давал ему толчок к дальнейшему и более полному развитию. Эпоха Луи-Филиппа, этого короля-буржуа, была царством средней и мелкой буржуазии; но прогресс шел быстро вперед: мелкая буржуазия отжила свой век, и старые формы мелкобуржуазного парламентаризма никого уже не удовлетворяли. Буржуазия, соединившись с народом, низвергла орлеанскую монархию. Народ при этом очутился в очень курьезном положении. Производя февральскую революцию, он вовсе не думал делать это для того, чтобы доставить буржуазии возможность усилить свою эксплоатацию. А между тем вскоре оказалось именно это. Тогда настали июньские дни, которые были настоящим memento mori для буржуазии. Но она до поры до времени потопила в потоках крови это сопротивление пролетариата и понеслась на всех парах по пути прогресса капиталистического производства.

Наполеоновская армия окончательно подорвала прежний мелкобуржуазный строй; началась сильная централизация капиталов в руках небольшой группы ловких пройдох, а масса мелкой буржуазии увеличила собою ряды пролетариата. Биржевая игра, ажиотаж, самые невообразимые финансовые операции и неведомое дотоле финансовое плутовство сделались явлениями обыденными во время Второй империи, и все замечательнейшие политические события этой эпохи, начиная с итальянской и крымской войны и кончая коммерческим трактатом с Англией, были лишь необходимыми моментами последовательного развития буржуазного строя. Наполеон сделался послушнейшим орудием буржуазных интересов. Но развитие буржуазии, капитализма повлекло за собою фатальным образом развитие пролетариата, социализма. С другой стороны, бестактная политика и военные неудачи отвратили от Империи и самую буржуазию. Вот почему 4 сентября 1870 года Империя, не поддержанная никем, пала сама собою, оставив Франции в наследство войну с немцами со всеми шансами на окончательное поражение.

С сентябрьской революцией 1870 года вышло то же самое, что

---

* Припоминаем читателю общий заголовок статьи для пояснения, почему она не заключает новейших событий.

с февральской 1848 года: вместо того, чтобы укрепить республику в смысле благоприятном для уменьшения страдания пролетариата, французское правительство и Национальное собрание занялись реакционными интригами. Пролетариат снова взялся за оружие и, восторжествовав, провозгласил Коммуну. Но опять полились потоки крови, и пролетариат жестоко поплатился за минутное торжество. Буржуазия снова победила, и опять пошла старая история: победа послужила толчком к дальнейшему развитию буржуазных отношений; ряды пролетариата увеличиваются, и бедствия его возрастают. Но, торжествуя победу, буржуазия помнит, что победа эта только временна, что пролетариат не перестанет бороться со своими эксплоататорами до тех пор, пока ему не удастся, наконец, устроить общество на более справедливых основаниях. Поэтому одна из главных задач современной буржуазной политики заключается в том, чтобы создать такие отношения, вследствие которых буржуазия всех стран имела бы непосредственный интерес в подавлении всякого стремления к эмансипации в пролетариате каждой данной страны. С особенным успехом подвизался на этом поприще недавно свергнутый президент французской республики — Тьер.

Всем еще памятно ликование, которое возбудило во всей Франции заключение трактата 15 марта об окончательной уплате немцам военной контрибуции и об очищении территории. Но что же собственно случилось?.. Действительно ли Тьер освободил страну от долга?.. Ничуть не бывало. Вместо того, чтобы быть должником германского правительства, Франция теперь сделалась должником банкиров всего мира, преимущественно немецких же. А между тем Тьер мог действительно освободить страну от долга. Стоило только продать все эти дворцы, сады и домены прежних королей и императоров, и пять миллиардов было бы выручено. Или, если правительство французской *республики* захотело уже во что бы то ни стало сохранить эту «национальную собственность» для будущего короля или императора, то лучше было не отдавать пока капитала, а платить проценты германскому правительству. Тьер, считающий себя дальновидным политиком, должен настолько понимать настоящие политические отношения в Европе, чтобы знать, что немного пройдет времени, и в европейской политике опять возникнут затруднения, которыми Франция могла бы воспользоваться для того, чтобы не платить столь разбойническим образом наложенную на нее контрибуцию. Но в том-то и дело, что французскому правительству не дороги интересы французского народа; оно должно заботиться об интересах французской буржуазии. А эта операция — действительно важная услуга для французской буржуазии. Теперь буржуазия всего мира, а не одно германское правительство, непосредственно заинтересована в том, чтобы современный социальный порядок со всеми его несправедливостями не был нарушен во Франции. Тьер поставил

французский пролетариат лицом к лицу с буржуазиею всего мира, которая могущественнее всякого отдельного правительства. Версальская палата, эта представительница французской буржуазии, поспешила выразить Тьеру свою признательность за эту услугу. Это, конечно, совершенно естественно, но интересна форма, в которой она была выражена. Национальное собрание признало, что «Тьер заслужил признательность отечества». Какая горькая ирония!.. Тьер, который пролил столько крови своих соотечественников, Тьер, который грубо подавлял всякое, даже самое ничтожное проявление свободы в своем отечестве, Тьер, который держал во все время своего президентства половину своего отечества в осадном положении, — этот самый Тьер заслужил признательность отечества!.. Или, может быть, французское отечество и французская буржуазия одно и то же?!..

После франко-прусской войны центр буржуазной политики передвинулся из Франции в Германию. Как некогда вся Европа ожидала, что возвестит миру в своей тронной речи император Наполеон, так теперь ожидают тронную речь императора Вильгельма [5]. Как некогда следили за каждым телодвижением какого-нибудь Руэра [6], так теперь следят за каждым шагом князя Бисмарка. Какова же теперь политика Германской империи? Что мы должны ждать от нее: мир или войну? Наилучшим ответом может служить закон, представленный в начале этого года на утверждение Союзного совета, закон, по которому 68 миллионов талеров из французской контрибуции должно быть назначено на усиление крепостей (сюда не входят крепости Эльзаса и Лотарингии, на которые понадобится еще 28 миллионов). Рыцарю «огня и меча» мало еще пролитой крови, он с спокойной совестью готовится к новым бойням. Да иначе и быть не может. Как владычество Наполеона, несмотря на торжественно произнесенное обещание — «империя — это мир», было непрерывным рядом войн, так и наследовавшая ему Германская империя не может остановиться в своем кровопролитии. Она не может это сделать, не отрекаясь от самой себя, не отрекаясь от главной роли в среде политического мира. Став во главе буржуазного общества, Германия будет роковым образом исполнять то, что требуют интересы капиталистического производства. Для того, чтобы крупные капиталисты могли монополизировать производство на громадных пространствах, необходима возможно большая политическая централизация. Германский император сделал в этом отношении многое, но еще больше он сделает в будущем.

Далее, приняв на себя главную роль в буржуазном мире, германское правительство делает вещи, которых от него уж никак нельзя было ожидать. Современное общество в своем развитии действует самым разрушительным образом на все, что осталось еще от средних веков, и германское правительство стало во главе антиклерикального движения. Да, престарелый и благочестивый

Вильгельм, король божьею милостью, во что бы то ни стало, взял на себя инициативу в преследовании клерикалов! Ну, не насмешка ли это судьбы?! При этом надо еще заметить, что германское правительство хватило через край и обнаружило ревность, какой от него и не требовалось. Министр народного просвещения и духовных дел Фальк [7] внес 9 января в палату депутатов проекты 4 законов, определяющих отношение церкви к государству, — законов, ныне уже принятых. Все они не только не разграничивают области государства от области церкви, но еще более запутывают их отношения. Нас, конечно, очень мало интересуют религиозные дела подданных германского императора, но мы не можем не отнестись с омерзением к желанию подчинить совесть людей государству, особенно же принимать для этого насильственные меры, которые, к тому же, способны только усилить, хоть в данном случае и на короткое время, то, против чего направлено преследование. Для достижения своей цели правительство не остановилось ни перед чем: предложенные законы были нарушением конституции, и оно заставило изменить соответствующие места конституции. Придирчивость ко всякой мелочи, которая может иметь вид протеста со стороны черной братии, доходит до того, что вызывает неодобрение в среде приверженцев самого правительства; напр., придирки к клерикальным газетам за напечатание каких-нибудь выписок и т. п. Это тем более странно со стороны правительства, что оно могло уже убедиться, что чем более оно преследует клерикалов, тем более предлогов они изобретают для своих протестов. Весьма интересен один из этих протестов — майнцского епископа Кеттелера, изданный в виде брошюры, озаглавленной «Католики и Германская империя». На стр. 32, говоря о подавляющей силе государства в Германской империи, автор продолжает: «от его господства избавлено только денежное могущество, которому дано право эксплоатировать рабочий народ, бедного человека, с его телом, с его здоровьем, с его совестью, с его женой, с его детьми». В другом месте епископ говорит: «может быть, Интернационал явится когда-нибудь наказующим жезлом в руке божией, дабы наказать новейшее общество, как оно того заслуживает, за эту неизмеримую испорченность, и очистит его от нее» (ibid., стр. 76). Едва ли когда-нибудь какой бы то ни было епископ рассуждал так основательно, как в данном случае епископ майнцский.

Но и он не совсем прав. Он смотрит на дело так, что господин современного положения дел — государство, а буржуазия — все равно почему — пользуется только свободой эксплоатации. А на самом-то деле хозяин в нашем обществе буржуазия, а император Вильгельм, князь Бисмарк и т. п. — только беспрекословные агенты этой буржуазии. Бисмарк сделался из феодала quasi-парламентским министром не потому, что он хотел провести немецкую буржуазию, а потому, что это нужно было для лучшего

преследования буржуазных интересов. Пруссия, победив под Садовой, Седаном и т. д., лишь потому могла воспользоваться своими победами и сделаться руководящею державою Европы, что правительство ее стало действовать в пользу всемирной буржуазии, и в будущем германское правительство будет стоять во главе всех кровопролитных и деспотических стремлений правительств, и это будет продолжаться до тех пор, пока первенство в буржуазной политике не перейдет к какой-либо другой стране, или пока соединенный пролетариат всех стран не уничтожит, наконец, весь современный строй, основанный на насилии, грабеже и эксплоатации.

Стремление к политической централизации находит в Австрии большее препятствие, чем в каком бы то ни было другом государстве. Это происходит отчасти оттого, что состав Австрийской империи весьма разнороден, а с другой стороны, оттого, что в различных местах ее довольно силен еще феодальный элемент, энергически отстаивающий себя противу всепоглощающей и всесглаживающей буржуазии. Но буржуазия напрягла свои силы и в марте настоящего года одержала весьма важную победу. 6 марта цислейтанский рейхсрат принял закон о непосредственных выборах в рейхстрат. До сих пор рейхстрат был собранием представителей от областных сеймов, теперь же депутаты будут выбираться прямо населением таким образом, что сельское сословие будет выбирать выборщиков, которые уже, в свою очередь, будут выбирать депутатов в рейхсрат, остальные же сословия будут прямо выбирать в рейхсрат. Надо заметить, что из всех вотировавших по вопросу о прямых выборах только 8 славян, остальные все немцы-централисты. Между тем в Австрии гораздо больше славян-федералистов, чем немцев-централистов. Это обстоятельство очень характеристично для излюбленного буржуазиею парламентского режима: оно показывает, насколько законы, издаваемые парламентами, служат выражением мнений большинства граждан.

11 февраля испанский король Амедей известил кортесы посланием, что он считает невозможным управлять Испанией и поэтому отказывается за себя и наследников своих от престола. Кортесы, соединившись с сенатом, провозгласили немедленно республику. На другой день было выбрано новое министерство, составленное наполовину из радикалов и наполовину из республиканцев (Кастеляр [8], Фигверас [9], Пи-и-Маргаль [10]...). Но министерство не успело просуществовать двух недель, как возбудило уже против себя народ, который взвалил все вины на радикальную часть министерства. Вследствие этого министерство подало в отставку, и 24 февраля было выбрано более однородное республиканское министерство. 8 марта кортесы, после долгих пререканий, приняли закон, по которому учредительное собрание созывается на 1 июня. 23 марта кортесы разошлись, выбрав своим представителем постоянную комиссию, а 23 апреля правительство распустило постоянную комиссию за ее монархические интриги.

Вот внешняя сторона современной испанской политики. Но что может ожидать от этого нового переворота испанский народ? Не старая ли это комедия, повторенная на новый лад? Что можно ожидать от людей, так самонадеянно взявших на себя управление страной, которая не могла быть управляема ни одним из правительств, захватывавших в ней власть в новейшее время? Эти вопросы невольно лезут в голову, когда начинаешь размышлять о последнем перевороте в Испании. Впрочем, несмотря даже на это, недолговременное правление новых правителей показало уже, что они не хотят ничего сделать для народа, да если бы и хотели, то не могли бы. Как только они получили власть, первым стремлением их было обзавестись дисциплинированным войском. Старая история, повторяемая каждым новым правительством! Да и понятно: какое же оно было бы правительство без войска? Где бы оно взяло силы для того, чтобы заставить уважать свои решения? Ведь без войска народ мог бы сменить его тотчас, как только он увидел бы, что оно стремится сделать что-нибудь противное народным интересам. Притом у испанского правительства есть специальный предлог для заведения дисциплинированного регулярного войска — карлистское восстание. Конечно, народ сам мог бы укротить эти дикие шайки разбойников, предводительствуемые патерами, и, повидимому, проще всего было бы взяться за ополчение народа. Но это не изменяет дела, предлог все-таки очень хороший; вот тут-то мы должны вспомнить, что имеем дело с «правительством», которое, по самой сущности своей, должно ставить на первом плане не благо народа, а «виды правительства», государственные интересы. Ведь народное ополчение годится только для укрощения карлистов, но оно совершенно негодно для того, чтобы поддерживать власть Кастеляра и ему подобных. Мало того, оно само еще может способствовать низвержению этих болтунов и доктринеров. Конечно, такая вещь должна быть страшна для таких людей, как Кастеляр и К°, которые, едва успев получить власть, начали распинаться перед всеми правительствами и деспотами, что они прекрасные люди и что в их отечестве все останется по-старому, т. е. народ будет голодать и нищенствовать, а буржуазия будет продолжать грабить его. Впрочем, Кастеляр напрасно старался убедить в этом Европу. Все правительства отлично знают и без его уверений, что он такой же отличный человек, как и король Амедей, который так же, как и он, хотел помирить принцип авторитета с принципом свободы *. Но именно потому, что он такой же прекрасный человек, как Амедей, и потому, что никакое правительство в настоящее время вообще не может быть ни лучше, ни хуже правительства короля Амедея, Кастеляр должен был понять, что ни ему с ком-

* По мнению Кастеляра, выраженному в письме к одному из его приятелей, задача настоящего времени заключается в том, чтобы примирить принцип авторитета с принципом свободы.

панией, ни вообще какому бы то ни было подобному буржуазному правительству не управлять Испанией, так же, как ею не мог управлять Амедей. Испанский народ был давим столькими буржуазными эксплоататорами, что он, вероятно, перестанет равнодушно смотреть на то, как правительственная машина переходит от одной группы интриганов к другой, раз навсегда покончит с этим и не потерпит больше никакой эксплоатации. И самое благоразумное, что могли бы сделать теперь испанские правители,— это отправиться по-добру, по-здорову по свежим следам короля Амедея и его министра-президента Руиса Зорильи [11] и освободить народ от своих благодеяний. Лишь бы бог избавил испанский народ от друзей, а с врагами он и сам может справиться, если захочет.

Таковы-то наиболее выдающиеся факты из деятельности европейских правительств за первые 4 месяца настоящего года. Все они, как мы видели, направлены на то, чтобы развить тот строй, который обеспечивает буржуазии эксплоатацию народных масс. Таких результатов буржуазия достигает благодаря так называемой представительной системе правления, весьма характеристичной для современного общественного строя. Мы говорим весьма характеристичной потому, что едва ли можно себе вообразить систему, которая более представительной могла бы помирить два, повидимому, противоположные начала — политической равноправности всех одновременно с господством одного класса, буржуазии. Предоставляя всякому гражданину быть избирателем и избираемым, она, с другой стороны, создает особенную группу людей, избранников народа, которым присвоена законодательная функция. Больше ничего и не нужно для буржуазии. Всякая группа людей, которой присвоена власть, — все равно, выбрана ли эта группа народом, или она захватила власть каким-нибудь иным образом, — тем самым поставлена уже в привилегированное положение, тем самым приобретает уже интересы, отличные от интересов всего общества, противоположные им. Самоотверженных людей на свете вообще очень мало, а еще меньше их попадает в число законодателей, большинство же человечества следует в жизни пословице: «Своя рубашка к телу ближе». Поэтому совершенно естественно, что на законодательство будут иметь громадное, решительное влияние интересы законодателей, а так как они противоположны интересам народа, то и законы будут итти в разрез с народными нуждами. Благодаря этой возможности пользоваться своим положением для эксплоатации народа, политика сделалась в настоящее время самым обыкновенным буржуазным промыслом. Для того, чтобы попасть в депутаты, кандидаты не пренебрегают ничем: они обещают своим избирателям что угодно, но на другой же день после выборов нарушают свои обещания и действуют так, как по их соображениям для них выгоднее действовать.

За примером недалеко итти. 27 апреля настоящего года 180 000 парижских пролетариев выбрали своим представителем

Бародэ, как врага политики Тьера, как представителя идей коммунальной свободы. В его лице парижский пролетариат протестовал против буржуазии, низвергнувшей Коммуну, а он чуть ли не на другой же день после выборов объявил, что его «кандидатура не была кандидатурой борьбы... Дело шло не о том, чтобы бороться с правительством, а о том, чтобы просветить его!».. И это явление не единичное, ибо оно есть неизбежный результат представительной системы. Такие субъекты, как Бародэ, принадлежат еще к лучшему меньшинству законодательных собраний. Общий же их состав несравненно ниже. Никто не станет удивляться, что при таком составе законодательных собраний, составе, неизбежно вытекающем из представительных систем, личный эгоизм, себялюбие, честолюбие и жадность становятся там, где на первом плане должно стоять общественное благо, а главным занятием людей, которые считаются представителями нации и должны заботиться о ее благосостоянии, делаются интриги. Вся законодательная деятельность, вне крупных вопросов, толкающих вперед развитие буржуазного общества, обусловливается тем, какая интрига удастся лучше. Остановимся на нескольких подобных фактах из парламентской жизни за настоящий год, наделавших в свое время много шума.

Первый из этих фактов по времени — «победы» Жюля Симона, бывшего французского министра народного просвещения. Дело заключалось в следующем. По предложению герцога Брольи [12], версальская палата решила учредить, или, лучше сказать, восстановить учрежденный в 1850 году совет при министре народного просвещения. Совет должен состоять из 26 членов, выбираемых разными ведомствами. При совете состоит постоянный комитет из 7 членов. По смыслу проекта, комитет должен был состоять из членов, назначаемых советом. Предложение, очевидно, нелепое. Министр ответствен за все происходящее в его ведомстве, а к нему приставляют постоянное учреждение, от него независимое, которое может мешать ему действовать так, как он находит нужным. Такое предложение, конечно, не могло быть сделано с целью споспешествовать народному образованию. Для всякого, даже самого непроницательного человека очевидно, что, будучи принято, оно было бы только тормозом для этого образования. Зачем же было сделано это предложение? Очень просто. Жюль Симон продолжает до сих пор называть себя республиканцем. Конечно, республиканец и министр Тьера — понятия, которые не совсем вяжутся между собою, ну, да все равно, — Жюль Симон в этом отношении человек упрямый и желает во что бы то ни стало называть себя республиканцем. Но разве уважающая себя представительница французской нации может терпеть такое упрямство? Упрямец должен быть наказан: он должен быть лишен портфеля. Конечно, для достижения этого нужно нанести ущерб народному просвещению. Но что за важность? Разве французские законо-

датели издают законы для блага французского народа? Вовсе нет. Для них всякий законодательный акт важен настолько, насколько они могут воспользоваться им для своих государственных соображений, т. е. для своих интриг. Так рассуждали 18 января 314 французских законодателей. Счастье было для Жюля Симона, что к делу был припутан вопрос о министерской ответственности, который нужен был версальской палате для интриг против Тьера, иначе очень многие из 350, подавших голоса против избрания постоянного комитета самим советом, не очень поцеремонились бы с преуспеянием народного просвещения и подали бы голоса против министра. Но как бы то ни было, на стороне Жюля Симона было большинство. Следовательно, он победил.

Впрочем, этим еще не кончились испытания бедного министра: версальская палата весьма энергична, когда дело идет об интриге. Какой-то лавочник или фабрикант Жонстон[13], член правой стороны, вспомнил, что в сентябре прошлого года Жюль Симон разослал циркуляр, в котором предложил уменьшить число часов, посвящаемых воспитанниками средних учебных заведений на сочинение латинских стихов, для того чтобы возможно было посвятить больше времени на изучение новых языков. За неимением ничего лучшего правая сторона не пренебрегла и этим средством, хотя и пришлось сделать большую натяжку. Жонстон объявил, что министр не имел права рассылать такой циркуляр, ибо, изменяя таким образом учебную программу, он изменил программу экзаменов, чего министр не имеет права делать. Во всяком случае министр не должен был, по мнению Жонстона, издавать циркуляр, не представив его совету при министре народного просвещения (совету, заметим в скобках, которого тогда еще не существовало). Но это было уже слишком нелепо и для версальской палаты. Поэтому, когда министр заявил, что он намерен представить этот циркуляр совету, был принят простой переход к очередным делам, и Жюль Симон таким образом снова победил.

Подобные явления — вещь совершенно обыденная во всех парламентах, и они не могут не совершаться. Но в версальской палате могут происходить вещи, которые не всякий парламент почтет приличным делать. Такой пассаж представляет, например, деятельность так называемой комиссии тридцати.

В послании, прочитанном при открытии сессии, 11 ноября прошлого года, Тьер потребовал, чтобы ему дали возможность упрочить существующий консервативный порядок. Вследствие этого собрание, по предложению министра юстиции Дюфора[14], назначило комиссию из 30 человек. Цель ее была выработать проект закона, определяющего отношения государственных властей. Едва ли возможно в современной политической жизни найти что-нибудь более поучительное, чем история этой комиссии. В то время, когда страна находится в самом бедственном положении; когда эмиграция, этот барометр экономических бедствий народа, уве-

личивается в громадных размерах; когда, по исследованиям, произведенным по поручению самого правительства, в департаментах Верхней Гаронны и Арьежа опустели целые деревни; когда в некоторых местах население уменьшилось в такой пропорции, что вместо 8—10 конскриптов [15], которых они поставляли прежде, они поставляют теперь только 2—3, — в головах членов этой злосчастной комиссии со времени ее учреждения и до последнего ее заседания лежала единственная мысль — создать такие хитросплетения, которые бы дали возможность при первом удобном случае низвергнуть республику. Народ с его бедствиями не существует для французских законодателей; у них слишком много и своих дел: им нужно низвергнуть Тьера, уничтожить республику, сделать королем графа Шамбора [16] или графа Парижского [17] и за все эти подвиги получить вознаграждение в виде министерских портфелей, префектур и т. п. Любопытно было следить, как эта комиссия переходила от уступчивости к упрямству и наоборот, смотря по тому, увеличивались ли или уменьшались шансы на успех попыток к слиянию двух ветвей бурбонского дома, смотря по тому, удавалась ли или не удавалась та или другая интрига: то Тьеру совсем запрещалось говорить в собрании, то ему позволялось говорить только по вопросам иностранной политики, то и по внутренним, если дело касалось общей политики правительства, и т. д. Но, наконец, после четырехмесячного колебания в ту и другую сторону комиссия пришла к соглашению с правительством и, назначив докладчиком Брольи, внесла в начале марта свой проект в Национальное собрание.

Проект этот, превратившийся 13 марта с незначительными изменениями в закон, показывает, до каких нелепостей и до каких злоупотреблений доводит людей их положение как законодателей. Этим законом Национальное собрание, во-первых, удерживает за собою узурпаторски захваченные учредительные права; во-вторых, определяет церемонию президентских выходов, названную самим Тьером «китайскою», и порядок обнародования законов; в-третьих, заявляет, что оно не разойдется до тех пор, пока не установит способа перехода исполнительной и законодательной власти, не издаст закона о второй палате и *не изменит избирательного закона.* Закон этот, особенно та часть его, которая определяет порядок сношений президента с Национальным собранием, вызвала гомерический хохот в самих парламентаристах всех стран. Социалисты не могут не поблагодарить искренно версальское собрание за его деятельность: оно воочию показало, как бессодержательно все парламентарное устройство буржуазной цивилизации, даже опирающееся на знаменитое всенародное голосование; как одна из передовых стран Европы может дать помощью этого самого голосования собрание идиотов и интриганов, не только высказывающих полное презрение к правам граждан, избравших их, но делающих свою страну посмешищем всего мира.

В заключение мы должны сказать еще несколько слов о министерском фарсе, разыгранном в настоящем году в Англии, этой стране, в которой парламентаризм достиг самой высокой степени совершенства. Министерство внесло в феврале в парламент билль о реформе высшего образования в Ирландии. Ирландские университеты носят религиозный характер англиканского вероисповедания, между тем как в Ирландии большинство населения католики. Но, как это часто бывает с парламентскими правительствами, желающими всех удовлетворить, английское правительство выработало по этому вопросу проект, который не удовлетворил никого. 11 марта палата общин большинством 287 голосов против 284 отказалась приступить ко второму чтению этого билля.

Министерство подало в отставку. Королева призвала Дизраэли и поручила ему составить министерство. Но Дизраэли отказался. Тогда королева снова призвала Гладстона [18], который не замедлил снова согласиться сделаться министром. Для того, чтобы понять весь комизм этого фарса, надо принять во внимание страшный шум, поднятый буржуазною прессою по поводу этого «кризиса». Переполох был до того сильный, что со стороны можно было подумать, что дело идет о действительном кризисе, а не о простой перемене лиц. И в самом деле, из-за чего был поднят такой шум? Как будто не все равно, в чьих руках будет власть: в руках ли Гладстона или Дизраэли, или кого-нибудь третьего? Как будто при господстве тори буржуазия будет эксплуатировать народ больше или меньше, чем при господстве вигов? Как будто сумма народных бедствий сколько-нибудь изменится от этой перемены правительства? Ни Гладстон, ни Дизраэли не воспользуются—да и не могут воспользоваться—своею властью для того, чтобы разрушить современный строй, а вместе с ним и свою власть. Если же они этого не сделают и не могут сделать, все останется по-старому до тех пор, пока народ не сделает того, чего теперь не хотят и не могут сделать Гладстон, Дизраэли и т. д. А до тех пор буржуазии нечего волноваться...

II

Борьба буржуазии с пролетариатом. — Казни. — Преследование членов Интернационала. — Предложение Толена [19] и отказ. — Приговоры над стачечниками в Англии. — Современный легализм. — Преследование Интернационала в Италии. — Преследование рабочего календаря в Австрии. — Заключение Бебеля [20]. — Датский и французский законы о работе детей на фабриках. — Меры против эмиграции. — Скандалы в мире высшей буржуазии во Франции, Америке, Германии. — Неизбежность социального кризиса.

Сообразно с двоякою целью всякого правительства, современные правительства должны, с одной стороны, сохранить и укрепить все те несправедливости современного общественного строя, которые полезны для господствующего класса, т. е. буржуа-

зии, а с другой — способствовать развитию этого общества в смысле, благоприятном для господствующего класса, т. е. в данном случае способствовать развитию капиталистического производства. Мы видели уже, что все главнейшие факты из деятельности правительств за настоящий год направлены на то, чтобы удовлетворить второй половине правительственной задачи. Но для буржуазного общества гораздо более важна первая половина задачи, потому что для капиталистического производства уже достаточно и того, чтобы укрепить и сохранить существующие несправедливости или, что то же, устранить все то, что враждебно существующему строю, и тогда оно будет развиваться само собою.

Главный враг современного строя, конечно, жертва этого строя — пролетариат, народные массы. Против них и должны направить свою деятельность правительства; и — надо им отдать справедливость — они блистательно исполняют свою обязанность. Если же они все-таки не достигают цели, то в этом виноваты не они. Они стараются держать пролетариев в невежестве; они употребляют все усилия на то, чтобы разделить их; они беспощадно преследуют тех из них, которые уже в состоянии критически отнестись к явлениям социальной жизни; они избивают при всяком удобном и неудобном случае пролетариев массами, чтобы навести панику на оставшихся в живых.

Два года прошло с тех пор, как войска французской буржуазии, введенные шпионом в Париж, ниспровергнули Коммуну. А между тем раздражение в среде буржуазии, чувство кровожадной мести против пролетариев, захотевших отстоять свои естественные права, в настоящее время почти так же сильно, как и во время, непосредственно следовавшее за победою. Кроме громадного количества пролетариев, до сих пор постоянно высылаемых в Новую Каледонию и тому подобные места, уже в настоящем году длинный список мучеников за дело пролетариата увеличился еще тремя именами. 22 января в Сатори были расстреляны Фенуйо, Декан и Безо[21]. По словам парижских газет, все три мужественно встретили смерть. Пуля поразила Безо в ту минуту, когда он кричал: «Да здравствует Коммуна! Да здравствует социально-демократическая республика!» Да, французские лавочники страшно мстят за то, что пролетарии продержали их несколько месяцев в страхе; они не скоро забудут, что в продолжение этих месяцев бывали минуты, когда ими овладевала мысль, что эксплоатации буржуазии будет положен конец, что результаты труда пролетариев будут принадлежать пролетариям же!..

Но все имеет свой предел. Число пролетариев, защищавших Коммуну, было велико, но и оно должно было истощиться вследствие постоянных расстреливаний и высылки массами. А между тем французская буржуазия и ее правительство считают своею священнейшею обязанностью держать пролетариев, сознающих

свои права, в постоянном страхе подвергнуться преследованию, не видя, что этим они достигают цели, как раз противоположной той, которую они преследуют. Но пролетариат сидит спокойно, собирается с силами, и придраться, повидимому, не к чему. Это только повидимому, а на самом деле в таких случаях недолго ищут повода, потому что, если его нет, его изобретают.

Так и поступило французское правительство. Министр юстиции Дюфор вспомнил, что версальская палата издала когда-то закон о Международной ассоциации рабочих; нужно его применить. И вот все, кому ведать надлежит, получают надлежащие инструкции, и начинается травля за настоящими и мнимыми членами Интернационала. В Марселе, Нарбонне, Варе, Тулузе, Руане, Бордо, Лизье, Эльбефе, Париже и других местах начались в январе ночные обыски и аресты, продолжавшиеся более месяца. Конечно большинство обысканных и арестованных вовсе не были членами Международной ассоциации, но разве в этом дело? Разве кто-нибудь сомневался, что Интернационал только предлог? Разве не для всякого очевидно было, что дело заключалось в том, чтобы навести панику на ту часть рабочего населения, которая поняла, что ей нужно в той или другой форме организоваться для того, чтобы иметь возможность защищать свои интересы против эксплоататоров?

Но если правительство и Национальное собрание, выбранные всеобщею подачею голосов, следовательно, представляющие *будто бы* также интересы пролетариев, препятствуют самим пролетариям организоваться для защиты своих интересов и для своего просвещения, то логика требует, чтобы это правительство и собрание взяли на себя защиту этих интересов и споспешествовали этому просвещению. Сделали ли они что-нибудь в этом отношении? Само собою разумеется, что у французских законодателей на этот счет своя особенная логика, а поэтому они поступают иначе. Когда депутат Толен в конце марта предложил ассигновать 100 000 франков для того, чтобы доставить возможность нескольким депутатам от рабочих ознакомиться с венскою всемирною выставкою, Национальное собрание поспешило отвергнуть это предложение. При этом замечательна откровенность одного из членов большинства, который, высказываясь противу предложения, привел между прочим такой аргумент: «открыть кредит (для отправки рабочих на выставку) значит отменить закон об Интернационале». Устами этого господина Национальное собрание вполне характеризовало себя и вообще все современные системы правления. Отвергая предложение Толена, оно возвестило миру: «Конечно, будучи выбраны всеобщей подачей голосов, мы должны бы заботиться о всех гражданах, но наш прямой интерес не только препятствовать пролетариату организоваться по-своему для защиты своих интересов и для своего просвещения, но вообще держать его в систематическом невежестве, потому что

каким бы путем он ни сделался умнее, он во всяком случае направит свой ум против нас. И кто может помешать нам поступить так, как того требуют наши интересы?»

Так поступают правительства с рабочими, опираясь на легальность. Но бывают случаи, когда на легальной почве трудно прямо бороться с пролетариатом. О, какою изобретательною делается в таких случаях буржуазия! Какие ухищрения она употребляет для того, чтобы посредством разных юридических изворотов придать своему нелегальному поступку легальную форму! И такие вещи делаются в такой стране, как Англия, которая издавна славится своими свободными учреждениями, где свобода печати, сходок и союзов практикуется в такой мере, какая составляет лишь цель отдаленных желаний для остальных стран Европы. И в этой самой стране, когда дело идет о пролетариате, нарушаются самые элементарные основы свободы и здравого смысла. Факты, о которых мы здесь скажем, относятся по своей сущности к «Летописи рабочего движения» и будут рассмотрены там подробно в свое время, но здесь они нам нужны лишь как иллюстрация отношений английского легального порядка к пролетариату.

В конце прошлого года газовые работники в Лондоне отказались от работы вследствие того, что одна из компаний не захотела вторично принять на службу одного отставленного ею рабочего. Перспектива жить ночью в таком городе, как Лондон, без освещения не могла, конечно, понравиться лондонским джентльменам. Рабочие были преданы суду, и некоторые из них были приговорены к тюремному заключению за «заговор» (conspiracy), который в данном случае заключался в подговоре примкнуть к стачке.

Для того, чтобы понять всю гнусность и все безобразие этих преследований, читатель должен вспомнить о той путанице, которая господствует в английском законодательстве. В Англии существует множество законов, формально не отмененных, но вышедших из употребления, и такие законы считаются всеми за отмененные. К числу этих законов принадлежит также закон о «conspiracy». Если бы этот закон применялся, то тогда не была бы возможна ни одна стачка.

Нельзя же устроить стачку из громадного количества работников, не сговорившись наперед, не разъяснивши дела тем, кому оно неясно, не убедивши колеблющихся. Для всех было ясно, что закон о «conspiracy» в настоящее время — анахронизм.

Не успело еще улечься волнение, вызванное между английскими рабочими этим безобразным применением легальности, как такой же случай повторился в начале мая в одном из графств. Мировой судья, на основании того же закона, присудил к 10-дневному тюремному заключению с принудительной работой 16 женщин (две из них имели грудных детей) за то, что они убеждали

земледельцев, нанятых фермером, пристать к стачке их мужей и отцов.

Применением этого закона свободолюбивая английская буржуазия показала, что и она не пренебрегает ничем, когда дело идет о преследовании рабочих.

Видя, как буржуазия старается облечь свое насилие в легальные формы, можно подумать, что легализм есть предел, за который не переходят буржуазия и ее правительства.

Такая мысль тем более естественна, что легальный строй создан самой буржуазией: она издает законы, она же приводит их в исполнение, следовательно, ей, повидимому, нет и нужды действовать на почве нелегальной. Все, что для нее выгодно, может принять легальную форму. Вообще это так, и большая часть современных законов не что иное, как облеченное в определенную форму насилие. Но бывают отдельные случаи, когда это невозможно сделать, именно тогда, когда закон может быть обоюдоострым, т. е. когда он может поразить как пролетариат, так и буржуазию. В таких случаях может быть закон очень благоприятный и для пролетариата, но он, конечно, применяется только для буржуазии; когда же дело идет о пролетариате, то он просто нарушается самым бесцеремонным и грубым образом.

Так, 12 марта настоящего года «честное» правительство итальянского короля разогнало секцию Интернационала в Мирандоле, где должен был собраться конгресс Итальянской федерации Интернационала, и член ее Често Черетти[22] арестован. Вследствие этого конгресс должен был переехать во Флоренцию, где он и был открыт 15 марта. Но на следующий день вечером были арестованы и закованы в цепи Карло Кафьеро[23], Энрико Малатеста[24], Андреа Коста, Франческо Кьявини[25] и Альчесте Цаджали. У многих членов конгресса были произведены обыски, не давшие, как и следовало ожидать, никаких результатов. И все эти насилия делались без малейшего законного повода, с единственною целью помешать состояться конгрессу Интернационала, который не запрещен в Италии.

Того же разряда факт представляет дело о преследовании рабочего календаря в Австрии. 22 декабря прошлого года в Вене был издан рабочий календарь. 4 января он был арестован, как сочинение, в котором нарушены законы о печати. По австрийским законам суд должен через 8 дней или вновь подтвердить конфискацию, или взять ее назад. В данном случае это не было сделано. Кроме того, в разных городах Австрийской империи были произведены обыски у рабочих, которые успели купить себе календарь до конфискации, и, где он был найден, его конфисковали. Это прямо противоречит 37-му параграфу австрийской конституции, по которому книга, попавшая до конфискации в руки третьего лица, не может быть конфискована...

Точно так же недопущение социально-демократического де-

путата Бебеля в германский рейхстаг, о котором сказано в третьей главе предыдущей летописи, есть нарушение основ конституционного права. Все 11 000 человек, выбравших Бебеля, лишены представителя в рейхстаге, лишены самым нелегальным образом, потому что закон определяет, в каких случаях гражданин не может быть представителем народа. Случай с Бебелем не подходит под этот закон, а между тем его фактически лишают возможности отправлять обязанности депутата.

Почему же поступило в приведенном нами случае так неконституционно итальянское правительство, у которого верность конституции вошла в привычку? Почему австрийские чиновники, обязанные только исполнять закон, поступили так противозаконно с книгой, в которой защищались интересы рабочих? Почему, наконец, германский парламент нарушил права одного из своих членов, который, правда, социал-демократ? Ответ ясен: если конституция и законы пишутся для рабочих, то только для того, чтобы притеснять их, а никак не для того, чтобы их защищать. И если во всех этих случаях правительства поступали против буквы законов, то зато совершенно согласно с общим духом законодательства. Да, эти факты обнаруживают всю ложь буржуазного легализма или доказывают, что дело вовсе не в легализме, а в борьбе буржуазии с пролетариатом, эксплоататоров с эксплоатируемыми, из которых первые пользуются всеми доступными им средствами для того, чтобы сохранить возможность эксплоатировать последних. Для этого они создают правительства, вооруженные целыми системами законов, а если одних законов недостаточно, то они прибегают к грубой силе, находящейся в их распоряжении.

Все приведенные факты представляют отрицательную сторону отношения правительства к рабочему классу. Это — ряд преследований, ни на чем не основанных, ряд насилий, ничем не вызванных, одним словом, это настоящая война, война на жизнь и смерть между буржуазией, в лице правительств, и пролетариатом. С одной стороны организованные, вооруженные силы, с другой — безоружные, дезорганизованные массы, побуждаемые к борьбе единственно голодными желудками. Конечно, победа при таких условиях должна быть на стороне буржуазии, а пролетариату приходится только от времени до времени вспоминать старый возглас Бренна[26]: «горе побежденным!» Но в отношениях правительства к рабочим есть и положительная сторона. Как полководцу победоносного войска часто приходится принимать меры для защиты побежденного народонаселения от излишней алчности отдельных воинов для того, чтобы уж чересчур не раздражить побежденных, так и в социальной войне правительства бывают иногда принуждены останавливать законами излишнюю жадность отдельных эксплоататоров, чтобы не подвергнуть опасности весь строй, основанный на эксплоатации. Эти законы, из-

даваемые для защиты пролетариата, чрезвычайно интересны. По ним мы можем судить, до каких ужасных, невероятных размеров может доходить эксплоатация человека человеком.

В настоящем году подобный закон был издан в Дании для защиты детей, работающих на фабриках. Содержание закона следующее: Дети моложе 10 лет не могут работать на фабриках и в мастерских; дети от 10 до 14-летнего возраста могут работать только 6½ часов в день с остановкою по крайней мере в ½ часа во время работы. Работа должна начинаться не раньше 6 часов утра и не должна кончаться позже 8 часов вечера. Мальчики от 14- до 18-летнего возраста могут работать не больше 12 часов в день, причем работа и в этом случае должна начинаться не раньше 6 часов утра и кончаться не позже 8 часов вечера. В продолжение этого времени дети должны иметь два часа для еды, из которых ½ часа — раньше 3 часов пополудни.

Такие-то законы издаются для *защиты* рабочих классов! Десятилетние дети должны работать 6½ часов, а 14-летние мальчики 12 часов! Двенадцать часов физического труда слишком много для взрослого человека, а в Дании закон, изданный для защиты рабочих, заставляет столько работать детей.

Но датский закон еще из лучших; а что сказать о законе, изданном в январе настоящего года версальскою палатою? По этому закону дети моложе 10 лет не должны работать на фабриках, от 10 до 12 могут работать не больше 6 часов. В продолжение этого времени должна быть пауза в 1 час. Мальчики 12 лет и старше должны работать 12 часов в день! Работа должна происходить между 5 часами утра и 9 часами вечера.

И такие законы издаются в то время, когда в других странах взрослые рабочие работают гораздо меньше, когда американские рабочие поставили себе целью добиться 8-часового рабочего дня по всем отраслям промышленности для взрослых рабочих! Этими постановлениями буржуазия возводит в закон, в свое право факт эксплоатирования рабочих до полного нравственного и физического истощения. Мы не должны, кроме того, забывать, что эти законы изданы для защиты рабочих; легко себе представить, каково было положение детей на фабриках до этих законов.

Да, положение пролетариата до того бедственно, что сама буржуазия начинает задумываться над этим вопросом. Она начинает побаиваться, что ей придется остаться без способных работников, потому что кто помоложе и посильнее, тот пользуется первым удобным случаем, чтобы уйти из страшного ада, который представляет из себя всякая фабрика в Европе. Эмиграция увеличивается не по дням, а по часам, и ей не предвидится конца. В ужасе своем буржуазия начинает придумывать меры, которые удержали бы народ от эмиграции, но, конечно, меры эти, всегда нелепые, могут только еще больше увеличить то зло, против которого ведется борьба. Так, французский ученый Фюстэ[27],

производивший исследования об эмиграции по поручению французского министра внутренних дел Гуляра[28], предлагает удерживать молодых рабочих дома репрессивными мерами, т. е. попросту не пускать из Франции. Нелепость и нецелесообразность таких мер понял даже прусский министр Эйленбург[29], когда ему пришлось задуматься над громадными размерами эмиграции из его отечества. В своей речи, произнесенной в палате депутатов по поводу эмиграции из Пруссии, Эйленбург открыто признает несовременность и бесполезность репрессивных мер. Что же он предлагает? «Мы должны,— говорит он,— заботиться о поднятии индустрии, о дорожном деле вообще, о постройке железных дорог, каналов, введении машин в земледелие и т. п...»

В этих словах министра заключается вся буржуазная экономическая мудрость и вместе с тем смертный приговор современному общественному строю. Современному правительству никаких иных мер принимать нельзя, не изменяя своему назначению, не уничтожая себя, а принимать эти меры значит способствовать развитию капиталистического производства; значит еще более концентрировать капиталы в руках незначительной группы эксплоататоров; значит довести современные экономические бедствия до более высокой степени; значит, наконец, довести противоположность между классами до крайних пределов, и единственный хороший результат, который могут повлечь за собою подобные меры, это — ускорение социальной революции.

А сама современная буржуазия, по нравственным силам, в ней заключающимся, не в состоянии отдалить от себя этот грозный момент расплаты. Самое бесцеремонное мошенничество настолько проникло во все ее сферы, что высказывается ежегодными биржевыми кризисами и скандалами, доходящими до невероятных размеров. Мы посвятим в одной из ближайших книжек нашего журнала особенную статью интересному генезису этих «денежных» кризисов и образцовых мошенничеств денежных феодалов, как весьма наглядной иллюстрации внутренней гнили буржуазной цивилизации[30]. Теперь же ограничимся краткими указаниями на несколько скандалов, следовавших один за другим в разных странах мира, как бы в доказательство, что нравственность биржевых царей и респектабельных эксплоататоров общества везде одинакова.

Известно, что теперь царствует во всех цивилизованных государствах не какая-либо политическая партия, не какой-либо кружок государственных деятелей, а биржевые феодалы. Нет такого элемента в буржуазной жизни, который находился бы вне влияния «финансовых царей», стоящих во главе разных биржевых и промышленных предприятий. Пресса у них на жаловании, буржуазия преклоняется пред ними; пролетариат у них в рабстве. Сами правительства — или их соучастники, или подкуплены ими. Эпоха Второй империи была золотым веком для бирже-

вых мошенников во Франции, и кто же в настоящее время не знает, что в числе этих мошенников были сам глава правительства и важнейшие сановники? Впрочем, еще недавно, в феврале настоящего года, Франции представился случай еще раз убедиться в том, что представляют из себя ее сановники.

В январе несколько акционерных обществ были обвинены в мошенничестве, а в феврале были арестованы члены административного совета одного из этих обществ, именно «Промышленного общества» (Société industrielle). Члены эти — бывший министр торговли Лефевр-Дюрюфле [31], маркиз Радепон, бывший префект Рандоэн. Граф Катлаген, бывший префект, также член административного совета этого общества, спасся от ареста бегством. Для героев императорской Франции было недостаточно поприще для грабежа, предоставленное законом; им нужно было прибегать к простому мошенничеству.

Но не будем несправедливы ко Второй империи: она была не хуже всякого другого правительства, или, лучше сказать, никакое другое правительство и никакие другие правительственные лица не могут быть в настоящее время лучше ее. Правительство американской республики — самое совершенное из известных нам правительств, а между тем нравственная испорченность господствует в нем в страшных размерах, нисколько не меньше, чем во Второй империи. На то оно правительство.

18 февраля следственная комиссия, назначенная вашингтонскою палатою депутатов для исследования основательности обвинений в продажности, взводимых на некоторые правительственные лица, представила свой доклад. Из него оказалось, что член палаты депутатов Окс Эмс [32] продавал [33] земли своим товарищам депутатам и секретарям «Движимого кредита» (Credit mobilier) по чрезвычайно низкой цене с тем, чтобы они подавали голос за проекты, благоприятные железнодорожной компании Union pacific Railway (для соединения Атлантического океана с Тихим), находящейся в теснейшей связи с этим кредитным обществом. В числе подкупленных таким образом находился и бывший вице-президент Соединенных Штатов Кольфакс [34]. Этим же следствием доказано, что генерал Дикс, в бытность свою посланником в Париже, взялся устроить заем для Union pacific Railway, за что получил от компании 50 000 долларов. Но займа он не устроил, а деньги все-таки оставил у себя.

Если мы теперь от республики снова перейдем к империи, но уже не к империи декабрьских разбойников, а к новосозданной священной империи Вильгельма и Бисмарка, к империи, имеющей нахальство кичиться неподкупностью своих чиновников, то мы там увидим все то же: ту же алчность к деньгам у лиц, стоящих на самых высших ступенях общественной лестницы, ту же продажность сановников, стоящих у самого подножия трона.

В заседании палаты депутатов 7 февраля Ласкер [35] произнес

речь, в которой он, на основании несомненных документов, доказал, что тайный советник Вагенер [36], имеющий личные доклады у императора, пользуясь своим положением, получил концессию на постройку железной дороги, концессию, за которую он потом взял 20 000 талеров и, кроме того, сбыл все подписанные им акции, которые по низкому курсу могли причинить ему убыток. Кроме того, Ласкер обнаружил, что князь Путбус получил за свою концессию 100 000 тал., что герцог Бирон должен был получить 50 000 тал., и если он остался на бобах, то это уже не его вина. Тут же обнаружилось, как министерство торговли в продолжение многих лет покровительствовало мошенническим проделкам железнодорожного строителя Штрусберга, одной из тех личностей, которые начинают свою карьеру без гроша в кармане, но в весьма короткое время делаются миллионерами. После Ласкера такие же разоблачения были сделаны и в других местах Германии: в Брауншвейге, Гессене, Дармштадте и т. д.

Но какой же результат этих разоблачений? — спросит, может быть, читатель. Были, по крайней мере, эти господа достойно наказаны?.. О нет, далеко нет! Администраторы «Промышленного общества» выпущены на поруки; из всех подкупленных американских сановников только Окс Эмс и еще некий Брукс [37] были наказаны порицанием их образа действия палатою, а остальные не подверглись даже и этому наказанию. Что же касается до Вагенера, то еще неизвестно, к чему придет правительственная комиссия, назначенная для исследования его дела; но уже то известно, что князь Бисмарк поспешил тотчас после ласкеровских разоблачений сделать ему визит, чтобы показать миру, как мало то обстоятельство, что Вагенер оказался вором, мешает ему быть столпом Германской империи. Да, все это весьма естественно, ибо если правительства вздумали бы строго относиться к подобным проделкам, то это значило бы некоторым образом уничтожить самих себя.

По драматичности и громадности потрясения, по интересной в социально-патологическом отношении иллюстрации биржевых нравов, все предыдущие скандалы бледнеют перед великим разрушением (Grosser Krach), совершившимся в Вене в мае нынешнего года. Но именно потому, что он принадлежит маю месяцу, он выходит из пределов этого очерка.

Довольно и предыдущего для того, чтобы читатель мог оценить нравственные элементы, которые могли бы быть противопоставлены руководящими классами современной буржуазии раздражению рабочих, вызываемому и притеснениями правительств, и бессовестной эксплоатацией пролетариата капиталистами. На страницах предшествующей Летописи читатель мог видеть, что̀ *растет* и как растет в современном обществе. В очерках хаоса буржуазной цивилизации, набросанных здесь, он может видеть, что̀ *разрушается* и как оно разрушается...

Окончательное столкновение между растущею силою и разрушающимся порядком становится с каждым годом, с каждым месяцем неизбежнее. Социальный переворот в той или другой форме есть вопрос времени, и времени не особенно долгого — в историческом смысле, конечно...

ХАОС БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

Наша вина пред читателем. — Наше исправление. — Просцениум политической комедии последнего времени.

Очень ли сердился ты, читатель, на нас за то, что «Вперед» не говорил тебе в последней книжке о политике: о политике «железного канцлера» в Германии и «честного» маршала, предводителя партии «нравственного порядка» во Франции, о политике высокопочтенного Гладстона или не менее высокопочтенного Дизраэли, о политике «республиканца» Серрано и защитников священного права королей в рядах карлистов [38], о политике «несчастного заключенника» в Ватикане [39], о политике «оклеветанных» честных бонапартистов в Чизльгорсте [40], и мало ли, мало ли о чем столь же интересном и значительном в историческом отношении?.. Если ты не сердился на наше молчание, то ты, пожалуй, нахмуришься, читая эти строки, находя, что мы даем в нашем журнале место пустякам. Если же сердился, то... вот тебе они: любуйся, наслаждайся. Вот тебе Бисмарк и Мак-Магон [41], и Пий IX, и как там они все называются. Посмотри, как гниет эта громадная масса, с виду такая блестящая, которая называется европейским политическим строем. Нюхай эти тлетворные испарения, которые поднимаются ото всех этих движущихся трупов, из всех этих зияющих язв. Прислушайся к трескотне либеральных, либерально-консервативных и консервативных речей, к жужжанию всех этих навозных мух, к блеянию всех этих баранов. Постарайся составить сколько-нибудь стройное целое из сталкивающихся элементов этого хаоса... Любуйся! Наслаждайся!

Конечно, мы не станем перебирать все замечательное, совершившееся за это время, все характеризующее гниль и бестолковость политики настоящего времени. Мы возьмем лишь некоторые черты, некоторые самые замечательные, самые характеристические особенности... И их очень, очень довольно...

Две громадные силы старого времени, церковь и государство, вступили в публичную борьбу, обнаруживая, как бы для удоволь-

ствия зрителей, всю стройность настоящей цивилизации, с ее остатками римских и средневековых форм, с ее либеральными заплатами на разваливающейся порфире старых императоров, с ее лицемерными возгласами о религии и нравственности, о порядке и легальности.

Создана новая, невиданная и неслыханная форма правления, и в продолжение целого года передовая страна мира дает современникам даровое зрелище небывалых гимнастических упражнений на конце шпаги, именно борьбы партий за политическую власть, причем ни одна из этих партий не имеет никакой определенной программы, не в силах заведомо для себя самой осуществить ни одного из своих желаний, и все они находятся в противоречии с тем, что принято называть интеллигенциею страны.

Происходил публичный суд, на котором до очевидности ясно обвинен и осужден не только один человек, но осуждено целое общество в тех его представителях, которые считались до сих пор если и несколько грубыми ташкентцами, то, по крайней мере, горячими патриотами, по крайней мере, смелыми и искренними специалистами в своем военном деле.

Слезы умиления, поэтические восторги, пламенное красноречие, пышные пиры имели место в виду Европы, с сочувствием самых респектабельных и интеллигентных классов, из-за того, что достиг совершеннолетия сын грязного и безнравственного цезаря, который в продолжение двадцати лет представлял Европе изящную картину спекуляторства и наглого обмана и кончил тем, что отдал свое государство на разграбление хищному соседу, не имея смелости прикрыть свой позор даже какою-нибудь театральною выходкою. Они имели место по поводу царственных юбилеев, царственных браков, царственных поездок и т. д. и т. д.

Кабачники и церковники вступили в союз, чтобы свалить министерство в самой свободной стране Европы, причем новое министерство отличается от старого... неизвестно чем.

Целый год идет резня в другой стране Европы между двумя партиями при полном безучастии большинства страны к тому, кто, наконец, будет ее правителем и будет ли она называться республикою или королевством...

Кажется, довольно всех этих красот. Читатели знакомы, конечно, с фактами. Мы постараемся лишь разъяснить их хаотическое содержание.

I

Галлюцинация религиозных вопросов. — Нелепость христианского государства. — Четыре типа христианства. — Как же уживались? — Следствия разрушения политического идеала. — Усиление бестолковости вследствие поднятия национального вопроса. — Папа Пий IX. — Отчего именно теперь раскол? — Широкий план клерикалов. — Слабость либерализма. — Балаганная пьеса реставрации старого режима. — Шамбор и его знамя. — «Борьба за цивилизацию» в Германии. — Маскарад партий. — Присяга о шпионстве. — Митинг в Англии. — Религиозная борьба в Швейцарии. — Агитация французских епископов. — Кто и как может решить вопрос?

Когда читаешь газеты и журналы за последнее время, то иногда приходится с недоумением взглянуть на дату издания: не попался ли случайно в руки листок, писанный тому два, три века назад? Может ли быть, чтобы после века энциклопедистов, после Вольтера, Гольбаха[42], Юма[43], после революции, провозгласившей религию разума, после спокойного исторического разбора религий, как продуктов мысли полудикого, полусознательного человека, после идеалистов, улетучивших все догматы, после Конта, Штрауса и Фейербаха, после столько раз повторенного заявления о всеобщем религиозном индифферентизме, о законе, не знающем бога, о государстве-атеисте, — возможно ли, чтобы после всего этого серьезные люди посвящали время и заботы отношениям церкви к государству, вопросу о догмате незапятнанного зачатия и непогрешимости господина Мастаи[44]? Возможно ли, чтобы парламенты волновались из-за вопросов о церкви, чтобы от этого зависела судьба министерств, чтобы послание епископа делалось государственным вопросом? Возможно ли, чтобы похороны без священника или со священником составляли предмет законодательства? Возможно ли, чтобы из-за этого в республиках и империях люди не только сталкивались мимоходом, но боролись ожесточенно? Возможно ли, чтобы из-за этого возбуждались массы, двигались войска, происходили гонения, заключения, убийства? Гонение церкви в XIX веке... император-пиетист в роли Домициана... Общество для светских похорон наряду с заговорщиками... Архиепископы в тюрьмах... Священники, препровожденные за границу республиканскими жандармами в мирной Швейцарии, где франки и раппены составляют начало и конец всякой политики... Восторженная толпа плачет в церкви Парижской богоматери... Кровавое сердце христово, продукт галлюцинаций помешанной монахини XVII века, составляет символ, которым гордо украшают себя потомки Вольтера и Гольбаха... «Если не принять предосторожностей, — пишет «Journal de Genève», — то XIX век вернется к XVI и кончится религиозными войнами»... Что за вздор? Этого быть не может! Это выдумка злонамеренных социалистов, врагов современного порядка! В наше время столько реальных забот, что фантастические вопросы не могут составлять даже предмета спора... Между тем оно так.

Не знаю, как этот страшный упадок мысли объясняют историки, для которых прогресс заключается весь в пределах буржуазной цивилизации. Не могут же они закрывать глаза на нелепость подобных явлений, не имеющих ничего общего с живыми интересами современного общества. Для нас это очень просто и ясно. Старая цивилизация дошла до стенки в своем развитии, дошла до противоречия в своих собственных задачах; элементы ее, двигавшиеся вместе, пока у нее была впереди определенная цель, стали распадаться и разлезаться, как только эта цель исчезла. Они тонут, и каждый старается спастись, как умеет, не думая о друге, заботясь лишь о себе и готовый потопить скорее все и всех, лишь бы подышать еще немножко прежде окончательного потопления. Неотвратимое внутреннее противоречие старого мира вышло наружу, и в предсмертной агонии умирающая цивилизация высказывает все затаенные мысли, прежде скрытые под лицемерными приличиями, под влиянием расчета, под иллюзиями самообольщения. Не думать же умирающему о приличии и красоте своих поз.

Посмотрим внимательнее на эти невольные откровения современной цивилизации.

Вот уже более полуторы тысячи лет, — с Константина Великого [45], — как пытаются создать христианское государство, и теперь только отчасти догадались, что создать его нельзя.

В самом деле, все типы христианства вообще — а таких типов было немало — шли в разрез с самым понятием о государстве и тем более с понятием о новейшем государстве.

Первый тип христианства был — отречение от всего мирского, от закона цезарей и от отечества, для царства божия, которое вот-вот должно наступить во времена апостольские, но — не наступило. В этом смысле христианство презирало государство.

Второй тип — установление церкви, как высшей общественной формы, которой должно подчиняться все остальное. Церковь связывала людей по их верованиям, независимо от подданства, независимо от гражданского правительства, требовала преследования и казни самого верного и полезного чиновника, если он еретик, считала дозволенным и обязательным сношения с самыми заклятыми врагами отечества, если они были единоверцы, а правительство склонялось к еретичеству, свободомыслию или даже терпимости. Именно этот тип христианства и составлял предание католицизма, и само собою ясно, что он противоречил самым элементарным понятиям о государстве.

Третий тип был, повидимому, совсем во вкусе правительств. Он требовал признания властей существующих и покорности во что бы то ни стало. Именно об этом типе писал Дицген [46] («Volksstaat», 1 апр. 1874 г.): «Недавно назвали христианство религиею блаженства в лакействе (Knechtseligkeit)». Это, действительно, самое удачное обозначение. Конечно, всякая религия блажен-

ствует в лакействе, но христианство есть религия наибольшего блаженства в лакействе из всех религий этого сорта. Таков тип православного христианства, лизавшего сандалии византийского императорства, как оно лижет ботфорты императорства петербургского; таков тип англиканского епископализма и в значительной степени лютеранства. Казалось бы, повторяем, что это христианство в духе правительств, но это еще не значит, что оно может создать государство. Оно создает рабов, лакеев, но не граждан, не защитников закона, не беспристрастных судей, не личностей, способных стоять за что бы то ни стало. Терпеть и подчиняться всему, что встретится, терпеть власть иноплеменника, как власть народного правительства, подчиняться беззаконному начальнику настолько же, как буквальному исполнителю закона, покоряться воле коронованного самодура, вовсе не обращая внимания на то, что заключается в этой воле, — это, может быть, весьма приятно для власти, но вовсе не укрепляет государства и не согласно с его задачами. Особенно новый тип государства, как царства безличного закона, как воплощения общественного блага путем законодательства и администрации, уже совсем этому противоречит.

Наконец, четвертый тип христианства, который мы здесь упомянем, есть тип личности, ставящей свое личное религиозное убеждение выше всего. Это, в сущности, самый чистый тип религиозного человека вообще и заключает лучшие экземпляры верующих всех времен и народов. Но и он, по этой самой сущности, противоречит идее подданного, подчиненного власти правительства, идее гражданина, ставящего выше всего закон, идее патриота, жертвующего всем отечеству, идее чиновника, слепо исполняющего приказания администрации, идее судьи, для которого нет ничего, кроме объективного факта преступления и наказания, словом — всем государственным функциям.

Короче, государство, состоящее из истинно верующих христиан, немыслимо, противоречиво. Они должны или пренебрегать всякими мирскими делами, или подчинять все государственные интересы интересам церкви, или смиренно допускать совершения всякого беззакония, или восставать ежеминутно противу законного порядка и администрации во имя цитат Второзакония или Апокалипсиса, во имя непосредственного откровения духа святого, на них сошедшего, или во имя нового пророка, нового апостола, нового Христа, им посланного.

Как же уживались с ними государства, особенно в новое время? Очень просто. Истинно верующих всегда было мало. Большинство ставило всегда мирские интересы выше всяких сверхъестественных. Библия и царство божие составляли всегда лишь декорации для настоящей жизни. Подданные воображали себя христианами. Государственные власти, не встречая сопротивления в религиозных верованиях, не находили нужды мешаться в эти дела. Истинно убежденные, истинно верующие в последние века

встречались преимущественно в рядах еретиков, а их согласно преследовали: церковь — как отступников от догмата, государство — как нарушителей полицейского благочиния, общество — как нарушителей общественной рутины, общественного равнодушия. Лакейские натуры с радостью прибегали в лоно «религии лакейского блаженства». Все шло, как по маслу.

Кроме того, по мере того как капитализм в промышленности, в биржевых оборотах стал господствовать над всеми элементами общественной жизни, над всеми событиями истории, государство и церковь стали одинаково одним из элементов этого легально-промышленного строя. Церковь, как дольщица в бюджете, была заинтересована в поддержке государства; как обладательница значительных имуществ, была заинтересована в эксплоатации своего капитала и в охранении этой эксплоатации легальными формами. Государство было очень довольно, что имеет в церкви централизованную организацию, которая позволяет ему рассчитывать на покорность населения, пока высшие церковные власти за него, а их оно покупало жирною долею бюджета.

Так и жили в мире и дружбе эти элементы, в сущности противоречивые. Соединяла их и вражда противу революционных начал, направленных «противу церкви и престола» или «противу веры и общественного порядка». Правительства гордились названием защитников веры. Церковь заискивала в этих крепких охранителях ее влияния, в этих щедрых распорядителях бюджетов, в этих могущественных центрах судебной и административной власти. Политический идеал крепкой законной власти, опирающейся на администрацию, на церковь, на полицию в борьбе со внутренними и внешними противниками, казалось, обещал долгий мир и союз государства, считавшего себя «видимым богом», и церкви, дорожившей остатками значения, подкопанного скептицизмом и наукою.

Но политический идеал оказался в последнее время непрочною фантазиею. Дипломатические договоры стали крайне ненадежною охраною границ; присяга и законная власть столь же мало могли оградить существование правительств. Общество не есть только государство, — стали говорить с разных сторон. Старый мир легальных форм одряхлел. Государство, потеряв прежнюю почву под ногами, стало искать новой. Церковь, потеряв веру в прочность государственной опоры, стала относиться презрительно и враждебно к своему прежнему союзнику. Если государство не есть все общество, — говорила она, — если государство теряет свой ореол, то не могу ли я сделаться главною общественною силою, не могу ли я привлечь к себе людей, разуверившихся в политических идеалах?

Как только произошло это разочарование в прочности старого государственного идеала, как только церковь вздумала стать самостоятельною силою и обратить религию в самоновейшую ма-

шину для господства над народами, стали происходить едва вероятные галлюцинации в истории Европы.

Государства оставляли за собою покровительство двум-трем признанным религиям, даже допускали существование государственной религии, но говорили гордо о терпимости, о свободе совести, даже о законе, не знающем бога. Стремились подчинить себе служителей церкви и не смели обойтись без них ни для одного государственного торжества, ни для одной церемонии, славившей христианского бога за всякое побоище.

Церковь объявляла, что она есть прогресс. Католические духовные отожествляли христианство с революцией. Социалисты видели в христианстве свой прототип и создавали «новое христианство». И в то же время в папских энцикликах отрицались огулом все основы новой цивилизации, все задачи нового общества. Эти бестолковые отношения стали еще бестолковее, когда в последнее время государство и церковь вздумали опереться на принцип, прямо противоречащий началам как государственным, так и церковным, именно на принцип национальности. Государство, как единица политическая, легальная, подрывало само себя, обращаясь к началу, чуждому всякой легальности и объединенному чисто культурными формами языка, быта, привычек. Религия, которая, по сущности, объединяла всех одинаково верующих, независимо от происхождения и форм жизни, точно так же подрывала свою сверхъестественную основу, опираясь на случайность исторического разделения народностей. Между тем политические начала были уже так непрочны, что государства ухватились за национальность, как за единственный живой источник своей поддержки. Церковь была так мало уверена в своем догматическом влиянии, что воспользовалась, где могла, национальными антипатиями.

И спутанность мысли в буржуазном обществе так усилилась, что либеральные политики, потеряв веру в свои политические формулы, стали возбуждать национальное соперничество, опираться на догматические различия; стали из-за призрака патриотизма поддерживать правительства, против которых вчера боролись; стали из-за политических целей поддерживать церковные притязания и борьбу сект, над которыми вчера смеялись во имя науки и просвещения. Эта эпидемия национальной вражды проникла и в лагерь социализма: как утописты тридцатых годов прославляли воображаемое христианство, забывая, что осуществление реальных потребностей в новом мире не имеет ничего общего с религиозными иллюзиями прежнего времени, так новые псевдосоциалисты кричали против жидов и немцев, забывая, что национальный раздор есть худший противник международной борьбы труда против его эксплоататоров. Идеи противоположности политической, религиозной, экономической, национальной смешались, наконец, в такой хаос, что теперь никто из политиков буржуазии и их бессознательных последователей уже не знает, которая из

этих противоположностей есть основная и которая второстепенная; которая должна и может иметь историческое значение и которая составляет лишь незначительное разногласие для современных деятелей. Совершенно случайно, под влиянием минуты, получают первостепенное значение весьма маловажные различия. Совершенно неожиданно знамя одной партии переходит в руки другой. В среде католицизма, сущность которого есть иерархическое единство, происходит раскол, и обе секты, старокатоликов [47] и новокатоликов, одинаково считают себя католиками. Клерикалы предлагают либеральные законы, в противоречие со всеми положениями папской энциклики и, конечно, с согласия папы, а либералы отвергают эти законы, которые вчера сами защищали. Та же газета, которая во имя различия национальностей восставала вчера против присоединения французского города к Германской империи, чуть не требует казни для человека, сказавшего, что итальянская Ницца должна принадлежать Италии. Тот же оратор, который находит совершенно естественным, что немецкий епископ ставит интересы папы выше интересов немецкой империи, нашел бы возмутительным, что французский пастор ставит религиозную связь протестантов выше политической связи французов, и т. д. и т. д.

Если читатель уяснил себе, что хаотическое смешение понятий составляет логику теперешних общественных отношений буржуазного мира и, за потерею прочного чисто политического идеала прежнего времени, все общественные группировки — национальная, церковная, экономическая — заявляют в этом хаосе одинаково право на первое место, то он не удивится следующей комбинации событий.

Папа Пий IX, бывший кардинал Мастаи, о котором его товарищи когда-то говорили, что в его доме даже кошки либеральны, стал уже давно представителем крайней партии католической реакции. На зло научной критике, философскому скептицизму и общественному индифферентизму в вопросах религиозных он решился, под влиянием своих советников, поддерживать идеал папства, каким он был в средние века, буквально проводить в жизнь программу католической теократии. В 1854 г. он объявил догмат непорочного зачатия мадонны; в 1864 издал свою знаменитую энциклику и не менее знаменитый силлабус, ее дополняющий. И тут епископы и католический мир не думали противиться программе, провозгласившей не только самостоятельность церкви, но полное господство ее над государством, отрицание всякой терпимости относительно иноверцев, всякой свободы мысли, всякой самостоятельности мирян и духовенства пред решениями папы. В 1870 году Пий IX объявил себя непогрешимым. Программа эта, при всей ее дикости, имела огромное достоинство последовательности и простоты. В то время как все борющиеся общественные партии хватают со всех сторон куски идей разного времени и разного

направления, чтобы путем уступок составит себе нечто в роде программы, католицизм делает все логические выводы из одного узкого средневекового представления, не заботясь нисколько о его противоречии с настоящим миром, и удивляет слабодушных, уступчивых современников тем, что не идет на компромиссы. Конечно, представители его не могут иметь искреннего убеждения, кроме папы, впавшего в старческое детство; смотрят на эту программу, как на орудие борьбы, но, при современной дряблости характеров, всякое прямое и решительное заявление имеет большую привлекательность.

Если бы можно было чему-нибудь удивляться в бестолковом хаосе современных идей, то нельзя было бы не удивиться, что заявление папской непогрешимости вызвало раскол в католицизме. Считающие себя верующими католики не возмущались ни одною из нелепостей общих догматов всех господствующих церквей христианства, не возмущались догматом непорочного зачатия, который подвинул этот нелепый мир еще на один шаг далее, не возмущались энцикликой и силлабусом, хотя эти произведения, проведенные в жизнь, сделали бы решительно невозможною для католиков всякую общественную и политическую деятельность в современном обществе. Но провозглашение папы непогрешимым дало начало секте *старокатоликов,* допускающих все, что угодно, но не это.

Чем догмат непогрешимости папы хуже и нелепее какого-нибудь другого догмата, — сказать трудно. Но, повидимому, причина заключалась в том, что несколько лет еще тому назад папа имел сильную опору во Французской империи, особенно же в императрице, надеялся на Австрию, знал, что старый пиетист, король прусский, весьма неохотно станет действовать против представителя религиозных начал, хотя бы и католических, имел поддержку и в Изабелле Испанской [48], так что несогласные в католическом мире могли опасаться, что встретят преследование у всех правительств. В 1870 г. положение дел совершенно изменилось. Империя французская рухнула, и с последним французским солдатом, вышедшим из Рима, пала всякая возможность для папы удержать за собою Рим. Владение Пия IX ограничилось Ватиканом. В Испании не было более Изабеллы. Австрия стала под руководство новой Германской империи, а эта самая империя, придавшая своей борьбе с Франциею в значительной степени характер борьбы за протестантизм противу католичества и противу неверия, не находила уже нужным церемониться с католицизмом Рима. Италия, само собою разумеется, не имела повода стоять за папу. Словом, тот, кто хотел свою честолюбивую игру за влияние и за жизненные выгоды прикрывать религиозною маскою, мог не опасаться теперь, что его станут преследовать правительства, если он опротестует *непогрешимость* папы.

Вот и начались протесты. Явилось духовенство старокатоли-

ков, соборы старокатоликов (на них присутствовали и представители нашего императорского православия, посылая, вероятно, в Петербург в цензуру все свои речи). Во Франции, в Германии, в Швейцарии вопрос об этом новом расколе наполнял газеты, волновал умы. Взаимные обвинения в ереси гремели с кафедр, вызывали обширную полемическую литературу. Между тем разница между двумя учениями столь ничтожна, что один швейцарский негоциант мог безопасно назначить довольно значительную премию тому, кто докажет, что старокатолики юрские отступают в своем учении сколько-нибудь от ортодоксальной доктрины римской церкви. Тем не менее эта ничтожная разница была раздута в европейский вопрос. В какую церковь пустят старокатоликов? Как отнесется к ним баварский король? Примет ли император германский их немецкого епископа? Что скажет этот епископ? Все это составляло важное дело в 1873 году.

И религиозный вопрос стал орудием для довольно обширной комбинации политического сорта. Французские и испанские легитимисты, немецкие консерваторы, австрийские националисты и католические духовные разных стран были употреблены как орудие для осуществления следующего плана. Предполагалось ни более, ни менее, как восстановление во всех государствах власти партии, защищающей самые отсталые принципы в Европе и отрицающей все «великие начала» либерализма. Во Франции поставить Шамбора, в Испании Дон-Карлоса, в Германии свергнуть Бисмарка, образовать сильную клерикальную оппозицию, затем под знаменем Шамбора и Дон-Карлоса раздавить все правительства, которые вздумали бы сопротивляться этому романтическому плану, возвратить Италию папе и во славу пречистой девы, незапятнанно родившейся, под руководством непогрешимого наследника Петра, наместника божия, восстановить все прелести «старого режима».

Вы скажете, что это проект сумасшедших, что он нелеп в самых основаниях, что многочисленные либеральные партии, опираясь на ненависть народов к старому порядку, не дозволили бы это сделать. Да, *если бы* либеральные партии имели программы, *если бы* в своих либеральных началах они были последовательны, *если бы* между ними и массами существовало теперь какое-нибудь доверие, то, конечно, этот проект был бы нелеп. Он тогда и не явился бы. Теперь же этого всего нет. Либеральные партии не имеют и не могут иметь *ясных* программ, потому что из всякого *ясного* пункта либеральной программы глядит призрак прав народа, которые теперь означают права рабочих, следовательно, экономическую ликвидацию, следовательно, социальную революцию, следовательно и т. д. и т. д. Либеральные партии не могут даже опираться на теоретическую критику, на оппозицию мысли против церкви, потому что и тут следствия очень опасны. Дело идет уже не о том, ходит ли земля около солнца или солнце

около земли, не о том, точно ли в семь дней создал бог мир и разговаривала ли ослица с пророком, — *свободномыслящим* христианином уже быть невозможно: все догматы христианства разбиты, его пресловутая нравственность оказалась самою глубокою безнравственностью. Приходится отвергнуть все, решительно все религиозные формы, которыми полна рутина европейской жизни, которые сжились со всем лицемерным строем нынешних государств. Никто из буржуазных политиков не решится начать борьбу на почве отрицания религиозных начал в обществе, в правительстве, в школах, во всех проявлениях жизни. Все они говорят о боге, все они христиане, всем им нужны церкви для благодарственных молитв и общественных торжеств. К тому же эти господа отлично знают, что отрицание религиозных преданий ведет к критике предания и в области реальных общественных отношений; они отлично знают, что наука в настоящее время требует радикального перерешения вопросов социальных, как в прошлые века требовала радикального перерешения вопросов астрономии и геологии; а критика общественных отношений, перерешение социальных вопросов... это—социальная революция. На массы опереться нельзя, когда в массах развивается организация с определенною задачею борьбы противу капитала, борьбы противу государства, борьбы противу господствующих классов, следовательно, против всей сущности либеральной партии; когда вчера приходилось ссылать и расстреливать представителей массы, борцов за ее права; вчера приходилось выбрасывать на улицу тысячи рабочих потому только, что они принадлежат к рабочему союзу... Нет, либералам невозможно теперь предпринять ни одной решительной меры противу самого нелепого средневекового начала, им невозможно искренно провозгласить и решительно провести в жизнь ни одного принципа. Очень уже они опасаются за свои карманы.

Оттого успех клерикально-легитимистского заговора зависел от случайности. Если бы Шамбор или Дон-Карлос, папа Пий IX или один из крупных представителей этих начал был человек — не скажу гениальный и весьма энергический — но стоящий несколько выше самого умеренного уровня общественных деятелей, то едва ли эти защитники давно отживших принципов не восторжествовали бы. Но уже очень, очень плохи у них люди. За неимением актеров даже третьего разряда, пьеса реставрации старого режима разыгрывается самым балаганным образом.

Тем не менее она разыгрывается и не вызывает особенно громких свистков. С кафедры палаты представителей Франции предлагают посвятить Францию пречистой деве; префекты издают указы о недозволении похорон без священников при дневном свете. В августе произошло, повидимому, слитие двух враждебных линий Бурбонов. Шамбор приготовил уже лошадь для торжественного въезда в Париж. Орлеанские принцы ездили к нему на по-

клон. Он, «сын чуда» (l'enfant du miracle), являлся таинственно в окрестности Версаля. Уже назначен был день, когда он должен был явиться в среду «республиканской» палаты и принять корону предков, которую поднесли бы ему коленопреклоненные подданные. Но все это сказалось страшным фиаско. Кто-то кого-то не понял или переврал чьи-то речи, или просто — что самое вероятное — все пытались надуть друг друга слишком явным образом. Официально в конце октября все разошлись из-за цвета знамени. И никто не был особенно удивлен тем, что судьба правительства, история государства, участь народа были совершенно явно поставлены в зависимость от цвета куска шелковой материи, от выходки полоумного политического актера. Никто не нашел это чересчур бесцеремонным фарсом или чересчур бесцеремонным оскорблением, слишком смешным или слишком возмутительным делом. Так низко в глазах всех наших современников пал вопрос о правительстве, о представительстве народа, о государстве, о народовластии, о простом политическом приличии.

В Испании пьеса продолжается и только вызывает зевоту публики. Дон-Карлос в Испании с 15 июля; он владеет уже фактически немалым куском «своего государства». Его не могли выгнать ни министерства, управлявшие под руководством кортесов, ни красноглаголивый диктатор Кастеляр, ни Серрано, поставленный во главе Испании военною революциею самого мирного свойства. Никому из них народ не верит, никто из них не может собрать даже национального войска в достаточном количестве, чтобы победить карлистов, потому что все эти партии для народа совершенно такие же враги, как Дон-Карлос. И вот Дон-Карлос назначил министров. Он собирается послать уполномоченного в Англию, и «Вестминстерская Газета» [49] объявляет, что этот посланник будет принят совершенно на тех же основаниях, как и посланник непризнанной испанской республики. Почему же и нет?*

Даже потомок кровавого португальского деспота, Дон-Мигуэля [50], воспылал желанием воспользоваться этим крестовым походом легитимистов и клерикалов противу существующего порядка. И он в какой-то газетке «заявил свои права». Мы не отчаиваемся видеть его снова на политической сцене. Чем эта букашка хуже других коронованных мокриц и клопов «божиею милостью»?

Но самую замечательную часть представления составляет «борьба за цивилизацию» (Kulturkampf), которая идет без всяких кандидатов на престол на почве Германской империи. Тут в католицизме видят врага той «славной годины» убийства и грабежа, которая зовется 1870 годом и ознаменована восстановлением империи, единством Германии и всеми политическими прелестями, от которых захлебываются журналисты и официальные

* В то время, как мы пишем эти строки, напечатана телеграмма об освобождении Бильбао и поражении карлистов, но едва ли скоро опустится занавес в этой утомительной драме.

ораторы, льют слезы умиления растроганные бюргеры за кружкою пива. Поэтому протестантизм и католицизм теперь зовут на битву, как в доброе старое время тридцатилетней войны, издают законы против иезуитов, законы противу злоупотребления власти духовенства, законы о гражданском браке, радуются тому, что три епископа посажены в тюрьму, и купаются в религиозных волнениях.

Единственная партия в Германии, здраво отнесшаяся к этому кажущемуся возбуждению религиозных страстей в XIX веке, есть партия рабочих.

«Куда ни взглянешь,—пишет орган лассальянцев,—нам представляется отвратительная картина: господствующие классы стараются воспламенить в народе религиозную ненависть; рабочие должны разрывать друг друга; надо вести католиков в битву против протестантов, старокатоликов против ультрамонтанов; «религия в опасности», «немецкое государство в опасности», — раздаются со всех сторон боевые крики.

Это совершается в Германии, где в продолжение столетия миллионы раз повторялись и были встречены с восторгом слова Шиллера: «Дайте свободу мысли!» И после того, как в продолжение столетия проповедывали терпимость, теперь позорно разжигают всеми средствами ненависть!

И какова была бы награда народа, если бы он поддался на это скандальное возбуждение? Это легко предсказать.

Важнейшие, священнейшие интересы рабочих, вопросы, от которых зависит счастье и горе наибольшей массы народа, были бы оставлены в стороне; перебранка в церковном споре была бы одна слышна, и крик бедствующего народа, эксплоатируемого капиталом, остался бы неуслышанным.

...Народ не знает, откуда достать хлеба, но ни одна из партий в рейхстаге или в ландтаге не представила ни одного предложения и не проронила ни одного слова, чтобы помочь этой нужде.

Открыто обвиняем мы все партии господствующих классов: они рады религиозной ссоре, они надеются, что рабочие теперь, в решительную минуту, забудут свои собственные интересы, свою горькую нужду в этом опьянении, чтобы в следующие три года * законодатели опять не обращали ни малейшего внимания на *вопрос желудка* для масс. Он уже теперь изгнан изо всех программ кандидатов.

И будто трудно рабочим жить рядом без религиозной ненависти? Что им за дело до частной ссоры фарисеев и книжников? Если свобода совести дана всем гражданам, без исключений в пользу или во вред кому бы то ни было, то каждый пользуется своим правом, и общество, конечно, от этого не пострадает...

Мы смотрим поэтому со спокойною улыбкою на религиозную ссору и говорим рабочему народу: внимай голосу разума, повеле-

* Статья писана пред выборами в рейхстаг.

бающему тебе прежде всего стремиться к твоему физическому и нравственному благу путем устранения эксплоатации человека человеком; не иди на самоистребление, на которое тебя хотят науськать твои эксплоататоры; предоставь твоим собратьям свободу совести, но не дозволяй никогда хитрыми уловками отнять у тебя твое *человеческое право,* продукт твоего труда».

Едва ли автор этой статьи не ошибается, видя преднамеренность в религиозном раздоре нашего времени: в нем гораздо менее расчета, чем симптома понижения мысли современного общества. Искреннее желание критически отнестись к вопросам теоретическим и практическим поблекло пред страхом, что можно этим повредить своему благосостоянию. То, во что верили во времена Лессинга и Шиллера, то, за что бились с горячим убеждением в сороковых годах около молодого Фейербаха и молодого Штрауса, того пугаются те, на глазах которых сошел только что в могилу физически разбитый Фейербах, нравственно павший Штраус. Мысль Германии ослабела, и вот агонизирующее общество лепечет искривленными параличом устами схоластические речи своих детских, неразумных лет, забыв слова и дела зрелого возраста. Общество перестало понимать реальные вопросы, оно боится их, и призраки фантастического мира его окружили. Это не преднамеренный расчет, а бред помутившегося рассудка.

Трагикомизм положения в том, что ни старый император, ни Бисмарк, ни Фальк и ни один из руководителей антиклерикальной политики не в состоянии употребить единственное рациональное средство против католического заговора, именно антирелигиозную пропаганду в школах, в народе, в литературе. Как можно! Императора едва уломали согласиться на закон о гражданском браке; министерство само себе вредило, делая чуть ли не вопрос кабинета из пункта, что духовенству «может быть» поручено ведение метрических книг, так как император именно хотел оставить за протестантскими пасторами это право. Естественно, что бороться против клерикалов на их же почве и крайне неудобно и нелепо, но такова уже судьба нынешнего государства, в особенности же Германской империи: она считает себя христианским государством по преимуществу, в виду «безбожной Франции», которую она раздавила «во славу божию», как архангел Михаил (патрон немецкого Михеля) попрал сатану. И этому-то христианскому государству, имеющему в виду воплотить невозможный (как мы видели выше) идеал, приходится еще бороться с клерикалами.

Не мудрено, что и хитроумный канцлер потерял голову. Выборы в рейхстаг произошли под исключительным влиянием забот: кто за новые церковные законы? кто против них? Одни социалисты агитировали вне всех этих схоластических вопросов, во имя рабочих интересов. Борьба врагов была им наруку; в последней книжке «Вперед» читатели могли видеть, насколько они успе-

ли, хотя выборы происходили при условиях, для них неблагоприятных. Но все усилия правительства Бисмарка и Мольтке, при всем ореоле, окружающем этих героев новой империи, не могли помешать выборам в рейхстаг весьма значительного числа клерикалов. Оно так и должно было быть, потому что при возбуждении религиозных вопросв шансы клерикальных партий всегда усиливаются, так как их приверженцев всегда удобнее фанатизировать и вести массами на выборы, чем противников клерикального начала. Но, кроме того, выборы дали весьма немалое число лиц, сочувствующих политике Бисмарка только по церковным законам, но способных стать в оппозицию по всем другим; выбору их помогало правительство, видя в них своих людей, но они оказались вовсе не своими, когда дело пошло о войске, о прессе и т. п. «Великого» канцлера хватила подагра; он дуется в своем княжеском поместье, и в печать переходят, от времени до времени, его резкие выходки в разговорах с собеседниками, выходки, вызванные неожиданной оппозицией и доказывающие, как мало уважает конституционые начала канцлер конституционной империи. Новый рейхстаг оказывается далеко не весьма удобным. Ореол великого канцлера бледнеет. Германская империя начинает давать трещины. Надо надеяться, что трещины пойдут в ширину и глубину еще скорее, чем во Второй французской империи Наполеона III...

Одна из наиболее комичных сцен этого политико-церковного фарса разыгралась в прусском ландтаге, когда клерикальная партия, на зло всем своим преданиям и в противоречие папской энциклике, стала делать самые либеральные предложения, а прежние либералы, нынешние союзники, поклонники, обожатели, лакеи Бисмарка, в пику ультрамонтанам, сочли необходимым отвергать все их предложения, хотя эти предложения составляли самую суть либеральной программы в прежнее время. Не трудно было социалистическим газетам поднять на смех растерянных либералов, брошенных хаосом современной политики в самое комическое положение.

«Комедия» борьбы за цивилизацию, — писал «Volksstaat», — становится все веселее. В то время как «либеральные» акробаты весело играли в океане бисмарковщины, коварные ультрамонтаны похитили у них все части их костюма, лежавшие на берегу, и не оставили им ни малейшей тряпки для прикрытия их наготы. В ужасе брызжут около себя растерянные «борцы за цивилизацию» и не знают, как им прилично выйти на берег, тогда как срамникиворы надели украденное платье и смеются, что им удалась их штука! В самом деле, как же вылезут теперь на берег «либеральные акробаты»? Как они влезут в свое старое платье? Вот бежит оно (старое «либеральное» платье) на спине ультрамонтанов, на брюхе ультрамонтанов, на ногах ультрамонтанов! Можно притти в отчаяние! Либеральный байковый сюртук — «всеобщее право

выбора», сослуживший такую прекрасную службу в словесной битве за новую империю, — он согревает теперь маленькую фигурку мефистофелевски смеющегося Виндгорста [51]; красивый праздничный фрак — отмена штемпеля на газеты и календари — последовал за «либеральным» байковым сюртуком. Превосходное, почти что ненадеванное пальто с жилетом и панталонами из той же материи — «отделение государства от церкви», «ответственность министров», «свобода преподавания» — имели ту же трагическую судьбу. Короче, несчастные «либералы» совершенно обобраны их коварными противниками, и ультрамонтаны весело франтят в «либеральном» костюме, который они одели для парламентской «борьбы за цивилизацию». Что за иезуиты! Немножко политического лицемерия, это—другое дело, это дозволительно. Но такая жестокая, неслыханная военная хитрость,—это превосходит всякую меру. Ну как эти иезуиты дойдут до такого иезуитизма, что вознамерятся сделать предложение — не упадите в обморок, «либералы»! — об уменьшении налогов, об облегчении военной повинности? Это, конечно, близко к государственной измене, и тут поможет, пожалуй, Штибер [52], потому что Ласкер здесь помочь уже не может».

Шпенерова газета [53] выставила противоречие предложения клерикала Бернардса [54] об отмене штемпеля на газеты, следовательно, о расширении свободы прессы, со словами энциклики, где мысль о свободе слова и печати признана «безумием», а сама свобода прессы названа «свободою погибели»; противоречие предложения Виндгорста о всеобщем праве прямых выборов с выражением силлабуса, называвшего «состоянием мрака и неразумия» мысль о господстве тем или другим путем народной воли, как высшего закона, и «заблуждением» перенесение авторитета на «численную силу и на сумму материальных средств». Но Ласкер впал еще в бо́льшее противоречие с программою либералов, говоря, что надо устранить эти предложения переходом к очередному порядку (что и было сделано). Тот же «Volksstaat» писал об этом маскараде:

«Чего хотел достигнуть Виндгорст своим предложением? Высказать отсутствие честности либерализма; показать свету, что политические шуты, ведущие борьбу за цивилизацию по приказанию Бисмарка, суть не что иное, как лакеи их реакционерного господина и владыки? И этого reductio ad absurdum [55] борющегося за цивилизацию либерализма достиг наш друг Ласкер в предыдущих словах с основательностью, после которой Виндгорсту нечего прибавлять ни одного слова... Но если бы он захотел говорить, то это ему было бы очень легко: «Не вы ли «либералы»? Этот народ *болтает* о либерализме и *отвергает* самую существенную либеральную меру потому только, что в мотивировку ее входит нападение на правительство. Слыхали ли вы о большем лакействе? Этот народ *болтает* о либерализме и отвергает либерализм

потому, что он есть «избирательная уловка». В чем же тут вред?.. Отчего вы боитесь «либеральных» избирательных уловок?... Этот народ болтает о либерализме и отвергает либерализм потому будто бы, что он вносит раздор в либеральную партию. Несчастный Ласкер, кто внушил тебе это слово? Как? Бесспорно *либеральное* предложение разделит «либеральную» партию? Можно ли наложить на либеральную партию более унизительное клеймо? И этот народ бредит о либерализме и осмеливается развертывать знамя современной цивилизации против ультрамонтанов? Вон в лакейскую Бисмарка!»

Оба противника стоили один другого. Защитники католического авторитета так же играли своею религиозною святынею непогрешимого папского слова, как псевдолибералы немецкого парламента играли своими священными либеральными принципами. Пред целым миром обе партии топтали свои убеждения, ругались над ними и выказывали полную гниль тех партий, которые могут так обращаться со своими знаменами. Парламентарные шуты давали забавный маскарад, в котором сущность борьбы современных политиков с современными церковниками выказалась весьма типично.

Как мало понимания смысла не только религиозных, но просто человеческих отношений у представителей нынешней «борьбы за цивилизацию», видно из того, как они думали оградить государство от притязаний церкви присягою для епископов, формула которой, между прочим, заключала следующее шпионское обязательство: «если я узнаю, что составляются какие-либо планы во вред государству, то извещу о них короля». Только в русском духовенстве, исторически лишенном всякого человеческого достоинства, возможно, что человек, считающий себя посредником между своею паствою и сверхъестественным миром, человек, которому больная совесть верующих доверяет самые интимные греховные побуждения, соглашается быть шпионом светской власти, уничтожая тем самым всякую возможность и религиозного, и просто человеческого влияния своего на паству. С католицизмом подобный прием был, кроме того, и бесцелен, потому что reservatio mentalis [56] и разрешение клятвы властью папы делает присягу для католического духовенства несвязывающею, именно в серьезных случаях. Между тем подобное требование вполне оправдывало в глазах всякого свежего человека оппозицию духовенства государству, которое вносило шпионство и в область религиозных отношений. «Итак, комедия «борьбы за цивилизацию», — писал «Volksstaat», — кончается в полиции... Князю Бисмарку было предоставлено усовершенствовать «небесных жандармов», сделав из них корпус небесных шпионов».

Тем не менее понижение современной мысли так велико, что «борьба за цивилизацию», провозглашенная Бисмарком и его лакеями, была принята в буквальном смысле не только в Германии.

Немцы всех стран посылали благодарственные и сочувственные адресы императору и его канцлеру за притеснительные законы противу католического духовенства, за возбуждение старой вражды между католицизмом и протестантизмом. В Англии происходил обширный митинг, во главе которого стоял лорд Россель [57], где говорились либеральные речи в честь великих руководителей Германии и где религиозной борьбе XIX века выражалось полное сочувствие. Старое «no popery!» [58], потерявшее всякий смысл для современной Англии, еще находило отголосок в 1873 году.

Швейцария пошла по следам Германской империи, имеющей, как известно, теперь там большое влияние. Непризнанного епископа Мермильо [59] выпроводили за границу. Священников, непокорных правительству, поддерживавших католический принцип независимости церкви от государства, сменили огулом; на место их назначили новых священников из старокатоликов. Смененные священники продолжали служить обедню в частных домах, и фанатизированное население начало преследовать новых священников ежеминутно. Им разбивали ночью окна, загаживали двери, их оскорбляли на улицах, и, конечно, женщины были впереди в этом случае. Для выражения своего презрения к еретическим священникам они делали самые неприличные выходки, забывая пресловутую стыдливость и женственность дам «порядочного общества». И тут пример шел не из простонародья, а из среды руководящих классов. Жена члена большого совета, ультрамонтанка Фольтэт [60], первая пришла к мысли оскорбить священника-еретика обнажением наименее приличной части тела, а другие фанатички спешили последовать ее примеру. В некоторых деревнях происходили драки и побоища, которые кончались смертью. Пришлось двинуть войска в наиболее волнующиеся округи. Вся буржуазная литература республиканских газет стояла за крутые меры, за усмирение, за подавление. Клерикалы печатали зажигательные памфлеты за границею и распространяли их между населением, вопя о преследовании церкви, вспоминая о временах Нерона и Диоклетиана [61]. Словом, XVI век с его фанатическою борьбою из-за нелепого догмата как бы вернулся для Швейцарии. Всякая крутая мера правительства усиливала фанатизм противников, а к единственному действительному орудию, к прямой антирелигиозной пропаганде, к отрицанию всякой религиозности никто и не думал обратиться, да и не мог, потому что почти все борцы противу клерикализма — самые ревностные христиане, самые боязливые охранители своего догмата. Напротив, для поддержки поставляемых государством старокатоликов стали ходить в церковь и свободные мыслители, прежде пренебрегавшие обрядом, т. е. стали защитниками отсталых начал религиозного церковничества на зло собственному убеждению и, выказывая своими поступками важность этих начал для наиболее развитых классов общества, конечно, придавали им еще большую важность в глазах фанатизирован-

ного населения и усиливали то самое движение, противу которого боролись.

И опять здесь единственная часть прессы, ставшая на здравую точку зрения, была пресса социалистическая, хотя и здесь она придавала слишком много преднамеренности бестолковой борьбе государственников с церковниками.

«... Чтобы дополнить меру смешного,— писал Грейлих[62] в цюрихском «Tagwacht», — говорили, что борьба идет из-за того, должна ли церковь господствовать над государством или государство над церковью.

Мы понимаем, что этот вопрос может быть серьезно поднят в монархии, так как в интересах монархии заключается обращение всех реакционных сил в силы ей служебные, для усиления ее власти. И *всякая* церковь есть сила реакционная, поэтому и холит Бисмарк «старокатолицизм». Но к чему республике обращать на свою службу реакционную силу? Республика, опирающаяся на господство всего народа и имеющая в виду благо целого народа, разве нуждается в реакционных силах для службы ей? И как может такая республика, если она действительно служит благу народа, как может она бояться, что церковь станет над нею господствовать? И к тому же церковь, не имеющая в наше время никакой поддержки?

Это размышление приводит нас к дальнейшему вопросу: имеют ли в виду наши «опытные государственные люди, борцы за цивилизацию» *действительную* задачу республики — *благо всего народа?* Ответ на этот вопрос определяет в то же время истинное значение «борьбы за цивилизацию». Мы здесь вступаем на почву борьбы между сословиями, коренящейся в господствующих общественно-экономических отношениях...

...Не дадим себя обмануть всеми красивыми фразами. Буржуазия настолько же враждебная сила, как и церковничество, в отношении к рабочему народу; вражды в принципе, вражды на живот и на смерть между ними нет, и вся нынешняя «борьба за цивилизацию» есть не более как пошлая комедия.

Буржуазия вовсе не имеет в виду начать существенную реформу школ, потому что она давно уже могла бы это сделать. Напротив, в последние тридцать лет она всеми средствами противодействовала всем усилиям, направленным на это.

Буржуазия вовсе не думает устранить от народа «духовную розгу», потому что она давно могла отделить церковь от школ и церковь от государства или, по крайней мере, отнять у духовенства многие функции.

Что же значит вся эта «борьба за цивилизацию»? Она должна занять народ и дать его стремлениям *направление, которое не было бы опасно для сословных интересов буржуазии.*

«Борьба за цивилизацию» не имела другой цели; но каковы были ее следствия?

Прежде всего она уже теперь придала клерикализму большее могущество, чем он имел до сих пор... Окружая духовенство священным ореолом мученичества, она увеличила его могущество. Бессильное тело было гальванизировано...

Побуждая священников употреблять все средства для увеличения своей силы, «борьба за цивилизацию» в своих результатах ведет к междоусобной войне. Полицейскими мероприятиями нельзя влить в бедный увлеченный народ лучшие убеждения; напротив, его вызывают на фанатизм. Этот опасный фанатизм, конечно, нарочно возбуждают, а возбуждение его наталкивает на дальнейшие полицейские мероприятия, пока бедный увлеченный народ в ослеплении прибегнет к кровавому насилию. Какие компликации могут произойти из этого для всей Швейцарии, вовсе и предвидеть нельзя...

Неужели действительно рабочие должны позволить вести себя за нос в такую «борьбу за цивилизацию», чтобы, в конце-концов, над побитым народом реакционные братья, буржуа и священник, смеясь подали друг другу руки? Неужели наш век не имеет иных цивилизационных задач, действительно служащих благу народа? Не лучше ли бы направить наши силы на эти задачи?»

И журнал швейцарских федералистов «Бюллетень Юрской Федерации» кончает свою статью по этому вопросу словами *:

«...Интеллигентные рабочие понимают, что истинный вопрос не в этом, что вероисповедные ссоры представляют лишь средство для буржуазии отвратить внимание народа от другой борьбы, единственно серьезной, от борьбы капитала с трудом. Поэтому мы надеемся, что скоро кончится эта агитация, которая может вести лишь к утверждению могущества буржуазии; и мы не перестанем говорить нашим друзьям: у нас должна быть лишь одна политика, одна программа, одна религия — организация рабочих сил».

Во Франции все правительства и партии так опасаются вступить в борьбу с клерикалами, что со времени новой республики Тьера и Мак-Магона католицизм совершенно явно высказывает намерение вернуться к преданиям первой реставрации Бурбонов и ко временам палаты, «какой лучше нигде найти нельзя» (introuvable). В последнем отношении нынешняя версальская палата может смело оспаривать преимущество у своей предшественницы, так как история не представляла ничего ей подобного. Но об этом после. Теперь мы говорим лишь о ее клерикализме.

Само собою разумеется, что огромное большинство легитимистов в ней состоит из столь отчаянных клерикалов, что покойный Монталамбер [63] был бы в ней еретиком. Они при каждом удобном и неудобном случае заявляют свою преданность «несчастному заключеннику в Ватикане» и свою ненависть к вольтерьянцам,

* Статья собственно очень слаба и связывает существование борьбы между церковью и государством с совершенно фантастическою картиною отношения разных стран Европы к вопросу о федерализме.

позитивистам и т. п. Они участвуют в пилигримствах, поют «иезуитскую марсельезу» во славу пресвятого сердца христова и готовы бы восстановить инквизицию. Но они не одиноки в этой деятельности. Министерство внутренних дел препятствует свободной продаже книг, где насмехаются над чудом св. Иануария, или книг, направленных против иезуитов. Все вчерашние свободные мыслители, сегодня примкнувшие к партии порядка, стараются выказать свое уважение к религии, составляют большинство, чтобы провести закон о недозволении похорон без священника иначе, как в самое раннее утро, аплодируют осуждению южного общества для светских похорон, как общества, имеющего в виду заговор и разрушение общественных основ, и вообще открещиваются всячески от традиции старой французской свободной мысли.

Внутри Франции это «возрождение» религии не так принялось, как надеялись клерикалы. Пилигримства в обширных размерах, предпринятые летом 1872 и 1873 годов, не удались, хотя в настоящую минуту (июнь 1874) готовятся новые паломничества, и даже Америка выслала во Францию своих пилигримов для посещения разных мест, освященных явлением пресвятой девы и чудесами, там совершенными. Но если этот фазис возрожденной религиозности потерпел фиаско, тем блистательнее выказался французский клерикализм в его связи с национальною ненавистью к Германии.

Когда «несчастный пленник в Ватикане» обнародовал 21 ноября 1873 г. энциклику, где объявил врагами общественного и божественного порядка правительства короля-жантильома и императора-солдата и даже мирных бюргеров Берна, то французские епископы с радостью ухватились за эту струнку, чтобы связать ультрамонтанские тенденции с тою ненавистью к Германии, которою следует быть проникнутым всякому порядочному французу. Вместе с тем, как французские либералы отреклись от традиции Вольтера, французское духовенство отреклось от традиции Боссюэта, от традиции галликанской церкви, поддерживавшей во время оно самостоятельность Франции против притязаний Рима. Теперь почти все французские епископы — самые преданные ультрамонтаны. Монсиньоры Фреппель [64] и Плантье [65] отличались особенно резкими комментариями папской энциклики и папского письма к епископам и сыпали громы на Германию — врага папы, врага Франции, врага Христа. Монсиньор Гибер [66] в присутствии самого Мак-Магона, передавшего ему кардинальскую шапку, произнес речь в том же духе. И вот заявления этих средневековых привидений вызвали дипломатические ноты, секретные министерские циркуляры, передовые статьи официозных и официальных газет. Мысли Григория VII и Иннокентия III [67] еще заслуживают внимания политических деятелей последней четверти XIX века...

Правительство «нравственного порядка» старалось всячески

уменьшить политическое значение этих заявлений епископов и упражняется в самой отчаянной эквилибристике, чтобы и Германии не раздражить, и клерикалам выказать свое полное сочувствие, и сохранить хотя бы самый маленький фиговый листок для прикрытия своего полного ничтожества в отношении ко всякой энергии внутри государства и вне его. Но клерикалы во Франции, как их единомышленники в других странах, отлично понимают бессилие политических эквилибристов, нисколько не заботятся о том, что ставят их в затруднение, и продолжают свои попытки завоевать общество для своего влияния. И здесь церковь находится в прямой оппозиции с государственными целями; и здесь она громко заявляет стремление к историческому преобладанию над всеми прочими культурными элементами.

Посмотрите какое-нибудь торжественное богослужение в церкви парижской богоматери в день благовещения или на страстной неделе в нынешнем году. Пламенные политические речи отца Монсабре[68] были устранены правительством; но проповеди доминиканца Жиронне[69] составляют столь же горячую политическую демонстрацию в пользу легитимизма, ненавидимого даже большинством крестьянства, в пользу ультрамонтанства, отожествленного с Франциею в отношении к общему врагу — Германии. Он говорил о Марии, раздавившей голову змия, и воспламенял свою женскую аудиторию, выражая надежду, что женщины разрушат союз протестантских держав и короля, изменившего своей церкви; он взывал к Деборам и к Юдифям[70] нового времени, которые обладали бы достаточною верою и достаточною энергиею, чтобы низвергнуть мерзость запустения (разумей—Бисмарка). И вот под готическими сводами средневековой церкви гремела иезуитская марсельеза; сквозь густую толпу двигались процессии более чем из 1 000 женщин и «детей Марии» с зажженными свечами в руках; текли истерические слезы; с жаром прижимались к груди символы «кровавого сердца»... словом, все пружины фанатизирования живых людей мертвою верою были пущены в ход энергически, не думая о политических последствиях. Церковь хочет властвовать, потому что политические идеи, до сих пор стоявшие на первом плане, не могут уже иметь верующих и искренних приверженцев.

Можно было бы показать, что подобные же явления в несколько слабейшей степени, но все-таки весьма заметные, выказываются и в англо-саксонских государствах. Успехи ритуализма в Англии, ревивали[71] в Шотландии, война женщин в Америке против кабаков при помощи пения псалмов и молитв, — все это факты того же рода. Старая вера либерализма, с его политическими формулами, поблекла, и вот из-под его расслабленной ноги выползает гнилой и дряхлый, но все еще живучий средневековый клерикализм, требуя себе места в мире, который почти забыл было о нем...

Кто же и как может решить вопрос между церковью и госу-

дарством? Кто и как может прекратить этот нелепый припадок возвращения к тенденциям, не имеющим в себе ни жизни, ни будущего? Только социальная революция может решить его, и для нее даже затруднений тут нет никаких. Для социально-революционной партии нет традиций связи с средневековыми преданиями; она не объявляла себя защитницей никакой мертвой, фантастической веры; ей нечего и заботиться о политических коалициях, интригах, комбинациях. Вся политика прошлого для нее не существует, всем политическим партиям, спорящим за власть, за управление, за мелочи закона, она противополагает очень простую программу: разрушение всего нынешнего государственного порядка, с его соперничеством немногих за власть, с его борьбою между народами из-за честолюбия правителей; разрушение всего нынешнего экономического порядка, с его конкуренциею и эксплоатациею; переход всей власти, всех капиталов в мелкие, но крепкие общины рабочих и в союзы этих общин. Эта программа требует политики совсем иного рода, чем нынешняя, если еще можно будет называть политикою сношения между более или менее самостоятельными центрами, опирающиеся не на соперничество, а на солидарность, не на спор о господстве, а на всеобщую кооперацию. Для этой *новой* политики не нужно будет народу рабочих иного союзника, кроме самого себя, и заискивать в клерикалах разного наименования ему будет не для чего.

Еще проще отношение социально-революционной партии к церкви или церквам, к папам и консисториям. Социально-революционная партия не подчиняется никаким богословским организациям и не думает о внесении в свою организацию каких-либо богословских единиц. Вопрос о свободе или подчинении церкви для нее не существует, потому что церковь для нее не существует, как не существуют живопись слепых, музыка глухих, логика помешанных. Она не борется с личными убеждениями, но проповеди всех религий, учению всех сект противополагает совершенно определенную проповедь антирелигиозного реализма, учение науки, и только науки. Религия для революционного социализма есть болезнь человечества — болезнь, от которой человечество выздоравливает медленно и постепенно, против которой не приходится употреблять насилия, как не приходится его употреблять ни против какой галлюцинации помешанного, но тем не менее это болезнь, и здоровые не обязаны перестраивать свое здоровое общество для поощрения галлюцинаций больных. Здоров в умственном отношении *только* реализм в его разных отраслях: материализме, позитивизме, эволюционизме, антропологизме, и только между его разными отраслями могут быть полезные для человечества споры; эти отрасли одни имеют право на проповедь, на школу, на общественную поддержку. Больные психически — сектаторы разных мертвых верований — имеют право быть *терпимы*, как всякие больные; могут быть люди, посвящающие

себя их лечению, т. е. разъяснению их психических заблуждений, развитию их мысленных способностей: доктора для всех болезней должны существовать. Но никакая *церковь* не может претендовать на общественное признание, на общественную поддержку, на малейшее влияние в школах. Старокатолики и защитники непогрешимости папы, верующие в то, что они едят своего бога в причастии, и верующие в то, что слова «сын божий» имеют некоторое реальное, а не метафорическое значение, верующие в мучения ада, в разговоры с мертвецами, в фетиш негра,—все одинаково безумцы для социалиста-революционера нашего времени, и спор с их «церковью» так же смешон для него, как спор о праве сумасшедшего на профессуру в университете или на представительство народа в конгрессе.

II

Политические деятели. — Версальские патриоты. — Падение Тьера. — Септеннат. — Падение Брольи. — Радикалы. — Бонапартисты. — Процесс Базена [72]. — Нескромность Ламарморы [73] и честность Бисмарка. — Консерваторы и либералы Англии. — Русская принцесса и русский император. — Как изменить современную политику?

Но оставим этот маскарад борьбы за веру, которая не только не обусловливает частной и общественной жизни в наше время, но никогда ее не обусловливала. Оставим этот мир привидений и мертвецов, требующий себе места среди живых только потому, что сами эти живые растеряли все свои жизненные силы. Читателю, может быть, показалось невероятным наше объяснение, будто возрождение церковных претензий в Западной Европе вызвано полным разложением политических элементов, политических партий, политических убеждений. Посмотрим же на эти партии в их деятельности; посмотрим на этих государственных людей в сферах, где их не связывает клерикальное предание, не смущает борьба с клерикалами.

Для того, чтобы дать еще более выгодных шансов этим политическим деятелям нашего времени, мы устраним еще один пункт, о котором мы достаточно говорили прошлый раз и на который читатель имел достаточно указаний в особой статье о том, кто разрушает основы общества. Мы не станем толковать здесь о всеобщей болезни продажности, страсти к обогащению, о господстве повсюду биржевых, промышленных интересов хищничества и конкуренции в вопросах политики. Если уже все эти деятели империй, королевств и республик так падки на деньги, если они, в огромном большинстве, проворовались или проворовываются при всяком удобном случае, то оставим в стороне эту «болезнь века». Не будем заглядывать в эти экономические побуждения, двигающие партиями при их столкновениях. Допустим, что Брольи не имел в виду уплаты своим назойливым кредиторам, когда он так крепко держался за свой портфель; допустим, что Деказ [74] не

имел в своем прошедшем нечистых сношений с разными спекулятивными «предприятиями»; допустим, что бонапартистов не одушевляет в их преданности к молодому цезарю жажда добычи, которая попадет в их руки после нового успешного переворота; допустим, что ни в Германии, ни в Англии, ни в Италии *карманные* расчеты не руководят политиков. Набросим газ на эти некрасивые обнажения. Поверим на слово государственным деятелям Европы, что ими руководят глубокие политические соображения о благе народов, что их одушевляет искренний патриотизм; поверим буржуазии и прессе, поддерживающей этих великих людей, что в демонстрациях и передовых статьях дышит чистая искренность, ясное понимание современных политических комбинаций, горячее сознание обязанностей гражданина. Посмотрим же, каковы они в той сфере, которую они сами себе назначают; каковы они как политики, как граждане. Оценим жизненность их политических убеждений вне всех возмущающих обстоятельств.

Обращаемся прежде всего к Франции. Группа партий, которая теперь руководит ею, называет себя «партиею нравственного порядка». Версальское собрание, в котором концентрирован этот нравственный порядок, настолько, повидимому, убеждено в своем исключительном призвании спасти Францию, что пренебрегает систематически повторенными заявлениями избирателей о несогласии их с системою управления нравственного порядка. Во имя этого «убеждения» оно беззастенчиво пользуется самою неограниченною властью, о которой парижский корреспондент английской газеты говорил: «Я напрасно ищу в истории что-либо похожее на настоящее положение страны. Ваш долгий парламент и наш конвент не представляют ничего общего с собранием, теперь заседающим в Версале. Его истинный характер заключается в том, что под личиною строгой легальности, под покровом внешнего соблюдения всех форм парламентского правления оно обладает революционною властью и налагает на страну неограниченную тиранию». На что же употребляют эти выборные Франции, убежденные в безусловной справедливости своих взглядов, эту неограниченную власть, которою пользуются на зло своим избирателям? К чему пришли эти французские патриоты, которые на все голоса говорили, что Франция нуждается в возрождении, в исправлении после страшных ударов, ее поразивших, нуждается в искуплении двадцатилетнего (только ли?) беспутства империи, нуждается в разумной политике, нуждается в нравственности?

Тот же самый парижский корреспондент недели через две после предыдущего писал следующее: «Ничто не может навести такого уныния, такого болезненного чувства, как современное состояние нашей политики. Споры византийцев о рукотворенном и нерукотворенном свете, различные мнения схоластиков о реальности и нереальности общих наименований были здоровыми

упражнениями мысли, если сравнить их с тонкостями мнений, к которым подал повод *септеннат.* Они преследуют человека, как язвы египетские; они проникают к вам в дом с газетами и посетителями; они следуют за вами на улицу, они вызывают головокружение и тошноту. Войны, внешняя и междоусобная, были не ужаснее, — я не уверен, что они были вреднее, — чем удушающая политическая атмосфера, в которой мы живем».

И это мнение подтверждается всеми свидетельствами и всеми фактами. Полнейшее бессилие создать какую-нибудь живую политическую программу, которую могли бы привести в действие эти государственные люди, эти руководители Франции, так крепко, так фанатически держащиеся за свою власть, — это бессилие давно уже не подлежит сомнению для каждого трезвого наблюдателя, и каждый месяц, едва ли не каждый день, дает ему новое доказательство.

Политические идеи, патриотизм, чувство гражданской обязанности — эти элементы всякой старой политической программы, — все это пришлось проверить Франции у своих неограниченных правителей, и во всех этих пунктах они высказали всю глубину своей несостоятельности. И это можно сказать не об одной какой-либо партии, не о двух, а обо всех...

Чем могла быть руководящая политическая идея? — Формулою власти, опирающейся на определенную силу в обществе, ставящей себе определенные практические задачи, более или менее узкие, но возможные, с определенным способом выполнения, с определенным персоналом, на который можно опереться.

Мы видели в прошлой главе программу легитимистов-клерикалов, о которой можно сказать, что она определенна, но в которой зато нет ничего живого, которая не может опереться ни на один современный общественный элемент, которая не имеет никакого практического будущего. Но это *единственная* определеная программа, выставленная партиями, борющимися за власть. Ни об одной из остальных партий нельзя сказать, чтобы они имели даже столько реальных данных, сколько имеет нелепая программа защитников средневековых идей.

В мае 1873 г. коалиция парламентских партий свалила Тьера и поставила президентом Мак-Магона. Почему? В чем разнилась «политическая программа», представленная интриганом-старикашкой, от «идеи», представленной бонапартистским генералом? В чем разнился даже персонал, на который опирался Тьер, от персонала, на который мог опереться Мак-Магон?

Тьер был враг народа, враг рабочего сословия, враг Коммуны, враг сколько-нибудь ясной республиканской программы. Он всегда был монархистом; он поневоле поддерживал во Франции отсутствие монархии, потому что ни один из многочисленных кандидатов не имел достаточно сильной партии. Он не мог опереться ни на определенную левую сторону, ни на определенную правую

сторону, а искал себе министров в «слиянии двух центров», т. е. в партиях, которые ничего определенного не хотели, никакой идеи не имели, ничего для Франции в политическом отношении сделать не могли.

И Мак-Магон был враг народа, враг рабочего сословия, враг Коммуны и т. д., и т. д. И он, или, лучше сказать, его министерство, герцог Брольи с компаниею, опирались на среднюю партию, искали «слияния» всех тех, которые не имели очень определенной программы, не были ни совсем монархистами, ни совсем республиканцами и ничего для Франции в политическом отношении сделать не могли.

Единственное ясное обвинение против Тьера было: он хотел конституировать республику во Франции.

Итак, президентом стал Мак-Магон.

Президентом чего? Французской республики? Никогда! Именно это слово возмущало партии, его поставившие,—этот винегрет приверженцев Шамбора, графа Парижского, Наполеона IV [75]. Что угодно, но не республику. Едва министр или президент в своих речах не только произносили это слово, но намекали на него, как они чувствовали, что их друзья их оставляют, что завтра против них составится коалиция, которая их непременно свалит. И вот министерство Брольи, совершенно так же, как министерства, поставленные Тьером, в продолжение всего времени занимаются реторическими упражнениями, — как бы говорить о государстве, не давая ему никакого названия, как бы сделать, чтобы Франция была ни империей, ни королевством, но никак не республикой.

И ухитряются они так говорить. И никаким образом «республиканцы» не заставят их проговориться, сказать хоть случайно: Франция — республика. А уж на что стараются эти «республиканцы»! Как привязываются ко всякому удобному и неудобному случаю! Ну, скажите, скажите же, — что вам стоит одно словечко? Мы ведь, кроме *слова*, ничего не хотим. Мы так же, как вы, ненавидим народ и рабочих и Коммуну; так же, как вы, благодарили версальскую армию за убийство десятков тысяч парижан; мы — смирные, только словечко дайте; скажите: республика. Мы будем «жандармы Тьера», будем поддерживать Мак-Магона, будем вотировать с Брольич, только скажите. — Нет, нет и нет. Никогда не скажем. — И не сказали.

Впрочем, с начала правления «честного маршала», «доблестного побежденного», его приверженцы могли думать, что оно, действительно, не стоит говорить о республике, так как не сегодня — завтра поставят короля. Они все так были уверены в *честности* нового президента, что не сомневались в его готовности поставить над французским народом того или другого претендента с титулом величества, не обращая ни малейшего внимания на то, чего хочет Франция. Уже такое мнение теперь выработалось о *честных* политических людях. В этом состоит совре-

менный патриотизм, который «защитники порядка» с таким апломбом противополагают интернационализму социалистов.

Да, президент... Франции, честный Мак-Магон, готов был поставить какого угодно короля. Только надо было согласиться: кого поставить? Великие граждане, составившие коалицию 24 мая, начали игру интриг. Бонапартисты не считали себя еще довольно сильными, чтобы выставить *своего* кандидата. Хищные орлеанские принцы решались обождать смерти Шамбора или его первой безумной выходки, чтобы свалить его, а пока предоставили легитимистам, опиравшимся на клерикалов, тащить им каштаны из огня. Мы видели в предыдущей главе, как провалилась вся эта комбинация. Конечно, начались взаимные обвинения: Вы виноваты.— Нет, вы.— Вы обманули нас.— Нет, вы нас надули.— Но при всем этом затруднение оставалось то же: как быть с правлением Франции? Шамбор был невозможен. Граф Парижский был невозможен. Наполеон IV был невозможен. А республики все-таки не хотел никто из великих защитников «нравственного порядка». Они и правы были: какая же должна была быть дрянная, грязная республика, если бы ее установили защитники «нравственного порядка»? Этого именно не понимали «республиканцы» левой стороны. И тогда-то, тогда-то выработалась в умах этих великих граждан, великих политиков небывалая идея. Они разродились новою формою правления, которую не внес в политические теории ни один из ученых исследователей государственных наук. Они создали *септеннат...*

Понимаете ли? Септеннат... Это не монархия, но и не республика... Это передняя монархии, в которой посажен вооруженный швейцар с дубиной, честный маршал, чтобы не пускать народ в дом, хотя в доме никого нет. Да не подумает скептический читатель, что это мы, ехидные социалисты, решились назвать переднею великолепное политическое создание великих политических умов Франции. Смеем уверить, что нет. Этот термин был употреблен публично одним из приверженцев партии в минуту откровенности, и никто особенно не раздражился этим термином.

Итак, септеннат — государство передней, государство лакейской... Если читатель находит, что определение не отличается особенной ясностью и определительностью, хотя и блещет изяществом метафоры, если он желает чего-либо более строгого, то пусть потрудится сам перерыть газеты и перечесть поучительные прения и рассуждения о том, что такое септеннат. Оно, действительно, хуже нерукотворенного света и хуже схоластических общих наименований, как заметил цитированный выше публицист. Если читатель поймет, — благо ему. Мы в нашем психиатрическом отчете о «развитии политических идей европейской буржуазии нашего времени» довольствуемся определением, что септеннат, это... септеннат... Точнее этого ничего не придумаешь, если метафора «государства передней» кажется вам неподходящею.

Но в передней ждать неудобно: это сознавали все партии, и вот немедленно после установления на *семь* лет президентства Мак-Магона каждый кружок стал интриговать с своей стороны о том, чтобы заменить как можно скорее это президентство монархическим строем, соответственно желаниям своей партии. В одном согласны были все эти интригующие «великие политики», именно, что избиратели, посылающие почти изо всех концов Франции республиканцев (конечно, республиканцев в духе Тьера или Гамбетты), народ никуда не годный и что надо так устроить, чтобы были избираемы нереспубликанцы. Издан был ряд законов: *против* мэров, *против* муниципальных советов и т. п.; в самых обширных размерах началось во всей Франции смещение мэров, избранных местным населением, и замена их «консерваторами нравственного порядка»; где было возможно, муниципальные советы были закрыты и заменены комиссиями, состоящими из «консерваторов нравственного порядка»; при первом удобном случае республиканские газеты (опять-таки в духе Тьера или Гамбетты, не более) были запрещаемы совсем или для продажи их в киосках и на улицах; и все это делалось с явным намерением укрепить форму правления, которую никто определить не мог, форму правления, которой не желал никто из ее защитников, на которую все смотрели, как на нечто годное лишь для выжидания лучшего. Определительно было одно: версальское собрание разойтись не хотело и готово было на все, решительно на все, лишь бы не стать снова лицом к лицу с избирателями, которые, наверное, не выбрали бы снова большинство лиц, теперь «повелевавших Францией» во имя «нравственного порядка»...

Так шло дело до мая 1874 года; герцог Брольи был все воплощением «нравственного порядка»; министерству все удавалось не называть Францию ни республикою, ни монархиею, отвиливать от всех запросов, как вдруг 16 мая 1874 года, за неделю до годовщины низвержения Тьера, герцог Брольи слетел под ударами новой коалиции...

Из-за чего? — Из-за весьма важного вопроса о том, который из двух одинаково реакционных законов палата будет вотировать прежде.

Кто сверг его? республиканцы? социалисты? насильственный переворот? — Нисколько: его свергла коалиция тех же партий, которые его поставили. Республиканцы разных цветов (кроме *настоящего,* конечно, который отсутствует) были одним из ингредиентов этого политического винегрета, не более.

Но какой же кружок, по крайней мере, вел дело? Кто схватил «кормило правления»? Во имя какой, хотя бы кружковой, идеи, во имя какой цели, хотя бы личного честолюбия, произошел министерский переворот? — Никто не схватил этого осиротевшего «кормила»; все сторонились от министерства, чтобы не скомпрометировать себя в управлении, которое, по общему со-

знанию, решительно ничего сделать не может. Мак-Магон чуть не за волосы тащил себе министров, — конечно, все людей «нравственного порядка»,— сердился, ругался и насилу составил министерство без всякой программы, без всякой идеи, без всякого политического цвета, — просто для очищения текущих дел. Если играло здесь роль честолюбие, то честолюбие самого мелкого сорта, в роде интригана герцога Деказа, который не решился даже выставить себя руководителем министерства, представителем какой-либо «идейки», а просто позарился на министерский портфель... Что же, наконец, делает новое правление Франции? А все то же: защищает нравственный порядок; преследует республиканцев, т. е., точнее, людей, которые хотели бы вотировать распущение палаты и общие выборы; предлагает закон об ограничении права всеобщих выборов, закон, который дает повод говорить столь прекрасные либеральные речи всем этим Луи Бланам, Гамбеттам, Ледрю-Ролленам; расстреливают коммунаров, если не на равнине Сатори, то в Венсенне; наконец, ждут, ждут, чтобы которая-нибудь из этих партий «нравственного порядка» сплутовала более блистательно и захватила себе правление, ждут в своей «передней», которая с каждым днем становится все вонючее, все грязнее...

Но мы забыли сказать, что в самое последнее время, ко всеобщему удивлению, партия «нравственного порядка» одержала блистательную победу, для нее самой неожиданную. В местности, где давно уже торжествовали республиканцы (сиречь, партизаны распущения палаты) избран огромным большинством консерватор. Но какое же его клеймо: инквизиця клерикалов-легитимистов? или спекуляторство орлеанистов? или откровенное разбойничество бонапартистов? — Конечно, последнее. В соперничестве бессовестных плутов *должны* были иметь более шансов самые бесцеремонные плуты. Интриганы консерватизма доинтриговались, а болтуны республиканства доболтались до того, что самая оплеванная, самая презренная из всех политических партий Франции, которая еще вчера довела Францию до неслыханного унижения, эта партия имеет приверженцев среди «патриотов-избирателей» буржуазной Франции. С нею приходится считаться. Одифре-Пакье [76], интриговавший и за Бурбонов, и за Орлеанов, и за слияние, говорит в ужасе: «Я пойду кричать на улицу: да здравствует республика!» Один за другим ораторы либерализма находят нужным ругать бонапартизм отборными ругательствами... Он опасен!.. Нравственный порядок одержал победу...

Но что такое, наконец, эти противники лохмотьев консерватизма, сшитых в грязную хламиду «нравственного порядка» по небывалой выкройке септенната? Что такое эти предводители партии, в пользу которой совершается большинство выборов? Что такое эти ораторы, так громко и великолепно ругающие империю, «опозорившую Францию», с таким гражданским чувством

защищающие всеобщее право выборов? Какая у них идея? Какое будущее они могут дать Франции?

Довольно сказать, что все эти *республиканцы,* все эти *друзья народа,* вместе с консерваторами всех цветов, единогласно (за исключением Толена) благодарили победоносную армию, победившую Коммуну и расстрелявшую без суда несколько десятков тысяч коммунаров. Довольно сказать, что ни один из них не протестовал надлежащим образом против систематического легального убийства, совершавшегося и совершающегося по приговорам военных судов и с согласия комиссии «помилования» (!!) над представителями воли *настоящего* народа. Довольно сказать, что эти республиканцы так же ненавидят народную республику, эти друзья народа с таким же отвращением смотрят на господство настоящего *рабочего* народа во Франции, как любой из консерваторов. Они это доказали много раз и доказывают снова и снова...

Но между ними есть одно новое лицо... новое, хотя весьма старое... Этот республиканец держался вдали от компрометирующих коалиций и заявлений; он окружен ореолом старой республики 1848 года. Его выбор считался торжеством «радикальной» партии во Франции и страшно напугал «людей порядка». При его выборе произошла коалиция рабочей партии с партиею республиканской буржуазии. Какую же политическую тенденцию выражает этот новый представитель старого республиканизма? Чего можно ждать от Ледрю-Роллена?

Человек, который участвовал в истории, носит на себе следы своего прошедшего. Развернем же историю конца сороковых годов. Ее несколько позабыли читатели, как ее несколько забыли и французские избиратели, и члены версальской палаты.

Внук известного престидижитатора времен Людовика XV, сам знаменитый адвокат и публицист, Ледрю-Роллен выступил во дни февральской революции представителем крайнего радикализма, представителем социалистических идей, и большинство передовых партий, народных партий, смотрело с надеждою на него, как на члена временного правительства. Но быстро изменились эти надежды. При первых выборах Ледрю-Роллен прошел лишь в немногих местностях, а при выборе исполнительной комиссии он получил наименьшее число голосов из пяти правителей Франции. Следовало ли это приписать реакции? или знаменитому легкомыслию французских избирателей? Нисколько: на этот раз они имели полное основание поступать так, как они поступили. Избранник народа, единственный человек во временном правительстве (Луи Блан имел еще мало влияния) и в исполнительной комиссии, который имел доверие масс, Ледрю-Роллен мог проводить их идеи и мог господствовать над товарищами во имя этого доверия; но он, сделавшись членом правительства, пошел на такие же компромиссы с существовавшим порядком, как и все его товарищи, связанные традициею и приятельством с этим порядком. Даже хуже:

он имел (по крайней мере, явную) инициативу в большинстве правительственных действий, погубивших республику 1848 года и отнявших у нее ее народный характер. Он содействовал отложению выборов в палату депутатов и дал время оправиться запуганной буржуазной реакции. Он убедил народ дозволить войскам, удаленным из Парижа, в него вернуться и тем подготовил оружие для реакции, оружие для декабрьского переворота. Он, наконец, приказал бить сбор в дни народных волнений и тем спас от гибели бессильную буржуазную палату, приготовлявшую подавление революции, палату, которая не хотела себя признать вышедшею из народа, но принимала лишь лицемерное название «друзей народа»...

Правда, Ледрю-Роллен хорошо говорил, и его слова возвратили ему доверие обманутого народа, когда реакция стала расти и общая опасность заставила сплотиться всех людей радикальных мнений. Правда, он, наконец, стал угрожать оружием той самой палате, которую он спас когда-то, и действительно пошел звать народ к оружию. Но тогда было уже поздно. Реакция имела за собою силу и войско и обширный заговор, а народ убедился, что в политических революциях, сражаясь на баррикадах, он выдвигает вперед лишь новых эксплоататоров, что никто из них не решается осуществить его стремления, когда может это сделать. Ледрю-Роллен не решился сделаться представителем этих стремлений, когда мог быть им; он избрал путь легальной рутины в минуту революции, когда за ним стоял народ; он доказал, что идеи социализма, им высказываемые, были лишь программою публициста, а не программою политического деятеля. Он высказал свое бессилие быть органом энергического момента в истории народа.

Таков он был, когда ему было с небольшим 40 лет, и этого-то говоруна сороковых годов боится теперь консерватизм, когда он выступил на политическое поприще как 67-летний старик. На этого-то бессильного члена временного правительства 1848 г. возлагает надежды радикализм 1874 года? Для поддержки этого-то социалистического публициста, не умевшего и не желавшего провести в жизнь ни одной социалистической меры, когда он знал, что за ним стоит народ; для поддержки этого-то остатка прошедшего рабочие соглашаются итти на сделку с буржуазными партиями, столько раз их обманывавшими? — Нет, только при современной нищете в людях радикалы могут придавать значение Ледрю-Роллену, а консерваторы могут его бояться. Он заявил себя в серьезную историческую минуту и не представляет ничего более, кроме обыкновенной буржуазной адвокатуры, готовой в журнале и на кафедре опираться на какие угодно передовые идеи, но с тем, чтобы в жизни следовать лишь рутине, поддерживать лишь интересы буржуазии.

Левая сторона, во всех своих оттенках, во всех своих представителях, высказала свое полное политическое ничтожество. Жалкую роль играли люди «нравственного порядка», но самая их

задача была так жалка, что они не могли играть иной роли. Идиотические речи говорили лигитимисты, но самая цель, которую они себе ставили, была настолько идиотична, что их речи иными и быть не могли. Безумными зверями выказывали себя эти господа при одной мысли о Коммуне и коммунарах, но Коммуна была, по своей идее, непримиримым врагом буржуазного строя, была предвозвестницей страшного для него будущего, и безумное зверство врагов народа, врагов социализма было в известной степени естественно, когда они знают, должны знать, что все их великолепное здание ждет неизбежно еще худшая участь от наследников этой Коммуны. Но что могло оправдать политическое ничтожество тех, которые заявляли себя приверженцами народа, того самого народа, который расстреливали, ссылали, томили в понтонах? Как это они во все время правления Тьера не установили определенного отношения к этому правлению: то действовали против него, то за него, то поддерживали Бародэ, то объявляли себя «жандармами Тьера»? Как это они агитировали за Ранка [77], чтобы спокойно терпеть его осуждение на смерть через несколько дней после выбора? Как это они до такой степени лишены ясной политической программы, что сразу не понимают, следует ли им вотировать за или против внесенного предложения безумного легитимиста? Как это они не проявились ни одним энергическим действием во время всего этого самого пошлого периода истории Франции? Как это они не обрисовались чем-либо особенным в этой небывалой палате идиотов, где, кажется, вовсе не трудно обрисоваться сколько-нибудь сносному политическому кружку? Что они делали? Интриговали, колебались, говорили речи, присутствовали при всех подлостях, при всех зверствах, при всех безумиях версальской палаты... Она может служить отличным субъектом для политического психиатра, она жалка, карикатурна, но всего отвратительнее в ней те, которые считают себя радикалами, называют себя защитниками народа...

Среди этого изумительного ничтожества самодовольного интриганства и напыщенного словоизвержения, среди плевков и пинков со всех сторон растет и округляется одна партия — партия бонапартистов. Их было немного, очень немного; их все презирали, но они были нужны и тому, и другому *для счета голосов;* итак, с ними стали заигрывать; им стали улыбаться, правда, презрительно, но все-таки улыбаться; на их интриги стали смотреть сквозь пальцы; они подняли голову; они поместили там и здесь *своих* людей; они стали мало-по-малу силою, с которою надо считаться, и вот не прошло четырех лет после Седана, не прошло трех с половиною лет после торжественного осуждения империи в Бордо, как бонапартисты составляют не лишенный значения элемент в политической жизни Франции. Они—видная политическая партия; даже не одна, а две. Наполеону IV в Чизльгорсте противополагается знаменитый интриган, не менее знаменитый

трус, цезарь-демократ, принц Наполеон. Бонапартистские газеты пылают лойялизмом к великому роду хищников, возмущаются против клеветы на избранника народа, столько раз поддержанного семимиллионными плебисцитами. В аристократических салонах устраиваются дуэли за оскорбление дома Бонапарте. В палате бонапартисты грозят противникам, что заставят их когда-нибудь замолчать. В Чизльгорст идут явно пилигримства, более многочисленные, чем пилигримства к Генриху V[78]. Наследник Наполеона III говорит речи о своей преданности народу, о своей готовности служить Франции. Свободные англичане толпятся десятками тысяч, чтобы взглянуть на этого претендента «великого» имени. В лучших английских газетах печатаются обширные передовые статьи в пользу бонапартизма... Вспомни, читатель, чем была Вторая империя; вспомни, что еще вчера прусские войска были во Франции, что ежедневно процессы обнажают всю гниль этого вчерашнего прошедшего, и скажи по совести: есть ли что-либо живое, есть ли хотя искра патриотизма, хотя зерно гражданского достоинства, хотя тень политического убеждения в обществе, которое может допустить в 1874 г., чтобы бонапартисты были чем-то в роде честной политической партии?

Упомянем лишь об одном процессе, слишком крупном и слишком характеристичном для нравственного развития современного буржуазного общества, чтобы можно было пройти мимо него, не обратив на него внимания.

Маршал Базен отдал врагам армию и первоклассную крепость. Против него поднялись громко обвинения в предательстве. Еще в правление Тьера назначен был над ним суд, но суд не начинался, и очевидно было, что Тьер всеми средствами хочет отклонить его. Правление Мак-Магона сочло нужным дать ход этому решению. О справедливости, конечно, тут и речи быть не могло, но комбинация интриг разных партий привела к этому; всего более действовали орлеанисты: им хотелось выставить на вид герцога Омальского[79], наименее глупого и наиболее интригующего из всех принцев орлеанского дома; он председательствовал в этом процессе. Мак-Магон, повидимому, надеялся, что адвокаты выручат его товарища. Французские генералы, так позорно побитые пруссаками в последнюю войну, хотели свалить свою общую вину на одну голову и закрыть себя, крича об измене Базена. Два обвинителя, действительно, постарались составить акт, из которого обвиненному вывернуться было трудно. В продолжение нескольких месяцев «весь Париж» добивался местечка, чтобы присутствовать на суде в Трианоне, где разыгрывалась судебная драма, волновавшая слушателей. Страсти публики раздражались. Судьи не могли, как бы им ни хотелось этого, оправдать явного изменника отечеству. Его осудили на смерть. Мак-Магон, который давно уже говорил, что не может подписать подобного приговора, воспользовался просьбою тех же самых судей о смягче-

нии наказания и отправил бывшего маршала в заключение на остров св. Маргариты, даже отменив позорное наказание публичного разжалования.

Все это само по себе особого интереса не представляло бы. Личность Базена никогда не принадлежала к героическим. Его деятельность в Мексике выказала его безмерное честолюбие и его бесцеремонность в выборе средств для достижения своих целей; одинокие же изменники всюду и всегда встречались.

Но суд над Базеном имеет другое значение. Обвинения направлены были против одного, но свидетельства привлекли к суду несравненно большее число лиц. Судили не одного Базена: судили все империалистское генеральство; судили господствующие классы Франции, выработанные несколькими поколениями конкуренции во всех сферах за личное наслаждение, за личное обогащение. Один за другим выставлялись на позорище перед всей Францией, перед всем миром все эти генералы, думавшие только об интригах, не решавшиеся никогда принять на себя ответственность за какую-нибудь энергическую меру для спасения Франции, когда их начальник явно изменял отечеству в виду личных честолюбивых планов. Степень притупления гражданского чувства всего общества выказалась в том, что французские генералы были удивлены стремлением жителей Меца защищаться против пруссаков и с насмешкою говорили им: «Так и вы тоже патриоты?» Собственно можно было вывести из свидетельств на суде, что остатки старого патриотизма, прежде связывавшего политическое общество, только и остались в низших слоях мелкой буржуазии, которая дала несколько экземпляров самого блестящего самоотвержения, самого безукоризненного мужества из-за государства, преданного императором, проданного военными генералами, разрушенного индифферентизмом и эгоистическою расчетливостью всех тех, на преданность которых политическая организация, повидимому, могла рассчитывать хотя бы потому, что именно эти люди ею пользовались. Напротив, оказалось, что религия отечества существует еще лишь в тех слоях, которые получают наименее выгоды от этого отечества, пока они недостаточно просветились, чтобы заменить эту религию более широкою религиею братства всех трудящихся и вражды против ига эксплоататоров.

Притупление гражданского чувства выказалось и в той наглости, с которой французский маршал говорил своим судьям, что он готов был войти в сделку с врагами отечества, с пруссаками, лишь бы сохранить армию своему императору и низвергнуть правительство, сменившее этого императора. В этих наглых словах скрывалось сознание бесспорного факта, что версальская палата и все консерваторы нуждаются в армии гораздо более против внутренних политических и социальных врагов, чем против «врагов отечества», что борьба против Парижской

коммуны представляла несравненно более живой интерес для них, чем война с пруссаками. С последними буржуазия желала заключить мир, хотя бы ценою всякого унижения, всеобщего разорения, хотя бы ценою уступки трети Франции; именно с этой целью и выбрана была нынешняя небывалая палата, которая так великолепно правит Франциею. Тогда избиратели спрашивали одно: желает ли кандидат мира во что бы то ни стало или продолжения войны с врагом, ставившим бессовестные условия? Выбрали почти всюду тех, кто высказывался за мир. Но о мире с революционным Парижем, о мире с социалистами никто никогда слышать не хотел. Пленных пруссаков окружали вниманием и любезностью; пленных коммунаров оплевывали, били, оскорбляли, расстреливали. Совершенно очевидно, что для *патриотов* французской буржуазии Пруссия была враг лишь на словах, как повод для прекрасных фраз и напыщенных речей; в сущности это был товарищ по эксплоатации, которому миллиарды должны были быть уплачены, собрав их с народа налогами на сырой материал или на предметы нужнейшего потребления. Но политические и социальные враги были враги настоящие, которых искренно ненавидели. Базен в своей защите лишь откровенно высказал это, и внутри души большинство судей и публики должно было согласиться, что он был прав, что *каждый* из них, пламенных патриотов, готов был десять раз продать Францию и германскому, и русскому императору, и Сулуку [80], и китайскому богдыхану, лишь бы раздавить своих политических и социальных врагов среди своих сограждан французов...

Тот, кто после процесса Базена говорит еще о патриотизме французских господствующих классов, или слеп, или лицемер. Этот процесс доказал для всех истину, которая, впрочем, не была вовсе сомнительна ни для одного внимательного наблюдателя современной нравственности, что гражданское политическое чувство, патриотическое воодушевление находятся в полном вымирании в современном обществе. Высшие классы эксплоататоров имеют лишь два интереса: конкуренцию в личном обогащении и подавление грозного им социального взрыва рабочего класса; последний организуется и сплачивается во имя идей братства трудящихся — идей, чуждых разнице национальностей, политическому соперничеству и племенному разделению. Прежний идеал патриота-националиста держится еще лишь в слое мелкой буржуазии, не сознавшей, что ее непременно раздавит крупный эксплоататор, если она не станет в ряды рабочего класса. Хаос буржуазной цивилизации разлагает более и более прежнюю политическую нравственность на эгоистические атомы всюду, где не происходит среди этого хаоса образование и разрастание нового социального мира.

Но вернемся к созерцанию этого хаоса. Недаром хитрый Тьер желает заглушить процесс Базена. Этот процесс скомпрометиро-

вал почти всех крупных представителей военного сословия Франции. Он скомпрометировал и нынешнего президента ее Мак-Магона. Если бы он был не президентом, то, вероятно, следствие и суд распространились бы на «честного маршала», на «доблестного побежденного», так как скрытие некоторых весьма важных депеш им или его приближенными не было и не могло быть разъяснено. Но если суд не разъяснил этого обстоятельства, то оно было достаточно, чтобы навести подозрение в «измене отечеству для династических интриг» на того, кто теперь стоит во главе Франции. Оно достаточно знаменательно. Но и на этом дело не остановилось. В то самое время, как мы пишем эти строки (16 июня), два министра честного маршала находятся под публичным обвинением в злоупотреблении своей власти и своего влияния для интриг в пользу бонапартизма. Палата вотировала в пользу министров, когда левая сторона хотела выразить им недоверие, но политическое разложение общества видно из нескольких корреспонденций, теперь сообщаемых из Парижа. «Если республика не будет провозглашена на-днях, как прочное правление Франции,— пишут корреспонденты,—то страна бросится в объятия бонапартистов. «Процесс политический дезорганизации быстро подвигается вперед между нами. У нас нет ни парламента, ни министерства, ни президента».

Но довольно о Франции. Читатель может подумать, что эта несчастная страна одна представляет подобное разложение политических партий, подобное гниение всяких учреждений. Это было бы совершенно неверно. Прусское генеральство, с своим героем Мольтке [81] и своим принцем Фридрихом-Карлом [82], уже успело себя скомпрометировать официальною и официозною защитою Базена. В предыдущей главе мы видели, как недороги господам «прогрессистам», «национальным либералам» и всей этой своре вчерашних врагов, сегодняшних лакеев Бисмарка их «либеральные» убеждения; как они готовы вотировать за или против них, смотря по направлению парламентских интриг. Но и сам «великий канцлер» имел случай выказать себя не очень давно с очень непривлекательной стороны. В прошлом году Ламармора напечатал книгу «Немного более свету», заключающую его воспоминания о политических интригах, предшествовавших великой междоусобной войне 1866 г. в Германии, утвердившей политическое преобладание Пруссии. Там, между прочим, сообщено было известие, что между Бисмарком и Францией шли переговоры об уступке части немецкой земли Франции в уплату за нейтралитет Наполеона III в готовившейся войне. Собственно на это никто не обратил внимания: честные немецкие бюргеры до того не могут нахвалиться политическими успехами их нынешнего героя и так привыкли плутовать друг с другом, что находят совершенно естественным плутовство Бисмарка с Францией, уверенные, что все это было лишь смазыванье одного плута другим и что, в действительности, «их

Бисмарк» не дал бы ни куска земли, хотя бы тысячу раз обещал дать, и надул бы француза. Но клерикалы вздумали в парламенте дразнить Бисмарка этою попыткою продать врагу «священную землю отечества». Недавно умерший Малинкродт [83] обвинял его прямо в этом. Тогда «железный канцлер» не выдержал и произнес ругательную речь, утверждая честью и словом, что это ложь, что он никогда не продал бы французам ни луга из «священной земли». Противники сослались на Ламармору, — Бисмарк и его обвинил во лжи. Этот скандал еще усилился, когда Ламармора напечатал, что имеет документы, подтверждающие сообщенные им сведения. Итальянское министерство, чтобы утешить Бисмарка, объявило, что оно документов не имеет. Ламармора дополнил, что они находятся в сохранности в частных руках. Кстати многие вспомнили, что в 1866—67 годах и в немецких газетах было известие, напечатанное об этом со стороны совершенно достоверного немца и исходившее от самого Бисмарка: тогда французы еще не были побежденные и униженные враги, а все пруссоманы так восхищались торжеством над Австрией, что не находили ничего особенно «изменнического» в поступке Бисмарка. Но теперь — иное дело. Теперь Бисмарк считал это обвинением в измене отечеству; Ласкер именно потому и похвалил его речь. А свидетельства и документы как будто показывают в иную сторону. Конечно, Ламармора — не особенно добросовестный свидетель, но на этот раз, повидимому, правда на его стороне. Во всяком случае два первостепенные государственные человека, бывший первый министр Италии и настоящий гений европейской политики, публично ругают друг друга лжецами. Оно поучительно слушать со стороны, убеждаясь, что, по всей вероятности, — *оба правы.*

Но обратимся к самой «либеральной» из европейских стран, к политическому образцу, на который с завистью смотрели передовые люди Европы в XVII и XVIII столетиях, с которого брали выкройку для «наилучших возможных конституций» все либеральные политические портные еще в нынешнем веке, — обратимся к Англии. На ней, вероятно, можно отдохнуть; тут разложения нет; тут ряд разумных и своевременных уступок требованиям прогресса совокупляется с твердою решимостью отстаивать существующее, пока его еще можно отстаивать. Здесь «утописты-революционеры» должны молчать перед лойялизмом народа, перед высоким развитием аристократии и перед правильным спокойным ходом парламентской машины. Здесь нет даже собственно социалистической прессы. Здесь мы должны будем покраснеть и сознаться, что наши «мечтания» о будущем — дым...

А вот посмотрим.

«Для всякого изучающего историю и для всякого наблюдающего текущие события очевидны симптомы упадка Англии. Ежедневно эти события становятся более грозны и более поразитель-

ны. Тем не менее многие англичане убаюкивают себя фантазиею, что все спокойно. Они видят, что торговля растет, что богатство накопляется в руках немногих. Отсюда они заключают, что все идет хорошо и что этой стране предстоит еще достичь вершины своей славы при ее привычных учреждениях. Нужен был Даниил [84], чтобы разобрать таинственное писание на стенах дворца Валтасара...»

И затем публицист «несоциалистической» газеты приводит отрывок речи Фразера [85], епископа манчестерского, который теперь кокетничает своею защитою рабочих и оппозициею существующим порядкам:

«Не стоят ли на стенах наших дворцов слова: «мани, фекел, фарес»? Не ускользают ли бразды влияния из наших слабых и недостойных рук? Или мы еще соберем свои силы, докажем свое могущество и поднимемся еще раз?»

К этому публицист прибавляет: «Кто достаточно мудр или смел, чтобы ответить прямо на эти вопросы? Действительно, гибель почти неизбежна, пока национальное богатство попадает в руки немногих, между тем как миллионы должны вести тяжелую борьбу из-за ежедневных жизненных нужд».

Посмотрим поближе, так ли это. Поглядим на великие партии «политиков» первой либеральной державы в Европе. Кстати, недавно произошла перемена правительства. После 5 лет и 74 дней власти министерство вигов, обратившееся к новым общим выборам, должно было признать, что эти выборы выпали *против* него, и 21 февраля 1874 года тори, под руководством Дизраэли стали во главе Англии.

Что такое Дизраэли и что такое теперь политика тори?

До 1835 года Дизраэли был радикалом, требовал коротких парламентов и тайной баллотировки. В 1835 году он разом перешел в партию консерваторов. Аристократы, предводимые тогда сэром Робертом Пилем [86], ему не доверяли; долго он не мог пробиться; но бесспорный талант и ум молодого еврея взяли, наконец, свое; по мере того, как редели ряды замечательных представителей тори, по мере того, как отсутствие новых политических талантов, заметное во всех политических партиях Европы, более давало себя чувствовать и среди английских консерваторов, влияние Дизраэли росло, и вот уже много лет бывший романист-радикал, еврей без прошедшего, без родичей, руководит самою гордою аристократиею в целом мире.

Какую же политику представляет этот талантливый предводитель, сумевший подчинить своей воле гордых аристократов Англии? Чего хотят тори? — еще раз спрашиваем мы. А что такое нынешний консервативный парламент? Не будем сами сочинять ответа, а возьмем его из того же издания; оно хотя и не социалистическое, но, конечно, не проникает в пределы России, как орган английских республиканцев, которые теперь заигрывают

всеми средствами с рабочим народом, надеясь эксплоатировать его будущее восстание в свою пользу, как делали все их товарищи-республиканцы на материке.

Прежде всего приходится напомнить, что Гладстон раздражил против себя церковников, стремлением уничтожить значение государственной церкви Англии, и кабачников, ограничивая часы продажи водок и пива, в особенности же настаивая на наблюдении за продажею напитков достаточно хорошего качества. Это сделано было для привлечения к слабеющей партии вигов части умеренных радикалов. Но коалиция «либералов» не удалась, а коалиция интересов церкви и кабака восторжествовала.

«Страна выбрала своими представителями некоторое количество джентльменов, и они с наивностью, идущею совершенно в параллель с их политическою нищетою, сознались, что у них нет иной политики, кроме оппозиции Гладстону. Программа была, по правде сказать, не широка, но достаточна для удовлетворения испуганных капиталистов, которые отожествляют себя с великими партиями, стоящими за престол и за конституцию. Это — одни фразы, стремящиеся скрыть, что истинный повод энтузиастов монархической конституции заключается в нежной и расчетливой привязанности к пивной бочке. По счастливому совпадению обстоятельств, престол, церковь и несчастная конституция получили деятельную поддержку людей, любящих пиво, и людей, надеющихся обогатиться его продажей не в том виде, в каком оно варится...

Все прежние иллюзии о представительстве народа исчезли, и на место их явилось представительство «интересов». Землевладельцы, обладатели коммерческих бумаг, пивовары, поставщики, кабачники согласны, что они именно с престолом и церковью составляют конституцию... Все «интересы» представлены на скамьях консерваторов. Церковь опирается на бочку, а престол поддерживается обладателями бумаг, которые спекулируют на национальный долг... Игра консерваторов ясна: налоги на собственность должны быть облегчены и должны быть наложены на промыслы. Рента должна быть возвышена, а заработная плата должна быть понижена...

Мы поставили золотого тельца на поклонение народу, и потому палата депутатов наполнена не представителями интеллигенции, а людьми прямо из Сити, где они толковали о барыше и убытке, о плутовстве и прижимке да о приятностях жизни... Женщины действуют энергично, так как они знают, что выбор мужа и отца означает, что мистрис Джонс будет представлена ко двору, а мисс Джонс имеет вероятность добыть себе жениха повыше, чем в скромном провинциальном городе...

Высшее понятие о государственной деятельности, которое доступно уму тори, это сопротивляться народу, пока это возможно, и уступать, когда сопротивление невозможно. Тори не имели ни-

какой политики с тех пор, как Вильям Питт доставил им славу и обременил нацию долгами. Они никогда не умели различать требований реформ от звуков революции, и потому они сопротивлялись первым, пока чуть-чуть не вызывали последнюю...

Мы достигли того важного результата управления страною двумя великими партиями, что консерваторам приходится прикидываться либералами в управлении, а либералам надо быть очень умеренными, очень смирными и очень консервативными в их оппозиции... Во всем мире играют ту же маленькую игру: добыть деньги от народа, обложить податями его промыслы и жить при помощи этой добычи. Великий принцип консерватизма заключается ни более, ни менее как в этом, и теперь, на радости после большой победы, консерваторы несколько смущены мыслью не о том, что им делать, но о том, как бы грациозно «не делать дела» и вызывать со всех сторон аплодисменты».

Такова политика тори, но не должно думать, что виги в каком-нибудь отношении проникнуты более ясными и сознательными политическими идеалами. Знаменитый их орган «Эдинбургское «Обозрение» вздумал было доказывать в довольно искусной статье, что министерство вигов пало оттого, что партия вигов отступила от собственной традиционной политики, что они сблизились с радикалами и что им следует привлечь к себе умеренных тори в новую либерально-консервативную партию. На это мнение мы находим такой ответ:

«Мы ничем не обязаны вигам, кроме колебаний и медлительности в законодательстве, а они всем обязаны народу, дозволившему многим из предводителей занять место в каждом либеральном министерстве...

Нет причины, чтобы старые виги и новые консерваторы не соединили своих сил. Небольшое различие между аристократами той и другой школы ничтожно сравнительно с положениями, в которых те и другие стоят одинаково против народа. Консервативные и либеральные землевладельцы одинаково ненавидят епископа манчестерского за то, что он осмелился сказать слово в пользу сельских рабочих. Патроны-виги и патроны-тори одинаково готовы аплодировать Ребуку [87], когда он ругает рабочих, если они осмеливаются иметь собственное мнение о ценности своего труда. Если только землевладельцы и капиталисты могут получить труд по дешевой цене, по такой дешевой, чтобы оставалось широкое поле для ренты в одном случае, для барыша в другом, то землевладельцы и капиталисты обеих партий очень мало заботятся о народе, лишь бы он не получил власти... Одним словом, виги не желают прогресса; они желают лишь удержать в своих руках хорошие вещи, которые конституция 1688 г. дала знатным семьям, приступившим к революции. Эти семьи управляли Англиею очень долго и видят, что их власть колеблется, и потому они ищут защиты у своих исторических противников.

Народ должен понять урок, который показывает вся наша политическая история с 1832 г. Лорд Джон Россель тогда провозглашал учение о заключении программы, точно так же, как консерваторы теперь проповедуют покой. Когда одна партия хочет заключить свою программу, а другая хочет покоя, то можно быть уверенным, что они недалеки от полной симпатии друг с другом. Но чем они ближе одна к другой, тем далее от народа, которому необходимо действовать против тех и других».

Бесспорно одно, что теперь «либеральная партия пала. Она лишена предводителя, так как Гладстон прямо сказал своим последователям, что его предводительство не приведет ни к чему».

И вот положение великих политиков обеих знаменитых английских партий... Они обе ничто в политическом отношении. Аристократы, предводимые литератором-евреем, должны опираться на кабачников и спекуляторов низшего сорта и своей политики никакой не имеют. Либералы дошли до полного сознания, что их партия распадается и должна распасться. Разложение политическое здесь полное.

Этим основным фактам соответствует деятельность «парламента кабачников», поддерживающего министерство тори. Самые важные насущные вопросы, взвешенные и обсуженные тысячу раз, передаются на исследование особым комиссиям. Так было с вопросом об отношении между патронами и рабочими. Назначение комиссии в этом случае так возмутило союз обществ сопротивления (trades unions), что их комитет решил вовсе не входить в сношение с правительственною комиссиею и не давать ей никаких сведений. Между тем пауперизм не только охватил значительную долю народа, но он растет с каждым годом в то самое время, как торговля Англии более чем утроилась в последние 25 лет и составляет ⅓ всей мировой торговли.

О правлении Англии пишут, что оно есть «республика, смягченная пошлостью и продажностью». «Куда мы ни взглянем в Англии, — пишут ее публицисты, — нам в глаза бросается привилегия... Суд делает большое различие между богатым и бедным. Он смотрит снисходительно на преступления первого, строго на проступки второго... Дела тирании и притеснения, достойные средневековой Франции, совершаются у нас и сегодня, только их совершают в отдаленных углах лица очень богатые и влиятельные, и о них не слышно вне ближайшей местности».

Об армии еще Брайт [88] говорил, что она составляет «не более как громадную систему государственного пособия на дому для английской аристократии». «Мы тратим ежегодно миллионы, — пишет современный публицист, — на толпу негодных праздношатающихся, у которых всего военного и есть только мундир, которые проводят свои дни в лондонских клубах и там получают повышение в чины. Мы назначаем синекуру начальствования полком счастливому генералу, который никогда в жизни не

нюхал пороха, но который имеет при дворе друзей и влияние, тогда как наши солдаты, сражающиеся во всех климатах, проведя лучшие годы свои в армии, умирают в рабочем доме. Нам нужно не увеличение войска, а более знания и ума в нашем офицерстве... Пусть деспотические правления, подобно России и Германии, рассчитывают для своего существования на число штыков, которые их поддерживают, так как эти штыки часто, даже всего чаще, направляются против своего народа, а не противу иностранцев».

«Если кто захочет, — пишет другой публицист, — составить сочинение о государственном грабеже и плутовстве, пусть изучит историю английского флота за последние двадцать лет, и я уверен, что он добудет материала томов на дюжину. Старое изречение о ссоре между ворами может быть приложено до известной степени к перемене министров и к их взаимным обвинениям, неизбежно затем следующим. Конечно, ограбленный народ ничего не получает обратно, что у него взяли, но, по крайней мере, узнает, как его обворовывали и кто его обворовал.

Тому шесть месяцев Гошен[89], первый лорд адмиралтейства, объявил, что наш флот находится в наилучшем состоянии, что мы обладаем самыми многочисленными и сильными морскими силами в мире и что за это мы должны благодарить правление вигов вообще и его, первого лорда адмиралтейства, в частности. Вот Гошен вышел, на его место поступил Гент и уверяет, что его предшественник говорил явный вздор, обманул страну, что наш флот в самом бедственном состоянии, наши броненосные суда съедены червями, имеют старое устройство и большинство паровых котлов никуда не годно.

Все это постыдно и позорно. Где-то совершилось самое грубое плутовство. Кто же, спрашиваю я, плутует? Это те, которые распоряжаются имуществом народа... В нашем флоте — то же, что во всех учреждениях этой страны, которую оседлала аристократия; плутовство — рак, разъедающий живые части нации, рак, который должен со временем подорвать ее силу и погубить ее. Большая часть миллионов, взятых из карманов рабочего класса для явной цели поддержания первоклассного флота, употребляется для поддержания целой армии синекуристов и пенсионеров в роскоши и праздности. В списке мы имеем 60 адмиралов, тогда как мест, где начальствуют адмиралы, 20. Капитанами, начальниками судов, лейтенантами переполнены списки, но уменьшить это число нельзя, так как офицеры флота принадлежат к высшим классам, производство в чины должно итти своим порядком, какова бы ни была их стоимость... Флот составляет жирное пастбище для плутовства»...

Одними пенсионами выплачивается ежегодно в Англии 5 500 000 ф. стерл. (около 45 000 000 рублей), причем иные пенсионы восходят к прошлому веку. Все это идет в семьи той ари-

стократии, которой принадлежит большая часть почвы соединенных королевств, аристократии, которая заседает в палате пэров, влияет в значительной степени на выборы в палату депутатов.

А какова она, тому могут служить примером некоторые ее представители в последнее время. Начальник войск в Ирландии лорд Сэндгорст [90] был обвинен в палате в выдаче фальшивых расписок и в получении денег из казначейства, на которые он не имел права, именно за несколько месяцев, когда он был не на службе. Низшего чиновника за это отдали бы под суд и засадили бы, может быть, в рабочий дом. Начальник варвикширской милиции лорд Эйльсфорд [91] забавлялся тем, что бросал из коляски муку на прохожих при возвращении со скачек; после того «со своим отрядом» насильно хотел проникнуть на станцию железной дороги, чтобы увидеть там королеву, причем вступил в драку со служащими на станции, и недавно поднял на ноги ночью весь провинциальный город, устроив с приятелями ночной бег по улицам. Третий лорд избил нанятых лошадей палкою до того, что его пришлось присудить к пене (обыкновенного смертного засадили бы в тюрьму), и т. д. и т. д. — Таковы представители господствующего класса передовой страны в Европе.

После этого немудрено, что парламент относится враждебно к закону о народных школах, об открытии для народа по воскресеньям музеев, к предложению охранять народные древности. Все это не имеет значения для людей, погруженных в расчеты кружковых интриг, личного плутовства и всеобщего грабежа народных денег. Политическая жизнь в Англии, как в других странах Европы, представляет вымирание политических идей, политических убеждений и полное господство личной конкуренции из-за мелких и грязных целей.

Зато торжества в честь высоких особ, роскошные празднества на народные деньги, как выражение лойялизма или, по нынешнему английскому термину, «флонкеизма» (flunkeism), — на это английская буржуазия чуть ли не более падка, чем буржуазия иных стран. Тысячи толпились, чтобы посмотреть на сына Наполеона III в день его совершеннолетия, и многочисленны были выражения преданности из «свободного народа» наследнику коронованного вора. Но за последнее время английский *флонкеизм* имел преимущественно предметом русский императорский дом. Свадьба герцога единбургского и приезд русского императора в Лондон служили этому поводом. Об этом последнем посещении будет сказано в другом месте этого же тома «Вперед», и потому мы о нем распространяться здесь не будем. Мы набрасываем здесь очерк этих событий лишь по их отношению к Англии.

«Мы теперь, — писал публицист 8 марта, — в полном разгаре флонкеизма, но надо бы посмотреть, из-за чего это мы радуемся. Из-за того, что английский принц, о котором мы очень мало

знаем, или, лучше сказать, ничего не знаем, женился на русской принцессе, о которой мы знаем и того меньше. Его называют «принцем-моряком», но шляпа с пером и эполеты не составляют еще моряка. О русской принцессе мы не знаем ни хорошего, ни дурного, ни безразличного, но о ее семье и о ее государстве мы знаем достаточно, чтобы не любить их и не доверять им... И вот толпа жирных, откормленных мэров и алдерменов[92] метафорически ползает на брюхе пред русским идолом. Они подают ей и ее мужу адресы, нашпигованные гладкой лживой лестью. Они подносят им дорогие подарки в то время, когда среди нас нищие мрут с голоду... Действительно, праздники приема герцогини эдинбургской совпали как раз с эпохою, когда десятки тысяч рабочего народа, удаленного с угольных копей, с железных заводов и сельских ферм, могли существовать лишь самоотверженными приношениями своих товарищей, полуголодных работников разных отраслей.

Официальный «венчанный поэт» Англии Теннисон[93] напечатал стихи, которые не могут не вызвать улыбки русского в высшей степени странным окончанием строф словом «Александровна»; стихи, где он воспевал «русский цветок, гордость нации»(!) и «улыбки, посылаемые одной империей другой империи». Точно в насмешку над самим собою Теннисон назвал при этом Англию страною, «где народ смело и прямо говорит то, что он говорит».

В газете Рейнольдса[94] появилась немедленно за этим пародия, из которой выписываем следующие строфы:

Добро пожаловать, дочь русского владыки,
В царственные дома, где живет напыщенная гордыня,
Где царствует богатство и господствует роскошь,
Лазарь же напрасно просит корку хлеба, —
Мария Александровна.

Богач, чтобы приветствовать тебя, устраивает громкий праздник,
Но тот, кто подавлен податями,
Чей карман пустеет для удовольствий гордых,
Кто несет все тяготы, — тот не может быть весел, —
Александровна.

С тяжелым сердцем он слышит печальную новость
И говорит: «Королева опять потребует
Золотые дары народа для этой молодой пары»,
Но ее голодные работники получат отказ, —
Мария Александровна.

. . . . .

Ты знаешь, что рабство в твоей родине
Все продолжает свое мрачное владычество, хотя и стало легче.
Но знаешь ли ты, что рабочие нашей государыни
Наполовину умирают с голода в Осборне, обрабатывая землю, —
Александровна?

Добро пожаловать! В кошелек народа
Погружай глубоко руку и бери, что тебе нужно,

Хотя рабочие миллионы возмущаются
Против коронованных нищих, худшей язвы Британии, —
Альфред — Александровна!

Въезд новобрачных в Лондон вместе с королевой совершился в самую отвратительную погоду: снег валил хлопьями. Тем не менее толпы народа теснились повсюду, где можно было видеть поезд. «Правдивые писатели, — говорил лондонский публицист, — которые не получают программы для своих статей, подобно столь многим сикофантам, лижущим чужие плевки, открыли бы, что в дешевизне зрелища заключалось все его достоинство. Вероятно, столь же большая толпа собралась бы, чтобы посмотреть на нового прибывшего гиппопотама, если бы для его приема также расставили хоры музыки и солдат на дороге». Несколько детей было задавлено; кое-где зрители пострадали, полетев с обрушившихся временных построек или балконов. Конечно, если бы эти «несчастные случаи» имели место при народной демонстрации за права рабочего класса, то газеты подняли бы крик, суды произнесли бы приговоры о «смертоубийстве», и несколько народных предводителей попало бы в тюрьму. Юридическая правда была бы удовлетворена. Но так как это совершилось при лойяльной демонстрации в пользу правительства, то не важно, сколько детей убито и как долго деловые сообщения были прекращены, так как общество выполняло свою программу. Аристократы-либералы действуют в этом отношении точно так же, как и аристократы-тори. В интересах обоих народ следует забавлять зрелищами, и готовность праздных классов бежать на всякое зрелище торжественно выставляется на соображение политических мыслителей, как доказательство лойяльной преданности престолу.

Императора русского приняло с торжеством английское правительство и английские богачи, но общественный прием был холоден; об этом в другом месте...

Что же означают эти торжественные приемы, эти сближения Англии с Россией, с которою осталось столько пунктов столкновения для английской политики? Возможны ли одинаковые цели государственного развития для империи Романовых и парламентарного королевства, где Гладстоны с Дизраэли борются за правление? — Конечно, нет. Пришли ли дипломаты России и Англии к соглашению по восточному вопросу? — Нисколько. Действуют ли они сообща при хищническом захвате «низших» цивилизаций Азии? — Напротив, там столкновение грозит все более в будущем; взаимное недоверие все растет; случаи дипломатического обмана все чаще повторяются. — Государственные люди в Англии здесь подчинились династическим целям, доказывая тем, что и во внешней политике их взгляды столь же неопределенны, столь же мелки, как во внутренней. И здесь собственно политических идей нет ни у кого. И здесь господствует хаос.

Не пора ли кончить, читатель? Мы, конечно, не коснулись

самого важного вопроса современной Англии: сельские рабочие выступают громадной ассоциацией против буржуазии фермеров, за которой стоит старая аристократия землевладельцев; стачки углекопов, железнорабочих охватывают несколько графств; под личиною финансового наблюдения за благотворительными обществами министерство тори хочет провести закон, парализующий общества сопротивления и налагающий опеку на восемь миллионов населения. Но это уже явления совсем иного рода. Это не хаос буржуазной политики, а совершенно определенная борьба нового растущего мира против старого. Это — серьезное историческое явление и в настоящем отделе рассмотрено быть не может...

Ограничимся же сказанным. Его довольно, чтобы читатель увидел въяве симптомы агонии старых партий, старой политики, старого исторического мира. Довольно, чтобы он мог оценить серьезность тех милых господ, которые придают такую важность прениям версальской палаты или вестминстерского парламента, или тому, что сказал Бисмарк, Гамбетта, Гладстон. Бред больного интересен для психиатра, но смешон юрист, который бы из него черпал материал для восстановления прав и отношений между реальными личностями.

Опустим занавес над этой шумной, бестолковой трагикомедией. Оставим досужных политиков ломать голову над тем, кто выловит корону или власть президента в кровавой борьбе, истощающей Испанию. Оставим поверхностных филантропов восхищаться заботливостью Горчаковых[95] с компаниею, устраивающих конгресс в Брюсселе для уменьшения ужасов войны, конгресс в Вене для общих мер против холеры, конгресс в Берне для соглашения почтовых порядков. Ужасы политических войн ничто пред неумолимой социальной войной, которая давно началась и все разрастается, войной, в которой миллионы рабочего народа хронически истребляются оружием голода, всевозможных лишений, непрерывных эпидемий, оружием, направленным систематически против них современным капиталистическим строем; войной, которая в будущем обещает картину, невольно смущающую самого смелого предсказателя. Этих ужасов господам дипломатам не предотвратить, да и бесцеремонность современного милитаризма они едва ли в силах укротить. Эпидемии холеры сами по себе ничто перед эпидемиями голода, и научная гигиена имеет одно решение: социальный переворот, который принес бы большинству возможность здорового общежития. Но ведь подобных мер высокоученые и глубокофилантропические члены конгресса не предложат. Почтовое соглашение... ну, это еще возможно для современных государственных людей; они даже могут выработать довольно гармоническую систему полицейского надзора за перепискою, хотя мелкое политическое соперничество и тут, вероятно, помешает...

И вот, читатель, современная политика, которою ты интересовался. Не жаль ли тебе времени, употребленного на прочтение этих страниц? Кому важна вся эта гниль?

Но как же изменить это несчастное положение? Откуда взять политических людей, которые имели бы хотя одну идею, хотя одно широкое убеждение? Где лекарство для этой конституционной болезни? Где сила для устранения этого хаоса?

Ответ давно известен читателям. В старом мире *не может* уже быть настоящих государственных людей, потому что государственная идея поблекла перед идеею социальною. Для его болезни *нет* лекарства. В нем *нет* силы возродиться. Социальный переворот может и должен унести гниющие развалины этого мира и очистить место для мира нового, где будут действовать новые силы, здоровые силы; для мира гармонического, где общая солидарность для определенной цели общего развития заменит хаос современной политической конкуренции, лишенный уже и сознания, из-за чего идет эта конкуренция...

23 июня 1874.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ БУДУЩЕЕ?

Разговор последовательных людей [96]

Это было в одной из бедных лондонских таверн, около Клеркенуэля, в те часы, когда таверны вообще пусты и редкие посетители случайно забредут спросить кружку пива или стакан джину.

Но в одном из отделений довольно грязной залы сидело несколько человек. Они пришли поодиночке, почти одновременно, и молча заняли места один подле другого. Было очевидно, что они все пришли для одного и того же, что они все отлично знали друг друга, но настолько же было очевидно, что они смотрели друг на друга скорее враждебно, чем дружески, что они были не только не товарищи по общему делу, но противники, лишь по особенному поводу сошедшиеся в одно место, сидящие за одним столом. Только один из них, садясь на свое место, обратился к своим соседям с легким полупоклоном, на который они отвечали как будто неохотно. Это был высокий лысый англичанин в золотых очках, с высоким лбом, с бесстрастными серыми глазами, в безукоризненном английском черном костюме.

Он вошел в таверну в то самое время, как пробило три часа, и его, очевидно, ждали. Едва он сел, в отделение, занятое обществом, принесли пива, шесть кружек и два запечатанных письма. Одно из них, очевидно, залежалось давно. Это было небольшое письмо в изящном конверте со штемпелем из Рима, и на нем была надпись, которую с трудом можно было разобрать, с адресом таверны, с указанием того самого дня, в который происходило описываемое собрание, и с прибавкою слов: «Обществу последовательных».

Другой пакет был большой, *официальный* пакет, в форменном куверте, с совершенно таким же адресом, но писанным четкой секретарской рукой, со штемпелем из Ниццы. Лондонский штемпель был от самого дня собрания.

На стол поставили шесть кружек, но за ним сидело только четыре человека. Один из них был упомянутый выше лысый ан-

гличанин в золотых очках. Другой был среднего роста, широкий и коренастый немец с несколько восточным профилем, с перстнями на пальцах широкой руки, в сюртуке самого тонкого сукна, и на широкой груди его, по белому жилету, как бы на показ, выставлялась тяжелая и дорогая золотая цепочка; темные глаза его смотрели хищно; движения были резки и самоуверенны. Третий собеседник был в поношенной синей французской блузе, и в нем с первого взгляда был виден уроженец южной Франции. Четвертый был, очевидно, католический священник; худой, несколько сгорбленный, с желтым лицом, со впалыми щеками; вся жизнь его, повидимому, сконцентрировалась в больших черных глазах, полных итальянского огня и итальянской живости.

Англичанин посмотрел на часы, взял пакеты, распечатал их, пробежал их содержание, сделал отметки карандашом на прочитанном, вынул из кармана старый нумер газеты, на котором была сделана отметка синим карандашом, приложил его к бумагам, затем вынул из другого кармана небольшой и довольно потертый черный футляр, в котором оказалось старое письмо, и, развертывая письмо, начал:

«Из шестерых нас осталось на сегодня четверо. Тому пять месяцев было напечатано в газетах о смерти знаменитого художника, который в нашем кружке носил имя *Джулио*. Так как на мне этот раз лежала обязанность устроить наше собрание и открыть его, то я сохранил нумер газеты, где находилось известие о его смерти, о торжественных похоронах его в Риме и о речах, при этом произнесенных, чтобы доложить вам все эти факты. Но наш товарищ до последней минуты жизни не забыл обязательства, на себя им принятого, и накануне смерти написал нам письмо, которое здесь пред нами. Как предвидел и желал наш учитель, он остался до конца верен своему убеждению.

Другой товарищ наш, которому мы сохраним его привычное между нами название *Барона*, надеялся до последнего дня приехать, но все усиливающаяся болезнь удержала его в Ницце, и сегодня утром получен от его секретаря пакет с извлечением из сообщения, которое он хотел сделать сегодня. По частному письму, которое я получил сегодня же от моего короткого приятеля, состоящего при нем медиком, болезнь его неизлечима, и ему остается едва ли несколько месяцев жизни.

Итак, нынешнее собрание мы откроем вчетвером и можем немедленно приступить к делу. По принятому порядку, мы начнем с прочтения завещания нашего учителя».

Он разгладил старое письмо, вынутое им из черного футляра, и начал:

«Мои силы слабеют, и мои последние слова обращены к вам, которым я передал лучшее, что во мне было; вам, которых развитие доставило мне едва ли не единственное удовольствие в

жизни и составило едва ли не единственный успех, мною достигнутый.

Я умираю на восьмидесятом году таким же скептиком, каким был с первого пробуждения во мне самостоятельной мысли, и, между тем, ничего я не желал так сильно, как крепкого убеждения, ни к чему не стремился так старательно, ничего не искал так неутомимо.

Когда я убедился, что не в состоянии, по моему складу мысли, по особенности моего характера, достичь этой желанной цели, я постарался развить педагогически в других то, на что сам не был способен. Я завел школу, где употребил все свое старание на развитие последовательности в мысли и энергии характера воспитанников, не только не навязывая им какого бы то ни было единообразного взгляда на жизнь, но стараясь в каждом развить до последней возможности то направление, которое само собою вырабатывалось из его физических и психических особенностей. Каково бы ни было убеждение, к которому склонялся мой воспитанник, я давал ему все средства открыть и усилить аргументы в пользу этого убеждения, ослабить и уничтожить аргументы противников; я старался направить все силы его ума на последовательную обработку миросозерцания в смысле этого убеждения, все силы его характера — на энергическое воплощение в жизнь того, что он последовательно продумал.

Большинство моих учеников не дало мне желательных результатов. Одни не были в состоянии последовательно мыслить, останавливались перед логическими результатами собственных положений, хотели согласить несогласимое, пугались резкого противоречия своей мысли с установившимися общественными мнениями. Другие не могли установить себе ясного и определенного убеждения, преследовали одновременно несколько жизненных целей. Третьи оказывались вовсе неспособными к какому бы то ни было энергическому убеждению, для осуществления которого они могли бы отречься от всех благ жизни и личных привязанностей, принести в жертву все и всех на свете. Они выходили из моей школы несколько сильнее мыслию и несколько крепче характером, чем другие молодые люди их лет, но это было вовсе не то, чего я хотел.

Только шесть человек из моих многочисленных воспитанников соответствовали моим желаниям и ожиданиям. Это были вы. Ваши стремления, характеры и развитие были резко различны и резко определенны, но каждый из вас обладал двумя условиями, которые для меня были единственно существенны: последовательною мыслью и неуклонным, энергическим убеждением. Я не жалел средств и стараний, чтобы развить каждого из вас именно в том направлении, которое его характеризовало, чтобы усилить и определительнее очертить его особенность, дать ему наилучшие аргументы для защиты его взгляда на вещи, вселить в

него самую неумолимую решимость додумать свою мысль последовательно *до конца* и воплотить ее в жизнь, чего бы это ни стоило и к каким бы результатам ни привело. Каждый месяц вы сходились под моим руководством на диспуты, и я беспристрастно выслушивал эти диспуты, помогая каждому в логическом развитии мысли и в выработке планов ее практического применения.

При выходе из моей школы я взял с вас слово съезжаться ко мне в определенные сроки и продолжать ваши совещания, проверяя их практикою жизни. Вы сдержали ваше слово.

Вы вступили на практическую деятельность, пошли по разным дорогам и, к моей особенной радости, остались верны неуклонной последовательности мысли, сохранили энергию убеждения. Вы стали неизбежно врагами; ваши убеждения укрепились аффектом борьбы, радостью победы, злобою поражения, и теперь, когда мне осталось несколько дней, может быть, несколько часов жизни, я могу сказать вам, что вы оправдали мои ожидания: вы показали мне, что возможно и мыслить последовательно, и выработать в себе крепкие убеждения.

Ваши способности и ваши знания, энергия мысли и решимость действовать доставили вам каждому видные места в обществе. Мне нет дела до ваших титулов и настоящих имен. Вы для меня остались и теперь с теми прозвищами, которые я вам дал в школе и которые вы обещали сохранить в ваших совещаниях. Иные из них были пророческими. *Барон* теперь государственный человек, один из двигателей европейской политики. *Профессор* — светило науки, знаменитость ученых обществ. *Джулио*[97] — первостепенный живописец. *Инквизитор* — соперник Антонелли[98], один из столпов римского клерикализма. Менее удачно дал я пятому из вас название *Картежника;* в 25 лет он не только бросил карты и кутеж, но стал образцово-порядочным человеком, теперь стоит в первом ряду биржевых царей и промышленных предпринимателей; он считает свое состояние миллионами; его подпись имеет более ценности, чем ручательство целого государства, и при всем том он не изменился, остался последователен в мысли и верен первоначальным убеждениям. Менее других удалось *Бабефу,* потому что весь современный строй против него; он остался почти нищим, провел немало лет в тюрьмах; не раз едва спасся от казни; но его имя, проклинаемое всеми людьми «порядка», всеми защитниками государства, произносится с благоговением миллионами пролетариата; его речи на рабочих конгрессах читаются нарасхват и врагами, и приверженцами; при одном известии о его появлении в данном государстве министры бледнеют, полиция приходит в движение, все ждут народного восстания или, по крайней мере, громадных стачек. Несмотря на гонения, несмотря на приобретенное влияние, он остался верен своей мысли и своему убеждению.

Останьтесь же и в будущем один для другого с этими на-

званиями. Прошу вас исполнить до конца последнюю волю вашего умирающего учителя. Съезжайтесь через каждые пять лет в день моей смерти, назначая поочередно место собрания, и за стаканом пива или вина высказывайте друг другу откровенно свои убеждения и надежды осуществить их на деле, как бы эти убеждения ни были противоположны, как бы ваши жизненные стремления ни были враждебны.

Я устал писать и больше не возьму в руки пера. Я надеюсь, что вы будете помнить вашего старого учителя-скептика и исполните его волю. Прощайте! Идите каждый до конца своей дорогою, к чему бы она вас ни привела. Думайте последовательно и действуйте энергично».

Профессор сложил письмо, вложил его в черный футляр и пододвинул к Бабефу, который молча положил его в карман.

Затем Профессор продолжал, развертывая письмо Джулио:

«Мы приняли обязательство исполнить волю учителя и до последнего раза собирались все. Один из нас, Джулио, остался верен данному обещанию до смерти, и его последнему слову принадлежит первое место на сегодняшнем собрании».

«Пишу дрожащею рукою,—пишет Джулио,—братьям-товарищам, братьям-врагам. Я один из всех вас никого из вас не ненавидел, ни с кем из вас не боролся и теперь, в последние минуты жизни, с теплою любовью отношусь к каждому из вас. Я с наслаждением слушал и могучую научную логику Профессора, и пламенную религиозную проповедь Инквизитора, и тонкие политические соображения Барона, и широкие финансовые комбинации Картежника, и грозный революционный призыв Бабефа. Для меня все полно жизни и прелести, потому что я один из вас вижу живую, вечно прекрасную сторону того, что для вас самих есть лишь преходящее средство для далекой цели. Когда я плакал при звуках органа и ждал чуда св. Иануария вместе со всем трепещущим народом, я понимал величие религии настолько же, как понимал величие революции в минуту, когда стоял с Бабефом на баррикаде под красным знаменем и под ногами моими хрустела кукла мадонны, брошенная на баррикаду рядом с бочками из соседнего погреба. Я с замиранием сердца и с наслаждением следил за успехами сыщиков Барона, когда они разыскивали радикалов, и с таким же наслаждением, с таким же замиранием сердца ждал, чтобы удался опыт Профессора, чтобы мертвая жидкость закипела бактериями и монадами; с таким же наслаждением и замиранием сердца стоял подле Картежника на бирже и следил за торжеством выигрывавших миллионы от одной телеграммы, за бледностью разорявшихся спекуляторов. Что мне ваши цели? Что мне все далекое, отвлеченное? Жизнь не в этом: она в стройной форме настоящей минуты, в патетическом потрясении данных личностей, от чего ни происходило бы это потрясение, что ни скрывалось бы под этою формою. Все проходит, сме-

няется, умирает. Бессмертно лишь то, что схвачено искусством, что *оно* обессмертило. И бессмертно оно *только* потому, что прекрасно, художественно схвачено. Содержание идеи, нравственные цели жизни, научная система — все дребедень. Живет и может жить только искусство, потому что оно одно бессмертно и дает бессмертие. Оно одно все примиряет и все оживляет. Вне его — одна пошлость и мелочность. Но чего оно коснется, то живо навеки, и я каждому из вас доказал это.

Помните ли, Инквизитор, мою картину Христа, отказывающегося от своей матери и от своих братьев? Не говорили ли вы, что этот Христос должен быть в келье каждого монаха, что в его взгляде, в его движении аскет должен черпать силу убить все привязанности, все человеческие чувства и связи на алтаре религии, которая не должна знать ничего человеческого?

А вы, Профессор, помните ли мою другую картину, изображающую того же Христа, картину, с которой и вы пожелали иметь снимок для вашего «Генезиса человеческих заблуждений»? Я передал минуту, когда Христос объявляет себя Мессиею, и вы признались, что для психиатра это была драгоценнейшая иллюстрация помешательства религиозного визионера и идиотического верования неразвитых последователей его.

Одно искусство, всесильное всегда и везде, могло изобразить одну и ту же личность богом для фанатика и помешанным для ученого реалиста. Реальный Христос мог быть или не быть, — все равно: он живет как божественный тип в воображении верующего, как тип психопата в мысли ученого, и лишь творчество искусства дало ему эту жизнь.

И не раз я доказывал борющимся партиям, что искусство их господин, что оно может по своей воле воплотить в очевидность какую угодно идею, какое угодно нравственное или политическое стремление. Припомните, например, две мои картины, выставленные рядом в Париже. На одной Людовик XIV произносил свое: «Государство, это — я», и зритель должен был невольно согласиться, что все эти опытные, умные, заслуженные, почтенные, но *обыкновенные* люди, к которым обращена гордая речь короля, суть низшие, ничтожные существа пред личностью монарха, просветленного величием своего сана, как бы обоготворенного искусством. На другой картине я изобразил сентябрьские дни 1792 г., и всякий зритель сознавал в кровавых, беспощадных палачах не представителей минутной страсти, временного взрыва, а мстителей за несколько веков народного страдания, воплощение исторической заслуженной казни над гнилым, себялюбивым и бессмысленным миром; беззащитные гибнущие жертвы стали под моею кистью наглядными представителями отжившего прошедшего, того развращенного дворянства и духовенства, которые сами погубили себя своим эгоизмом и своею ограниченностью. Для всемогущего искусства одинаково удобен и одинаково на-

гляден был апофеоз деспотической монархии и кровавой народной революции.

А мои две акварели, фабрикант и поденщик, из которых одна обогатила бы меня, если бы я был в состоянии удержать у себя деньги, а другая в дешевом политипаже разошлась в нескольких стах тысячах оттисков среди рабочих Европы. Это были одни и те же лица, почти в том же положении, но несколько штрихов — и картинки составляли поразительный антитез. С одной стороны, перед вами был представитель энергичной интеллигенции, развитого человечества рядом с тупым идиотом, который без мысли первого остался бы вечно в доисторическом периоде развития; перед вами был естественный повелитель и руководитель рядом с человеком, обреченным самою природою на вечное подчинение. С другой стороны, вы имели вырождающийся, испорченный тип эксплоататора, живущего чужим умом, чужим трудом, и перед ним был представитель труда, подавленный историей, но выработавший в вечной борьбе здоровую мысль и энергическую ненависть к своему недругу; вы говорили себе: это — отживающий мир, который обречен на скорую гибель, и гибель его придет отсюда, от этого умного озлобленного человека, который так спокойно смотрит на своего плута-патрона, но потому лишь, что готовится нанести ему смертельный удар. Весь социальный вопрос, над которым так бьются мои друзья, Картежник и Бабеф, был решен мною в этих двух акварелях в несколько минут, решен по произволу в ту или другую сторону, потому что искусство господствует над всем, повелевает всем, по произволу, по прихоти минуты возвеличивает и уничтожает; вне его все мелко, ничтожно, мертво. Вне его нет жизни, нет истины, нет нравственности. Оно одно дает жизнь, одно создает истину, создает нравственность.

Да, друзья мои, оставьте ваши пустые споры из-за мелочей, из-за пустяков, из-за бессодержательных стремлений. Над вами, далеко и высоко, стоит область, где все это примирено, потому что все из нее лишь черпает свою силу; это — область эстетической формы, область художественного патетизма, область искусства. Религия и наука — пустые слова вне соответственной формы, вне соответственного патетического настроения. Искусство оживит своим дыханием религиозные типы, и за ними идут народы на победы и на гибель. Искусство отхлынуло от этих типов, и религия обратилась в бессмысленные детские побасенки. Научная истина открыта, но бессильна, пока ученый не нашел той *формы,* в которой истина станет убедительной для общества, пока общество не выработало в себе того *настроения,* в котором оно способно воспринять и усвоить научное убеждение. Я уже не говорю о так называемых нравственных, политических, социальных истинах. Они становятся истинами, становятся движущими историческими силами, когда талантливый оратор или публицист

воплотит их в красноречивое слово, в едкую статью; когда художник-поэт, скульптор или живописец создаст из них бессмертный тип, когда художник-историк поставит их представителей, как бессмертные цельные личности, на поклонение потомства. Пока не совершился над идеями этот процесс художественного преображения, до тех пор они вовсе не истины, вовсе не исторические силы, а пустая болтовня, посмешище для толпы, предмет поругания для руководителей мысли.

Религия, философские миросозерцания, нравственные и социальные учения, научные теории одна за другою являются на историческом горизонте, чтобы жить эфемерною жизнью минуты, чтобы дети смеялись над тем, из-за чего страдали и боролись их отцы, чтобы потомки забыли даже смысл слов, когда-то имевших историческое значение. Всякое содержание, теоретическое и практическое, есть прах земли, навеянный сегодняшним ветром в громадную гору и завтра развеянный другим ветром без следа. Поэтому ни одно учение, ни одно практическое стремление не имеет будущего. Все это, по самой сущности, — преходяще, мимолетно, ничтожно. Будущее принадлежит тому, что бессмертно, а бессмертна лишь неумирающая прекрасная форма. Пройдут века. Улягутся страсти. Вымрут последователи всех ваших учений, борцы всех ваших партий. Зевая будет перелистывать читатель будущего поколения устарелую проповедь Инквизитора, выдохшуюся речь Бабефа на рабочем митинге; зевая вспомнит законы, открытые Профессором и давно поглощенные другими, более общими законами, или политические комбинации Барона, финансовые хитросплетения Картежника, так как все это будет детскою забавою для людей будущих поколений. Холодно посмотрят эти потомки и на содержание моих картин, где я иллюстровал идеи моих друзей, идеи, каждая из которых на минуту вдохновляла и меня, вашего современника, получившего впечатления от борьбы ваших мнений. Но в моих картинах останется и для потомства нечто, чего нет ни в одном из ваших творений, из ваших действий. Это — неумирающая, прекрасная форма. Оттого выше всех этих картин, которыми восхищались и которые ругали, из-за которых писали томы полемических исследований, я ставлю небольшую картинку, которую я никому не продал, которая висит в моей спальне над кроватью и смотря на которую я умру. С нее я не снимал и не давал снимать копий, потому что это считаю профанацией; она мне могла удаться раз и не более и никому в мире не удастся. Я ее не показывал ни одному из вас, не показывал в публике, а только тем художникам, которых ставлю всего выше, и те, которые ее видели, должны были сознаться, что это — верх художественного совершенства. Что же в этой картине? Да ничего. Этюд спящей женщины, где из-под шелкового одеяла видна часть спины, закинутая за шею рука да белокурый локон... И только. Но что за формы! Что за отделка! Здесь бес-

смертие. Это совершенство формы я уловил однажды, и только однажды. Пройдут века, пройдут сотни поколений, но *этим* будет так же восхищаться художественно развитой человек, как восхищается теперь, как восхищался я, когда, положив кисть, в первую минуту посмотрел на свое произведение. Да, это — вечно, вечно.

Форма, форма! Поверьте, друзья, бросьте все ваши столкновения, споры, борьбы; ищите одного — прекрасной формы в слове, в выражении, в жизни. Она все преображает, все примиряет, царствует над всем. Все пройдет, но одна она не пройдет, и потому ей, только ей, изящной, вечной, принадлежит будущее. Будущее не может принадлежать ничему, что не завоевало себе вечной жизни. Будущее принадлежит бессмертным созданиям искусства, и им одним...»

Со сдержанным нетерпением слушали присутствующие письмо покойника. Профессор сложил его и продолжал:

«Представитель искусства первый оставил наш круг, круг сил, борющихся в современной истории за победу, за господство, за будущность. Это символически верно. Искусство давно перестало быть самостоятельною силою; оно не имеет и не может иметь самостоятельной исторической будущности. Со смертью нашего товарища наши собрания станут затруднительнее, потому что вражда между нами растет, и он один вносил в наши совещания элемент безусловно примирительный. Он один мог сочувствовать каждому из нас, увлекаться самыми противоположными взглядами и при этом оставаться последовательным, оставаться верным своему служению. Но это примирительное начало было иллюзиею, которая нам не нужна, едва ли не вредна. Будущее не нуждается в иллюзиях, и потому именно, может быть, теряет всякое историческое значение та область, которой служил наш умерший товарищ .Чтобы не говорить от своего имени, так как я не считаю себя беспристрастным в этом отношении, я предпочитаю привести вам отрывок одной критической статьи, писанной знатоком искусства по поводу смерти нашего товарища.

«Искусство умирает, — пишет автор, — оно должно умереть. Наука и ремесло теснят его с обеих сторон. Люди более и более убеждаются, что главная, если не единственная, их цель должна быть *польза.* Точно так же, как оставлены народные пляски, так оставят со временем чистое искусство в живописи и скульптуре, в музыке и поэзии. Единственное его проявление будет украшение жизненных и научных потребностей. Живопись и скульптура ограничатся красивою отделкою зданий и предметов ежедневного употребления. Поэзия без стихов (они будут отброшены, как детская забава), поэзия проявится лишь изящными описаниями природы в географических сочинениях и стройным воспроизведением личностей в истории. Музыка, вероятно, ограничится колыбельною песнью.

Словом, искусство потеряет всякое самостоятельное право на жизнь. И этого не долго ждать. Смотрите, как бледны произведения современных художников и поэтов, как на них тяготеет сознание, что они — последние представители отживающей деятельности, что они совсем уже не нужны. В лучших произведениях искусства нашего времени всюду существует сознание отживания: поэты и художники захватывают, что можно, из науки и жизни, чтобы казаться нужными людьми; но они готовы уже теперь сделаться лишь *декораторами* реальных областей бытия, тем самым признавая нереальность своей области, области чистого искусства, области, которая оказывается совсем ненужною в дальнейшем развитии человечества...»

И я, — продолжал Профессор, — считаю вовсе ненужным долее останавливаться на этом предмете. Голос последовательного представителя искусства замолк навсегда в нашем кругу.

Другой наш товарищ, Барон, представляет нам длинное сообщение из своих работ, из своей практической деятельности, из своих видов на будущее. Так как уже на последних наших собраниях найдено невозможным выслушивать и прочитывать его сообщения целиком, то я и теперь ограничусь извлечением из тетради, им присланной, для чего я и сделал отметки при беглом просмотре.

Барон, как и можно было ожидать, остался фанатиком государственной идеи. В длинном вступлении он повторяет знакомый уже нам тезис, что стройность административного механизма есть высший идеал человечества. Никакая общественная потребность не имеет в его глазах права отстаивать себя, если она хотя сколько-нибудь противоречит задаче порядка в государственных отправлениях. Личности должны считать за счастие, если они живут и гибнут для государства. Наука, искусство, религия настолько священны, насколько служат государственным целям; становятся бесполезны, как только их содействие этим целям перестало быть очевидным; заслуживают преследование, как только выставляют свои особенные, самостоятельные цели, которые могут в каком-либо случае противоречить целям государства. Барон сообщает нам еще раз, что он обрабатывает уже двадцать лет обширный и подробный проект систематического законодательства для всех отраслей социальной жизни, причем играет видную роль регулирование браков и применение искусственного подбора к производству личностей, наиболее годных для данных государственных функций. В этом проекте находится, между прочим, весьма выработанная программа научных работ и системы школ, целого ряда заказов по всем отраслям искусства и видоизменений в форме культа; все это направлено к одной и той же цели, к подчинению развития во всех отраслях жизни государственным целям. Барон обращает особенное наше внимание на устройство полицейского надзора всех отраслей общественной жизни, устройство, выработанное им в этом проекте и которое

он считает одним из наиболее глубоких приложений науки и техники к государственным целям. Поэтому он входит здесь в большие подробности, которые я считаю не лишним вам сообщить.

Дело в том, что подданные, по этому проекту, имеют право собираться на совещания или выслушивать речи и лекции лишь в определенных залах, устроенных правительством сообразно цели во всех городах государства, причем всякий говорящий речь или даже делающий замечание, должен становиться на определенное для оратора место. Даже для общественных обедов *с речами* есть залы и особенное кресло для произносящего *спич* — кресло, занимаемое каждым говорящим поочередно. Значительная пеня наказывает нарушение этого постановления. Всякая речь и всякое замечание, по обычаю и по закону, должны начинаться словами, в которых говорящий называет себя и свое общественное положение. От мест, с которых говорят речи, проведена весьма остроумная система акустических приемников и электрических нитей, передающих каждое слово говорящего сокращенными микроскопическими знаками на одну из множества движущихся полос особенной бумаги в первое, *ораторское,* отделение контрольного кабинета министерства полиции.

В другом отделении того же кабинета, которое называется *почтовым,* устройство также замечательно. Для удобства подданных правительство доставляет даром бумагу, перья и чернила, причем всякая продажа этих принадлежностей запрещена законом. Всякий может притти в почтовое отделение города и писать там, что угодно, на одном из многочисленных столов, там находящихся; перья привязаны к столу на длинном шнурке, и сквозь шнурок проходит электрический привод, так что каждое написанное слово в то же время пишется микроскопическими и сокращенными знаками в почтовом отделении министерства полиции. Более простое устройство представляет третье, *библиотечное,* отделение того же министерства, находящееся в электрическом сообщении со всеми типографиями государства и заключающее микроскопическую библиотеку всего печатаемого, которая образуется по мере процесса печатания. Остроумная система немедленной автоматической классификации всего хранимого в кабинете министерства, краткость употребленных знаков и их микроскопичность позволяют хранить весь собираемый материал с большим удобством, чем можно бы думать, судя по громадности материала, но все-таки кабинет министерства полиции должен представлять огромнейшее здание мира весьма оригинальной конструкции. К описанным отделениям, по плану составителя, должно присоединиться еще одно, и на опыты для его устройства Барон употребил значительную часть своего состояния, но результатов удовлетворительных еще не получил, хотя не отчаивается победить более значительные трудности этого вопроса, как победил меньшие трудности предыдущих задач.

Дело идет о контролировании всех частных разговоров в этом идеальном государстве при пособии особенных чувствительных плит, которые должны служить для мощения всех улиц и полов, находясь, в свою очередь, в сообщении с кабинетом министерства полиции. Многие думают, прибавляет Барон, что это едва ли исполнимо, но при настоящих успехах в технике отчаиваться и здесь не следует.

«Лишь обладая этими средствами, — пишет Барон, кончая очерк этого проекта, — государство сделается тем, чем оно должно быть в одной из своих отраслей, до сих пор совершенно отсталой. Оно должно быть не только *силою,* подавляющею всякое сопротивление в личности или в частной группе, не только стройным *механизмом,* быстро и точно передающим решения из центра по всем направлениям, но еще *знанием* всего, что делается на его территории. До сих пор все орудия знания, сосредоточенные в полиции, были слишком элементарны, потому что государство недостаточно пользовалось средствами науки и технологии. Явная полиция была лишь детским орудием, которое мог обойти или обмануть всякий враг общественного порядка. Несколько совершеннее организация тайной полиции или общественного шпионства, но и здесь слишком много предоставлено личной инициативе, частной ловкости и догадливости шпиона. Главный же недостаток явной и тайной полиции тот, что сыщики и агенты — люди со своими личными целями, аффектами и увлечениями, что они могут чувствовать жалость и боязнь, их внимание может ослабеть, они иногда могут ощутить некоторое отвращение к своему ремеслу и всякие другие человеческие слабости. Инструмента же, проверяющего годность сыщика и шпиона в данную минуту, до сих пор не придумано. Лишь имея шпионствующие и доносящие автоматические приборы, государство будет обладать вполне надежною полициею и станет государством *знающим,* что в нем совершается. Именно к доставлению государству этого могучего знания направлена вся моя деятельность, и, овладев этим знанием, оно станет всесильно. Для меня совершенно ясно, что это — цель достижимая, а потому государству, как всемогущей силе, государству, как совершеннейшему общественному механизму, государству, наконец, как всепроницающему знанию, принадлежит, бесспорно, историческое будущее».

Так как я вам сказал, — продолжал Профессор, — что, по частным сведениям, мною полученным, Барон страдает неизлечимою болезнью, то, конечно, он не кончит своего проекта, не достигнет цели осуществления всезнающей полиции, опирающейся на науку и технологию, не даст государству знания, а следовательно, и его принцип, повидимому, принадлежит к принципам неизлечимо больным, и его принцип, как надо думать, не встретит уже для себя защитника и представителя в наших будущих собраниях. Это — сила умирающая.

Мой доклад кончен, и мы можем приступить к нашему делу. По жребию, вынутому на прошлом заседании, за пропуском голосов Барона и Джулио, порядок слова следующий: Картежник, Бабеф, Инквизитор и я. Слово принадлежит Картежнику».

Картежник начал:

«Вы отлично знаете, что я считаю ваших единомышленников, Бабеф и Инквизитор, своими врагами, что употребляю и буду употреблять все усилия, чтобы скорее обессилить и раздавить их, не щадя при этом никого и ничего. Ваших же мыслителей и исследователей, многоученый Профессор, — заметил он иронически, — я не трогаю, потому что вижу в них частью безвредных тружеников, частью наших бессознательных союзников. Для вас наука — все, для меня это — орудие, как и для Бабефа, но я весьма далек от того, чтобы относиться к ней с бессмысленною враждою Инквизитора. Она—орудие, но орудие сильное и единственно целесообразное. Она позволяет предвидеть вероятное будущее, и потому именно я считаю несомненным, что победа будет принадлежать *нам,* тому деловому и расчетливому классу общества, который в речах Бабефа так часто является под именем ожиревшей буржуазии, эксплоататоров труда и т. д. и т. д.; тем отрицателям всякого религиозного авторитета, которых наш Инквизитор громит в своих проповедях, как исчадие ада, развращенных безбожников; тем практическим людям, на которых так презрительно смотрят профессора, в роде нашего Профессора, и которые позволяют себе смотреть еще более презрительно на слепых ученых, не замечающих, что именно их доводы свидетельствуют в нашу пользу.

Точно ли мы исчадия ада, я разбирать не стану, потому что считаю бесполезным восходить к столь метафизическим соображениям (из улыбки многоученого Профессора вижу, что, вероятно, не точно употребил слово *метафизический,* но это, по правде сказать, мне все равно). Что мы — безбожники, это несколько верно, но для нас существует лишь то, что можно котировать на бирже, и мы в этом не виноваты. Мы не ожирели, как надеется или мечтает Бабеф, хотя в наших рядах очень много ожирелых и отупелых; но ошибка Бабефа именно в том и состоит, что он смешивает эту бессмысленную массу с нами, живыми деятелями; подобное смешение так же разумно, как для анатома смешивать клетчатую ткань с мускулами. То и другое — тело, но для движения организма это не одно и то же. Мы — мускулы человечества; нами оно движется и только нами. Нам и принадлежит будущее. Наши ожиревшие и отупевшие товарищи составляют удобное средство хранения питательного материала, который в надлежащее время переходит в кровь и в нашу ткань. Между нами идет постоянная борьба, как во всем мире, и всякий, кто отупел, ожирел, устал, немедленно падает жертвою борьбы, разоряется, исчезает из наших рядов, переходя в ту массу мелкой, ничтожной буржуазии, которая

ничего не знает, ничего не видит; служит и государственным людям, ее разоряющим, и духовенству, отнимающему у нее последнее соображение; ненавидит нас, биржевых и промышленных царей, но служит нам и унижается пред нами, потому что мы — ее природные предводители; ненавидит пролетариат, как кровного врага, но бессознательно помогает ему своим нелепым либерализмом и своею бестолковостью. Победа *этой* буржуазии невозможна и была бы вредна для нас; но будь эта победа возможна, она привела бы к тому лишь, что *этот* класс буржуазии исчез бы, перейдя частью в наши ряды, частью в ряды наших жирных и глупых товарищей. Мелкая буржуазия должна разориться, и ее капиталы должны перейти в руки крупной, а личности, ее составляющие, должны перейти в ряды пролетариата. В крупной буржуазии должно произойти все более систематическое разделение мыслящей и деятельной части от части, воображающей, что старые, элементарные приемы накопления богатств достаточны, что можно составить себе кругленькую ренту и успокоиться на лаврах. Нет, это не так; мы окружены врагами и лишь упорною деятельностью, неустанной борьбою с врагом можем отстоять себя. Мы должны победить и раздавить все окружающее нас, или погибнем сами. У нас нет настоящих союзников, и слепые болтуны, которые воображают, что нынешние правительства, нынешний государственный порядок вещей поддерживает нас и должен быть поддержан нами, тем самым доказывают свое полное непонимание. Нынешние государства поддерживать нас не могут, если бы и хотели. Их борьба принимает все более громадные размеры, требует все более громадных средств, и потому они неизбежно будут высасывать из нас все, что могут. Они теперь еще живут на счет бедных людей, потому что те могут еще платить. Но бедные будут становиться все беднее, и скоро бюджет ляжет всею тяжестью на мелкую буржуазию. Если мы будем продолжать поддерживать существующий порядок, то и она разорится окончательно, и останемся плательщиками лишь мы. Если мы допустим до этого, то государства нас раздавят и сами сделаются добычею пролетариата, который один будет лицом к лицу с чиновничеством. Но мы не должны позволить этого и не позволим. Прежде чем государства будут поставлены в необходимость перенести подати с низшего класса на буржуазию, мы их разрушим, перестроим, и эта бесполезная нам административная организация должна рухнуть пред нашими усилиями.

И здесь мы имеем за себя науку. Она доказала, что политические вопросы исчезают пред экономическими, что биржи управляют государствами и что лишь тогда политика здрава, когда она соответствует развитию и преуспеянию оборотов денежного рынка. Если это так, то надо быть последовательным: к чему фиктивная и дорого стоящая государственная организация, когда уже открыт истинный источник власти и политического влияния?

К чему короли и императоры с их любовницами и придворными, когда мы, капиталисты, настоящие цари мира? К чему надутые и бестолковые министры и посланники, воображающие, что они руководят народы, устраивают войну и мир, когда благоденствие и разорение народов в *нашем* кармане, войны ведутся для *наших* целей, мирные договоры заключаются потому, что *мы* этого хотим. Пора нам быть явно господами того, что в действительности давно уже наше. Биржи — вот наши дворцы и парламенты; маклеры и торговые агенты — вот наша администрация; торговые сделки — вот наша дипломатия [99], наши трактаты; разорение одного и обогащение другого в столкновении коммерческих интересов — вот наши битвы. Монархии, республики, конституции, законы, суды — все это старые формы или пустые слова, истинный смысл которых один: где находится капитал, там находится власть; капитал под разными именами управлял и управляет миром; лишь те законы разумны и осуществимы, которые содействуют естественному стремлению капитала расти, концентрироваться и давить все, что ему мешает; лишь те суды имеют смысл, которые произносят приговоры в пользу усиления капитала. Все остальное — болтовня или бессмысленная непоследовательная деятельность.

Но для того, чтобы деятельность капиталистов была осмыслена, чтобы капитал стал действительно тем всепоглощающим деятелем, которым он должен быть по своей сущности, необходимо, чтобы он концентрировался не случайно, действовал не рутинно, но пользовался всеми средствами науки, не был стеснен никакими предрассудками, — словом, имел за собою самый развитый ум, опирающийся на самое обширное знание, и самую энергическую волю для поддержания безустанной деятельности. Именно потому нам нужна наука как орудие, и мы должны объявить решительную войну притязаниям духовенства, которое хочет ограничить научные исследования, остановить критику мысли, поставить нам целью достижение какого-то фантастического царства божия и хочет отвлечь часть нашей деятельности для этой нелепой цели. В сущности нам совершенно неинтересна борьба этих господ с материалистами, рационалистами, позитивистами, нигилистами, вольтерьянцами, скептиками, и как там их зовут. Еще ни одна акция не вздорожала, и ни один торговый оборот не потерпел от того, что признали вздором мнение автора книги Бытия, который думал, что небо состоит из хрустального свода, из-за которого выливались во время ноева потопа потоки на плоскую землю, или от того, что признали землю атомом, вращающимся около другого атома, несколько большего, в неизмеримом пустом пространстве, где, кроме вещества, нет ничего; деловому человеку некогда обдумывать, есть ли у него особая душа или нет; для нашей индустрии безразлично, можем ли мы есть мясо бога под формой теста или нет; наконец, мы никогда не

станем беспокоиться о том, был ли наш предок когда-либо похож на обезьяну или на Адама Микель Анджело[100].

Все это для нас могло бы иметь лишь интерес забавного представления, в роде «Прекрасной Елены», если бы за этими пустяками не скрывался вопрос, для нас несравненно серьезнейший и весьма практический. Время рутинного обогащения торговлею или биржевыми оборотами для нас прошло, как я уже сказал. Государство нам грозит гибелью; рабочие нам объявили непримиримую войну; мы сами обречены положением дел бороться между собою, губить друг друга в неумолимом соперничестве, истреблять мелкую буржуазию, отнимать друг у друга капиталы и не можем отстоять себя, следовательно, и победить, без самых напряженных усилий. Поэтому ум и знание нам необходимы; мы не можем пренебрегать никакими умственными средствами; все, что мешает уму, что сдерживает его, нам гибельно. Следовательно, прежде всего мы не должны допустить господства или даже влияния религии. Нам достаточно реальных забот, реальных вопросов, чтобы мы позволили отвлекать наши силы на какие-либо фантастические религиозные цели. Все догматы принадлежат прошлому; все капиталы, бесполезно скопленные в руках духовенства, должны усилить нашу партию, концентрироваться в наших руках. Мы не материалисты, не позитивисты и вообще не какие-нибудь *исты*, потому что нам некогда решать все эти пустые вопросы; но мы говорим духовенству: вы нам вредны, потому что не можете не тратить части наших сил на предметы, для нас ненужные. Нам нужно только реальное знание, только знание законов, приложимых прямо к практике. Вы не только не даете их нам, но отвлекаете нас от них, враждуете против тех, которые употребляют исключительно научные приемы мысли, пренебрегая вашими мечтаниями. При этом вы представляете еще довольно сильную, обширную и влиятельную организацию. Поэтому мы вам враги, враги на смерть, как мы враги всему, что нам мешает. Нам нужен ум: вы стремитесь сделать нас глупыми. Нам нужна власть над миром: вы толкуете о царстве божием. Те из нас, которые воображают, что в их интересах вас поддерживать, не понимают всей опасности настоящего положения. Между борющимися силами в настоящую минуту союза уже быть не может. Государство или подчинит вас себе и уничтожит вас нравственно, или само подчинится вам и потеряет свое политическое значение. Капитал или сделается орудием государства или духовенства, или раздавит их как самостоятельные силы, заменив политические и богословские вопросы экономическими. Последнее должно случиться, и мы употребим все силы для этого.

Именно той доле буржуазии, которая соединит в своем мозгу силы ума и знания, в своем характере силу воли, в своей организации силу капитала, принадлежит будущее, и ее едва ли справедливо называть ожиревшею. Перед нею падут все посторонние

силы, о которых я уже говорил; она концентрирует в своих руках весь капитал мелкой буржуазии, обратив ее в пролетариат; она разорит своих ожиревших товарищей крупной буржуазии, оставляя в своей среде лишь умнейших, наиболее знающих, наиболее энергических, наиболее сильных во всех отношениях. Эта естественная и законная аристократия должна захватить всю государственную силу, все духовное господство, все экономические средства, всю монополию знания и на основании строгих научных данных выработать социальное устройство, которое закрепило бы навсегда ее безусловное господство и вечную подчиненность всего остального человечества.

Господа социалисты зовут нас эксплоататорами труда, врагами прогресса; первое — глупо, второе — нелепо. И здесь опять наука составляет нашу самую лучшую опору. Борьба за существование есть общий закон природы, мы в этом не виноваты; всегда и везде одни существа эксплоатируют других: овца эксплоатирует траву, волк эксплоатирует овцу, меховщик эксплоатирует волка, заимодавец эксплоатирует меховщика, государство эксплоатирует барыши заимодавца, биржевой оператор эксплоатирует потребности государства, умнейший биржевой игрок эксплоатирует более глупого. Человеку остается признать необходимое и построить систему общества на этом необходимом. Эксплоатация, или социальная борьба за существование, должна быть не случайна и бессознательна, но разумна и целесообразна. Капитал есть представитель, орудие и результат этой борьбы в ее самом чистом виде. Он и должен организовать ее в свою пользу. Я уже говорил, что все нынешние преобладающие общественные элементы должны исчезнуть пред капиталом или должны быть обращены в его орудия. Он должен выработать аристократию, которая монополизирует все силы, и все вне себя должен обратить в бессильное и совершенно ничтожное орудие своей деятельности. Это — закон природы, против которого бороться глупо, а споспешествовать которому и разумно, и нравственно, если последнее слово имеет смысл.

Я сказал еще, что объявлять нас противниками прогресса нелепо. Действительно, не совершенно ли ясно доказывает история, что лишь там был прогресс, где происходило скопление богатств в руках немногих и эксплоатация большинства меньшинством? Кто воздвиг дворцы и храмы Египта, которым удивляется современность? Самые неумолимые эксплоататоры, не жалевшие миллионов жизней и неисчислимого количества труда для получения блестящих продуктов цивилизации. Что такое было это античное общество, которое прославляют за его литературу, искусство, философию? Небольшое меньшинство, эксплоатировавшее огромную массу рабов. Фантазеры нравственности говорят о рыцарском благородстве, о рыцарских добродетелях. Но рыцари были цветом феодализма, давившего на все остальное население. Ни одно

замечательное произведение искусства, ни одна оригинальная и несколько сложная работа в науке не могла бы быть никогда совершена, если бы не было капитала, который мог бы быть затрачен не на удовлетворение первых потребностей, а на роскошь мысли. И этот капитал, без которого невозможны были бы ни искусство, ни наука, был необходимо результатом труда людей, никогда не воспользовавшихся продуктами этого труда, эксплоатированных в пользу того меньшинства, которое выработало цивилизацию. Впрочем, я говорю азбучные истины, на которых едва ли не смешно останавливаться. Прогресс возможен только при существовании капитала, при посредстве капитала, и самый значительный прогресс произойдет там, где наибольший капитал будет концентрирован в руках меньшего числа наиболее умных людей. Прогресс есть не что иное, как естественный и искусственный подбор социально сильнейших личностей при гибели остальных. Но мы именно и стремимся организовать этот подбор самым рациональным образом, не стесняясь никакими посторонними соображениями.

Эта будущая аристократия капитала, приобретя безусловное господство, монополизировав экономические и умственные силы, должна выработаться в особенную избранную расу, которая имела бы все превосходства над остальным человечеством. Последнее надо поставить систематическим воспитанием на степень полезного орудия и *только* орудия, чисто экономически оценивая расходы на его содержание, выгоду, им приносимую, и период времени, в который его особи истрачивают свою годность. Развитие меньшинства и его обеспеченное положение может быть куплено только ценою полного и совершенного подчинения большинства, так чтобы оно не имело ни возможности, ни даже мысли улучшить свое положение; чтобы всякая случайная попытка единицы возмутиться против подобного положения влекла за собою, как неизбежное следствие, сокращение вредной личности. Но я ошибаюсь; эти существа должны быть не *личностями,* а *особями* рабочей расы человеческого рода, не имеющими в глазах рассуждающего человека ни малейшего достоинства или значения вне их экономической пользы. Нет сомнения, что употребляя систематически надлежащие приемы, при пособии точной науки, можно дойти до образования в человечестве той же разницы в формах тела и в наклонностях, которую мы замечаем в муравьях одной и той же общины, и до придания общественному строю подобной же устойчивости, как муравейнику.

До сих пор тому мешали неосуществимые идеалы, которые влекли людей к бессмысленным действиям; невозможные требования благоденствия, справедливости, знания для всех столько же, как государственные формы и догматические мечтания, которые, тяготея над личностью, не были, однакоже, достаточно целесообразны, чтобы подавить всякую попытку к сопротивлению

и централизировать всю силу там, где хотели создать центр силы. Государство допускало в своей среде независимую силу догмата, не могло не дать развиться рядом со своим политически-административным центром независимой экономической силе капитала и, для мгновенных целей, опиралось то на догмат, то на капитал, то на попытки бедных классов улучшить свое положение. Догматы религии и охраняли существующую власть, и льстили воображению пролетария, и организовали особую форму капитала в ряду других капиталов. Бестолковая буржуазия не понимала, где ее враги, какие ее настоящие цели; либеральничала и заискивала в духовенстве; употребляла полумеры с пролетариатом; с непонятною глупостью писала на своем знамени: свобода, равенство, братство! Для всех этих вздоров время минуло. Война между капиталом и пролетариатом объявлена, и один из них должен пасть в борьбе. Смешно было бы капиталу убить самого себя. Он должен убить пролетариат, т. е. довести его до степени низшей, бессильной и бесправной расы, и остаться один в истории, избавившись от всех своих соперников. Разделять власть и значение уже нельзя. В истории нет уже места двум или трем силам. Из всех существующих сил экономическая сила *одна* рациональна, она и должна раздавить все прочие, захватить себе, и *только* себе, все, что осталось в них живого, и пересоздать человечество при пособии науки по своим требованиям. Ни религия, ни политика не сумели создать ничего прочного. Капитал сумеет это сделать, раздавив всякое препятствие. Будущее принадлежит капиталу, усиленному умом и знанием; оно принадлежит ему одному».

Все резче, все повелительнее становился голос Картежника к концу его речи. Он не смотрел ни на кого из присутствующих, но его хищные глаза перебегали искоса от одного пятна грязного стола таверны к другому; его руки играли со складным ножом с черенком слоновой кости, то открывая его разнообразные лезвия, то снова закрывая их. Бесстрастно и прямо смотрели на него серые глаза Профессора сквозь золотые очки. Нахмурясь и изредка вскидывая большими черными глазами на говорившего, сидел Инквизитор. Один Бабеф едва мог удержаться на месте. Он сидел как раз против Картежника с другой стороны стола. Его глаза горели. Его лицо дышало ненавистью к врагу, и на лбу широко надулись темные вены. Он то прихлебывал из кружки пиво, то сжимал на груди свои жилистые руки, то закусывал всем верхним рядом своих больших ровных белых зубов нижнюю губу. Когда Картежник кончил, он вскочил и, опершись левой рукой на стол, наполовину нагнувшись над ним, разом начал:

«Нет! И тысячу раз нет! Будущее не принадлежит вам, исторические кровопийцы! Довольно вы властвовали; довольно вы питались потом и кровью, трудом и силами ослепленных работни-

ков. Ваши оргии телом народов приближаются к концу. Ваш час скоро пробьет. Не торжество перед вами, а гибель, неизбежная кровавая гибель, страшная расплата за дела дедов и отцов, за ваши собственные дела. Против вас развитие природы. Против вас прогресс истории. Напрасно вы закрываете глаза перед силою, которая растет под вами, около вас, растет от каждого вашего удара, растет при победе, растет при поражении и, наконец, задушит вас.

Вы возводите эксплоатацию в систему. Вы гордитесь тем, что исполняете в вашей деятельности вечный закон природы — борьбу за существование. Да, вы, точно, представители этой доисторической борьбы, этого животного закона, который *один* господствовал когда-то, затем, с появлением исторической мысли, исторического развития, стал понемногу терять почву под ногами, стал уступать место иной борьбе, иным столкновениям, пока, наконец, наследниками громадных ящеров человеческих периодов, соперниками акул нынешних морей, гиен и волков нынешних лесов остались в человечестве лишь государственные и промышленные хищники.

Да, шла борьба, неумолимая борьба за существование в первобытном мире животных, когда ни волк, ни человек не знал, как обеспечить себе завтрашний день, когда случай доставлял кусок для утоления голода и когда за этот кусок необходимо было бороться под опасностью голодной смерти.

Но этот период сменился другим. Люди стали бороться за увеличение наслаждения. Они стали бороться за развитие, за воплощение в жизнь правды. Раб жертвовал обеспеченным куском хлеба для свободы. Верующий жертвовал безопасностью жизни, самою жизнью для права исповедывать свое верование, для права распространять его, осуществлять его в жизни. Народы шли на кровавую борьбу, пренебрегая спокойствием и благосостоянием, для национальной независимости. Партии сталкивались в междоусобных войнах, губивших все блага обыденной жизни, и боролись на смерть, чтобы завоевать своим политическим идеям место в истории. Простонародие давало добродушно своим предводителям три месяца своего времени, три месяца[101] нужды и голода, надеясь на то, что они воплотят в закон обещанные свободу, равенство и братство.

Много жертв, жертв свободных, добровольных принесено личностями и группами личностей, народами и человечеством для осуществления того, что личности, народы, человечество считали правдою. Пред этой исторической борьбою за воплощение своих идеалов, пред этим человечным стремлением внести в жизнь высшие человеческие потребности давно отступила в прошедшее старая борьба за существование, старая борьба человека-животного с человеком-животным.

Но эта борьба продолжалась во все периоды эксплоатато-

рами ближнего, эксплоататорами масс, эксплоататорами народов. Хищные собственники, промышленники, торговцы, капиталисты продолжали в человечестве традицию волков и гиен. Они грызли беззащитное стадо менее хищных, слабых масс; питались их телом, питались их кровью. Они грызлись между собою за кусок кровавого мяса, за похищенные продукты труда, за право порабощать и эксплоатировать массы. Другим представителем той же традиции было государство и его правители; власть в разных ее формах и администрация, ею поставленная для подчинения народов. Вся политическая история есть не что иное, как мартиролог народов, по костям которых власть восходила все выше и выше на ступени своего исторического могущества. Монархи, аристократы, конституционалисты, республиканцы, диктаторы, демагоги — это было все равно. Во всех формах власть была одна и та же: хищный зверь, поедающий народы, механизм для их умственного отупления, для их экономического разорения, для эксплоатации миллионов в пользу немногих. И точно так же, как хищники экономические, политические хищники грызлись между собою за господство. Министры боролись за портфели, рабы и евнухи за влияние на цезарей, партия честолюбцев за место у кормила правления, государства за куски территорий, за преобладание на конгрессах. Народы, в своем ослеплении, думали, что их страдания происходят от того или другого класса экономических эксплоататоров, от той или другой формы правления, от подчинения тому или другому государству. Они становились союзниками одних политических партий против других, помогали одной группе хищников сменить других по историческому влиянию, шли под национальные знамена за то, чтобы быть подданными итальянского короля, а не австрийского императора, чтобы оставаться бельгийцами, а не подчиняться голландскому королю. Но скоро, очень скоро наступало разочарование. Патриции средневековых городов и мастера цехов не менее истощали и унижали простолюдина-работника, как феодалы, от которых отстояли их работники на площадях городов и на поле битвы. Парламентарные конституции были не менее рассчитаны на притеснение масс богатым меньшинством, как и абсолютные монархии божиею милостью. В короле, в аристократии, в парламенте своих соплеменников массы встречали таких же точно хищников, какими были чужеземцы. Всюду в экономическом развитии цивилизаций, всюду в смене их политических форм народ находил врагов и только врагов, страданье и только страданье. Хищники, продолжавшие животную борьбу за существование, могли только хищничать и терзать его.

И вот теперь вы, капиталисты-биржевики, капиталисты-промышленники, прямо заявляете себя представителями старой животной традиции, традиции борьбы за существование, традиции неумолимого хищничества, жертвою которого должны сделаться

и массы пролетариев, и слабейшая часть ваших братьев-биржевиков и промышленников, и государства со всеми их законами и конституциями. Вы говорите: мы — единственная естественная и экономическая сила; мы хотим все захватить, все поесть, и нам, во имя нашей силы, принадлежит все, и мы захватим и поедим все.

Нет, говорим вам мы — работники, мы — народ. Вы не захватите, не поедите всего, потому что вам, естественной, животной, хищнической силе, противостоим мы — сила историческая, человеческая, сила правды. Представителям борьбы за существование противостоим мы — борцы за справедливость. И насколько животный мир был покорен человеческой мыслью, насколько борьба за существование уступила борьбе за развитие, борьбе за воплощение правды, насколько неразумная природа легла в подножие развития разумной истории, настолько мы, работники, мы, народ, мы, представители человечного идеала, мы, строители царства истины и справедливости, подчиним себе, подавим, уничтожим историческую роль капитала и эксплоатации. Вы должны подчиниться истории, которая ясно указала путь от мрака к свету, от животной бессознательности к человеческому сознанию, от рабства к свободе, от невежества к знанию, от хищничества к воплощению правды, — путь прогресса и человеческого развития. Вы — помеха на этом пути; вы и должны быть раздавлены. Мы — созидатели того самого будущего общественного строя, на который указывают идеалы человеческой мысли, и победа должна принадлежать нам; царство истины и справедливости должно быть основано, и оно будет основано нами. На развалинах всех современных государств, на разрушении всех ваших капиталистических и промышленных централизаций; если понадобится, то на развалинах всей вашей эксплоататорской цивилизации; если нужно, то на костях всех представителей старого мира, — мы воздвигнем это царство, царство труда и равенства, где не будет места праздным паразитам общества, где исчезнут эксплоататоры и монополисты.

Да, вглядитесь в историю и убедитесь, что она представляет все убывающий успех общественных эксплоататоров в подчинении себе масс. Неполноправные граждане и рабы Греции и Рима составляют уже социальный прогресс сравнительно с совершенно бесправными населениями Востока, страны каст и всеобщего порабощения, всеобщего ничтожества народов пред царями, шахами, визирями или далай-ламами. Еще выше в этом отношении стояли городские населения средних веков, несмотря на давление феодалов. И теперь, когда современный пролетарий начал борьбу против легального государства, его давящего, против централизованного капитала, его истощающего и отупляющего, он имеет за себя ручательство истории, что он добудет себе устойчивою борьбою и разумною организацией ту победу, которую в

свое время одержали его предки. Но они, в своем ослеплении, боролись и побеждали для других; он будет бороться за себя и победит для себя.

Впрочем, — продолжал Бабеф спокойнее, — я спорю далеко не против всего, что сказал представитель капитала. С многим я вполне согласен, но то в его речи, с чем я согласен, говорит в мою пользу. Действительно, он верно указал, что государство и религия, в которых прежние консерваторы видели опору развития владеющих классов, не могут не вредить капиталистам и не эксплоатировать их. Я не мог бы лучше выставить опасного положения буржуазии, чем оно выставлено защитником ее... Впрочем, я ошибаюсь: не защитником буржуазии *вообще,* а защитником небольшого меньшинства мыслящих, энергических и беззастенчивых ее членов, которые прямо ставят себе задачею выработать из себя высшую расу и создать свое будущее величие на трупах и на страданиях всего остального человечества. И в том он прав, что полумеры прежнего времени не приведут уже ни к какому удовлетворительному результату; война, и война неумолимая, между капиталом и трудом, между эксплоататорами и эксплоатируемыми, началась повсюду; дело идет для тех и других о том, кому *быть* и кому *не быть.* Едва ли не прав Картежник и в том, что единственный целесообразный способ борьбы за существование, оставшийся буржуазии, есть именно тот, который он указал. Она должна господствовать или погибнуть. Она должна откровенно объявить войну всем прочим силам общества во имя естественной борьбы за существование и прямо отрицать громкие слова: равенства, братства, справедливости и т. д., которые до сих пор писались на знаменах ее борющихся партий, но которые постоянно оказывались для нее пустыми словами или лицемерными масками эгоистических стремлений. Она должна поставить своею явною целью порабощение человечества капиталу, своим явным орудием конкуренцию во всех ее крайностях.

Да! Путь, указанный представителем капитала для буржуазии, рассчитан хорошо, энергичен и устраняет от нее все те предрассудочные препятствия, которые мешали прежде людям вполне раздавить своих противников; этот путь есть для небольшого числа капиталистов единственный, который остается; но этот путь невозможен, если сколько-нибудь можно заключить из прошедшего истории о ее будущем; если добытые результаты опытной науки о человеке имеют хотя малейшую долю вероятности; если повальное безумие и бесхарактерность не охватят всего человечества, за исключением того небольшого кружка монополистов всех общественных сил, из которого предполагается выработать будущую господствующую расу.

Я постараюсь не увлекаться и не возмущаться через меру, как ни возмутительны по своей сущности планы всемирной эксплоатации предшествующего оратора. Будем говорить о практической

стороне этих планов. Как же это думают их осуществить представители будущей господствующей расы? Как достигнет своего всемирного преобладания умственная и экономическая аристократия буржуазии?

Во-первых, ей предстоит перестроить нынешний политический порядок в виду огромной массы рабочих, объявивших ей открытую войну, и в виду большинства буржуазии более мелкой, менее богатой, для которой торжество *будущей расы,* это — близкое разорение, более далекое умственное, политическое и экономическое ничтожество, окончательное обращение в рабочий скот. Правда, что капитал представляет весьма могучее орудие преобладания; правда, что рабочим недостает в большинстве и фактического знания, и деловой рутины, и политической подготовки, и целесообразной организации; правда, что и крупная, и мелкая буржуазия до сих пор не выказала вовсе понимания своего положения и ожидающего ее будущего, а тем менее практического смысла при различных катастрофах последнего времени. Но переоценивать могущество своего оружия и рассчитывать на вечные ошибки, на вечную глупость противников едва ли удачный прием для долговременной борьбы, а, конечно, будущая аристократия капиталистов надеется вполне восторжествовать не сегодня и не завтра. Чем более будет уясняться ее план для большинства не только рабочих, но и менее выгодно поставленных членов буржуазии, тем вероятнее, что в среде угрожаемых классов явятся более умные и энергические личности, которые сумеют внушить своим группам настоящее понимание дела, сумеют уяснить практические задачи данной минуты и сумеют найти пути для противодействия торжеству капиталистов *будущей господствующей расы.* Конечно, большинство мелкой буржуазии долго будет прибегать к тому рутинному средству, к которому прибегало до сих пор: к консерватизму во что бы то ни стало, т. е. к поддержке государства и административного преобладания во всех его формах, как к естественной ограде против деспотизма централизованного капитала. Но эти консерваторы, наконец, увидят то, что справедливо заметил мой оппонент, что государственные бюджеты для своего равновесия неизбежно будут высасывать все большую и большую долю их барышей, что настоящий государственный строй стоит непомерно дорого и что нынешней мелкой буржуазии долго вынести его невозможно.

Когда, таким образом, консерватизм мелкой буржуазии ослабеет, то настанет минута капиталистам-централизаторам осуществлять свою новую систему биржевого политического строя. Но как они это сделают: путем революции или путем легальной реформы? Известно, что революция — меч двуострый, что ни одна революция, кроме дворцовых, не обошлась без того, чтобы самые бедные классы общества не вышли на площадь как орудие или как деятели. Конечно, они были почти всегда орудиями, и это

было неизбежно, пока они верили, что революционеры — их друзья и покровители; что эти люди, стремясь к политическим переворотам, имеют в виду и улучшение положения большинства. Но мой оппонент сам признал, что теперь дело иное.

Да, теперь дело иное. Война между капиталистом и пролетарием объявлена, и бедный не поверит уже богатому революционеру. Прошло время, когда рабочие своею кровью доставляли адвокатам и промышленникам места министров конституционных королей или власть членов республиканского правительства. Проучили их парламентские говоруны, смысл речей которых был всегда один и тот же: новые права богатым и горе беднякам, горе народу! Проучили их все правительства, одно за другим высасывавшие из них их силы и бросавшие их на произвол их эксплоататоров. Проучили их все религиозные, монархические, аристократические, демократические агитаторы, взывавшие к народу в минуту опасности и потом всегда забывавшие народ на другой день победы. Наши деды помогали господству церкви в религиозных войнах. Наши отцы помогали господству капитала в политических революциях, совершаемых буржуазией. Наши братья помогают господству настоящего государственного строя, думая, что разные законы и конституции им обеспечивают их скудный заработок. Наука рассеяла религиозные страсти минувшего. Опыт истории доказал, что торжество буржуазии в революциях ложится на бедного более тяжелым гнетом, чем господство эгоистических монархий. Опыт жизни рассеивает ежедневно иллюзии наших братьев, верующих еще в правительства, в законы и конституции. В нас все уясняется и распространяется сознание, что все окружающие нас общественные силы нам враждебны; что лишь крепкая, искренняя ассоциация рабочих пролетариев может быть нашим руководящим принципом, может составить нашу силу, может дать нам победу. Вне ассоциации рабочего пролетариата около него только враги, и он прямо и откровенно объявляет себя врагом всех наличных общественных сил, давивших и эксплоатировавших его в продолжение тысячелетий.

Мы — враги религии и союзники науки, подобно нашим противникам, потому что религии отупляют нас, а наука дает нам средства для борьбы и победы. Мы — враги существующего государства и всякой политической власти, потому что всякая власть давит свободную ассоциацию принудительными формами; потому что в государстве бессодержательная форма всегда преобладает над реальным содержанием общественной жизни; потому что большая часть государственного строя для нас бесполезна и стоит дорого; потому что государства не решаются и не решатся отречься от призраков религии в пользу положительных данных знания; потому что государства по сущности представляют господство монополии, поглощение результатов труда праздными паразитами общества.

А прежде всего мы — враги всякой монополии, потому что она нераздельна с конкуренцией, которая подрывает прочность ассоциации в самых ее основах. Мы — враги всех классов, сословий и личностей паразитов общества, пользующихся чужим трудом для своих наслаждений, потому что эти люди не могут не быть приверженцами монополии, не могут не быть враждебны всякой свободной ассоциации и мешают нам косвенно даже тогда, когда не противодействуют нам явно. Само собою понятно, что мы — объявленные, откровенные, непримиримые враги в особенности тех капиталистов-централизаторов, которые ставят себе сознательно целью наше порабощение, обесчеловечение. Между нами и ими нет и не может быть уговора, соглашения, уступок. Капитал должен нас обратить в низшую расу, в рабочий скот, или погибнуть. Мы должны тоже разрушить все его экономические и легальные основы или погибнуть.

Борьба началась и будет продолжаться до окончательной гибели одного из нас. Она будет трудна, и мы должны рассчитывать, на что мы можем опереться. Мы знаем это. У нас две опоры, и только две: знание и крепкая организация. Нам для борьбы нужно ясное понимание реального, и только реального; нужно знание, и только знание, вне всякой иллюзии о своих и чужих силах, о каких-либо сверхъестественных и провиденциальных пособиях. Нам также нужна крепкая организация ассоциации всех трудящихся. Это и есть наша ближайшая цель, наше насущное дело. Рабочие одного ремесла сплачиваются во всемирные союзы. Рабочие одной местности сближаются в общем деле борьбы противу государства, их давящего, противу капитала, их эксплоатирующего. Всюду идут вестники нового евангелия рабочих, проповедующие братство пролетариев, неумолимую борьбу сообща противу общих врагов. Мы зовем в свою среду всех трудящихся, потому что наша победа будет возможна и окончательна лишь тогда, когда в ней будет участвовать большинство человечества. Мы провозглашаем равенство всех трудящихся, братство всех притесненных, солидарность мирового пролетариата, и каждый день приближает нас к осуществлению великой мировой ассоциации рабочих, к могучей организации, которая покроет мир солидарными секциями братьев по труду, стоящих все за одного, один за всех и в данную минуту по данному знаку готовых разом двинуть миллионы своих крепких рук, закаленных долгим трудом, долгим терпением, долгою ненавистью, на великое дело социальной революции. Как враги конкуренции, враги монополии, мы одни имеем возможность составить прочную ассоциацию, организовать ее и с полною искренностью ее поддерживать, потому что один труд не требует взаимного поедания, не требует монополии для правильной своей организации. Могучая организация рабочего пролетариата есть самая насущная потребность наша. Ясное понимание наших потребностей, ясное понимание реального

и возможного, опирающееся на знание природных и общественных условий социальной борьбы, должно лечь в основу этой организации. Едва она разрастется в достаточной степени, нет силы, которая могла бы противостоять нам, нет врага, который не пал бы пред нашим напором, потому что мы — вся социальная сила, мы — сущность общества, мы — человечество. Когда же мы имеем за себя возможность ассоциации, научное понимание и крепкую организацию, то мы ручаемся за последовательность наших действий, за неуклонное стремление к нашей цели, за неумолимость относительно всего, что стоит на нашей дороге.

И неужели при этом-то озлоблении пролетариата противу буржуазии и главных представителей капитала, при этой разрастающейся не по дням, а по часам организации рабочих, направленной против капитала, капиталисты решились бы прибегнуть к орудию политической революции в *свою* пользу? Неужели они решились бы вызвать народ на площадь для низвержения нынешнего политического строя и для основания строя, долженствующего установить царство капитала? Признаюсь, это была бы с их стороны попытка весьма и весьма рискованная. Взрыв, точно, произошел бы и унес бы, вероятно, нынешнюю политическую систему, но еще вероятнее, он унес бы вместе с тем и блестящий идеал будущей всемогущей федерации биржевых самодержавных республик. При первом призыве вашем к революции мы, точно, выйдем на площадь, точно, низвергнем нынешние нелепые государственные власти, но не ваше знамя золотого мешка станет на место нынешних орлов и леопардов, черно-желтых и трехцветных государственных знамен, а знамя народа, знамя работников, знамя кровавой социальной революции, федерации рабочих союзов.

Итак, всего вернее капиталистам итти к осуществлению своего хищнического плана путем легальной реформы. Это, повидимому, возможно, так как возрастающие финансовые затруднения государств дадут более и более поводов денежным централизаторам усиливать свое политическое влияние, притягивать в свои руки всю власть и мало-по-малу сделать из парламентов, министерств и государственных советов лишь исполнительные ведомства для тех соображений, которые будут обдумываться главами больших банкирских, торговых и промышленных фирм. Имея в руках все выборы, все назначения, все влияния, они, точно, могли бы править миром под именем государственных властей, давить своих противников в назначенных ими судах, издавать какие угодно законы, употреблять армии для уничтожения всякой попытки противостать их преобладанию и шаг за шагом могли бы итти к своей блестящей цели.

Могли бы, но не могут, потому что всему этому есть существенное препятствие в том, что составляет самую невыделимую черту, характеризующую развитие капитала. И эту черту откровенно подметил Картежник. Вечное соперничество, вечная борьба

между капиталистами, вечное старание каждого подорвать всех своих товарищей, взять все себе, себе одному — вот сущность развития капитала, основание его господства, его исторической роли. Если бы все удалось совершенно так, как предполагалось по хищническому плану, перед нами изложенному, то конкуренция погубила бы сначала мелкую буржуазию, потом среднюю, потом менее развитую, менее умную и менее энергическую долю высшей, но она на этом не могла бы остановиться и не остановилась бы. Борьба продолжалась бы между умнейшими и могущественнейшими капиталистами, или они опустились бы, поглупели и сделались бы жертвою социальной катастрофы. При продолжении же борьбы они образовали бы не всемогущую федерацию самодержавных капиталистов, управляющую миром, а столь же соперничествующие единицы, как нынешние государства; они употребляли бы свое политическое влияние для того, чтобы подрывать друг друга; они направляли бы армии для взаимного разорения; и пока в мире оставалось бы два господствующих капиталиста, они вели бы борьбу между собою с целью образовать всемирную империю, где один эксплоатировал бы все человечество. При подобной борьбе, лежащей в самой сущности положения, союз больших капиталистов для согласного дела был бы тем менее возможен, чем менее оставалось бы около них сил, им враждебных. То, что теперь еще встречается, — образование больших денежных ассоциаций капиталов для подавления мелких или для эксплоатации государства,— не имело бы повода существовать, когда мелкие капиталы были бы уничтожены, а государства подчинены. Капиталы осуждены самою своею сущностью на взаимное поедание, а не на согласное действие. Будущее принадлежит не им, а тому элементу, который хранит в себе возможность ассоциации.

Но капиталисты не могли бы не только упрочить своего господства над миром; они не могут и достигнуть этого господства все по той же причине. В виду большого сегодняшнего барыша, в их рядах, и как раз между умнейшими, всегда найдутся изменники общему их делу, которые будут столь же равнодушны к торжеству капитала над всеми его противниками, если это торжество наступит после их смерти, как и к страданиям человечества, которые действительно происходят около них в настоящем вследствие их беззастенчивой биржевой игры. Они продадут своих компанионов по денежным операциям, как продают своих приятелей, доверивших им свои заработки, как продают свое отечество, как продали бы все на свете, чтобы обделать крупное дельце. Они станут на сторону разрушающегося государства противу *великого* плана всемирного господства капитала в будущем. Они станут на сторону традиции противу критики мысли, которая одна может закрепить это господство. Они готовы будут взять крупный барыш, обделывая выгодное дело и в том случае, когда их капитал

дал бы средства мелкой буржуазии отдалить на некоторое время свою гибель, все-таки неизбежную; или даже в том случае[102], когда этот капитал сделался бы в руках рабочего класса оружием для ниспровержения *великих* замыслов их сотоварищей.

Обширный план действия, обнимающий несколько поколений! Будущее торжество! Не смешно ли думать, что люди, отрекшиеся от всего называемого ими предрассудочными иллюзиями, люди, улыбающиеся при словах: справедливость, общее благо, сочувствие и содействие другим, что эти люди откажутся от малейшего верного барыша в виду неродившихся поколений, что они пожертвуют чем-либо для какого-то будущего? Разве грядущие поколения для них не представляют иллюзии? Разве будущее для них существует? Для них реально лишь их личное наслаждение в краткий период, который наука назначает человеческой жизни; пожалуй, еще — благоденствие немногих лиц, которым они симпатизируют, опять на тот же краткий период; для них реален настоящий барыш, вычисляемый и ощутимый. Но будущее! Положительные люди, дельные торговцы подобных призраков не знают, так как эти призраки не котированы на бирже. Им принадлежит настоящее — до поры, до времени. Но будущее принадлежит *нам*.

Для биржевых волков невозможно искреннее соглашение для легального осуществления их хищных планов. Для них невозможно и прибегнуть к революции в удобную минуту, потому что революция рабочих начнется против них. Им, ослепленным злобою, остается итти кровавым путем к недостижимой цели, будущему, которое во всяком случае казнит их.

Будущее принадлежит не хищникам, поедающим и уничтожающим все около себя, поедающим друг друга в вечной борьбе за более вкусный кусок, за награбленное богатство, за господство над массами и за возможность их эксплоатировать. Оно принадлежит *людям*, ставящим себе *человеческие* цели взаимного развития, цели теоретической истины и нравственной правды; людям, способным действовать вместе, сообща, для общей цели, для общего блага, для общего развития, для воплощения в жизнь и в общественные формы высших человеческих идеалов. Наши враги борются и неизбежно должны бороться между собой, причем в этой борьбе каждая катастрофа есть выигрыш для нас, так как мы сознали, что они *все* враги нам, и решили более не помогать никому из них. Без нас же ничья победа не только не прочна, но и невозможна. А наша организация растет в силе, растет в числе. Все лучше мы понимаем средства, нужные нам для борьбы. Знание и организация дадут нам эти средства. Мы решились бороться и будем бороться. Мы будем не раз побеждены. Нас будут преследовать, ссылать, избивать. Проповеди духовенства, кары закона, подозрительный надзор капиталистов обрушатся на нас всею своею тяжестью, будут мешать нам на каждом шагу. Но без нашего труда общество существовать не может, следовательно, нас

истребить нельзя, и даже последовательными наши враги быть не могут при разнообразии их целей. У нас же цель одна, и мы *будем* последовательны. Поколения передадут поколениям предание борьбы, завет окончательного идеала социального рабочего строя. Поколения пойдут одно за другим по определенному пути, к определенному будущему, не подрываясь конкуренцией, не увлекаясь призраками, но расширяя и уясняя свое понимание реального и возможного, расширяя и укрепляя свою организацию, пока знание не даст нам надлежащую опору для полной победы, пока организация наша не охватит всего живого и не развеет прах всего мертвого. Мы не пощадим никого и ничего, потому что всему живому есть место в нашей организации, если только оно хочет вступить в нее. Все остальное обречено на гибель. Оно и погибнет.

Близится, близится час окончательного расчета вечных страдальцев, вечных тружеников с теми, которые в продолжение тысячелетий жили их трудом и их кровью; с теми, которые покупали себе все наслаждения горем миллионов.

Довольно господствовали политики в своих парламентах, цари во дворцах: рабочим не нужно государственной централизации, не нужно хитро задуманных конституций для взаимного обмана партий, не нужно многочисленного кодекса, вечно слабого перед богатым и сильным хищником, вечно неумолимого для бедняка. Рухнут, скоро рухнут эти политические левиафаны, пожирающие народы. Легально или нелегально, мы подорвем существующий политический строй и заменим его своей самодержавною организациею труда в свободные федерации рабочих общин.

Довольно господствовали капиталисты поземельного владения, капиталисты-промышленники, капиталисты-биржевики; довольно разврата и позора они внесли в человечество, выставляя на продажу все и всех, торгуя собой, торгуя народом, торгуя убеждением. Социальная революция унесет самые следы этого гнилого торгашества. Она не выгонит только торговцев из храма правды, как сделал легендарный Христос; она воздвигнет свой храм правды, свое царство истины на трупах и на крови этих всемирных хищников, этих вечных эксплоататоров человечества. Легально или нелегально, мы отнимем у «будущей избранной расы» капиталистов те награбленные богатства, которые помогли бы им выработать из себя эту *избранную расу*. Мы победим не только потому, что мы — сила, но и потому, что мы — строители царства истины и справедливости.

Да, я прямо и смело объявляю, что для мыслящих деятелей в нашей среде наш прогресс не есть только торжество одного класса людей над другим, труда над монополией, знания над традицией, ассоциации над конкуренциею. Наша победа есть для нас нечто высшее: это — осуществление умственной и нравственной цели развития личности, общества и всего человечества. Наши враги могут называть это иллюзиями, пустыми словами. Они,

точно, обратили в грязные лицемерные вывески все высшее, все великое в человечестве. Для них истина и справедливость, точно, были пустыми словами, от которых они скрывали свои хищные побуждения. Но для нас эти иллюзии и *теперь* реальность, и мы *сделаем* их реальностью в истории. Если же это — иллюзии, то они все-таки не отнимут у нас ни энергии в деятельности, ни решимости уничтожить все нам сопротивляющееся. Наши противники могут смеяться над нашей наивностью, но мы думаем, что именно *это* убеждение поможет нам бороться и гибнуть за торжество будущих поколений, торжество, которого мы не увидим; именно *это* убеждение свяжет нас крепче с нашими единомышленниками и сделает нас неумолимее относительно наших врагов. Да, во имя будущего царства истины и справедливости, которое мы хотим воздвигнуть, горе тому, кто был врагом правды, кто истязал ее во имя фиктивного государственного блага, кто искажал ее во имя своих эгоистических целей. Смейтесь над истиной, смейтесь над справедливостью, хищники правительственные, хищники промышленные; скоро вам будет не до смеха. Именно во имя этого твердого, искреннего убеждения, что мы боремся за вечную, вечную правду, я еще с большею уверенностью утверждаю: рухнут перед нами все препятствия, погибнут все враги, и наши потомки повторят в сознании одержанной победы то, что мы теперь уже говорим в твердой уверенности, что они одержат ее: будущее принадлежит нам!»

Весь бледный, Бабеф сел на место. Когда он кончил, с полминуты продолжалось молчание. Картежник, развалившись на своем стуле и сгибая своей широкой рукой лезвие ножа, упертого в стол, проговорил, наконец: «Посмотрим»; и потом, быстро обращаясь к Инквизитору: «Что же, святой патер, очередь за вами».

Инквизитор откашлялся сухим, судорожным кашлем и начал:

«Подумаешь, какие вы умные, всезнающие, всемогущие люди. Прошедшее перед вами, как на ладони, силы природы в ваших руках, и будущее вы читаете, как школьник читает букварь. Не только то будущее, которое так искусно предсказывают каждодневно ваши газетчики, будущее, долженствующее наступить через несколько дней или через несколько месяцев, — это уже дело в наше время слишком обычное, чтобы такие умные люди над ним трудились, хотя мне как-то чаще приходилось видеть, что господа газетчики сами описывали, как случались вещи совсем навыворот против их предсказаний. Вам же нужно более широкое поле: точно пророки, которых вы топчете в грязь вашими грязными ногами, или точно наемные предсказатели, над которыми вы смеетесь, вы видите за несколько поколений, видите за сотни, за тысячи лет. Путь человечества вами предначертан; вы ставите ему цели, указываете средства, и, подобно послушному ребенку, оно идет, куда угодно его вести господину фабриканту или гражданину переплетчику. Через век оно должно поступить так, через

два века — этак; а там, через тысячу лет, произойдет такая-то катастрофа; тогда-то мы перережем сто тысяч человек, тогда-то перевешаем все правительства, тогда-то обратим все церкви в места собраний для всенародной оргии, затем еще подушим и порежем друг друга, и, наконец... да! что будет наконец?.. Я совсем смущен ослепительной перспективою, которую вы перед мною развиваете, — наконец, наступит торжество плоти и безбожной мысли. Один уже выработал особенную расу, вероятно, с большим числом чувств, с мозгом усовершенствованного сорта, обратив, при пособии науки, своих братьев-людей в обезьян, что весьма немудрено, если они когда-то и без всякого пособия науки сделались из обезьян людьми. Другой вывернул все общество наизнанку, так, что старое проклятие человека — труд в поте лица — стал господином и повелителем. И все это на основании науки!

Эти люди готовы перерезать друг друга, истребить всех противников до единого; один видит ад там, где другой находит рай; но в одном они все согласны, подают друг другу свои кровавые руки, преклоняются пред тем же идолом и готовы сообща резать общего врага. Этот идол — человеческая наука, не знающая бога; этот враг — религия. Для нее нет места в разносторонних способностях *будущей расы,* которая должна монополизировать все человеческие силы. Она исключена и из царства истины и справедливости, которое должно быть воздвигнуто сапожниками и столярами, когда, кроме сапожников и столяров, никого не будет на свете. Науке — поклонение, религии — гонение. Это старье нам не нужно, чтобы резать друг друга и праздновать торжество самых низких побуждений.

По крайней мере, вы откровенны и прямо объявляете войну всему, что человечество когда-то уважало, чем оно руководилось в продолжение своей тяжелой жизни, что его поддерживало в страданиях. Особенно мне нравится создатель *новой расы;* он так-таки прямо и говорит: закон взаимного поедания, существующий для бессмысленного животного, есть высший закон и для человека, проглотившего всю науку, выработанную им с таким трудом в продолжение тысячелетий. Построитель *царства истины и справедливости* не додумал еще до конца своих теорий; его слух еще ласкают слова, вынесенные им из старого мира, им оплеванного; но отчаиваться не надо: и он найдет, наконец, что для царства, *таким образом* построенного, истина и справедливость не более как пустые слова; что если он последователен, то должен поставить себе не человеческий, а звериный идеал, должен отречься от всего отличавшего его предков от бессмысленного животного, должен приблизиться к тем существам, происхождением от которых он нынче гордится. Старая религия говорила человеку: тебя создал бог по своему подобию; сделайся ангелом, чтобы приблизиться к этому образцу. Вы это изменили: ты родился от животного; сделайся животным, чтобы приблизиться к

твоим предкам, — так говорит новая наука. И она должна говорить это. Отрекаясь от единственного источника истины и добра, она должна ставить идеалом животное; она должна ослеплять вас более и более, должна внушать вам стремление истреблять друг друга, должна вести вас к вашей гибели, временной и вечной. А вы не видите этого; вы прославляете ее, преклоняетесь пред нею, смотрите на нее, как на ваше единственное спасение, как на всемогущую силу, которая позволит вам пересоздать природу и человека, осуществить ваши порочные и грязные идеалы будущего, сделаться богами.

Я не жалею вас, потому что ненавижу от глубины души, — ненавижу, как участник божьего града должен ненавидеть участников града дьявола; я радуюсь вашей гибели, на которую вы сами обрекли себя, как праведники радуются вечным мукам осужденных в аду. Но я удивляюсь вашему ослеплению. Посмотрите, что вам дала ваша наука, пред которой вы идолопоклонствуете, и сравните с этими жалкими результатами то, чего вы от нее ожидаете. Вглядитесь хорошенько и в то, чему она может вас научить, и сравните с планами, которые вы так гордо строите.

Ваша наука обещала вам господство над природою. Дала ли она его? Даже подвинулась ли она далеко в доставлении его вам? Завоевали ли вы у моря и у степи новые владения? Улучшили ли вы климат какой-либо страны? Изменили ли вы направление ветров, морских течений, распределение дождя и града, ход ураганов? Могут ли ваши доктора, употребляя всю жизнь на свою науку, гордиться тем, что в силах излечить хотя одну болезнь, которая не излечилась бы во многих случаях и без пособия? Могут ли ваши метеорологи предсказать за несколько дней погоду? Вы избороздили поверхность земли дорогами, настроили пароходы для движения по океанам, воздвигнули кое-какие города и гордитесь этим. Да ничтожнейшие животные сделали больше вашего: они построили обширные острова, громадные горы, целые материки; они плавают, не боясь кораблекрушения; они летают по воздуху, чего вы до сих пор не могли сделать с вашими аэростатами, построенными по всем правилам науки и техники; они летают без компаса, по указанию инстинкта; они предвидят погоду далеко ранее вас. Вы бессильны пред природою столько же, как они, и даже более, чем они, несмотря на всю вашу науку.

Но вы гордитесь знанием; вы *понимаете* природу. Странное знание, которое не дает власти! В сущности, если вы вглядитесь в него, то оно крайне незначительно. Ваши наблюдения и опыты, ваши индуктивные и дедуктивные рассуждения дали вам кое-какие отрывочные факты, но смешно и называть это пониманием. Вы до сих пор не знаете, что за штука такая тяготение, а это самый всеобщий закон вашей физики, за который вы ваших Ньютонов произвели чуть не в боги. Вы думали, думали и до сих пор не додумались, что такое свет и теплота, а уж, кажется, это вещи

не сверхчувственные. Как ни вертитесь вы с вашей критикой, отвергающей гипотезы, а приходите, наконец, опять к эфиру, которого никто не видал, никто не ощущал, да никто и не может видеть и ощущать, т. е., в сущности, вы в *понимании* света не пошли далее Аристотеля или, вернее еще, не далее того древнейшего писателя, который на первых строках своей древней книги написал: и бысть свет! Я все это говорю об ваших основных науках, которые давно уже перешли, как вы выражаетесь, из теологического и метафизического фазиса к позитивному. Ну, а как заглянем далее, в область вашей премудрой биологии? Я не могу не хохотать, читая хитрые определения жизни, которые дают ваши уважаемые ученые и мыслители. Как только приходится *понять,* чем отличается живое существо от неживого, как происходит жизнь, все становятся в тупик. «Вот живое существо; смотрите, оно движется», говорит один. «Куда! Это — продукт разложения, — отвечает другой, — мертвая соринка, движущаяся по физическим законам». «Я сделал организм из мертвого вещества!» восклицает гетерогенист. «Врешь! там было невидимое яйцо», возражает его противник. И спорят, и спорят; все наблюдения, опыты, размышления индуктивные и дедуктивные... вот ваше понимание природы! Мне надоело приводить примеры, а их не оберешься. Если бы вы не были ослеплены для вашей гибели, то вы давно сознались бы, что вы природу еще менее понимаете, чем ею властвуете, а в этом вы недалеко ушли.

И с этим-то крутлым невежеством, с этим-то полнейшим бессилием вы приступаете к решению вопросов о человеческом обществе, что и по вашему сознанию составляет предмет сложнейшей из ваших человеческих наук; приступаете к определению будущего истории и решаетесь сказать: мы так-то и так-то перестроим общество... Вы были бы жалки и смешны, если бы вас стоило жалеть и если бы вы не возбуждали отвращения.

Между тем история могла бы вас научить кое-чему, для вас полезному. Не вы первые задумали руководить судьбами человечества и построить будущее его по своей мысли. Это очень старинная попытка. Я не стану вам говорить о тех, которые пытались сделаться богами путем познания добра и зла, или о тех, которые вздумали построить себе башню до неба. Вы, в вашей высокой мудрости, называете это мифами. Я не считаю нужным спорить с вами и останусь на почве нашей немифической истории. Мне ее достаточно для моих аргументов. Переберите все цели, которые ставили себе народы и их могущественные предводители, — цели, для удовлетворения которых употреблены были все средства человеческой мудрости, все силы разнообразных цивилизаций, и сравните это с полученными результатами. Люди хотели одного; выходило как раз противоположное. Народы стремились обособиться, считали врагом всякого чужого, ограждали свое обособление строгими законами и мрачными верованиями, —

на деле народы постоянно смешивались, сливались в обширные группы; цивилизации разливались от океана до океана; всякое обособление оказывалось невозможным. Государства были основаны на господстве силы, — на деле вырабатывался закон. Завоеватели стремились ко всемирной монархии, — их труд давал в результате пробуждение национальных ненавистей, усиление национального обособления. Греческие философы задумали заменить религию своих сограждан безбожным миросозерцанием, — результатом их учения было подготовление языческого мира для христианства. Еретики древнего времени хотели обсуждать таинство догматов по приемам языческой диалектики, — результатом было подчинение личной мысли авторитету соборов и слову пап. Еретики времен так называемой реформы думали усилить религию, отрицая папство, — они привели своих учеников к атеизму и теперь тщетно ищут средств отвратить гибель того, что они называют своей церковью. В новое время либералы думали обеспечить мир в человечестве, отрицая веру, отрицая политическую вражду, отрицая национальное обособление, ставя единственной целью человеку экономические обороты и денежную выгоду, — в результате получились столь кровопролитные, столь разорительные и столь варварские войны, какие едва ли видел свет со времен гуннов; и за этими войнами видна уже неизбежность новых, еще более кровопролитных столкновений, так как не только личные честолюбия правителей, но международные ненависти обширных племен проснулись с ожесточением, непонятным для ограниченных утилитаристов. Но и это не все: из-за борьбы честолюбивых императоров, из-за ненависти народов уже совершенно видно приближение еще иной, более глубокой, более истребительной борьбы ожесточенных классов общества, которые здесь присутствуют в лице двух своих самых откровенных представителей; эта борьба, как мы слышали, не может кончиться трактатом, хищничеством двух-трех провинций или проведением границ государства по пределам национальностей: для нее трактат невозможен, границы не существуют; она кончится, по собственному сознанию борющихся, лишь истреблением одного из двух противников.

И вот в виду этих весьма ясных уроков вашей *критической* истории вы забавляетесь построением планов для далекого будущего и говорите: мы направим человечество туда-то. Безумцы! Человечество направить нельзя; каждый раз, когда ослепленные руководители думали его вести к своей цели, они бессознательно вели его к другой. То, что придумывает, что хочет, к чему стремится человек, прямо противоположно тому, чего хочет и что без труда совершает высшая сила, управляющая человечеством. Но вы не признаете этой высшей силы, вы усиливаете намеренно вашу слепоту ее отрицанием. Ступайте же, режьтесь, губите друг друга и губите ослепленные вами жертвы. Это — ваше верное бу-

дущее. Спешите к вашей гибели; вы на нее осуждены, и верующие ждут терпеливо, когда ваш час наступит.

Наука, говорите вы, поможет вам пересоздать мир и направить историю, куда вам надо. Наука победила религию... Презренные слепцы! Сочтите, много ли вас всех в обоих ваших лагерях, относя сюда и всех людей без убеждения, готовых служить всякому, да, пожалуй, и многоученых скептиков, в роде нашего четвертого собеседника. Сочтите, много ли в целом мире адептов вашей *науки*, и сопоставьте с этим число лиц, которые живут еще верою, если не в настоящую истину, то в разные более темные ее отражения. Как в то время, когда древние философы смеялись над своими богами, так огромное большинство людей и теперь даже не знает, над чем это вы трудитесь так тщательно, что значат ваши наблюдения и опыты, ваша индуктивная и дедуктивная логика. Большинство готово верить в колдовство и заклинание, готово вызывать души мертвых или приносить жертвы диаволу, потому что от этого еще есть путь к истине; но оно не хочет знать вашей науки. А еще сколько между адептами вашей науки людей, которые в минуту болезни или несчастья торопятся сжечь то, что они вчера обожали; прибегают к молитве, которую еще вчера осмеивали; готовы позвать ворожею, чтобы заговорить себе зубную боль; бледнеют перед изречением медиума, который передает им слова их умершей любовницы; даже не решаются сесть за стол тринадцатым. И все это — развитые, просвещенные люди; все это — адепты науки. Вы причисляете их всех к своим лагерям и надеетесь на то, что они помогут вам воцарить науку... Ничтожные черви! Вас, настоящих врагов религии, так мало, что если бы собрать вас всех вместе в один новый Содом, то ваш город вышел бы меньше второстепенных городов нашего времени. Да и друг на друга вы совсем напрасно надеетесь. Коснется вас перст того, кто знает, хочет и может, — лопнет едва заметный сосуд в мозгу, переродится микроскопическая клеточка, — и где ваши гордые замыслы, ваши остроумные соображения? Вы тогда окружены призраками, которых не отгонит ваша наука; вы высказываете мысли, которые решились глубоко скрыть в вашем сердце; вы забавляетесь игрушками, как маленькие дети; вы не можете произнести обыденного слова; вы готовы пожирать ваши извержения, как низшие животные. И вот ваша всемогущая наука! Вот ваш гордый разум!

Вы так бессильны, так малочисленны, так ничтожны, что лишь ваше безумие объясняет ваши нелепые надежды на построение собственными силами будущего, где вы одни будете царствовать, истребив всех остальных. Провидение, которое до сих пор вело человечество, куда хотело, наперекор всем вашим, более могущественным, предшественникам, поведет человечество и теперь к *своим* целям. Масса верующих поглотит и переработает униженные остатки ваших слепых партий, как она поглотила и перерабо-

тала школы мыслителей иного времени. История сотрет вас с лица земли. То, что вы самоуверенно называете наукою, будет записано будущими историками как одно из многочисленных заблуждений человеческой гордости, как археологическая редкость, как нравственная эпидемия, давно исчезнувшая. То, что вы излагаете как верные планы постройки будущего, будет тоже записано как кровожадные сновидения преступника, мечтающего еще удовлетворить свои животные влечения, когда его через час разбудит палач. Все это — небольшие эпизоды истории, которая рассказала уже много подобных эпизодов. Поколения сменяют друг друга, принося каждое свою долю заблуждений, грехов, бессильных возмущений против вечной силы и вечной воли. Но действует лишь *она*.

Конечно, не нынешним жалким правительствам, не нынешнему идиотскому консерватизму победить вас, и против него вы — гиганты. Нынешний государственный строй заражен той же болезнью, которая в вас дошла до последнего своего кризиса. Он преклоняется перед теми же идолами, которых вы ставите в вершине вашего вавилонского столпотворения. Он не решается отречься от религии, но не потому, чтобы он видел в церкви единственную истину и единственное спасение, а потому, что он боится нашего влияния на массы. Я считаю ослепленными идиотами или изменниками всех тех из нас, которые проповедуют консерватизм, ищут поддержки в нынешних государственных формах и поддерживают правительства, как своих естественных союзников. Новая Европа в своем политическом строе не может уже отречься от двуличного либерализма и от промышленно-материальных начал своей традиции. Следовательно, этот строй нам враждебен; мы должны его отвергнуть и предоставить его себе. Союзников нам не нужно, потому что нет в мире никого и ничего, имеющего возможность быть равноправным союзником единого сущего. Все существующее может для него быть лишь орудием, подчиняться слепо его воле и его руководству. Кто ставит себе свои цели, кто считает себя чем-то самостоятельным, тот обрекает себя на погибель и должен погибнуть. Нынешние государства, с их конституциями, парламентами, правами человека и правами гражданина, с их спорами о цензе и о всеобщей подаче голосов, о республике без республиканцев или о монархии, где монарх — пустая формальность, — все это для нас столь же мало имеет смысла, как древние фараоны, Навуходоносоры, Антиохи[103], Нероны. Они могут сделать зло кое-каким личностям, могут губить народы и государства, но нам зла они сделать не могут и не остановят ни на минуту течения истории, указанного высшим промыслом. Над каждым царством, над каждою республикою, древнею и новою, одинаково поднимается бесстрастный топор неизменного приговора. Он опускается неожиданно, и Мемфисы, Вавилоны, Селевкии, Римы язычества пустеют в развалинах. Не

все ли нам равно, ждет ли та же участь Париж, Лондон, Берлин, новый Рим либерализма? Не все ли равно, когда палач опустит свой топор на шею осужденного преступника? Не все ли равно, с какою рукояткою появится этот топор на небе истории в минуту страшного удара? Не все ли равно, кто будет избран сегодня палачом, чтобы завтра сложить свою голову на плаху? Они *все* преступники, *все* осуждены, *все* погибнут. Мы их защищать не должны, потому что они все — члены града дьявола. Мы радуемся их падению, потому что их трупы ложатся в основание будущего Иерусалима. Очень может быть, даже вероятно, что вы на этот раз будете избраны орудием кары. Как проконсулы Рима республиканского и вольноотпущенники Рима императорского истощили народы язычества своим хищничеством, чтобы бросить их к подножию алтарей христианства, так заговор бессовестных капиталистов разорит нынешние недоноски монархий и республик, чтобы приготовить торжество церкви. Как бич божий в руках Аттил [104] и Гензерихов [105] обращал во время оно города и села в развалины для того, чтобы выросло семя далекого будущего, так социалисты Интернационала сотрут с лица земли ту блестящую цивилизацию, которая гордится своею научною критикою и политическою свободою. Разоряйте, разрушайте, рубите, слепые исполнители высшей воли; вы сами не знаете, кому и чему вы очищаете пути. Торжествуйте сегодня; другой палач уже поднимает топор над вашими головами.

Вы погибнете и должны погибнуть. Вы бессильны и ничтожны, но вы враги истины, враги бога. Вы вредны и, как вредная трава, должны быть выброшены из поля истории. Под чьей рукой вы ни падаете, эта рука, которая вас поражает, осуществляет высшие цели. Чем вы более будете враждовать между собою, истребляя друг друга, тем лучше. Если бы кто из вас перехитрил и перемог всех своих противников, истребил их и остался среди их трупов единственным представителем ваших дьявольских начал, то мы призовем против него миллионы, которые веруют, но не мыслят. Мертвые повелят живым итти и губить вас: знамения наполнят леса и села, требуя кровавые жертвы раздраженному судье; чудеса совершатся на зло вашей гордой науке. И народы пойдут за нами, против вас, пророков науки. Мы истребим вас до единого в мучениях, которых вам не изобрела наука, но которые не превзойдут мучений, ожидающих вас в аду. Вы должны погибнуть, потому что вы безумцы, но вы должны и страдать, потому что вы враги единственной истины и единого добра. Время прощения, искупления, любви к грешникам прошло. Вы знаете, что вы творите. Для вас богочеловек не сойдет на землю с благовестием спасения. Невидимая и вездесущая ипостась духа святого подымет мстителей против вас и воздвигнет наш будущий Иерусалим. Природа свидетельствует за нас о ничтожестве ваших сил. История свидетельствует за нас о безумии ваших планов. Вечная жажда

веры свидетельствует за нас об ограниченности вашей эфемерной науки. Провидение ведет вас кровавым путем к вашей гибели. Идите. Губите других и друг друга. Гибните. Мы одни представители высшей истины. Будущее принадлежит нам одним».

Инквизитор начал иронически, дребезжащим, довольно тихим голосом. Под конец глаза его горели, сухие руки как бы сзывали сонмы невидимых сил на голову собеседников; хриплый голос становился все громче, и долгий приступ кашля последовал за последними словами. Слушатели улыбались.

«Мне нечего много сказать вам, — заговорил профессор своим спокойным, холодным голосом, — у меня нет плана будущего, который я стремился бы осуществить, и нет врагов, которые мне были бы ненавистны. Я не желаю никому победы и никому поражения, потому что желать чего-нибудь смешно, когда не в нашей воле исполнение. Я не страдаю ни о чьей гибели и не радуюсь ничьей победе, потому что нелепо волноваться от фактов, совершающихся по неизменным законам причины и следствия. Инквизитор меня назвал скептиком, но это справедливо лишь отчасти. Был скептиком наш общий учитель, для которого теоретические и практические положения были одинаково недостоверны, теоремы науки стояли по неубедительности не выше призрачных построений метафизиков или даже мечтательных фантазий религиозных мистиков. Я не принадлежу вовсе к скептикам этого рода. Для меня все то, что добыто строгим научным методом, есть безусловная, бесспорная истина. Это я *знаю;* в этом я *уверен.* Но только это и есть истина. Вне области точной, объективной науки я не только ничего не знаю, но ничему и не *верю,* ничего не *допускаю.* Я наблюдаю, сравниваю и делаю скромные выводы относительно небольших групп фактов, не забегая ни в область гипотез, ни в область предсказаний будущего.

Я не обманываю себя насчет огромных успехов науки в настоящем. Я согласен с Инквизитором, что до сих пор эти успехи крайне незначительны, научное понимание крайне слабо и распространение самых элементарных научных сведений может быть названо микроскопическим. Физика и химия весьма недавно приобрели точные методы. Биология едва вступила в свой позитивный фазис. Что касается до социологии, то позитивный метод, который необходимо в ней употребить, еще так неясен для большинства умов, даже серьезно занимающихся общественными вопросами, что едва можно кое-где встретить отдельные личности, которые не только теоретически, но и практически усвоили себе в этом случае надлежащую точку зрения, прямо следующую из требований объективного метода.

Но, признавая недостаточность научных успехов, тем сильнее мне приходится утверждать, что в науке, и только в науке, заключается вся истина, доступная человеку и даже сама по себе существующая; что лишь путем науки был добыт и может быть

добыт какой-либо успех в человечестве. Слова Инквизитора, направленные против науки, едва заслуживают возражения, потому что это даже вовсе не аргументы, и все им сказанное тысячу раз было опровергнуто; тысячу раз была доказана несостоятельность и неосновательность всех этих положений.

Что противополагает он науке? Религию? Но какую? Религия вовсе не одна; их несколько; а если считать еще сектаторские подразделения, то число их станет очень велико. И все они опираются на совершенно подобные мистические сообщения с сверхъестественным миром, на совершенно подобные откровения, чудеса, священные книги, магические обряды. Почему одна из них заслуживает предпочтение перед другими? Почему мифология римско-католических легенд должна быть поставлена выше мифологии легенд буддистских или мифологии краснокожих, полинезцев? Почему Библия кальвинистов священнее Корана? Чем обряд, совершаемый шаманом, в религиозном отношении ниже обряда, совершаемого православным попом или проповедником методистов? Чем откровение мормонов отличается от откровения христианского? Инквизитор верит в папский силлабус; негр верит в своего фетиша; Барон верит в спасение человечества помощью всезнающей полиции; Бабеф верит в будущее торжество социалистических учений и в их вечную, вечную правду; я не верю ровно ничему, чего не знаю. Каждый из нас имеет совершенно одинаковое право стоять на своей точке зрения, и ни одно из этих верований не имеет никакого преимущества перед другим, пока это — верование и не более. Именно потому, что верований так много и что все они, как верования, равноправны, я считаю правильнее ничему не верить, если приходится верить и не более. Если же кто вздумает *доказывать истину* своего верования, то он тем самым становится на почву логического доказательства, на почву науки, которая одна *доказывает*. Тогда он подчиняет свое верование, как предположение, как предмет исследования, критике науки и признает тем самым науку единственным руководителем. Можно верить не споря, но кто спорит, тот обязан спорить по методам науки. Верование доказываемое, подвергаемое спору подрезало всю свою религиозную силу.

Таким образом, я говорю не о верованиях, которые субъективны и убедительны для каждого особо. Я говорю о научной доказательности возражений противу науки. Уже в самой постановке вопроса видна его несообразность. Чтобы спорить противу науки, приходится опираться на нее же. Но оставим в стороне эту несообразность. Что говорит против науки Инквизитор? Он употребляет против нее прием, весьма обычный в его лагере, но потому не менее нелепый. Он ставит науке задачи, от которых она отреклась, и потом укоряет ее в том, что она их не решила. В период метафизики хотели знать: что такое тяготение? Что такое свет? Что такое жизнь? Теперь мы знаем, что этого знать

невозможно, и научное понимание ограничивается отысканием законов явлений света, определением точных условий, при которых данное жизненное явление происходит. Законы явлений, законы связи явлений, если возможно, то всеобщий закон, связующий все явления и позволяющий предсказывать будущее во всех сферах науки, как астрономы предсказывают затмения, — вот вся область научного понимания, все царство науки. В мир сущностей она не идет, предоставляя его метафизике.

Ограничив и уяснив таким образом свою сферу, наука оказывается не только не бессильною теоретически и практически, но единственным средством знать что-нибудь и установить какой-нибудь рациональный технический процесс. Завоевания науки оказываются незначительными, сравнительно с областью, которою ей следует овладеть, но немаловажными, принимая в соображение, как немного было сделано без ее пособия и как недавно она ясно установила свою задачу. Именно в ясном установлении своей задачи заключаются ее важнейшие приобретения последнего времени. Избавившись от призрачных областей знания, на которые она так бесполезно тратила большую часть своих сил, наука обеспечила навсегда свое будущее. Конечно, между наукой и учеными существует еще большая разница. Богословские и метафизические привычки увлекают еще людей, посвятивших себя, повидимому, научной деятельности. Немало и таких, для которых наука есть лишь средство для доставления себе общественного положения, средств к жизни, и в таком случае они перемешивают ее исследования с соображениями вовсе посторонними. Но это не мешает научному методу быть единственным правильным методом мышления, не мешает и тому, что наука и в ее настоящей, более определенной форме беспрестанно распространяет свое влияние в обществе, подчиняя себе более и более умы. Религия теряет более и более почву под ногами. То, что смело отстаивали еще 20 лет тому назад, не решаются уже отстаивать в наше время. И в простонародьи, на которое так надеется почтенный Инквизитор, во многих местах влияние научной мысли через светские школы значительнее, может быть, чем он думает. Простонародье осталось в продолжение тысячелетий не тронутым метафизико-религиозными системами высших цивилизаций и пребывает большею частью на ступени дикого верования в амулет, в фетиш, в заговор, в колдовство, в одушевленную природу и в души мертвецов. На этой ступени значительная часть культа не требует посредника между личностью и невидимыми силами, но совершается самим мирянином. Поэтому простонародье сторонится от духовенства, не связано с ним нравственно и менее подчинено его влиянию, чем можно бы ожидать по степени невежества, господствующего в деревнях. Между тем тот элементарный фетишизм и анимизм, который мы здесь встречаем, допускает прямой переход к элементарным позитивным знаниям, без

посредства тех мифов, которые создали такие крепкие культурные привычки в высших цивилизациях, или тех метафизических миросозерцаний, которые создали столь же вредные и, может быть, столь же крепкие привычки мысли в школьной традиции. Поэтому всюду, где с простонародьем случайно столкнется мыслящий человек, он встречает для пропаганды науки менее препятствий в невежестве низшего класса, чем в рутинной культуре и в рутинной мысли высшего. Популярная научная литература, при всей ее недостаточности и малой целесообразности, тоже делает свое дело. Каждый день приносит небольшие, но верные успехи в распространении позитивной мысли именно в массе. Но и там, где она еще не победила, а представляет самую уродливую смесь с элементарным фетишизмом, редко где духовенство может считать себя руководителем населения. Если бы оно попробовало лет через двадцать сделать повсюду тот призыв к крестовому походу против безбожников, которым угрожал сейчас почтенный Инквизитор, то я позволю себе сильно усомниться в успехе, соответствующем его ожиданиям. Пожалуй, что весьма и весьма во многих местах крестьяне не поверили бы ни вызванным мертвецам, ни знамениям, ни чудесам. Не спорю, что кое-где много весьма спокойных и неопасных людей было бы перебито и изуродовано, но несколько жертв еще не составляет победы; крестовый поход против еретиков и неверующих можно считать удачным лишь тогда, когда почти все они или большинство их было бы истреблено, а это я считаю совершенно невозможным и теперь, и через более или менее значительный промежуток времени.

Набрасывая план этого истребительного крестового похода, почтенный Инквизитор, как мне кажется, впал в ту же ошибку, как и предшествующие ораторы, над которыми он так язвительно смеялся. Он вздумал направлять историю, вносить субъективные цели и оценки в объективное течение событий. Это самообольщение весьма обычно во всех лицах, не привыкших к позитивному мышлению, и я не удивляюсь, что встретил подобный факт в человеке, вообще стоящем на точке богословского построения. Но как историческое предположение гипотеза крестового похода против безбожников имеет такое же право на обсуждение степени ее вероятности, как гипотеза всевидящей полиции Барона или гипотеза искусственной выработки господствующей расы, предложенная Картежником. Я привел основания, на которых я считаю гипотезу этого крестового похода совершенно невероятною. Я должен сказать то же и о двух других.

Мысль о замене шпионов-людей шпионами-автоматами заслуживает внимания потому, что до сих пор суммы, употребляемые правительствами на содержание дорого стоящего и малонадежного института шпионов, вовсе не окупались полученными результатами. Но здесь недостаток не в функционировании института, а в самой поставленной цели. Государство есть общественная форма,

где власть неизбежно притеснительна, а эта притеснительность должна неизбежно привести к одному из двух результатов: или к общественному отуплению, к привычке подчиняться в подданных, — в этом случае шпионство вовсе ненужно, так как стадо баранов можно пасти без подобного учреждения; или к растущему общественному неудовольствию, — в этом случае никакое шпионство не охранит власть от переворота. Вообще наблюдение объективное указывает в сторону, совершенно противоположную гипотезе нашего умирающего товарища. Функция государства все убывает в истории цивилизации; другие социологические элементы, прежде ему подчиненные, все более освобождаются из-под легальной формалистики и все сильнее влияют на самый государственный строй. Поэтому вероятность для будущего лежит в ослаблении политического государственного элемента общежития, а не в усилении его. Как я уже имел случай сказать, государственность составляет в обществе элемент вымирающий. Конечно, предыдущая история заставляет меня сильно сомневаться в разрушении государственности путем революций. Опыт прошедшего говорит, что все революции были до сих пор революции политические. Надо думать, что они такими и останутся. Все они перемещали власть и более ничего. Вероятно, оно так будет и вперед. Но функция принудительной власти будет постепенно уменьшаться, незаметно вымирать, пока не вымрет совсем в историческом процессе развития человечества.

Столь же мало можно допустить вероятность для плана Картежника искусственно развить в человеке две расы: господствующую расу меньшинства, монополизировавшую все человеческие силы, и порабощенную, обращенную в рабочий скот расу пролетариата. И в зоотехнии очень трудно выработать новую расу, в человечестве же до сих пор насильственно не было получено ни одного прочного антропологического результата. Пока не указаны и не взвешены в подробности те технические приемы, которые намерены употребить господа капиталисты для выработки себе человеческого рабочего скота, до тех пор должно считать подобный проект если и возможным, то совершенно фантастическим в техническом отношении.

Рассмотренные мною гипотезы Инквизитора, Барона и Картежника допускают объективную критику, так как здесь дело идет о реальных фактах, имеющих реальные аналогии. Мы имели крестовые походы против иноверцев и еретиков. Полиция и шпионство суть институты бесспорно существующие. Новые расы лошадей, быков, баранов, собак были получены человеком. Но совсем иное отношение объективного метода к гипотезе Бабефа. Позитивная наука знает лишь одну истину — свою собственную, одно царство истины — себя. Для основания *этого* царства не нужно ни борьбы, ни революций, нужна только спокойная, холодная мысль, равнодушная ко всему вне своего теоретического стремле-

ния к бесстрастной истине. Понятие же справедливости относится к области нереального, субъективного, несуществующего, а следовательно, и о вероятности основания в будущем царства несуществующего позитивная наука вовсе говорить не может. Объективная социология знает общественные формы и их смену по необходимому генезису явлений, но для нее все общественные формы одинаково индифферентны и одинаково необходимы, когда они проявились. Истиной она обладает. Справедливости она вовсе не знает вне субъективной иллюзии.

Эту единственно научную точку зрения на общественные и исторические явления не могли развить в себе предшествовавшие мне ораторы по недостаточной привычке к строгому позитивному мышлению. Каждый из них под влиянием личного настроения вырастил особенный иллюзионный идеал чего-нибудь нравственно лучшего, религиозно-обязательного. Каждый из них *верит,* что есть в общественной жизни явления желательные, формы высшие. Каждый страдает иллюзиею, что человек может содействовать осуществлению в исторической жизни желательного, социологически высшего; что он может направить историю в ту или другую сторону. Это диаметрально противоположно всем данным науки. Ни один точный анализ не открыл нигде пальца провидения, двигающего миры, испаряющего воду, расплавляющего металлы; нет повода в истории предполагать какое-либо ни для чего ненужное провидение, двигающее народы. Для истории, как для природы, достаточно неизменных законов, необходимо действующих. Но как нигде в природе и в истории не оказалось провидения, так не оказалось нигде и действия свободной человеческой воли, независимого влияния человека на события. История не подчиняется никаким верованиям, а подчиняет их себе. В ней может совершиться и то, и другое, но мы совершить в ней и то, и другое не можем. Мы обречены в ней на роль бессознательных орудий или мыслящих, но посторонних наблюдателей. В обоих случаях ее поток уносит нас независимо от нашей воли, от наших симпатий, от нашего сознания, от нашей деятельности. Если мы предаемся субъективному самообольщению религиозных или так называемых нравственных побуждений, то мы не в состоянии узнать даже и того, что одно доступно нашему познанию при этих обстоятельствах, именно не в состоянии узнать даже причинной связи событий, нас уносящих, закона течения истории. Если же мы помощью строгой критики мысли удержимся от самообольщения и останемся равнодушными наблюдателями событий, то мы приобретаем знание общественной динамики, понимание истории. Так как это — единственное приобретение, для нас возможное, то нам и следует к нему стремиться.

Будем же развивать в себе строгие привычки позитивной мысли, в основе которой лежит сознание, что все в природе и в истории безусловно необходимо, и только необходимо. Ничего нет

в общественной жизни, как в мертвом мире, ни лучшего, ни худшего, ни желательного, ни возмутительного. Факты общественной жизни должны быть наблюдаемы с тем же индифферентизмом, как явления химического сродства. Мы не должны в них вносить ни наших желаний, ни наших привычек, ни наших симпатий, если мы хотим оставаться на почве науки. Все общественные формы должны быть для нас столь же индифферентны, как различные химические комбинации элементарных тел. Все события истории должны столь же мало возмущать и радовать ученого, как различные фазисы развития яйца цыпленка. Мы можем описывать существующее, следить за процессом его подготовления в прошлом, классифицировать факты и отыскивать их ближайшие законы; но вот и все. Мы должны тщательно избегать всего, что может повлиять на точность нашего наблюдения и умозаключения, а потому должны воздерживаться от всякого участия в борьбе партий, участия не только реального, но и умственного. Весь пестрый калейдоскоп симпатий и антипатий, желаний, надежд, стремлений, комбинированной деятельности для объективного мыслителя есть не более как призрачная субъективная оболочка настоящего процесса, совершающегося по неизменным законам связи фактов и последовательности явлений, вне всякого аффекта и произвола. Это — единственная сущность всего познаваемого и сознаваемого, на ней единственно и стоит останавливать мысль. Последовательный ученый должен быть индифферентистом в жизни частной и общественной. Все существующее для него необходимо и потому оправдано. Нравственный суд, как суд эстетический, для него — заблуждение. Ученый знает, что факт существует, что он характеризуется такими-то признаками, что он произошел таким-то путем, что его следствия могут быть таковыми-то. Этого знания достаточно ученому. Он стоит среди волнений общества, как посторонний наблюдатель. Он следит за ходом истории, не мечтая изменять или направлять ее течение. Не все ли равно химику, каким цветом окрашен исследуемый состав, или астроному, какому пути следует солнечная система, в которой он занимает микроскопическое место? Их дело определить все обстоятельства горения, отметить орбиту в ее особенностях, но на этом и остановиться.

Позитивные привычки мысли уже господствуют во всех простейших науках и мало-по-малу прокладывают себе путь к сложнейшим. Рано или поздно они сделаются столь же обычными в общественной динамике, как теперь в математике, астрономии, физике или химии. Тогда большинство людей не будет мечтать о возможности построить будущую историю по своему плану, как делал поочередно каждый из предшествующих ораторов, не будет обольщаться мыслью, что можно насильственно обратить большинство людей в расу рабочего скота или создать небывалое царство отвлеченных формул, или поднять крестовый поход против

научных привычек мысли. Тогда большинство людей разуверится в возможности нравственных идеалов добра, общей пользы, справедливости; не будет волноваться религиозными, политическими или социальными страстями; не будет делиться на консерваторов и прогрессистов, на монархистов и республиканцев, на централизаторов и децентрализаторов, на государственников и отрицателей государства, на экономистов и социалистов. Все эти партии вымрут со всеми бесполезными стремлениями к какой-либо исторической цели, со всеми горячими симпатиями и антипатиями к какому бы то ни было общественному идеалу. Спокойное наблюдение и бесстрастное отыскивание закона событий, независимого от всякого идеала, от всякой воли, — такова будет тогда привычка мысли в большинстве. Тогда наука завладеет вполне последнею сферой человеческой мысли — общественною динамикою, или историею. Наука охватит весь ряд явлений, нам доступных, начиная отвлеченным математическим мышлением и кончая процессом истории. Бесстрастие, нужное ученому, будет царствовать всюду. Субъективное самообольщение атрофируется. Человечество, давно отрекшись от догмата, отречется от метафизики в теории и в жизни, т. е. от абстрактных объектированных формул, от связующих гипотез, от увлекательных идеалов нравственности, от целей личной и общественной жизни. Сознав законы необходимости в общественном строе и в течении общественных событий, люди будут подчиняться этим законам в экономических сношениях, в политических формах без борьбы и без ропота, как теперь подчиняются законам тяготения, питания, смерти. Мир будет между ними, потому что борьба не будет иметь ни основания, ни цели. Наука принесет этот мир человечеству, надписывая над каждым фактом частной и общественной жизни: *необходимость.* Медленно, но верно подвигаясь к своей цели, она, наконец, достигнет ее, войдя не только в метод исключительного мышления, но в привычки обыденной жизни. Что она завоевала, того она никогда не уступала и не уступит. Менялись религии, и споры о их догматах не прекращались никогда. Менялись нравственные идеалы и жизненные цели, точно так же возбуждая вечные споры. Научное положение, однажды *понятое,* не допускало споров и не допустит. Поэтому успехи науки прочны. Рано или поздно, она наверно достигнет своей цели и овладеет всем человечеством. Поэтому позитивной науке, и ей одной, принадлежит будущее».

Собеседники встали и заговорили все вместе.

«Нам не нужно такой науки! — кричал Бабеф, — мы презираем ее, мы отвергаем ее. Если наука способна только привести к тупому индифферентизму, то пусть погибает она со всеми остальными преданиями гниющего старого мира! Это — будущность насекомых, а не людей. В новом обществе наука не будет и

не может быть идиотическим примирением с существующим; она должна быть и будет орудием для осуществления лучшего!»

«Великолепное будущее! Картина, достойная самого последовательного представителя многопрославленной науки, — хрипел Инквизитор. — Мир марионеток, сознавших, что они марионетки в мудреной игрушке, которою никто не играет! Бессмысленная и бесконечная агония существ, не имеющих ни малейшей надежды жить и не имеющих возможности даже удавиться!»

«Если мы фантазируем, — говорил с довольно спокойною улыбкою Картежник, — то вы фантазируете во сто раз более. Создавать планы деятельности, страстно стремиться к ним, страстно и неумолимо ненавидеть противников этих планов и наслаждаться борьбою с ними — это настолько в природе человека, что человек, отвыкнувший от этой привычки, будет принадлежать совершенно иному животному типу, что будет чуть ли не потруднее, чем произвести в существующем типе некоторые небольшие изменения».

«Где же мы соберемся следующий раз? — проговорил равнодушно Профессор, вовсе не слушая своих оппонентов. — Очередь Бабефа назначить».

В это время к разговаривающим подошел молодой человек, лет двадцати пяти. Он был высокого роста; густые белокурые волосы падали в беспорядке из-под мягкой поношенной шляпы около его красивого лица. Сквозь стальные очки смотрели живые серые глаза, полные мысли и энергии. Платье его было сильно поношено, и, очевидно, он на свою одежду не обращал ни малейшего внимания. Сложен он был атлетом. Вошел он в таверну, очевидно, случайно, вскоре после начала заседания «последовательных», спросил себе кружку пива и кусок холодной баранины, что, по необычности времени, удивило прислугу таверны; съел и баранину, и хлеб до последней крошки и с напряженным вниманием слушал речи говоривших. Глаза его то вспыхивали, то снова потухали. Он делал усилие над собой, чтоб не вмешаться в разговор. Теперь же решительно подошел к присутствующим и стал говорить на ломаном английском языке, вставляя в речь немецкие и французские слова, когда не вспоминал сейчас английских, хотя на всех этих языках он говорил неправильно и выговаривал их очень дурно. Подозрительно и строго направил на молодого человека Профессор свой холодный взгляд. Презрительно осмотрел Картежник с ног до головы его далеко не свежий костюм. Злобно взглянул на него Инквизитор, чуя врага. Один Бабеф с первых же слов почувствовал симпатию к открытому взгляду, к смелой и искренней речи говорившего, и широкая улыбка выказала оба ряда белых зубов провансальца.

«Вы меня извините, что я вмешиваюсь непрошенный, — говорил молодой человек. — Но вопросы, которые вы подняли, так серьезны и так давно меня занимают, а в ваших речах я нашел

столько вызывающего на замечания, что не могу не высказать вам того, что приходит на мысль. Я для всех вас иностранец, не мог участвовать ни в одной борьбе ваших партий и потому, может быть, могу отнестись к вопросам, вас разделяющим, столь же сочувственно, но не так страстно. На моей родине существуют те же вопросы, но они поставлены иначе. Государственное начало давит нас в самой грубой его форме прямого, беззаветного произвола власти. Клерикализм у нас силен никогда не был, и наши попы, следуя рабской традиции Византии, сумели в тысячу лет сделаться лишь предметом насмешек и презрения для народа, который в своей горькой доле никогда не встретил в них ни помощи, ни утешения, ни заступничества. Наша социальная революция должна выйти не из городов, а из сел. Наша буржуазия поземельных собственников, торговцев и промышленников не имеет политической традиции, не сплочена в своей эксплоатации народа, сама страждет от притеснений администрации и не развила из себя исторической силы. Из ее рядов и из рядов нашего измученного, разоренного народа вырабатывается наша передовая молодежь, которая не знает сословных различий, провозглашает себя защитницею народного дела, его пособницею в стремлении жить по-человечески и более полувека посылает из своей среды одно поколение за другим в тюрьмы, в изгнание, в ссылку, на каторгу, на виселицу для того, чтобы открыть своей родине лучшее будущее. Мы надеемся, что союз этих лучших сил нашей интеллигенции с естественными стремлениями нашего народа даст нашей родине это будущее. Для нас многие ваши заботы уже не существуют. Вопрос церковный, клерикальный, занимает у нас лишь тех, которые чужды всякого влияния на общественную мысль, живут совсем в стороне от общественного движения. У нас уже нет и следа тех художников чистой формы, которые еще недавно как будто считались еще в числе ваших сил. Бессодержательное искусство для нас не существует; наши поэты становятся в ряды партии движения или партии реакции, но общее презрение поразило бы между нами того художника, который стал бы в настоящее время играть искусством в защиту всех политических девизов, а не поставил бы слово, кисть, резец орудием борьбы за определенное мировоззрение. Поэтому я не стану даже говорить о точке зрения вашего умершего товарища-художника или того из вас, которого вы называли Инквизитором. Вместе с большинством моих соотечественников, участвующих в современном движении, я даже не понимаю, как можно придавать какое-нибудь значение форме без содержания, как бы она красива ни была, или как можно считать в числе живых борющихся сил нашего времени религиозные вопросы. Может быть, оно у вас иначе, но для нас это все покончено и сдано в архив.

Другое дело — труд, наука, капитал, государственный строй. С ними надо считаться, как с живыми, реальными элементами,

прогрессивными или враждебными прогрессу, растущими или слабеющими по своему значению, но во всяком случае силами насущными. Поэтому за вашею борьбою капитала с трудом, за успехами ваших научных завоеваний мы следим старательно, и мне знакомы все главные труды того, которого вы называете между собою Профессором и которого я узнал по портрету; мне знакома таким же образом и деятельность в пользу европейского пролетариата того из вас, который ею оправдал прозвище Бабефа, данное ему учителем. Если я не могу таким же образом назвать третьего вашего товарища, то, тем не менее, речи его единомышленников в парламентах Европы, их многочисленные экономические и политические труды составляли для меня предмет весьма тщательного изучения. Отношения нашей передовой партии к государственному вопросу несколько иное, чем у вас. С одной стороны, у вас государственный строй настолько подчинен вопросам экономическим и вообще влиянию неполитических общественных задач, что вы считаете его вмешательство в современную историю делом более второстепенным, чем это возможно для нас, для которых разрушение настоящего давящего нас политического механизма есть неизбежное условие возможности дышать и жить по-человечески; с другой стороны, эта самая возможность влиять на существующий государственный строй и направлять его организацию в свою пользу позволяет вам не так враждебно относиться к самой сущности государственной организации и дружелюбнее смотреть на орудие, которое вам, пожалуй, может пригодиться. Наш государственный порядок не допускает никакого человеческого развития в обществе; он отупляет, и только отупляет, нашу интеллигенцию; разоряет, и только разоряет, наш народ. Его история — история последовательного экономического истощения, умственного унижения, нравственного развращения нашей родины. Все, что делалось у нас прогрессивного, делалось *против него;* все, что выходило *от него,* оказывалось ядом для общества. Поэтому наш государственный строй — враг всякому мыслящему человеку на моей родине; им воспользоваться для чего бы то ни было не может думать ни один добросовестный деятель из моих соотечественников; его радикальное разрушение есть потребность, очевидная для всех оттенков. Борьба с ним есть самый насущный вопрос для нас; борьба не против лиц, борьба не в смысле исправления, частной переделки, но борьба в смысле окончательного искоренения всех его основ. Но именно потому в нас, представителях радикальной мысли на моей родине, вкоренилось глубокое убеждение, что *всякая* политическая власть вредна в своей сущности, что нельзя и не должно ждать постепенного ослабления и вымирания политического элемента, но следует разом, путем самой радикальной социальной революции, не только разрушить существующий порядок, но и

устранить всякую форму восстановления государственной принудительной власти.

Таким образом, вопросы политические сводятся для нас на одно: разрушение и настоящего порядка вещей, и всякой формы принудительного правительства. Остаются вопросы научные в теории и вопросы общественные на практике. Здесь мне приходится, во-первых, признать, что высказанные вами мнения только частью противоречат одно другому; в некоторых же отношениях противоречия не только согласимы, но и неизбежно приводят к одному общему результату. Конечно, между религией и наукой мира быть не может и не должно; не может и не должно его быть между монополией капитала и всеобщей кооперацией труда; но между задачами научной мысли и жизненного убеждения противоречие мне кажется совершенно фиктивным, когда на деле существует самое полное согласие. Одно служит дополнением и развитием другому. Во-вторых же, я не могу вовсе согласиться с точкою зрения, на которую поочередно стал каждый из вас.

Начну с того противоположения, в котором, по мнению господина Профессора, находятся научные условия необходимого с практическими идеалами желательного, лучшего, а еще более со страстною деятельностью для воплощения этого лучшего в жизнь, в общественный строй. Вы, господа, выработали в себе стремление к последовательности; к ней я и обращаюсь и прошу вас одного: будьте последовательны. Вы говорите, что царство науки — законы явлений и их связи. Прекрасно. Значит, каждое явление должно быть исследовано всесторонне в тех условиях, при которых оно происходит, со всеми теми элементами, которые в него входят, и настоящее научное понимание законов явления предполагает оценку всех их элементов так, как они представляются критической мысли. Таким образом, оптика охватывает не только объективное понятие колебаний световых волн, но и субъективное представление цветов и яркости света. Биология рассматривает субъективные ощущения, как данные, и вся физиология нервов есть исследование явлений субъективных в их связи с объективными. Пусть жизнь есть не иное что, как особая совокупность механических и химических процессов; пусть организм есть лишь частный случай механической системы. Биология берет его, как данное, в его особенности и составляет особую науку о жизненных явлениях и о живых существах, вовсе не обращая внимания на то, иллюзия или не иллюзия та комбинированная деятельность, те субъективные элементы, которые все вместе обособляют жизненный процесс.

Вот вы в области социологии. Вы имеете перед собою явление общественной жизни, имеете новые формы предметов для изучения, именно формы общества. Что требует от вас наука? Прежде всего установить, из каких элементов состоят эти новые предметы, какие элементарные силы сближают эти элементы в соеди-

нения. Вы сознаете, что общество состоит из личностей; что их сближают между собою в общежитии их потребности; что эти потребности, бессознательные и сознательные, естественные и искусственные, иногда фиктивные, иногда болезненные, но чаще лишь частью извращенные, вызывают все общественные явления в их разнообразных процессах, все общественные формы в их генезисе. Не совершенно ли научно при подобной постановке вопроса свести исследование общественных явлений на изучение способов удовлетворения потребностей личности помощью общежития? Не совершенно ли необходимо обратить внимание на самые потребности, отличая потребности искусственные от естественных, потребности, привитые привычками, от лежащих в самой природе личности? Не совершенно ли неизбежно поставить вопрос: какова должна быть комбинация общественных форм, при которых все естественные и здоровые потребности личности удовлетворяются самым полным и совершенным образом? Не следует ли из этого ряд других, уже технических, вопросов: как должен быть изменен современный общественный строй для того, чтобы осуществить это общежитие, соответствующее естественным и здоровым потребностям человека? Какие меры должны быть приняты, чтобы совершить это изменение с наименьшею тратою сил и времени? Какую роль может при этом играть личность, решившая для себя эти вопросы? Какие приемы употреблять личностям, которые колеблются еще в своих решениях? Как действовать обществу или части общества для того, чтобы общежитие, которое оно признало менее соответствующим естественным и здоровым потребностям личности, заменилось общежитием, более сообразным с этими потребностями?

Если, точно, общежитие есть способ удовлетворения потребностей человека, то все эти задачи, теоретические и практические, вполне научны. Вопрос только в том: можно ли решить их, и каким образом? Допустите на минуту, что это возможно. Как же, по-вашему, общежитие, удовлетворяющее потребностям личности, не будет *желательно?* Или, решив вопрос в теории, вы должны все-таки оставаться индифферентны к осуществлению этого общежития? Вы не должны думать днем и ночью: да как же мне действовать для этой цели? Да как бы других толкнуть на это? Да как же, когда же это осуществится?

Если вы думаете, что можно научно остановиться на подобной точке зрения, то вы забыли историю науки. Как только геометру, физику, химику представилась возможность решить трудную задачу, она становится для него не только желанием, но мучительною страстью, неотстранимою мыслью, почти помешательством. Разве не желательна, не страстно любима была для Ньютона идея о тяготении, когда он «все думал» о ней, когда он от душевного волнения не мог решиться проверить полученные результаты вычислений, — так страстно он желал получить именно подобные

результаты? Разве не жертвовали всеми благами жизни, самою жизнью, разве не сходили с ума ученые, встречаясь с задачею, которая им казалась разрешимою, но ускользала от их усилий решить ее? Припомните алхимиков, припомните отыскивателей квадратуры круга. Но припомните и Бернара Палисси [106], который голодал и нищенствовал, жег свою мебель, пол комнаты, чтобы решить техническую задачу, которую, наконец, и решил. Припомните Колумба [107], столько раз прогнанного, осмеянного, и который, наконец, открыл Америку.

Я готов повторить ваши слова: социолог должен относиться к задаче социологии, как механик, химик, биолог относятся к своим задачам; но прибавлю: как *истинный* ученый механик, химик и биолог к ним относятся. Иначе говоря: он должен страстно любить истину и употребить самые строгие, самые точные методы, чтобы открыть ее; когда же он открыл социологическую истину, он должен, подобно истинному механику и химику, исследовать самым точным образом все практические ее выводы, т. е. на какие явления она указывает, как на здоровые, и на какие, как на болезненные; какие формы общежития, вследствие этой истины, законны и какие вредны. Когда он усвоил теоретически и практически понимание истины, он должен стремиться осуществить здоровые общественные явления, законные общественные формы на практике с такою же страстью, с таким же самоотвержением, с каким истинный механик стремится осуществить машину, план которой готов в его голове, с каким истинный химик ищет средств произвести сложный опыт, для которого у него нет лаборатории; он должен бороться с общественным злом, должен подрывать вредные общественные формы с такою же решимостью, с какою биолог борется с излечимою болезнью или бросает в огонь даже самое дорогое платье, если оно может распространить заразу. Без страстной любви к истине, без страстного, болезненного стремления воплотить в дело план машины, опыта, печи, здания, теоретически признанный верным, не существовало бы тех великих завоеваний в науке, тех великих созданий техники, которые составляют лучшие продукты человеческого ума в прошедшем. Будьте же последовательны, повторяю вам: требуйте такой же страсти к истине в социологии, требуйте такого же беззаветного стремления воплотить добытую истину в дело, в техническую общественную постройку. Опыт и размышление на твердом основании правильно поставленных вопросов — вот все, что нужно для развития всякой науки; вот все, что нужно и для развития социологии. Вы не требуете индифферентизма к истине от математика, от физика; не требуйте его и от социолога. Требуйте, напротив, любви к истине и страстной борьбы против лжи, против иллюзий.

Но вы тут меня останавливаете. Вы видите в человеке потребности физиологические и признаете законность гигиены, указы-

вающей, как удовлетворить им. Но вы считаете иллюзиями потребности нравственные; вы отвергаете самое понятие о лучшем обществе, о справедливейшем общежитии, как иллюзию. Именно во имя борьбы с иллюзиями вы требуете, чтобы эти понятия были признаны ненаучными, чтобы человек не терял времени на осуществление того, что не существует.

Я готов согласиться с вами, если вы вместе с тем признаете иллюзией и всякую научную истину, и всю вашу науку, и все основные положения математики и физики, и обязательность методов логического мышления, чтобы достичь до истины. Если нравственная потребность иметь убеждение и осуществлять его в жизни есть иллюзия, то почему же не иллюзия логическая потребность признать очевидную истину? Почему не иллюзия потребность употребить определенный ход доказательства, чтобы получить из простейших истин сложнейшие? Почему не иллюзия то, что мы считаем доказательством? Почему не усомниться в объективном мире, в свидетельстве наших чувств, в ассоциациях ощущений, убеждающих нас в существовании предметов, в ассоциациях представлений, убеждающих нас в существовании последовательности явлений, в ассоциации понятий, группирующихся в законы реальных процессов?

Одна и та же форма существует для двух высших потребностей человека: для потребности познания истины путем логическим, и только логическим; для потребности деятельности во имя нравственного убеждения, и только во имя нравственного убеждения. Ни то, ни другое не врождено человеку. Долго руководились случайным мнением, неосновательным предположением, привычкою и верованием наравне с логической мыслью для составления совокупности того, что *считалось* истиною. Но, наконец, мало-по-малу исследователи выработали точные, строгие методы открытия истины в науках более общих, более простых; потом перешли к более сложным. И когда однажды убедились, что истину в математике, в химии можно открыть *только* такими-то логическими приемами, научная критика, научные методы установились, и все прежние способы угадывания, предположения, верования исчезли. Совершилось логическое, научное воспитание мысли сперва у специалистов, потом в школах учащихся и начинает мало-по-малу проникать в общественные привычки. И воспитание нравственное совершилось еще лишь в меньшинстве. Большинство человечества действовало и действует преимущественно по минутному влечению, по усвоенной привычке, по указанию руководителя. С умственным развитием начинает преобладать деятельность по расчету личной пользы. С аффективным развитием польза немногих других личностей становится в уровень с нашею и заслоняет ее. Немногие, более развитые, дорабатываются до понятия об *общей* пользе. Это уже одна из форм высшего нравственного развития, обязательной деятельности во имя убежде-

ния. Если немногие воспитали в себе способность действовать по убеждению, то все-таки этот способ деятельности может быть единственно верным, как научная критика была единственным способом правильного мышления и тогда, когда она составляла достояние нескольких единичных личностей в весьма ограниченной области мысли.

Вы, ученый Профессор, стоите на той же точке зрения относительно нравственных потребностей, на которой стоял бы человек прежнего времени, которому хотели бы доказывать физические и химические законы вещества, когда он не развил в себе потребности критически мыслить. Он слушал бы с насмешкою ваши доказательства, как иллюзию, потому что он не развил в себе потребности доказательности, потребности истины. Для него привычное представление бога, посылающего тепло и холод, солнце и дождь, здоровье и болезнь, несмотря на все логические несообразности этого представления, было бы доступнее, приятнее, мыслимее, чем ваши логические выводы. Он сказал бы: ученый мелет вздор, как вы говорите теперь: нравственная потребность — иллюзия, убеждение — призрак. Вы сами не замечаете, что лишь во имя этого призрачного убеждения вы выдерживаете борьбу с клерикалами, защищая и проповедуя тот позитивизм, который вы считаете истиною; что самое признание его истиною, самая внутренняя потребность искать истину и признать ее есть ваше *убеждение,* ваша *нравственная потребность.* Если бы вам удалось открыть, что разные виды помешательства суть продукты особых паразитов, помещающихся в мозгу, и что все эти паразиты могут быть уничтожены определенными гигиеническими или терапевтическими мерами, то это самое убеждение, эта самая нравственная потребность побудила бы вас обнародовать ваше открытие, хотя бы оно вызвало против вас вражду всех психиатров, всех академий и ученых обществ, всех администраций. Убеждение и нравственная потребность сделали бы страстно желательным введение этих мер, какие бы неприятности для вас лично и для многих других лиц из этого ни последовали. Вы, вероятно, сочли бы обязательным для себя и для всех понимающих важность вашего открытия агитировать всеми средствами для введения в психиатрические больницы и в общежитие тех приемов, которые устранили бы разом все явления помешательства. Вы считали бы, что действуете во имя очевидной истины, во имя науки; между тем вся ваша деятельность была бы деятельность по нравственным началам, которые ограничиваются очень простым правилом: надо выработать себе убеждение, критически проверить его и действовать согласно этому убеждению. Всякая истина, не остающаяся теоретическим положением, но вызывающая практическую деятельность, есть *убеждение,* когда человек полюбил ее настолько, что готов приносить тяжелые жертвы, лишь бы действовать сообразно своему сознанию истины; когда он готов

страстно бороться со всем, что мешает ему действовать таким образом.

То, что вы готовы сделать для истин, вызывающих вас к деятельности в химии или биологии, то самое другие хотят делать с таким же научным правом в социологии. Они пытаются открыть строй общества, наилучшим образом удовлетворяющий естественным и здоровым человеческим потребностям. Они хотят открыть путь для перехода к этому нормальному общественному строю. Они считают обязательным для себя, обязательным для общества употребить все усилия, чтобы установить этот строй как можно скорее, не обращая внимания на неприятности, которые окажутся от этого для лиц, эксплоатирующих недостатки настоящего строя. Они готовы на страстную борьбу против противников того, что они сознают как истину. Все это совершенно научно, и вы сами не поступили бы иначе, если бы дело шло не о вопросах социальных. Вы имеете право оспаривать точность метода мышления общественных агитаторов; доказывать, что они неверно понимают человеческие потребности; что строй, который они хотят осуществить, не соответствует задаче, ими себе поставленной; что он заключает невозможные условия для практического осуществления. Но если вы признали за ними правильность постановки вопроса, то затем вы должны признать за ними не только право, но и обязанность самой энергической деятельности для осуществления сознанной ими социологической истины, самой энергической борьбы против вещей и людей, препятствующих этому осуществлению.

Вы, может быть, считаете, что самый метод, употребляемый для решения социологических вопросов, неточен; что при настоящем способе исследования мы не имеем права итти далее скептицизма, не имеем повода страстно стремиться осуществить технические планы постройки общества, опирающиеся на столь недостаточные теоретические данные; что мы должны быть индифферентны в нашей общественной деятельности, — потому именно, что не имеем достаточно данных для научного убеждения.

И этого нельзя назвать точным выражением. При введении различных методов лечения или воспитания медики и педагоги имели менее точных данных, менее обширных опытов, менее материала для всестороннего наблюдения, чем практические социологи нашего времени. Вся история представляет ряд социологических опытов, произведенных в самых обширных размерах; это — материал для обнаружения человеческих потребностей как в их неизменной, антропологической форме, так и в форме, изменяющейся под влиянием культуры; это — материал для обнаружения большего или меньшего соответствия потребностям той или другой формы общежития; для обнаружения влияния на общество законодательства, постепенных или крутых реформ, внесенных в общежитие религиозным верованием, государственною админи-

страциею, распространением новых привычек, новых мыслей, нового направления цивилизации; это — материал для обнаружения социологического значения революций в их генезисе и в их последствиях.

Всех этих данных совершенно достаточно, чтобы при добросовестном стремлении к истине, при тщательном сближении сходного и разделении несходного выработать ясное понимание основных социологических истин, т. е. уяснить себе естественные и здоровые человеческие потребности, которые могут и должны быть удовлетворены правильным общежитием. Ясность этих простых истин совершенно достаточна, чтобы на них основать энергическое убеждение, как и куда должна быть направлена деятельность личности для технического осуществления сознанной социологической истины, и затем, чтобы действовать сообразно этому убеждению.

Оно так и есть на деле. Искренний исследователь пишет и печатает результаты своего размышления и своего учения. Человек более практического направления мысли предлагает и пропагандирует проект перестройки общества. Политик, верующий в деятельность легальных реформ, государственного метода общественной деятельности, подает петицию в парламент, пишет письма министрам и королям, защищает свои предложения в палатах, на митингах, вводит их в закон, ставит в защиту их и в их осуществление суды, полицию, армию. Агитаторы, изверившиеся в этом методе социологической деятельности, обращаются к своим единомышленникам и к недовольным, к подавленным, к массам; они составляют тайные общества, пускают в ход прокламации, подготовляют революцию, производят ее и при этом пытаются осуществить новый общественный порядок.

Все они делают то же в сфере социологии, что физик и химик в своей сфере. Они экспериментируют: один — в более тесной, другой — в более обширной сфере; один — вводя социальную комбинацию простой и медленно действующий реагент идеи, другой — действуя на общество разом многими внешними и внутренними агентами. И им не удается большинство опытов, как не удавались они ряду поколений экспериментаторов в областях других наук; только неудачи экспериментаторов в социологии записаны историею, когда неудачные опыты физиков и химиков остались лишь в журналах их работ. Но всякий неудачный опыт в какой бы то ни было науке не прошел даром. Он, во-первых, указывает, чего сделать нельзя, определяет более точно условия явления; во-вторых, весьма часто дает попутно результаты неожиданные, но весьма важные.

Так было и в истории. Недаром развивались экономические и государственные теории; недаром алхимики социализма, Платоны и Моры, Сен-Симоны и Фурье, пробовали свой философский камень, свой элексир бессмертия; недаром государи и министры

средины XVIII века экспериментировали помощью реформ свыше; недаром политические революционеры экспериментировали путем ряда парламентарных резолюций, изменения конституций и кодексов. Все эти теоретические и практические опыты дали свои результаты, совершенно определенные для внимательного и беспристрастного наблюдателя. Экономические теории привели, шаг за шагом, к физиологическому противоречию теории Мальтуса [108], к социальному противоречию неразрешимой борьбы между капиталом и трудом. Алхимия первых социалистов-теоретиков привела к научной химии рабочего социализма, с каждым годом уясняющего свою задачу — задачу социальной революции, которая может быть произведена *только* рабочими, *только* помощью их организации и *только* в виду строя, где основным принципом был бы труд, опирающийся на знание, гармоническое слияние работы мысли и работы рук. Деспоты-реформаторы и политические революционеры доказали воочию, что государство бессильно, чтобы внести живой элемент в общественную жизнь; что оно, как сила всегда притеснительная, могло играть в истории какую-либо прогрессивную роль лишь до тех пор, пока общество страдало от давления самых элементарных сил — религиозных или сословных, но в дальнейшем периоде становится элементом, который подавляет, развращает общество, всегда вступает в союз с его эксплоататорами и по необходимости противодействует всякой организации общественных сил. Мы знаем теперь, что самый гениальный деспот не может, если бы и хотел, улучшить положение своего народа, а может принести только вред. Мы знаем, что все политические революции могут только переместить и переименовать власть, но эта власть, в той или другой форме, сделается всегда властью давящею для большинства; следовательно, чисто политические революции не могут вести к решению задачи социологии, к общественному строю, удовлетворяющему естественным и здоровым потребностям народа.

Но вывод, сделанный г. Профессором, что революции и не могут никогда дать иного результата, научным признан быть не может. Долго не удавалось разложить щелочи, и их считали неразложимыми, однако же разложили. До сих пор не могли с достаточною убедительностью произвести искусственно организмы из неорганического вещества, но мы знаем, что они когда-то *должны были* так произойти, и очень вероятно, что этот вопрос будет решен не сегодня, так завтра. Революции были до сих пор политическими, но доля политического элемента в них уменьшалась, а доля социального увеличивалась. Великая французская революция заключала уже в себе заявление социальных вопросов, которые вовсе отсутствовали в революции американской. Революция 1848 г. выставила уже на вид социальный элемент, хотя в форме мало практической. Революция 1871 г., наконец, была

вполне социальною по своей постановке, и примесь политического элемента была в ней лишь настолько велика, чтобы убедить будущих социальных экспериментаторов в безусловном вреде подобной примеси.

Таким образом, исторический опыт борьбы социальных теорий, смены различных легальных реформ и нелегальных революций дал в результате несколько теорем совершенно ясных:

Государство не может быть принципом общественного строя, удовлетворяющего политическим потребностям.

Экономические теории, опирающиеся на принцип монополии, приводят к неразрешимым практическим противоречиям.

Противоположение капитала и труда не может быть примирено никакими легальными формами, никакими конституциями, никакими политическими формулами и резолюциями.

Отсюда следует, что строй, удовлетворяющий человеческим потребностям, можно искать, только уменьшая государственный элемент в общежитии, производя переворот не в политических, а в социальных формах, не политическими, а социальными силами, не стремясь примирить несогласимые стремления капитала, опирающегося на принцип монополии, и труда, опирающегося на принцип кооперации, но признавая правильность их борьбы на смерть и отрицая практически правомерность элемента, опирающегося на монополию, которая теоретически привела лишь к противоречиям.

Устранив, таким образом, из сил, способных практически решить вопрос социологии, *государство* и *капитал*, остается посмотреть, точно ли *труд* имеет возможность решить его.

Условия успеха для социологического элемента суть: возможность прочной кооперации, возможность научного отношения к вопросам природы и жизни, возможность последовательной деятельности и крепкая организация для общественного дела. Капитал, сущность которого заключается в монополии, в конкуренции и в борьбе, не удовлетворяет первому условию — добросовестной прочной кооперации, и потому именно все экономические теории, имеющие в виду его, приводят и должны привести к противоречиям. Религия не может удовлетворить второму условию — научному отношению к действительности. Государство, по привлекательности власти, было и всегда будет поприщем интриг личностей и партий в борьбе за власть—следовательно, представляло и представляет смену руководящих лиц: государей, министров, фаворитов, парламентных интриганов, демагогов, художников революций; поэтому в нем отсутствует последовательность. Труд именно требует прочной кооперации, он может вполне усвоить научную мысль, он вполне допускает последовательную деятельность, он только нуждается в прочной организации, к чему и стремятся теперь, в особенности рабочие, как это и высказал их представитель. Следовательно, труд удовлетворяет всем

условия решения социологической задачи, не представляет ни одной данной, противоречащей этой задаче, и науке остается указать ему путь решения задачи, которую он один *может* решить практически.

Конечно, метод доказательства в области явлений общественных далеко не так точен, как метод доказательства в области явлений физических и химических, но насколько социология в наше время может считаться научною, настолько для беспристрастного исследователя, повидимому, должны быть убедительны только что приведенные перед этим положения. Практическое бессилие государственных мер для увеличения или даже для охранения благосостояния народов доказано всею историею, при крайнем разнообразии политической экспериментации, независимо от теоретических доводов. Теоретическое бессилие политической экономии, как теории монопольного богатства, очевидно для всякого знакомого с ее литературою. Непримиримость борьбы капитала с трудом неубедительна лишь для того, кто намеренно слеп.

Но если оно так, то полученные следствия вытекают с логической необходимостью.

Если же и это так, то социальная революция, разрушающая государственную стеснительность и оканчивающая неизбежный спор капитала с трудом в пользу труда, есть столь же научно желательное социологическое явление, насколько здоровое питание есть желательное явление для организма, насколько устойчивость здания есть желательное явление для человека, знакомого с началами физики и механики.

Если же социальная революция есть явление желательное, то не только индифферентизм относительно ее столь же мало научен, как индифферентизм биолога относительно здоровой пищи, индифферентизм физика и механика относительно прочности здания, но, во имя научного сознания социологических истин, всякий сознавший их обязан страстно стремиться к осуществлению переворота именно в определенном смысле, или он не усвоил себе любви к истине, не проникся научною неизбежностью тех положений, которые считает истиною. Он стоит на точке зрения биолога, который не убедился, что песком и водою питаться нельзя; на точке зрения физика, который не уверен, что кирпичная стена выдержит лишь то давление, которое для нее выведено опытом.

Опыт истории, выработка теорий, борьба мнений и классов в современности достаточны, чтобы составить себе ясное понятие о неизбежности социальной революции для осуществления общественного строя, сколько-нибудь близкого к удовлетворению естественных и здоровых потребностей человека, а следовательно, и для составления себе твердого убеждения в том, что желательно для общества, что обязательно для мыслящего его члена, на что он *должен* положить всю силу своей мысли, всю

энергию своей деятельности, если только он понял задачу социологии, если усвоил полученные ею результаты, если проникся их истинностью, как проникся истинностью результатов других наук.

Именно во имя научных требований мысли добросовестный ученый социолог должен стать в наше время социальным революционером и положить всего себя на уяснение другим необходимости социального переворота, на практическое его подготовление, на энергическое содействие его процессу, на осуществление лучшего строя, когда переворот будет совершен. Не додумываясь до необходимости социальной революции, он поступит ненаучно; не решаясь осуществить ее, он будет непоследователен; оставаясь к ней индифферентен, он заявляет свой индифферентизм к истине вообще.

Но смешно желать того, что не в нашей воле исполнить, говорите вы; нелепо волноваться от фактов, совершающихся по неизменным законам причины и следствия. Почему же вы желаете открыть истину в химии? Разве это более в нашей воле? Почему вы волнуетесь от ошибки в научном доказательстве, от намеренной лжи ученого, признающего чудо, чтобы приобрести покровительство клерикалов? Разве всякая ошибка, всякая ложь не есть необходимый факт, совершающийся по неизменным законам причины и следствия? Вы требуете индифферентизма как научного состояния духа, но индифферентизм к истине подрыл бы всю вашу деятельность и бросил бы человечество в руки партии господина Инквизитора. Вы не можете желать индифферентизма к истине; вы должны желать страстной любви к ней, должны требовать самоотверженного служения ей. А если вы требуете служения истине вообще, то и социологической истине в частности, т. е. стремления [109] к лучшему общественному строю, борьбы для него, борьбы за него, ненависти ко всему, что мешает его осуществлению, разрушения всего, что занимает его место в обществе. Вы не в праве быть индифферентным во имя науки; вы не в праве оставаться чужим борьбе рабочего с государством, его давящим, с капиталом, его эксплоатирующим. Вы должны говорить, что государство не имеет будущего; вы с этим и согласны. Но вы должны сказать и капиталисту: «Опирайтесь на свой интерес, на свои наличные силы, боритесь, если хотите, но знайте, что наука против вас; она доказывает, что монополия приводит к противоречию, к неисходной борьбе и ничего прочного создать не может». Вы должны сказать рабочему: «Ваши стремления согласны с указаниями науки, но не думайте, как это было сказано здесь, что, в случае противоречия с наукою, можно отбросить ее вместе с другими ненужными преданиями гниющего старого мира. Наука не из тех сил, которые отбросить можно. Кто ее отбрасывает, тот убивает себя, убивает свое будущее. Лишь то сильно, лишь то прочно, что опирается на науку. И ваши

стремления прочны потому лишь, что согласны с ее выводами. *Она* именно вам доказывает, что вы в праве бороться с государством и с капиталом, что вы обязаны с ними бороться, что осуществление вашей цели возможно». Вы должны принять участие в современной борьбе, и это участие, во имя последовательного служения науке, для вас возможно только в *одном* лагере.

Не называйте, если хотите, этой борьбы борьбою за основание царств справедливости. Дело не в названии. На деле всякий борющийся за выполнение в общественном строе своего личного убеждения уверен и будет всегда уверен, что он борется за справедливейший строй, за справедливость; точно так же, как всякий ученый при своей работе уверен и будет всегда уверен, что он ищет истину. Поэтому справедливость не менее реальна для человека в практической деятельности, как истина в теоретической, а вне реальности *для человека* мы не знаем никакой реальности. Если вы считаете основание царства справедливости фантастическою мечтою, стремлением к несуществующему, то я не знаю, что вы ответите господину Инквизитору, если он назовет — что, мне кажется, не очень далеко от его мнения — всякую попытку к логическому доказательству, к открытию системы научных истин тоже фантастическою мечтою, стремлением к несуществующему. Единственное ручательство для науки, это — *сознание* ее истинности после всестороннего критического исследования. Столь же сильное ручательство имеет за себя и нравственное убеждение, именно такое же *сознание*, после всестороннего критического обсуждения, что такая-то деятельность справедлива и нравственно обязательна. Как во имя науки можно и должно стремиться мыслью к систематическому пониманию царства истины, так нет противоречия и нет ничего фантастического в стремлении осуществить деятельностью царство справедливости. Оба царства постепенно могут быть воплощены в истории.

И при осуществлении этого царства сама собою совершается антропологическая задача, которую хотел бы искусственно решить господин Картежник, именно вырабатываются новые расы, но уже совсем иного рода, чем те, которые предначертаны в его проекте. Возможность выработки новых антропологических особенностей оспорена быть не может: они произошли под прямым действием природы или путем истории, следовательно, могут произойти и снова. Естественные влияния обособили в самое первое время существования человека негра от белого и от краснокожего. Исторические влияния обособили национальности. Разделение работ в общежитии настоящего времени ведет мало-помалу к обособлению типов личностей данной цивилизации, и только кратковременность существования каждой цивилизации помешала антропологическому обособлению средневекового феодала от простолюдина, а в настоящем — типов ученых, столичных

жуиров, мелких буржуа, наконец, пролетариев, подразделяющихся по разным формам технической работы и по разным способам их эксплоатации. Уже теперь довольно заметна и была указана наклонность к противоположению рас буржуа и пролетариев именно в том направлении, которое указывал господин капиталист, здесь присутствующий. Но затруднения здесь иного рода. Капиталистам надо не только по их плану обратить пролетариат в особую, низшую расу и в рабочий скот, но еще не дать этой расе погибнуть. История не раз показывала, что там, где действительно превосходство умственного развития в борьбе было весьма значительно на одной стороне, огромное большинство подчинялось горсти беззастенчивых смельчаков или гибло; что так было при столкновениях белой расы с племенами краснокожих, негров, океанийцев. Но дело в том, что дикие племена в большинстве случаев не подчинялись, а гибли, оставляя белым природные богатства страны для их экономической обработки, а будущая господствующая раса монополистов не имеет в виду потерять свой человеческий рабочий скот и приняться сама за черный труд. Ей приходится решить задачу несравненно сложнейшую, чем американским конквистадорам и пионерам: пред нею классы, которые в ряде постепенных оттенков восходят от поденщика угольных копей, отупелого вследствие лишений и сверхпосильного труда, до менее богатого буржуа, умственные средства развития для которого весьма немногим отличаются от средств капиталиста первого разряда. Все эти многочисленные оттенки должны быть доведены до одной и той же ступени умственного ничтожества. Затем эту новую расу идиотов, годных лишь для черной работы, придется охранять одновременно и от физического вырождения, и от умственного развития. Именно это составляет задачу невыполнимую; именно это противоречит науке и подрывает планы капиталистов в их основе. Под влиянием их деятельности пролетарий будет вырождаться и вымирать; если они победят, то под условием постепенного обезлюдения цивилизованного мира, как Римская империя удержала свою централизацию под условием обезлюдения своей территории. Но это самое обезлюдение подорвало античный мир, подорвало бы и мир идеального господства капитала. Представители борьбы за существование, в случае победы, действительно монополизировали бы все средства существования, но вместе с тем и совершили бы социологическое самоубийство, лишив себя самих источника своих средств существования. Капитализм и здесь, как всюду, приходит к внутреннему противоречию в своих построениях.

Но в борьбе труда с капиталом вырабатывается новая раса, имеющая возможное будущее, раса с определенными физиологическими и психическими признаками. Это — раса интеллигентного работника, который развил в себе телесную силу и ловкость не в атлетических упражнениях древности, не в бойнях средних ве-

ков, а в *разнообразном* полезном труде; но он выработал и психическое развитие, именно обогатил свой ум знанием, доставил своей мысли гибкость всесторонним обсуждением вопросов, теоретических и практических, личных и общественных, изощрил в себе вкус не к отупляющим наслаждениям нынешних подавленных масс, а к наслаждению развивающим общежитием, поглотил свои эгоистические стремления в кооперативной жизни с целью общего блага, общего развития. Все нынешние антропологические типы суть результаты разделения работ, упрощения личной деятельности, именно потому они ведут к борьбе и к вырождению человечества. Вырабатывающийся тип интеллигентного работника должен быть результатом прямо противоположного процесса комбинации различных форм труда и всестороннего развития личной деятельности. Он должен вести к гармонизации общества и к антропологическому развитию человечества. Он представляет все данные прочности, потому что наиболее полно удовлетворяет разнообразным естественным и здоровым потребностям человека.

Поэтому можно сказать следующее. Если в борьбе капитала с трудом победит капитал, то осуществится именно предположение, здесь высказанное: будут более и более обособляться расы эксплоататоров и эксплоатируемых. Последние будут вырождаться, вымирать, наконец, вымрут, но вместе с тем погибнут и их эксплоататоры, которые будут лишены всего материала своей эксплоатации. Если победит труд, то все наклонности к обособлению антропологических типов, теперь существующие в современном обществе, атрофируются, так как все различия рас, национальностей, сословных и специальных групп поглотятся в обобщении единообразного типа; все существующие и развивающиеся типы станут исчезать пред господствующим типом интеллигентного работника, который гармонизирует в себе все антропологические силы, но не монополизирует их, потому что монополия предполагает людей, исключенных из монополии, а из всестороннего развития интеллигентного работника не будет исключен никто, кроме неизлечимого идиота, неразвитого ребенка и дряхлеющего старца. Если эта новая раса выработается, то для нее не будет препятствия в завоевании самого широкого будущего.

И крестовый поход против науки не так решительно невозможен, как следовало бы из слов Профессора. Религиозная мысль бессильна перед научною, но господство научной мысли еще очень мало распространено, в чем согласны оба спорящие, а потому и развитие ее еще непрочно. Сильна была научная мысль и в древнем эллинском мире, но малочисленность ученых и их обособление позволили ее врагам восторжествовать и на полтора тысячелетия затормозить ее развитие. Теперь сделано гораздо более в смысле педагогического распространения результатов на-

уки, но все еще очень мало. Все еще большинство общества, даже среди образованных национальностей, совершенно чуждо методов строгого критического мышления, ясного научного понимания природы и истории. Все еще специальные ученые стремятся как бы составить отдельную касту, выделяя профанов, а сами как бы чуждаясь тех вопросов, которые волнуют их современность. Здесь мы даже слышали об обязательном индифферентизме ученого к вопросам жизни, к вопросам общественной борьбы. Если массы в их настоящей борьбе за существование с своими эксплоататорами, государственными и экономическими, на минуту поверят, что наука точно проповедует индифферентизм, что она не помощница им в их тяжелой борьбе, а равнодушная зрительница этой борьбы, тогда ученые подготовят миру новый период варварства. Массы, не усвоившие необходимости критического мышления, бросятся в объятия религиозных сектаторов; они отрекутся от науки, тем самым лишат свой взрыв целесообразности, сделают свою победу невероятною, торжество свое крайне непрочным; начнется длинный ряд общественных катастроф без определенного решения, с переменными удачами; начнется новый период неисходных страданий народов; но наука будет заторможена, и ее развитие будет остановлено в пользу религиозной мысли. Лишь сближаясь с вопросами жизни, лишь участвуя своими силами в их решении, наука может себе обеспечить прочное будущее. Лишь установляя гармонию между строгою критическою мыслью и страстною жизненною деятельностью, наука себе доставит неоспоримое торжество. Проповедь общественного индифферентизма есть для нее не только непоследовательность в мысли, как я говорил перед этим, это — самоубийство в отношении ее практического влияния.

И вот я пришел к пункту, в котором расхожусь со всеми говорившими и с теми из ваших товарищей, которые прислали вам письменные мнения. Каждый из вас говорил: будущность принадлежит нам. Мне кажется крайне странным, что там, где в построении будущего участвует умение, понимание и энергия личностей, вы определяете неизбежный, безусловно необходимый исход истории. Это последовательно лишь для одного из вас, для г. Инквизитора, который допускает, что сверхъестественное провидение ведет народы и человечество к целям, фатально назначенным свыше. Вы же, господа реалисты разных направлений, можете говорить лишь относительно: будущее принадлежит нам, *если* в наших рядах будет достаточно умелых, понимающих и энергических людей, *если* мы не наделаем ошибок, *если* наши враги не будут поставлены историческим течением событий в особенно выгодные обстоятельства. *Может победить* — каждая из партий, вами представляемых; *победит* — та, которая сделает наименее ошибок, которая наиболее критически продумает и наиболее самоотверженно исполнит свой план.

Если ученые станут систематически проповедывать общественный индифферентизм, останутся глухи к вопросам жизни и оттолкнут от себя живую силу подавленных классов; если рабочие вследствие того отвернутся от науки и не сумеют организоваться, то борьба государства, духовенства и капитала за господство *может* иметь самый разнообразный исход, конечно, временный, эпизодический; но эпизоды в истории довольно продолжительны, чтобы вызвать множество страданий не только для отдельных личностей, но и для целых народов. Государство имеет за себя организацию, духовенство — народное невежество, капитал — громадную экономическую силу. Поэтому шансы их можно считать довольно равными. Тогда *может* восторжествовать временно государство, и *если* оно восторжествует, то в результате получится китаизм, общественный разврат, окончательная дезорганизация всех живых общественных элементов. *Может* временно наступить период господства религиозных верований, период заглушения научной мысли, и если это случится, то этот период, как я уже говорил, будет периодом и страшных бедствий для человечества. *Может* победить капитал, и его торжество было бы началом вырождения и вымирания человечества. Но все эти возможные бедствия были бы прямыми следствиями неумелости и непонимания людей мысли и людей дела, неспособности организоваться со стороны представителей труда, неуменья додуматься до понимания гармонии между задачами социальной науки и целями социальной революции со стороны ученых.

Может победа быть и на стороне труда и науки. *Если* они победят, то лишь эта победа даст почву для прочного будущего развития человечества, но и эта победа лишь *возможна*, а вовсе не неизбежна, не фатальна. Она вероятна при согласном действии научно развитой интеллигенции и рабочего пролетариата; при уяснении учеными мысли о строгой научности социального переворота; при уяснении рабочими сознания, что лишь наука даст им средства совершить удачно этот переворот и, главное, упрочить новый общественный строй; при сильной, целесообразной и самоотверженной организации пролетариата; при энергической решимости его не делать уступок, не опираться в борьбе на враждебные ему силы государства и клерикализма; при энергическом и самоотверженном участии передовой интеллигенции в борьбе против эксплоатации, против монополии, против государства за торжество труда, за торжество свободной ассоциации, за развитие расы интеллигентного рабочего, за установление царства истины и справедливости.

Да, будущее не принадлежит никому; оно не может *прочно* принадлежать ни религии, ни государству, ни капиталу, но *временная* победа на довольно значительный период возможна для всех. Будущее принадлежит временно тем, кто умнее и энергичнее. Наука и труд в их союзе одни могут дать *прочное* будущее

человечеству, но в данную минуту они должны ему завоевать это будущее. Пред ними борьба со всеми разнообразными ее условиями, со всеми ее изменчивыми вероятностями; пусть *понимающие* развивают в себе страсть к практической деятельности в том направлении, где они видят истину; пусть *борющиеся* развивают в себе понимание условий борьбы, условий победы, условий прочности нового строя. Каждому участнику в борьбе следует сказать то, что говорил вам ваш учитель: развивайте в себе каждый силу мысли и энергию убеждения, ясное понимание и самоотверженную решимость. Здесь условие победы. Здесь *возможное* будущее. Будущее вам не принадлежит, но оно может принадлежать вам. Идите и завоюйте его».

Пока молодой человек говорил, все более оживляясь и не замечая, насколько он задерживает собеседников, число их уменьшилось. В самом начале Бабеф передал им вполголоса название города, где они должны были сойтись следующий раз. Прежде всех стал обнаруживать признаки нетерпения Инквизитор; он встал, опираясь на палку. Мгновенно выскользнул из другого отделения таверны молодой семинарист с тупым взглядом, взял его под руку, и он ушел, не оглядываясь, не кланяясь никому из собеседников. Чрез некоторое время посмотрел на часы Картежник, зевнул несколько искусственно, пошел к дверям, остановился, посмотрел еще минуту насмешливо на молодого иностранца, говорившего все с большим жаром на своем смешанном наречии, и на его двух слушателей, затем, насвистывая, вышел из таверны и сел в коляску, ждавшую его на углу. Он посмотрел на часы, сказал кучеру: «Lombard street!» [110], и коляска помчалась.

Пристально глядя на говорившего, не двигая ни одним мускулом лица, слушал Профессор. Когда молодой человек произнес последнее слово, он быстро сунул ему в руку карточку и сказал: «Мне некогда; заходите ко мне; здесь указаны часы; потолкуем». Затем следовал холодный полупоклон, и ровным шагом англичанин оставил комнату.

Бабеф и молодой иностранец остались вдвоем. Глаза обоих горели. Разом протянули они друг другу руки. «Выпьем нашего французского вина, — сказал Бабеф своему новому приятелю. — Дело говорите вы, только вам бы следовало поучиться говорить по-французски правильно, а то это чорт знает что такое!»

Оба засмеялись, сели за стол и стали разговаривать. Разговор их длился долго...

ПОТЕРЯННЫЕ СИЛЫ РЕВОЛЮЦИИ

(Письмо к несогласному)[111]

М. Г.

Вы говорите, что не можете и не хотите итти с нами; что путь, нами избранный, не может привести к цели; что он вреден для народа, который мы хотим поднять против его притеснителей; что он бесполезно гибелен для молодой интеллигенции, которую мы приглашаем направить все свои силы на поднятие народа.

Вы с насмешкою и презрением относитесь к «слепым и честолюбивым» революционерам, которые хотят непременно «исторической, заметной» деятельности, хотя бы из-за этого пришлось даром губить свои силы, не принося народу пользы ни на грош и, напротив, напрасно увеличивая страдания большинства, а, во всяком случае, проходя бесчувственно мимо тысячи страданий, которым *мог бы* помочь пламенный революционер, но которым он не помогает, стремясь к своей фантастической цели.

Вы с гордостью аскета противопоставляете этой «безумной», по-вашему, попытке революционеров, этой «самолюбивой», как вы говорите, жажде исторической деятельности скромную работу среди народа, для народа, с целью укрепить его, воспитать, излечить, насколько возможно, его насущную боль в том кругу, на который может плодотворно распространиться деятельность личности. Вы считаете, что народная революция — дело не нашего поколения; что нам нужно подготовлять в народе самосознание вырастить в нем самодеятельность, воспользоваться существующими порядками, существующими легальными формами, чтобы вырастить то поколение, которое, сознав свои силы, привыкнув к деятельности в узкой сфере, развернет эти силы и в сфере более широкой, выступит на историческую арену, потребует и возьмет себе права, которые ему принадлежат, но которые оно теперь себе взять не может и которые ему мы не можем дать.

Я не стану с вами спорить о том, насколько *наше* предприятие безумно и безнадежно, насколько оно вредно для народа и бесполезно-губительно для молодой русской интеллигенции. Есть другие противники, которые, нападая на нас с другой точки зрения, говорят то же. Эти вопросы удобнее разобрать в споре с ними. Я к этому и вернусь в другое время. Но, обращаясь к вам, я имею в виду одно: доказать вам, что путь, *вами* избранный, и безнадежен и безумен; что *ваша* деятельность приносит неисчислимый вред народу, которому вы имеете в виду помочь с таким аскетическим самоотвержением; что *вы* зовете молодежь на работу, в которой она, русская молодежь, растратит даром свои силы лишь для того, чтобы притти слишком поздно к убеждению в полной невозможности истратить их на этом пути иначе, как даром.

Мы с вами расходимся во стольких пунктах, что с первого взгляда кажется, что нам и говорить друг с другом нечего, потому что говорить не о чем. Положение и отрицание если и могут быть примирены в высшем единстве, то не теми, для которых это положение и это отрицание составляют существенный элемент мысли и даже более — элемент практической деятельности; не тогда, когда они вросли в убеждение, когда они зовут на дело, из-за которого приходится отказываться каждому от многих благ жизни, из-за которого приходится жертвовать чужим счастием, иногда чужою жизнью. При таких положениях и отрицаниях невозможна спокойная полемика, неуместно мирное развитие мысли до примиряющих высших понятий. Тут идет борьба, борьба за самые коренные убеждения, а для этой борьбы переговоров нет.

Если бы мы с вами стояли действительно на столь противоположных точках зрения, то я бы и не писал вам или, по крайней мере, не писал бы так, как пишу теперь. В деле общественном, как я сказал, с ***врагом*** переговоров нет. Но дело в том, что я вас ***врагом*** еще не считаю, а только ***несогласным***. Вы — ***возможный*** враг, но еще и ***возможный*** союзник. Для нас еще переговоры мыслимы, и существует почва, на которой мы и теперь стоим вместе. Существуют пункты, в которых мы оба утверждаем одно и то же, отрицаем одно и то же. С этого и следует начать.

Во-первых, вы не верите в правительство; это — общее для нас отрицание. Во-вторых, вы признаете права народа на строй общества, где его интересы, экономические и нравственные, будут стоять на первом месте, определять все частности общественного строя; вы признаете обязанность интеллигенции положить свое время, свои силы, свой труд на содействие народу в улучшении его положения; в развитии сил и средств, необходимых для осуществления этого будущего общественного строя,

обусловленного интересами народа, это — общее для нас утверждение и утверждение весьма важное.

Станем на эту последнюю точку зрения, вглядимся в предметы, с нее открывающиеся, вглядимся в задачи, ею вызываемые, и разберем подробнее, ведет ли путь, вами избранный, к целям, которые вы сами себе ставите; к решению задач, возникающих независимо от чьей бы то ни было воли, из самой постановки вопроса.

Вы признаете права народа на его будущее. Вы признаете, что это будущее должно принадлежать *ему*, ему одному; что экономически Россия должна принадлежать русскому народу. На подготовление ему этого великого будущего вы посвящаете ваше время, ваши труды, вашу жизнь. Можете ли же вы достигнуть вашей цели, даже допустив, что одновременно с вами в разных местах нашей обширной родины трудятся десятка два-три, положим, полсотни людей?

Как приступите вы к этому делу? Как приступят к нему ваши товарищи?

Вы хотите опереться на закон и в то же время не хотите быть чиновником, не хотите действовать от правительства, потому что вы не согласны действовать в видах правительства. Вы хотите опереться на собственные силы, хотите в малом объеме подготовить народ к самоуправлению, к правильному решению собственными усилиями своих дел, к правильным методам мышления. Ваши орудия — артель и школа. Первая, прилагаемая к самым разнообразным областям труда, должна, по вашему мнению, воспитать взрослых к самоуправлению, послужить зерном будущей свободной, автономной общине. Вторая должна воспитать в подростке мыслящего человека, которому были бы доступны трудные задачи теории и практики; она должна дать то поколение русского народа, которое будет достаточно зрело для приобретения принадлежащих ему прав. Артель легальна, школа легальна, и потому вы считаете возможным на легальной почве начать деятельность, которая без потрясений, без кровавых и напрасных жертв сначала укрепит силы русского народа, поставит его на ту почву, на которой он сознает и сумеет употребить свои силы, а тогда... тогда никто, конечно, не в состоянии будет устоять против его сознательного решения, против его зрелой и ясно выраженной воли.

Все это было бы, может быть, и прекрасно, если бы это было возможно; но для практического деятеля я нахожу, что вы слишком мало оцениваете как неизбежные препятствия, так и возможный размер успеха, даже в самом выгодном случае, а затем нарочно закрываете глаза перед тем злом, которое неизбежно произойдет для русского народа от ваших напрасных усилий.

Начнем по порядку.

Скажите, пожалуйста, почему вы не хотите действовать как чиновник, как орган правительства? Почему вы не напишете откровенно проекта, где изложите ясно и убедительно страдания русского народа, понижение умственных и нравственных сил России, доказывая неизбежность, неотразимость этих бедствий при нынешнем порядке вещей, следовательно, насущную потребность изменить этот порядок? Почему вы не поднесете этот искренний, горячий проект, со всеми возможными научными доводами, со всеми очевидными требованиями нравственности, губернатору местности, в которой вы теперь действуете? или министру внутренних дел? или шефу жандармов, как непосредственному *оку* императора? а не то, почему не подать прошения и самому императору? Ведь если бы вам удалось убедить их, какая громадная сила была бы в ваших руках для вашей общеполезной деятельности! Как вы могли бы расширить эту деятельность! Сколько нашли бы помощников! Отчего вы этого не сделаете?

Ответ очень прост, и я отвечу за вас. — Потому что вы не верите русскому правительству, как не верим и мы. Потому что вы знаете, что искры любви к народу, искры желания блага ему нет и не может быть у этих привилегированных воров, чиновных мошенников и мелких честолюбцев или тупых рутинеров, которые составляют всю русскую администрацию. Вы знаете, что губернатор может отнестись к вашему проекту только как к проекту сумасшедшего или интригана; что для него немыслим человек, находящийся в здравом уме и искренно желающий посвятить свой труд благу народа; он прочтет между строками вашего проекта такие же грязные и пошлые мотивы, которые *он* имел бы, если бы говорил о «благе народа»; те же мотивы, которые имеют все его приближенные, все пиявки, сосущие кровь народа под его руководством. Если он станет покровительствовать вашему проекту, то с непременной целью повернуть его так, чтобы при этом *себе* доставить выгоду в отношении денег или в отношении влияния; чтобы поместить где-нибудь *своего* человечка. Вы вполне уверены, что ваш проект в руках этой благодетельной власти исказится до такой степени, что когда он к вам вернется «высочайше» апробованный и исправленный, вам будет гадко посмотреть на свою изуродованную мысль; вам будет стыдно за себя, как инициатора подобной официальной мерзости.

Вы знаете, что произойдет то же и тогда, когда вы подадите проект министру, лишь с тою разницею, что, весьма вероятно, ваш проект и читать не станут, а если бы прочли и апробовали, то все местные власти посмотрят на вас как на своего врага и соперника, как на интригана, подкапывающего их авторитет, и постараются подставить вам столько частных препятствий под ноги, что вам с ними справиться будет невозможно. К тому же вам очень хорошо известно, что, являясь в обществе деятелем официальным, покровительствуемым министром, отмеченным

клеймом апробации правительства, вы не найдете ни одного честного, самоотверженного помощника. Вам придется обратиться к тем же плутам, хищникам, идиотам и индифферентистам, которые наполняют все ступени нашего местного и центрального управления, по воле начальства и по веянию минуты либеральничая или пламенея жаром консерватизма. С вами не пойдет честная молодежь, не верующая в министров и правительство, не верующая ни в какого официального, патентованного деятеля. Вы знаете, что, став слугою правительства, вы не можете уже быть в глазах честного человека слугою народа русского. Вы заклеймены. Ваше дело пропало. Вы могли бы его эксплоатировать в вашу пользу. Найдется много людей, которые попытаются его эксплоатировать в свою пользу. Но народу от него никакой пользы не будет.

К шефу жандармов вы не *можете* обратиться, потому что вы честный человек, а к нему обращаются лишь с доносами...

К императору... Но я вас считаю слишком умным человеком, чтобы не улыбнуться при одной мысли обратиться прямо к императору за каким-либо серьезным делом...

Итак, в официальные сферы вы сами себе не дозволите обратиться. На этом пути, кроме вполне вероятной неудачи, даже в самом счастливом случае, вашему делу грозит и еще опасность. Если ваш проект заслужит «высочайшее благоволение», если он «понравится», если ваши аргументы тронут какое-нибудь высокопоставленное сердце, то, всего вероятнее, ваш проект станет основою правительственного «мероприятия». Вам придется или прямо осуществить его под руководством управления, как чиновнику известной ливреи, или его станут осуществлять «ко благу русского народа», помимо вас, многочисленные органы власти. А вам хорошо известно из истории, что все, до чего коснется зачумленная рука русской императорской власти, обращается в яд и во зло для народа; что оно всегда так было, так есть и так будет, потому что иначе и быть не может. Следовательно, и ваш проект, проходя через этот центр заражения русской земли, перейдет к народу, которому вы желаете служить, которому вы хотели бы посвятить вашу мысль, ваши чувства, ваше дело, — перейдет к народу в форме нового яда, нового зла... Но у него довольно и старых язв, довольно уже накопленных страданий; вы это слишком хорошо знаете...

Вот почему вы не можете обратиться к правительству.

Но почему вы не обратитесь к нашим органам самоуправления? У вас в губернии есть земство: что вы не представляете ему вашего проекта?

Вы горько улыбаетесь. Вы вспомнили, что тому лет восемь вы верили в эти органы самоуправления. Вы вспомнили, что тогда вы спешили с многочисленною публикою слушать речи наших «местных парламентов». Вы надеялись, что тут, на совер-

шенно твердой почве, возможно будет легальное развитие русской общественной мысли. В то время как двоюродный брат шефа жандармов [112] вызывал громкие аплодисменты своими либерально-оппозиционными спичами, вы знали, что другие хотели сблизиться с представителями крестьянства и образовать союз народных групп разных земств для общего действия. Вы думали тогда, что, может быть, нашим земствам и городским думам предназначено играть видную роль в развитии России... Не вы одни тогда верили и надеялись... Но это время прошло.

Вы знаете, что теперешнее земство, охолощенное рядом «высочайших распоряжений» и министерских «мероприятий», осуждено на толчение воды, на полнейшее бессилие ко благу народа, но что в нем открыто новое поприще мелким местным интригам, воровству земских денег, пошлому честолюбию и еще более пошлому словоизвержению. Как все «высочайше дарованное», официально апробованное, оно стало новою язвою русского народа.

Вот почему вы не можете обратиться к нашим официальным органам самоуправления...

Вы знаете, что правительство не может не загадить всякого дела, до которого оно коснется. Вы знаете, что земство не имеет ни достаточной политической силы, ни достаточной нравственной энергии, чтобы осуществить какое-либо полезное дело.

И вот, в виду этих двух элементов, в которых пока концентрирована вся общественная деятельность в России, вы хотите сами, одни, вне их круга действия работать над возрождением народа путем артелей и школ; воспитать в его взрослом поколении силу самоуправления; воспитать в его растущем поколении трезвый взгляд на вещи и правильное их понимание.

Что же вы думаете? Полицеймейстеры и участковые столиц, исправники и становые уездов будут спокойно смотреть на эту самостоятельную деятельность, вне их влияния направленную на народ? Земские деятели, которым оставили только свободу интриговать, грызться, воровать и болтать, не увидят в ваших начинаниях попытки окорнать их и без того мизерную деятельность?

Одно из двух: или деятельность ваша и ваших товарищей будет так ничтожна, так микроскопична, что ей мешать не будут, потому что она никому заметна не будет, или она вызовет преследования.

Вы, правда, тщательно выделяете из своей среды все, что имеет слишком яркое направление; вы не допускаете в вашу педагогическую среду для взрослых и подростков никого, кто одушевлен революционною мыслью, кто думает соединить педагогическую деятельность с пропагандою, — словом, ни одного из тех, кто признает правильность нашей программы действия. И вы думаете, что тем оградите себя от преследования. Это очень наивно.

Большинство нашей администрации, точно, тупо и вполне ин-

дифферентно к тому, что не касается его сегодняшней выгоды. Большинство наших земских деятелей, точно, близоруко во всем, что выходит из сферы мелких местных интриг и препирательств. Но есть-таки и там и здесь люди, расчетливо преследующие свои эгоистические планы, зорко следящие за тем, что может помешать их успехам на карьере эксплоататорства государственных средств и народных сил. Следовательно, приходится считаться не только с большинством тупых и близоруких, но и с некоторым меньшинством ловких дельцов и внимательных врагов.

Для последних ваша деятельность так же очевидно вредна, как и деятельность любого революционера. Приучить народ к самоуправлению, к самостоятельному обсуждению и решению своих дел, воспитать будущую автономную общину на скромных интересах настоящего времени, — да разве это не значит взращивать врага администрации, врага всей эксплоататорской системе, господствующей теперь в России? Развивать трезво и правильно мысль молодого поколения в народе, развивать в нем критику, — да разве это не значит подкапывать все основы современного строя, где господствует меньшинство, где царствует рутина; строя, который не может выдержать критики мысли, едва он появится в народе русском? Разве все это не значит готовить материал для революционеров, которые завтра придут и скажут вашим мирным членам организованных артелей и общин, вашим мирным воспитанникам школ: «Посмотрите на себя и около себя; посмотрите на идиотство и на разврат ваших повелителей; посмотрите на то, что из вас они сделали, и на то, чем вы можете быть. Вы выработали в себе привычку к самоуправлению: к чему вам самозванные руководители, не понимающие вовсе ваших интересов? Вы выработали в себе трезвую мысль: употребите ее на то, чтобы быть свободными, чтобы стать господами земли, которая завоевана вашим трудом, господами страны, которая напоена вашим потом, вашею кровью. Сила в ваших руках: вам нужно только захотеть...». И воспитанники ваших артелей и школ пойдут за революционерами.

Это, конечно, видно не нам одним, но и нашим общим врагам, по крайней мере умнейшим, способнейшим из них, и для них *всякая* попытка поднять народ в общественном или умственном отношении есть попытка, прямо враждебная существующему порядку, попытка революционная. Для них вы такой же враг, как и мы, даже враг более неприятный, потому что мы, если попадемся, то немедленно подходим под определенный пункт закона, и расправа с нами коротка: против нас нужны только доносчики. С вами же приходится справляться вне закона. Оно, конечно, все равно. За беззаконием никогда в русском царстве дело не стояло, но уже придумывание повода, одного повода, составляет некоторый труд, сам по себе неприятный. Как бы то ни было, ваше осторожное удаление из своей среды всех революци-

онных элементов, ваше тщательное старание остаться на легальной почве нисколько не охраняет вас от преследования наиболее умных дельцов из нашей администрации: они будут вас преследовать, как преследуют наших союзников; для них легальность священна лишь как орудие для их грабежа, для их господства, для их эксплоатации всего окружающего, но против них она есть пустое слово, которое топчет ногами всякий губернатор, над которым смеется всякий исправник, которым помыкает всякий становой. Как только ваша легальная, антиреволюционная деятельность станет *заметна* для этих господ, они вас сотрут с лица земли.

Но и масса идиотов и рутинеров не оставит вас в покое. Не их ума дело соображать, к чему ведет ваша мирная деятельность в народе; но довольно, что вы любите народ; довольно, что вы имеете самостоятельную мысль; довольно, что вы бескорыстно жертвуете временем и силами для общей пользы среди массы расчетливых хищников или эгоистических самолюбцев, — чтобы вся эта орава паразитов и гадин, синекуристов и пустых болтунов увидела в вас своего личного врага, окружила вас шпионством, облила вонючим потоком сплетен, подгадила вам доносами из-за угла и набросала на вашей дороге столько препятствий, сколько может нагромоздить тупая ненависть к самоотверженной деятельности на пути к какой-либо полезной цели. Как только ваша деятельность на пользу русского народа перестанет быть совсем микроскопическою, как только она будет ощутительна для тупых чувств этой паразитствующей массы, как только они узнают, что вы не один из них, — вас немедленно загрызут общими силами, вашу деятельность парализуют, насколько это будет возможно, вас будут преследовать со всех сторон, всеми средствами, пока вы не падете под общими усилиями.

Таким образом, отказываясь от революционной деятельности, вы не достигнете безопасности, не обеспечите свое дело ни от внимательных дельцов, ни от тупых паразитов современного строя. Долговременная, прочная, широкая деятельность для вас столь же мало возможна, как и для революционеров. Вероятность вызвать преследования и быть насильственно оторванным от всякой полезной деятельности, быть сосланным административно в незнакомую среду, где все придется начинать сначала, для вас существует такая же, как и для революционеров. Вы должны рассчитывать на краткую, отрывочную деятельность, которую завтра может перервать рука ближайшей администрации, сегодня, может быть, уже подкапывает гадкая сплетня или тайный донос. Революционеры и легалисты, мы все одинаково враги существующего порядка, и органы этого порядка, совершенно естественно, с нами обращаются как с врагами; от этого не откреститесь вы никакими заявлениями вражды к революционерам, к насильственным мерам. Вы все-таки — враг для правительства,

для администрации, для всей массы эксплоататоров народа русского, и они вас погубят не сегодня, так завтра. Вы это должны всегда иметь в виду, если не хотите сделаться *одним из их братьи.*

Но если так, то какова вероятность вашей полезной деятельности для русского народа на том пути, который вы избрали, в то краткое время, которое вам, может быть, удастся остаться незамеченным и *действовать* по вашему плану? Насколько ваша деятельность будет *полезна* в краткий промежуток ее *возможности?*

Ваша деятельность распространяется на кучку людей в артели, допустим, на человек сто. Она продолжится, положим, лет десять (что очень много, по всей вероятности, если ваша деятельность будет сколько-нибудь плодотворна), и в эти десять лет допустим даже полный обмен персонала, допустим, двести человек, на которых распространилось ваше влияние. Не все одинаково восприимчивы, не все одинаково способны, не все одинаково тверды характером, и потому людей, которые под вашим влиянием выработают в себе прочный и ясный план действия, настолько прочный и ясный, что они останутся на том же пути, когда ваша деятельность в их кругу прекратится, будет, много-много, восьмая доля, человек 25. Собственно эти одни дадут результат, так как если бы и еще целая сотня могла надлежащим образом развиться при продолжении вашей деятельности, то по прекращении ее они опустятся и будут потеряны для народного развития, потому что преемника вам в том же месте и в том же направлении, конечно, не допустят после вашего удаления. Итак, осталось 25 человек. — Что же? И это очень хорошо, скажете вы. — Но их останется гораздо меньше, потому что, по крайней мере, половина их обречена на гибель. Развившись под вашим руководством, проникнувшись чувством потребности самоуправления сообща, развивши в себе чувство справедливости, не могут же эти люди смотреть хладнокровно на миллионы притеснений, несправедливостей, около них совершающихся; не могут они не стать заступниками обиженного товарища, ограбленного работника, разоренного и измученного русского крестьянина. Не убьете же вы в них всякое человеческое чувство, всякий невольный протест против давящей власти. Положим, они будут вашими достойными учениками; они также захотят только «воспитывать и развивать»; они будут также опираться на легальное право, на существующий закон; они будут также опасаться взывать к революционным страстям, также тщательно устранять всякую пропаганду недовольства существующим порядком. Но это не охранит их, как не охранит и вас; едва они станут отстаивать какие бы то ни было права, едва захотят оградить себя и других от какого бы то ни было произвола властей, они будут в глазах всех этих властей, коронных и выборных, *бунтовщиками, людьми опасными,* и с ними еще короче рас-

правятся, чем с вами. Кто обратит внимание на крестьянина, неправильно посаженного в острог? Разве это не в порядке вещей? Все мыслящие люди, вырабатывающиеся из народа, имеют теперь полную вероятность погибнуть в остроге или в ссылке, как бунтовщики.

Итак, результатом всей вашей трудной, самоотверженной деятельности будет немногим более десятка человек хранителей вашей традиции. Допустим, что вы навербуете еще человек пятьдесят молодежи, которые пойдут по вашим следам, положат жизнь и труд на подобную воспитательную деятельность в народе и получат столь же блестящий результат, что крайне, крайне мало вероятно. Таким образом, через десять лет пятьдесят энергических, убежденных людей воспитают среди миллионов страждущего, подавленного населения русской земли пятьсот разброванных единиц, способных к организации самоуправления, к самодеятельности, к ясному пониманию вещей, людей и событий... И заметьте, что это не люди пропаганды, не люди, способные действовать на массы во имя их недовольства и раздражения, во имя борьбы и страданий. Нет, это люди порядка и легальности, способные только продолжать вашу педагогическую деятельность среди взрослых и приготовить, в свою очередь, при довольно выгодных обстоятельствах, через новые десять лет новый слой людей себе подобных. Это — люди, способные хорошо сделать свое дело, но неспособные вовсе помочь другим миллионам страждущего народа, не так подготовленного, как они, — народа, который мог бы восстать, мог бы разрушить строй, его сковывающий, но вовсе неспособен в одиночку отстаивать себя от гнетущей его силы.

Пятьсот человек на миллионы! Положим, пять тысяч на миллионы! И эти пятьсот или пять тысяч разъединенных, действующих в одиночку!.. А что в эти десять, двадцать лет совершится с миллионами, которых не тронет ваша педагогическая система? С миллионами, которых страдания вы не убавите ни на каплю?.. Да посмотрите около себя: разве вы не видите, что вымирание, вырождение идет быстро; что оно не ждет ваших воспитательных приемов; что на каждую единицу, вынесенную вами из массы путем громадного труда, сотни, тысячи единиц в то же самое время мрут, вырабатывают в себе и в своем потомстве зародыши голодного тифа, сифилиса, рахитизма, всеобщего истощения, опускаются умственно, опускаются нравственно... Разве история ждет? Разве процессы патологические ждут? Разве смерть ждет? Через десять лет будет уже менее в народе материала, здорового телом и духом, материала, на который можно теперь еще действовать; через двадцать лет его будет еще менее, а потом... Поверьте, если употреблять ваш спокойный, бесстрастный, страшно медленный способ воспитания русского народа для лучшей будущности, то к тому времени, когда ваших избранных, подготов-

ленных, развитых будет достаточно, — к тому времени вырождение физическое, умственное и нравственное в русском народе дойдет до такой степени, что у него уже не будет никакого будущего. Революция тогда, действительно, будет не нужна, но потому лишь, что она будет невозможна, как невозможно всякое улучшение состояния племени, физически доведенного до полуидиотизма, умственно павшего, исторически обреченного на то, чтобы стать жертвою более счастливой нации, где деятели, наиболее энергические, наиболее самоотверженные, наиболее преданные народу, не теряют своих сил на действие, способное поднять в десятки лет несколько единиц, но действуют на массы, вызывая их к немедленной, энергической самодеятельности, к быстрому улучшению их общего благосостояния, к поднятию их нравственного сознания путем борьбы, которая, при всех жертвах, при всех бедствиях, всегда возвышает дух народа, тогда как тупое подчинение давлению и эксплоатации его унижает в собственных глазах и ведет к историческому самоубийству. Эти «революционеры», которыми вы гнушаетесь, верят, что народ, добывший себе право самоуправления энергическим порывом, найдет в себе весьма достаточно смысла, чтобы воспользоваться завоеванным правом, как ему будет лучше; они верят, что здравый смысл в общественном деле не составляет исключительной собственности «интеллигенции», которая большею частью черпает свои типы общества из книжек и перекладывает на отечественную почву результаты, выработанные другими, тогда как все элементарные формы общежития выработаны были именно народным смыслом, прежде чем среди народа развилась позднейшая интеллигенция.

Вы, может быть, возразите мне, что все недостатки, мною указанные в вашей деятельности, прилагаются и к деятельности революционеров. И их немного, и им приходится действовать разрозненно, единично в народе. «Они также, — скажете вы, — передадут свою мысль человекам ста, из которых девять десятых погибнет; *их* деятельность также будет кратковременна; *они* также должны ждать результатов, и эти результаты будут итти не быстрее результатов всякого другого педагогического действия, процессы природы, процессы вырождения и смерти пойдут быстрее распространения и *их* влияния, если точно эти процессы идут уже так быстро. Что же в таком случае делать интеллигенции? Ей приходится сложить вовсе руки и покориться неизбежному року, потому что она бессильна противу процессов природы. Ей приходится даже вовсе не действовать на народ, если народ в состоянии своим здравым смыслом воспитаться в надлежащей общественной деятельности и выработать нужные ему общественные формы: он, конечно, в таком случае будет иметь достаточно здравого смысла, чтобы понять, что ему революция нужна, когда она будет нужна. Он тогда встанет; а если он не

подымается, значит его общественный смысл указывает ему, что это не нужно, что это для него вредно. Не есть ли это указание и для интеллигенции, что подобная революционная пропаганда не нужна и вредна? Не следует ли ей учиться у народа терпению и нравственному выжиданию? Не следует ли интеллигенции именно потому искать мирного, постепенного, воспитательного пути для своей деятельности? Если оба пути, легальный и революционный, возможны для нее, и тогда должен быть избран легальный, как представляющий менее кровавых жертв, менее тяжелых потрясений, менее несчастий для тех, кто пойдет по нему. Или на обоих путях деятельность интеллигенции бессильна и бесполезна; может быть, природа фатально обрекла уже народ чрез известный промежуток времени на гибель; а может быть его кажущееся вырождение есть призрак, и он сам своими силами достанет себе лучшую будущность при полном бессилии интеллигенции. Если все племя осуждено, то неизлечимо больного не следует тревожить; ему нужно лишь спокойствие и посильное облегчение неизбежных страданий агонии. Если народ в состоянии возродиться сам, то тем менее имеет право интеллигенция его тревожить и доставить ему ненужные ни для кого волнения, когда и без этих волнений он достигнет цели. Как ни взять вопрос, революционная деятельность или столь же бесполезна, как легально-педагогическая в отношении к народу, или гораздо вреднее последней».

Не знаю, не оскорблю ли я вас, высказывая за вас эти софизмы, но, насколько мне известно, некоторые из ваших единомышленников приводят такие же или тому подобные аргументы, привлекая колеблющихся революционеров к своей деятельности. Если же вы точно способны привести их, то мне кажется, что я не ослабил ваших доводов в приведенной аргументации. Во всяком случае слабость их так очевидна для всякого вдумавшегося в способ действия революционных агитаторов в отличие от деятелей легально-педагогических, что мне едва нужно упомянуть о ложной основе аргументации.

Во-первых, революционер действует на гораздо большее число единиц и встречает гораздо большее число единиц, восприимчивых к его речи, способных быстро схватить ее смысл и практическое значение, чем легалист. Он говорит народу о его страдании, а свои страдания всякому близки и всякому доступны. Он говорит народу о его врагах и притеснителях, а ненависть к этим врагам и притеснителям всегда жива в народе: она неясна, дурно направлена, неловко формулирована; ее осмысленная аналитическая сторона в народе не разработана, но ее аффективная сторона ему присуща, живет в его крови, в его преданиях, в его ежедневных столкновениях с гнетущим порядком. Эти речи понятны всем, и трудность революционной пропаганды вовсе не в том, чтобы сделать ее доступною народу. Ее трудность лишь в том, чтобы народ поверил пропагандисту из «интеллигенции»,

чтобы он признал его не болтуном, не вралем, не хитрым агитатором из эгоистических целей, а *своим* человеком. Вот это трудно. Но эта трудность одинакова для всякого члена интеллигенции, идущего в народ, действует ли он на легальной или на революционной почве. Если же народ ему поверил, то на одного, которого ему удастся выработать для разумной легальной деятельности в одиночку, для отстаивания своих личных прав или для достижения некоторого эгоистического улучшения положения небольшой группы,— на одного удачного воспитанника вашей легально-артельной школы найдутся десятки взволнованных последователей революционера.

Раз они нашлись, они *сейчас же* становятся каждый центрами, несравненно более деятельными, несравненно более могучими, чем могли бы быть мы с вами и все наши единомышленники из интеллигенции, потому что этим пропагандистам из народа, говорящим с народом о его страданиях, о его врагах, о средствах вырваться из его отчаянного положения, этим братьям апостолам революции народ *всегда* поверит. Ваши выработанные легалисты всегда будут *поучать* его; наши возбужденные революционеры его *поднимут*. Тем трудно повторять среди народа ваши уроки. Эти лучше нашего будут вести наше дело. Если народ вам поверит, то за вами и вашими пятьюдесятью последователями все-таки будет стоять чрез десять лет человек пятьсот, и этим пятьсот также трудна будет деятельность, как вам. Если народ поверит революционерам из интеллигенции и пятьдесят человек в разных местах дружно и разумно поведут свою пропаганду, то через два года у нас будут тысячи единомышленников, а за этими тысячами пойдут десятки и сотни тысяч. Революции политические и социальные, это не медленные процессы, это — ураганы истории. Может пропаганда вовсе заглохнуть, не удаться, если она начата в неудачное время, при неудобных обстоятельствах. Но если она попала на подготовленную почву, то она быстро поднимает массы, неудержимо разливается во все стороны, получает фатальный, стихийный характер, идет быстрее процессов природы, разрушающих организм, перегоняет эпидемии, переходящие из одной страны в другую, и перевертывает политический или общественный строй прежде, чем расчетливые теоретики успевают определить ее силу, процесс ее роста и ее грозные цели. Именно на быстроту ее действия и можно лишь рассчитывать, поднимая народ с целью улучшить его положение, когда оно стало невыносимо. Это не лечение, это — операция.

И только подобное быстрое, энергическое поднятие масс против существующего порядка, только решительное устранение тех причин, которые вносят в народ русский начала хронического вырождения, хронического опускания, умственного и нравственного, только беззаветно революционный порыв может остановить этот печальный процесс, грозящий русскому народу. Он не принял

еще того фатального характера, когда никакие усилия не могут спасти нации, обреченной на социальное вымирание; еще агония русского народа не наступила. Он еще выдерживает яд лицемерного строя пореформенной России, как выдержал удушавшее крепостничество, разраставшееся все сильнее с каждым новым поколением Романовых, как выдержал московское кормление, петербургскую солдатчину. Еще революция, которая сбросила бы императорство со всем хищническим чиновничеством, с истощающей рекрутчиной, с невыносимыми налогами, сбросила бы кулачество поземельного и торгового капитала, кулачество частной собственности и промышленной эксплоатации, — еще подобная революция может остановить процесс вырождения, может возвратить народу русскому историческое здоровье и великую будущность в общем братском развитии человечества. Но через два поколения, может быть, через одно, кто знает, не будет ли поздно?

Кто знает, не истощит ли тогда окончательно русского народа легальное высасывание всех его соков всеми официальными пиявками, всеми вампирами нового цивилизованного русского капитализма? Не будут ли тогда иметь пред собою революционеры рахитическое племя без энергии, которое не в состоянии будет уже подняться, не в состоянии будет заявить свои права на историческую жизнь и раздавить своих притеснителей? Революционерам приходится поторопиться. Их хирургические приемы действуют быстрее и ведут скорее к делу, чем ваше легально-терапевтическое леченье, но и они могут опоздать, если общая гангрена захватит народное тело. Надо, надо им торопиться...

И наша вера в силу русского народа итти, как он есть, на завоевание своих прав, в его способность выработать себе надлежащие общественные формы в самом процессе революции вовсе не устраняет необходимости революционной пропаганды со стороны интеллигенции, вовсе не влечет за собою ненужности участия интеллигенции в революционном движении, которое народ будто бы сам начал бы, когда это ему было бы нужно. Не так шла история. Не так она пойдет в ближайшем к нам периоде времени. Роль нашей интеллигенции, убежденной в правоте народного дела и решившейся служить ему, указана ей опытами истории, результатами социологической мысли.

Долго страдают народы; долго кипит в них недовольство; долго следуют одна за другою отрывочные, необдуманные, а потому неудачные попытки их улучшить свое положение. Это все — подготовление революции, но еще не революция. Настоящая революция наступает тогда, когда в среде масс вырабатывается интеллигенция, способная дать народному движению организацию, которая могла бы устоять против организации их притеснителей; или когда к массам является на помощь лучшая часть общественной интеллигенции и приносит народу результаты выработанной поколениями мысли, накопленного веками знания. Тогда уясня-

ются для масс *настоящие* причины их страданий; получает *определенную* форму и цель накопившееся недовольство, попытка становится связным, рассчитанным планом. Взрывы, бунты обращаются в революцию, которая *может* восторжествовать. *Только* союз интеллигенции единиц и силы народных масс может дать эту победу. В иных случаях положение масс, борющихся за свои права, таково, что из них самих могут выработаться в большинстве эти народные предводители в борьбе, организаторы движения, вчера еще стоявшие в общих рядах незамеченными, и которые сольются с массою на завтра после революции. Тогда приток внешних сил скоро становится ненужным для народного движения и едва ли иногда не мешает ему. Но в других случаях лишь с крайним трудом, при совершенно исключительных обстоятельствах массы могут выдвинуть из своей среды инициаторов, достаточно подготовленных в отношении накопленного знания и выработанной мысли. Возможность успешной революции в таком случае зависит почти вполне от прилива интеллигентных сил извне для временного действия на народ, для уяснения ему его задач, препятствий, встречающихся при их решении, и условий возможной победы. Роль этих инициаторов, уяснителей несравненно труднее, чем роль двигателей, выходящих из самого народа. Они должны строже вооружиться знанием, полнее выработать мысль, потому что именно этого от них нужно народу. Но, выходя из чужой для народа среды, они должны победить большие препятствия, чтобы внушить ему доверие; они должны, кроме того, понимать, что они сами подготовляют в среде народа деятелей, которые завтра соединят в себе более полное доверие масс и столь же сильную мысль, как сегодняшние союзники народа, выкажут неполноту и односторонность их революционной подготовки, сделают их ненужными и поведут за собою массы на путь будущих побед, где инициаторам-союзникам придется играть самую скромную роль, если еще им достанется там какая-либо роль. Но инициатива все-таки может выйти лишь от этих будущих жертв народного движения, и они *обязаны,* во имя своего убеждения, принять на себя эту инициативу.

Повидимому, в рабочем движении наиболее серьезных наций Европы представляется первый случай: рабочие массы выдвигают *из своей среды* уже достаточное число передовых деятелей движения; уменьшается с каждым годом число и значение союзников-инициаторов не из рабочего класса, и когда настанет для Европы час социального переворота под красным знаменем интернациональных секций и коммун, тогда, вероятно, все главные революционные деятели будут принадлежать развивающемуся уже классу *интеллигентных работников физического труда,* соединивших в себе традиции народа с выработанною мыслью. Но едва ли то же можно ожидать и для нашей родины. Препятствия для развития единиц из народа в ней еще слишком сильны и едва ли не

останутся слишком сильными до самого наступления социальной революции; лица из народа, развивающие достаточно свою мысль, и слишком уединены, и слишком отделены от массы этим самым развитием и большею частью потеряны для народа. Поэтому наш народ, подавленный в продолжение веков классами, захватившими себе все развитие мысли, какое приходилось на долю России, ждет от современной молодой интеллигенции, чтобы она обрекла себя на роль революционных агитаторов среди русского народа, чтобы она принесла ему выработанную мысль, накопленное знание, ей доступное, уяснила ему его боли, дала определенную форму его недовольств, придала его порывам цельность и организацию, вызвала из его среды представителей *интеллигентного революционного крестьянства* и сошла со сцены, отдав народное дело в руки народа, организованного около этих *настоящих* своих представителей. Это может сделать наша молодая интеллигенция; этим *может* она помочь народу. Это она и должна сделать, если она точно любит народ, если точно желает ему блага, если не лжет, говоря о своих социалистических убеждениях. Я верю, что она это сделает.

Вот тут существенный пункт, в котором мы с вами расходимся: вы хотите выработать интеллигентных крестьян-легалистов; мы стремимся вызвать из народа интеллигентных крестьян-революционеров. Вы можете достигнуть успеха в единицах медленно и постепенно, и вам не предотвратить разлагающего процесса вырождения, идущего в массах народа. Мы, в случае успеха, поднимем прямо массы и перегоним этот гибельный процесс. *Возможность* помощи народу вся на нашей стороне, потому что вы бессильны даже в самом выгодном случае пред опасностью, ему грозящею.

И вы напрасно бы указали на терпение и выносливость народа как на признак того, что революционная пропаганда неуместна. Со времени своего закрепощения, с того времени, как московское ярмо стало принимать для всей Руси более правильную государственную форму, во весь период, когда грубая татарщина Иванов, Борисов и Алексеев [113] сменилась более приличною немецкою и французскою легальностью петербургских императоров, — во все эти фазисы своего мученичества народ русский не переносил терпеливо своего положения. Он протестовал, как мог и как умел, но протестовал постоянно, и его протесты были нелегальны, потому что русский государственный строй не нашел нужным вместить в себе какую-либо легальную форму народных протестов. Они были дики и грубы, потому что народ был отрезан от всякого развития мысли. Но они были всегда *революционны,* т. е. отрицали начисто наличный государственный строй. Таков был протест скопищ Тушинского вора [114]. Таков был протест раскольнических скитов, отрицавших и царя-антихриста, и церковь никонианцев, и солдатчину, и законы, и легальную форму

брака, и узаконенную форму одежды, и узаконенное бритье бород. Таков был протест кругов товарищей Стеньки Разина. Таков был протест присяжников Пугачева — Петра III. Таков был неисходный протест бродяг религизоных и бродяг-разбойников, поджигателей помещичьих усадеб, повальных дезертиров из войска и беглых крепостных. И теперь, после лицимерного освобождения, после лицемерного представительства в земстве, после лицемерной судебной реформы, голодный крестьянин, разоренный поборами, протестует по-старому. Раскол охватывает десятки миллионов. Число сект растет. Повальные разбои идут и в глуши Сибири, и у Нарвской заставы столицы царя-освободителя, и в подмосковных уездах, и в освобожденной Белоруссии, где правительство чуть-чуть не провозгласило социализм и коммунизм во время польского восстания, но где не оградило крестьянина от разорения, голода и хищничества властей. — Нет, никогда не покорялся наш народ терпеливо; никогда не выносил тяжести строя, на него давившего, без энергического протеста.

Только его протесты были отрывочны и дурно рассчитаны; это были неорганизованные взрывы, и потому они могли быть временно удачными лишь тогда, когда и государство было плохо организовано. Тушинский вор мог грозить Москве Шуйского [125]. Стрелецкий бунт мог колебать престол детей Алексея. Поддельная и искусственная организация империи Екатерины могла некоторое время подвергаться серьезной опасности со стороны беглого казака, ставшего во главе стихийного восстания народных масс. Но с тем вместе, как механизм государственного строя получал более благоразумную форму, ему приходилось противопоставить менее элементарную революционную организацию. Здравый смысл народа сам собой мог создать и первоначальную охотничью дружину, и патриархальную общину, и общину с переделом земли, и религиозную общину сектаторов, и основную форму артели. Само государство противопоставляло тогда массе инстинктивный деспотизм или самый нестройный механизм. Промышленный строй тоже руководился более инстинктивным хищничеством, чем сложным расчетом. Но с тех пор знание и выработанная мысль вооружили государство и капитал средствами, прежде неизвестными, и народу приходится противопоставить врагам не элементарный инстинкт массы, а выработанную силу сциалистической мысли, опирающейся на разностороннее знание. Это-то знание, эта-то мысль, искусственно выработанная историею, необходима народу для успеха его нового протеста, для торжества его будущей революции. Для нее-то нужна ему интеллигенция, выработавшаяся из его среды или идущая к нему на помощь. Условия, существующие для русского народа, не дозволяют в довольно скором времени выработаться в его среде революционной интеллигенции собственными силами, с достаточною подготовкою мысли. Следовательно, дело интеллигенции, иду-

щей на помощь народу, содействовать выработке этой необходимой для народа силы. Государство стало крепче прежнего. Капитал развился в процессе исторического развития эгоистической мысли. Вечный протест народа в прежней форме теперь невозможен и в этой форме не достиг бы цели. Этому протесту может служить прочным основанием мысль нового рабочего социализма. Но она, при всей своей кажущейся простоте, есть мысль вовсе не элементарная. Она — продукт длинного процесса критики, обращенного сначала на отвлеченные вопросы природы, потом на фантастические вопросы религии, чтобы потом уже перейти к реальным вопросам социологии. Проповедь нового рабочего социализма есть последний результат научной социологической мысли. Это — результат исторического развития, результат истории мысли. Потому именно она не может выработаться сама в массах, из их элементарного здравого смысла. Она может и должна быть внесена в массы инициаторами, вышедшими из класса, воспользовавшегося выгодами развития мысли. Так было в Европе; так будет и у нас. Проповедь нового рабочего социализма, тождественная с проповедью радикальной социальной революции, должна неизбежно выйти от представителей интеллигенции. Они одни могут внести ее, одни могут уяснить ее. Но она так проста, что ее смысл, однажды указанный, немедленно может быть усвоен массами, немедленно становится для них задачею революционного движения, задачею народного взрыва; и, раз внеся в народ эту проповедь, уяснив ему способы подготовления к социальной революции, формы ее процесса и основные задачи нового строя, который должен сменить настоящий строй, представители социалистической интеллигенции, союзники народа, кончили свое дело.

Таким образом, содействие убежденной интеллигенции социалистов необходимо для русского народа, и роль ее определена не произволом, не ее желаниями, не ее выгодами, не ее фантазиею, а потребностями народа, законами социологических процессов. Ей нельзя *выбирать* пути, потому что все пути, кроме этого, для нее закрыты.

Те личности из русской интеллигенции, которые *признают* существующее правительство и готовы содействовать ему в его «реформах», становятся в ряды врагов народа, которые всегда несли народу гибель и бедствия, не могут принести ему ничего другого, если бы даже *хотели,* но не могут и *хотеть* добра народу, потому что самое существование их возможно лишь при постоянной эксплоатации народа. На каждом, кто вступает искренно в среду государственной администрации, лежит доля ответственности за тот яд, которым русское правительство отравляет все сферы народной жизни, доля ответственности за страдание, за вырождение, за вымирание народа русского.

Тот, кто вступает теперь в ряды органов нашего самоуправления, не может уже обманываться относительно значения этих

органов, не может уже верить в их силу сделать что-либо для народа или в желание правительства дать им какую-либо возможность принести пользу России. Опыт разрушил все иллюзии. В настоящую минуту наши земские деятели *сознательно* толкут воду или забавляются интригами и пустою болтовнею.

Остаться в стороне, смотреть спокойно на неизбежный процесс истощения, вырождения, вымирания русского народа, заниматься личным делом, когда уже стало для всех ясно, что правительство реформ столь же бессильно на добро, столь же неизбежно губит народ всяким своим действием, всяким своим движением, как и все прежние правительства... Но это может сделать лишь индифферентист, а я говорю о людях, у которых есть капля любви к народу русскому, капля убеждения в обязанности помочь ему...

Подготовлять лучшее своими силами, чуждаясь хищнического правительства, чуждаясь выборных болтунов и интриганов, но оставаясь на *легальной* почве, чуждаясь всякого революционного порыва, всякой агитации, всякой пропаганды, это — терять свои силы на пути, на котором успех почти невозможен, а даже если б он был возможен, то ничтожество полученных результатов совершенно исчезает пред растущими бедствиями, пред грозящею опасностью истощения и вырождения народа. Тот, кто идет с вами, искренно надеясь легальными средствами подготовить лучшую будущность народу русскому, тот идет, закрывши глаза на опасности, не меньшие опасностей наших единомышленников, но идет на них даром, потому что все его усилия, все его самоотвержение не может принести ни малейшей пользы народу в грозящих ему отовсюду опасностях.

Если все эти пути закрыты, то остается один путь — путь революции, одна деятельность — подготовление к революции, пропаганда в пользу ее. Можно спорить о том, как удобнее и скорее притти к ней; можно сказать, что ее лучше подготовлять и организовать не тем приемом, который мы считаем лучшим, но это уже спор с другими *несогласными,* а не с вами; это спор между разными *революционными* партиями за средства и способы, — спор, который нам с вами вести не для чего, потому что вы одинаково отвергаете все революционные средства и способы. Для меня важен результат, который, как мне кажется, неизбежно выходит из всего предыдущего, именно, что спасти народ русский можно, *только* радикально отрицая лицемерную деятельность официальных правительственных реформаторов, оставляя в стороне бессильных болтунов нашего самоуправления и не тратя сил на микроскопическое, медленное лечение поодиночке бесчисленных ран народа, когда все новые раны открываются одна за другою в то время, когда вы залечиваете одну из них. Важен результат, что честный, убежденный русский человек в наше время может видеть спасение русского народа лишь на пути радикальной, со-

циальной революции; может содействовать этому спасению, лишь содействуя революционной организации, революционной агитации, революционной пропаганде. Конечно, опасности этой деятельности не малы, но мы и зовем с собою не тех, которые трусят опасностей. Зато, как бы ни была кратковременна деятельность революционного пропагандиста, она все-таки принесет свою долю пользы, она все-таки достигнет цели. Вам, легальным воспитателям народа помощью артелей, общин и школ, нужно время, и время немалое, чтобы получить какие-либо результаты: если ваша деятельность прервана слишком рано, вы ничего не сделали. Не то для революционера-агитатора. Если он успел сколько бы то ни было усилить неудовольствие народа в данной местности, уяснить ему сколько-нибудь, где *истинные* причины его бедствий, кто его *настоящие* враги, то дело революционера уже сделано, семя брошено, мысль возбуждена; он спокойно может итти в казематы, в ссылку, в каторгу. Он затронул живые раны народа, и его слово не забудется. Пройдет несколько лет, и будут все помнить, что толковал «несчастный» о болях крестьянина, о тяжелых податях, о хищных барах, о беззаботном царе, о прежних народных бунтах. А там придет другой революционер, станет возбуждать неудовольствие с другой точки зрения, разъяснять иначе причины бедствий, аргументировать иначе, доказывая, где враги народа. Но дело будет то же самое, потому что причины бедствий народа все одни и те же, враги одни и те же. С какой бы точки зрения ни велась революционная пропаганда, ее предмет и ее цели не изменяются Раз посеянная, революционная мысль будет расти, даст свои плоды. Пусть падают мученики. Их слово, их дело останется.

Но вернемся к нашему спору. Я доказал вам, что путь, вами избранный, почти невозможен. Я доказал, что ваша деятельность бесполезна для русского народа, но теперь, когда ясно, что революционная деятельность есть для нашей молодой интеллигенции единственный путь спасения русского народа, что на этом пути можно с пользою действовать, как бы ни велики были опасности, как бы ни кратковременна была карьера революционера, — теперь я не могу не сказать, что ваша деятельность прямо вредна русскому народу, что вы становитесь в ряды его врагов, и худших врагов...

Действительно: вы употребляете все ваши усилия на то, чтобы отвлечь честную молодежь от революционного пути, от пропаганды прямого противодействия существующему порядку и стараетесь ей внушить необходимость действовать вашими средствами на легальной почве. С некоторою долею русской молодежи вам это удается. Некоторые личности становятся вашими адептами, ведут дело по вашей программе и проповедуют другим его ведение по этой программе. И им удастся привлечь кое-кого. Другие, более зорко и прямо смотрящие на предмет по своей на-

туре, увлекаются вашею проповедью временно, пока для них не станет вполне очевидным, что они хотят ложкою исчерпать море народных бедствий, в которое текут со всех сторон целые реки зла физического и нравственного. Тогда эти приверженцы бросают кучку ваших легальных деятелей, становятся в ряды революционеров, но это уже натуры, наполовину утомленные, растратившие даром часть своих сил, пережившие гибельное разочарование в искренней общественной деятельности, и, следовательно, натуры, отчасти изломанные, неспособные принести всей той пользы, которую они могли бы принести, если бы принялись за революционное дело с первоначальной свежестью. Встретятся и такие личности из молодежи, которые, увидев, наконец, полное бессилие своей легальной деятельности на пользу народа, бросят ее в горьком разочаровании; но на них ваши аргументы против революционной пропаганды оставят еще настолько сильные следы, что они не станут и в наши ряды, а распространят свое разочарование на все формы деятельности в пользу народа, скажут: тут *ничего* сделать нельзя, и опустят руки. Этим остается лишь два исхода: втянуться в тину пошлой обыденной жизни окружающей их среды или — убить себя. Оба исхода почти равнозначительны для честного человека. Самоубийство нравственное ничем не лучше самоубийства физического. Человек, систематически обрекающий себя на жизнь противу лучших своих убеждений, совершает такое же преступление против этих убеждений, как и человек, разом прекращающий насильственно свою физическую деятельность, когда он мог бы принести ею хоть самую микроскопическую пользу в направлении своих убеждений, когда он мог бы пожертвовать жизнью за какое-нибудь дело, выражающее явно и громко эти убеждения.

Но все эти категории личностей, вами окончательно или временно увлеченных, все эти надломленные натуры, нравственные и физические самоубийцы из рядов честной молодежи, — все это силы, потерянные для народного дела, так как мы уже видели выше, что этому делу можно помочь только одним путем. Все эти силы отвлечены вами от пути действительной, возможной пользы на путь бесполезного толчения воды, микроскопического замазывания неизлечимых, громадных ран, фантастического преследования несбыточных целей... Все эти люди тратят молодость, свежие силы, время горячих, самоотверженных, энергических убеждений на деятельность, которая не может принести никакой пользы народу, не может ни остановить, ни даже замедлить страшных процессов, ему грозящих; и тратят они все это в то время, когда есть еще рядом возможность поднять народ, вызвать движение, низвергнуть настоящий порядок вещей, дать русскому народу вздохнуть вне подавляющих его влияний, вне разрушительного для него общественного строя...

Каждая молодая сила, употребленная на вашу легально-педа-

гогическую деятельность, есть сила, *отнятая* у народа. Каждое приращение ваших приверженцев соответствует уменьшению на столько же единиц тех человеческих сил, которые борются за народ так, как только можно за него бороться с пользою. Это — ослабление борьбы за народ, уменьшение шансов его победы, замедление общественной операции в присутствии грозного процесса вырождения физического, умственного и нравственного, процесса, который не ждет, который грозит обратиться в неизлечимое, фатальное осуждение русского народа на смерть...

Умножение ваших приверженцев, это — усиление наших общих врагов, которых вы с вашими помощниками победить не можете, а с которыми нам бороться тем труднее, чем более вы отвлекаете от нас сил.

Но не особенно многочисленна молодежь, способная бороться за народ, способная отказаться от всех выгод своего положения, от большей части удовольствий и увлечений горячей юности для борьбы за успех, которым не воспользуются лично борцы из интеллигенции. Единицами можно считать настоящих, выработанных инициаторов. Около них группируется немало самоотверженных сил; каждое растущее поколение дает новый приток защитников прав народа, борцов за будущность человечества. Но сильны искушения жизни, тяжела борьба. Из ежегодно обновляющегося молодого войска, выступающего на завоевание человеческого будущего для русского народа, остается небольшое число мужчин и женщин в постоянных кадрах революционной агитации. Эти кадры армии будущего растут медленно. Но в них вся сила будущей революции. К ним, к этим выработанным кадрам, примкнет в великую минуту армия молодежи того года, когда созреет подготовляемое движение. Около этих крепких борцов соберется тогда и часть их прежних товарищей, которые увлечены теперь жизненною волною по разным направлениям, но которые примкнут к знамени своих прежних убеждений в минуту великого боя. Поэтому именно в пополнении, в улучшении, в выработке этих прочных кадров революционной агитации лежит будущее социальной революции в России, будущее русского народа. Здесь каждая единица на счету, каждое приобретение драгоценно, каждая потеря тяжела.

А именно на эти кадры революционной армии интеллигенции направлены самые сильные удары правительства; против них возбуждена наиболее подозрительность общественных паразитов. Из их рядов постоянно вырывают жертвы доносы, преследования, ссылка, казематы, каторга. Эту неизбежную убыль в борьбе за будущность приходится пополнять из новых сил, и если убыль превзойдет приращение, то будущность народа русского в опасности.

И эти-то кадры, хранящие в себе будущность русского народа, вы еще ослабляете, отвлекая от них самоотверженные единицы,

которые подвергаете таким же опасностям в совершенно бесполезной работе, в борьбе без будущности, в борьбе по фантастическому плану. Эти-то немногочисленные силы, которые должны сделаться в великую минуту центром прилива и всей честной молодежи будущего и всех не окончательно испорченных элементов поколений последнего периода, эти-то немногочисленные силы вы стараетесь уменьшить, расстроить, деморализовать...

Что же могли бы сделать худшего худшие враги народа русского? Издавать строгие законы, принимать карательные меры, усилить шпионство, придушить еще прессу? — Все это бессильно и идет прямо против своей же цели при порядочных революционных кадрах. Все эти меры всегда падали и всегда будут падать в гораздо большем числе на невинных, чем на настоящих агитаторов. Запугивая худшую долю общества, они лишь закаляют лучшую, сеют раздражение даже среди индифферентистов и облегчают революционную агитацию. Вести консервативную пропаганду, поддерживать пошлые, подкупные или реакционные органы прессы, организовать *в обществе* оппозицию революционным идеям? — Это у нас невозможно. У нас консерватизм делается чиновничьим или прямо эксплоататорским, а либерально-консервативные партии не могут иметь ни твердой почвы, ни логической программы. К ним примыкают жалкие ограниченности, пустые болтуны или люди, неспособные никогда ни на какое энергическое дело. Нас могут ослаблять действительно, будущности русского народа могут действительно вредить лишь те честные, но недодуманные революционеры, фантастические мечтатели о летальном перевороте, которые увлекают молодежь несбыточной программой, подобной вашей, на бесполезное дело.

Да, присмотритесь внимательно к результатам собственной деятельности; посмотрите, куда вел бы ваш успех...

Тот самый народ, который вы любите, как и мы его любим, обречен на неизбежную, страшную гибель под ударами наших общих врагов, под давлением фатальных процессов природы, если вам удастся вырвать из наших рядов и обратить в своих последователей достаточное число молодежи, чтобы сделать революционное движение решительно невозможным.

Этих людей, у нас вырванных, вы не можете удовлетворить, не можете спасти ни от гонений, ни от более тяжелого чувства бесполезности их самоотверженной деятельности. Счастливее других будут те из них, которые всю жизнь будут вращаться в своем беличьем колесе микроскопической помощи народу и умрут в ослеплении, что их толчение воды чему-то служило. Но этих ослепленных будет мало. Что же остальные?

Вас проклянут те из них, которые разочаруются слишком поздно и почувствуют, что им уже не обновить своих даром растраченных сил, не итти по иному, более плодотворному пути.

Вас проклянут те из них, которые, погибая в ссылке, казема-

тах, на каторге наравне с революционерами, там почувствуют, что и гибнут-то они задаром, что они своим мученичеством не купили себе права даже подумать, что они бросили в народ семя, которое разрастется и даст народу плод свободы и могущества; что они бросили в строй настоящего эксплоататорства искру, которая разгорится в пожар и обратит в развалины гнилое и зачумленное здание нынешнего порядка вещей.

Вас проклянут поколения будущего, если ваша пропаганда будет так удачна, что сделает, наконец, невозможною всякую революционную попытку, отнимет всякую будущность у русского народа...

Вас не проклянет гибнущий русский народ, потому что он не будет знать о том, что вы сделали для его гибели, но вы сами проклянете себя, когда, наконец, придет и для вас минута опомниться,— а она придет, я этому верю,— и когда вы ясно представите себе всю массу бедствий, на которые вы хотите обречь русский народ, идущий прямо к вырождению и вымиранию, — обречь, отнимая у него единственных помощников, которые могут еще предотвратить его будущие бедствия, его будущую гибель...

Если бы мы с вами были христиане или просто верующие, то я сказал бы вам: молитесь, чтобы высшая сила разогнала ваше ослепление.

Теперь я говорю вам: одумайтесь. Пересмотрите свои аргументы. Пересмотрите возможное и неизбежное в ваших действиях, в ожидаемых результатах. Вы увидите, что путь, вами избранный, не может вести к цели. Вы убедитесь, что он вполне бесполезен для русского народа. Вы себе уясните весь неисчислимый вред, который вы собираетесь принести русскому народу.

Одумайтесь и становитесь в наши ряды. Они еще вам открыты. Мы сегодня еще только несогласны между собою, но, может быть, завтра мы уже будем врагами.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

[„К Письмам без адреса“ Н. Г. Чернышевского][116]

В ряду имен личностей, пробудивших русскую мысль и направлявших поколения русской молодежи последнего периода к настоящим общественным задачам, самое свежее и едва ли не самое теплое воспоминание оставило имя Николая Гавриловича Чернышевского. Как мыслитель и как публицист, как человек и как общественный деятель, он врезал могучий и неизгладимый след в историю русской мысли. Он вызвал целую школу людей, вдохновленных его искренним чувством вражды ко всему лицемерному, любви к русскому народу, поставленных на настоящий путь его светлою, могучею мыслью. Многие из них изменили, другие утомились, отстали, но то, что есть еще живого, то, что имеет будущность в деятельности людей, бывших хотя временно под его влиянием, принадлежит именно этому влиянию. Его уважало все мыслящее в России, все искренно желавшее блага России, уважало даже тогда, когда расходилось с ним в приемах литературного дела. Его горячо любили все его близко знавшие. Ему верила русская молодежь, которая добыла себе опытом право верить весьма немногим. Его ненавидели лицемеры литературы, пошляки прессы, лакеи русского правительства, враги русского народа. Но он не был только публицистом, стоявшим в первом ряду русских литературных деятелей, а по влиянию на русскую мысль не имевшим себе равного между современниками. Николай Гаврилович Чернышевский был заметным уяснителем сложных задач социологии в эпоху между главными произведениями Прудона и основными трудами Маркса, когда в Европе была заметною лишь деятельность Лассаля, гораздо более замечательная в агитационном, чем в теоретическом отношении.

Как влиятельный публицист, как любимец молодежи, как искренний деятель на пользу русского народа, как один из передовых мыслителей Европы по социологии в данную эпоху, как одно из самых светлых имен России, — Николай Гаврилович Чернышевский должен был вызвать вражду правительства и его пресле-

дование. Он их и вызвал. Как всякая личность, борющаяся в России за народ и за правду противу лицемерной, себялюбивой, но могучей власти, он должен был погибнуть. Он и погиб. Для того, чтобы погубить его, не остановились перед подлогом, перед нарушением всех элементарных начал справедливости, но когда же русское правительство останавливалось перед столь мелочными для него вещами? С тех пор все тяжелее ложится на мученика за правду, на мученика за народ русский преследование власти, враждебной правде, враждебной русскому народу. Все в более и более далекую глушь ссылают того, кто совершил преступление, неизгладимое в глазах русского правительства, преступление быть любимым и уважаемым, когда оно не заслужило ни любви, ни уважения. Все зорче надзор за жертвою высочайшего произвола, высочайшей ненависти. Но люди, подобные Николаю Гавриловичу Чернышевскому, не сгибаются под давлением палачей. Не согнулся и он. И не согнется.

Получив случайно произведение Николая Гавриловича, редакция «Вперед» была убеждена, что ничем не может лучше подарить своих читателей, как поместив его статью на этих страницах. Но мы желали придать этому неизданному еще труду знаменитого деятеля возможно широкое распространение как в нашем журнале, так и отдельно. Поэтому статья Николая Гавриловича появляется одновременно как брошюрою, так и в тексте нашего журнала. Она, очевидно, принадлежит 1862 г. и относится к самым замечательным трудам нашего публициста по вопросу, который и теперь современен. Печатаемые здесь пять писем составляли первую статью труда, который должен был быть довольно обширен. Цензура не пропустила этой статьи. Нынешняя бесцензурная пресса Российской империи точно так же не решилась бы ее поместить. Не имев возможности напечатать начало своего труда, Николай Гаврилович не продолжал его. Мы печатаем на страницах «Вперед» статью в том виде, в каком она сохранилась.

ПО ПОВОДУ САМАРСКОГО ГОЛОДА

(1874 г.)

ПО ПОВОДУ САМАРСКОГО ГОЛОДА[117]

I. Голодные и сытые

Мрачен и грозен начинался 1874 год для народа русского.

Голод в Самаре.

Голод в Уфе.

Голод в Саратове.

Голод в Оренбурге.

Голод на Дону.

Голод около Херсона, около Одессы, голод в Бессарабии.

Голод в Калуге, в Перми, в Казанской, в Сувалкской губерниях...

Голод в целой трети России...

Хроническое голодание здесь, там, повсюду...

Голод! Голод! Голод!..

А на завтра следовало ждать голодного тифа; на завтра следовало ждать эпидемий.

Средств помочь не было. Бессильно было хищное и безумное правительство перед злом, им вызванным. Бессильно было сонное, параличное самоуправление, связанное по рукам и по ногам, лепечущее ребяческие речи в своих игрушечных земствах. Бессильно было развращенное общество, чуждое народу, чуждое какой-либо человеческой идее, неспособное взглянуть прямо в глаза злу, которое его окружает, которым оно живет. Бессильна была опошленная пресса. Бессильна была наука пред неизбежным следствием неотменимых причин. Средств помочь не было в настоящем...

Мрачен и грозен начинался 1874 год для народа русского.

Светел и радостен начинался 1874 год для русского императора. Семейная радость. Празднества без конца. Многочисленные приветы от иностранных дворов. Богатые приношения богатых городов. Восторженные ликования лойяльной прессы.

Русский император выдавал замуж дочь; он выдавал ее за английского принца. Конечно, свадьба была царская. В Петербурге, по словам «Гражданина», много говорили о великолепном прида-

ном невесты; говорили, между прочим, об ожерелье из сафиров, не имеющем цены, которое составилось в течение нескольких лет из случайно приобретаемых сафиров замечательной воды. Что ожерелье! Это была одна из мелочей. Там было другое ожерелье — из бриллиантов. Там были шубы из черных соболей, которые, по словам корреспондента «Таймса», могут цениться лишь на вес золота и даже дороже. Там было подвенечное платье, вышитое серебром, подвенечная мантия пурпурового бархата, подбитая горностаем, «до 50 платьев, не считая бальных туалетов», кружева и кружева, «белье из ткани, подобной паутине»... Всего сорок ящиков приданого, по словам «Гражданина», и это приданое, как вообще «роскошь русского двора», изумила своим азиатским великолепием корреспондента богатой буржуазной газеты богатой Англии, где не в моде чему-либо изумляться. Но что приданое! Стоит ли об нем говорить? Для свадьбы дочери у русского императора есть богатства, есть покорный и преданный народ, который найдет, чем одарить новобрачную. Кроме *миллиона* рублей, следуемых по закону, установленному Романовыми, нынешний император назначил своей дочери, «как знак особенной привязанности», *не в пример другим* (вероятно, вследствие особенно благоприятного состояния государства в настоящее время), пожизненный доход в 75 000 руб., да еще есть специальное назначение *миллиона* рублей. Роскошные балы и празднества следовали одни за другими в Петербурге с 17 по 25 января, в Москве с 25-го по 27-е, затем снова в Петербурге. В торжественный день бракосочетания члены синода, преемники мифических рыбаков и мытарей, были в золотых ризах, каждый аршин материи которых стоил 40 рублей. Александровская зала была освещена a giorno 10 000 свечей. Новобрачная имела на голове в это день бриллиантовую великокняжескую корону; на бале петербургского дворянского собрания 19 января — тройной ряд бриллиантов. Будущая императрица богатого народа русского была в бриллиантовой диадеме с такою же застежкою на плече; великая княгиня Мария Николаевна[118] имела римскую бриллиантовую диадему; великая княгиня Александра Иосифовна — бриллиантовое ожерелье... Избыток народного богатства горел алмазами на всех этих женщинах, знаменитых своею филантропическою заботливостью о «бедных», о «страждущих». Семья Романовых, дворянство и городские общества богатой России постарались перещеголять друг друга драгоценностью подарков. Императорская семья, столь добросовестно зарабатывающая свои доходы заботами о благе народа русского, поднесла милой новобрачной серебряный золоченый сервиз на 40 персон в два пуда весом и во вкусе XII века, сервиз, художественному совершенству у которого толпа зевак удивлялась у Овчинникова[119] и корый, по восторженным словам «Гражданина», «не имел себе подобного». Император подарил дочери прибор для письменного

стола «из самого синего, самого великолепного лапис-лазули», крайне драгоценного по цвету, по чистоте камня, по отделке. Императрица — золотой чайный сервиз. Кто-то из них подарил и другой чайный сервиз, тоже золотой... «Усердное приношение» петербургского купеческого общества состояло в изящном золотом блюде с золотою солонкою, на которые пошло четырнадцать фунтов золота. Московское дворянство поднесло великолепный золотой «скрынец» (! !) с жемчугами, изумрудами и яхонтами, ценностью свыше 20 000 р., в пуд весом. *Пуд золота!* Московское городское общество поднесло бумагохранилище из платины и золота, ценою около 15 000 р. За этими «исполинами-дарами», по выражению «Гражданина», идут серебряные блюда с золотом от московского купечества, от московских старообрядцев, от московских купцов-старообрядцев, от московских кремлевских хоругвеносцев — богатая, богатая, Москва! — от Новгорода, от тверского городского общества, от царскосельского купечества, от владимирского городского общества, от тульского общества. Казанское дворянство заказало золотую пуншевую чашу с 12 бокалами, с изображениями из славянской истории и в славянском вкусе... Казанское купеческое и биржевое общество — массивную золотую братину в древневизантийском стиле, обложенную сибирскими драгоценными камнями. Затем идут еще кубки, чарки, тарелки, солонки, «одна красивее другой, с удивительной отделкой малейших подробностей в сочетании золота со множеством цветов, эмали и сибирских камней». Затем золотые и серебряные ризы на образах... и еще... и еще... «Все это — маса золота и сербра», — восклицает, захлебываясь от восторга, «Гражданин». Всюду золото в изобилии!.. И какая древнерусская, православная душа говорит во всех этих драгоценностях! Все — скрынцы, ризы, кубки, братины... Конечно, тут слово братина стоит лишь для красоты речи. Братство с голодающим народом не приходит и на мысль этим представителям русского капитала, а на царскую семью они смотрят если не как рабы, то как лакеи. — Да, это приличные подарки от русских сословий дочери императора. И, конечно, о них не могло быть ни споров, ни прений. Что такое для Москвы несколько пудов золота и серебра для царской семьи?.. Что такое все эти подарки для городов русских, когда дело идет о выражении преданности престолу? А неслыханные «громадные» иллюминации, празднества, балы, убранства, приемы иностранцев! Почетных гостей королевской и императорской крови надо же было встретить почетно. Дворцы, отели переполнены ими. Петербургское дворянство дало бал. Московское дворянство дало также бал. Торжественные спектакли были образцом сценического великолепия. Члены комитетов для помощи голодающим в Самаре, конечно, участвовали в первых рядах во всех этих торжествах и, конечно, истратили на них более времени и более денег, чем на комитеты, в которых они

участвовали. Ликовал Петербург. Ликовала Москва. Ликовали все, имеющие приезд ко двору. Ликовало цивилизованное дворянство. Ликовало богатое купечество. Ликовали все сытые люди земли русской. Ликовала и преданная пресса. Впрочем, лирики-цензора, господа Майков и Полонский, обманули наши ожидания. Мы не встретили ни в «Правительственном Вестнике», ни в «Московских Ведомостях» ни одной торжественной эпиталамы в честь новобрачных с их подписью. Это неосторожно, господа, это неблагонамеренно... Зато прозаики превзошли наши ожидания.

Князь Мещерский [120] в купе с автором «Мертвого дома» [121] (забудем скорее это давно прошедшее!) не только сообщали самые точные сведения о костюмах и празднествах, не только, облизывая губы, упивались описанием великолепий, — они в «Гражданине» воспели «пышное и поэтическое торжество венчания», для большей поэзии они «на дне радости» отыскали и что-то «грустное». Они смело говорили от имени «всякого русского без различия», говорили со слезами умиления «о Том, Кто все Свое царствование преисполнил любовью к русскому человеку», говорили, что «Россия гордится своею княжной»... Прекрасно, кн. Мещерский! Достойно вашего таланта и вашего прошедшего, господин Достоевский!

Если эти художники слова воспарили в крайнюю высоту сантиментальной и подло-льстивой поэзии, то мудрые гг. Катков и Леонтьев [122] опустились в «Московских Ведомостях» в самую глубь философии по поводу «торжества государственного», которое заставило «биться быстро и сильно» пульс Москвы, «города прошедшего». Они провидели, что «Москва есть не просто город: Москва есть исторический принцип»; они провидели, что в пышных празднествах царской семьи среди голодающей России совершается художественно-историческое «единство идеи и образа», совершается «одно из исторических действий силы, властвующей в жизни людей и народов». Они имели наглость сказать, что «благословение божие видимо почиет на нынешнем царствовании», на царствовании непрерывного разорения и вымирания народа, на царствовании повсеместного голода; на царствовании, которое в два года предало смертной казни *пятьсот сорок девять* человек «гражданского звания»; на царствовании, которое своим гнилым лицемерием «в настоящем созидает будущее», кровавое будущее, и созидает так фатально для себя, что «только будущее» — именно *это* будущее — «вполне оценит его». Очень, очень хорошо, гг. Катков и Леонтьев, и вам редко удавалось опускаться до столь позорной глубины в философии настоящего, до столь валаамского прорицания [123] будущности романовской империи...

Светел и радостен начался 1874 год для русского императора... Поздравляем, ваше величество!

Поздравляем русское императорство, что оно достигло того

бесстыдства, которое дозволило ему устраивать неслыханные торжества в самую тяжелую эпоху голодного кризиса для половины народа русского. Поздравляем его, что оно откровенно пред всею Россиею, пред всем миром высказало, что нет ничего общего между народом и им.

Поздравляем выборные власти и богачей столиц и других городов русских, что они сумели так отчетливо и наглядно показать русскому мужику, русскому пролетарию, на что они готовы тратить свои деньги, когда несколько губерний умирало с голоду. Поздравляем их с тем, что они дали нашим друзьям хороший материал для рассказа о том, как употребляют во время народных бедствий наши капиталисты свои деньги, похищенные у этого народа. Поздравляем их с новым успехом в раболепстве и в презрении к русскому народу.

Поздравляем консервативную русскую прессу с новыми позорными страницами ее самых блестящих представителей, с новым испражнением лакейской поэзии, с новой удушливой струею философской подлости. Поздравляем ее с новым прославлением народных мучителей, с новым отречением от народного горя, от народной нужды...

Веселитесь и ликуйте... В вашей «светлой радости» есть действительно «что-то грустное», это — ожидание приближающегося неминуемого будущего. Вы в вашем «настоящем» действительно «созидаете будущее». Мрачно, мрачно для вас это будущее...

Веселитесь и ликуйте!..

Вернемся к голодающему народу.

II. Самарский голод

Главный центр бедствия представляла Самарская губерния.

Уже в начале февраля 1873 г. появилась корреспонденция о бедственном положении большей части губернии. От 28 февраля печатали уже в газетах, что в двух уездах, Николаевском и Бузулукском, голод, и крестьяне едва ли просуществуют до апреля. «Едят, что бог пошлет», мука ржаная продается на фунты, значительная часть скота выпала. «Нищенство у нас в Самаре развивается с каждым днем все более и более; труд предлагается из-за куска хлеба». Смертность детей до 5 лет дошла до 59,78 в городах, до 66,72 в деревнях, до 70,88 в колониях. Средняя жизнь в Самарской губернии была 15 лет 2 месяца для женщин. В Бузулукском уезде Самарской губернии, по официальным сведениях за 1873 год, «у крестьянина не только ничего не остается, но недостает», и он для аккуратной уплаты повинностей должен был уменьшать сумму, необходимую для его продовольствия. Норма крестьянского благосостояния не превышала там 10 коп. в день. В Ставропольском уезде в год приходилось 10 рублей 87 копеек на человека, или по 3 копейки в день. Весною 1873 года из

этого уезда писали, что крестьяне очень обеднели за последнее время, частью от пожаров, частью от падежа скота, преимущественно от неурожая хлеба; они вынуждены *для уплаты податей и повинностей,* а также на домашние нужды брать деньги вперед под засев хлеба будущих урожаев. На помощь им являются местные хлеботорговцы, эксплоатирующие их самым бессовестным образом. Как пример условий, можно привести следующее: если крестьянин взял у заимодавца 36 руб. с обязательством доставить за них 120 пудов хлеба, но в срок не доставил, пропустил 30 дней, то он, согласно условиям, взятые 36 руб. обязан возвратить заимодавцу полностью, а хлеб 120 пудов обязан доставить даром. Около же этого времени голод в Самарской губернии дошел до того, что правительство решило выдать денежную ссуду голодающим, причем, как сообщала одна петербургская газета, деньги распределялись лишь между теми, которые могли представить обеспечение; значит беднякам досталось немного. В Николаевском уезде целые деревни готовы были бросить дома и итти на заработки, но не находили их «за обилием предложения труда из-за куска хлеба». Хищные эксплоататоры немедленно воспользовались бедственным положением народа. Заработная плата пала до $^1/_3$ нормальной цены. Хлеб, более похожий на торф, был еще в феврале представлен в Петербург. По умеренному расчету корреспондента, требовалось около 2 300 000 р. помощи. «Земство, — писали в умеренных газетах, — ходатайствовало у правительства о заимообразном отпуске на обсеменение полей 900 000 руб., но получило только 300 тыс. и роздало их, раздав ранее весь запасный капитал».

Никто не обратил внимания на подобные мелочи. В марте и в апреле управляющий казенной палаты особенно настаивал на взыскании недоимок. Относительно Николаевского уезда, о котором только-что сказано, этот ревностный чиновник писал губернатору, что немецкие колонисты внесли все подати до копейки, и спрашивал, не поразительно ли, что самые богатые русские села не уплатили ни копейки. Можно судить, как старалась полиция. В июле губернатор предписал взыскание недоимок в волостях, «где в 1872 году не было неурожая» (когда наступал на его глазах в 1873 году неслыханный голод), и недоимки взыскивались. В одном несчастном Николаевском уезде взыскано 74 194 р. недоимок и 73 426 р. оклада прошлого года. Это была самая приличная для русского губернатора мера перед наступающим голодом.

В августе появилось в «Московских Ведомостях» письмо из Самары нашего известного романиста графа Л. Толстого, где было сказано: «Нынешний год должен довести до нужды прежде бывших богатых крестьян и до нищеты и голода — $^9/_{10}$ всего населения. В нынешний год, вследствие трехлетнего неурожая, посевы уменьшились и дошли до половины прежних, а на этой по-

ловине ничего не родилось, так что у крестьянина своего хлеба нет и заработков почти нет, а за те, какие есть, ему платят $^1/_{10}$ прежней цены».

Он приводил примеры с определенными числами, с именами, высчитывал число едоков в семьях, количество необходимого продовольствия, его полное отсутствие, долги, давящие на крестьянина...

Газета Каткова и подпись графа пробудили внимание. Сомневаться было более нельзя. «Голод в Самарской губернии можно признать грозным, существующим фактом»,— говорила осторожная газета, которая сама за пять месяцев перед тем приводила факты, не дозволявшие ни на минуту сомневаться, что голод наступил уже и только может увеличиваться, пожирать новые жертвы; но кричать слишком громко со своего голоса для осторожной газеты — слишком неприлично.

В том же августе месяце в другом журнале писали совершенно определенно:

«Во всем обширном приволжском краю (да и не в одном только приволжском) в последние два-три года хлеб принуждены были косить, а не жать... В последнюю свою поездку по Волге и Каме я наглядно убедился, что эти, по преданию, хлебородные места, эти житницы России — совершенно пусты. В селении в полтораста дворов в половине мая ржаная мука в небольшом количестве водилась у десяти-двенадцати семейств, а остальные все побирались на стороне, хотя новый хлеб на полях только еще зеленел... Помещики раздавали все свои запасы в заем крестьянам, пользуясь (конечно!) этим случаем для найма рабочих, но все-таки местного хлеба далеко не хватило. Я слышал не униженные просьбы, а требования, хотя подобные требования законом не предусмотрены»...

Таким образом очевидно, что голод, наступивший осенью в Самарской губернии, не мог быть ни непредвиденным, ни неожиданным явлением. Его наступление было замечено и указано давно, его развитие в весьма значительных размерах было неизбежно без принятия самых энергических мер.

Мы увидим ниже, что за «меры» были приняты, но теперь сделаем лишь краткую выдержку преимущественно о полученных результатах. Для большего беспристрастия мы будем группировать почти исключительно не сведения, полученные от наших специальных корреспондентов, но напечатанные в России. То, чего скрыть *невозможно* даже там, для нас на этот раз достаточно.

В августе писали о Бузулукском уезде: «Теперь многим питаться нечем: продают скот, бросают дома и бегут на заработки в другие губернии; например, из села Утевки отправилось из 1 924 жителей обоего пола 1 005 человек, из села Покровского из 1 924 жителей — 620 человек. Необходимость заставляет кре-

стьян продавать все за бесценок: курицу можно в настоящее время купить за 12, даже за 10 коп., цыпленок стоит 3—4 коп., скот подешевел до баснословных размеров (по другой корреспонденции, лошадь продавалась по 5 и по 3 рубля). А что ждет нас впереди, о том страшно и подумать. Мне говорил один из членов земской управы, что, будучи в уезде для дознания степени нужды жителей в продовольствии, он видел, как старик, окруженный значительной семьею, рыдал в виду уже близко предстоящего ему голода. Другой член управы рассказывал, что видел плачущими целые семьи от ужаса страшной смерти». Местная земская управа, сообразив (в августе-то!) размер пособия, назначила экстренное уездное собрание на 23 августа, «но что может сделать земство, когда общественные магазины пусты, когда продовольственного капитала нет ни копейки, когда само земство, по неимению сборов, ищет займа для выполнения обязательных повинностей?» От того же времени писали из Самарской губернии (неизвестно, из какого уезда): «Мужики в ногах валяются, выпрашивая себе работы, и готовы закабалиться за ничтожнейшую плату». По другим сведениям, цена за жнитво, стоявшая в 1868 году на 20 и на 25 рублях с десятины, в 1869—72 годах средним числом от 6 до 10 р. с десятины, спустилась в 1873 до 2 р. Конечно, патриоты-капиталисты не могли не выказать при этом своих благородных чувств в форме... эксплоатации работника: «Возникшая вследствие неурожаев неслыханная дешевизна рабочих рук заставляет крупных хозяев и арендаторов расширить свое производство, насколько хватает сил: занимают денег в банках, прикупают земель, увеличивают запашки с 500 десятин на 1 000 и т. д. Все ожидают, что скажет и сделает губернское земское собрание» (в половине сентября!).

Собравшись, наконец, в конце августа, чрезвычайное бузулукское уездное собрание телеграфировало в министерство внутренних дел, ходатайствуя о выдаче крестьянам пособия в 1½ миллиона рублей и ссуде земской управе 90 000 рублей на обязательные расходы, так как сборы вовсе не поступают, вследствие наступившего голода. «При этом земское собрание испрашивает у правительства распоряжения о прекращении продаж крестьянского скота за недоимки». Значит, еще *в конце августа 1873 года крестьянский скот в Бузулукском уезде продавался за недоимки.*

В самый день отправления этой телеграммы, 23 августа, в «Правительственном Вестнике» появилось успокоительное известие о продовольствии в Бугульминском уезде. Травы признаны там «неудовлетворительными», но озимые хлеба «почти повсеместно удовлетворительными», а относительно яровых найдено, что они поправились настолько, что можно рассчитывать «на более или менее удовлетворительный урожай». Мы увидим ниже, что хотя Бугульминский уезд не принадлежал к числу наиболее

пострадавших, но в нем урожай уже был ниже среднего, а на яровые хлеба был совершенный неурожай. Но в августе еще думали в Петербурге, что можно будет прикрыть народное бедствие обычною официальною ложью.

В сентябре писали из Самары: «Невозможно на словах дать верное понятие, каким *хлебом* теперь питаются жители Самарской губернии, пострадавшие от неурожая, а потому посылаю вам для образчика, чтобы вы видели и другим показали... Эти образчики взяты мною от кусков, отправленных в Петербург на испытание профессору гигиены медико-хирургической академии. Если бы мне не был в точности известен тот путь, которым дошел этот хлеб от крестьян до людей науки, я не решился бы послать его вам на показ из опасения, что вы сочтете меня жертвой мистификации; но, к сожалению, тут нет никакого обмана и никакой ошибки; эти два комочка, которые вы приняли бы за навоз, если бы я не предупредил вас, что их следует называть хлебом, — действительная пища крестьян. Вы увидите и ужаснетесь. И сколько бы раз вы ни рассматривали, вам все будет казаться, что это засохшая грязь, взятая из середины улицы: тут и солома, и зола, и как будто (а может, и в самом деле) земля, но хлеба совсем не видно. Только запах — затхлый и кислый — выдает присутствие чего-то хлебного, хотя и испорченного... Сердце перевертывается при мысли, что это ужасное вещество люди берут в рот, жуют и глотают! И, может быть, не только взрослые, но и дети».

К тому же времени относится известие очевидца, что в Бузулукском уезде «многие семьи питаются хлебом, если можно так выразиться, из лебеды, смешанной с просянкой и частичкой муки для связи. Такая смешанная и испеченная масса представляется черным комком, наподобие земли, и таким же твердым. Вы можете встретить с подобными кусками скорочерствеющего хлеба ребятишек, которые не могут даже жевать, а лижут его. Добавьте к этому отсутствие соли, так как и этот сравнительно дешевый продукт купить не на что, и перед вами является картина, которую не всякий может легко снести. Некоторые пекут хлеб из молодых жолудей, смешанных с мукой. Но беда и с этой стороны: явились благодетели, которые вздумали поживиться на счет нищей, оборванной братии. *Некоторые лесовладетели не позволяют крестьянам собирать у себя в лесу жолуди,* оставляемые прежде на произвол судьбы, а вывозят их на базар и продают по 20 коп. и более за воз. В самом деле, как не зашибить лишний десяток рублей! Есть еще более предупредительные благодетели, которые продают уже заранее заготовленную муку из жолудей и ржи, смешанных, как говорят, наполовину того и другого».

В это время одна благодетельная дама стала собирать «куски настоящего хлеба» для отправки в Самару, а в Казани яви-

лось печатное предложение «обращать все хлебные остатки в сухари» для доставки туда же.

Массы крестьян пошли в Уфимскую губернию искать работы, но работы нашлось мало, а хлеб подняли в цене до 80 коп. и более за пуд ржаной муки вследствие увеличения числа потребителей. В Бузулукскую земскую больницу, по свидетельству уже упомянутого очевидца, явился, между прочим, крестьянин «страшно исхудалый и анемичный, жалующийся на головную боль». При осмотре он зашатался и упал бы, если бы его не поддержали. Оказалось, что он уже давно «питался теми немногими крохами, которые побирали его дети, так как в деревне подавали плохо, потому что и сами нуждались. Нынешний же день он ничего не ел». «Что же ты будешь сегодня есть?» — спросил врач.— «А вот вернусь на деревню, малые ребятишки чего-нибудь насбирали». Врач оставил его в больнице и прописал порцию молока и говядины. «Но скоро, — пишет очевидец, — и в больницу нельзя будет принимать даже и больных, так как земству не на что покупать для них продовольствия и необходимых медикаментов. Врач за пять месяцев не получал жалованья, как и другие служащие».

В это самое время во всех главных газетах находим известие, что в Бугульме ***производится взыскание податной недоимки.*** «Самое усиленное взыскание» производилось в первом стане, *где* ***описывали за недоимки скот*** крестьян и другое имущество, а вследствие круговой поруки описывали скот у всего общества...

Только 26 октября в Самаре *заметили,* наконец, что большая часть губернии вымирает от голода. В местном «Справочном Листке» появилось воззвание управляющего государственными имуществами Самарской губернии Алабина [124] и в «Губернских Ведомостях» приглашение к пожертвованиям от городской думы и от «дамского комитета» Общества красного креста, а в «Епархиальных Ведомостях» приглашение к пожертвованиям в пользу духовенства самарской епархии, тоже пострадавшего от неурожая.

Алабин приводил для примера два факта, удостоверяя, что таких много. В деревне Жидиловке 574 души мужского пола и всего 1002 человека едоков, т. е. достигших пятилетнего возраста и перешедших через него (должно быть, до пяти лет, по особенным свойствам натуры тамошних жителей, есть не полагается). На все это население 4 сентября 1873 г. имелось 20 четвертей картофеля. В общественных магазинах ни озимого, ни ярового хлеба не было; ни того, ни другого хлеба не было у домохозяев ни на гумнах, ни в закромах. При этом жидиловцы должны были в продовольственный капитал 152 р. 50 к., по податям и разным сборам 3 835 р. Оставалось у них в начале сентября несколько скота. В другой деревне 475 едоков (по такому же счету), и на них 4 сентября было 3 четверти ржи, $10\frac{1}{2}$ четвертей ярового,

16 четвертей картофеля, долгу казенного 1 494 р. Частных долгов гораздо более. «Заподозрить достоверность приведенных фактов», по словам Алабина, невозможно.

Самарский архиерей в сентябре объехал приходы Николаевского и Новоузенского уездов. «Чем мог, как сам он пишет, утешал и пастырей и прихожан (какую долю ваших доходов отдали вы вашей пастве, ваше преосвященство?), не мог без слез рассказывать о том бедствии, которого был очевидцем», пожертвовал в пользу причтов *пятьдесят рублей* и предложил открыть подписку, «о чем и донесено св. синоду».

«Ни городская дума, ни дамский комитет до сих пор еще не публиковали о своих сборах, — пишут в одной корреспонденции от конца октября, — и, главное, не сообщают никаких сведений о том, что они думают предпринять, как они намерены действовать. Неужели в Самаре не находится никого, кому можно было бы поручить объехать голодающие уезды и представить отчет о виденном и слышанном, чтобы подобные факты не оставались под спудом? Неужели заседания комитета самарские дамы не могут сделать публичным?.. Нам известно, что в Самаре сбор частных пожертвований идет в высшей степени туго; рассказывают невероятные вещи о скупости и жестокосердии нескольких богачей, не стыдившихся будто бы отделываться рублем, имея 200 000 капитала и т. п.». По 27 октября всего пожертвования со всей России «с деньгами, поступившими от е. и. в. государя наследника с супругой», по сведениям канцелярии самарского губернатора, было 3 285 руб. с копейками. «Но чем же проживут эту зиму самарские крестьяне? Уже появляются в газетах известия о смерти от голода! Чем же питаются дети?» Такими вопросами кончал корреспондент статью в начале ноября.

В другой корреспонденции того же времени писали: «Положение народа ужасное, между тем до сих пор ничего еще не предпринимается *на деле,* чтобы спасти народ от голодной смерти. Из Бузулукского уезда целыми семействами сотни народу идут в Бугульминский и Белебейский уезды на прокормление, питаясь милостынею... Хлеба нет не только на продажу для уплаты податей, но даже на пропитание скотины... Следовательно, и речи не может быть о возможности уплаты податей... У нас здесь занимались пререканиями с земством, а не хлопотали о государственной помощи... У нас до сих пор ограничивались трудною задачею «не сознавать бедствий голодающих».

Становится понятным, почему 26 октября, наконец, *сознали* эти бедствия и разом пошло в печать несколько официальных воззваний в пользу страждущих. В этот самый день и высшее правительство Российской империи решило, что голод в Самаре действительно есть и что против него надо принимать меры. В «Правительственном Вестнике» появилось правительственное сообщение, где напоминалось, что в 1872 году выдано самарскому

земству в ссуду 600 000 из продовольственного капитала империи, два раза обращено внимание на то, что от самарского губернского земства не поступало никакого «ходатайства о каком-либо содействии правительства в облегчении обязанности земства по обеспечению нуждающегося населения губернии», и, наконец, сказано было, что, тем не менее, министерство «не могло не отнестись с особенным вниманием к вопросу о мероприятиях» и т. д. и т. д. «Мероприятия» эти заключались в приступлении к работам по Самарско-Оренбургской железной дороге (что, конечно, совершенно невозможно в зимнее время, следовательно, до весны не могло иметь ровно никакого значения для голодающих и лишенных всяких средств существования), в приступлении к работам «по ирригации полей и лесонасаждению в казенных степных участках» (что опять-таки зимою совершенно невозможно), в выдаче бесплатных на простой бумаге паспортов крестьянам четырех наиболее пострадавших уездов, в созыве губернского земского собрания и в выдаче *50 000 рублей* из продовольственного капитала в распоряжение губернской земской управы.

На это умеренные газеты дерзали осторожно заметить: «Судя по данным, которые мы находим в этом сообщении, самарское земство оставалось как бы безучастным зрителем подготовлявшегося и теперь развившегося бедствия. Между тем мы слышали, что на-днях ожидают в Петербург начальника Самарской губернии, который везет с собою ходатайство губернского земского собрания об отпуске министерством 3 миллионов рублей для продовольствия жителей, пострадавших от неурожаев (*голодающих* было бы слишком смелым термином). К сожалению, ходатайство это едва ли будет вполне уважено, так как в распоряжении министерства внутренних дел состоит, как слышно, всего около 4½ миллионов рублей, которыми оно может располагать на все губернии для той же цели».

«Московские Ведомости», взволновавшие публику письмом графа Л. Толстого, спешили в это время успокоить ее, помещая письмо Ржанова[125] из Бугурусланского уезда, где доказывалось, что голод постиг не всю Самарскую губернию.

«Может быть, кто и пробует прибавить в хлеб желудей, коих очень много у нас уродилось, но это можно счесть лишь опытом удешевить пищу». (Скажите, пожалуйства, какие прихотливые!).

Тем не менее в той же газете появилась в то же время корреспонденция, перепечатанная и другими журналами и свидетельствующая, что «положение крестьян Самарской губернии день ото дня становится все хуже и хуже: не только те крестьяне, у которых ничего не родилось, но даже и те, которые надеялись на кое-какой урожай, лишены теперь возможности прокормиться без посторонней помощи... К довершению несчастия *продажа*

домашнего скота за недоимки не прекращается, увеличивая и без того бедственное положение народа».

В тех же числах один священник писал в газетах: «При настоящем неурожае бедствие является всеобщим и всесторонним, нет ни хлеба, ни денег, а скоро не будет и скота... После этого что должны делать крестьяне без подручных средств к жизни?»

Между тем относительно *мероприятий* власти коронные и выборные как бы соперничали в отсутствии распорядительности. Уездные собрания, собранные «для известных приготовительных работ к предстоящему введению нового устава воинской повинности» (это, конечно, было гораздо важнее народного голода), занялись, тем не менее, *между прочим,* и вопросом о голоде, попытались определить размер необходимого пособия и для скорости послали свои постановления в Петербург. Бугурусланское собрание просило даже, по настоятельности дела, дозволить ему съехаться в октябре. Строгий хранитель законности, министр внутренних дел, нашел, что прямое представление было *не в порядке,* и «отослал уездные ходатайства на рассмотрение губернского собрания». В то же время ревнивый охранитель преимуществ администрации перед выборными властями, самарский губернатор, не дозволил бугурусланскому земству собраться еще раз и «направил сведения, которые оно хотело разобрать, в губернскую управу». Вероятно, мудрый администратор опасался революции в Бугуруслане, а уездные собрания и не пикнули при подобных рассудительных распоряжениях министра и губернатора.

В октябре съехалось и губернское собрание. Его заседания в такую важную минуту для края были весьма характеристичны. Много было самоосуждения, много препирательств с администрацией, весьма мало практической деятельности, но всего интереснее то, что в виду страшного бедствия, грозящего краю, мудрые земцы посвятили наиболее времени на вопрос... о нигилизме начальницы самарской школы для учительниц. К сожалению, у нас нет перед глазами печатного доклада комиссии, избранной собранием, и его журналов, и нам приходится черпать сведения из источников частью мутных, но и то, что фактически известно, говорит само за себя.

Для предварительного рассмотрения всех вопросов, подлежащих обсуждению собрания, избрана была одна комиссия из 12 человек. «Эта общая комиссия занялась, как известно, преимущественно делом о женской учительской школе». В Самаре, видите, есть женская учительская школа, и председатель управы, некто Кузьмин[126], имя которого следует сохранить на память грядущим поколениям, в своей нигилистофобии нашел нужным подать донос на «бывшую (вероятно, уже смененную прежде расследования дела) начальницу школы», будто бы допускавшую в школе «разные беспорядки, как-то: отступление от принятых правил (?),

неуважение к постам (а!) и вообще вредное направление» (!!, вот оно что!). Пред этим первостепенным государственным вопросом о грозящем приливе нигилизма в самарскую школу отступили, конечно, в глазах комиссии на второй план бедствия сотен тысяч страждущего населения. «Комиссия не могла не расследовать тщательно всего быта школы», — пишет одна газета (о, конечно, конечно! посты! вредное направление! Умирай вся Россия с голоду, но этого не расследовать! Какие же после этого они были бы патриоты?). Комиссия «сгоняла со всего города прачек, кухарок, мещанок, чтобы допросить их о направлении (sic!), какое школа дает их дочерям (интересны должны были быть сии мудрые расспросы) и т. п.», — пишет другая газета. К особенному нашему удивлению, при столь мудром направлении своих забот комиссия не открыла в школе гнезда нигилизма. Напротив, как пишут, «дознание обнаружило, что бывшая начальница школы хотя и не особенно опытная преподовательница, тем не менее вполне отвечала званию воспитательницы; что в школе никаких особенностей в одежде и обстановке не замечено, а разнообразие зависит только от степени состоятельности; посты соблюдаются, хотя и не все; у церковной службы воспитанницы бывают, кроме вечерних служб; на исповеди и у св. причастия были все, роскоши в столе не замечено, отступления от программы преподавания не было, и вообще вредного направления не усмотрено ни в каком отношении». Поэтому комиссия полагала, что «заявление г. Кузьмина, основанное частью на слухах, частью на вымышленных им самим фактах, не заслуживает уважения, так как заключающиеся в нем нарекания совсем не подтверждаются». Тем не менее, по словам газет, «утверждают положительно, что не случайности, на какие ссылались некоторые газеты, а именно дело этой женской школы было главнейшей причиной расстройства местной земской деятельности. Занявшись делом этой школы, собрание приняло неосновательные постановления по раздаче пожертвований и не успело обсудить меры для прочного улучшения быта пострадавшего населения». Если в этих отзывах не скрывается какой-нибудь коварной фальсификации фактов в отместку собранию за то, что оно не нашло и не покарало несуществующих в Самаре нигилистов, — а подобная фальсификация дело обыденное в некоторых органах нашей прессы, — то заседание самарского губернского собрания, допрашивающего кухарок о нигилизме во время общего голода, имеет немалый исторический интерес.

Относительно существенного вопроса, которым собрание должно было заняться, мы сообщим читателю следующее извлечение из статьи, написанной по поводу доклада комиссии, причем впрочем, следует напомнить, что вся статья пытается выставить земскую деятельность с созможно дурной стороны; но можно ли было ее выставить с хорошей?

«...Неурожай постигает Самарскую губернию уже не первый год. Но целый ряд неурожаев не возбудил в местном земстве никаких забот о народном продовольствии, о мерах к предупреждению неурожаев, к отвращению тяжести их последствий. Ряд неурожаев прошел бесследно для земских управ и для земских собраний 1871 и 1872 годов. Это было заявлено из среды самого же самарского земского собрания, состоявшегося в прошлом октябре. Гласный Городецкий [127], принадлежащий к меньшинству, указывал, что «земство во все время существования своего в Самарской губернии ничего не предпринимало в деле обеспечения народного продовольствия»... между тем земство увеличивает свои расходы, а также содержание своих служащих. Даже и голод текущей зимы не мог научить самарское земство. Ему в самом же собрании было указано, что комиссия его все-таки «не выработала ни одной радикальной меры, которою можно было бы способствовать поднятию уровня экономического положения губернии»... В самарском собрании было предложено, между прочим, принять особый способ обеспечения правительственной ссуды, так как непринятие его докажет будто бы правительству неспособность земских деятелей к делу самоуправления, к делу земскому «и даже вообще к государственной деятельности». На это один из гласных, г. Городецкий, остроумно заметил, что «если бы правительство пожелало убедиться в этой неспособности, то, к сожалению, оно имеет более веский для того факт — это наше саморазорение»...

Но и по специальному делу обеспечения населения хлебом и семенами при неурожае самарское земство проявило ту же бездеятельность. Оно не следило за видами на урожай и не собрало заблаговременно точных сведений. Наступившая беда застала его врасплох. В докладе комиссии губернского собрания заявлено, что в ходатайствах уездных собраний «не определены с достаточной точностью ни селения, положительно нуждающиеся в хлебе и неотложном пособии, ни число нуждающихся»...

Комиссия губернского земского собрания отнеслась к делу народного продовольствия также с немалою небрежностью. Она назначила для Николаевского уезда, как и было заявлено в собрании г. Чембулатовым [127], явно недостаточную сумму. В собрании же было указано, что его комиссия и затем оно само не разъяснили, как следует раздавать хлеб (или денежные пособия), хотя «известно, сколько неправильностей было допущено в прошлом году при подобной же раздаче». Пособия решено выдавать деньгами, а безвозвратные выдачи производить таким порядком, что если бы управы точно следовали постановлениям собрания, пожертвованные деньги подолгу лежали бы без движения. Именно собрание постановило назначаемые земством безвозвратные пособия раздавать только таким семьям, в которых не имеется ни работника, ни работницы, ни подростков (от 16 до 18 лет).

Оказалось, что собрание, делая это постановление, не имело в виду точных данных о нуждающихся семьях и что в эти рамки входит лишь незначительное число семей...

Комиссия собранию предложила, а оно большинством голосов приняло, общую гарантию всего земства по правительственной ссуде... Комиссия самарского собрания подробно занялась критикой распоряжений и предположений губернатора. Один из гласных заметил, что «вторая часть доклада комиссии есть не что иное, как обвинительный акт противу начальника губернии». В этой части доказывается, что взыскание недоимок, произведенное губернатором в июле и в августе, было одной из главных причин тягости бедствия, постигшего население Самарской губернии...»

В ноябре «Московские Ведомости» должны были сознаться, что и Бугурусланский уезд, о котором так оптимистически писал их корреспондент Ржанов, точно страдает от голода. Они поместили следующее известие о распространении голода в Самарской губернии:

«*Полным неурожаем поражены следующие местности:* восточная и южная часть Бугурусланского уезда, Бузулукский уезд весь, Николаевский, за исключением пяти волостей, и северная часть Новоузенского уезда. Неурожай постепенно усиливается, чем далее на восток от Волги к границам Оренбургской губернии. Начиная от селения Павловского, Богатый Умет, Обухова и далее на восток, *крестьяне целыми селами уходят куда глаза глядят* для отыскания заработков и хлеба. В восточной части Бугурусланского уезда и в Бузулукском крестьяне уже теперь едят не хлеб, а какое-то подобие хлеба, смесь из непросеянной муки от отрубей, смолотой с соломой, лебедой и грязью, образовавшейся от пыли, не отвеянной от зерна. Из землевладельцев в местностях, подвергшихся неурожаю, многие близки к убыткам, которые грозят разорением. Во всех поименованных уездах встречаются кое-где оазисы, где благодаря выпавшему с весны дождю был средний урожай; такие оазисы лежат недалеко от села Черкас, к углу, где сходятся уезды Бугурусланский, Бузулукский и Самарский, и затем также на юг от города Самары, вниз по Волге, верст на 60, а с более слабым урожаем есть немного оазисов за городом Николаевском, на юго-востоке. В Новоузенском уезде неурожай не был так жесток, как в Бузулукском и Николаевском. Западная часть губернии хотя также несколько пострадала от неурожая, но в гораздо слабейшей степени, чем восточная. Так, Ставропольский уезд пострадал только от неурожая яровых хлебов; урожай картофеля был ниже среднего, также и урожай ржи. Бугульминский уезд и северная часть Самарского в таком же положении. Затем южнее, начиная от реки Сок, неурожай уже ощутительнее, что объясняется тем, что в этих местностях преимущественно занимаются посевом пшеницы; впрочем, здесь

и рожь родилась очень плохо, только дождливая осень несколько пособила хозяевам в прокормке скота. Впрочем, бескормица скота, а отчасти, быть может, и меры, принятые для взыскания недоимок при неурожае, неимоверно понизили цены на скот. Так, на черкасской ярмарке, в августе, продавались рабочие лошади по 8 руб., а двухлетки по 2 р. 50 к., годовики же по 50 к. На петровской ярмарке, Николаевского уезда, около того же времени цены были еще ниже, а рабочие волы продавались по 2 р. Эти цифры всего красноречивее говорят о крайней нужде местного населения».

Во второй половине ноября из Бузулукского уезда существует свидетельство одного из тамошних помещиков, что «число голодающих увеличивается с каждым днем и нужда растет все страшнее и страшнее». Во то же время священник того же уезда писал в газету, что нищих — третья доля всей губернии. Из двух семейств, которые он описывает, в одном из 9 едоков при одном работнике имущества осталось одна лошадь и три овцы. «Работы никакой. Собранный хлеб съеден, и помирай хоть с голоду, достать негде». В другой семье из 4 едоков при одном работнике «всего имущества одна кляча, остальное съедено. Глава этой семьи *умер с голоду* (три дня не ел, чтобы внучата были хоть немного сыты). Это семейство сейчас ест одну болтушку, да и то не всегда, а когда Христа-ради добудет фунта два или три муки. Будущее безнадежно: ни есть, ни посеять в будущем году нечего. Подобных семей у меня в приходе наполовину, а к концу года еще больше будет. А хлеб какой? Если бы вы видели, то не подумали бы, что это хлеб; хлебного в нем вовсе мало, а больше всего разный сор: лебеда, мякина, катунь, овсюк и жолуди. На вкус этот суррогат горький и в рот не возьмешь».

Один из агентов самарского дамского комитета, пишущий более о своих слезах и нервном расстройстве, чем о бедствии, которое он видел своими глазами, выражается так: «Спасти от голодной смерти нельзя. Если дадут и полтора миллиона рублей, все это ничего,— ... голод небывалый, неслыханный. Едва уделишь час свободный, чтобы писать, двери не затворяются от приходящих; все просят есть; даешь ½ пуда на человека, чтобы только как-нибудь спасти на несколько дней. Что дальше будет?»

«Московские Ведомости» получили от казначея дамского комитета Н. Г. Мордвинова [128] образцы хлеба и муки, которыми питается голодающее население Самарской губернии: 1) хлеб из села Дмитриевки Николаевского уезда — из лебеды с небольшою примесью муки; он похож на пережженную хлебную корку, источенную червями, не имеет никакого вкуса и наполовину с мякиной и песком; 2) мука из села Зуевки Бузулукского уезда; она составлена из семян нескольких растений: перекати-поле, колючки, просянки, арапчика — он же овсюк (дикий овес), с примесью нескольких зерен пшеницы, накошенной вместе с травой;

мука эта своим цветом похожа на мелко истертый перец, имеет запах лекарственных трав; она очень приторна на вкус и с песком; 3) лепешка из того же села — из овсюка и еще каких-то трав с неперемолотою соломою и овсяною мякиной, глинистого цвета, весьма похожа на засохшую замазку из глины с коровьим навозом; при всех усилиях ее трудно разломать, потому что куски соломы крепко связывают ее; 4) мука из ржи с жолудями из села Лобаз Бузулукского уезда, по виду похожа на мелко истертый кирпич, с неперемолотою шелухой от жолудей, едкого запаха и вкуса; 5) лепешка из дубовой муки на коровьем масле — оттуда же; она серо-коричневого цвета, с прелым запахом, очень напоминает засохший пласт уличной осенней грязи; лепешка эта была лакомством в заговенье! «Эти ужасающие образчики «хлеба», — говорит названная газета, — убедят каждого, кто сомневается еще в крайних размерах бедствия, постигшего Самару. Страшно подумать о населении, вынужденном питаться этими подобиями хлеба. Истощение сил, болезни, эпидемии должны быть последствиями такого питания. Присланные нам образчики «хлеба» живо свидетельствуют о неизбежности случаев голодной смерти, которые уже были в Самаре»...

В письме от 20 ноября передан рассказ одного проезжего, что когда он остановился ночевать в каком-то селе Бузулукского уезда, «через час после его приезда набралась к нему целая толпа народа просить хлеба. Мужики молча крестятся и становятся на колени, женщины приносят детей, плачут, кричат: дай хлеба! Стон стоял... Детей покормят немножко и кладут спать в три часа дня; закроют ставни и говорят им, что ночь, авось заснут, плакать перестанут и есть не будут просить. Что по двое суток не едят — это сплошь и рядом, а когда едят, то это такая гадость, что противно смотреть». Далее говорится, «что одна женщина чуть не зарезала своих детей и себя от голода, но соседи пришли и помешали». В другой семье муж, имея, кроме родных детей, и детей жены от первого брака, отказался наотрез кормить последних, рассчитывая приберечь их долю для своих детей.

В это время, к 22 ноября, начальник Самарской губернии получил всего на голодающих 24 018 руб. 74 коп. (Из них будущий император России и будущая императрица пожертвовали вместе *тысячу* рублей. Мы желали бы знать, что стоило платье, *только платье,* будущей императрицы в торжественный день бракосочетания. Князь Мещерский, не поленитесь сообщить!). Дамский самарский комитет к 24 ноября получил 20 028 руб. 59 коп., самарская губернская земская управа к 15 ноября — 29 562 р. 89½ коп. да самарская городская управа — 2 164 р. 76 к.

20-го же ноября происходило заседание комитета министров, причем мудрецы нашей администрации ломали голову над вопросом: «какое дальнейшее движение дать результатам, добытым ко-

миссиею, учрежденною для исследования сельскохозяйственной промышлености в России?» Должно быть, при учреждении этой комиссии никакого «движения результатов» не имелось в виду, а собирались они более для баловства. Повидимому, наши государственные люди очень затруднялись этим вопросом и едва ли не потому «посвятили, почти все заседание вопросу о самарском голоде» (в первый раз 20 ноября, о, великие государственные люди!). «Говорят, что комитет министров еще не пришел к окончательным выводам касательно средств, которыми следует помочь населению». Ревностные помощники императора, вероятно, проголодались и разъехались обедать, а голодные самарцы... подождут. Если большинство их и перемрет с голоду, то от этого господам министрам особенного убытка быть не может. Надо обдумать не торопясь, а благодушный император разве рассердится за то, что его министры по *подобному черному* вопросу несколько запоздали с своими «окончательными выводами».

От декабря берем сведения очвидца-медика.

«Не благосостояние, а убожество самарского крестьянства превосходит всякое вероятие... Обойдите целое село в Бузулукском или Николаевском уезде, переходите из землянки в землянку, и, кроме голых четырех стен, мокрых и сырых, вы ничего не найдете: собственности нет никакой. Подворные строения пусты. Кое-где торчит одинокая клячонка, готовая околеть от недостатка корма. Пара овец считается огромным достоянием, богатством, хотя обладатель их давно проел их, обеспечив ими свой неоплатный долг. У большинства нуждающихся вовсе нет скота, а потому нет и навозу, из которого здесь приготовляется кизяк. служащий топливом. И вот с наступлением зимы бедствие голодающих увеличилось: к голоду присоединился холод, страдания удесятерились...

Ну, как же живут? Кое-как. У кого еще было что-нибудь, все продано, все превращено в ржаную муку. Кто прогнал жену с детьми, чтобы они побирались по миру и сами себя пропитывали, а сам ушел куда глаза глядят. Кто бросил семью из-за куска хлеба где-нибудь в работниках. Дети бросили родителей и отправились просить подаяния в соседних губерниях, за сотни верст. Остальные с сумой на плечах собирают милостыню в родном селе. Просящих подаяние — несметное количество. Но никто ничего не подает, потому что нечего. Мы видели, как иная баба, прося целый день милостыню, собрала в мешок какие-то объедки и корки хлеба, что прежде выбрасывалось собакам.

Если у кого есть возможность достать муки, то ее скорее употребляют как болтушку и не превращают в хлеб. Вскипятив воду, к ней прибавляют соли и муки, а иногда и луку, и этим пробавляются целую неделю.

Объехав несколько селений по Бузулукскому и Николаевско-

му уездам, мы нигде не видели ветрянок в движении: нечего молоть. Народ безропотно и робко переносит свое бедствие.

Нужно видеть жилища людей Николаевского уезда. Это — маленькие, крошечные землянки, в которые с трудом можно проникнуть. Пола нет, стены мокрые. Какие-то отверстия в стене затянуты наполовину тряпкой, наполовину осколками стекла, и ничего больше. Нищета абсолютная.

Заходим мы нарочно в кабаки, и в кабаках пусто...

Обозрев несколько сел Бузулукского и Николаевского уездов и вникши в положение крестьянского населения, страшно подумать о том, что ожидает в будущем эту злосчастную местность. Вся частная благотворительность едва хватит для прокормления какой-нибудь одной десятой доли нуждающихся, но поля положительно останутся в будущем году незасеянными. Если выдадут на обсеменение, то все, что выдадут, все будет съедено. Это раз. А, во-вторых, нечем обрабатывать поле, нет скота... Ведь это буквально нищие, голые, оборванные, голодные, бессильные, истощенные, бескровные, полуживые мертвецы»...

По расчету, на помощь для одной Самарской губернии в декабре нужно было 8 миллионов рублей. В это время к 25 декабря в петербургское общество для помощи голодающим жителям Самары поступило 4 889 руб. 6 коп., из которых 4 000 от будущего императора России и его семьи. (Мы позволим себе спросить, что стоили *только серьги* будущей императрицы голодающего народа в день торжественного бракосочетания?).

К концу декабря (ст. ст.) «Московские Ведомости» поместили большую корреспонденцию (к которой мы еще вернемся ниже), где между прочим очерчивали положение дела следующим образом:

«Что же сказать о самом бедствии? Мы были очевидцами его на местах. Мы были в тех местностях, где нет даже известных здесь суррогатов хлеба: жолудей, просянки, лебеды, мучной пыли и т. п., — тех суррогатов, которые дают испеченному из них хлебу такой вид, который заставляет содрогаться не одни дамские нервы. Во многих домах все продано, все сбыто. Если иногда и видится на дворе пара-другая овец или коровенка, то знайте, что скот этот уже не принадлежит хозяевам. Он ими *заеден,* т. е. служит обеспечением взятого в долг хлеба. Распродажа имущества, уход на-авось в сторону на заработки или откочевка целыми обозами на пропитание и возвращение за неполучением работы и милостыни, безнадежное нищенство, расстройство семей, общая растерянность, — вот что мы видели...

... Вы поймете бедствие голода, когда заглянете в совершенно пустую, часто холодную печь какой-нибудь бузулукской мазанки, в растворенный за ненужностью хлебный сусек или иной затвор; когда увидите исхудалое, истомленное лицо голодающего и его дырявый мешок, откуда нечему даже и вывалиться, так как

хозяин его ничего не получил в милостыню, ибо последняя, за общей нуждою, почти прекратилась. Вы услышите затем сдержанную просьбу о помощи вчерашнего зажиточного едока отличного вкусного хлеба, осужденного ныне дорожить бог-весть из чего испеченною ржаною коркою; вы услышите отчаянный, но тихий стон какой-нибудь солдатки, осужденной почти на голодную смерть с кучей ее детей. Видимее всего голод в повальном нищенстве. Вот вваливается к вам целая толпа детей и взрослых, баб и мужиков, но вы не слышите от них сначала никакой словесной просьбы, — они упали на колени, ждут, и только чей-нибудь невольный вздох выражает их просьбу. Это народ недавнего привольного житья, озадаченный бедой, незнакомый с нищенством и не умеющий просить иначе. Да, бедствие действительно страшное».

В конце декабря (ст. ст.) один из земских врачей Самарской губернии помещал в газетах письмо, где между прочим писал следующее:

«Хотя я до сих пор бывал не в самых бедных местах, а в местностях в сравнительно лучших, но все-таки нищета страшная; скота осталось очень мало; почти все семьи, получающие от меня помощь, не имеют его совершенно — знак очень печальный, так как крестьянину без скота грозит многолетняя нищета; я дал пособие также некоторым семьям, у которых еще осталась корова или лошадь, но, повторяю, таких очень и очень немного. В селах поражает большое количество заколоченных изб, во многих селениях более одной трети населения ушло искать себе пропитания, и даже в моей — хорошей — местности, попадаются семьи, питающиеся хлебом из лебеды; это, конечно, только там, где есть лебеда, во многих же местах нет ни лебеды, ни желудей и вообще никаких других подобных суррогатов». От 20 декабря писали из Самары в одну газету, что «нужда и крайность у крестьян растут в ужасающих размерах».

В то же время, 24 декабря (ст. ст.), «Правительственный Вестник» сообщал, что комитет министров, наконец, додумался и после нескольких месяцев голода представил императору следующие предположения:

Кроме отпущенных 50 000 р. (уж право бы лучше и не напоминать этой цифры, господа министры!), отпустить в распоряжение самарской губернской земской управы миллион рублей, из которых 350 000 на продовольствие (!!) и 650 000 на обсеменение будущей весной полей, «причем ссуда на продовольствие подлежит *возвращению* по истечении трех лет, с уплатою после этого времени 3% (ну, кремни же!), ссуда же на обсеменение полей ***подлежит возврату из урожая будущего*** 1874 года.

Предоставить министру внутренних дел объявить самарскому земству, что ходатайство его об *отсрочке* (заметьте, только *отсрочке)* взыскания податей и недоимок получит *в свое время*

сообразное обстоятельствам дела разрешение» (т. е., может быть, найдут «сообразным обстоятельствам дела» и отказать). Император утвердил.

Кроме того, вследствие *наплыва* нуждающихся самарских крестьян в Уральск, ассигновано «для вспомоществования наиболее нуждающимся, особенно же имеющим малолетних детей, а также больным и неспособным к работам»... *2 000 рублей* (щедро, ваше величество!).

Далее, хотя по закону русским земствам и городским управлениям друг другу помогать и запрещается, но разрешены безвозвратные пособия голодающим самарцам из разных земств и городских дум, так как эти постановления о пособии «были вызваны исключительностью обстоятельств». Всего этих пособий 231 533 р. безвозвратных и 20 000 ссуды на пять лет. Петербургское земское собрание дало *3 200 рублей* из процентов губернского продовольственного капитала. Петербургская дума — *нуль*. Великолепный Вавилон!

Затем разрешены разные комитеты для сбора пособий, причем частью обусловлено, чтобы пожертвования шли через руки губернатора (доказавшего, как известно, свою распорядительность), частью «правила и круг действий комитетов» утверждены министром внутренних дел.

Сообщения «Правительственного Вестника» кончаются следующими утешительными словами:

«В заключение не излишне будет упомянуть, что в министерство внутренних дел до настоящего времени не поступало никаких официальных сведений о каких-либо выходящих из ряда обыкновенных происшествиях в Самарской губернии (смерть от голода, повальное голодание, бросание семей, попытки убийств и самоубийств — вещи самые обыденные, не так ли, господа, или вы об этом не знаете?), вызванных неурожаем настоящего года, или о болезнях, порожденных последствием голода».

Прибавим, что до 7 декабря (ст. ст.) было получено в Самаре губернской земской управой 98 188 р. 21½ коп. (считая и переданные ей начальником губернии) и хлебом 5 300 пуд.), уездными управами 561 р. 50 к. и дамским комитетом 38 592 р. 68 к.

Значит, всего-на-все пожертвовано и дано в ссуду до указанных выше чисел правительством, земством, городами и частными людьми, кроме мелких прямых пособий через земских врачей, священников и т. п., деньгами 1 438 875 р. 39½ коп. и 5 300 пуд. хлеба.

В конце декабря «Правительственный Вестник» сообщил, что, наконец, и петербургская дума раскошелилась и дала 50 000 рублей голодным соотечественникам. Пора! Да еще от других земств и дум поступило 39 000 р.

Еще ранее, при первом распространении слухов о предполо-

жении министерства внутренних дел, которое сделалось предложением комитета министров, «Московские Ведомости» писали:

«По слухам, появившимся уже в газетах, министерство внутренних дел полагало ассигновать самарскому земству из общего продовольственного капитала империи 1 016 000 рублей. Мы не знаем, каким образом определилась эта цифра: состояние ли наличности продовольственного капитала империи или другие соображения заставили министерство назначить гораздо меньшую сумму, чем просило земство, но земство просило около 3 000 000 рублей, сосчитав потребность в пособии еще в то время, когда окончательные результаты неурожая не были известны. Дождливая осень, как известно, уничтожила в нуждающихся уездах Самарской губернии последние остатки урожая. Кроме того, в числе 3 миллионов ссуды, испрашиваемой земством, назначено было для Самарского уезда только 50 000 р., вследствие ошибки уездного собрания, которое, полагая, что правительство не даст на Самарский уезд большей ссуды, чем 50 000 рублей, внесло эту цифру в ходатайство, хотя имело в виду гораздо большую потребность. Впоследствии же оказалось, что для обеспечения продовольствия и обсеменения полей в Самарском уезде нужна ссуда чуть ли не в миллион рублей.

Общественная благотворительность в пользу голодающих в Самарской губернии значительно оживилась за последнее время... Но все эти ассигновки земств и городов, все эти сборы комитетов, духовенства, газет в общей сумме дадут лишь несколько сотен тысяч рублей, а нужда в Самаре гораздо большая. Поэтому никак нельзя много рассчитывать на общественную благотворительность; для борьбы с голодом необходимо пособие, не зависящее от случая и по возможности близко подходящее к действительным размерам потребности. Надо думать, что предстоящая выдача из общего продовольственного капитала лишь одного миллиона рублей, если слух о том верен, есть только первая выдача».

Как раз накануне только что приведенного правительственного сообщения один из более серьезных наших журналов печатал следуюище строки:

«Мы не знаем, спасет ли наша благотворительность Самарскую губернию от голода, хотя пожертвования в последнее время начинают усиливаться.

Из отчета самарского дамского комитета известно, что положение голодающих каждый день ухудшается, собранных запасов все становится меньше, все увеличивается число семей, не имеющих, чем питаться, работы нет никакой. В прежние годы была молотьба, извоз, нынче ничего нет. С наступлением морозов положение народа ухудшается. Началась смерть от голода. Г. Аксаков[129] сообщил комитету проверенный им случай в селе Покровки. Женщина, дошедшая от истощения голодом до галлюцинаций, задумала зарезать детей, а потом себя. В бытность

г. Аксакова в одном волостном правлении прибежала старуха, с отчаянием объявила о смерти мужа и просила, чтобы его похоронили, — старик болен не был, но два дня они не ели. К помощнику удельного управляющего г. Николаеву[130] пришла в селе Зуеве Бузулукского уезда толпа крестьян, не уместившихся даже в волостном правлении. Все стали на колени и, осенив себя крестным знамением, просили хлеба, просили дать им есть. Все, особенно женщины и дети, рыдали и просили научить их, что им делать. То же самое повторилось в дмитровском волостном правлении, Николаевского уезда. Эти отдельные факты можно обобщить, и картина не будет мрачнее действительной. Хотя с теми пожертвованиями, которые сделаны Москвой и земствами некоторых губерний, присоединяя сюда и ссуду от правительства, все пожертвование, может быть, и составит миллиона два (мы видели сейчас, что не дошло и до 1½ миллионов), но это только четверть того, что нужно для спасения народа...

Неудовлетворительное положение наших рабочих сил было вечною русскою язвою, мимо которой проходил всякий, не останавливаясь, даже не замечая ее и подчиняясь этому факту как неизбежному закону природы. В Самарской губернии теперь голод, и все говорят о нем, и филантропия, собирая деньги, дает спектакли и балы в пользу голодающих. Но в то же время есть у нас и другие местности, в которые голод уже стучится в двери, как, например, губерния Калужская, и никто его не замечает, потому что все пригляделись к постоянной нужде народа и никто над нею не задумается и ни для кого она не является вопросом.

Было время, когда еще недавно мы относились иначе к своему экономическому положению. Теперь же экономический вопрос перестал быть для нас вопросом, наша литература и публицистика из экономической превратилась в юридическую. Даже из Самарской губернии, где уже началась голодная смертность, не раздается ни одного голоса, не является ни одной попытки открыть глаза нашей филантропии на сущность причин, создавших печальный факт всеобщего голода...

Экономический вопрос — вечный вопрос»...

Таковы были данные о самарском голоде к началу 1874 г.

В начале января писали в газетах из Чистопольского уезда о притоке нищих из Самары: «Путешествующих за сбором хлеба самарцев мы начали часто встречать на чистопольско-самарской торговой дороге. В числе прочих мы встретили тут отставного солдата из деревни Чесноковки Бузулукского уезда, который уже 16 дней тому назад оставил свою многочисленную семью без куска хлеба и отправился на своей до-нельзя исхудалой лошаденке за подаянием. Теперь он уже возвращается... Навстречу ему движутся целые семьи голодных самарцев за получением скудного подаяния в тех местностях Чистопольского уезда, которые менее других пострадали от неурожая, а вслед за ними чистопольские ба-

рышники ведут из голодного края остатки нераспроданного скота. Один из них ведет двух коров и пару лошадей, купленных им в селе Зубове (Самарской губернии) за 75 р., но он недоволен своей покупкой, потому что месяц тому назад такую покупку можно было сделать гораздо дешевле. Насколько велико число самарцев, ищущих подаяния в Чистопольском уезде, можно до некоторой степени судить из того, что чрез многие села, находящиеся на южной границе уезда, ежедневно проходит и проезжает от 10 до 15 человек, собирающих подаяние. Вообще чистопольские крестьяне говорят, что нищие из Бугурусланского и Самарского уездов нахлынули в Чистопольский уезд, тогда как в прежние годы было наоборот: из Чистопольского уезда нищие шли в Бугурусланский и Самарский. По той же чистопольско-самарской дороге можно встретить и многочисленные табуны лошадей, скупленных татарами Чистопольского и Мамадышского уездов в Самарской губернии и препровождаемых в Мамадышский уезд. В селах Мокшине, Сунчелееве и других мясо в нынешнюю осень продавалось по 2 и по 1½ коп. за фунт. Неурожай в Чистопольском уезде и голод в Самарской губернии вынудили многих чистопольских татар переколоть большую часть лошадей, чтобы не продавать за бесценок и взамен хлеба питаться лошадиным мясом. Так, в татарской деревне Кикле на 500 душ мужского пола осталось только 100 лошадей».

В январе же писали из Спасского уезда Казанской губернии, «что там появилось много поселян Самарской губернии — оборванных, исхудалых, изнуренных постоянными переходами из деревни в деревню, где они собирают хлеб, а отчасти и деньги, которые, по мере накопления, несут голодным детям и женам, оставленным дома. Один из этих несчастных говорил, что их села и деревни почти опустели,— там остались только женщины, дети и старики».

В то же время корреспондент газеты сообщал об одной деревне Бузулукского уезда, Филипповке, еще в 1869 году зажиточной и известной по изобилию хлебов и по скотоводству. В 1873 г. крестьяне Филипповки были так разорены, что «в настоящее время положительно не имеют средств к прокормлению себя с семействами». Скот и имущество не первой надобности давно уже проданы. В последнее время «продавалось многими из них почти последнее имущество за самые дешевые цены, на вырученные деньги покупался хлеб для продовольствия и обсеменения». Теперь не у всех работников деревни и по одной лошади да по одной овце.

К тому же времени относится письмо священника Бузулукского уезда, подтверждающего приведенное выше известие о смерти двух крестьян от голода, что опровергалось местным исправником. В этом письме сказано: «Положение семьи Трофима Иванова [131] перед тем, как последнему слечь в постель, было са-

мое безысходное: ни хлеба, ни возможности на что-нибудь купить его. Что можно было продать, все было продано; его доля в лугах, в паровой земле, последний сошник — все было проедено. Дело, наконец, дошло до того, что сам старик, стыдясь просить милостыню, стал сидеть суток по двое без хлеба. Безнадежное настоящее, боязнь за завтрашнее существование, отсутствие надлежащего питания не могли, конечно, не отозваться болезненно на старике; он слег в постель и отдал богу душу. Исправник доносит, что это семейство и теперь еще имеет кое-какие средства к существованию, а именно: лошадь, овцу, амбар и 10 возов сена; в случае крайности можно было продать что-нибудь из этого имущества и купить хлеба, — добавляет исправник. Но дело в том, что лошадь покойник не мог продать, потому что она была с его сыном в козаках, на овцу в данную минуту трудно найти покупателя, а на амбар и подавно; что касается сена, то, продав его, нужно было остаться без лошади, и тогда привелось бы помирать с голоду не одному старику, а всей семье: ведь не на чем было бы ехать и милостыню собирать. Что касается другого покойника, крестьянина деревни Петровки Лазаря Баландина, то вместо слов посылаю вам образчик того хлеба, которым семья эта питалась в то время, когда покойник хворал». Об этом хлебе, получивши его, редакция пишет: «хлеб этот — подобие засохшего навоза или кизяка, которым топят печи, и не мог не произвести самого тяжелого впечатления на нас и на всех, кто видел его в редакции».

Предводитель дворянства Николаевского и Новоузенского уездов писал в «Московские Ведомости», что «жители Николаевского уезда дошли до страшного положения, весь хлеб... поеден, и они в настоящее время лишены всякой возможности продовольствоваться собственными средствами».

О Бугурусланском уезде из письма священника, в котором очевидна цель расхвалить одну благодетельную помещицу и ослабить картину бедствия, мы узнаем, что и в этом уезде, который «терпел меньшую нужду, чем Бузулукский и Николаевский», все-таки «нужда заставила» крестьян продать весь скот и, проевши вырученные деньги, взяться за продажу своих домов. Тогда как «до нового хлеба еще далеко». «Что будет дальше, не беремся предсказывать»,— прибавляет пастырь, быстро переходя к главному предмету, к восхвалению барыни за 1 500 р., выданные голодным на хлеб. Другие не дают и этого, конечно, но у г-жи Опочининой [132], вероятно, любой экипаж стоит 1 500 р., и в крепостное время она или ее предшественники, без сомнения, вымучили немало тысяч с этих крестьян. Тут оплата малой, *очень малой* доли долга и более ничего.

В январе рожь в Самаре продавалась по 72—74 коп. за пуд. «Такая высокая цена, — писали в газетах, — обусловливается тем, что рожь привозится в Самару за сто верст и далее... Вблизи же

Самары урожай ржи очень плох, и рожь, какая была, вся скуплена спекулянтами». Из Самары извещали в то же время «Московские Ведомости», что «в самом городе нужда и бедность ужасные».

В этом же самом январе 1874 года «Правительственный Вестник» без малейшей оговорки печатал, что в навигацию того самого года, который разразился столь ужасным голодом для России, *вывезено за границу* 17 335 009 *четвертей* разного хлеба (в 1872 г.— 13 930 123); что в январе 1874 г. из Млавы (Плоцк. г.) «отправляются ежедневно слишком 10 товарных фур и несколько десятков подвод с хлебом» в Пруссию; что были там дни, когда «более 100 фур и подвод разом вывезли за границу» весь наличный запас хлеба; что в Бердянске к 1 января нынешнего года находилось 54 500 четвертей пшеницы, готовой к продаже, и по 8-е число половина этого хлеба продана *за границу*. Даже либеральная газета, говоря об этой бессовестной торговле хлебом рядом с голодающим населением, с видимой радостью сообщала об «огромном вывозе хлеба за границу» в 1873 году, прибавляя: «отпуск хлеба в настоящем году, наверное, дойдет до небывалой еще цифры». — Торговцы, администраторы и либеральные журналисты стоили один другого.

В то время как самарцы голодали, торговцы хлебом набивали себе карманы, а правительственные и либеральные органы прессы радовались количеству хлеба, проданному Россиею в голодный год, в это время комитеты о голодающих заседали и заседали, толковали и толковали, в Самаре продолжалась борьба мелких интриг между «обществом» и администрациею, самарская управа сдирала десятки тысяч с голодных должников, милые дамы веселились в пользу голодных на балах и базарах, а полуголодный забитый народ посылал свой тяжелый грош из сел, из фабрик, из казарм, даже из острогов голодающим братьям. Выберем из этой трагикомической истории некоторые эпизоды.

В последнем декабрьском собрании петербургского комитета принято предложение г. Рагозина[138] ходатайствовать перед министром внутренних дел, чтобы он предложил страховым обществам увеличить процент страхования с отчислением надбавки в пользу голодающих, и предложение г. Шмерлинга о ходатайстве в министерстве двора об увеличении входной платы в театры с тою же самою целью (интересно знать, полагали ли эти господа, что эти ходатайства, предложения и т. д. и т. д. будут уважены и дадут результат прежде, чем все самарцы перемрут от голода). Г. Лоде, пишут газеты, стоит за более радикальное средство разрешения дела и доказывает, что именно нынешнею тяжелою минутой следует воспользоваться, чтобы приохотить население к принятию улучшенных способов хозяйства, и в этих видах желательно, чтобы одновременно с высылкою средств для обеспечения текущего продовольствия голодающих были посланы самарцам,

хотя в небольших количествах, самые лучшие семена для посева и образцовые земледельческие орудия, соответствующие местным условиям сельскохозяйственной обстановки. Предложение это в принципе было принято вполне сочувственно и передано на обсуждение распорядительного отдела.

В заседании 6 января г. Кокорев нашел необходимым просить министерство финансов о безакцизном ввозе соли в Самарскую губ. (к сожалению, эту соль не с чем есть самарцам). Генерал Фролов взял назад сделанное им предложение о приобретении солдатского восьмидневного сухарного запаса в трех губерниях: это показалось слишком «практически неосуществимым» даже членам петербургского комитета. Зато собрание одобрило предложение г. Рагозина обратиться в акционерное общество с просьбою уделить небольшую часть своих дивидендов на пополнение комитетской кассы и другое его же предложение ходатайствовать перед министерством путей сообщения о трехкопеечном дополнительном налоге на каждый пассажирский билет с отчислением этого последнего сбора в пользу голодающих.

Общество попечения о больных и раненых послало «уполномоченного в Самару», именно графа Орлова-Давыдова [184]. Туда же «командирован» генерал Яфимович. Распоряжение пособиями перешло в руки комитета из «приглашаемых губернатором лиц», да и то лишь с голосом совещательным. В то же время секретарь дамского комитета для пособий Мордвинов вызван начальством в Петербург и переводится в другой город. Все это смутные отзывы маленьких местных бурь.

27 января «Правительственный Вестник» поместил журнал Центрального комитета, по которому требовалось «приступить немедленно к местной поверке списков нуждающихся» и для этого «приглашать всех местных жителей, заслуживающих доверия... как-то: духовенство, землевладельцев, их поверенных, арендаторов, торговцев и проч.». — Конечно! Это именно люди, которые в подобном случае заслуживают доверия... Сытые будут проверять голод голодных, эксплоататорам отдается на произвол эксплоатируемый... Это совершенно так, как быть должно... При этом голодные делятся на три разряда, «ссуды на обсеменение подлежат возврату из урожая 1874 г.» и т. д. и т. д.

Из пожертвований, поступивших из разных мест в распоряжение самарской губернской земской управы (всего в половине декабря 101 976 руб.), она нашла нужным *теперь же* вернуть себе долг 80 000 рублей, выданный ею в ноябре... Господин председатель, видите ли, и господа члены управы могут не получить во-время жалованья, а потому — дери с голодного долг, благо что деньги через наши руки идут... Дурно мы думаем о земстве, но подобной мерзости и мы сперва не поверили, пока не перечли два раза... Что за Шейлоки [185] наши почтенные земцы!

Это явление побудило фельетониста весьма умеренной газеты

написать следующие строки: «Примеры прошлого да будут нам хорошей наукой. Голод 1867 года показал нам, что нашлись распорядители даже из земских деятелей, которые не устыдились у нищего суму отнимать, чтобы поправить на ее счет свои шубы и женины салопы и смочить вкусный обед влагой шампанского. В неверующем в честность и подозрительном Петербурге ходят уже слухи о том, что и настоящий голод представляет примеры подобного же, а потому публика и не раскошеливается щедро. Вероятно, эта подозрительность не имеет основания, но вот что странно: самарская управа, получив 76 тысяч или около того для голодающих, зачислила эти деньги за какой-то старый долг... Господа земские деятели и деятели иные, не поправляйте ни земского, ни своего кармана на счет тех грошей, которые идут — христа-ради — самарским мужикам, их женам и детям».

Подтверждение этого недоверчивого отношения к распоряжению пожертвованиями мы встречаем и в следующих словах корреспонденции из Киева: «Подписка в пользу самарцев продолжается, только киевляне смотрят на нее с недоверием, говоря, что при такой длинной процедуре пересылки, какая существует теперь, самарцы получат разве половину пожертвованных денег, почему иные жертвуют, как говорится, только ради приличия». Увы, правы киевляне!

Между праздниками, увеселениями и разного рода фешенебельными приманками на жертвование в пользу самарцев обратим внимание на базар в Петербурге, распродажа на котором началась 23 января. Эти базары хорошо известны нашим салонным кавалерам. За милый взгляд, за кокетливую улыбку элегантной торговки на этих базарах платятся *только* крупные и круглые суммы. Все продается по безумно высоким ценам, и в этих ценах заключается шик. Золото, серенькие и радужные кредитки — обыкновенная ходячая монета на этих рынках модного безделья, если только изящные торговки примут *действительно* дело к сердцу. Первый день всегда определяет успех дела, потому что все именно стараются быть первыми. Базар 23 января открылся по *пониженным* ценам, и в первый день продано на 1 259 р. 30 к. Не важно. Самарский голод оказался не фешенебельным.

Зато среди простого народа в Симбирской губернии шел «оживленный сбор» в пользу самарцев. «Народ встречает их, как братьёв и помогает, чем может». В одном селе собрано разом 200 р., в другом 115. Несли взрослые, несли дети. В третьей слободе крестьяне отдали 100 пудов муки, приходившиеся им за пайки квартировавших у них солдат. «При этом женщины вспомнили о голодающих детях, и сами вызвались дать... на кашу ребятишкам».

Зато набойщики и ткачи одной фабрики в Москве, пожертвовавшие уже 50 рублей для голодающих крестьян Самары, реши-

ли давать ежедневно по две копейки с человека до пасхи с той же целью.

Зато солдаты рижского губернского батальона отдали в продолжение семи месяцев самарцам по суточному пайку муки с человека в месяц.

Зато херсонские арестанты военно-исправительной роты отказались 13 января «на две недели от полфунта хлеба из суточного для арестантов продовольствия» и отправили 104 рубля голодающим самарцам...

От 18 февраля сообщали из Николаевского уезда в газеты весьма интересные сведения о том, как «мероприятиями» постарались сделать положение голодных еще хуже.

«Все власти Николаевского уезда в сильных хлопотах: исправник, становые, члены земской управы, мировые посредники мчатся один за другим по всем направлениям уезда; в селах происходят шумные сходы, где горячие споры кончаются чуть не дракой. В данное время для Николаевского уезда решается важный вопрос, от надлежащего разрешения которого зависит будущее нашей местности: вопрос идет о доставлении хлеба для обсеменения полей. Вы уже знаете, что в большей части Николаевского уезда не только нет семян, но и нет хлеба для продовольствия; чтобы иметь хотя надежду на будущий урожай, надо прежде всего снабдить крестьянство семенами; поэтому, я полагаю, вам будет небезынтересно узнать, как разрешается этот вопрос.

Хлеб для обсеменения, по большей части пшеница, куплен в количестве 150 т. пудов в колониях у немцев и весь сложен в Екатеринштате (Баронске); закупкою этого хлеба заведывала губернская управа совместно с Центральным комитетом для помощи голодающим. Баронск находится на самом краю уезда, семена надо доставить как раз в противоположные концы. Для перевозки этого хлеба крестьяне обложены новым сбором; хотя этот налог делается для самих же крестьян, но как-то странно облагать голодающих новым сбором; крестьяне обязаны везти хлеб 200—300 верст, получая по 7 коп. с пуда за каждые 100 верст, т. е. подвода, которая сделает 400 верст, получает 2 р. 80 к. за провоз 20 пудов. Эта сумма так мала, что корм лошади и человека во время пути будет стоить гораздо более; поэтому в большинстве волостей крестьяне не соглашаются за такую плату везти хлеб; они находят это для себя просто невозможным, а к тому же оставшийся в голодающих местностях скот до того изнурен, что отправиться на нем в такой далекий путь не совсем безопасно. Вот мужики и спорят, разрешая трудный для них вопрос, как исполнить приказание — везти хлеб почти даром, не имея, чем кормиться самому и чем прокормить лошадь, а начальство всячески понукает их.

Во всех волостях, где мне пришлось быть, эта задача решена так: пришлось голодающим обложить себя новым сбором, по рус-

скому обычаю, подушным, чтобы с помощью этого дать возможность хозяевам лучших лошадей ехать за хлебом. Этот сбор довольно значительный: так, в одном селе пришлось обложить 16 к. каждую душу, в других селах цены на провоз пуда надо было увеличить до 20—25 коп.; значит, разницу между этой суммой и 7 к. придется приплатить самим нуждающимся. Тяжелое впечатление производит сбор этих денег: крестьянин уверяет, что у него нет ни копейки, что ему есть нечего, где же он возьмет 50—70 коп., приходящихся на долю его семьи; просит хотя подождать до ярмарки, когда он в состоянии будет продать корову, но на это получает суровый ответ старосты: «Возьми где хочешь, хоть жену заложи, но подай деньги сейчас». Да и как не быть суровым сельскому начальству, когда сегодня приехал мировой посредник, завтра приедет становой пристав, и все они грозят штрафом за невысылку требуемого количества подвод. Неизвестно еще, как на практике разрешится эта задача, но без недоразумений дело не обойдется; теперь беспрерывно получаются известия, что такая-то волость отказывается послать подводы — и летит туда полиция.

Невольно задаешь себе вопрос: неужели нельзя было легче для населения разрешить вопрос о доставке хлеба? Неужели необходимо было закупать его в одном месте, на краю уезда, и заставлять село из-под Самары или другой какой хлебной пристани ехать за 200—300 верст? Говорят, что в разных местах уезда есть хлеб, годный для семян. Мы полагаем, что люди, заведующие этой закупкой хлеба, забыли совсем, что они имеют дело с людьми, лишенными всяких средств.

Мужики с большим недоверием смотрят на этот хлеб; они боятся, чтоб семена так и не остались в земле без всякого всхода (мы увидим ниже, что опасения были не напрасны); они объясняют, что хлеб немецкий, выросший в колониях, на берегу Волги, где земля другая, чем в местностях всего более нуждающихся, часто степных, что этот хлеб хорош для земель колонистов, для земель, по выражению крестьян, легких, но еще вопрос, уродится ли он на землях крестьянина».

В начале апреля писали в другую газету из Петровского уезда Саратовской губернии, что «голодные самарцы наполняют уезд целыми сотнями, бродя со своими изнуренными клячонками из конца в конец».

В начале мая писали из Кисловодска, что туда тоже прибыло несколько семейств самарских переселенцев. «Бледные, истомленные лица говорят лучше всяких газетных сообщений о тех лишениях, которые они перенесли у себя дома».

Но как же порядочному *европейскому* правительству было дозволить подобный беспорядок, чтобы голодные нищие несли повсюду свои истощенные лица. Терпеть это было невозможно, и вот в конце мая встречаем известие, что «разбежавшихся с го-

лоду самарцев начинают доставлять на место жительства. Часто видны партии самарцев, пересылающихся *по этапу,* так как они бежали без билетов, а у некоторых хотя и были билеты, но уже просроченные». Какой ужасный беспорядок! Так, так, мудрое императорское правительство; голодных следует рассматривать как преступников и везти по этапу, т. е. от острога к острогу... уж не в кандалах ли?... Как смели голодать эти несчастные?... Они должны были смиренно умирать на месте, благословляя заморивших их голодом эксплоататоров, правительственных и общественных, но разбегаться, и еще «без билетов» или «с просроченными билетами»... В кандалы, в кандалы!

В конце апреля платили в Бугульминском уезде за воз соломы 2 р., за воз сена 3 р., и опять видим из корреспонденции, что бюрократическая формальность легла страшною казнью на крестьян. «Пшеница большею частью невсхожая (по народному выражению), и семян, не потерявших хотя отчасти силу роста, сыскать весьма трудно, что следует сказать и о семенах полбы. Нуждающиеся крестьяне, не получившие до сих пор хлеба на продовольствие, просили управу о выдаче им семенного зерна, но встретили отказ, почему, разумеется, поля их останутся незасеянными. Управа, в свою очередь, ссылается на то, что волостные правления не доставили своевременно списков нуждающихся... Крестьяне сначала, пока был у них в запасе семенной хлеб, не просили пособия, *боясь дорогой платы* за казенное (по их выражению) зерно. Просьбы стали поступать уже в марте, когда семенной хлеб у них весь вышел, израсходован на продовольствие. Вообще во многих волостях... некоторые достаточные получили пособие, а многие бедные не получили оттого, что не заявили о своих нуждах в срок».

В конце мая писали из Бузулука, что «у многих недостало семян, а покупной хлеб дорог для крестьянина». Кто сеял 30—40 десятин, теперь сеет 8—10; кто сеял 5—6 десятин, теперь рад, если успел посеять 1½—2 десятины.

В июне писали из Бугуруслана, что «нынешние засевы у крестьян, вследствие недостатка в деньгах, семенах, рабочих лошадях, уменьшены почти наполовину». Это у тех, кто имел еще что-нибудь. «Рабочие руки, конечно, весьма дешевы; находится много таких людей, которые до начала уборки хлеба идут в домашнее услужение из одного только прокорма, без всякой платы».

Совершенно естественное следствие безвыходного положения самарских крестьян приходится видеть в подобных фактах, как появление в начале января шайки в Бугульминском уезде. Это были, по известиям газет, жители Бугурусланского уезда, деревни Ключей. Они приехали прокармливаться подаянием, но подаяние было слишком скудно, и они стали воровать по базарам. Та же несчастная Самарская губерния выставила в марте в Спасский уезд Казанской губ. голодных пришельцев с семействами,

которые стали воровать хлеб из запасных магазинов. Фатальные причины приносили свои неизбежные последствия. Еще позже, весной, в Бугульминском уезде появилась шайка, которая наводила ужас на весь уезд; ее принимали за черкесов, но она состояла, повидимому, частью из татар. Причины были все те же.

Но с конца февраля известия о положении голодающего края становятся редки и осторожны. Мы сейчас увидим ниже причину, по которой корреспондентам газет, положение которых в провинции и без того весьма щекотливо, приходилось умалчивать о мрачных картинах бедствий самарцев.

Но молчание безыменных корреспондентов с лихвою вознаграждается тем, что мы имеем официальные отчеты бывшего самарского губернатора Аксакова, делопроизводителя лифляндского Центрального комитета Шварца [136], уполномоченного «Общества попечения о раненых и больных воинах» графа Орлова-Давыдова, наконец, всеподданнейший рапорт командированного в Самарскую губернию «по высочайшему повелению» генерал-адъютанта Яфимовича 1-го. Все это — особы не мелкие, а, главное, осторожные, и за умеренными речами первых трех посланных можно угадать гораздо более красивые картины. Последний — особь статья; как доверенное лицо русского императора, он заслуживает особого внимания и занимает, действительно, особое положение.

Шварц сначала описывает благополучное положение немецких колоний, где «голода не существует», а потом впечатление, производимое Николаевским и Самарским уездами, пораженными неурожаем. «Вместо колоний, напоминающих городки, начинаются длинные деревни с их хижинами, крытыми соломой и обмазанными глиной. Нигде нет и следа скирдов хлеба, которые в Саратовской и Самарской губерниях обыкновенно оставляются на зиму в полях, так как тамошние крестьяне не имеют сараев. Мельницы стоят без дела; крыши хат уже раскрыты, чтоб соломой с них прокормить скот хоть на некоторое время. Во всякой хате путешественника поражает одна и та же картина: в темной сырой комнате, у часто нетопленной печки, сидят взрослые и дети в глубоком отчаянии: они жалуются на голод и холод, так как в бедной лесом Самарской губ. крестьяне топят свои дома кизяком, приготовляемым из соломы и навоза, и голодные терпят недостаток не только в хлебе, но и в топливе. Во многих хатах в настоящее время живут только женщины, дети и старики; все способное к работе мужское население отправилось на заработки на сторону, но заработки многого не могут доставить... В некоторых деревнях Николаевского уезда, через которые проезжал г. Шварц, хлеба уже вовсе не было; жители не разводят картофеля и потому принуждены есть болтушку из дурной муки, соли и воды; в других деревнях был хлеб, но с лебедою... Для своего прокормления и для уплаты податей крестьяне принуждены продавать свой скот по баснословно низкой цене. В других местах отдают скот

на зиму соседям на прокормление из-за половины, т. е. весною хозяин получит только половину скота, который он сдал на прокорм. Наибольшим бедствием поражен Бузулукский уезд; там уже целые дома покинуты жителями; в других мать семейства нарочно не открывает ставень целый день, чтобы тем только обмануть голодных детей, что еще ночь и рано кушать... Терпение и покорность, с которыми население переносит удручающее их бедствие, поистине удивительны».

Граф Орлов-Давыдов пробыл четыре недели (как много!) на месте голода, поехал в Бузулукский уезд, как сам говорил, чтобы «составить себе хотя бы поверхностное (sic!) понятие о состоянии населения и расположения умов в нем», даже взял с собою «одного из опытнейших агрономов в России», какого-то фон-Бруммера [137]. Результатом поездки был напечатанный особо отчет, из которого мы заимствуем следующее: «При остановке в деревне меня обступили толпы голодных, которые просили хлеба. Я должен, однако, заметить, что люди не имели изнуренного вида»,— замечает осторожный граф, хотя, по сообщаемым им же сведениям, нужно было какое-то физиологическое чудо, чтобы народ *не был* изнурен. Об «опытном агрономе» граф, не полагающийся на собственную наблюдательность и понимание, пишет: «Он обозревал со мною и без меня множество крестьянских домов и дворов в Бузулукском уезде и был поражен упадком в крестьянском состоянии, дошедшем в разных случаях до совершенной нищеты. Впрочем, и поверхностный наблюдатель не может в том усомниться».

«Самое разительное доказательство крайности, — говорится в другом месте отчета,— составляет хлеб, которым часть населения питается. Он испечен с значительной примесью лебеды и желудей. Хлеб этот тяжел, как свинец, и производит тошноту и чувство жжения в горле. Обозрев местный крестьянский скот, я был поражен его тощим видом... Корма для него нет вовсе, и крестьяне принуждены, за недостатком сена, кормить скот здешним растением, называемым «катун», более похожим на хворост, чем на зеленый корм. Крестьяне жаловались на распоряжение, которым в начале февраля была производима выдача хлеба от земства только по полпуда на каждого едока в месяц. Они указывали на невозможность обойтись таким пособием, так как заработков почти нет и скот, при низких ценах на него и недостатке корма, составляет не подспорье в хозяйстве, а только лишнее бремя. Действительно, я видел немало крестьянских домов, раскрытых, чтобы прокормить скот хотя гнилой соломой. В настоящем бедствии, как всегда бывает в подобных случаях, средства вспоможения далеко не соответствуют размерам бедствия».

Не лишены интереса письма г. Аксакова, заключающие отчет о его деятельности, как потому, что они обнимают обширный промежуток времени, так и потому, что из них видно, как бюро-

кратизм, мелкие соперничества и полное равнодушие к делу разных ведомств, участвовавших в пособии, затрудняли дело и ухудшали положение голодных, насколько могли. Для большей ясности приводимых слов напомним читателю, что в период, о котором пишет Аксаков, должна была раздаваться продовольственная ссуда из специальных для того существовавших комитетов, и упомянем здесь же о замечательной мере, к которой мы еще вернемся ниже, именно об определении «нормы пособий», заключавшей в себе, как «главное основание», следующее: «взрослые работники не получают никакого пособия» («Прав. Вестн.», 76, стр. 1). Итак, г. Аксаков писал 18 марта в «Московские Ведомости» между прочим следующее:

«Конец января, весь февраль и начало марта покупаемый мною хлеб на присылаемые пожертвования составлял во многих местах *не дополнение* к продовольственной ссуде, *а ее замену*. Я назначил пособие на короткий срок, дней на 7 и 10, в ожидании выдачи ссуды, которая замедлилась сначала по случаю составления новых списков для Центрального комитета, потом по случаю их проверки и назначения по оным продовольственной комиссией размера пособий, согласно выработанным комитетом правилам, наконец, по случаю развоза хлеба по волостям. В виду крайности, испытываемой населением в ожидании ссуды, я вынужден был возобновить выдачу продовольствия по нескольку раз одним и тем же лицам, рассчитывая по фунту муки на день на едока, и таким образом я роздал в январе и феврале слишком 23 тысячи пудов ржаной муки. В настоящее время списки, по коим должно производиться пособие, разосланы по волостям, и выдача продовольствия началась. Часть нуждающихся, поддерживаемая в своем существовании на пожертвования частных лиц, уменьшилась, но остались многие из них, сильно бедствующие и получавшие до того пособие, которые не подошли под правила комитета, и явились многие новые, не испрашивавшие доселе пособия от частных лиц: эти последние — большей частью хорошие домохозяева — боролись терпеливо с нуждой, продавали, что можно, чтобы сберечь рабочую скотину и небольшое количество семян и засеять землю, приготовленную с осени к яровому посеву. Теперь им предстоит разорение. Настали март и апрель, *самые трудные месяцы для перенесения бедствия* (очень просим читателя обратить внимание на подчеркнутые здесь слова), в которые пособие имеет решительное влияние на дальнейшую судьбу целого семейства. Нужно не только поддержать жизнь рабочей лошади, но и восстановить ее силы к пашне, начинающейся здесь нередко в начале апреля. Без подкормки лошади пашня будет дурна, и количество предполагаемых засевов, значительно уменьшенное против прошлого года, по неимению семян, еще более сократится. Между тем корм чрезвычайно дорог, сено стоит 3—4 рубля воз, солома столько же, но ее почти нельзя найти, а на покупку их или под-

сыпку и для месива не имеется средств... Я выдаю иным на корм скотины по рублю, по два и по три, а также на покупку лошадей, павших от бескормицы или усиленной перевозки хлеба по волостям, и продолжаю еще прикупать пшеницу на семена в виду того, что некоторые, по ошибке или случайно, вовсе не были внесены в списки, представленные в комиссию, заменившую уездную земскую управу по раздаче продовольствия; другие были исключены из списков комиссиею как не подходящие под правила комитета; иные хотя и получают семена, но в таком малом количестве, что посев их не может служить пособием к поправлению их положения».

От 18 июля г. Аксаков поместил в «Голосе» отчет, из которого берем следующее:

«В последней половине марта и в апреле месяце, кроме усиленной раздачи ржи и муки на продовольствие, производилась раздача пшеницы на семена, а потом раздавались просо и греча... Несмотря на усиленные засевы проса, которого на десятину требуется не более 2 пудов, число десятин, оставшихся незасеянными яровым хлебом, должно, по примерному моему исчислению, составлять более трети прежнего посева. В апреле пашня производилась медленно, по причине бессилия лошадей от медленного роста трав. Лошадей пало много. Смотря по составу семейства и числу скота, иным выдавались деньги на покупку лошадей, а иным на обработку яровых полей наймом... Недостаток продовольствия с половины мая снова стал сильно чувствоваться. Продовольствие от земства было выдано по правилам, выработанным Центральным совещательным комитетом, в крайне ограниченном размере и притом сперва только до июня. Продовольствие в волостях, принятых самарским дамским комитетом о. п. о ран. воин. в свое ведение, было выдано до июля. Урожай травы равнялся двухлетнему и, естественно, требовал усиленной пищи, а между тем цены на ржаную муку дошли до 2 р. 20 коп.; заработками же от косьбы могли воспользоваться немногие, так как большая часть крестьян нанялась на работы с осени и зимы по низким ценам и давно уже проела полученные деньги. Имевшиеся в моем распоряжении пожертвования частных лиц снова... дали возможность иным прокормиться до получения пособия от земства, ставшего около половины июня опять выдавать продовольствие, другим — до той поры, когда стало возможным жать полусозревшую рожь, сушить ее на печах и есть, наконец, свой собственный хлеб. Жнитво началось около 8 июля, а с ним начались и дожди; рожь, обещавшая огромный урожай, совершенно легла, и снова надежды стали омрачаться. Молотить очень трудно, хлеб все еще дорог, около рубля за пуд. Перед обработкой пара я много роздал денег на покупку лошадей. Оставшиеся деньги будут употреблены на оставшихся нуждающихся, в числе которых попада-

ются такие, которые всю зиму и весну терпели, не просили пособия и теперь дошли до положительного расстройства».

Всеподданнейший рапорт почтенного генерал-адъютанта Яфимовича 1-го мы пока еще отложим в сторону, по особому интересу, им представляемому в связи с правительственными мерами, а теперь покончим с пожертвованиями и пособиями, стекавшимися к самарцам из разных источников за этот период голодания.

Относительно этих пожертвований мы имеет теперь совершенно определительные данные, именно официальный журнал *последнего* заседания «Центрального совещательного комитета для пособия пострадавшему от неурожая населению Самарской губернии», напечатанный в «Правительственном Вестнике». Замечательно, что это заседание происходило 16 апреля, а журнал его обнародован лишь 12 июня, почти через два месяца. Должно быть, самарский голод — дело столь маловажное и малоинтересное, что и русская публика не нуждается в скорых сведениях о нем, и правительство в своем официальном органе не находит нужным торопиться сообщением этих сведений. К чему заботиться о столь черном деле? У правительства русского есть тысяча предметов интереснее голодающего народа; цивилизованное общество не хочет расстраивать себе нервы, думая о столь некрасивых картинах. Кто станет читать этот сухой, официальный отчет?

Но мы прочли его и думаем, что *наши* читатели найдут в нем кое-что интересное, даже очень интересное. Посмотрим, как люди, выбранные для специального дела помощи голодающим, исполнили свою обязанность.

Мы видели выше, что сначала одни не думали о голоде, другие игнорировали его во имя своего официального права видеть только «процветание всюду». Потом вдруг вошло в моду толковать о голоде и собирать пособия. Собирал их даже Трепов. Завелись комитеты. Стали петь и плясать, веселиться и пировать в пользу голодающих. Администрация возревновала. Самарские комитеты подчинены были централизации административной. Общество попечения о раненых и больных воинах, принявшее на себя заботу о голодных, стало под покровительство императрицы. Все комитеты и благотворения были централизованы в ноябре под руководством Центрального совещательного комитета. Он был явно органом правительства, органом администрации, и это оказалось совершенно явно. В его журнале от каждой строчки веет враждой к пустоголовому, бессильному, бесхарактерному земству, в котором представители правительства подозревают небывалую самостоятельность, небывалую оппозицию. Земство, волостные правления во всем виноваты. Администрация безгрешна. Посмотрим же действия этого органа правительства, временно созданного для помощи страшному бедствию.

Во-первых, узнаем, что губернское земское собрание в ок-

тябре 1873 г. определило, приблизительно, сумму нужного пособия в 2 915 758 р. Затем видим, что волостные правления собрали сведения о числе нуждающихся в уездах, и далее видим, что Центральный комитет составил правила, по которым выходило, что нуждающихся там меньше. Высшей администрации, должно быть, судить удобнее.

Приводим сравнительную таблицу по уездам процентного содержания населения, нуждающегося в продовольствии по расчету волостных правлений и Центрального комитета.

Уезды	По расчету вол. правлений (в %%)	По правилам Центр. комитета (в %%)
Бузулукский	68	58
Николаевский	54	44
Бугурусланский	43	41
Бугульминский	40	39
Самарский	55	45
Всего по губернии	53	46

Оказывается, что число нуждающихся было сокращено мудрыми соображениями Центрального комитета с 729 541 души на 626 400 душ. Иначе говоря, сытые благодетели, избранные для оказания пособия нуждающимся свыше, объявили 103 141 голодному, что они не имеют права считать себя голодными.

Этого блестящего административного результата достигли следующим образом.

«По воспоследовании высочайше утвержденного 30 ноября положения комитета министров о даровании ссуды на продовольствие пострадавшего от неурожая населения губернии и обсеменение полей и по открытии вслед затем Центрального совещательного комитета оказалось прежде всего необходимым для придания делу пособия более правильной организации, в виду явной неудовлетворительности сведений, доставляемых волостными правлениями в земские управы о числе нуждающихся, собрать более точные о сем данные. Для этого потребовалось составление вновь списков о нуждающихся, что и было возложено на волостные правления, и им в руководство были даны от Центрального комитета правила, имевшие целью не допустить внесения в эти списки семейств, быт которых представляет явные признаки довольства. Списки эти составлялись в январе месяце, когда потребность в пособии достигла высшего уровня, так как запасы, оставшиеся с осени, уже были истощены и никаких заработков не представлялось. На уездные земские управы была возложена поверка вновь составляемых списков на местах; но как дело это или не было исполнено вовсе теми лицами из гласных, к которым управы обращались за содействием (в Бугурусланском уезде),

или во многих местностях было сделано не вполне удовлетворительно, то Центральный комитет был вынужден принять на себя назначение размера пособий для каждого семейства на основании нижеследующих им выработанных правил: *на взрослых работников в семействе пособия не полагать,* а назначать такое только на прочих едоков семейства»...

Как? Почему? Поставил ли комитет себе целью обессилить голодом именно тех работников, которые служат опорой семьям? Или имел он в виду побудить взрослых и сильных работников отнять порции малолетних, женщин и стариков? Или он поставил себе целью заставить взрослое население Самарской губернии выселиться и понести нищенскую суму в другие местности, недостаточно обнищавшие, в местности, откуда этих нищих препровождали бы обратно «по этапу» для вящшего их научения отечественным порядкам? Тайна мудрого распоряжения осталась при комитете, но надо думать, что он имел какие-то таинственные государственные побуждения в этом случае.

Раз став на путь экономии, комитет не остановился на обречении на голод взрослых работников Самарской губернии. Он определил уменьшить пособия еще «на четверть», «наполовину» или исключить совершенно семьи, «из числа нуждающихся в продовольствии», если в семье сохранились какие-нибудь следы скота мелкого или крупного.

Мало того, он решил a priori, прежде изменения расчета, что дамские комитеты и другие учреждения дают слишком много самарцам, что эти неумеренные голодающие могут пострадать от слишком жирной порции и что эту порцию в феврале следует уменьшит *наполовину*. Цитируем слова официальных благодетелей.

«Определенное, на основании этих правил, пособие назначено на три месяца, начиная с марта, так как только к этому сроку была окончена поверка списков и сделаны по ним назначения; на февраль же месяц разрешено было выдать по тем же спискам, как и в январе, но лишь по ½ пуда на каждого едока, в виду дознанной неправильности этих списков, а также недостатка средств для более значительного пособия.

Все вышеизложенное относится к пособиям, выдававшимся от земства как на счет ссуды, полученной от правительства, так и на счет частных пожертвований; пособия же от дамского комитета производились первоначально в размере, определенном для каждой семьи лицами, поверявшими на месте положение нуждающихся, но который ни в каком случае не превышал 1 пуда в месяц на едока; когда же, с увеличением средств комитета, ему представилась возможность более обширной деятельности, то он пользовался списками, составленными по указаниям Центрального комитета, и в назначении своих пособий руководился правилами, сходными с принятыми Центральным комитетом, но несколько более широкими».

Как мы сказали выше, таинственные побуждения Центрального комитета остались недоступными простым смертным, но результат, очевидный для всякого, получился блестящий: *более 100 000 человек голодных были объявлены не голодными.*

Эти мудрые правила, парализовавшие и ту жалкую деятельность по пособиям голодным, которая проявлялась в лилипутских порывах самостоятельности дамских комитетов, вызвали воркотню даже журналов, вовсе не расположенных к оппозиционной деятельности. Один из них писал:

«Деятельность самарского дамского комитета, вместе с деятельностью г. Аксакова и других частных лиц, не только предупредила мероприятия состоящего под председательством местного губернатора Центрального совещательного комитета, но и восполнила во многих случаях эти мероприятия. Из напечатанного письма г. Аксакова, бывшего самарского губернатора, известно, что система распределения правительственных и частных средств, предоставленных в распоряжение Центрального совещательного комитета, не предотвращала разорения даже тех крестьян, которые успели еще сохранить часть рабочего скота к началу весны; с другой стороны, означенная система не только не выведет крестьянское население Самарской губернии из нынешней «нужды», но приведет его будто бы к «настоящему голоду» не далее, как в будущую зиму. Не придавая веры подобным опасениям (о, конечно! конечно!), можно было, однакож, заключить, что во всяком случае не самарский дамский комитет нуждается в преподавании ему каких-либо новых руководящих начал для его деятельности». Автор статьи при этом напоминает, что дамский комитет только что получил благодарность от своей «августейшей покровительницы», именно императрицы, и вдруг... вообразите, какой пассаж! Императрица официально благодарит самарский комитет, а губернатор столь же официально ему заявляет, что вы, дескать, без правил свыше делаете только глупости, а, чего доброго, еще революцию затеваете, а вот я вам «преподам в руководство правила». И действительно: «г. самарский губернатор счел нужным преподать *в руководство* дамскому комитету 22 марта нынешнего года, т. е. спустя девять дней после получения в Самаре телеграммы с выражением означенной августейшей благодарности, те правила относительно размеров пособия, которые определены Центральным совещательным комитетом, состоящим под председательством его, г. губернатора. Вследствие этого распоряжения дамский комитет лишился возможности производить раздачу дополнительных пособий в тех местностях, которые пользуются помощью по системе Центрального совещательного комитета, несмотря на то, что размер этой помощи «значительно менее против назначенного дамским комитетом». Сверх того, имея в виду, что «данные губернатором в руководство комитету указания лишают его той самостоятельности, которою он поль-

зовался доселе в определении размера пособий», самарский дамский комитет вынужден был также «прекратить дальнейшую деятельность свою в назначении вновь пособий на продовольствие в местности, не входившие до сих пор в круг его действий». Итак, частная благотворительная деятельность даже такого учреждения, как отдел состоящего под высочайшим покровительством общества попечения о раненых и больных воинах, лишается в Самарской губернии той самостоятельности, которою она до сих пор пользовалась, и притом почти непосредственно вслед за августейшим одобрением этой деятельности. Удивляться ли после этого тем пререканиям, которые происходили в Самарской губернии в прошлом году между местною администрацией и земством, о деятельности которого в настоящее время вовсе даже и не слышно?».

Жалкое земство! Жалкие местные деятели! Позорные органы администрации! Но комичнее всех роль императрицы. Ей, конечно, нет никакого дела до всех этих комитетов и обществ, в которых она состоит «августейшею покровительницей», но все-таки у нас не умеют охранять даже внешности той безобразной формы правления, которую думают поставить выше всего. Из боязни дать какую-то тень самостоятельности совершенно бессильному обществу выставляют на посмешище «благочестивейшую и самодержавнейшую» жену императора... Впрочем, если она не обижается и император находит эти фарсы в порядке вещей, отчего и не надеть им дурацкого колпака? Для нас это может быть *только* приятно.

Но что же это была за громаднейшая деятельность общественная, которая становилась опасна для администрации? Что же собрали все эти комитеты самарские, петербургские, московские и т. д. и т. д.? Что же пожертвовали богатые города, которые так усердно сыпали драгоценности к ногам дочери императора? Что собрали земства? Что вытанцовали, выпели, выпраздничали, выболтали члены цивилизованного меньшинства на всех этих пикниках, концертах, лотереях, базарах и т. д. и т. д.?

Всего 926 364 р. 87½ к. *.

Даже одного миллиона не могли набрать эти железнодорожные спекулянты, эти кутилы и жуиры, эти бары и чиновные воры. А откройте-ка завтра подписку на акции и облигации, которые можно продать с премией... Тут сотни миллионов будут подписаны в один день...

Это не предположение, это — факт. Берем один из многочисленных примеров. В *два дня* подписки на Привислинскую, Уральскую, Оренбургскую дорогу, 12 и 13 апреля 1874 г., в государственный банк в Петербурге и в Москве было внесено

* В «Правит. Вестн.», 1874, № 138, показано всего 905 804 р. 61¾ к., но мы заменили сумму, полученную г. Аксаковым до 28 февраля, суммою, указанною им в отчете 18 июля.

159 446 095 р. 58 коп., из котрых не менее 60 000 000 р., (а, вероятно, гораздо более) должны были быть внесены *наличными деньгами* и до 140 000 000 р. *было занято* на время подписки, так что более 3 000 000 р. было истрачено непроизводительно для народного хозяйства за то лишь, чтобы получить *право* на сооружение двух железных дорог. На это, как видите, деньги есть, и много денег.

А голодным самарцам *одного* миллиона никак собрать не могли.

А чего тут не было? Даже Петербургское общество страхования от огня, по предложению одного акционера, пожертвовало *из прибылей* 1873 г. громадную сумму в 3 000 р. в пользу голодающих. Вот уже благодетели! Последней рубашки не жалеют. — А что получают ежегодно господа директора этого общества?

Чего тут не было? Сюда входили и пожертвования императорской семьи. Впрочем, у них в нынешний голодный год так много расходов на собственные праздники. Поголодайте немного, верноподданные самарцы.

Тут было и 1 725 р., собранных тульскою думою да по подписке тульским городским обществом. — А что стоило блюдо, поднесенное вами дочери императора, почтенные туляки? Нельзя ли сообщить?

Тут были и мелкие копеечные сборы, которые полуголодный народ со всех концов России посылал голодным братьям.

Приводим немногие из многочисленных примеров.

Крестьяне семи волостей беднейшего уезда, именно Новоржевского, одной из беднейших губерний, собрали 343 рубля 65 копеек.

В деревне Ломоносовке, на дальнем севере, около Холмогор, крестьяне дали театральное представление в пользу самарцев.

Из того же голодного севера, где в *урожайный* год в хлебородном уезде недостает 71 000 четвертей для прокормления жителей, в одной волости этого самого уезда (Шенкурского) собрали 90 р. для самарцев.

Арестанты симферопольского исправительного арестантского отделения из скудных сбережений от заработков у частных лиц собрали 17 р. 10 к.

По частным сведениям, которых мы не видели в газетах, рабочие Обуховского сталелитейного завода собрали по подписке около 40 р., и один из цехов этого завода пожертвовал по одному рабочему дню с каждого работника.

Когда народ давал, что мог, цивилизованное общество, жадное до спекуляций, отличалось своею скаредностью. Но всего больше отличилась Москва. Парламентские прения ее думы по поводу пособия должны быть внесены в хронику нравственного развития нашего общества. На просьбу бугурусланской управы выдать заимообразно весьма небольшую сумму дума первопрестольного

города отвечала отказом. Мы еще вернемся ниже к этим двум весьма характеристическим явлениям.

Мы еще ниже скажем и о том, как обвешивали, обкрадывали голодных, как эксплоатировали голод крупные воры, цивилизованные классы, и каковы оказались представители этих классов в это тяжелое время. Теперь обратимся к деятельности правительства.

И на этот счет мы имеем вполне официальное и бесспорное свидетельство правительственного сообщения, напечатанного в «Правительственном Вестнике». И здесь опять столь же поразительное внимание к публике: позднейший факт, внесенный в правительственное сообщение, относится к 15 апреля, а напечатано оно 11 июня.

В нем находим между прочим следующее:

«По недостаточности первоначально ассигнованной правительством самарскому земству ссуды из общего продовольственного капитала 1 050 000 р. (скажите, как трудно это было видеть в самом начале!), министерством внутренних дел было отпущено 25 января сего года 150 000 р. и затем 24 февраля 250 000 р.». И только? — Да, читатель, ни копейки более. Но погодите; следует обратить внимание на следующее:

«Независимо от изложенных выше мер по обеспечению народного продовольствия Самарской губернии, по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел, 28 декабря 1873 г. высочайше повелено: 1) для удешевления заготовки и облегчения возможности своевременной раздачи хлеба нуждающемуся населению Самарской губернии предоставить, в виде временной меры, начальнику губернии, губернской и уездным управам требовать, через подлежащие волостные правления, обязательного, в виде общественной повинности, наряда подвод, установив при этом нормальную плату за провоз по 7 коп. с пуда за каждые сто верст; 2) в пределах уезда на расстоянии 40 верст наряд производить бесплатно; 3) при доставке свыше 40 верст и в пределах уезда уплачивать за подводы по вышеустановленному нормальному расчету; 4) плату за означенный провоз производить на счет заготовки из тех же сумм, за которые будет закупаться хлеб». Мы видели выше, как тяжело легло на крестьян это распоряжение заботливого правительства. Наконец, встречаем далее:

«При назначении всех означенных выше продовольственных ссуд обусловлено: 1) что пособия из них нуждающимся должны быть выдаваемы не деньгами, а хлебом... 2) что ссуды выдаются нуждающимся крестьянам под личную заемщиков ответственность, круговое же ручательство крестьянских обществ может быть допускаемо лишь за вдов и сирот, и 3) что ссуды на продовольствие *возвращаются по истечении трех лет,* ссуды же на обсеменение полей *подлежат возврату из урожая сего 1874 г.*».

Итак, правительство осталось верно своей системе скаред-

ности относительно голодного народа. Оно сначала дало на-смех 50 000 рублей, потом положило миллион, когда уже было совершенно очевидно, что этого далеко нехватит. Наконец, прикинуло, скрепя сердце, 400 000. Итого «благочестивейший император», тратя десятки миллионов ежегодно на себя и на свою семью, соблаговолил кинуть для 730 000 голодного населения 1 450 000 р., т. е. немножко меньше *двух рублей* на брата... Истинный отец народа!..

Но и это не так: эти два рубля без копеек на голодного мужика не даны, а *ссужены*. В настоящую минуту (август) часть их тащат уже с крестьянского гумна: это было *ссужено* на обсеменение. Остальную часть вымучат через три года: это было *ссужено* на продовольствие. А не то еще потащат с голодного *проценты*. Царская копейка не пропадет, а дарить мужику с какой же стати...

Немудрено, что Центральный комитет пытался всеми средствами уменьшить число голодных. Немудрено, что сочинил мудрые правила, чтобы скинуть со счету сотню тысяч разоренного народа. Надо было угодить его величеству. Ему нужны деньги на свадьбу дочери, нужны на поездку в Англию — и императора особо и императрицы особо; нужны они на придворных, на генеральство, на благородных шпионов, а мужика можно и поприжать...

Цивилизованные классы в своей филантропии и царь в своей великой милости дали вместе 2 376 364 руб. 87½ коп. для 729 541 человека голодных, или меньше 3 р. 26 к. на душу, причем 2 р. дано в долг.

Но нужно было еще успокоить благодушного императора. Страдания голодного народа мешали ему есть, пить и спать. Он командировал своего генерал-адъютанта, «царские очи», чтобы увидеть на месте, не басня ли весь этот рассказ о народном голоде. Сделанный выбор был как нельзя более удачен. Генерал-адъютант Яфимович 1-й сумел увидеть то, что следовало видеть, и умел донести то, что надо было донести, как удобнее было это сделать.

Мы видели, каково было положение дел. Вот что доносит генерал-адъютант Яфимович 1-й.

«Во исполнение высочайшей воли вашего величества, ознакомившись с положением Самарской губ., имею счастье всеподданнейше повергнуть на всемилостивейшее вашего императорского величества усмотрение уверение в том, что бедствие неурожая, поразившее часть этой губернии, при всей своей жестокости, не имело, однакоже, для населения прискорбных последствий, каких можно было опасаться. (Ах, как приятно!).

До настоящего времени не было известий о появлении гделибо повальных болезней, хотя нельзя отрицать, что недостаточная и дурного качества пища, вероятно (только вероятно),

усилила в некоторой степени смертность против обыкновенного ее уровня.

Не было также достоверных сведений о каких-либо случаях смерти от голода. (Все врут газеты: их надо построже!). Такие случаи, должно надеяться, не встретятся и впоследствии. (Само собой разумеется). Хотя число нуждающихся в пособии на продовольствие постоянно возрастает и будет еще возрастать, по мере истощения своих средств, но можно иметь уверенность, что помощь, оказанная уже правительством и щедрыми частными пожертвованиями, устранит нужду в продовольствии населения. (Оно не совсем логично, но зато как утешительно!).

Вобще за принятыми ныне мерами Центральным совещательным комитетом под председательством губернатора определена правильная раздача пособия хлебом и сделан окончательно заподряд хлеба для обсеменения весною полей, и, повидимому, самое трудное время уже миновало. Но не могу умолчать пред вашим величеством, что уездные управы распоряжались медленно и некоторые мировые посредники не исполняют точно своих обязанностей. (Уж это земство! Все сплошь, как есть, наикраснейшие революционеры!).

Поздняя выдача вспомоществований заставила многих крестьян для прокормления своих семейств распродать за бесценок рабочий скот и лишила их средства сделать весенний посев... (Это все земство виновато, а вот каков *наш* человек, администратор:)

Самарский губернатор принял все меры, от него зависящие, для правильного удовлетворения нуждающихся жителей губернии. О его заботах и неутомимой деятельности считаю долгом засвидетельствовать пред вашим императорским величеством.

Полученные мною деньги от щедрот вашего величества (это все из упомянутых выше 926 000) были розданы беднейшим жителям в некоторых волостях Николаевского, Бузулукского и Бугурусланского уездов на покупку хлеба. Жители этих волостей вознесли теплые молитвы за здоровье и благоденствие вашего величества».

И действительно: «Самарские Губернские Ведомости» сообщали, что «командированный в Самарскую губернию по высочайшему повелению генерал-адъютант, генерал-от-артиллерии Яфимович 1-й из назначенных в его распоряжение сумм от монарших щедрот выдал пособия наиболее нуждающимся сельским обществам Бузулукского, Бугурусланского и Николаевского уездов и, сверх того, препроводил некоторые суммы в распоряжение преосвященного Герасима, епископа Самарского и Ставропольского [138], для пособия нуждающемуся духовенству, и самарскому городскому голове — на усиление средств дарового обеда. Пособия нуждающимся крестьянам его высокопревосходительство раздавал частью лично, частью чрез состоящего при нем адъютанта, который был командирован в нуждающиеся селения. Крестьяне,

получившие пособие от монарших щедрот, выражали при этом чувства благоговейной признательности и верноподданнической преданности государю императору, всемилостивейше соизволившему отнестись с живейшим участием к их нуждам. Многие сельские общества прислали генерал-адъютанту Яфимовичу благодарственные адресы. В церквах тех селений, жителям которых выданы пособия от монарших щедрот, были отслужены молебны о здравии и долгоденствии его императорского величества».

Вот, что называется, попал в тон, и, не правда ли, мы были правы, говоря, что этот «командированный генерал-адъютант» совсем особь статья. Сейчас видно человека, близкого к императору: что за благородный тон! что за искренность речи! что за гражданская доблесть!

Зато какие блестящие последствия имела эта поездка!

3 февраля появился в «Правит. Вестн.» рапорт Яфимовича. 22 февраля же в «Санктпетербургских Ведомостях» было напечатано отношение Тимашева[139] к Трепову, чтобы «общественные управления» не делали «из принадлежащих городам сумм разных пожертвований», не спросясь. Очевидно, император, вникнув в рапорт Яфимовича, догадался, что это его все обманывают, голода *почти* никакого нет и все эти сборы и пособия — баловство.

Затем последовало распоряжение и еще крупнее.

Чрез несколько дней появился приказ Трепова: «В исполнение распоряжения г. министра внутренних дел, предложив, вместе с сим, с.-петербургскому комитету для помощи нуждающимся жителям Самарской губернии ныне же снять наклеенные и выставленные в разных местах столицы объявления комитета о пособии нуждающемуся населению Самарской губернии, объявляю об этом по полиции. К сему считаю нужным присовокупить, для сведения полиции, что производимый разными лицами сбор в церквах в разные кружки на пользу нуждающегося населения Самарской губернии на будущее время не должен быть допускаем».

Почти одновременно с тем, 26 февраля, главное управление общества попечения о больных и раненых воинах напечатало в «Правительственном Вестнике», что оно «испросило разрешение прекратить дальнейший сбор пожертвований для этой специальной цели во всех учреждениях общества, кроме самарского дамского комитета, который будет продолжать свою деятельность как по приему пожертвований, так и главнейшим образом по распределению пособий — впредь до окончательного минования в том надобности».

Затем 16 апреля состоялось заседание Центрального совещательного комитета, отчетом которого мы воспользовались выше, но конец этого отчета помещаем лишь теперь. Там говорилось следующее: «Губернатор заявил, что, за окончанием производящихся в Центральном комитете работ по распределению по-

собия нуждающемуся населению и вообще за принятием всех необходимых мер к обеспечению продовольствия крестьян и обсеменения их полей, не представляется более надобности в дальнейшем существовании Центрального комитета, а потому, предполагая ходатайствовать о закрытии комитета, он нашел необходимым предварительно подвергнуть настоящее свое мнение на обсуждение Центрального комитета. Равным образом, высказал губернатор, в настоящее время могла бы быть отменена общественная повинность по обязательному наряду подвод для перевозки хлеба, так как весь хлеб развезен уже на места потребления, в доставке же заподряженного губернскою управою продовольственного хлеба на междупарье и вообще в отдельных случаях перевозки хлеба не может быть встречено таких затруднений, которые в самом начале дела вызвали вышеозначенную меру. Соглашаясь с мнением губернатора, члены комитета пришли к единогласному заключению, что как в дальнейшем существовании Центрального комитета, так равно и временной общественной повинности по обязательной развозке хлеба не встречается более надобности».

Итак, самарский голод кончился. И все это сделал генерал-адъютант Яфимович 1-й. Поехал, усмотрел, осчастливил крестьян, заставил их «воссылать теплые молитвы», и голод как рукой сняло...

Что за драгоценный человек этот генерал-адъютант Яфимович 1-й. И что бы его послать ранее: тогда, может быть, голода и совсем бы не было.

Но теперь он кончился, кончился в конце февраля 1874 г. Кончился как раз перед мартом и апрелем месяцами, которые, по словам г. Аксакова, — на что мы обратили внимание читателя, — «самые трудные месяцы для перенесения бедствия». И перед этими-то месяцами все комитеты закрыты, сборы прекращены, объявления о пособии сорваны со стен полицией, и кружки для голодных в церквах запрещены.

Комедия была сыграна. Голод официально прекратился. Император русский мог спокойно спать и забавляться...

Вот почему и приумолкло большинство корреспондентов. О голоде говорить и писать стало неблагонамеренно. Пугливое общество быстро отвернулось от него.

А между тем голодные самарцы несли свои истомленные лица и нищенские сумы по разным губерниям, и их по этапу продолжали возвращать на родину, как арестантов... А между тем разорялись и те, кто еще терпел до этих пор, у кого еще оставалась последняя корка своего хлеба и кому еще не хотелось итти просить «дорогой казенной» подачки; разорились они, просили пособия, и им отказывали потому, что, дескать, их в списках не значится, а против списков нельзя... А между тем и 926 000 р. пожертвований и 1 450 000 р. казенной тяжелой ссуды были ни-

чтожной долей *необходимого* пособия... На зло лакейской лести генерал-адъютанта Яфимовича 1-го, на зло Тимашеву и Трепову, и самарскому губернатору, и всем комитетам, голод продолжал давить самарцев и пожирать жертвы...

Но во все это время, несмотря на голод, правительство не оставляло самарцев и другими своими милостями, и эти милости были невероятны...

Правительство вымучило у голодных и нищих самарцев в 1873 г. 206 797 р. выкупных платежей и 2 477 218 р. оброчных и подушных, итого 2 683 015 р., т. е. на 306 650 р. *более, чем выдано самарцам и безвозвратных пособий и правительственных ссуд вместе.* Если кто подумает, что мы клевещем на русское правительство, тот может прочесть эти цифры в № 18 «Указателя правительственных распоряжений по министерству финансов». Это, действительно, «любопытные сведения», как выразилась одна скромная либеральная газета. Даже *очень* любопытные.

Правительство постаралось доканать самарцев и отнимая у них рабочую силу живьем. В феврале 1874 г. «Правительственный Вестник» сообщил, что «рекрутский набор в Самарской губернии окончен вполне успешно и без затруднений». Следующая фраза еще знаменательнее: «Незначительная недоимка оказалась только вследствие недостатка молодых людей призывного возраста». Это значит, что из Самарской губернии взяли *всю*, решительно всю здоровую молодежь от 20 до 30 лет, и что ее *недостало.* Живой капитал Самарской губернии *истощен,* как истощены ее материальные средства. И все-таки у нее взяли, взяли последнее. Этот налог так тяжел, так ненавистен для народа, что в настоящий год, когда *всем* плохо, в истощенном Самарском краю нашлось еще несколько семей, которые, чтобы спасти детей и работников от «налога крови», выплатили 200 000 р. Из них 176 300 р. выплачено за выкупные квитанции *одними крестьянами.* «Правительственный Вестник» только передает этот факт. Но что он значит? Из 250 выкупных квитанций, купленных самарцами, многие, вероятно, куплены лишь потому, что сын и работник дороже последних средств. Чтобы его вырвать у хищной солдатчины, можно жертвовать всем. Но для иных случаев можно принять и объяснение, данное одной газетой, что голод в Самарской губернии не мешает в ней существованию зажиточного меньшинства кулаков-эксплоататоров. «Голод — сам по себе, зажиточные — сами по себе; состоятельность последних нередко даже возрастает во время народных бедствий, предоставляющих им большую возможность эксплоатировать массу». Каково бы ни было настоящее объяснение, для нас важно одно. Русское правительство в голодный год взяло с самарцев:

всю наличную здоровую молодежь,

2 883 015 руб. деньгами,

т. е. слишком на *полмиллиона рублей* взято с разоренного, нищего, голодного края *чистого барыша* на царские увеселения, да на войско, да на чиновничество. Было за что Яфимовичу «засвидетельствовать о заботах и неутомимой деятельности» самарского губернатора!

Вот настоящие, императорские благодеяния!

Благодарите царя вашего, верноподданные самарцы. Служите молебны за его благоденствие. Вы заплатили ему полмиллионную пеню за преступление собственного голода. Вы отдали ему все живые силы, которые могли вам помочь поправиться после голода. Благодарите его, что он не взял с вас еще более. Ведь он мог бы сделать это. Кто помешал бы ему? Не дамские ли комитеты? Не земство ли? Разве кто-либо среди вас протестовал против этого неслыханного, невероятного грабежа? Разве поднялся хотя один голос среди порабощенной России, чтобы указать, только *указать* на это возмутительное зверство? Пойте молебны за благодушного царя.

Вы так задавлены, что не думаете о протесте; вы покорно отдаете и деньги и людей вампиру, сосущему вас. Вы не сознаете, что *могли* бы протестовать, что *должны* бы это сделать. Но вампир знает, что вы можете, что вы должны видеть в нем самого бесчеловечного врага, и, зная это, он посылает вам новое благодеяние.

Он усиливает среди вас полицию.

Вслед за объявлением голода прекращенным, вслед за закрытием комитетов, за прекращением сборов государственный совет «мнением положил:

I. Для временного усиления полицейских средств в Самарской губернии предоставить министру внутренних дел сделать распоряжение об образовании в этой губернии из вольнонаемных полицейской команды, чины которой, состоя в распоряжении губернского начальства, могли бы быть отряжаемы, смотря по надобности, в те местности, в коих наиболее ощущаться будет потребность в них.

II. Временная полицейская команда имеет назначением охранение порядка и безопасности в уездах»...

На содержание ее назначается 32 100 р., к удивлению, не на счет самарцев, а прямо из государственного казначейства.

Это делается для охранения «порядка и безопасности»...

Что же? Неужели точно этот «порядок» бесчеловечного грабежа, бесконечного кровопийства не будет нарушен?

Неужели эта власть останется в «безопасности»?

Такова история самарского голода в 1873—1874 годах.

III. Голод в других местностях

Но не одна Самарская губерния подверглась этому бедствию. Если все внимание было концентрировано на ней, то положение весьма многих других местностей было не лучше.

Мы рассмотрим вместе голод, бывший в губерниях Оренбургской и Уфимской и распространившийся на землю Уральского войска.

Из Уфимской губернии писали уже от апреля 1873 г. о недостатке хлеба, о наступающем голоде и в то же время о горячках, принимавших все более и более эпидемический характер. В Мензелинском уезде уже в это время нужда дошла до того, что население взяло хлебный магазин приступом. В мае оттуда же писали, что голод в уезде не ослабевает и эпидемические формы тифа — неразлучные его спутники — продолжают свирепствовать то там, то здесь. Между тем медицинская часть в губернии была так плоха, что в целой волости не оказалось ни одного фельдшера и при пожаре невозможно было подать помощь обожженным. Между тем в апреле же наступил срок платежа сборов, а Уфимская губерния, по сообщенным в газеты сведениям, отличалась варварством при «взыскании» податей. Полицейские чиновники, по приказанию высшего начальства, там собирали волостные суды и секли несчастных недоимщиков. В одной Надеждинской волости Белебеевского уезда было наказано 60 человек. А посредники смотрели равнодушно, как сотни людей лежали под розгами.

Об ожидаемом голоде в Уфимской губернии было официально объявлено в августе в отчете «Правительственного Вестника». «Из 6 уездов Уфимской губернии, — говорил отчет, — только в одном Златоустовском озимые и яровые хлеба удовлетворительны и позволяют рассчитывать на порядочный урожай, во всех же прочих уездах жары и отсутствие дождей отразились более или менее неблагоприятно на растительности, которая в Бирском, Мензелинском [140] и Белебеевском обещает лишь посредственный, а в Уфимском и Стерлитамакском отнимает всякую надежду на сколько-нибудь удовлетворительную жатву». Из нескольких отрывочных и весьма неполных сведений, сюда относящихся, видно, что голод наступил, но не вызвал внимания. По одной корреспонденции из Стерлитамака от октября, там самое выдающееся явление жизни — полуголод, цены на хлеб поднялись вдвое, а для крестьянства — втрое и вчетверо, вследствие притеснения их винными заводчиками.

В сентябре стали появляться известия о голоде и в Оренбургской губернии. Каково было там положение через месяц после того, видно из письма, помещенного в октябре в «Московских Ведомостях» и сравнившего положение Оренбургской губернии с положением Самарской; это письмо именно потому убедительно,

что писано очевидным крепостником, гораздо более интересующимся благоденствием помещичьего, чем крестьянского хозяйства. Заимствуем из него следующие факты:

«Цены на хлеб в Оренбурге, могущие служить мерилом для прочих местностей, постигнутых неурожаем, извлеченные из губернских ведомостей, таковы: пшеничная мука с содержанием от 10 до 20% отрубей — от 1½ до 2 руб. за пуд, в июле и в августе, с прибытием киргизов, доходила до 2½ руб., пшеничная отрубь — 80 коп. за пуд.

Рожь зерном для семян продавалась от 1¹/₁₀ до 1¼ руб. за пуд, мука — от 1 до 1¼ р., в июле и августе возвышалась до 1½ р.; в местности между Уральском и Гурьевым еще выше — до 2 р. за пуд.

Овес — от 90 коп. до 1 р. Просо, ячмень в той же цене.

Заработки оренбуржцев[141] не превышают самарских, а в зимнее время прекращаются на семь месяцев. Самарцы получили хлеб из запасных магазинов и ссуду из продовольственного капитала, оренбуржцы никакой ссуды не получали.

Для самарцев цена в 80 коп. за пуд, по милости волжского пароходства, есть maximum для оренбуржцев, при волах, негодных для зимнего пути, и одних тощих лошадях; сообщаемые цены суть minimum до нового урожая, достоинство которого еще неизвестно.

У оренбуржцев, кроме домашних едоков, есть до 100 000 башкир, не занимающихся посевами, до 200 000 кочевников-киргизов, прибывающих в летний сезон, до 50 000 переселенцев внутренних губерний, совершенных пролетариев, не считая 300 000 переселенцев-хозяев, которые по недавнему прибытию все еще принадлежат к разряду потребителей.

Факт смерти от голода нескольких сот башкир в 1860-х годах может служить для неверующих полновесным доказательством безысходности положения оренбуржцев, которые виновны в том, что не видели в среде своей ни одной из знаменитостей литературных.

Оренбуржцы почти не имеют государственных и выкупных недоимок против сотен тысяч долгов самарцев, но поддержать их необходимо столько же, если не более. Крестьяне нуждаются в работе; бывшие помещики прекратили и запашки и скотоводство; заводы металлические бездействуют, и хороший работник остается без занятий».

В ноябре и «Правительственный Вестник» объявил, что метеорологические причины препятствовали уборке хлеба во всей губернии. В иных местах он «совершенно пропал», захваченный морозом, в других пророс в снопах от избытка дождей, в третьих не созрел и вовсе не был сжат.

В декабре писали в газеты из Оренбургской губернии:

«Нельзя не обратить внимания на критическое положение, в

которое поставлены переселенцы, прибывшие в Оренбургскую губернию изнутри России, голодом, следствием трехлетнего неурожая. Продав скудное имущество за низкую цену, они увлеклись дешевизною земель в Оренбургском крае и потеряли последние крохи на обзаведение семенами и рабочим скотом, так как приведенный со стороны весь выпал... Эти пионеры степей очутились в безвыходном положении: без хлеба, без домов, без запасных магазинов, при суровой зиме в местности, где нет других средств сообщения, кроме гужевой перевозки. Цены за ржаной хлеб возвысились до 1 р. 40 к., и бедняки едят овсяный хлеб, испеченный с отрубями из морозобитного зерна, скошенного незрелым, зеленым; других суррогатов под рукой не имеется».

По другим сведениям того же времени, все признаки жестокой голодающей нужды были налицо: недостаток, дороговизна хлеба и процветание суррогатов. Пища башкир-оренбуржцев, по словам корреспондентов, хуже самарской. «Несчастные питаются мукой из просяной шелухи и пыльного (без зерна) проса, и такой продукт приобретается на сельских базарах по цене от 80 и 90 коп. за пуд. Ни хлебов, ни лепешек из суррогата выпечь нельзя, — он рассыпается; в «казане» (семейном котле) вскипятят воду, бросают подобной муки и хлебают болтушку, которою разве голодный скот может питаться. Богородская травка, шалфей, употребляется вместо чая, мясо заменяют падалью. Теперь продают на вечное владение десятину земли за пуд муки, даже дешевле. Русское население губернии терпит не менее самарского. Многие хозяева продали коров, заготовив трехлетнее просоленное кислое молоко, которое едят, разбавляя водою. Даже башкиры запаслись сгущенным кобыльим молоком, которое может сохраняться 5 лет».

От 15 декабря писали между прочим из Оренбурга о положении тамошних крестьян вследствие неурожая:

«Первым следствием неурожая было понижение заработной платы. В достаточно урожайные годы за уборку хлеба платили от 5 до 8 р., а в нынешнем maximum 2½ р. Рабочие-плужники, получавшие в прежние годы, например, в прошлом, по 10 р. в месяц, работая не на своих, а на хозяйских плугах, в нынешнем году получали, самое большее, 2½ руб., работая при этом на своих плугах. Простые рабочие, получавшие прежде от 32 до 36 р. в год, в нынешнем году получают от 20 до 28 р. Женщины работницы готовы жать даром, только из-за хлеба. При такой низкой заработной плате предложение рабочих рук далеко превышает спрос. Высокая цена хлеба заставляет крестьян продавать за бесценок даже рабочую скотину, так необходимую в крестьянском хозяйстве... Неурожай, естественно, повлек за собой увеличение числа нищих...

К довершению всех бедствий, нашлись охотники воспользоваться затруднительным положением крестьян. Кулаки дают им

взаймы денег, обязуя заплатить долг хлебом, так что крестьянин запродает свой будущий посев за самую низкую цену, назначенную эксплоататором. За образец таких сделок передают следующий случай, которому даже трудно поверить. Один из стерлитамакских богачей роздал крестьянам значительную сумму денег, обязав их заплатить долг рожью по 20 коп. за пуд. По случаю неурожая цена ржи не падала ниже 70 коп. Крестьяне после напрасных просьб прибавить хоть по 2 коп. на пуд решительно отказались исполнить обязательство. Говорят, что тогда кредитор обратился к полицейской власти, а имение крестьян было описано и продано.

Хлеб, потребляемый некоторыми из крестьян, преимущественно татарами, — самого низкого качества, осолоделый, потерявший свой естественный вкус, запах и цвет, превратившийся в черную затхлую массу. К хлебу прибавляют муку из семян лебеды, перекати-поле и просянки, картофель и гущу, остающуюся от выбитого конопляного масла (избоину), которая прежде скупалась для корма свиней. Хлеб же, приготовляемый из муки семян лебеды и перекати-поле, отвратителен на вкус и имеет вид кизяка, навоза или комьев грязи.

Кроме голоду, вот уже несколько лет сряду свирепствует в нашей губернии скотский падеж»...

Кажется, факты были уже довольно крупные, но на них так мало обращено внимания, что одна газета могла писать от 25 декабря (ст.ст.): «Оренбургский голод хотя заставляет уже местное население, как известно из корреспонденций, питаться какими-то невозможными суррогатными лепешками, до сих пор еще не расследован с подобающею обстоятельностью. Известно лишь, что в Уральске местной администрацией учрежден особый комитет для сбора пожертвований, но в каких местностях с особенною силою гнездится бедствие, насколько велика эта сила в сравнении с имеющимися у жителей запасами и какие, кроме сбора пожертвований, другие, более существенные меры приняты, — остается неразъясненным местной печатью».

В январе, по поводу раздачи пособий этим комитетом, имеем известие о бедственном положении края. Из этих известий видим, как местный голод в России отзывается немедленно и на ряде соседних губерний. Так, самарский голод отозвался на крестьянах Нижегородской, Казанской, Симбирской, Пензенской губерний, которые в августе приходили обыкновенно на полевые работы в Самарскую губернию. Не найдя себе никакой работы, они оказались безо всяких средств, разбрелись повсюду, отыскивая себе пропитание; некоторые пробрались, по слухам, и в Западную Сибирь. Иных же находим нищими в Земле войска уральского. Местная газета сообщает, что «вспомогательным комитетом с 1 по 15 декабря роздано было как местным жителям, так и пришельцам из других губерний 13 840 дневных пайков хлеба. Число нуж-

дающихся колебалось от 720 до 1 040 человек в день. Замечательно, что из пришельцев — после самарцев в числе 358 человек — самое большое число, 109 чел., было из нижегородцев, затем 102 человека из уральцев, 94 симбирца, 46 казанцев. При этом должно заметить, что в самом Уральске хлеб уже дошел до рубля с лишком за пуд ржаной муки, а на низовой линии на форпостах он не только вдвое дороже, но в иных местах и вовсе его достать нельзя, а приходится питаться одною только рыбой. «Таким образом, положение нашей низовой линии представляется далеко не завидным и разве немногим разнится от положения соседних с нами уездов (Бузулукского и других), тем более, что плавенное рыболовство нынешнего года нелья назвать удачным».

Тот же источник сообщал позже, что «число требующих пособия значительно увеличилось в течение января. Наибольшее число пропитываемых доходило до 1 367 чел., самое меньшее — 1 140. Ежедневно раздавалось хлеба от 42 п. 30 ф. до 51 п. 20 ф. и мяса от 21 п. до 28 п. Более всего прибыло голодающих из Самарской губернии (56 человек), так что ныне на продовольствии уральского комитета состоит самарцев 442 чел., затем из Уральской области (27 чел.), что увеличило число прокармливаемых до 139; нижегородцев прибыло 21 чел., и ныне состоит также 139 чел., симбирцев 121 чел. Из других губерний прибывает гораздо менее. В числе призреваемых особенно много детей».

Лишь в конце января и местная высшая администрация удосужилась обратить внимание на голод. Занятый преимущественно средне-азиатскою политикой, генерал-губернатор края отправился в Уфу собственно для дела о продаже башкирских земель, но *по пути* вздумал посмотреть, — *чуть не через год после начала голода,* — точно ли голодают оренбуржцы и уфимцы. «Большое внимание было обращено на Оренбургский уезд, и генерал Крыжановский[142] убедился, что крестьяне положительно голодают и что необходима самая скорая помощь, вследствие чего им испрашиваются суммы для немедленной закупки хлеба, так как в распутицу подвоз хлеба будет немыслим. Стерлитамакский уезд признан менее нуждающимся. Пособие в Оренбургском уезде предположено сделать в следующих размерах: на каждый дом на посев 8 руб. и на прокорм на каждого едока, начиная с пятилетнего возраста, 2 р. с копейками. Генерал Крыжановский, видя страшную нужду, лично раздавал деньги, а в одной деревне купил 120 пудов хлеба для раздачи голодающим. Частных пожертвований для голодающих Оренбургской губернии еще не было; даже в Уфе, так близкой к Оренбургу, устраивались спектакли и собирались деньги по подписке для самарцев».

В это время и в Уфе стали *замечать* голод. От 2 февраля оттуда писали, что «здешний дамский комитет общества попечения о раненых воинах приступил к сбору пожертвований в пользу пострадавших от неурожая жителей Уфимской губернии. Комитетом

этим уже отослано до 350 р. в Белебеевский и Стерлитамакский уезды. В то же время комитету *разрешено* пожертвования, поступившие в пользу самарцев, обратить на пособия жителям Уфимской и Оренбургской губерний. Комиссия народного продовольствия, вследствие настояний уфимского губернатора, ассигновала на этот предмет двум мировым посредникам Белебеевского уезда по 500 руб. каждому». Даже оптимистический корреспондент умеренной газеты, из которой мы заимствуем это известие, должен был сознаться, что эти мизерные пособия крайне «незначительны», и только радовался, что и «бедствие Уфимской губернии замечено и что есть люди, не относящиеся к нему равнодушно». — Что за овечья кровь должна течь в жилах этих людей, которые не только не возмущаются, но еще радуются подобному растлению общества!

Вслед за генерал-губернатором поднялся и губернатор уфимский и в половине февраля, как писали в ту же газету, «объехал лично несколько волостей Белебеевского уезда, смежных с Бугульминским уездом Самарской губернии. Цель этой поездки заключалась в том, чтоб убедиться в бедственном положении башкир... Если бедствие здесь не достигло еще степени голода в буквальном смысле этого слова (чего же вам нужно еще, живодеры?), то во всяком случае будущее не предвещает ничего особенно хорошего, потому что народ кормится, продавая последние крохи и оставаясь почти повсеместно без семян. По предположению, высказанному официально белебеевским уездным предводителем дворянства, необходимо на этот предмет до 500 000 пуд. Чтобы познакомить читателя с тою бедностью, какая царит в некоторых местах башкирского населения, укажу на деревню Максютову, находящуюся почти на самой границе Белебеевского уезда с Бугульминским. Деревня эта состоит из 14 плетневых мазанок; во всей деревне одна лошадь, одна корова, три козы и до 20 кур; как живут эти люди, даже объяснить трудно».

А в этом несчастном Белебеевском уезде земцы и думцы должны быть удивительные, судя по следующему очерку прошедшего и настоящего белебеевской думы, который мы заимствуем из корреспонденции в «Московские Ведомости» по поводу введения нового городового положения в Белебее.

«Наш городок хоть и не велик пространством и невзрачен, но зато велик разными темными делишками. Замечательно, что почти ни один городовой староста не оставил своей должности, не учинив какого-либо казуса: либо растрачивал общественные деньги, либо пьянствовал до вечного усыпления, либо попадался в вечных плутнях и т. д., так что до десятка старост попало под суд, и все более по милости писаря, служившего бессменно более десятка лет; но зато в последнее время и сам писарь вместе со старостой предан суду. Замечу кстати, что в осеннюю ярмар-

ку (октябрьскую) 1873 года также предан суду весь состав ярмарочного комитета в лице председателя, старосты, депутатов и писаря. Дело в том, что из ярмарочных доходов осталось, кажется, рубля два, тогда как должно было остаться, на плохой конец, тысячи две рублей... С 22 января открылись действия думы и управы. Но дело что-то не клеится; должностные лица, а также и весь состав думы не знают, как приступить к нему. И вот прошло уже две недели, а дел почти никаких не было, да и дума никаких постановлений, ни инструкций управе еще не дала и, вероятно, не даст, не имея об этом решительно никакого понятия».

Несмотря на мероприятия и на пособия в несколько *сотен* рублей, несмотря даже на то, что начальство находило, что «бедствие не достигло еще вполне степени голода», бедствие шло своим чередом. В том самом Стерлитамакском уезде, который генерал-губернатор «признал менее нуждающимся», городская дума вскоре после того объявила в официальном журнале, что «по случаю неурожая в здешней местности хлеба цена на него возвысилась до того, что бедным жителям почти вовсе делается недоступною покупка хлеба, и притом они покупают его по мелочам не из первых рук, так как весь привозимый в город хлеб скупают гуртом прасолы, продающие его затем с большою надбавкою в цене». А в половине апреля писали все из того же «менее нуждающегося» Стерлитамака, что «один башкирец Четвермановской волости умер с голоду. Говорят, что несчастный страдалец заявлял волостному правлению 15 февраля о том, что он четыре дня ничего не ел, но, не получив никакого вспомоществования, 25 февраля умер. Сельский врач, желая предупредить развитие болезней от дурных гигиенических условий жизни простонародья, хлопотал, где было возможно, об оказании пособия беднейшим из башкир, но не мог предупредить зла. Известие о смерти от голоду, может быть, заставит серьезнее отнестись к делу обеспечения народного продовольствия».

На это можно было надеяться опять-таки лишь при очень значительной дозе оптимизма. Прошедшее не позволяло нисколько рассчитывать ни на администрацию, ни на представителей самоуправления, ни на цивилизованное общество. Повидимому, оно так и оказалось. В половине апреля писали из Оренбурга в газеты, что «трудно поверить, чтоб Оренбургский край, бывший житницей для уральской, тургайской и прочих степных местностей, так и оказалось. В половине апреля писали из Оренбурга в газеров убавилось наполовину, лошадей на $\frac{1}{3}$, к весне надо ожидать еще убыли, если только не будет чумы. Губернский продовольственный капитал и запасные магазины израсходованы, выкупные платежи за вторую половину прошлого года не все уплачены, за первую же текущего года почти не поступают. В редком доме осталась дойная корова, что, при ожидаемой дороговизне говядины, увеличит расход хлеба и уменьшит питательность. Прежде

ели здесь зайцев, голубей, ныне же добираются до галок, ворон, сорок, а башкиры не гнушаются и падалью; побирающихся много, но цена на работу стоит выше прошлогодней. Слухи о втором наделе из владельческих земель держатся между крестьянами упорно».

С апреля нам не удалось встретить ни одного указания на положение народа в Оренбурге и Уфе. Вероятно, тот же характер неблагонамеренности, который был наброшен на статьи о голоде самарском, затруднял корреспонденции по этому предмету и из Оренбурга и из Уфы. Единственное известие, которое попалось нам на глаза из последнего города от первых чисел мая, это — «необыкновенное множество жалоб от судорабочих на хозяев и их приказчиков, не рассчитывающих и всеми мерами прижимающих рабочих». Можно лишь догадываться, что здесь тоже один из видов эксплоатации, пользующейся голодом народа. Мы сами, к сожалению, не получили ни одной корреспонденции из этого края.

Зато правительственное сообщение, напечатанное в июне в «Правительственном Вестнике» и которым мы воспользовались для Самары, позволяет нам видеть, что сделало русское заботливое правительство для Уфы и Оренбурга.

Для пособия Оренбургской губернии выдано в декабре 1873 г. и в феврале 1874 года 270 000 руб. из общего продовольственного капитала, 165 000 из продовольственного капитала башкир Оренбургской губернии и *весь* продовольственный капитал Оренбургской губернии, составлявший громадную сумму — 142 р. (Какая мудрая предусмотрительность!). Итого голодные оренбуржцы получили от отеческого правительства 435 142 р. Само собой разумеется, что это нищенское пособие страждущему народу было дано на тех же ростовщических условиях, как и самарцам.

Относительно Уфимской губернии император был еще расточительнее. На нее дано (все по тому же официальному источнику) в декабре 1873 г. и в апреле 1874 г. всего-на-всего *40 000 рублей,* причем из *общего* продовольственного капитала не дано ничего. Эти 40 000 р. даны все на тех же условиях, о которых сказано выше.

О возмутительной скаредности частных пособий мы уже говорили. Голод самарский был временно в моде, и все-таки со всей России пособие не дошло до миллиона. Голода оренбургский и уфимский модными никогда не были. На них едва ли собрали несколько тысяч. Общество попечения о больных и раненых собрало до конца февраля всего 1 018 р. Неизвестно, чтобы его «августейшая покровительница» или члены высочайшего семейства дали что-либо. А, впрочем, может быть, и их вклады заключаются в упомянутых только что 1 018 рублях. На этот обширный край, где фактически люди *умирали с голоду,* и заботливое правительство и патриотическое общество вместе не дали и 500 000 рублей,

из которых более 475 000 будут вымучены и выбиты агентами Шейлока-императора.

Пойте молебны за его благополучие, верноподданные оренбуржцы и уфимцы!

В Саратовской губернии еще в начале лета сам губернатор заявил о несостоятельности 15 крестьянских общин. Летом крестьяне во многих местностях не собрали семян, и, по корреспонденциям, недостаток хлеба уже в октябре стал быстро ощущаться. «Народ приволжский, — писали в этих корреспонденциях, — переживает весьма тяжелое время... Между тем земские повинности, увеличившиеся почти вдвое против прежнего, благодаря государственному земскому сбору и плате гарантии пресловутой Саратовской железной дороге, *взыскиваются с большою строгостью*».

Между тем «представители самоуправления» выказывали в Саратове вполне свой патриотизм. В январе 1874 года председатель уездной саратовской управы, он же заведующий хлебными магазинами, после долгих и многочисленных стараний отложить прения, отнять голос у противников и употребить другие парламентские уловки, должен был сознаться, что из хлебных магазинов, находящихся под его заведыванием, пропало 2 775 четвертей хлеба, что он не может дать никакого объяснения, каким образом пропала эта масса хлеба, в которой так нуждается голодный народ, и не может даже указать, в каких сельских обществах пропал этот хлеб.

В марте 1874 года «Московские Ведомости» писали, что «в Саратовской губернии положение жителей некоторых уездов немногим лучше положения самарцев». Губернское собрание назначило в три уезда (Хвалынский, Камышинский и Вольский) 188 000 рублей пособия.

В правительственном сообщении, из которого мы черпали выше известия о щедротах императорского правительства в отношении голодного народа, Саратовская губерния не упоминается; значит, *этим* голодным, положение которых было, по словам газеты Каткова (конечно, не заслуживающей обвинения в пессимизме), «немногим лучше положения самарцев», *этим* голодным *благочестивейший* император не дал — *ничего*.

Не дал... мы ошиблись и просим извинения у русского императора. Мог ли он в своей отеческой заботливости о благе подданных ограничиться этим?.. Ничего не дать... Это слишком ординарно, слишком похоже на всякого, кто прошел мимо, не обращая внимания на голодный народ. Императору русскому следовало поступить иначе; он так сделал с самарцами, за что же обижать саратовцев? Из местных ведомостей узнаем, что рекрутский набор был в Саратовской губернии; что он окончен в срок; что недоимка была в участках государственных крестьян «по недостатку молодых людей призывного возраста»; что выкуп от рек-

рутства внесен в размере с лишком 367 000 рублей, из которых одни крестьяне внесли 314 800 рублей. Император русский не только ничего не дал голодным саратовцам, он *взял* с них круглый куш денег, а с одной доли и *всю* здоровую молодежь. Пусть не завидуют самарцам...

Пойте молебны за благополучие царя русского, верноподданные саратовцы!..

Гораздо более известий существует о голоде на Дону, именно в Миусском округе, около Ростова-на-Дону и около Таганрога.

С «тихого» Дона писали еще в июне 1873 года: «Нам кажется, нет местности в России, где бы промышленность была в таком жалком положении... Хлебная торговля в последние два года, по случаю неурожаев, пришла в совершенный упадок... Бедность нашего края, благодаря отсутствию всякой заводской и фабричной промышленности, крайняя, и в те годы, когда случаются неурожаи, населению буквально есть нечего; прошлую зиму, например, казаки дошли до того, что продавали последний скот и, конечно, по крайне низким ценам».

О бедности в Таганроге около того же времени находим сведения, что там огромное число нищих, особенно детей, так плохо одетых, что они иногда замерзают на улицах. Это — дети жителей крепости, большею частью крайне бедных людей, обитающих в землянках, которые они сами себе устроили; тем не менее город берет с них за место от 3 до 4 рублей с землянки.

Из последнего города от 1 сентября 1873 г. писали в газеты:

«Все мы не только хорошо знаем, но и очень осязательно чувствуем, что прошлые два года были неурожайные, а настоящий 1873 г. совсем голодный и грозит чуть ли не народным бедствием нашему краю.

На расстоянии 40, 80 и более верст от Таганрога не найдешь и 10 экономий, где вернулись бы сполна семена, добытые на заемные деньги, и только 2—3 экономии, где урожай вышел сам-треть; в крестьянских хозяйствах тоже едва ли найдется более десятка таких, где семена были бы все свои на тот посев, какой они обыкновенно сеяли. Все население края с этих пор начинает покупать хлеб для своего продовольствия и обсеменения озимых полей. В некоторых селениях Миусского округа Области войска донского у большей части крестьян продать-то нечего. Скот, какой был, пал или продан за год и более вперед, многие продали даже свои усадебные наделы. Прибавьте к этому скотский падеж.

Вот вам картина благосостояния здешнего края».

В конце октября писали из Ростова-на-Дону:

«В Ростовском-на-Дону уезде и Таганрогском градоначальстве неурожаи двух предыдущих годов, сопровождаемые падежами скота и другими бедствиями, истощили средства жителей, а совершенный неурожай нынешнего года нанес им окончательный удар. Семян хлеба не собрано, и круглым числом получено не бо-

лее двух-трех мер с десятины. Хлебные запасы истощены, часть скота продана, хозяйства расстроены, подати и сборы не уплачены. Крестьяне приготовляются бедствовать с тем характеристическим равнодушием, чтобы не сказать оцепенением, которым они отличаются во всех подобных случаях... На правительство и земство падает обязанность подать руку помощи бедствующему земскому населению. Но какая это трудная, какая тяжелая обязанность!

В Ростовском-на-Дону уезде и входящем в состав земства Таганрогском градоначальстве считается наличных крестьян 91 108 душ. Налицо 30 000 четвертей хлеба, т. е. по 2½ четверика на душу.

Земская управа составила утвержденный уездным земским собранием расчет, по которому все сельское население разделено на три категории: а) крестьян, не нуждающихся в пособии для продовольствия (¼ населения), б) нуждающихся в пособии в половинном размере (⅓ остального населения) и в) требующих пособия в полном размере... Размер пособия для продовольствия определен для одной половины населения по два пуда ржи или ячменя в месяц на душу, а для другой — по одному пуду (для стариков, старух и детей). Пособие для весенних посевов исчислено в размере трех пудов пшеницы и трех пудов ячменя на каждую душу мужского пола.

На этих основаниях сумма, необходимая для обеспечения продовольствия сельских жителей и весенних посевов, по самому ограниченному расчету, исчислена в 140 000 руб., из которых, в виду недостаточности наличного губернского продовольственного капитала, собрание признало необходимым просить одну половину, т. е. 70 000 руб., в ссуду из этого капитала, а другую половину — из общего продовольственного капитала, находящегося в распоряжении министерства внутренних дел.

Вместе с тем, принимая во внимание, что раздача необходимого пособия не устранит опасности разорения для крестьян, на которых вследствие трехлетних неурожаев накопились значительные недоимки податей и других сборов и которые в настоящем положении лишены возможности уплачивать их, тем более, что с будущего года на них будет лежать уплата ссуд из продовольственного капитала, — земское собрание признало также необходимым ходатайствовать перед высшим правительством о рассрочке на три года, т. е. до 1877 года, уплаты всех лежащих на крестьянах государственных податей и сборов, с тем, чтобы недоимка эта была уплачиваема ими по ⅓ части ежегодно, с 1 сентября 1874 г.

Кроме земского налога, здешние земли обременены в таком же почти размере налогом по государственному земскому сбору (от 4¾ до 20 коп. с десятины) и частной повинности. Если не будет открыто других источников для удовлетворения всех этих

потребностей, то земледелию угрожает в близком будущем банкротство.

При снабжении нуждающихся сельских обществ семенами ржи для осенних посевов земская управа встретила большие и неожиданные затруднения. Вследствие громадных заказов ржи за границу и на паровую мельницу Посохова, снабжающего ржаной мукой кавказскую армию, цены на этот хлеб еще в конце августа возвысились в Ростове-на-Дону до 7 р. и более, а ныне рожь продается здесь по 7 руб. 80 коп. Не следует думать, что даже в случае удовлетворения земских ходатайств сельское население будет вполне предохранено от постоянно повторяющихся бедствий на будущее время. Для этого необходимо поднять материальный и умственный уровень крестьянского населения».

Только в ноябре областное правление постановило употребить весь продовольственный капитал крестьян Войска донского, именно 84 000 р., на приобретение 20 000 четвертей ржи и для крестьян первого Донского округа 10 000 четвертей; сверх того, испросить субсидию в 100 000 рублей из общего продовольственного капитала империи. В то же время екатеринославский губернатор, открывая очередное губернское земское собрание (экстренного по этому делу созывать нужным не нашли), обращал внимание этого собрания на бедствие Ростовского уезда и на ходатайство ростовского уездного земского собрания по этому поводу.

Около того же времени, по отчету местного окружного начальника, в Миусском округе из 45 волостей предстоял настоящий и немедленный голод в 32 волостях. Предполагалась необходимость 160 000 четвертей хлеба. Между тем предводитель дворянства находил достаточным (и даже чрезмерным) покупку 24 335 четвертей на 22 707 душ.

Только в декабре появилось в «Донских Областных Ведомостях» приглашение к пожертвованиям, где было сказано: «По самым умеренным вычислениям, населению в 22 707 душ этого округа грозит положительный голод. Не имея никаких запасов хлеба как для обсеменения полей, так и для прокормления себя до новой жатвы, миусские крестьяне находятся в самом бедственном положении. Войсковое начальство в свое время ходатайствовало о выдаче пособия пострадавшим от неурожая жителям Донской области, и правительством разрешено на этот предмет 50 000 р.» (!).

Распорядительность господствующих классов при этих совершенно явных фактах была так велика, что в конце декабря (ст.ст.) одна газета могла писать:

«Проскользнуло по газетным столбцам коротенькое известие о том, что Миусский округ Земли войска донского нуждается и сильно нуждается; дополнилось это несколько другими такого же содержания перифразами, и все попрежнему затихло; даже и

о «сборе» — этой крайней мере — не было слышно. Между тем там бедствие, не сдавленное серьезными препятствиями, чувствуя простор и свободу, разыгрывается не на шутку, разыгрывается судорожными, неправильными скачками, на которые способен лишь голод». Затем приводятся выдержки из местной газеты:

«Нынешнее лето окончательно подорвало все хозяйство. Урожай наш, по справедливости, может конкурировать с голодом Самарской губернии. Перед нами зима и бог-весть какая, а между тем у нас нет ни хлеба, ни травы, ни соломы. Мы уже не думаем о том, чем мы будем обсеменять наши поля в будущую весну, мы думаем лишь о том, как бы прокормиться самим и прокормить свой скот. Впрочем, последний большей частью уже распродан и притом за бесценок, деньги истрачены частью на покупку хлеба, часть же поглощена адвокатами, которые страшно эксплоатируют наш темный люд. Что надо ожидать в будущем при таком положении дел? Мы этого не знаем... Все страшно вздорожало: жито, например, поднялось до 8 р. за четверть, а мука 1 р. за пуд; о пшенице и говорить нечего; она на месте стоит 15 р., да и по этой цене нигде не найдется. Вследствие этого у нас появилось очень много праздных ртов и лишних рук. Спрос на работу ничтожный, а от предложений не отобьешься. Рабочие целыми партиями оставляют свой дом и семейство и идут на заработки, часто за 200 и более верст... Это еще *начало бедствий, а что же нас ожидает впереди?* Это вопрос роковой для нашего округа, и ответить на него мы не имеем смелости. Мы имеем только смелость заявить о нем *в виду полного равнодушия и игнорирования самого факта голода нашими деятелями общественными.* В самом деле, откуда населению округа ждать помощи в настоящем случае? Вы скажете: в округе есть запасные магазины, а в них хлеб. Да, магазины есть, в которых шныряют голодные крысы и гуляет в разбитые рамы ветер, *а хлеб разобран давным-давно.* Вы скажете, что у нас есть посредники, предводители, обязанные заботиться о нуждах народа. Увы, это горькая ирония, это плачевный сарказм, всего менее простительный в нашем безвыходном положении. Какое им дело до того, что в вверенных им областях будут свирепствовать разбои, грабежи и голодный тиф? Им лишь бы выплачивали полуторатысячное их жалованье, а там хоть pereat mundus!»[143]

«Все признаки голода, следовательно, налицо, — прибавляет газета, из которой мы берем эту выписку. — Между тем, сколько известно, ничего не сделано и ничего не делается».

В феврале 1874 года встречаем известие, что для голодных собрано на лотерее-аллегри 5 560 р. Ни о каких других сборах и пожертвованиях не было слышно. Вероятно, их было очень немного. Правительство разрешило ссуды крестьянам Миусского округа (о чем скажем позже), но местные ведомости писали, что «в Миусском округе существует казачье поселение —

Ново-Николевская станица, жители которой не менее крестьян пострадали от неурожаев, но ссуд никаких не получили. Между тем, по имеющимся известиям, положение их настолько затруднительно, что они вынуждены были употребить на свое прокормление арендные деньги, на которые в прежнее время содержались училища, этапные дома и выдавалось жалованье станичным правителям».

А из восточной части Донецкого округа писали, что «там в последних числах февраля уже негде было купить соломы для скота. Хлебных запасов тоже мало, дай бог, чтоб хватило до нового урожая, а если этот урожай будет плох или его вовсе не будет, то придется продавать скот, который, все равно, нечем будет кормить, и на вырученные деньги покупать хлеб для продовольствия. В случае неурожая в $^{2}/_{3}$ населения восточной части Донецкого округа может появиться то, что теперь в Самаре и на Миусе».

Бедность края выражалась и в 500 000 руб. недоимки по земскому сбору в мае месяце и в тугом поступлении этих сборов, а у нас, как известно, умеют *принудить* заплатить, особенно в данном случае, когда от земских сборов зависело благополучное получение жалованья господам посредникам, предмет, как мы видели, их *единственно* интересующий. Не могли не воспользоваться несчастным положением народа и «благородные» эксплоататоры. В местные газеты сообщали в том же мае из Миусского округа, что «некоторые из тамошних землевладельцев, посредством выдачи крестьянам в задаток денег и хлеба, еще во время зимы заключили с ними весьма тяжелые условия на предстоящие полевые работы. Так, многие крестьянские семейства обязались убирать хлеб настоящего посева за ничтожную плату от десятины на своих харчах. Говорят, что при таких условиях для крестьян не представляется даже физической возможности выполнить принятые на себя обязательства, почему надо ожидать множества исков за неисполнение этих обязательств».

Позднейших сведений мы не имеем.

Императорское правительство, как видим из того же «сообщения», разрешило выдать голодным донцам в ноябре и марте из областного продовольственного капитала 86 718 р. и из общего продовольственного капитала 98 507 руб. все на тех же условиях. Итого — 185 225 р. По недостатку известий о частных пожертвованиях можно полагать, что и с ними вместе голодающие округи получили не более 200 000 р.

Благодарите, благодарите, верные донцы!

По журналу херсонской губернской земской управы от 30 июня 1873 г. видно было, что Херсонский уезд в течение пяти лет страдает от разных бедствий. В 1873 году хлебные запасы были совершенно истощены, и потому губернская управа просила отпустить ей из губернского продовольственного капитала 5 000 р.

для помощи нуждающимся. Ходатайство ее было уважено. Херсонская управа находила весьма неудобным раздавать пособие не прямо в виде хлеба, а деньгами, и ходатайствовала еще в 1870 г. об изменении правил, существующих по этому предмету, но министерство внутренних дел не удосужилось изменить их до ноября 1873 г., когда по приказанию императора выдача хлебом стала обязательною. — Премудрое министерство!

В августе 1873 г. стали говорить о неурожае вообще на юге Херсонской губернии. Такого бедствия не было с 1823 г. Одним из ранних явлений его было сильное предложение из деревень кормилиц. «Сельское население, — писали, — где может, ищет заработков, ибо по деревням ему ничего не предстоит». В конце месяца сообщали, что мещане в окрестностях Херсона продавали скот, чтобы прокормиться, «между тем *дума требует настоятельно уплатить за городскую землю»;* когда же голова отказался от жалования, то заботливое херсонское самоуправление назначило это жалованье частью на церковь (!), частью на музыку для клуба (!!). Благородные граждане!

В конце сентября извещали, что в районе Одесского уезда неурожай большей частью побудил даже не приступать к съемке хлеба. Там же, где хлеб отчасти собирался, не получено даже семян. И сбор сена производился лишь в редких местностях и был совершенно недостаточен. Нехватало хлеба у многих сельских обществ ни на обсеменение полей, ни на продовольствие. В земскую управу тогда уже поступило требование о выдаче ссуд из губернского продовольственного капитала на 525 902 р. 12 к. Между тем уездные земства Херсонской губ. распоряжались так: «В одесском уездном собрании на продовольствие пока не ассигновано ничего, на обсеменение полей также ничего, по той будто бы причине, что посевы уже сделаны (а яровые?). В Тираспольском уездном собрании принята цифра 20 000 для пособия крестьянам на продовольствие и обсеменение полей с неопределенным прибавлением, что, быть может, понадобится и больше. В херсонском собрании принята цифра 80 000 р. в пособие для обсеменения полей неимущих крестьян, а о продовольствии—ни слова».— Прелестные земцы!

В то же время писали из Николаева, что вся губерния сильно пострадала как от падежа скота, так и от страшного неурожая. «Не только в запасе не оказалось зерна для посевов, но и пищей для скота пришлось запасаться в более счастливых соседних губерниях. Мы слышали, что херсонское земство отказало крестьянам в ссуде довольно значительной суммы, необходимой для прокормления их и их семейств, мотивируя свой отказ тем, что оно не богадельня (!! истые римляне!!)... Николаев, повидимому, мало пострадал от повального окрестного неурожая... В лучшей части города на каждом шагу растут новые дома и магазины. Но стоит только обратить внимание на тот факт, что бла-

тосостояние беднейшей части населения города всегда поддерживалось и прямо зависело от заработков на летних полевых работах, чтобы притти к печальному заключению, что последствия небывалого неурожая тягостно обрушатся и на наш город». Не имеем известий, насколько оправдались эти ожидания, но что в Николаеве нашлись ловкие эксплоататоры голодающего крестьянского населения, это уже известно. Голодающие поселяне пошли с своими лошадьми в город, чтобы заняться извозом. На железную дорогу подвозят много хлеба, а потому работа была. Но явились ловкие факторы-предприниматели, которые узнавали заранее у служащих на вокзале, кому и сколько подвезено грузу, стали рядиться у получателей рублем или двумя дешевле того, что обыкновенно просили извозчики. Конечно, получатели равнодушны к страждущему населению и дают тому, кто берет дешевле. Факторы, захватив всю работу в свои руки, сдавали ее извозчикам за полцены. Вследствие такой эксплоатации,— пишут в декабре,— «многие из этих бедняков должны были продать своих лошадей и, проживши в городе последний грош, возвратились восвояси» умирать с голоду.

К началу ноября открылись губернские земские собрания. В это время писали, что «одним из неотложных вопросов для решения на этих собраниях представляется вопрос о продовольствии и обсеменении полей» голодающего населения. «Мы знаем, впрочем,— сказано при этом,— что продовольственные нужды значительно превышают земские средства. Так, по одной Херсонской губернии, имеющей всего 190 тысяч рублей (с чем-то) продовольственного капитала, предъявлено ходатайств о пособиях, если не ошибаюсь, на 300 тысяч р. (один Одесский уезд просит 250 т. р.). Если мы вспомним притом, что ходатайство о пособии из имперского капитала и различные другие подготовительные работы для распределения требуют известного времени, то окажется, что некоторые наиболее нуждающиеся поселяне встретятся лицом к лицу с наступающей зимою, лишенные всяких ресурсов». Отсюда заключалось о необходимости частной благотворительности. «Особенно тягостно положение Херсонского и Одесского и отчасти Тираспольского уездов. Пока мы на бумаге все порешим, на деле может оказаться немало самых критических положений в отдельных случаях; крайность подступит мгновенно во многих крестьянских хатах». Проще говоря, станут умирать от голоду, пока коронные и выборные власти станут переписываться; оно, действительно, в ноябре было поздненько.

К концу ноября картина бедствия края, вследствие чумы рогатого скота и неурожая, становилась уже потрясающей. При открытии губернского земского собрания губернатор говорил о «грозящем многим местностям губернии голоде», о необходимости «открыть в управе дальнейший кредит из продовольственного капитала, а также указать как губернской, так и уездным

управам порядок снабжения лиц, нуждающихся в пособиях». Губернская земская управа излагала в своем отчете причины бедственного состояния Херсонской губернии. Чума появилась в начале осени 1872 г. и потом постепенно охватила все пространство Херсонской губернии. Появляясь последовательно в каждом селении, она сопровождалась огромным падежом скота, размер которого в разных местностях изменяется от 5 до 75% всего наличного числа голов. Судя по некоторым данным и по частным известиям, доходящим до губернской управы, можно с большою достоверностью допустить, что вся убыль скота в губернии простирается до 75—90 т. голов. Полагая же среднюю цену каждой штуки в 20 руб., получим громадную цифру от 1½ милл. до 1 800 000 р., которая дает приблизительно понятие о потере, понесенной местным населением от чумы рогатого скота. Другим бедственным явлением прошлого земского года представляется неурожай хлебов и трав, постигший большую часть Херсонской губернии. Местностями, пострадавшими от неурожая, оказались юго-западная половина Херсонского уезда, весь Одесский уезд, юго-восточные части Тираспольского и Ананьевского уездов и самая южная часть Елисаветградского, или, говоря вообще, центральная и южная части всей губернии. Только окраины ее, прилегающие к смежным губерниям, имели незначительный, а северные части Елисаветградского и Александрийского уездов даже хороший урожай. Наиболее же всех пострадали волости Херсонского уезда, прилегающие к устьям Буга и Днепра, и южная часть уездов Одесского и Тираспольского; здесь население не снимало с полей ни хлеба, ни травы, заранее скормив ими скот, который уже с начала мая не имел корма на пастбищах.

«Мне самому лично, — писал по этому поводу корреспондент одной газеты, — при проезде в июле месяце, т. е. в пору уборки хлебов некоторых частей Одесского и Тираспольского уездов, приходилось видеть огромные пространства незасеянных полей, на которых хлеб был не выше четверти, не имел ни одного колоса и представлял какую-то буро-желтую массу».— «Запасов же здесь,—писали в «Московские Ведомости»,—не могло быть никаких, потому что и в прошлом 1872 г. в Херсонском и Одесском уездах урожай не вполне обеспечивал население в продовольствии, так что весною нынешнего года выдано было в ссуду из губернского продовольственного капитала обществам: Херсонского уезда 13 098 рублей и Одесского — 1 100 рублей. Вследствие же нынешнего неурожая отпущено из того же капитала для обсеменения озимых полей в распоряжение уездных управ: одесской — 10 000 р., херсонской — 11 900 р. и тираспольской — 9 067 р. В настоящее время в магазинах Херсонской губернии находится налицо менее чем ¼ указанной в законе пропорции, до которой, впрочем, и прежде не доходила наличность запасов хлеба. Поэтому еще в прошлом году губернское собрание просило о око-

рейшем издании, вместо временных правил, устава о народном продовольствии, в котором были бы точно определены права и обязанности земских учреждений по взносу, хранению и расходованию хлебных и денежных общественных запасов. Собрание просило также об определении, хотя временно, каким порядком и в какие сроки земские учреждения могут принудить общества внести хлеб или деньги, предназначенные для продовольствия и обсеменения полей. Но ответа на это ходатайство до сих пор еще не последовало». Несмотря на тяжелое положение крестьян, земская управа сообщала в своем отчете, что уплачено $^{9}/_{10}$ недоимки и $^{1}/_{5}$ текущих сборов. — Голод голодом, а деньги дери с голодного.

В это время из местечка Коблевки Одесского уезда писали, что во многих семьях там дети «начинают уже желтеть и пухнуть от голода».

Именно тогда «предлагали ходатайствовать» о воспрещении вывоза ржи и ржаной муки за границу из черноморских портов до 1 июля 1874 г. Поэтому представлены были записки, как было слышно, в херсонское, екатеринославское и таврическое губернские собрания. — Во-время! — От тех самых дней писали из Киева, что там явилось весьма много крупных требований на рожь.

Как ревностно одесские земцы заботились о голодных, можно судить по следующей записке из корреспонденции из Одессы от 25 января: «Недели полторы назад в Одессе собиралась продовольственная комиссия при уездной управе, имевшей пять заседаний. Состав комиссии известен: предводитель дворянства, председатель управы, несколько гласных, мировых посредников, исправник, — люди, повидимому, знакомые с нуждами крестьян. Можно было ожидать, что эта комиссия обсудит подробно нужды бедствующего населения, недостаток в продовольствии, возникший еще с августа, недостаток зерна для посевов яровых, недостаток рабочего скота, вопрос о рынках и ценах на эти продукты, о количестве сделанных и предстоящих запашек и т. п. На деле же комиссия, собрав документы: списки нуждающихся, мирские приговоры и представления волостных о выдаче продовольственных капиталов, переслала их в губернскую управу, взяв на себя только распределение ассигнованной губернским земским собранием суммы (163 000) между 27 испрашивающими помощи волостями. Как видите, комиссия явилась какой-то бюрократической инстанцией. Что касается до раздачи пособий, то, по получении денег, она будет производиться продовольственными комитетами при волостях. Земская управа и комиссия останутся в стороне (так, вероятно, по всей Херсонской губернии), а волость, в лице своих представителей, является вполне ответственным лицом в деле помощи...

По бумагам управы оказалось 7 034 семейства (34 987 душ обоего пола), нуждающихся для посева в 10 372 четверти пшени-

цы и 5 220 ячменя и для продовольствия — в 4 719 чет. ржи и 2 786 чет. пшеницы... Комиссия признала нужду в 7,6% всего обычного ярового посева. Что же это значит? Остальная запашка будет ли сделана без помощи земской, или вовсе не будет посевов? Между этим двумя положениями есть разница: в первом случае, пожалуй, нужда и велика, второе свидетельствует об очень печальном положении крестьянского хозяйства. Не забудьте, что это второгодний неурожай, что надежды на урожай осенних посевов плохи, а также возможен и падеж скота. Таким образом, о точных размерах бедствия мы знаем очень мало».

В то же время писали в ту же газету из Херсона:

«Неурожай, постигший Херсонскую губернию, дает себя чувствовать все сильнее и сильнее. Вот какого рода сообщения мы получили из Херсонского уезда, Балацковской и Станиславской волостей, от лиц, близко стоящих к делу. О первой пишут так: «Почти половина семейств в настоящее время сидит без пропитания. Вы не можете себе представить,—говорит дальше пишущий,— до какой степени в нашей местности плохо: есть семейства, которые по нескольку дней сидят не евши». О Станиславской волости передают, что при раздаче пособий приводилось видеть семейства, сидевшие по нескольку дней без хлеба и питавшиеся раствором сушеной рыбы в воде. Сообщая вам эти сведения, я должен прибавить, что многие из нуждающихся семейств вовсе не принадлежат к составу тех обществ, среди которых они живут, или же составляют настолько обедневшие семейства в среде общества, к которому принадлежат, что возврат ссуды падет всецело на весьма немногочисленное число членов сельского общества. В этих случаях необходима просто безвозвратная ссуда. Херсонский губернатор, объезжая осенью губернию, предвидел такие случаи, а потому обратился к частной благотворительности, что дало ему возможность собрать этим путем более 10 000 р., из которых он выдавал безвозвратные пособия в конце ноября и в начале декабря в Одесском и Херсонском уездах. Херсонское земское собрание, с своей стороны, назначило для этого предмета 10 000 р., предоставив раздачу их губернской управе по соглашению с губернатором. В настоящее время, сколько мне известно, источники эти приходят к концу, а между тем нужда все более и более растет и будет длиться почти до апреля месяца, т. е. до открытия весенних работ, когда население в состоянии будет отыскивать хотя какие-нибудь заработки, могущие дать ему дневное пропитание. Да и что можно сделать на такую незначительную сумму, как двадцать тысяч? — Купить 20 тысяч пудов ржаной муки по настоящим ценам, т. е. обеспечить в течение четырех месяцев тысяч 5 человек, между тем как нуждающихся во всех местностях, постигнутых неурожаем, найдется втрое, вчетверо более... О заработках же в настоящее время на месте нечего и думать. Вот разговор, слышанный мною на-днях, между волост-

ным старшиной и одним служебным лицом: «Отчего же не отправляются люди на заработки?» — «Да что же, когда негде работать. Вот и намедни еду я в город и встречаю душ десять из своего села. Вы откуда? — Из города. — Зачем ходили? — Да шукали работы, да вот нема, так и едем по домам. Сначала хотя били камень, да вот теперь мороз, так и эта работа пропала, да не покупают набитого». — «Отчего же вы не берете денег на отработки?» — «Да брали и невесть сколько понабрали... сначала давали по 1 р. 80 к. десятину, потом стали давать по 1 р. 20 к., а теперь уж ничего не дают».

В местной газете в то же время указывалось, что «в настоящий трудный для земледельцев год в особенно трудном положении находятся мещане-земледельцы, рассеянные по различным уездам Херсонской губернии». Их было в одной Одессе с пригородами 89 000. Между тем помогать им ссудою (а мы видели, что правительство не допускало, чтобы голодным можно было помочь иначе) для управ было невозможно, не входя в затруднения по переписке, затруднения, в которые, конечно, управы входить были не намерены. Бюрократические порядки обрекли значительное число из этого 89 000-го населения на гибель.

Весной пришлось созывать экстренное собрание. Его ожидали в марте, и по поводу его местная газета обращала внимание на обстоятельство, что «высочайшее» решение делать пособие исключительно хлебом может быть не всегда разумно, что «вопрос о безотлагательном пособии населению, в виду приближения весенних посевов, становится на первом плане; по словам газеты, раздаются голоса, что пособия крестьянам желательно выдавать не только натурой, но и деньгами, смотря по местным условиям. Практическое неудобство помощи только хлебом состоит в следующем: в одном случае нужна пшеница, в другом — рожь, ячмень; у одного твердое поле, а у другого — мягкое; далее, крестьянин может-де дешевле купить семена и того именно качества, какое ему нужно; наконец, он охотнее будет отдавать ссуду, полученную деньгами, нежели ссуду, полученную хлебом, ибо часто может быть недоволен качеством предлагаемого ему хлеба. Безвозвратные пособия всего удобнее могут быть даваемы хлебом, но когда дело идет о ссуде, то желание ссужаемого должно быть выслушано»...

Впрочем, экстренное земское собрание состоялось лишь 15 апреля, и, открывая его, новый губернатор говорил о положении дел: «Население пострадавших местностей потеряло почти весь свой скот от падежа и обратило многие свои хозяйственные принадлежности на приобретение хлеба. Таким образом, население поставлено в такое положение, что даже небольшой недостаток хлеба может грозить ему бедствием, так как ни у него, ни у вас не осталось уже никаких средств к устранению этого бедствия».

В этом собрании земство, по сознанию «Правит. Вестника», «пришло к результатам неутешительным». Оказывается, писали в августе 1874 г., что «положение Херсонской губернии теперь очень затруднительно. После прошлогоднего неурожая не только истощились хлебные запасы, но весь губернский продовольственный капитал — 192 000 р. — роздан в ссуды, и, кроме того, роздано 200 000 р., занятых из государственного продовольственного капитала. У 859 обществ нет ни зерна общественного хлеба; запасный хлеб имеется только у 241 общества... С того времени, как продовольственное дело передано в руки земских учреждений, состояние его не улучшилось, а ухудшилось; кроме того, население обременено большими долгами; в некоторых местностях этот долг достигает уже 20 р. на душу». Сам «Правит. Вест.» признавал, что «даже при благоприятных обстоятельствах $^2/_3$ населения являются несостоятельными и неоплатными должниками». В неурожайный же год недоимки должны неизбежно расти, ссуды, по мнению земства, бесполезны и могут повредить населению, «отучая его от самодеятельности». Конечно, земство сваливало все бедствие на климатические условия, на истощение почвы. Этим оно объясняло и выселение немецких колонистов, которое, по словам газет, «приняло, наконец, такие размеры, что стало напоминать движение крымских татар в 1859—1861 годах. В январе и феврале (1874) можно было видеть целые поезда железных дорог, наполненные этими людьми. Покидают Херсонскую губернию целыми колониями, без различия религии». Как причину этого, выставляли «истощение почвы, отмену льгот и призыв к военной повинности».

Даже местный сборник выражался о положении населения так: «Масса сельского населения, испытывая с каждым годом все более и более последствия истощения почвы и не имея возможности улучшить свое положение, впадает в тупое равнодушие или отчаяние, а это служит одной из главнейших причин развития пьянства».

В 1873 году население чрезвычайно пострадало еще от чумы рогатого скота, о которой сказано было выше. Между тем надежды на новый урожай становились все меньше. Мы вернемся еще ниже к этим известиям для всего юго-запада России.

В виду всего этого земство придумало ряд мер, имевших преимущественно в виду возбудить искусственно промышленную деятельность края. Именно оно считало нужным «усиленное развитие работ; сознавая, что в настоящее время губерния не может предложить других работ, кроме земледельческих, земство обращается к мысли о государственной помощи и указывает на лесоразведение, без которого краю предстоит совершенное уничтожение источников воды, обусловливающее полное запустение, и на продолжение железной дороги от Одессы на Мелитополь, с ветвью на Херсон и Николаев, причем земство принимает на себя орга-

низовать «рабочие артели» и наблюдать за их работами». Эти последние пункты настолько интересны, что мы их приведем целиком из «Правит. Вестн.». Земское собрание в них «уполномочивало управу довести до сведения правительства мнение собрания о том, что местному населению было бы весьма полезно, если бы постройка означенной дороги была производима прямо самим правительством, без посредства частных предпринимателей; что земство могло бы взять на себя наблюдение за формированием рабочих артелей из местного населения, устройство бараков для рабочих на правительственные средства, подачу медицинской помощи, снабжение рабочих пищею из общего котла на вырабатываемые ими деньги; что если бы при сем воспрещена была продажа при строящейся дороге крепких напитков, то земство могло бы взять на себя выдачу необходимой для поддержания сил порции водки, а расчеты за работу артелей могли бы быть производимы земством, которое таким образом было бы в состоянии не только прокормить рабочих, но и доставлять продовольствие рабочим семьям».

Иначе говоря, херсонское земство хотело сделать из этой железной дороги и народного голода маленькую аферу в свою выгоду, взять в свои руки поставку продовольствия и вина, подчинить опекаемых неразумных работников благодетельным высшим классам и наслаждаться одновременно и своею добродетелью и своими барышами. — Благодетели!

Даже крайне умеренные издания замечали по этому поводу, что «трудно признать вполне надежными предлагаемые им (земством) средства: проведение железной дороги даст части рабочих только единовременный заработок, и притом незначительный, тогда как причины трудного положения населения имеют постоянный характер. Что даст железная дорога? Из строительного капитала ее рабочим перепадет много-много 4—5 миллионов, т. е. не более 10 р. на душу, да и то не даром, а ценою затраты времени и отвлечения от других занятий. На железные дороги вообще много рассчитывать не следует, так как они оплачиваются из государственных средств, собираемых с населения же».

Вообще «благодетельные» меры высших классов на пользу низших в этом краю можно было оценить по результатам, которые там оказались при заведении знаменитых ссудо-сберегательных товариществ, прославленных даже в Париже, во французском органе позитивистов. «Из 16 товариществ шесть, как показала впоследствии ревизия, идут хорошо, три остались необревизованными, а положение остальных 7 весьма неудовлетворительно. Так, напр., в спиридоновском, Одесского уезда, никаких счетов и книг нет: выданная земством 1 000-рублевая ссуда разобрана 20 членами товарищества на руки; размер процентов остается неопределенным, и сами члены товарищества не понимают ни цели его учреждения, ни смысла устава; точно так же

разобраны деньги и в сосовском (Елисаветградского уезда) товариществе; в екатеринославском (Ананьевского уезда) «невообразимый беспорядок»: счеты перепутаны, письмоводства почти не существует; в 4 других товариществах Ананьевского уезда — то же непонимание дела, и члены ревниво оберегают свой кружок в 20 человек, суживая таким образом сферу действия дешевого кредита. Таким образом, устройство товариществ тут может содействовать лишь развитию кулачества, усиливая средства только одной, небольшой части населения».

А до какой степени интересуются народным голодом сытые и в какую сторону направлены действительные интересы господствующих классов в голодном краю, на это есть немало свидетельств. Почти накануне нового года в либеральную газету прислана была длинная корреспонденция из Одессы, вся посвященная очень важному вопросу, «которым в настоящее время, — сказано там, — занято внимание здешнего городского управления». Это был вопрос «о постройке нового театра вместимостью от 1 800 до 2 000 зрителей». Конечно, на это нужны были немалые деньги, и на это они нашлись. Затем мы узнаем из «Московских Ведомостей», что в феврале херсонская губернская земская управа, на которой лежит обязанность, добровольно ею принятая, заботиться о голодных, разрабатывала «вопрос о мерах к увеличению прилива в Херсонскую губернию рабочих рук и вообще об облегчении землевладельцам найма работников». Иначе говоря, представители *земства,* имея перед собою голодное *крестьянство* и испуганных опасностью платить несколько более работникам *землевладельцев,* нашли, что им важнее заботиться *о понижении платы работникам, т. е. об увеличении числа голодных* в интересах сытых, чем об интересах этих голодных. Мы ничего другого и не могли ожидать, особенно когда корреспонденты петербургских *либеральных* газет вздыхают по поводу выселения поселенцев: «Херсонская губерния сильно обезнародится, *арендные платы на землю падут*. Впрочем, они пали и теперь (да, в *этом* ваша забота). Наплыв рабочих прекратился. Обращаться снова к овцеводству? Но эти же немцы распахали всю целину, на чем же выпасать скот?» В то же время те же «Моск. Вед.» писали, что совет общества сельского хозяйства южной России препроводил в херсонскую управу «программу для конкурса на сочинение о замене рабочих рук машинами». Наконец, мы находим весьма вероятным, вследствие предшествующих двух известий, что к херсонскому же земству относится сообщаемое «Московскими же Ведомостями» таинственное сведение, что «*некоторые* земские собрания... признали полезным ассигновать некоторую сумму на приобретение хозяйственных... машин, и машины эти... с ежегодной выплатой... раздавать землевладельцам». — Вот это настоящее лицо наших вожаков земства, эксплоататоров-землевладельцев, которые спят и видят, как бы земскими деньгами *себе*

помочь, а народ рабочий поприжать. При этом сквозь маску сочувствия голодным они выказывают свои хищные лица.

А между тем положение голодных становится все тяжелее. В половине июня председатель одесской земской управы писал в газеты, что «в волостях Куртовской, Бельчанской, Севериновской и в некоторой части Ильинской нет никаких надежд на урожай, положение этих волостей более нежели ужасное. Неурожай нынешнего года отличается от прошлогоднего тем, что ничего положительно нет, все пропало, все сожжено так, что в большей части не предвидится никакого сбора зерна, не говоря уже о возврате зерна. В Куртовской волости есть хоть немного озимой пшеницы ранней, там еще можно надеяться на что-нибудь, в остальных же положительно никаких надежд. Подножный корм тоже погорел».

Последние известия еще мрачнее. Тираспольская земская управа созывала 31 июля экстренное собрание, которое нашло необходимым ходатайствовать о новой ссуде в 500 000 р. Нуждаются в ссуде и части Одесского, Херсонского, Ананьевского уездов, хотя бедствие в Тираспольском уезде превосходит бедствие остальных местностей. На 10 августа (ст. ст.) были приглашены херсонскою губернскою земскою управою представители уездных управ «для обсуждения мер» против голода, и на этом съезде имеется в виду выработать общий план действия всех управ. — Но что может сделать бессильное земство?

С такою же неизбежностью, как в Самаре, явились и здесь грабежи, о которых писали из Херсона в феврале, «почему некоторые, выходя по вечерам на улицу, запасаются революверами». Но и там, где не слышно о подобных фактах, сытые собственники, заботящиеся о театрах для себя и об уменьшении платы рабочим, чувствуют, что голод грозит тому, что им единственно дорого, и — при безденежьи, при голоде — хлопочут об *значительном усилении полиции,* сознаваясь совершенно наивно, что ее нужно усилить «особенно *по случаю местного неурожая*». Слова эти подчеркивают «Московские Ведомости», из которых мы заимствуем это характеристическое известие о «продолжительных и интересных» прениях, бывших по этому поводу в одесской думе, и о настаивании градоначальника и городской управы на этих новых расходах.

Посмотрим же, какую помощь оказало общество и правительство голодающим Херсонской губернии.

По свидетельству «Правительственного Вестника», из общего продовольственного капитала дано *в ссуду* в декабре 1873 и в январе 1874 г. 200 000 рублей все на тех же основаниях, которые указаны выше.

В «Правительственном же Вестнике» видим, что вообще все пожертвования в пользу голодающего населения Херсонской губернии к 1 апреля составили следующие суммы: губернским со-

бранием дано 10 000 р., частными лицами прислано в губернскую управу 1 144 р. 17 к., по подписке, сделанной бывшим херсонским губернатором Н. С. Абазой[144], собрано деньгами 22 905 р. 61 к., зерном получено на сумму 14 000, а всего на сумму 48 049 р. 78 к.

Но из этих 48 049 р. 78 к. 14 000 руб., по только что сделанному расчету, пожертвовано хлебом. Кто дал его? Вероятно, господа крупные землевладельцы, покупающие на земские деньги машины для уменьшения числа рабочих рук, или богатые торговцы хлебом, которые посылают корабли с русскою пшеницею в европейские порты? Нет, 2 830 четвертей хлеба в пользу голодных, по свидетельству местной газеты, дали *крестьяне* тех уездов, где не было голода *, т. е. именно *они* участвовали более чем на $^2/_7$ в помощи голодным братьям, они внесли немногим менее половины того, что собрали развитые, цивилизованные люди для страждущего народа.

Император русский *ссудил* 200 000 руб., сострадательные высшие классы пожертвовали 34 000 руб. Итого 234 000 руб. Между тем еще в сентябре 1873 г., как мы видели выше, нужно было более 525 000 р. Между тем положение сделалось теперь «более чем ужасное». Между тем в будущем еще хуже...

Долготерпеливо крестьянство русское...

Новым, довольно значительным, центром голода на юге оказался и Крым в начале нынешнего года, хотя и этот голод был так подготовлен в прошедшем, что трудно было не узнать о нем ранее. Почти разом из нескольких уездов стали приходить самые печальные известия.

В январе писали из Бердянска, что «неурожай 1873 года сказался и там очень печальными последствиями: уборка хлеба дала в результате от ½ до 1 четверти пшеницы с десятины. Плохие урожаи повторяются уже несколько лет к ряду. Нищенство усилилось, неурожай пал не только на земледельцев, но и на население, даже богатым людям становится чувствительна общая дороговизна. Бедный класс Бердянска толпами стал являться к городскому голове Константинову[145] с просьбою о помощи».

Гораздо многочисленнее известия из Феодосийского уезда, где с поразительной ясностью выказывается, как общественное бедствие рабочего народа нисколько не мешает увеличению доходов немногих монополистов, причем закон, становясь, как всегда, на

---

* По словам «Прав. Вестн.», № 129, «пожертвование зерном» сделали «некоторые из землевладельцев и крестьянских обществ», но всего зерна «оказалось до 25 000 пуд.». Из «Одесск. Вестн.», как пишут «С.-Петерб. Ведомости», № 75, видно, что крестьяне Александрийского и Елисаветградского уездов пожертвовали 2 830 четвертей, что, считая по 9 пуд. на четверть, равнялось бы 25 470 пуд. Следовательно, очевидно, упомянутые выше 25 000 пуд. подразумевают в круглых числах именно пожертвование, сделанное крестьянами двух уездов, пожертвование «землевладельцев», должно быть, было так ничтожно, что его и «Правительств. Вестнику» в счет брать не приходилось.

сторону монополистов, увеличивает бедствие работника и обращает на него все средства государственного притеснения. От 1 февраля писали из Феодосии: «Положение нашего уезда и вообще всего Таврического полуострова довольно печально. Благодаря постоянному неурожаю на хлеб и сено еще с 1867 года и ежегодно повторяющемуся падежу скота, для Таврической губернии понадобилось теперь 315 000 р. на обсеменение и прокормление губернии. Несмотря, впрочем, на такое печальное положение края, обсеменение полей до настоящего времени не только не уменьшалось, но еще увеличивалось, и ценность земли быстро поднималась с 1867 года, чему способствовали немцы-колонисты, которые заселили почти все деревни выселившихся за границу татар. Вместе с тем и производительность уезда, по меньшей мере, утроилась. Увеличившаяся ценность земли и труда заставила и землевладельцев увеличить повинности поселян, населяющих их земли. Все поселяне добровольно подчинились новым условиям. Одним только татарам это показалось как бы посягательством на их права, и многие из них не соглашались добровольно исполнить новые повинности, вследствие чего землевладельцы стали обращаться к мировым учреждениям с просьбою о выселении поселян. Но и судебные решения с трудом исполнялись, а по одному делу пришлось даже прибегнуть к военной силе».

Оттуда же писали от начала марта, что в корме большой недостаток, солома продавалась перед тем от 35 до 45 руб. за сажень, но и за эту цену уже не была в продаже. Падеж усилился. Такого бедствия не было с 1833 года.

В половине марта бедствие еще усилилось, и бессилие, неумелость выборных властей показались в полной мере. Из Феодосии сообщали в газеты следующее о плачевном состоянии Феодосийского уезда: «Нет не только хлеба и сена, но и соломы для корма скота, вследствие чего падеж скота все усиливается. Цена гнилой соломы доходит до 50 руб. за сажень, но и той скоро не будет. Когда выпал сильный снег, то жители многих деревень снимали кровли с домов и сараев и кормили этим скот. В последние морозные дни во многих деревнях замерзали овцы за неимением сараев. Местная земская управа, по словам корреспондента, не принимает мер к устранению бедствия по самой простой причине — по неимению средств. На-днях к мировому посреднику явилось целое общество поселян-собственников и объявило ему о безвыходном своем положении. Посредник обратился к председателю земской управы, от которого получил уведомление, что без общественных приговоров невозможно помочь горю».

В апреле имеем следующее известие: «Насколько жители Феодосийского уезда пострадали от двухлетнего неурожая в этом уезде и установившейся с 23 января холодной зимы со снегом и вьюгами, продолжавшейся почти до марта месяца (такой зимы, по отзывам старожилов, не помнят с 1833 года), можно судить по

полученным сведениям о происходившем там падеже скота, лошадей и овец, собственно от недостатка, дороговизны и затруднительности доставления корма. Всего пало: рогатого скота 3 100 штук, лошадей 1 717 и овец 25 980 шт. Неизвестно, что будет дальше». В марте писали, что «последствия неурожая всего более дают себя чувствовать крестьянам юго-восточной части Днепровского уезда, расположенной по берегу Сиваша... В селениях Рождественском, Новодмитриевке, Дагмаровке, Строгановке, Григорьевке, Павловке и др. встречаются лица, крайне ослабленные недостатком пищи и до такой степени обезображенные цынгой, что они скорее напоминают утопленников, чем живых людей. Местные средства бессильны помочь голодающим, а присланных губернскою управою до 10 000 руб. нехватило на удовлетворение и половины нуждающихся; что будет дальше — трудно предвидеть. Население Евпаторийского и Перекопского уездов хотя также терпит от неурожая, но не в такой сильной степени».

Но и из этого «не в такой сильной степени терпящего» уезда Евпаторийского писал в конце февраля корреспондент газеты «о чрезвычайно затруднительном положении» местного сельского населения по случаю недостатка хлеба. Озимые посевы не сделаны... Когда и надежда на просо рухнула, то было послано ходатайство о ссуде, но, от несвоевременного заявления, она (в количестве 10 000 р.) пришла уже тогда, когда время для озимых посевов уже миновало. Затем, хотя управа в конце декабря, января и февраля месяцев и закупала на последние средства хлеб, но его оказалось недостаточно, и в управу постоянно стали являться крестьяне и даже женщины с грудными детьми, прося о хлебе.

И из Мелитополя имеем известия от второй половины марта, что «неурожаи последних лет поставили крестьян в затруднительное положение». Они, тем не менее, уплатили долг, наложенный на них самым бесчеловечным заимодавцем, казною, но их преследовали частные должники. «Теперь, — писали, — хлеба нет, а скудных заработков едва хватает на прокормление».

Крым посещается императрицею, и потом там *сравнительно* выдано правительством более, но и то правительственная *ссуда*, в пять приемов, ограничилась 422.000 руб. из общего продовольственного капитала. Но мы видели, что 317 000 была цифра, предположенная еще в феврале, а впоследствии положение дел ухудшилось, следовательно, потребность значительно возросла. Из местного продовольственного капитала выдано ссуды, насколько можно видеть из газет, 25 000 руб. Пожертвований, насколько известно, поступило 2 500 руб. из Финляндии, и в Бердянске ожидалось 2 000 руб. При самых выгодных предположениях, ссуды и безвозвратные пособия вместе далеко не достигли полумиллиона. А цена земель и их доходность *для крупных владельцев* растет в Крыму...

И в крайнем углу нашего юга, в Бессарабии, голод налицо. В Кишиневе состоялось 8 октября 1873 г. экстренное областное собрание, созванное «по случаю голода» в Бендерском и Аккерманском уездах. Собранные на местах сведения дали печальную картину народного бедствия. Даже немцы, бывшие колонисты, нуждались в пособии. Собрание назначило для Аккерманского уезда 150 000 руб. на покупку хлеба.

В конце января мы находим известие из Бендерского уезда, что «по случаю неурожая, положение крестьян становится с каждым днем хуже» и они постоянно ходатайствуют о ссуде хлеба и продовольственных капиталов. Но «запасов немного и нехватит до будущего урожая»... В 1873 году не уродилось в некоторых местах ни хлеба, ни кукурузы. Некоторые волости, до сих пор исправно платившие подати и другие сборы, поставлены теперь в совершенную невозможность заплатить и просят об отсрочке платежей.

Для пособия Бессарабии императорское правительство не сделало еще ничего. «Прав. Вестн.» заключает только распоряжение о применении правил, принятых для других голодающих местностей (а мы видели, как хороши эти правила), и к «назначению нуждающимся *заимообразных* пособий из бессарабского губернского продовольственного капитала». Большего внимания бессарабский голод еще не заслужил.

Вообще весь юг страдает страшно, и для него 1874 год грозит быть еще страшнее 1873-го. Виды на урожай плохи. «Если на нынешней и будущей неделе не будет хороших дождей, — писали в июне из Одессы, — то получится дурной урожай». На линии железной дороги от Балты до Раздельной хлеба совсем плохи. Недалеко от Тирасполя скошены уже некоторые хлебные поля на сено. Из Аккерманского и Кишиневского уездов слышны жалобы на то, что зерно пострадало от засухи. «Вообще ожидания урожая сильно поколеблены».

Тяжело настоящее, страшно будущее.

Такова была, насколько она известна, история более или менее официально признанных голоданий русского народа в 1873 — 1874 годах. Они охватили три большие области. Голод, которого главный центр в Самарской губернии, разлился на Уфимскую губернию, на Оренбургский край, захватил часть Саратовской и Казанской губерний. Другой центр голода был на Дону. Третий все более и более разыгрывается на берегах Черного моря, от Крыма до Бессарабии, преимущественно давя Херсонскую губернию. Это — три обширных гнезда страдания, нищенства, вымирания русского народа, и это именно самые хлебородные края нашей родины, это именно житницы России. Это — *девять* из 26 губерний Европейской России, которые, по официальным сведениям, производят обыкновенно более хлеба, чем потребляют.

IV. Голод всюду

Но и ими не ограничивается голод на нашей родине. Он *всюду*, и эти слова наши мы можем подкрепить свидетельствами из самых разнородных источников. Либералы шепчут об этом со смущенным видом, унывая пред бессилием «великих реформ». Крепостники кричат об этом, стараясь дать понять, что виною этому освобождение и «деморализация» их бывших крепостных, которых они так холили в прежнее время. Духовные лица доставляют драгоценный материал для доказательства, как печально положение *православного* народа, несмотря на все многочисленные праздники. Правительство заносит факт голодания в свои отчеты. Нам нечего искать аргументов, фактов; мы подавлены их бедственным богатством...

Голод всюду... всюду...

«Истощение производительных сил и уменьшение урожаев замечается по всей России, — говорит знаменитый крепостник Бланк [146] в заседании петербургского собрания сельских хозяев 5 февраля 1874 года, и говорит на основании *официальных* источников, — посевы хлеба сокращаются постепенно и значительно... Почва порастает сорными травами... Труд уменьшился более чем на $^{2}/_{3}$».

«Московские Ведомости» пишут в мае: «Самарский голод был бедствием, выходившим из ряду только по размерам, а не по характеру. Каждый год голодает народ то в той, то в другой губернии. Местности, разоренные голодом и неурожаями, составляют уже значительную часть общего пространства государства. Они разбросаны по всем земледельческим полосам России: по северной, средней и южной; не есть ли это указание, что причина разорения заключается не столько в условиях урожаев, климата и почвы, сколько в других — посторонних им, но общих всему государству — обстоятельствах? В черноземной хлебородной полосе находятся местности, быть может, наиболее пострадавшие от неурожаев».

«Беда в том, — пишет автор *единственной* серьезной статьи о самарском голоде в наших толстых журналах (и то появившейся в *апреле* 1874 г.), — что край прогрессивно нищает, как нищает русская земля едва ли не на всех своих концах». И далее относительно обнищания самарского Поволжья указывает то обстоятельство, что из ответов на вопросы, предложенные сельскохозяйственною комиссией должностным лицам и сельским начальникам, оказалось для годов «неголодных», что пища крестьянства в богатом Поволжьи в последнее время *ухудшилась*, что «после отвода наделов и отрезки пастбищ мяса потребляется гораздо меньше». Автор прибавляет: «А теперь странно было бы и спрашивать даже, едят ли крестьяне мясо».

В весьма умеренном журнале за февраль 1873 года автор обо-

зрения выражается осторожно: «В общем виде крестьяне наши находятся в экономическом положении не лучшем *(далее оказывается из фактов, что худшем)*, чем они были за 30 или за 40 лет. Жилища их в общей массе не улучшились. Громадная масса живет попрежнему, как дикари, в курных избах, где в тесном пространстве, среди закопченных дымом стен, в тулупах на полатях и на скамьях спит целое семейство, и тут же находится мелкий скот и птица. В целых местностях неизвестны бани, и люди парятся изредка в печах. Перемена белья, даже изредка, считается роскошью. Хлеб, часто с примесью мякины и сорных трав, щи без мяса и кислое молоко составляют обыкновенную пищу. Количество скота и домашней птицы у крестьян положительно уменьшилось... Уменьшение скота так значительно, что при поездке по России оно поражает всякого сколько-нибудь знакомого с прежним положением русского крестьянства. Наконец, физическое состояние его, здоровье, силы, развитие мускулов, долговечность скорее уменьшились, чем увеличились». Автор не может объяснить этого «иначе, как тягостью податей, лежащих на массе».

«В том околотке, где я живу,— сообщал комиссии исследования положения сельского хозяйства князь Васильчиков [147], — и в соседней довольно пространной полосе... в последнее время... крестьянские хозяйства начали действительно и очень быстро упадать, и этот упадок обнаруживается в том, что многие хозяева отказываются от земли».

«Теперь хозяйство у крестьян нисколько не лучше прежнего, оно стало даже хуже, — сообщал той же комиссии старшина одной волости Петербургского уезда. — У нас леса совсем нет... Скота у нас меньше против прежнего... Сенокосной земли мало».

Комиссия вообще пришла к выводу, что «во всех центральных, нечерноземных, губерниях, восточных и северных быт крестьян, по общим отзывам, не улучшился или мало улучшился, хозяйство же в большинстве местностей или осталось в прежнем положении, или значительно ухудшилось. В этих местностях... разбогатело небольшое количество крестьян, большинство же обеднело, среднее по достатку состояние крестьян стало исчезать».

О причинах этого явления, по мнению комиссии, и особенно о важности в этом отношении «податного вопроса» скажем ниже.

«Смертность в России растет, болезни усиливаются с каждым годом, — пишет специальный журнал от 19 февраля 1873 г. — Эпидемии чередуются со скотскими падежами... Холера у нас не выводится; тиф сделался почти такою же обыкновенною болезнью, как и лихорадка; сифилис настолько глубоко проник в народ, что обратился, так сказать, в домашнюю болезнь... Смертность в России давно уже занимает первое место между прочими государствами Европы... У нас есть не только города, но и села, как, например, Лысково, где, вследствие перевеса смертности над

рождаемостью, прибыль населения поддерживается пришлым населением... В нашей цивилизованной Казани смертность доходит до невероятного почти процента 52 на 100, что замечается только в Алжире и Ост-Индии, да и то... между европейскими войсками, там стоящими».

От 22 января 1873 г. писали в газеты, что народонаселение вырождается, смертность детей с каждым годом увеличивается, постепенно ослабевают силы в народе, крестьянин за 40, крестьянка за 30 лет начинают уже смотреть хилыми и дряблыми стариками, цифра умерших в деревнях начинает превышать цифру родившихся. И все это объясняется, по мнению корреспондента, «общими нашему крестьянству причинами... Что ни делай с землей... но с полуторы десятины не прокормишь семьи, а тут необходимо и пустошь нанять, и дрова и все необходимое для хозяйства купить, поэтому требуются усиленные сторонние заработки. И еще если б эти заработки шли на поддержание сил, а то $^{2}/_{3}$ их расходуются на повинности, которые в последний год возросли до размеров, ни с чем не сообразных».

В декабрьской книжке специального ученого журнала за 1870 г. показано, что в течение девяти лет, с 1861 по 1869 г., число зараженных сифилисом и пользованных в больницах гражданского ведомства возросло с 37 до 89 тысяч человек., т. е. гораздо более чем удвоилось. Мы не говорим о деревнях, где зараженных считать невозможно.

«В Холмском уезде Псковской губ. треть населения вымерла от недостатка средств существования, — пишет серьезный автор в том же умеренном журнале от 1 июля 1871, — в двух уездах Черниговской губ. выкупные платежи и оброки за землю так громадны в сравнении с качеством земли, что крестьяне положительно разорены... В Смоленской губернии... народ положительно умирает с голоду».

Из официальных сведений, добытых комиссией для пересмотра податей и сборов, видно, что в большей части Псковской губ. крестьяне решительно не в силах нести возложенных на них повинностей. «В таком же положении, по официальным документам, находятся крестьяне в Костромской, Нижегородской и Пензенской губерниях и притом не вследствие неурожая или других случайных причин, а по невозможности извлекать из земли и промыслов достаточные для себя доходы. В Новгородской губернии недоимки возросли до неоплатных размеров».

Относительно Псковской губернии корреспондент «Вперед» писал в конце 1873 г. следующее об уездах Торопецком, Холмском и Великолуцком: «На этих уездах недоимок накопилось видимо-невидимо. На одном Великолуцком уезде считают более 200 000 недобора, кроме недоимок по земским сборам, что составляет на каждую крестьянскую семью более 13 р. Комиссиям поручено было исследовать причины «несостоятельности кресть-

ян к платежу податей»; работ своих они не кончили (в декабре 1873 г.), но главные материалы уже собраны, и выводы сделаны. Материалы эти поразительны: из них оказывается, что в некоторых деревнях сумма налогов, падающих на каждого работника, доходит до 40 р., средним числом она колеблется до 20 р.; ни в одной деревне крестьянам нехватает хлеба для собственного продовольствия; скот постоянно уменьшается, хотя прежде его было так мало, что крестьянские поля оставались почти без удобрения; во многих местах крестьянам отведены земли безусловно неудобные — болота или песчаник, и за эту неудобную землю им приходится платить ежегодно по два рубля за десятину ренты, а между тем при продаже за нее не дают и 50 коп. В крестьянском хозяйстве — хронический дефицит, потому что налог отнимает ½, а иногда и ²/₃ валового дохода. Пополнить этот дефицит решительно нечем, так как никаких промыслов, кроме хлебопашества, не существует. Заработки на стороне незначительны и непостоянны».

«Загляните в любой угол нашего отечества, — говорил один журнал в начале 1873 г., — везде вы найдете почти одно и то же, везде вы увидите, что бюджет нашего податного класса колеблется между 3—10 коп. в день на человека». Но нашлись местности, относительно которых эта норма была слишком велика.

В Опочецком уезде Псковской губернии, по сведениям 1871 г., на продовольствие человека приходится по 8 р. 61 коп. в год, или менее 2,4 коп. в день. «Голод, холод, грязь, дым, лихорадка — вот спутники жизни почти всех опочецких крестьян. Пушной хлеб здесь во всеобщем употреблении, так что в умах крестьян понятие о чистом хлебе вытеснилось». Причины тому опять «большие платежи, отнимающие у крестьянина ⅓ или ½ собранных с земли продуктов, недостаточность земли», далее «эксплоатация крестьянина кулаком» и другие, более местные, причины. В Кармышевской волости Казанского уезда цифры еще замечательнее. Взрослый работник (18—60 лет) должен там уплатить подати за 1¾ души и прокормить четыре души. *Высший* доход от земли, за исключением различных сборов, составляете 8 р. 25 коп. на душу (менее 3 коп. в день), низший—51 *копейку* в год, средний—5 р. 14 коп. в год, или 1½ коп. в день.

А вот и еще цифры для крестьянских доходов с земли в разных уездах, по сведениям, собранным поземельными банками:

Губернии	С десятины		С 5 десятин
Петербургская	от 1 р. 10 к.		от 5 р. 50 к.
	до 3 р. 25 к.		до 16 р. 25 к.
Новгородская	от — 39 к.	(Боров. уезд)	от 1 р. 95 к.
	до 1 р. 24 к.		до 6 р. 20 к.

Губернии	С десятины		С 5 десятин
Псковская*	от — 29 к.	(Тороп. уезд)	от 1 р. 45 к.
	до 5 р. 17 к.		до 25 р. 85 к.
Смоленская	от — 88 к.	(Рославл. уезд)	от 4 р. 40 к.
	до 3 р. 42 к.		до 17 р 10 к.
Самарская	от — 57 к.	(Бузул. уезд)	от 2 р. 85 к.
	до 2 р. 02 к.		до 10 р. 10 к.

Принимая надел в пять десятин (а это исключительно большой надел) на одну ревизскую душу, следовательно, на 2½ человека считая женщин и детей, придется в Рославльском уезде немножко более $1^1/_5$ копейки в день, в Бузулукском — около $^4/_5$ копейки, в Боровическом — немного более ½ копейки, в Торопецком — около $^5/_{12}$ коп. И это — *для целой семьи...* Все это казалось бы сказкою — вне России под заботливою властью царя-освободителя.

Но, может быть, читатель не убежден. *Средние* числа так легко подогнать, исказить. Автору, приводившему последние цифры, даже возражал относительно точности данных какой-то елейный сотрудник «Соврем. Известий». Вам хочется фактов. Их много, чересчур много...

Возьмем сначала одну губернию, только что упомянутую. Конечно, не Самарскую, для которой *доказательств,* полагаем, *не требуется,* и не Псковскую, для которой только что приведено несколько фактов, да и холмский голод еще не успел позабыться. А вот, например, Новгородскую.

Из Белозерска, Новгородской губернии, пишут, что в этом уезде «существует Волково-Хилецкая волость, положение которой поистине ужасно. В этой волости поселено 270 домохозяев, представляющих население в 1 543 души обоего пола; почва в этой волости песчаная и совершенно негодная; у крестьян нет ни выгона ни дровяного леса, так что за то и другое крестьяне должны летом отбывать почти такую же барщину, как и во времена крепостного права». Благородное соседнее дворянство продает этим нищим лес и дрова по неслыханной цене. Из крестьян 40% вовсе не имеют скота, 14% имеют по одной лошади на дом, часто без коровы, и только 15% имеют кой-какой скот. Там невозможно проезжему достать никакой провизии, даже хлеба, сколько-нибудь годного к употреблению: во многих деревнях у самих крестьян нет никакого хлеба. Между тем недоимок на них числится свыше 12 руб. на каждом наделе. Если оценить и продать весь крестьянский скот, то этим покроется лишь некоторая доля недоимки, для иных не более 5% ее. Зажиточные разряды, вследствие податной тягости, беднеют и лишаются последнего состоя-

---

* В этой благословенной губ. есть еще Порховской уезд, для которого доход с земли считается равным *нулю,* но мы его не будем брать в расчет.

ния, продаваемого за недоимку. По заявлению местной управы, в уезде много и других несостоятельных и разоренных местностей.

И рядом с фактом мы немедленно имеем его объяснение в весьма внушительных цифрах. Валовой доход урожая Волково-Хилецкой волости для 1 543 душ составляет 7 884 р. Податей, оброков и сборов на них лежит 6 654 р. 35 к. Значит, на пищу и на все расходы остается 1 229 р. 65 к., или *по 79 копеек в год на душу*. Но и этого мало. Разделяя население на четыре разряда по состоятельности и не считая безземельных бобылей, мы получим, что подати и сборы составляют для 10 хозяев 50% валового дохода, для 31 хозяина — 60%, *для 120 хозяев — 90%, а для 54 хозяев — сто шестьдесят процентов* всего, что они *могут* получить.

От Новгородской губернии перейдем к ее соседке, Тверской.

В Новоторжском и Старицком уездах (Тверской губ.) лиц, живущих подаянием, огромное число, и число это постоянно увеличивается. Новоторжский уезд изобилует каменщиками. Закабалив мужика, подрядчик-кулак выжимает из него, что можно, причем мужик-работник все попрежнему бедствует, не выходит из долгов и в нерабочее время голодает с своею семьею. На будущую зиму, — писали летом 1873 г., — не одна тысяча человек обречена на неизбежный голод вследствие нескольких градобитий в июне нынешнего года.

В Тверской же губернии находится более 100 000 душ корел. Некоторые из селений представляют из себя «оазисы бедности». Большинство жилищ находится в самом жалком виде. «Внутри можно найти самое необходимое количество полуразломанной посуды и кое-какого домашнего скарба; скота содержится так мало, что по одной крупной животине (считая в том числе и лошадей) приходится на десятину пахотной земли. Рожь родится едва сам-друг, хлеба своего нехватает до декабря, а средств заработать пропитание в остальное время весьма мало». Хлеба в запасных магазинах нет, недоимок накопилось множество; ростовщики, дающие в долг и хлеб и деньги, закабалили большинство бедняков. Соли не на что бывает купить. «Одежда — лохмотья, руки зимой отморожены». Корелы ходят по-миру лишь тогда, когда голод к горлу приступит. В 1873 г., по словам очевидца, они побирались, но в Тверской губернии страдают не одни корелы. Оттуда происходит массами выселение на заработки, и большинство выселяющихся гибнет. В 1872 г. выселилось 76 000 взрослых мужчин и 26 000 женщин. Много ли вернется?

И опять перед нами весьма простое объяснение хронического голодания корел в Тверской губ. В статистических сведениях о Тверской губернии приводится бюджет одной крестьянской семьи, «не представляющей исключения» между корелами. Приход — 32 р., расход — 48 р., из которых 18 р. на подати и повинности,

т. е. более 56% прихода. Прибавим, что из 32 р. прихода тут 1 р. был собран милостынею.

Перейдем в Малороссию.

По одному известию из Харьковской губернии, в волости, недалекой от губернского города, есть две деревни, в которых имущество 51 семьи со 113 ревизскими душами выражается следующими цифрами:

Лошадей — 31, свиней — 11, поросят — 10, рогатого скота — 5, стогов хлеба — 22, овец — 3.

Недоимки—2 375 рублей.

На душу выходит: ⅓ лошади, $^1/_{10}$ свиньи, $^1/_{11}$ поросенка, $^1/_{22}$ шт. рогатого скота, $^2/_{11}$ стога хлеба и $^1/_{35}$ овцы и *около* 25 р. *недоимки* по выкупам и сборам.

«Приведенные цифры, — пишет журнал, из которого мы заимствуем эти сведения, — показывают, что хотя вести из Самарской стороны стали уже чересчур выразительны, но в наше время не лишнее осматриваться по сторонам и каждому».

От марта месяца 1873 года из Купянского уезда Харьковской губернии писали, что «двухлетний неурожай совершенно истощил запасы крестьян и скотский падеж расстроил их хозяйства до такой степени, что многие остались нищими... Крестьянские дворы разорены до такой степени, что по ним хоть шаром покати». Ожидали нового неурожая и прибавляли: «Если это пророчество сбудется, то Купянский уезд представит ужасающую картину голода».

Из Острогожского уезда Воронежской губернии писали в 1873 г., что там общий недостаток хлеба. В одной Ровенковской слободе 60 семейств совсем голодает. Скот продан крестьянами для удовлетворения самых насущных нужд.

Из златоверхого Киева один из производивших однодневную перепись пишет от марта нынешнего года, что в предместьи Демиевке «бедность царствует поражающая. Домики большею частью ветхие, низенькие, в одну комнату, с крошечными окнами. Встречались хозяева, у которых дом со всей усадьбой занимает 8 кв. сажен, и на таком крошечном участке помещается хата, в которой живет 7 — 9 душ! Ни сарая, ни погреба при ней не имеется, да и надобности в них никакой не представляется, так как хозяйства нет никакого: ни лошадей, ни коров, — словом, ровно ничего. «Чем же вы живете?» — спрашиваю. — «А как бог пошлет, перебиваемся кое-как; то поденно поработаешь, то у соседей чего попросишь, так и перебиваемся». В некоторых хатах так темно, что в 12 часов нужно было зажигать «каганец», чтобы написать листок. На 22 дома, мною обойденных, только в трех было более одной комнаты и нашлось хоть кое-какое хозяйство... Но, несмотря на такую всеобщую бедность, в редком доме не встречалось личности, принятой из сострадания».

В Екатеринославле мы уже на границе официально признан-

ного голода, даже частью входим в его область. Из Бахмута писали в «Моск. Ведом.» уже в феврале, что в северо-восточной части уезда «некоторые волости уже продовольствуются на счет запасных магазинов, и продовольствия все-таки нехватит, так что придется помочь крупною цифрой из продовольственного капитала. По неурожаю трав, сено и солома очень дороги. Стог сена, стоивший в прошлом году 50 р., теперь стоит 80 р.; сажень соломы стоит 15 — 16 р. или вовсе не продается за деньги, а за отработок: уборки 10 десятин или полной обработки (оранки, уборки и своза) 1½ десятин. Крестьяне продают нерабочий скот очень дешево».

Перешагнем чрез область официального голода на Кавказ, и вот известия, напечатанные в 1873 г.

В Сигнахском и Телавском уездах (Кахетии) крестьяне голодают. Одни уходят в соседние уезды на работы из-за корма, другие за поисками дикой марены, третьи за черемшей. Кто побрел в Тифлис, надеясь по пути и в городе прокормиться; кто от истощения сил собирается умирать на площади города. Были уже случаи обморока в камере мирового судьи от истощения сил, вследствие недостатка пищи. Шпинат, черемша, крапива, лебеда — вот и хлеб. Женщины толпами отправляются за поисками трав и счастливы, когда найдут в течение целого дня столько, чтобы наполнить один узел. При взыскании податей отбирают от двух братьев одно единственное одеяло и оставляют бедняков зимой в рубищах без возможности хоть ночью покрыться чем-нибудь... И от весны нынешнего года пишут, что на всем Северном Кавказе разорение и нищенство. Стада уменьшились наполовину. Более 700 семейств горцев распродали остатки стад и собираются уходить в Турцию.

Перейдем обратно в центр России.

О Калужской губернии еще в 1873 г. министерство должно было признать в своем циркуляре, что материальное положение сельского населения значительно ухудшилось, так что в настоящее время ощущается трудность *при самых крайних мерах* взыскивать с крестьян лежащие на них денежные взносы.

В конце того же года писали, что крестьяне Калужской губернии переселяются десятками семей в Тобольскую губернию, «так как в своей губернии, вследствие семилетнего неурожая, им положительно нечем кормиться». Хлеб продается в Калужской губернии по 1 р. 50 к. за пуд, и крестьяне страшно бедствуют. «Итак, — прибавляет корреспондент, видевший печальное положение переселенцев, — голод существует не в одной Самарской губернии, он проникает и в губернии центральные... Значит, велика нужда калужского крестьянина, если он, покидая родину, отправляется в такую страшную даль... Без денег, в плохой одеженке будут пробираться эти несчастные горемыки». Письмо это было от ноября.

И в нынешнем году от июня местные ведомости сообщают, что недостаток в семенах существует в 6 уездах, что в Калужском уезде, при дороговизне семян (более 4 р. за четверть овса), некоторые яровые поля останутся незасеянными. В Медынском уезде от 15 волостей крестьяне обращались за семенами в запасные магазины, причем в 7 волостях от всех селений. Частью семена были заняты на обременительных условиях. В Лихвинском, Перемышльском и Мещовском уездах озимые всходы были неудовлетворительны, в Жиздринском — крайне неудовлетворительны. В остальных уездах были значительные вымочки.

А вот очерк крестьянского житья-бытья и из соседней с Калужской губернией. Берем его из консервативного органа прессы. «В деревне Бабурине Тульской губернии весной этого года крестьяне собрались для очистки снега с полотна Московско-Курской железной дороги. Во время их обеда я случайно подошел к ним. Крутом ведра воды сидели изнеможенные от труда крестьяне и грызли сухой, весьма дурного качества хлеб, по временам макая его в воду и запивая. Их ломтики хлеба (у каждого было по одному) были так малы, что ими можно было удовлетвориться разве малолетнему. Это был их обед. Пораженный этим, я спросил, отчего у них, земледельцев, так мало хлеба. Один из крестьян объяснил мне, что, имея по наделу всего 6 десятин пахотной земли, разделенной на три посева, с двумя десятинами на каждый, и не имея рогатого скота, а, следовательно, и удобрения, они не добывают хлеба даже и настолько, чтобы пропитать семейство в течение всего года, так что для уплаты податей (25 — 30 р. в год) приходится уже обращаться к другим, большею частью случайным заработкам. «Эх, батюшка, — прибавил он, — скоро уведут последнюю лошаденушку, и тогда уж придется по миру итти. Хотя бы уже царь-батюшка нас сослал куды, а то просто не знаем, с чаво и жить-то».

Из Рязанской губернии писали в 1873 г., что «крестьяне села Дедова не получили пахотной земли ни клина. Земля вся луговая и принадлежит помещику. Крестьяне получили в надел на 3 200 душ 1 000 десятин, поэтому живут лишь заработками. Падежи и чума скота ежегодны, между тем нет ни одного ветеринарного врача. Бедняков разоряют к тому же ростовщики: за рубль берут в месяц 25 коп. процентов». Из отчета рязанской губ. управы от сентября 1873 г. было видно, что наличное состояние хлебных запасных магазинов там было очень неудовлетворительно. В большинстве уездов на каждую ревизскую душу приходилось с небольшим по 1 мере озимого и еще менее ярового. В январе нынешнего года в «Прав. Вестн.» было объявлено, что губернское земское рязанское собрание открыло губернской управе кредит в 30 000 руб. для пособия голодающим.

В Звенигородском уезде Московской губернии, по известиям от декабря 1872 г., «крестьяне обеднели до того, что трудно им

и поправиться... Между тем, — писал корреспондент, — сбор податей нынешний год производится особенно строго».

Из одного из промышленных уездов Владимирской губернии писали в 1873 г. в «Вперед»: «В наших местах дела в страшном застое; большинство фабрик работает вполовину или совсем стоит; лишних рабочих рук так много, что можно найти рабочих, готовых работать из-за хлеба... Фабрики уже успели отбить народ от земли, да и выбивание недоимок при нынешнем губернаторе (Струкове) производится так бесчеловечно, что почти не осталось ни коров ни лошадей; разумеется, и хозяйство при этом немыслимо, так что является новый вид пролетариев с землей, за которую приходится платить и которую нет возможности обрабатывать; вот вам и подтверждение, что в России немыслим пролетариат. Не знаю, что и будет, если дело продолжится еще год так, как теперь».

В нынешнем году в июне пишут в газеты, что государственные крестьяне Владимирской губернии получили в надел «на душу менее 5,08 дес. Как ни скромен этот надел, он все-таки значительно более надела крестьян, бывших помещичьих, которые получили только по 3,06 дес. на душу. В сущности, и те и другие наделы слишком ограничены и при самом удовлетворительном урожае не могут доставить крестьянам тех средств, которые необходимы для прокормления и для уплаты податей, выкупных платежей и других лежащих на них повинностей. При незначительности земельного надела крестьянское хозяйство страдает от недостатка пастбищ и лугов, отчего количество содержимого крестьянами скота уменьшилось до крайних пределов, а земля, оставаясь без удобрения, выпахивается и делается мало производительной. Такое положение сельского хозяйства грозит в будущем окончательным истощением земли и обеднением крестьян, если не будут приняты против этого какие-либо меры... При значительном числе фабрик во Владимирской губ. (1 704 фабрики с производством более 54 милл.), казалось бы, крестьяне могли находить хороший заработок, но на самом деле фабричная промышленность в самой незначительной степени содействует увеличению их благосостояния. При неограждении рабочих от произвола фабрикантов вознаграждение, получаемое ими за тяжелый фабричный труд, ничтожно».

От того же месяца из Покровского уезда той же губернии писали в другую газету, что «все уменьшающееся земледелие крестьян отзывается неблагоприятно на всем хозяйственном строе» населения, что одна из причин обеднения народа есть «громадная несоразмерность между доходом, получаемым с земли, и расходом, нужным для покрытия податей и хозяйственных потребностей»; что крестьянин Покровского уезда обратился в батрака, вечно работающего на других.

Из Макарьевского уезда (Ниж. губ.) писали в 1873 г.: «Здеш-

нее население не выходит из недоимок. Скота у крестьян почти не осталось: есть деревни, в которых на 60 ревиз. душ найдется не более двух лошадей, 10 коров и 40 овец. Вот тут и улучшай свое хозяйство удобрением. Сено дорого. Многие крестьяне еще в начале марта стали кормить своих лошадей ржаной соломой, а коров кормили этою соломой в течение всей зимы. Удивительно ли, что их лошади и коровы, выйдя на подножный корм, едва волочат ноги?» Их ссужают деньгами ростовщики за 5, 10 и 20% в месяц. Для уплаты оброков крестьянин продает свой хлеб на корню, а зимою должен покупать себе хлеб вдвое дороже на базаре. Купить мочалы на базаре по вольной цене не может, покупает у кулаков и довольствуется тою ценою, которую ему назначит богатый мужик. За недельный труд он получает на все семейство не более 3 руб. На эти деньги должен купить 3 пуда хлеба для семейства и скота на 2 р. 10 к. и соли на 5 к. Из недельного заработка остается 85 коп., которые можно бы употребить на приварок и другие расходы. Но тут не до приварка, когда то и дело под его окном раздается стук десятника, призывающего его к сельскому старосте для вложения в недоимку оброка и прочих повинностей и сборов. Так-то и идет его жизнь изо дня в день. Та же нужда заставляет его брать в кредит у мироедов мочалу и получать за свой труд от кулака еще меньше. Та же нужда заставляет его весной наниматься в бурлаки и за 15 руб. тянуть лямку 1 500 верст. Нередко с бурлачества приходится ему возвращаться христовым именем. — И нынче, в мае, корреспондент одной газеты, пишущий из Княгининского уезда и гораздо более интересующийся доходами церкви, чем крестьянским благосостоянием (очевидно, священник), все-таки должен сознаться; «что платежи у крестьян действительно велики, а заработки и прибыль их от земледелия чересчур малы», что и домашний быт их и пища ужасны.

Часть Казанской губернии захватил разлив самарского голода, именно Чистопольский уезд. Оттуда писали в ноябре 1873 года: «Весь край Чистопольского уезда, прилегающий к Самарской губ., начиная от речки Большой Черемшан, испытывает страшные последствия неурожая. Волости Старочелнинская, Старомаксимкинская, Егоркинская, Сиделькинская, Тихвинская, Кутеминская голодают положительно. В первых четырех волостях никакого урожая совсем не было, остальные три хотя и имели кое-что, но, *за уплатою податей,* теперь ровно ничего не имеют. Нам передавали, что некоторые крестьяне Кутужской волости Киязминского общества продали свои земельные участки для уплаты податей. Управа, как говорят, завалена списками нуждающихся в ссуде денег на продовольствие; ходатайств о ссуде уже теперь поступило тысяч на 60, ассигновано же только 30 тысяч руб. Достанет ли этих денег нуждающимся — решить трудно, и скорее можно допустить противное». — В декабре губернское земское

собрание постановило выдать Чистопольскому уезду ссуду в 130 000 р. и ходатайствовать об отсрочке им уплаты податей и повинностей на два года. — В январе 1874 г. писали в газеты, что голодающих эксплоатируют содержатели питейных заведений, покупая засеянный озимовый хлеб вовсе даром. Так, напр., полоса озими в 40 саж. ширины и 100 саж. длины продается за 4 р. 50 к. Это факт не единичный, такие покупки совершаются сплошь и рядом... Скот продается также за ничто; например, степная овца, стоившая 5 — 6 р., отдается за 1 р. 50 к. — В мае надеялись на хороший урожай, но писали, что крестьянину и в этом случае нелегко поправиться, так как он завален долгами, а сытые давали голодному в долг лишь по 50%. Это для яровых, а «относительно ржи, по словам корреспондента, расчет еще неутешительнее».

Кинешемская управа (Костромской губ.) докладывала собранию в марте 1873 г., что в некоторых волостях запасные магазины пусты, в других хлеба мало вследствие ряда неурожаев, ставивших крестьян не только в невозможность возвращать в магазины хлебные ссуды, но напротив, заставлявших их обращаться за ссудами на обсеменение полей из продовольственного капитала. Кинешемское уездное собрание, подобно многим другим, ходатайствовало перед правительством о рассрочке казенных недоимок, лежащих на крестьянах уезда. Министр финансов отказал в исполнении этой просьбы, мотивируя отказ тем, что нельзя допустить рассрочку платежей по целому уезду, ибо льготой могут воспользоваться вовсе ненуждающиеся лица.— Ну, а если весь уезд нуждается, мудрый сановник, что тогда?

В Ярославской губернии, по последним известиям, средний урожай — сам-третей, скота очень мало, озимого хлеба не только не осталось в запасе от прошлого года, но оказался большой недостаток. В городах в 1872 году число умерших (4 201) превзошло число родившихся (3 770) на 431 челов., а в губернии вообще увеличение населения составляло менее *полупроцента* (0,47%), «факт в высшей степни замечательный, — говорит автор, сообщающий это в газеты, —тем более, что в этом году никакой эпидемии не свирепствовало». Прибавим, что это приращение 1872 г. составляет еще весьма выгодное исключение, так как обыкновенная средняя величина приращения в Ярославской губ. не составляет *одной трети процента* (0,32%). Детей до 5 лет умирает 60,1% всего числа умирающих (в Пруссии — 37,8%, в Англии — 39,7%).

В Пермской губ. уже в октябре 1873 г. употребляли хлеб, о котором видевший его врач писал следующее: «Обоняние мое ясно различало, кроме обычного запаха хлеба, от всей нарезанной его массы еще какую-то летучую примесь, напоминавшую характерный запах погреба. Вглядываясь пристально в измельченный хлеб, я вскоре заметил на весьма многих кусках зеленый широко разостлавшийся и довольно толстый налет плесени, которая покрывала не только наружную часть иных кусков, но даже была

и на разрезанных поверхностях. Не подавая вида, я взял один из таких кусков и, рассмотрев ближе, убедился, что эта зелень принадлежала мощно развившейся плесневой грибнице, а когда я стал разламывать такой кусок, то полетела удушливая пыль, видимая глазом. Через лупу, бывшую со мной, я увидел совершенно сформированные и густо разросшиеся грибки с грибницами (основаниями), спороносными нитями и фруктифицирующими верхушками, и все это на красивом зеленом фоне, свидетельствующем о значительной давности развития грибков». — В ноябре оттуда извещали, что, кроме Ирбитского уезда, урожай там посредственный, а в Шадринском совсем плохой, так что в это время появлялись в газетах статьи под рубрикою *пермский голод*.

В нынешнем году шадринская управа издала брошюру, заключающую данные о народном здоровьи. Во всем уезде рождаемость немногим превосходит смертность, а «смертность, превышающая число рождений, есть явление весьма обыкновенное... Санитарная карта Шадринского уезда свидетельствует, что из 75 церковных приходов в 21, или в ⅓ уезда, замечается убыль, т. е. смертность превышает рождение, в 12 приходах, или в $^1/_6$ уезда, приращение равняется почти нулю, т. е. сколько родится, столько и умирает, так что половина уезда, а именно 44% христианского населения, представляет как бы одну общую могилу, начиная с самого города, где на кладбищах ежедневно хоронится средним числом три покойника»... Оспенная эпидемия, злокачественный и смертный понос, лихорадки уносят постоянно множество жертв. В 1870 году «в ближайших к городу деревнях более 357 человек не были в состоянии работать все лето вследствие болезней». Отличительную черту Шадринского уезда составляют и «невообразимые» падежи скота, из которого с 1869 по 1872 год пало крупного скота 40 980 голов на сумму свыше 500 000 руб.

Из Устьсысольского уезда Вологодской губернии от апреля 1873 г. писали, что там даже при хорошем урожае хлебопашество достаточно для прокормления только одной трети населения. Рабочая плата низка. Поденщик близ городов получает не выше 50 к., в деревнях не выше 30. Заработков нет, кроме страды, постройки и сплава барок с пристани и трепки льна. Зимой плата еще ниже. Плотник на барках за 60 дней получает чистых не более 60 р. Во время сплава бурлаки и грузчики работают без ряды: купец платит по произволу. Избы все курные, окна не более ¼ аршина в вышину, так что с улицы все избы походят на хлева. Зимой крестьяне так прокапчиваются дымом, что после 100-верстной пешей дороги от платья их разит сильный специфический запах. Пища дурна. — Все окрестности Яренска в сентябре 1873 г. были запружены нищими; в конце декабря их скопилось множество в Вологде без всяких средств к существованию.

Об Олонецкой губернии писали в 1873 г., что громадная смертность доказывает неудовлетворительность ее экономического по-

ложения. Бывали годы (1869), что в ней число умерших превосходило число родившихся.

Вытегорский уезд (самый богатый в губернии) почти голодал в это время. Он крайне нуждался в продовольствии хлебом и в корме скота. Бедняки осаждали управу, но она ничего сделать не могла. Уезду недоставало 37 102 р. для достаточного пропитания. Там же господствует эпидемия лихорадки. Ежегодно в уезде заболевает ею более 800 человек. В 1872 г. земство ассигновало на медицинскую часть всего 560 р. Сибирская язва уничтожила скот. Между тем в этом *самом богатом* уезде так берегут земскую копейку, что в 1870 г. продали за долг земству в 19 р. 25 к. мелоплавильни двух крестьян, разоряя и их окончательно и выручая в пользу земства 30 к.

Из той же губернии, из Пудожа, извещали нынче в мае, что «в последнее время бедность пудожских мещан дошла до поразительных размеров. За многими накопились недоимки за 5 лет», и дума не в состоянии взыскать их. Между тем благородное земство устроило больницу, из которой даже нищие не могут получать даром лекарств. — В июне писали в местных ведомостях, что во многих местностях Пудожского и Повенецкого уездов на урожай нынче вовсе нет надежды.

Из Шенкурского уезда Архангельской губернии находим в нынешнем году несколько интересных корреспонденций. Из них видно, что 1873 год для уезда был *урожайным*. Тем не менее «в 1873 г. хлебный дефицит в Шенкурском уезде простирался до 71 560 четв., и этот дефицит распространяется на все волости уезда. Можно поэтому судить, насколько обеспечены в своем годовом продовольствии хлебом жители прочих уездов губернии, когда в хлебородном уезде нехватает в урожайный год на продовольствие более 71 000 четв. Эти хлебные дефициты повторяются у нас ежегодно, и ежегодно жителям приходится обращаться для обсеменения полей к ссуде из хлебных запасных магазинов. Таким образом, хлебная недоимка год от году увеличивается, и нет надежды на ее уничтожение путем возврата долга». В самом выгодном случае хлеба для уезда может хватить лишь на $^2/_3$ года, а при частых неурожаях нехватает обыкновенно и на это время. Главный источник для обеспечения населения, хотя в небольшой мере, зависит от смолокурения, лесных, отхожих и других промыслов. Но, конечно, немедленно на всех этих путях встречаются кулаки, которые обращают эти единственные средства существования для крестьянина в средства для них, кулаков, закабалить его. Превосходным свидетельством подобного рода эксплоатации служит дело Булатова в Шенкурске в конце 1873 г. Мы к нему еще вернемся ниже.

В Поморье, — писали в одну из газет от 14 января 1873 г., — «лов рыбы в прошлое лето был настолько неудачен, что работники все остались в долгу у хозяев, ничего от них наличными не

получив. Посторонних промыслов, кроме рыбной ловли, нет, хотя зверь и водится, как, наприм., медведь, но для охоты нет пороху или он так дорог, что бедняки не имеют средств добыть его себе. В Корелии цена пороху доходит до 1 р. 50 к. за фунт и даже выше; местами пороху вовсе нельзя было достать. Виною этому — государственная монополия, введенная для «блага народа». Целые семейства остались без куска хлеба и отправились на зиму из деревни в город Кемь побираться милостыней, хотя и без них Кемь кишит нищими. Это — дело кулаков. «Едва ли где-либо, — говорит корреспондент, — вы встретите такую страшную эксплоатацию, которая бы так близко и непосредственно граничила с грабежом, как здесь у нас, на севере». В 1874 г. оказывалось из 1 935 душ населения Кеми 1 200 человек, живущих подаянием.

От мая нынешнего года пишут в газеты, что «на Терском берегу много крестьян терпит страшную нужду, хлеб у частных торговцев весь вышел, а цена ему в магазинах административной заготовки доходит до 1 р. 39 к. за пуд. Торосовый промысел, на который возлагали немало надежд, в настоящую весну был очень неудачный. У большинства крестьян вовсе нет скота; у кого было что-нибудь, продано и превращено в хлеб. Одни отправили жен с детьми побираться по-миру, и те ушли куда глаза глядят, другие бросили семьи и из-за куска хлеба нанялись в работники. Многие отправились просить подаяния за сотню верст в Кемь и другие места — к Архангельску; остальные, с сумой на плечах, собирают милостыню по окрестным деревням; просящих подаяния много».

И из Сибири — золотого дна — идут известия лишь о бедствиях и о бедствиях народа. В мае и в июне пишут в газеты, что в Барнаульском и Бийском округах Томской губернии свирепствует уже третий год падеж рогатого скота. Погиб скот в 50 деревнях, в Барнауле, на заводах Павловском, Змеиногорском и Сузунском, в некоторых казачьих станицах. Нынче весной очередь дошла до Бийска. В мае, по одним заявкам полиции, пало уже там 3 000 голов. Падеж так силен, что едва десятки остаются из нескольких тысяч голов скота. В это же время телеграфировали в Петербург из Нерчинска, что цена хлеба в округе дошла до 2 р. 50 к. за пуд, магазины пусты, в посевном зерне недостаток, продовольствие крестьян весьма затруднено. — И с Амура писали в «Моск. Вед.» в апреле, что урожаи по Николаевскому округу в 1873 г. очень плохи.

Окончим немногими указаниями из Литвы и Польши, где императорское правительство так хвалится тем, что оно стоит «за народ русский» против «панов польских».

Начальник Сувалкской губернии обратился в ноябре 1873 г. в министерство финансов с ходатайством, в котором полагал, что полные неурожаи в продолжение нескольких лет расстроили до такой степени положение крестьян, что они лишились возможно-

сти не только уплачивать казенные подати и сборы, но и пропитывать себя собственными средствами. Вы ожидаете, что он требовал пособия? — Нет, он ходатайствовал лишь о сложении со счетов пени, накопившейся по 1 января 1873 г.

Конец 1872 года будет долго памятен в Могилевской губернии. Он ознаменовался «походом на обывателей» с усиленным требованием недоимок. Полиция описывала имущество того, кто не мог платить. Крестьяне еще с сентября продавали все, что могли. Затем пришлось последнее нести кулакам. Полиция распродавала «не только необходимую в крестьянском хозяйстве рабочую скотину, но даже и необходимую рухлядь, прибегая, кроме того, к арестам, а иногда к розгам». В Оршанском уезде новый исправник, желая отличиться, пустил в ход «самые энергические меры». Между тем у крестьян безденежье было крайнее, цены на рабочий труд поденно стояли: за мужской от 15 до 20 коп., за женский от 12 до 15 коп. «Вообще после этого погрома, — писали в конце февраля 1873 г., — уж теперь чувствуется в Могилевской губернии страшный недостаток во всем». — Но что за дело начальству до бедствий народа? Из крови и пота голодных могилевских крестьян правительство царя-освободителя сумело добыть себе *полтора миллиона рублей*. Нельзя не поздравить с успехом.

От Кавказа до Белого моря, от Амура до Вислы — всюду одно и то же; всюду факты бесспорные, официальные; всюду голод, в некоторых местах — в остром приступе, в других — в форме хронического голодания, этого естественного, рокового состояния русского крестьянина почти под всеми широтами. Всюду разорение, всюду болезни, всюду вымирание... И всюду тот же вампир сосет кровь народа русского; всюду те же эксплоататоры грабят ограбленного, отнимают последний кусок хлеба у голодного...

Какой вампир? Какие эксплоататоры?.. Неужели это нужно еще спрашивать?..

Обратимся к страшным гнездам страдания, нищенства, вымирания. Обратимся к какому угодно месту хронического голодания. Спросим себя: где причина, настоящая причина этого зла? Спросим центральную власть, местные власти, выборных русской земли, господствующие сословия, представителей прессы: что сделали эти правительствующие или интеллигентные силы для предотвращения страшного зла? Как отнеслись они к нему, когда оно явилось? Насколько они виноваты в его хроническом господстве? Спросим себя, спросим читателей, спросим народ: что следует сделать, чтобы *в самом деле* побороть это зло?

V. Вампир русского народа

Какая же *настоящая* причина этого страшного бедствия?

Поводом к нему всюду был ряд неурожаев, падежей скота, но это *не причина*. Это одинаково сознают реакционеры, консерва-

торы, либералы, и много столбцов газет, много речей в собраниях цивилизованных классов, много листов официальной переписки было посвящено вопросу об этих причинах. В одной из своих статей по этому предмету «Московские Ведомости» указали пять причин голодов последнего времени, причем, конечно, особенно напирали на пьянство между крестьянами, на *их* хищническое хозяйство (мы увидим ниже, *кого* приходится обвинять в хищническом хозяйстве). В других статьях они снова выставляли на вид развитие пьянства (не между теми ли крестьянами, которые, как мы только что видели, обедают, макая засохшую корку дурного хлеба в ведро с водой?). Еще в других статьях они вопияли: «Без преувеличения можно сказать, что в сельско-уездной жизни нет житья; анархия со дня на день поднимает голову; разложение быта семейного, общественного и экономического чувствуется в крестьянстве, куда ни погляди... Помощи нет ниоткуда».

И эти слова с радостью цитирует знаменитый Бланк в своем докладе петербургскому собранию сельских хозяев. Он с пеною у рта кричит о «деморализации» народной, «на которую я (Бланк) указывал неоднократно с 1866 г.». Он видит *общие* причины в двух началах: в деморализации народной и в истощении земли. Он намекает на уничтожение крепостных отношений, как на основной повод к этой деморализации, к этому истощению,— следовательно, как на исходную точку голодания, забывая, что в голод 1833 года, как ему указала одна консервативная газета, пришлось ассигновать до 30 миллионов рублей на обеспечение продовольствия, не считая отпуска хлеба натурою из военных запасов и сложения податей; забывая, что в 1840 и в 1844—46 годах из государственных сумм назначено было на пособия от семи до десяти миллионов рублей. Тогда государство давало не с такою скаредностью, но почему? Потому что пособия шли в руки господ помещиков; сколько из этих миллионов проигрывалось, пропивалось, проедалось и прокучивалось в Москве, Петербурге и Париже цивилизованными крепостниками и какая доля доходила до голодающего народа, этого никто не знал и знать не мог.

Но среди этих разглагольствований и завываний хищного крепостничества проскакивают невольные признания относительно истинного положения дел. Между пятью причинами, указанными «Московскими Ведомостями», есть и «тяжесть податей», и мы ниже вернемся к драгоценному отрывку, сюда относящемуся, драгоценному тем более, что мы можем его почерпнуть из столь «благонамеренного» источника. В длинном обвинительном акте против народа русского, произнесенном г. Бланком, проскакивает свидетельство, мимо которого он быстро проходит, но которое *остается*. «Повинности крестьянам сделалось платить тяжело; накопились долги и недоимки».

В более совестливых изданиях эта причина если и не считается единственною, то вырастает в главную.

«Перемежка урожаев и неурожаев, — писал в 1873 г. один известный автор, весьма мало революционный уже по самому своему положению, — явление обычное в крестьянской жизни. Но после двух и трех лет неурожая, даже такого, какой постиг Самарскую губернию, еще далеко до голодного бедствия, если крестьянство не разорено предварительно: оно продаст еще лишнее для прокормления себя, но никогда не продаст скота, необходимого для удобрения и обработки земли; взаймы, покупкой в долг — неразоренному крестьянину свободный кредит всегда и везде — он обсеменит свои поля, с тяжкой нуждой, со всевозможными лишениями, но все-таки в конце-концов добьется выхода из временного бедствия. Но для разоренного крестьянства достаточно одного неурожайного года, чтобы стать в безвыходное положение, самый близкий результат чего и есть голодное бедствие, с своими страшными спутниками — голодным тифом и т. п. эпидемиями. — В каком же положении крестьянство во многих наших местностях — разоренное ли, неразоренное?.. Ответ на этот вопрос дает жизнь: экономический уровень нашего крестьянства большей частью упал чрезвычайно низко. Какие причины обусловили этот упадок?.. Многие, но одна из самых главных — непосильные повинности и способ взыскания их.

О том, насколько повинности, которыми обременено крестьянство, превышают его платежные силы и средства, уже столько говорено в печати, что доказывать еще раз истину представляется совершенно излишним. Казенное крестьянство при новом порядке вещей еще могло несколько лет пробавляться старыми запасами; что же касается помещичьих крестьян, то с полученной свободой они сразу были поставлены в крайне тяжелое положение. С хозяйствами, разоренными при крепостном быте, с наделами землей низкого качества, с лишением лесу, пустошей, выгонов,—вот с чем большинство этого крестьянства вступило на новый путь жизни. С точки зрения простых выгод для крестьянства требовались льготы, чтобы оно смогло и успело, как говорится, стать на ноги. Всему свое время, пришло бы время для тех или других общественных улучшений, но уже тогда, когда они не могли бы внести расстройств в хозяйственный быт крестьян. А между тем в эту-то самую пору, когда им лишь только приходилось стать на ноги, на них и посыпались сборы за сборами: казенные повинности с разными дополнительными и прибавочными, выкупные платежи, земские повинности под всевозможными наименованиями, повинности за всякое ремесло и за всякий промысел. И все эти десятки и сотни тысяч рублей, кинутые на починку дорог, дурных прежде и совсем непроездных после утопленных в них тысяч, на устройство мостов, по которым нет человеческой возможности ездить, на разные фантастические затеи, а где и рас-

хищенные без лишних церемоний, — все это главным образом вырвано из крестьянского хозяйства в то самое время, когда нужно было только восстановлять и расширять его. Нужно ли говорить, к чему должно было повести это и повело в действительности?.. И последовал тот неизбежный результат, что начались недоимки с первого же года полученной свободы.

Казенное крестьянство было в лучшем положении... Но с наступлением нового порядка вещей непосильные повинности внесли расстройство в хозяйственный быт и этого крестьянства. И это крестьянство стало уже под один уровень с бывшими помещичьими: повинности взыскиваются с него с великими затруднениями; а благодаря самому способу выбивания слишком недалеко то время, когда выбивать будет положительно не из чего.

Из Самарской губернии заявлены такого рода факты: в селении Словенке крестьяне хотели продать скот для покупки семян, но это не было допущено в виду числящейся на них недоимки; в Николаевском уезде земледелие ведется еще перелогами, а это требует большого количества скота для толоки и пахания плугами; с уменьшением количества скота год от году уменьшаются и запашки крестьян; скот распродается за недоимки по ничтожной цене, 3—5 руб. за лошадь и т. д. Казалось бы, трудно ли сообразить, что с незасеянных и необработанных полей и совсем взять будет нечего, не говоря уже о неизбежном голоде для земледельцев не только на настоящий, но и на будущие годы... Но служебная ревность не допускает подобных соображений, а такова, и в большинстве случаев, практика выбивания повинностей. За распродажей всего на уплату повинностей, что еще оставалось от прежних достатков, обыкновенно приступают к распродаже скота; и никаких соображений при этом — чем отзовется подобная распродажа в будущем!.. Продан последний скот со двора — только ли то потерял тут крестьянин, что всегда теряется при безвременной и особенно аукционной распродаже?.. Нет, он потерял самое главное и существенное в земледелии — удобрение поля и возможность будущего труда: без лошади что же он будет делать весной?.. Положим, что, так или иначе, запродав, напр., $^2/_3$ своего летнего труда, он приобретает лошадь, но что же даст ему неудобренная и уже кое-как, из-за закрепощенного труда, обработанная земля?.. Много что возвратит брошенные в нее зерна. Что же затем?.. Опять повинности, значит, продажа и этой лошади, чем уплатится некоторая часть повинности и недоимка. Дальше?.. Земля вымотана, работать не на чем, есть крестьянину с семьей нечего; извольте получать с кого и как угодно недоимки, наприм., в силу круговой поруки, с тех крестьян, у которых еще не весь скот распродан. И вот значение тех громадных, миллионных недоимок, которые уже легли на некоторые уезды Самарской губернии и crescendo охватывают прочие местности.

Таково действительное положение крестьянства, быть может, еще не везде, но, несомненно, в большинстве местностей. Селения богаты, крестьяне зажиточны,—все это делается преданием, которому потому только и верится, что все это было еще на наших глазах...

Верных показаний того, что предстоит впереди, было и есть достаточно: лет пять тому голодное бедствие в Смоленской губернии и вообще на севере России; затем то же бедствие, но в самой страшной степени своего развития, в Холмском уезде Псковской губернии, в Мглинском и Суражском, Черниговском; теперь, не говоря уже об Оренбургской и Херсонской губерниях, о северном побережьи Черного моря и пр., то же бедствие в самой житнице России — в Самарской губернии, и в таких размерах, о которых и теперь уже, в самом начале осени, слышать страшно, — а что будет к весне? Что будет в следующем году там, где не засеяны поля?.. Верных показаний, казалось бы, больше, чем достаточно, а между тем какие меры, разумные и целесообразные, предпринимаются для предотвращения дальнейших бедствий? Не видно и не слышно, чтобы предпринимались те меры, без которых никакая благотворительность не уврачует зла. В печати лишь задаются вопросами: вследствие чего голодные бедствия вдруг обрушиваются на ту или другую местность? Как будто бывает что-нибудь вдруг, а не подготовляется издалека, причем временный неурожай лишь ускоряет и доводит до крайности бедствие; как будто трудно было, напр., предвидеть, что там, где разбрасывались десятки тысяч рублей из земских сумм лишь на поездки в Петербург ради концессий, не говоря уже о земской гарантии, против которой восставало все местное население, вследствие чего явились недоимки, а за ними распродажа крестьянского скота и т. д., до всецелого разорения крестьянства, — там голодное бедствие, раньше или позднее, неминуемо».

Эту самую причину специально выставляют, как сказано выше, и «Московские Ведомости», говоря о Самарской губернии. Они пишут следующее:

«При обсуждении известного проекта податной реформы самарское губернское земское собрание уже заявило о тягости повинностей, лежащих на сельском населении или, вернее, на значительной части его.

Вот что говорит в своем показании пред комиссией, которой поручено было исследование о положении сельского хозяйства, один из самарских помещиков, Л. Б. Тургенев [148]:

«Я думаю, что налоги велики. Вот что выносит крестьянская земля, т. е. собственно не земля, а рабочие плечи: подать на душу рублей 5, а в последнее время рублей 10 с надела, выкупных 7 р., волостные расходы 1 р., священнику 1 р., на общественное управление копеек 30 — 50, итого приходится на надел от 20 до 24 р., что для Ставропольского уезда составит 6 р. на десятину. Между

тем десятина дает 6 р. только при сдаче под рожь, под яровое же 4 р., значит, можно считать 3 р. с небольшим на кругу. Положим, крестьянин получит 15 р. с десятины при собственной обработке, но ведь ему еще нужно прокормиться и одеться. Неурожай окончательно подкашивает крестьянина. В доказательство того, что ему действительно очень тяжело, а платежи действительно сильны, я сделаю одно практическое замечание: прежде у нас кабалы не было, она представляла историческое предание, теперь же является кабала, и кабалятся года на 2—3 вперед. Это ужаснейшее явление. Далее, я живу в Ставропольском уезде лет 20; прежде крестьяне квасили капусту с солью, а теперь нет. Богатый крестьянин, который имеет деньги, еще богатеет при этих условиях, высасывая сок из остальных» *.

Из материалов, собранных помянутым сельскохозяйственным исследованием под руководством статс-секретаря П. А. Валуева, мы узнаем, что денежные повинности крестьян в некоторых случаях доходят до 6 р. 40 к. с десятины; что крестьяне, получившие в дар четверть надела, платят в десять раз более, чем меннониты. Средним числом, по данным этого исследования, приходится денежных платежей с десятины:

У меннонитов	—	р. 23	к.
„ колонистов	—	„ 74	„
„ крестьян барщинных	—	„ 83	„
„ государственных	—	„ 87	„
„ собственников	2	„ 23	„
„ получивших 1/4 надела	2	„ 32	„
„ оброчных	2	„ 83	„

Это средние цифры по губернии. Между тем долгосрочная арендная плата на землях удельного имущества в разных местностях Самарской губернии была такова:

В с-з. углу Ставропольского	от 2 р.	50 к.	до 3	р.	—	к.
„ Самарском уезде	1 „	50	„	2 „	50	„
„ Николаевском по Волге			„	1 „	50	„
„ сев. части Бузулукского			„	1 „	20	„
„ южной части Бузулукского	от	50 „	„	1 „	20	„
„ Бугульминском				1 „	—	„

Из приведенных данных ясно, что в очень многих случаях денежные повинности крестьян превышают арендные цены и что, стало быть, значительная доля повинностей падает на личный труд крестьян. Большинство добывает некоторые средства извозом, т. е. таким промыслом, который также вполне зависит от урожая. Самарская губерния — чисто земледельческая, исправное поступление податей зависит там от урожая. Урожай должен

* Эту последнюю фразу г. Тургенева «Моск. Вед.», конечно, не передали, но мы, кстати, внесем ее сюда же. Она находится в официальном источнике.

быть значительный чтобы повинности поступали без затруднений.

Почти все известия из Самары жалуются, впрочем, не столько на высоту повинности, сколько на несвоевременность их требования, на крутые меры по взысканию недоимок. Чтобы добыть деньги на уплату податей осенью и зимою после неурожая, крестьяне нередко должны были запродавать свой труд в горячее время посева, и запродавать за бесценок. Они опаздывали с посевом на своих полях; потом оказывалось, что на полях, почти смежных, был порядочный урожай, если посев был сделан во-время, и не получалось даже семян, если запаздывалось посевом. В степных уездах Самарской губернии за недоимки продавали крестьянский скот, и эта продажа производилась даже в таких размерах, что крестьяне должны были решительно уменьшать запашки, а с тем вместе все более и более затягиваться в недоимки и долги.

Податная реформа и пересмотр законов о недоимках становятся, очевидно, потребностью неотлагательною. Список местностей, где подати становятся почти не под силу, постоянно возрастает. К Холмскому уезду Псковской губернии, к Мглинскому и Суражскому Черниговской прибавляются теперь некоторые уезды Самарской».

«Самарская губ., — пишет более серьезный автор, — в сущности пострадала не от одного только неурожая, а от весьма сложных экономических причин, от таких, от которых не свободна ни одна наша губерния, рискующая в свою очередь быть поставленной, рано или поздно, еще в худшее и более безвыходное, чем Самарская губерния, положение; причины эти старые, даже застарелые, хронические, как бывают хронические болезни, которые, будучи применены к жизни государства или народа, суммируются, как причины исторические. Самарская губерния голодает именно от этих исторических причин, которые продолжают упорно жить среди нас, потому что мы до сих пор не принимаем на себя труда не только отстранить их, но даже и изучить, насколько это необходимо для успешной борьбы с ними. Причины эти, так сказать, сквозят в каждом акте, в каждом проявлении экономической жизни данной местности...

Поразивший ныне самарское Поволжье голод—не случайное явление, не такое бедствие, которое неожиданно набросилось на беззащитный край. Голод подбирался к Поволжью медленными, но твердыми шагами, и его приближение можно было бы уследить по таким болезненным экономическим симптомам, на которые обыкновенно здоровый организм не обращает внимания»...

Далее, сравнивая выгодное положение меннонитов с положением нашего крестьянина, автор спрашивает: «какое колдовство употребляли меннониты», чтобы выгородить себя из всеобщего голода, и отвечает: «колдовство это было — деньги, экономическая

обеспеченность... Торопиться им было особенно нечего: исправники, становые, помещики и арендаторы-сдатчики не стояли у них над душою с напоминанием о немедленном взносе податей, недоимок, оброчных, выкупных и арендных платежей, и в то время, когда хлеб окончательно просыхал в сарае, меннониты начинали пахать свои поля к будущим посевам; пахали они раз, потом перепахивали, потом вновь перепахивали, затем еще раз и еще раз; так они проходили по одной ниве обыкновенно раза четыре или пять... Но русское население не может допустить себе этой роскоши, потому что осень оно употребляет на спешную молотьбу хлеба и на продажу его кулакам и перекупщикам, чтобы полученными от них деньгами, а иногда и задатком на будущий хлеб, как-нибудь извернуться».

Далее, рассчитывая доходы и расходы самарского крестьянина, автор находит, что «ежегодные богатства» его «*в урожайный год* выражаются следующими довольно жалостными цифрами:

У государственных крестьян доход целой семьи	44 р. 46 „
„ удельных „ „ „	34 „ 58 „
„ помещичьих „ „ „ „	от 4 р. 94 к. до 19 „ 76 „

Меньше пяти рублей годичного дохода на семью — да разве это не голод?

А каковы потребности и расходы крестьянской семьи? Конечно, самые ограниченные, но как их ни ограничивай, все-таки, по самому умеренному расчету самарского земства, каждая крестьянская семья, нормальная (только 2½ ревизской души с бабами и детьми), неизбежно съедает на хлебе и изнашивает на одеже до 100 р. да взносит платежей до 32 рублей.

Расход 132 руб. в год, доход 4 руб. 94 коп.! Но положим даже, что все семьи получают доходу по 44 р. 46 к.; так и тогда давление дефицита на крестьянскую экономию выразится 87 рублями 54 копейками. А где их взять? Надо принимать землю у хищника или итти к нему в кабалу». Прибавим, что одни «платежи» превосходят средства бывших помещичьих крестьян *почти вдвое для наиболее богатых и слишком вшестеро* для беднейших.

После этого неудивительно читать отзыв г. Аксакова перед комиссией для исследования сельского хозяйства в Самарском крае, что в некоторых местах крестьяне «вовсе кинули свои наделы и разошлись по сторонам», не надеясь прокормиться от земли; что «отведенный крестьянам надел большей частью недостаточен»; что во многих имениях крестьяне, получив надел по обязательному выкупу, промышляют нищенством; что с 1870 г., «по окончании десятилетнего обязательного срока пользования землею, в губернии обнаружилось всеобщее движение крестьян к выселению (но куда?), с полным отказом от надела и усадебной оседлости». Неудивительно слышать, что гр. Орлов-Давыдов перед тою же комиссией (до голодного года) говорил, что крестьяне жа-

луются на обеднение. «Их хаты плохи и похожи на навозные кучи, крыши не исправляются; бывает, что стоят ворота, а забора нет. В сундуках у крестьян тоже пусто стало».

Из другого крайне умеренного и осторожного источника берем еще сведения о шести губерниях нашей родины. В следующей таблице выставлены для этих губерний плата с десятины, сумма повинностей, приходящихся на душу, и количество недоимок, лежавших на населении к 1 января 1872 г.

Название губерний	Плата с десятины	Повинности на душу		Сумма недоимок
Волынская	2 р. — к.	4 р. 78 к.	около	750 000 р.
Гродненская	— „ 60 „	4 „ 30 „	„	300 000 „
Минская	— „ 74 „	3 „ 66 „	более	300 000 „
Новгородская	1 „ 43 „	5 „ 90 „		3 050 572* „
Петербургская	— „ 91 „	9 „ 77 „	около	464 000 „
Псковская	— „ 75 „	5 „ 26 „	„	300 000 „

«Не должно забывать,—пишет умеренный журнал, что $^1/_6$ пространства этих губерний занята неудобными землями... Денежные повинности с земли для некоторых плательщиков, по отношению к нормальному доходу, составляют от *ста шестидесяти до двухсот десяти процентов*». Относительно трех губерний Полесья автор считает данные «едва ли не ниже действительности, так как там крестьянин, не выручая от земледелия средств не только для уплаты налогов, но и для своего прокормления, не имеет на месте достаточных способов и к другим заработкам».

Мы видели, что в Саратовской губ. «вдвое увеличившиеся» земские повинности и строгое их взыскание в самое время голода выставлены, как одна из видимых причин разорения крестьян; что около Ростова-на-Дону крестьяне подавлены «недоимками податей и других сборов»; что «размер государственного земского сбора» и «частной повинности» грозит там земледелию «в близком будущем банкротством»; что в Миусском округе продавали скот за бесценок — т. е. отнимали у земледелия его основной материал — для уплаты «подушных недоимок, земских повинностей»; что в Черниговской губернии «платежи так громадны, что крестьяне положительно разорены»; что в Новгородской губ. «недоимки возросли до неоплатных размеров», а в иных местах подати и сборы составляют 160% всего валового дохода крестьянина; что в Псковской налог отнимает «до $^2/_3$ валового дохода» и производит «хронический дефицит» в крестьянском хозяйстве; что в некоторых местах Тверской подати составляют 56% дохода; что в Харьковской недоимки доходят до 25 р. на душу; что на Кавказе сдирают с голодающих последнее одеяло; что в Калужской губ. «самые крайние меры» употребляются для вымучивания денежных взносов; что в Звенигородском уезде при

* Более 6 р. на душу.

крайней бедности крестьян сбор податей производится особенно строго; что во Владимирской губ. «выбирание недоимок производится бесчеловечно»; что в Нижегородской население «не выходит из недоимок»; что многие волости Чистопольского уезда «за уплатой податей ровно ничего не имеют» и некоторые крестьяне «продали земельные участки (т. е. обратились в бобылей) для уплаты податей»; что в Пудоже народ подавлен недоимками; что в Сувалкской губернии крестьяне «лишены возможности уплачивать подати»; что в Могилевской губ. при «крайнем безденежьи» происходит поход на обывателей, причем принимаются «самые энергические меры» и — выколачивается «полтора миллиона»...

Всюду, всюду одна и та же причина...

Прибавим к предыдущему еще бесспорные свидетельства. Пред нами «Доклад высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», доклад, производящий порою комическое, порою возмутительное впечатление. Мы к составу и к действиям этой комиссии еще вернемся ниже. Перелистывая толстый фолиант стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию, фолиант, изданный *в 1873 г.,* невольно улыбаешься, читая о повсеместном «улучшении» положения крестьян в губерниях, где повсеместно господствует самый сильный голод, и чувствуешь глубокое отвращение к этим представителям «цивилизованных классов», «рационального хозяйства», которые наполняют целые страницы воплями о падении землевладельческого хозяйства, о необходимости сельского устава и едва упоминают о положении крестьян, уверяя, что они везде благоденствуют. Однако среди толпы этих хищных идиотов и эксплоататоров некоторые свидетели дают себе труд остановиться внимательнее на вопросе о положении крестьянского хозяйства, и эти неизбежно рисуют картину самую мрачную...

Граф А. П. Шувалов приписывает экономические страдания России «нашей податной системе со всеми ее стеснительными последствиями... Я полагаю, — говорит он, — что в настоящее время пред податным вопросом все остальные являются ничтожными... Что касается до крестьянского надела, то для меня не подлежит сомнению, что в общей сложности налоги превышают доходность земли, так что невозможно даже признать их поземельными, а лишь замаскированными личными налогами, сам же крестьянский надел является здесь не как действительная собственность, а как способ соединения — приурочивания плательщиков к одному месту для целей фиска... Цифру платежей с душевого надела вообще во всей России можно принять 12—14 р.... Я придаю мало веры всем отдельным мерам пособия, поощрения, покровительства и т. п., с целью поднятия уровня сельского хозяйства, и считаю действительной только одну меру — скорое разрешение податного вопроса в смысле полного освобождения рабочего труда».

Князь А. И. Васильчиков[149] указывает на факт, что крестьяне, передавая земли, возлагают на нового хозяина «уплату податей и повинностей» за прежнего безо всякого дальнейшего его вознаграждения, и выводит из этого факта, что «баланс крестьянского хозяйства в настоящее время сводится так: в приходе столько, в расходе на уплату податей и повинностей столько же, сколько в приходе, в остатке — нуль». Далее он повторяет, что «крестьянские хозяйства приходят в упадок по той, если не единственной, то высшей причине, что земли, поступившие в надел крестьянам, обременены налогами выше их доходности».

«Причину обеднения крестьян,— говорит В. Ф. Лугинин[150],— я вижу в громадных, несоразмерных с их заработками платежах, которые на них лежат. Пересмотр и уменьшение выкупных платежей я считаю настоятельно необходимым для поднятия экономического быта наших крестьян».

О чрезвычайной тяжести налогов для крестьян, об увеличении тяжести самым способом сбора и о том, что крестьянин не выходит из долгов, говорили некоторые другие из призванных свидетелей.

Оказывается, что приведенные черты нищеты и голодания — не случайности, не исключения, это — общее состояние русского народа под неимоверным давлением податей. И это известно правительству. Вот сообщаемые одним журналом сведения из ведомостей главного выкупного учреждения и из трудов комиссии о земских сметах и раскладках:

«Крестьян на подушной подати около 18½ милл.; средним числом эта подать составит 2 р. 50 к. на душу. К этой подати присоединяются выкупные и оброчные платежи. На выкуп переведено 4 185 000 душ, с которых причитается 26 626 000 руб. выкупного платежа, что составит по 6 р. 35 к. с души. Неизвестно, сколько приходится на душу оброка в тех местностях, где крестьяне не переведены на выкуп, но, судя по тому, что все выкупные акты составлялись по расчету платимых оброков, за скидкою 20%, надо полагать, что вообще оброки выше выкупных платежей на 20%. Средняя цифра выкупных платежей по внутренним губерниям составляет до 1 р. 89 к. за десятину. В Новгородской губернии средний выкупной платеж составляет 1 р. 26 к. на десятину, в Псковской — 1 р. 32 к., в Смоленской — 1 р. 61 к., в Тверской — 1 р. 75 к., в Рязанской — 2 р. 34 к., в Тульской — 2 р. 47 к. Эти выкупные платежи нередко приходятся на земли, которые, по отзыву земских собраний, настолько мало производительны, что без сильных удобрений и самой тщательной обработки представляют только мертвый капитал, не приносящий никакой выгоды. Даже в Херсонской губернии, по личному исследованию начальника ее, доход с крестьянской земли, обнимающей три надела, составляет 133 р. 80 к., а расход на прокормление и одежду — 141 р. 30 к. Ясно, что доходов от земельных наде-

лов в Херсонской губернии недостаточно на удовлетворение первых потребностей. За эту землю приходится 21 р. 60 к. выкупных платежей, кроме всех других повинностей. Средства на это добываются на стороне. При среднем урожае после уплаты податей, при всем возможном усердии к работе, *почти ничего не остается,* при плохом урожае крестьяне сбывают скот, которым обзаводятся после хорошего года и который мог бы послужить к улучшению их благосостояния. *Таким образом, крестьяне платят не процент с дохода, а работают собственно на подати.* Кроме того, сельское население платит по особому договору за право пастьбы скота в помещичьих угодьях и покупает лес на ремонт своих построек и на отопление; на нем лежат также общие губернские и уездные денежные повинности, волостные и мирские расходы, натуральные повинности: дорожная, подводная и пр.».

Выводы, к которым пришла новая комиссия, не менее интересны.

Оказывается, что с сельского населения «всех сборов — около 208 миллионов руб.». Количество земель, оплачивающих эти сборы, разделяется приблизительно поровну между землевладельцами и крестьянами, так как, по мнению комиссии, крестьяне платят «около половины государственного» сбора, а этот сбор только для удельных крестьян значительно отходит от средней величины. На крестьян комиссия полагает около 105 милл. десятин. Вероятно, значит около 100 милл. принадлежит помещикам. Узнаем, что около 15 000 этих счастливцев владеют почти половиною этого количества *. Доходность помещичьей земли, конечно, далеко превосходит доходность крестьянской. Так, «в последнее десятилетие (до 1871 г.) урожай для нечерноземных почв выражается следующими цифрами:

	В землевладельческих имениях	В крестьянских хозяйствах
С одной десятины ржи	4—7 четв.	2—4 четв.
„ „ „ овса	6—8 „	3—5 „

При этом комиссия нашла, что землевладельцы, получая для значительной части своих семей весьма видную долю государственного бюджета — не говоря уже о биржевых и иных спекуляциях — с своих 100 миллионов лучше обработанной и более доходной земли платят всего «около *13 миллионов* руб.», тогда как *195 миллионов* приходится на долю крестьянства. Разделение совершенно согласное с экономической задачею современной цивилизации: эксплоатировать нищего рабочего путем государ-

* Таблица, откуда это видно (табл. II прилож. IV), весьма неполна, не заключает вовсе сведений для 8 губерний из 49, а для трех остальных, для столбца владельцев, имеющих более 1 000 десятин, заключает лишь число помещиков. Поэтому приходится ограничиться общими выражениями, приведенными в тексте.

ственных учреждений и порядков в пользу господствующих классов.

Далее видим, что наделы крестьян крайне неравномерны и бывшие помещичьи крестьяне получили надел средним числом 3,52 десятины на ревизскую душу, но «весьма многие... получили низший размер надела... составляющий в большей части губернии от 1 до $1\frac{2}{3}$ десятины на ревизскую душу, не говоря уже о значительном числе крестьян, получивших $\frac{1}{4}$ надела в дар и имеющих по большей части от $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{3}$ десятины на душу. Такие ничтожные наделы, — замечает комиссия, — совершенно не в состоянии обеспечить существование крестьян. Между тем число крестьян, получивших такие наделы, весьма значительно как в губерниях приволжских, так особенно в центральных черноземных губерниях, где средние наделы крестьян-собственников по целой губернии составляют иногда 2,3 десятины на ревизскую душу (Курская губ.) и даже 1,99 десят. (Полтавская)».

С этих-то обобранных пасынков земли русской государство сдирает 195 миллионов рублей!

Комиссия была вынуждена при этом скромно заметить: «Общая сумма всех сборов и платежей, падающих на крестьян, в немногих местностях может покрываться доходами с земельного надела без посторонних заработков, и в некоторых местностях, даже в черноземной полосе, сумма всех платежей превышает доходность земли в 5 раз, т. е. почти всецело ложится на заработок».

Отсюда комиссия пришла к следующим «соображениям и заключениям»:

«Итог всех прямых повинностей... слагается из отдельных налогов, установленных и раскладываемых... без всякого соотношения к платежной силе вообще... Земля и земледельческий труд... во многих местах перестали быть источником дохода и становятся в тягость. Прискорбный факт этот... ставит общую реформу прямых податей в число самых насущных потребностей России...

... В центре, в северо-западных и отчасти в низовых губерниях являются местности, в которых размер выкупных платежей превышает значительно стоимость надела и надел не только не дает средств к уплате лежащих на нем повинностей, но даже не в состоянии прокормить крестьянина с семьею.

Местности эти положительно бедствуют, сельское хозяйство в них падает и изнемогает под бременем накопившихся недоимок, ставящих население в совершенно безвыходное положение...

Из предыдущего видно, что во многих случаях земля не в состоянии вынести всего бремени лежащих на ней повинностей и что источником для уплаты их является крестьянский труд. Обстоятельство это получает особенное значение в виду существующего весьма значительного обложения этого труда, совершенно независимо от платежей земельных и за землю. На сельский труд,

кроме этих платежей, падают подати и сборы, раскладываемые по душам... всего более 90 миллионов рублей...

В заключение комиссия считает своею обязанностью обратить внимание на принятый способ взыскания податей и недоимок, сопровождающийся большею частью продажей скота и инвентаря. Мера эта, применяемая без всякого разбора, немало содействует упадку сельской производительности».

Таким образом, нельзя сомневаться. Откуда мы ни возьмем точные сведения, эти сведения дают один и тот же результат. Не пьянство крестьян, не хищническое их хозяйство, не десятки других разнородных причин, которые рисуются в воображении тех или других глубокомысленных исследователей (идиоты «Русского Мира» и некоторые «свидетели», спрошенные комиссией, еще толкуют об общинном хозяйстве, как источнике зла), составляют истинные причины хронического голодания большей части России, острых приступов голода, поражающих от времени до времени ту или другую местность, и потрясающего разлива голода в «житницах России», которые составляют центры страшных бедствий, центры эпидемий. Нет, причина эта иная и для всех очевидная.

Вампир, обрекающий русский народ на *неизбежное* разорение, на *неизбежное* голодание, на *неизбежные* эпидемии, на страшную и медленную смерть, есть государственный строй Российской империи, который *неизбежно* ложится всею своею тяжестью на страждущий народ, *неизбежно* требует от него не только *всего*, что могло бы, оставшись в руках крестьянина, улучшить его положение, поднять его материально, умственно и нравственно, но решительно *всего*, что крестьянин может выработать. Русский государственный строй всюду высасывает все силы русского народа и фатально ведет его к вырождению, к вымиранию. Если этот порядок удержится еще некоторое время, то он *неизбежно* истощит *всю* Россию, *весь* русский народ. Конечно, он в этом случае подорвет и себя, потому что вампиру приходится умирать при недостатке свежей крови у жертвы, но его гибель *этим путем* не спасет нашей родины.

Пока свежая кровь еще есть в жилах народа. Острые приступы разорения, голода поражают отдельные местности. Умирают от истощения единицы. Но уже болезненные конвульсии жертвы повсюду чувствительны. Вампир начинает беспокоиться, что у жертвы его скоро не будет достаточно крови.

Да, вампир начинает беспокоиться. Как ни энергичны исправники для выколачивания податей и сборов, но недоимки растут; то там, то здесь приходится «рассрочивать», отлагать сборы, даже делать ссуды. А деньги нужны.

Для чего же они нужны? Для чего сделан заем в 18 миллионов фунтов стерлингов на Лондонской бирже? Достаточно ли было ума у государственного вампира, чтобы хотя временно помочь

страждущему народу, чтобы хотя временно влить в жилы жертвы долю свежей крови, которую можно будет позже высосать всласть? Нет, русский государственный вампир не дошел еще и до этого. Во «Вперед» было сказано *, что девиз нашего правительства есть не только «притеснение и лицемерие», но и «безумие». Эта характеристическая черта в полной мере проявилась и в присутствии страшного народного бедствия. Слишком близорукое, чтобы оценить опасность *для него самого,* неизбежно возникшую из народного истощения, русское правительство жалеет каждую копейку, которую приходится ассигновать на помощь народу, и в то же время тратит миллионы на вооружение, на нелепые предприятия, на пособия эксплоататорам, на бессмысленные торжества, как бы намеренно выказывая свою хищническую, антинародную натуру. Мы не обвиняем его в этом, потому что, по самой сущности современного государственного порядка, всякое государство, неограниченное или конституционное, монархическое или республиканское, одинаково должно быть главным эксплоататором народа, главным помощником крупных паразитов народа, должно тратить народные средства непроизводительно в виду целей или вполне чуждых интересам народа, или прямо враждебных этим интересам. В этом русское правительство не лучше и не хуже других. Но оно действует с более наивным эгоизмом и бесчеловечьем, и наше дело — только указать нашим читателям на эти слишком явные факты.

Газеты прямо писали, что заем делался в виду усиления военного строя и пособий железнодорожным обществам. Имелось в виду, как слышно, воздвигнуть ряд крепостей внутри России, далеко от границ, следовательно, крепостей не противу внешних врагов, а противу народа. Это — симптомы паники русского правительства. Это — указания того, насколько Александр II чувствует непрочность своего престола и намерен опираться противу русского народа на штыки, как это делает большинство европейских правительств. Писали даже о цитадели на Воробьевых горах: и первопрестольная столица кажется ненадежною пугливой мысли петербургского императорства. Конечно, это лишь предположения, и воля императора может назначить миллионы нового займа на то или другое. Но из распространившихся слухов видно, как смотрит большинство публики и прессы на возможные направления расходов петербургского правительства. Усиление военных сил и содействие компаниям, которые теперь уже во всем мире (и точно так же у нас) заявили себя самыми бессовестными агентами биржевого воровства, плутовских спекуляций и общественного разврата,— вот единственное вероятное употребление, которое может сделать из денег, занимаемых на бирже, русский император. Никому не приходит и в голову, чтобы он мог напра-

* «Вперед», I. «Что делается на родине?». IX. Заключение.

вить хотя часть этих сумм на улучшение материального и нравственного состояния большинства русского народа.

Предположения и слухи эти не должны быть далеки от истины, если мы возьмем в соображение официальные данные о действительных предметах траты денег в настоящем.

Расходы на военные силы в России сотрудник «Вперед» группировал за последнее время следующим образом *:

«В 1873 году бюджет военного министерства равнялся 169 291 088 р. (на 9 милл. более 1872 г.). В 1874 г., по высочайшему повелению, на счеты накинуто еще 5 миллионов рублей, что составляет 174 290 000 р., а в течение 1875—1878 годов обещают прибавлять по 10 миллионов рублей к смете 1873 г., т. е. обещают тратить на военное министерство по 179 290 000 р. ежегодно. На морское министерство обещают расходовать по 25 577 497 р. ежегодно в течение 1874 — 78 гг. Стало быть, считая расходы *только* этих двух министерств, обещают тратить на войско ежегодно всего 205 миллионов рублей, что составляет гораздо больше трети всех расходов».

Против кого это? Противу внешнего ли врага? Если русское государство будет иметь своих Лебёфов[151], Мак-Магонов и Базенов, то его не оградит усовершенствованное оружие. Если у него народ будет вымирать от голода и от болезней, то некому будет действовать этим усовершенствованным оружием. Да и хороша будет защита страны, где среди опустелых деревень и выродившегося населения будут маневрировать армии, на которых ушли все последние средства народа! — Но вооружение это готовится противу этого самого народа, который, может быть, наконец, не захочет терпеть долее вампира, сосущего его кровь...

Но не об одном войске заботится правительство. Православная церковь тоже составляет предмет его забот. В то время, как в разоренных уездах вымогалась самым бессовестным образом уплата податей и недоимок, несмотря на грозное приближение общего голода, благочестивое правительство ассигновало 1 206 580 руб. на церковно-строительные издержки в 1874 г., увеличив почти на 200 000 р. назначение 1873 г. Кроме того, в этот расчет не входили расходы на церкви в Прибалтийском крае, на которые, по свидетельству «Прав. Вестн.», издержано 847 848 р. Значит, всего расход на церкви превосходил 2 миллиона, и, разумеется, этот расход был безвозвратный.

Оно, конечно, весьма обыкновенно, что люди, наиболее жертвующие на церкви, самым бесчеловечным образом относятся к ближним. Христианская любовь почти всегда была лицемерной маской личного эгоизма или тщеславия. Но все-таки приходится заметить, что надо иметь достаточное бесстыдство и достаточную долю цинизма, чтобы одновременно требовать от безусловно го-

---

* «Вперед» III, стр. 205.

лодного и в конец разоренного самарского населения уплаты *через несколько месяцев* (из следующего урожая) *ссуды* в 650 000 р. и не только назначать *безвозвратно* сумму, слишком *втрое* большую на благолепие храмов, ни для кого и ни на что не нужных, но еще *увеличивать* эту сумму противу предыдущего года. Нечего сказать, истинно православное самодержавие!

Наконец, что дало правительство своим задушевным друзьям, опорам трона в XIX веке, руководителям всемирной политики, великим финансистам, великим биржевикам, великим грабителям общественного имущества, железнодорожным предпринимателям? Для них кошелек государства открыт всегда и открыт широко. «Прав. Вест.» сообщает в феврале нынешнего года, что за три года, 1870—72, обществам железных дорог выдано 39 233 677 р. 83 к. Вот это видно, что дается *своим* людям...

Поставим рядом с этим то, что сделало русское правительство для народа, из которого черпает все свои средства, для народа, голодающего хронически всюду, для народа в остром приступе голода, охватившего жителей России. Оно дало:

Самарцам	4 450 000 р.
Оренбуржцам	435 124 „
Уфимцам	40 000 „
Саратовцам	ничего
Донцам	185 225 „
Херсонцам	200 000 „
Крымцам	422 000 „
Бессарабцам	ничего
Итого	5 732 349 р.

Голодный народ не получил и $^1/_{70}$ доли того, что идет на военные издержки; не получил и $^1/_{14}$ доли того, что в три года выдано компаниям железнодорожных хищников; он получил едва более того, что истрачено в один год на построение церквей большею частью в таких краях, где православие составляет совершенно искусственное растение, общественной же роли, при испытанной общественной тупости нашего духовенства, православие никогда играть не будет. Мы не имеем счетов по расходам на свадьбу дочери императора в начале 1874 г. и на свадьбу его сына, которая в последнее время повторяет в меньших размерах всю бестолковую расточительность предшествующих празднеств, но, конечно, никто не усомнится, что на эти домашние празднества благодушный император истратил совершенно безвозвратно далеко более того, что он, *повидимому*, ссудил своему голодному народу. Да, следует помнить, что это ссужено только повидимому, а что *в действительности* с голодного народа *взято* по поводу его же голода. Мы это видели выше, говоря о самарцах и саратовцах.

Таковы были результаты заботливости русского правительства о голодающих; но интересно припомнить, как оно относи-

лось к этому острому приступу голодания во время его наступления и во время его развития.

На представления о несоразмерной тягости податей оно не давало ответа, размышляло, соображало, оставляя народ страдать, голодать, умирать...

Когда уже с весны известно было о неминуемости голода в Самаре, оно до 26 октября скрывало это от общества, не принимало никаких мер.

Оно собирало с голодающего населения недоимки в *августе* и продавало скот людей, которые не имели хлеба, питались суррогатами, не имеющими имени на языке человеческом.

Оно усиленно собирало недоимки с самарского населения в *сентябре*, когда уже были случаи смерти от голода.

Оно продавало скот за недоимки в *октябре*, когда уже и губернское начальство согласилось, что голод есть, когда по всей России собирали милостыню для голодающих.

Оно дало сначала ссуду в 50 000 р.

Оно назначило затем ссуду в 350 000 р., но когда же? — в декабре, когда уже голод достиг страшных размеров, да и то требует уплаты в три года, а затем... давайте проценты, голодные, нищие, разоренные самарцы! Давайте по три процента царю-самодержцу, которого слово — закон, который может тратить, — и действительно тратит, — что хочет, когда хочет и как хочет! Давайте проценты!

Дано было 650 000 р. на обсеменение, а пока — самарцы могли умирать с голоду.

Дано было еще 400 000 р., когда уже нельзя было дать менее.

Затем отправлен был генерал Яфимович, чтобы в пошлой лести своего рапорта говорить о «теплых молитвах» народа за ростовщическую милость императора; чтобы явился повод, лишь повод, закрыть комитеты, прекратить сборы, не слышать, не говорить о несносном самарском голоде.

Затем все было кончено. Что ни делалось бы там в Самаре, голод официально *кончился*. Русское правительство не хочет ничего знать о нем. Вам более не дадут ни копейки, бедные самарцы, а будут брать с вас попрежнему. Умирайте с голоду!

Для вас нет денег у русского царя, который в себе воплощает все русское правительство. Нет у него денег для вас. Они ему нужны на оружие и на крепости — против вас. Они ему нужны на церкви, полные золотом и мрамором. Они ему нужны на ваших грабителей и эксплоататоров — железнодорожных предпринимателей. Они ему нужны на празднества, на фейерверки, на иллюминации, на сафиры для дочери, на обеды для царственных гостей. Ты же, народ русский, когда-то веривший в царя, тебе нечего на него надеяться. Тебе будут отказывать в пособии, пока это будет возможно. Когда это сделается неудобным, тебе дадут

наименьше возможное пособие, ссылаясь на закон, когда закон нарушается каждую минуту не только по воле императора, по представлению министра, но из угождения последнему чиновному паразиту, последнему капиталисту-эксплоататору. Даже дадут не пособие, а ссуду и будут вымогать ее так настойчиво, так жестоко, что она сделается для тебя лишь новым орудием страдания. Может быть, будущий император бросит тебе пару тысяч рублей в милостыню и будет воображать, что он сделал добродетельное дело. Оно точно: ведь он мог ничего не дать. Может быть, благочестивая императрица соблаговолит участвовать какой-нибудь подушечкой или ковриком в одной из парадных лотерей, устраиваемых тщеславными барынями будто бы в помощь тебе,— лотерей, с которых тебе достанутся гроши. Но серьезной помощи, деятельного сочувствия не жди от твоего царя, не жди от правительства русского. Знай, что между ним и тобой нет ничего общего. Ему нужны деньги для *него,* а ты, народ русский, умирай с голоду...

Так поступало, совершенно согласно с своим принципом, совершенно согласно с принципами всякой государственной власти, русское императорское правительство в виду страшного народного бедствия...

Но мы видели, что голод не составлял и не составляет местного страдания в России, что это общее, совершенно общее бедствие, и притом бедствие, зависящее в наибольшей своей доле не от естественных, неотвратимых причин, а от податей, наложенных самим правительством на народ и превосходящих платежные силы народа. И это ни для кого не тайна. Об этом печатала наша обессильная пресса. Это высказывали самые консервативные органы. Это не могли скрыть представители крупного поземельного владения. Что сделало правительство, чтобы проверить эту ходячую истину, если бы она нуждалась еще в проверке? Что сделало оно, чтобы предотвратить, хотя бы в малой доле, хотя бы временно, это всеобщее народное бедствие, от него исходящее? Хватило ли, повторяем, ума у государственного вампира, чтобы хотя несколько поддержать существование жертвы, из которой он беспрестанно высасывает кровь?

Правительство назначило комиссию для пересмотра податей и сборов. Оно назначило комиссию «для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Поговорим о последней. Из кого состояла она? К кому она обращалась? Она состояла из десяти чиновных лиц (даже все высоких чинов: три тайных, пять действительных и один егермейстер) от четырех министерств. Итак, с самого начала мы имеем основание чисто бюрократическое, т. е. такое, которое, по многолетним опытам, никогда для народа не выработало ничего, кроме вреда, и, по самой своей сущности, никогда ничего иного и выработать не может. Как же эта бюрократическая комиссия при-

ступила к делу? Часть пищи ей пережевало министерство, часть она добыла в сыром виде. Вот как было дело.

«Министр государственных имуществ еще в мае 1872 г. обратился циркулярно к начальникам губерний и к председателям существующих в России сельскохозяйственных обществ с просьбой сообщить министерству сведения о тех потребностях сельскохозяйственной промышленности, которые особенно заслуживают внимания правительства, и о тех мерах к удовлетворению таковых потребностей, которые признаются наиболее желательными и практически осуществимыми. Через губернаторов приглашены к подобным же заявлениям как губернские предводители дворянства, так и председатели земских управ. Независимо от сего, министр государственных имуществ распорядился командированием в течение лета 1872 г. нескольких чинов министерства в разные местности Европейской России, с поручением каждому из них собирать сведения о сельском хозяйстве по нескольким губрениям и по особо составленной краткой программе.

В последствие этих распоряжений комиссией получены разные сведения, заявления и показания из 958 разных источников, а именно:

От губернаторов	45
„ предводителей дворянства	37
„ предс. и членов земск. управ	83
„ губернск. по крест. делам присутствий и миров. посредников	27
„ землевладельцев	283
„ управляющих частными имениями	51
„ арендаторов имений	25
„ сельскохозяйственных обществ	13
„ волостных правлений и старшин	94
„ крестьян-домохозяев	17
„ хлебных торговцев	8
„ сельских священников	21
„ разных лиц и учреждений	254
Итого	958

Все эти сведения и заявления, по мере поступления их в министерство государственных имуществ, подвергались предварительной группировке в форме извлечений по различию местностей и предметов.

Комиссии предоставлено было право приглашать в свое присутствие для получения изустных отзывов на предлагаемые им вопросы лиц разных сословий и званий, от которых комиссия могла бы ожидать сообщения полезных сведений. Таких лиц было приглашено 222. Из них 41 не могли явиться по разным причинам.

В числе 181 лица, явившихся в присутствие комиссии, было:

Губернаторов	11
Предводителей дворянства	25

Председателей земских управ	11
Землевладельцев	111
Управляющих частными имениями	5
Хлебный торговец	1
Волостных старшин	2
Крестьянин-собственник	1
Скотопромышленников	2
Лиц, специально знакомых с медиц.-ветеринарною частью	3
Разных лиц, знакомых с спец. отраслями сельской промышленности	9

Министерство пережевало материал, заключавший лишь 17 сведений, почерпнутых из неофициально-крестьянского источника, или менее $^1/_{56}$ всего материала (да и каких это крестьян еще спрашивали, и кто спрашивал?). Комиссия бюрократов нашла, что и это слишком много; она спросила только *одного* крестьянина, не чиновного, т. е., повидимому, почерпнула из народа лишь $^1/_{181}$ долю своих сведений, но и этот *один* крестьянин, выбранный господами тайными советниками и егермейстерами, чтобы через него ознакомиться с состоянием сельского хозяйства у народа, оказывается, во-первых, собственником 60 десятин земли, давно уже вышедшим из общинной жизни; оказывается человеком, который с презрением и укором относится к «порокам» своих братьев *бедных* крестьян; наконец, оказывается *старшиною* пяти селений, что в общем списке не указано. Иначе говоря, комиссия тайных и действительных статских бюрократов и князей-егермейстеров вовсе не обращалась к народу, к настоящему, бедному народу, живущему общинною жизнью по пространству большей части России; она вовсе не обращалась к тем сотням тысяч *настоящих* крестьян, которые были у нее под рукою, так как они наполняют Ямскую, Пески и другие дальние части Петербурга. Она черпала *все,* без исключения *все* свои сведения от представителей бюрократии и капитала. Конечно, от того состава, который она имела, ничего лучшего ожидать было нельзя, но надо сознаться, что подобное наглое пренебрежение даже внешностью дела, возложенного на комиссию, крайне характеристично для России вообще и для личностей, входивших в состав комиссии, в частности.

Немудрено, что результат в своем целом представляет почти бесполезный материал, в котором даже крайне умеренный и осторожный рецензент должен был отрицать всякую порядочную «внутреннюю обработку», всякую «критическую проверку». Немудрено, если даже один из спрошенных выразил сомнение, чтобы можно было путем подобного рода собирания сведений «дойти до положительных заключений». Немудрено, что комиссия в своих предложениях или должна была повторять вещи давно известные, или делала «оригинальные выводы... не могущие ни в каком случае послужить основанием для немедленных мероприятий», по выражению того же умеренного и осторожного рецензента. Правительство, назначая комиссию, употребило самые лучшие сред-

ства, чтобы *не получить* точных сведений о страждущем населении.

Тем не менее и эти комиссии, при всем их нелепом составе, при еще более нелепом и наглом способе действия, пришли к результатам, которые позволили нам цитировать их выводы для подтверждения обнищания и истощения русского народа, для подтверждения именно того обстоятельства, что подати, наложенные на народ правительством-вампиром, вызывают обнищание и истощение России.

Итак, правительство русское не может не знать причины, истинной причины хронического бедствия народа русского. Не только связанная по рукам и по ногам пресса, не только люди «незначительные» кричали о ней,—ее высказали представители капитала, официально спрошенные, ее высказали комиссии, назначенные с целью, чтобы *скрыть* эту настоящую причину.

Что же сделал вампир, захлебывающийся кровью русского народа?

Он продолжает усиленно высасывать кровь рабочего люда. Подати и налоги не уменьшены, а расходы на войско растут, празднества в царской семье идут своим чередом. Нет никакого указания, чтобы *что-либо* было сделано для облегчения народа в ближайшем будущем...

Главные заслуги правительства «реформ», как изображаются они панегиристами «царствования императора-освободителя», заключаются в освобождении крестьян от крепостной зависимости, в введении в русскую жизнь «правильного, скорого и милостивого» суда, в призвании всех сословий государства к самоуправлению чрез земскую и городскую реформу и, наконец, как последствие всего этого, в возбуждении экономической деятельности народа, проявившейся в постройке громадной сети железных дорог, учреждении огромного числа фабрик, банков и т. п. Из всех этих реформ важнейшая, конечно, заключается в освобождении крестьян из-под крепостной зависимости, *без вознаграждения помещика за отнятое у него право господства над себе подобным,* с выделом, наконец, каждому (?) освобожденному надела земли для предотвращения его и его потомков (?) от горькой участи пролетария. Эта громкая (?), гуманная(!), великодушная (!!) мера правительства должна была повлечь за собою возвышение экономического благосостояния массы народа, возвышение нравственного его положения.

Но вышло оно не так.

Прошло 13 лет после Положения, и повсюду режут глаза физические симптомы вымирания и вырождения народа, явные экономические признаки его разорения, невозможность надежды на его материальный успех или умственное развитие при настоящем порядке дел. Народ наш гибнет и физически и экономически.

Но самое *освобождение,* прославленное освобождение крепостного населения Александром II, было ли оно действительно? Точно ли господство человека над человеком уничтожено *без вознаграждения?* И на этот счет мы имеем драгоценные свидетельства бесспорно благонамеренных личностей.

«Теперь является кабала»,—говорит Л. Б. Тургенев перед комиссиею.—«Большая часть сельских работников,—говорит граф А. П. Шувалов, — по названию только вольнонаемные, *а в действительности они такие же крепостные*»...

Далее. Из 205 миллионов сборов, производящих нищенство и голодание русского крестьянства, 41 миллион состоит из выкупных платежей. Эти выкупные платежи выражают стоимость в некоторых губерниях, низшую продажных цен; это большей частью в губерниях, где владельцы—поляки, и мера эта имеет там чисто политический характер, без малейшего внимания к облегчению народа. Но затем, как видно из доклада комиссии, *в 25 губерниях,* для 5 270 000 крестьянского населения, «выкупная стоимость выше продажных цен на земли», и даже в 16 губерниях «значительно выше», до того значительно, что «разность между стоимостью достигает 50% и более в губерниях Новгородской, Тверской, Вологодской, Вятской, Уфимской и Оренбургской... от 30 до 50% в губерниях Псковской, Смоленской, Московской, Калужской и Пермской».

Что за причина этого ростовщического обложения значительной доли населения? Она напечатана в докладе комиссии. Ее высказал граф А. П. Шувалов: «Вообще признается, что в общей сложности выкупная оценка крестьянских наделов сделана скорее выше, чем ниже настоящей ценности, и что имелось в виду отчасти *вознаграждение за лишение дарового труда*».

Освобождение оказывается ложью. Отсутствие вознаграждения крепостных владельцев оказывается ложью. С русского народа ежегодно собирается и долго еще будет собираться значительная доля из 41 миллиона выкупных платежей (особенно тяжело давящих на крестьянство, по выражению г. Лугинина), как *плата за освобождение,* как выкуп права быть человеком, и при всем том правительство гонит крестьянина в «кабалу», оно дало ему свободу «только по названию».

Мы сказали, что правительство не делает ничего для облегчения страдания народа. Но может ли оно что-нибудь сделать? Может ли вампир перестать сосать кровь народа или уменьшить свою кровавую порцию? Нет, это невозможно, пока правительство русское остается тем, что оно есть. Ему необходимо громадное войско. Ему необходимо многочисленное чиновничество. Ему необходимо восточное великолепие двора и царской семьи. Оно перестанет быть первостепенным хищником в ряду мировых хищников, если оно сделает экономию на войске. Оно рухнет через несколько лет, если уменьшит расходы на чиновников и на

жандармов, на сыщиков и на палачей. При отсутствии всякой нравственной и умственной силы, что же остается русскому императорству, если оно не будет окружать себя внешними признаками маскарадного величия?

Да, вампир русского народа не может оставить своей кровавой пищи, не может уменьшить ее. Он принужден сосать кровь России, сосать без перерывов, и ему все понадобится ее более и более.

Избавиться от него можно только одним средством: *уничтожить вампира...*

Неужели не пора еще сделать это?

После сказанного о действиях центрального правительства едва стоит говорить о том, как действовали и *бездействовали* местные власти, среди которых самарский губернатор, действительный статский советник Климов [152], получил столь почетную и столь позорную известность. Но всюду эти местные власти были тем, чем *могли быть*. В Самаре, на Дону, на берегах Черного моря они одинаково «ограничивались трудною задачею не сознавать бедствия голодающих», пока была малейшая возможность не сознавать голода. Они приказывали молчать местной прессе, они «занимались пререканиями с земством», они старательно уменьшали в глазах чужих все самые крупные проявления народного страдания. Они потом старались выказать в самом лучшем виде *свою* распорядительность, но «ничего не предпринимали *на деле*, чтобы спасти народ от голодной смерти»; они через год после начала голода «убеждались, что крестьяне положительно голодают», что «положение бедственно», и обнаруживали свою полную неспособность что-либо предвидеть, оценить и предотвратить. И это — вещь совершенно естественная. Наши начальники губерний, начальники края и как они там все называются вовсе не приготовляются к карьере охранителей интересов народа. С них этого вовсе не требуется. Собирать подати и следить за злоумышленниками, присылать успокоительные донесения и охранять внешность порядка — вот самые трудные задачи, которые им ставит власть. Подвластные же, вообще говоря, довольны и тем, если самоуправство и притеснение наших «помпадуров» не идут чрезмерно далеко. Перед серьезной задачей крупного народного бедствия эти жалкие продукты гнилой бюрократии и отупляющей военщины всегда пасуют и должны пасовать. Народ никогда не верил всем этим воеводам, губернаторам, генерал-губернаторам, начальникам, наместникам и т. п. Он отлично знал всегда, что это люди, приезжающие наживаться, кормиться, развратничать, самодурничать на его счет, принимал и принимает их как необходимое зло, а добра от них никакого не ждал и не ждет. Когда же приходила минута народного волнения, то он отлично расправлялся со всеми этими местными властями. Ничего иного не может быть и в будущем.

VI. Деятельность органов самоуправления

Но всех прелестнее выказало себя в это печальное время наше самоуправление. Всего блистательнее заявили свой патриотизм и свою политическую зрелость наши представители народа. Это была первая крупная проверка для земства и городского самоуправления; первый случай, когда наши выборные люди должны были записать в историю свои имена как элемент силы нынешнего русского общества или как проявление его неспособности играть какую-нибудь серьезную роль в русском развитии. Мы знаем, что наши органы самоуправления бессильны, что они связаны по рукам и по ногам нелепыми распоряжениями, что местные власти стараются всеми силами отнять у них и то небольшое значение, которое им оставил уродливый закон. Но все это верно в обычное время, при рутинном порядке вещей, когда взаимная нейтрализация разных властей, их мелкое соперничество и интриганство из-за пошленьких целей имеют свою долю выгоды для народа. Эта мелкая борьба, поглощая главное внимание властей всех наименований, уменьшает число *мероприятий, распоряжений* и т. п., и в обыкновенное время самое лучшее для народа, когда непризванные опекуны возможно менее о нем заботятся. Но выборные наши власти, местные деятели, имеющие малейшее юридическое право подавать свой голос по какому-либо местному вопросу, могли бы, при всем их стеснении, иметь большое значение именно в трудные минуты. Тогда стесняющие власти, растерянные перед серьезным вопросом, до понимания которого они не дошли, легко подчиняются руководству всякого энергического человека, имеющего право вмешаться. Тогда и центральные силы, столь же мало приготовленные к решению серьезных дел, готовы выслушать людей, от которых они отворачивались вчера. Тогда глухие внемлют и слепые прозревают. Тогда настает минута людям ума и энергии завоевать себе влияние, стать действительною политическою силою. В такие трудные минуты, в такие эпохи растерянности в Европе выступали разные политические силы, на горизонте истории всходили новые звезды, накануне незаметные, бессильные, ничтожные, но завтра вносимые в каталоги самых блестящих исторических явлений.

Такая историческая минута имела место для представителей русского самоуправления в трех обширных местностях. История поставила им вопрос: можете ли вы, хотите ли вы выйти из обыденного ничтожества? можете ли, хотите ли вписать свои имена на почетную страницу воспоминаний русского общества? способны ли вы стать историческою силою?

И они ответили в один голос: не можем, не хотим, не способны... Минута прошла и не вернется. Роль представителей самоуправления в России из рядов дворянства и капитала установилась. Жалкие статисты, они останутся статистами, пока рус-

ский народ не прекратит этой пошлой комедии современного общественного строя.

В начале сентября ученый врач ставил самарскому земству — и всем земствам голодающих местностей — следующую программу:

«Я не сомневаюсь, что губернское земство прибегнет к чрезвычайным мерам, что оно выпросит у правительства отсрочку податей, определит норму заработной платы, ниже которой никто не в праве будет нанимать людей, потребует запрещения вывоза хлеба из Самарской губернии, и несомненно, что правительство не замедлит санкционировать эти чрезвычайные меры»...

Весьма сомнительно, чтоб подобные предложения, если б они были сделаны, получили бы утверждение императорского правительства, но ни одному органу нашего самоуправления не пришло в голову предложить что-либо подобное.

Земские уездные управы еще делали кое-где представления, ходатайствовали, спрашивали, писали и ждали ответов. Конечно, ничего не последовало. Экстренных собраний весьма долго не созывалось. В Самаре, в Оренбурге, в Уфе, на Дону, в Ростове, в Херсоне земство отличалось до последнего времени неподвижностью. «Мы не богадельня», говорило собрание и не хотело даже ассигновать пособия для прокормления голодающих. В сентябре, в октябре собирались земцы толковать... о чем? — О благонамеренности начальниц школ, когда народ голодал. Думы собирали подать с земли, когда живущим на этой земле нечего было есть. Думы назначали на церковь, на клубную музыку деньги, когда кругом росло бедствие. Продовольственная комиссия обращалась в бюрократическую инстанцию, очищающую бумаги и передающую самое дело в волости. Земства спекулировали на голод, желая захватить в свои руки поставку продовольствия на железные дороги и «опекать» рабочих, как владельцы «опекали» крепостных крестьян. Земства во время голода хлопотали о понижении платы работникам, о покупке на земские деньги машин для землевладельцев. В самом лучшем случае земские собрания сходились, чтобы констатировать свое бессилие и свою неумелость сделаться общественною силою. Между всеми этими представителями обширных краев не нашлось ни одного человека, который взял бы на себя ответственность закричать несколько громче обыкновенного, но так, чтобы все услышали: теперь минута нам быть чем-нибудь в жизни русского народа! Теперь мы, выборные представители голодающего народа, должны во имя собственного интереса, собственного исторического влияния стать руководителями движения! — Как можно! Еще рискнешь прослыть неблагонамеренным. Еще засадят. Еще сошлют.

И всюду было одно: «Ничего не сделано! ничего не делается!»

Между многочисленными указаниями на недеятельность земства мы не станем приводить свидетельств правительства. Здесь

слишком явно высказывается желание свалить на чужую голову собственный эгоизм. Неужели правительству русскому, покрывшему всю империю сетью явной и тайной полиции всех сортов, неужели ему нужно чье-нибудь извещение о том, что народ разорен, что он голодает, что он умирает? Если оно не знало этого, то оно не имеет никакой причины существовать со всем своим многоразветвленным управлением. Но если эти лицемерные и низкие обвинения «Правительственного Вестника» против людей, не имевших возможности доказывать министру, что он лжет, не имеют значения, то роль земства от этого не становится лучше. Для оценки ее воспользуемся следующею выпискою из газеты [153] от 5 декабря 1873 г. Эта статья интересна еще потому, что она, пытаясь защитить правительство, выказывает всю нелепость формальностей официальной переписки в присутствии серьезного дела.

«Чем ближе присматриваться к деятельности самарского земства, тем более изумительною представляется она. Мы удивлялись, например, позднему созванию уездных и губернского земских собраний, а теперь мы узнаем, что уездные собрания были созваны на чрезвычайные заседания вовсе не по поводу неурожая и голода, а для некоторых приготовительных работ по предстоящему введению нового устава воинской повинности. Известно, что часть проекта устава, касающаяся образования призывных участков, была разослана по земствам, чтобы они могли заблаговременно сделать нужные распоряжения. Созванные для этой цели земские собрания самарских уездов занялись *между прочим* и вопросом о голоде, хотя им следовало собраться гораздо ранее специально для этого вопроса. Нам пишут, что уездные собрания, приведя в известность потребности населения по продовольствию и определив размер необходимого пособия, тотчас дали знать о том в Петербург, но министерство внутренних дел вернуло уездные ходатайства в Самару на рассмотрение губернского собрания, отчего-де и произошла та пагубная проволочка, на которую все сетуют. Но министерство поступило в этом случае по закону, требующему постановления губернского собрания для разрешения ссуды из общего продовольственного капитала империи. Надо припомнить, что народное продовольствие обеспечивается у нас прежде всего общественными магазинами, за их истощением — губернскими продовольственныим капиталами, а при недостатке губернского капитала для всех уездов — общим продовольственным капиталом. Правда, что в общественных магазинах бедствующих теперь самарских уездов уже летом не было ни зерна, а в губернском продовольственном капитале ни копейки, и для получения ссуды из последнего не для чего было обращаться в губернский город. В виду этих исключительных обстоятельств министерство могло, конечно, испросить особые полномочия, но тем не менее земство должно было иметь в виду порядок, означенный в законе, и для

выполнения его собраться заблаговременно. Нам сообщают также, что постановление губернского собрания в свою очередь пролежало в Самаре довольно долго, — как это, впрочем, видно из самого хода дела, — ожидая поездки в Петербург губернатора. Так все сошлось к одному, чтобы отягчить положение голодающих. Но верхом несчастия было то, что, пока происходили эти проволочки, крутые меры по взысканию недоимок продолжались.

Если все это справедливо, то, конечно, положение ухудшилось не по вине одного собрания, но во всяком случае несомненно, что и губернское собрание отнеслось к делу народного продовольствия не с достаточным вниманием»... Именно тогда было сделано указанное выше распоряжение о выдаче пособий таким образом, что множество нуждающихся семей, по правилам, ничего получить не могли.

Местные выборные власти отличались во многих случаях не только своею общественною силою, своим умением вести дела, они отличались своим бескорыстием, своею гражданскою доблестью, своею распорядительностью. Так, мы видели, что самарская земская управа пополнила земские суммы, нужные для жалованья нашим земцам-патриотам, из сумм, присланных для пособия голодным... Так, ставропольское городское управление в голодный год увеличило содержание служащих городской управы с 680 р. на 2 459 р. Еще более отличились в Самарской губ. мировые посредники. О них в начале февраля писали в газеты, что «многие тамошние мировые посредники преданы суду за различные преступления по должности. Так, мировой посредник Самарского уезда г. С — н [154] был предан суду за самовольную телесную расправу с крестьянами и даже крестьянками. Другой посредник того же уезда получил выговор в дисциплинарном порядке за превышение власти. В Бугурусланском уезде один из посредников, торговец водкой, избавился от суда и следствия благодаря тому только, что «во-время» подал в отставку; другой посредник того же уезда находится под судом по обвинению: а) в растрате казенных денег, б) в произвольном сборе с крестьян денег в собственную пользу, в) в незаконном наказании крестьян розгами, г) в неправильном разрешении открытия питейных заведений. Дело об этом посреднике находится в сенате. Наконец, в Николаевском уезде один из посредников привлекается к ответственности за самоуправство в немецкой колонии, где он вздумал сполна пользоваться своею властью».

Мы уже видели выше, как тяжело легло на крестьян мудрое распоряжение о перевозке хлеба чуть не даром или совсем даром. Но и того было мало. Распорядительность начальства в этом случае была так велика, что несчастных извозчиков держали по четверо суток на месте приема хлеба, заставляя их приехать туда ранее срока, когда хлеб должен был быть заготовлен.

Как сказано выше, минута для земства сделаться предста-

вителем народных нужд прошла и, вероятно, прошла невозвратно. С нашей точки зрения, мы можем видеть в этой полной исторической неспособности, проявившейся в серьезный момент народной жизни, лишь подтверждение слов, сказанных во «Вперед»: «Полнейшее *бессилие* — вот девиз всех форм самоуправления, перенесенных с Запада на нашу почву» *. Оно никогда не будет силою, никогда не будет заметным препятствием для народа стать господином русской земли. Тем лучше.

VII. Самодеятельность общества

А что же наше общество, наши капиталисты и собственники, наши чиновники и спекуляторы, наши жуиры и чувствительные патриоты, наши ташкентцы и благонамеренные люди? Как они показали себя пред страшным народным бедствием?

Для этой стороны русской жизни нам нечего собирать по кусочкам сведения и группировать их в одну общую картину. Это сделали для нас издания, выходящие в России. Если там нельзя выставлять на вид лицемерие, эгоизм и беззаботность правительства и местных властей; если картину несостоятельности наших органов самоуправления не всегда удобно нарисовать настоящими красками в пределах России, то на общество, на частных людей, *вообще говоря,* нападать безопаснее. Конечно, и это — *вообще говоря.* В частных случаях и тут может постичь (и постигает) нашу несчастную прессу головомойка, предостережение и все его грустные последствия. Но так как это не наверно, а только иногда бывает, да и зависит более от «сварения в желудке» той или другой личности, то на этой почве пресса «дерзает», и мы можем цитировать целиком места, к которым нам прибавлять нечего.

Сначала перед известием о голоде жмурились, считали это выдумкою неблагонамеренных людей. Столько есть более близких, более *интересных* расходов, чем на голодающий народ, которого собственно не видать... Искали отговорок. К этой первой эпохе распространения известий о голоде относится факт вроде следующего:

«Когда я предложил вчера нескольким особам пожертвовать денег самарцам, они мне ответили: «Извините, нам некогда, у нас сегодня заседание общества хорового пения»... И не одним членам общества хорового пения предлагал я пожертвовать денег самарцам. Я предлагал всем, кого только встречал на улице, на бульваре, в клубе, в частных домах. Одни отвечали мне: «извините, мы идем обедать»; другие: «извините, у нас и своих бедных довольно»; третий... У каждого было свое «извините», и каждый проходил мимо. Только председательница общества хорового пения

* См. «Вперед» I; «Что делается на родине?», стр. 83.

дала мне вполне гуманный (?) ответ: она сказала, что когда общество выучится петь, оно даст в пользу самарцев концерт»...

Затем наступил другой период, период *моды* на самарцев. О них писал Катков и граф Л. Толстой, значит, это благонамеренно. Им пожертвовала семья государя наследника цесаревича *громадную* сумму 1 000 р., значит, жертвовать прилично. Ими интересуются такой-то и такая-то, значит, ими интересоваться следует. И пошли маскарады, лотереи, пикники, театры. В Казани в маскараде иллюстрировали голод в виде забавной маски; то же хотели сделать в Москве. Всюду стали толковать, толковать и толковать о самарцах (другие голода игнорировали и продолжали игнорировать очень долго). Оно, конечно, и тут жертвовали не особенно крупно. Мы видели, что люди с 200 000 капитала давали *рубль*, но все-таки давали, а без *моды* они не дали бы и этого. Печально смотрели на равнодушие общества горячие филантропы. «Оставшиеся от трапез куски хлеба не образуют внушительных масс, — писали они. — Копейки, падающие по капле в филантропическую кассу, не превращаются в миллионы, лишних рюмок водки и стаканов чаю оказывается мало. Крезы молчат и развязывают свои кошельки лишь для того, чтобы дешевле купить труд проголодавшегося народа, пользуясь его нуждою». Мы видели уже несколько примеров подобной спекуляции на народном бедствии, к другим перейдем еще ниже. Теперь будем продолжать повествование о пожертвованиях.

Пожертвования собирались под влиянием моды, под влиянием тысячи мелких причин. Всего лучше это было организовано в столько раз обруганных нашими патриотами прибалтийских землях. Немало дала Финляндия, еще так недавно испытавшая, что такое голод. В России первый призыв сделала Пенза. Давали города, давали земства. Как они давали, на это мы имеем довольно интересное свидетельство в прениях, бывших по этому поводу в московской городской думе. Они слишком характеристичны, чтобы не привести их читателям.

Финансовая комиссия решила выдать 25 000 р. пособия голодающим самарцам. «Предложение это вызвало возражение со стороны гласного Д. Ф. Самарина [155], который высказал приблизительно следующее: Пожертвования должны быть, во-первых, соразмеряемы со средствами того, кто делает эти пожертвования, и, во-вторых, с размерами той нужды, которую предлагается облегчить пожертвованием. В настоящем случае сумма, предлагаемая комиссией, не соответствует ни средствам жервователя, ни тому громадному бедствию, для облегчения которого она назначается. Всякому известно из газетных сообщений, каковы размеры этого страшного бедствия. Собрание не должно стесняться увеличением жертвуемой суммы, потому что оно показывает первый пример, которому, может быть, последуют другие города русские. Гласный предложил по крайней мере удвоить сумму, назна-

ченную комиссией. Гласный Федоров заметил, что даже 25 000 р. будет много; если собрание пожертвует крупную сумму, то тогда публика не станет жертвовать. Каждый из москвичей скажет: из наших общественных денег пожертвовано достаточно, к чему же нам еще жертвовать? Гласный Тарасов, член финансовой комиссии, заявил, что город не так богат, как думают... Городу предстоит еще много расходов... Притом в городовом положении нет статьи, которою комиссия могла бы руководствоваться при назначении жертвуемой суммы. В комиссии много было толков и о том, что у города есть много своих голодных и холодных. Гласный Юнг, возражая г. Федорову, высказал, что гласные, как видно, не составили себе должного понятия о размере голода в Самарской губернии: там недостает не только хлеба, но и жолудей... Гласный Самарин заявил, что если комиссия при назначении пособия руководилась тем, что в городовом положении нет на этот предмет никакой статьи, то ей не следовало бы назначать и 25 000 и даже следовало вовсе не назначать; указание, что городу предстоят разные расходы, не имеет никакого приложения к данному случаю, потому что пожертвование предлагается сделать единовременно и притом из запасных сумм, следовательно, от избытка, и потому пожертвование не отнимет помощи у здешних холодных и голодающих. Городские же расходы покрываются не запасными, а текущими суммами. Гласный Федоров заметил, что пример можно подавать, жертвуя из своего кармана, а не из карманов плательщиков городских налогов. Гласный Ильин заявил, что запасные городские суммы нельзя считать *избытком*. У нас налоги в высшей мере, дозволенной законом, следовательно, запасные суммы не от избытка, а от нужды. Гласный Аксенов высказал: Когда беда обыкновенная, тогда нужно жертвовать осторожно, но когда беда из ряду вон, когда целый край с голоду умирает и возникают в нем заразительные болезни, которые могут тут широко распространиться, тогда, кажется, не только нужно, но и необходимо всем земским и городским учреждениям по возможности облегчить это бедствие. Гласный Н. М. Щепкин, поддерживая мнение гласного Самарина, припоминает собранию, что за все прошлые годы деятельности городского управления было много пожертвований, но из-за них никогда не было таких прений. Теперь в первый раз думе приходится жертвовать для облегчения такого страшного бедствия, и не странно ли, что возбуждаются такие прения? Гласный Шипов заметил, что Москва нисколько не потеряет, если московское городское общество пожертвует более значительную сумму. Москва город мануфактурный, и чем беднее будут ее пригороды, тем меньше она будет сбывать своих произведений, следовательно, и зарабатывать, и наоборот. Гласный Федоров внес предложение ежегодно вносить в городской бюджет по 50 000 рублей, потому что каждый год какая-либо губерния в России голодает. Гласный Щепкин напо-

мнил собранию, что когда потребовалось пожертвовать 20 000 рублей на угощение обедом наших заатлантических друзей—американцев, посещавших Москву, то дума без всякого стеснения пожертвовала сумму, а теперь возбуждаются прения. Затем гласный указал на связь, существующую между всеми городами России: Москва кормится Самарой. Самара — Москвой; они должны помогать друг другу. Гласный Федоров заметил, что прения возбуждаются не против пособия, а против его размера. Гласный Ильин высказал, что не Москва кормится другими городами, а все ею кормятся. Все эти нищие собираются в Москву, чтоб здесь получить пропитание. Гласный Аксенов: На этом основании я предлагаю увеличить размер пособия самарцам, чтобы меньше этих нищих к нам приходило. Если они не будут голодать, то зачем им будет нужно [156] и оставлять родину? — Вопрос о количестве пожертвования был пущен на голоса, и большинством собрания решено послать в Самару для пособия голодающим в Самарской губернии 50 000 р.».

Эти прения великолепны и выказывают нравственное развитие наших общественных представителей в полной мере. Ну, почтенные господа Федоров, Тарасов, Ильин, подали ли вы свои голоса «против размера» подарка, когда городское общество решило поднести новобрачной великой княжне бумагохранилище из платины и золота? Ведь Москва бедна, у Москвы недоимки, а расходов ее много, и едва ли в городовом положении есть статья, которою можно было бы руководствоваться, и у города много «голодных и холодных». И на что ваше бумагохранилище дочери императора, нынешней герцогине эдинбургской? Ведь это расход уже совсем лишний. Ну, а я думаю, что вы не подняли своего голоса в этом случае за интересы вашего города. Не так ли? Наверное, так... А вот для голодных самарцев стали торговаться... Почтенные, почтенные московские граждане!

Но благочестивая и патриотическая Москва отличилась и в другой раз.

В марте 1874 года в чрезвычайном московском губернском собрании первопрестольной столицы удалось еще раз выказать свою человечность. Бугурусланская земская управа, лишенная народным безденежьем всяких средств, обратилась к московскому собранию с просьбою ссудить ей 10 или 15 т. по 6% на срок от 1 года до 5 лет. Бугурусланцы прибавляли: «Зная о сочувствии, с каким отзывалась и вообще отзывается Москва на те или иные частные и общие беды русских, управа надеется, что московское земство не откажется так же сочувственно отнестись в настоящем случае».

На это московское земство ответило *единогласным* принятием следующего заключения губернской управы: «В виду того, что в текущем году произведены и предстоят еще весьма крупные выдачи из запасного капитала... губернская управа полагает, что

просимая бугурусланской управой ссуда удовлетворена быть не может».

В этот же промежуток времени, когда голода невольно обратили общественное внимание на бедственное положение рабочего люда в России, в этот самый промежуток времени Москва, в лице своих выборных, выказала еще и свой характеристический запах. Взамен уничтоженного адресного сбора дума первопрестольной столицы придумала «налог на личный труд», и гг. Самарины, Черкассие[157] и т. д., которые казались похожими на людей в вопросе о пособии самарцам, выступили здесь как истые москвичи-капиталисты, которые не находят «причины краснеть и стыдиться» ни от какой мерзости, ими совершенной. Публично и торжественно грязные представители московской городской интеллигенции и московского кулаческого капитала заявили, что они *сознательно* сваливают на личный труд бремя налогов, *сознательно* отдают трудящееся население под инквизиторский надзор полиции и дворников; что для них налог на наемщиков прислуги и на кочующих по столицам для своего увеселения бездельников кажется лишь продуктом «филантропических возгласов» и непрактичности. Неужели им следует обратить внимание на голос бессильной прессы, когда за них толстый карман и гниль векового презрения к труду? Страдание рабочего народа... Да разве патриоты-филантропы смотрели когда-либо на рабочий народ иначе, как на *сюжет* для славянофильского разглагольствования и как на *объект* своей бессовестной эксплоатации? Мы не останавливаемся долго на этом предмете, потому что журналы, издающиеся в пределах России, имели возможность достаточно заклеймить этих позорных деятелей русского общества. — Налог на личный труд прошел, впрочем, с оговоркою — впредь до *общего* преобразования системы государственных налогов в смысле подоходного налога... Московские шуты попытались и невинность сохранить и свой толстый карман охранить... Во всяком случае налог на личный труд *прошел*...

Благородные москвичи! В первый раз, скрепя сердце, с кислой миной дали 50 000 голодным; затем своим братьям земцам совсем отказали. А для императорской-то дочери нашлись «дары-исполины». Но и этого им показалось мало: в то время, когда вопрос о правах личного труда даже в глазах умеренных экономистов становится *главным* социологическим вопросом нашего времени; в то время, когда вся Россия стонет и гибнет под бременем налога, *косвенно* ложащегося на личный труд, — выборные представители Москвы, «не краснея и не стыдясь», объявили себя сторонниками *прямого* налога на личный труд... Слава тебе, дряхлая представительница гнилого кулачества и подобострастного лакейства!

Из других мест имеем, например, известие, что в Шуйском уезде «находят более полезным жертвовать на колокола, чем бедным самарцам». В симбирском клубе шли долгие споры о том,

жертвовать ли самарцам деньги, назначаемые на ежегодный обед, или обедать всласть своим чередом, не смущаясь чужим голодом, а жертвовать из других сумм... Большой успех имел сбор с карточных выигрышей в разных местностях, как вполне соединяющий провинциальное бездельничество с чувством филантропии. Стали кое-где устраиваться комитеты. Но больше всего самарцы сделались поводом для празднеств и для плясок. В это время моды на увеселения в пользу голодающих печаталась статья, которая заслужила честь навлечь на издание, ее поместившее, правительственное предостережение, и из которой мы сообщаем следующее:

«Самарцам нужны деньги, и много денег, некоторые сумму эту исчисляют в несколько миллионов рублей, а мы шлем голодающим гроши, но зато говорим, говорим, без устали говорим. Все больше «прожекты» строим; ведь до прожектов все мы большие охотники. Один исчисляет, что если все население России пожертвует хотя по одной копейке на человека, то голодающие получат до 600 000 р.; другой предлагает обложить в пользу голодающих небольшим налогом входные билеты на все зрелища и увеселения; третий делает воззвание, дабы каждый гражданин в своем хозяйстве собирал куски хлеба, выбрасываемого обыкновенно в помойные ямы, обращал бы их в сухари и затем отсылал бы на прокормление самарцам. По точному расчету такая операция должна дать миллионы пудов хлеба, вполне достаточные для того, чтобы прокормить население нескольких наших губерний. Наконец, иные, более радикальные, укоряя дам за излишнюю роскошь в костюмах, настаивают на необходимости уничтожить шиньоны и укоротить шлейфы платьев, разумеется, с тем, чтобы стоимость всего этого предоставить в пользу все тех же самарцев... Как много проектов и как мало денег для устранения того несчастия, о котором мы так громко кричим! Заявляя о своем полнейшем сочувствии к положению «несчастных самарцев», мы, чуть дело коснется до активной помощи, спешим незаметно стушеваться и вместо презренного металла, который мы любим во всяком случае более, чем самарцев, предлагаем на общее обсуждение один из наших прожектов...

В чем же лежит, однако, причина такого разлада у нас слова и дела? В свойстве русского человека, отвечаю я, относиться апатично ко всему, что не касается наших личных интересов в тесном смысле этого слова, в отсутствии у нас всякой инициативы и в привычке, освященной веками, чтобы за нас и другие думали и другие делали. Если же мы иногда и принимаем непосредственное участие в том или другом общественном деле, то лишь тогда, когда во главе этого дела становятся лица, власть имущие, и когда за подобное участие мы можем ожидать для себя великие и богатые милости.

Вот, когда у нас дело коснется до бросания бешеных денег на поощрение каких-либо знаменитостей или на устройство лукул-

ловских пиршеств для прославления нашего гостеприимства, тогда в жертвователях никогда у нас недостатка не ощущается. Расточая в пользу голодающих самарцев жалкие слова, мы для проводов нашей дивы, г-жи Патти [158], устроили такую овацию, которую едва ли Европа когда видела. Мы вызвали певицу более ста раз, мы буквально засыпали ее букетами, число которых насчитывают более пятисот, кроме того, поднесли великолепную брошку из жемчуга и бриллиантов, стоящую до 3 000 р. Считая же доход с бенефиса, последний вечер в Москве дал г-же Патти, кроме цветов, около 13 000 рублей!

Петербург обзывает москвичей за бросание бешеных денег нетегеранцами, а сам вместе с тем в садах Доротта [159] в скором времени устраивает бал гризеток и за входной билет назначает 100 р. сер.

В том же Петербурге Александровская ремесленная школа празднует на-днях свою годовщину, и расход на устройство в этот день приличного угощения предполагает покрыть сбором добровольных пожертвований, собираемых по подписке в пользу школы. Спрашивается, кто же лучше: москвичи или петербуржцы? Кажется, друг друга стоят.

Когда дело касается устройства пиров и банкетов, тогда мы всегда за себя постоим, пожертвований же на тощий желудок мы не одобряем. Вот, когда посетили нас во время этнографической выставки братья-славяне, мы тотчас же охотно уделили более 20 000 руб. на угощение этих дорогих гостей; приехали затем в Москву заатлантические друзья — американцы, и для их приема была отчислена такая же сумма; прослышали мы, что православная церковь в Праге не имеет колокола, и опять немедленно высылаем туда 10 000 р. «на красный звон». Такая наша готовность к жертвам на угощение понятна. Присуждая крупные суммы на приемы разных заезжих гостей, мы льстим себя надеждою, что во время всех этих обедов и банкетов и на нашу долю перепадет малая толика. Таким образом, мы, так сказать, постоянно сами себя угощаем. А ведь, отсылая деньги самарцам, на угощение рассчитывать нельзя. Отправил деньги на почту, получил квитанцию, — вот и все. Ну, скажите, какая же в этом приятность? Какая польза хоть нашим гласным от того, что дума решила послать самарцам 50 000 р.? Решительно никакой. То ли дело наше дворянство. Оно в деле вспомоществования самарцам явило пример образцового благоразумия. Сохраняя свои капиталы на случай имеющего когда-либо быть в Москве какого-нибудь высокоторжественного празднества, собрание предводителей и депутатов дворянства, имея в виду, что «московские дворяне не могут оставаться безучастными к бедствию, постигшему жителей Самарской губернии», постановило: 29 ноября дать в залах собрания бал с аллегри... Какое громкое начало и какой неожиданный конец! Будем же, читатель, танцовать на дворянском балу до

истощения сил. Нельзя же нам с вами «оставаться безучастными к бедствию, постигшему жителей Самарской губернии»...

Бал от имени того московского дворянства в пользу голодающих. Да вы поймите только, сколько соли, сколько злой иронии в одной этой фразе! Господи, как будет весело! Модисткам-то, модисткам сколько будет работы!..

А в буфете будут происходить другие сцены.

Дворяне-благотворители усядутся вокруг накрытых столов и, сокрушаясь сердцем о бедственном положении наших меньших братий, зальют свое горе шампанским и, кушая изысканные блюда, будут вспоминать, как самарские «мужички» питаются лебедой. Картина будет умилительная...

Танцы, каждый день танцы — и все в пользу голодающих! Вот какой отныне должен быть наш девиз. Танцуйте же, добрые господа, танцуйте все, кому близко положение крестьян, умирающих с голоду, веселитесь, и да не смущается ваш дух худыми, истощенными фигурами этих «бедных мужичков», бродящих, как тени, там, где-то далеко на юго-востоке России, и хриплым голосом взывающих: «хлеба, хлеба»...

Гораздо проще происходило дело в одной волости Калужской губернии. Мировой посредник прочитал крестьянам из газет о самарском голоде. Крестьяне не устраивали ни балов, ни маскарадов; они просто сделали сейчас же складчину в пользу голодающих. Мы привели выше многие примеры тому, как полуголодные помогали голодным. Припомним, что там, откуда идут за границу миллионы четвертей пшеницы, там, где находится значительное количество богатых землевладельцев и еще более богатых торговцев хлебом, *все* пособие хлебом (2 830 четв.) дали крестьяне.

Один из самых серьезных журналов наших предлагал по этому поводу самарскому комитету напечатать «в миллионах экземпляров воззвания ко всей России о помощи, и пусть эти воззвания разойдутся между крестьянами и между мещанами городов, — и в распоряжение комитета явятся средства, в которых он нуждается». Да, они явятся. Вечно живущий впроголодь крестьянин и бедный мещанин точно поможет голодному, умирающему самарцу; он *знает,* что такое голод. Но неужели автор этого предложения не видел, как паллиативна эта мера? Неужели он верил, что этим способом можно оказать *существенную* помощь голодающим? Неужели он верил и тому, что помощь эта вполне дошла бы до страждущих? Или он не пересчитал «атласные, дырявые карманы», через которые ей пришлось бы перейти? Впрочем, автор приводимой статьи еще, повидимому, верит в возможность какой-то «знающей, просвещенной» филантропии. Это еще иллюзия старого времени.

Затем автор дал факты о распространении бедствия, нами уже приведенные, и далее говорил:

«Хроника нашего голода не полна и отрывочна. Все то, что

мы знаем о нем, слишком недостаточно и поэтому скорее уменьшает бедствие, чем дает о нем истинное понятие. Но если для одной Самарской губернии нужно 8 000 000 р. *, сколько миллионов нужно еще для голодающего юга, востока и некоторых средних губерний? А если для других местностей нужно столько же? И в этих миллионах мы считаем только то, что нужно, чтоб народ просуществовал, а между тем смертность началась. В Херсонском краю погибло до сотни тысяч скота, а с ним погибли все средства будущих урожаев. Никто не вычислил и не может вычислить даже приблизительно, сколько теперешний голод и мор погубил производительных сил. Что же мы делаем, чтобы их спасти?».

Автор далее перебирал главные употребленные средства, указал их отрывочность и недостаточность, видел причину этого в бездушной официальности приглашений к пожертвованиям. «Неужели, — писал он, — воззвания к пожертвованиям можно делать в такой форме: «От дамского комитета сим объявляется»... «От городской управы сим объявляется»... «От земской управы сим объявляется, что при оных, согласно такому-то постановлению, открыта подписка... и при сем присовокупляется»?.. Одним словом, что объявление о торгах на поставку дров, что приглашение к пожертвованиям в пользу голодающих — решительно никакой разницы... Нет, не таким образом можно расшевелить русскую душу и возбудить в нас энтузиазм. Только путем энтузиазма, путем горячки и живого слова можно возбудить филантропию и поднять чужую руку на помощь... Вяло, сонно и вразброд, как-то нечаянно вносим мы свои пожертвования, и нигде вы не услышите общей пропаганды, не встретите энергической организации, которая бы забрала это дело в свои руки и сделала бы из него в таких же размерах всероссийскую филантропию, в каких голод и мор — всероссийское бедствие».

Надо много молодого самообольщения, чтобы говорить об энтузиазме, всероссийской филантропии после того, как автор сам в своей статье приводит примеры самой бессовестной эксплоатации. К этой повсеместной эксплоатации рабочего люда нашими владеющими классами мы теперь и обратимся.

VIII. Общественные хищники

Наша филантропия не могла измениться со времени крепостного права и не изменилась. Мы поставили выше вопрос: Что делало во время голода наше цивилизованное общество? Что делали наши патриотические земцы, наши благочестивые богачи? Вопрос

* Что думает наивный автор теперь, когда знает, что на все голода дано немногим более *одной трети* этой суммы правительством, а филантропы, собравшие 926 000 р. для Самары, едва ли дошли до *миллиона* и для всех голодающих местностей.

этот едва ли не был лишний, если он относился не к словам, а к настоящему делу. Как, что они делали? Разумеется, спекулировали, не обращая внимания на голод; спекулировали на самый голод, обирая нищих, обсчитывая голодных, отвертываясь от просьб о всякой серьезной помощи.

Мы упоминали выше, как благородные владельцы лесов немедленно воспользовались голодом, чтобы спекулировать на жолуди. Мы видели еще несколько примеров подобной спекуляции на народное бедствие. Прибавим, что в октябре 1873 г. телеграфировали из Бугульминского уезда, что там «обнаружена стачка между скупщиками, которые, разъезжая по деревням и зная бедственное положение крестьян, скупали у них лен, остатки зерна и разные домашние вещи за непомерно низкие цены».

А вот несколько выдержек из корреспонденции от конца марта из Самары в «Московские Ведомости» того самого Ржанова, которого корреспонденцию мы цитировали выше. «Пшеничные посевы, пшеничные дела поглотили всю умственную деятельность самарской интеллигенции, которая состоит большею частью из коммерческих людей. Пшеничные посевы сделались здесь как бы лотерейной игрой, и спекуляция на них является в разных видах: снимают в аренду земли, распахивают их и ведут посевы, покупают участки и занимаются посевами, покупают готовую пашню с семенами и с работой и ожидают урожая. Самарский край с его посевами и самарский хлебный рынок представляют своего рода Калифорнию, где можно загребать золото чужим тяжелым трудом, прилагая к нему с своей стороны нехитрую ловкость и маленький капитал... Этот торговый пшеничный мир и теперь занят одним только барышом от хлебной площади, хотя в настоящее время и очень тощей и очень скудной хлебом». И далее г. Ржанов очерчивает портрет безграмотного кулака, который «кует себе деньги, составил себе в три года громадный капитал и ведет посевы на три миллиона рублей».

Чтобы уяснить читателю, какое значение для крестьянина и вообще для Самарского края имеют эти самарские капиталисты-эксплоататоры, мы воспользуемся выписками из статьи, которая нам уже доставила несколько хорошего материала. Из них читатель увидит, что вопли о хищническом хозяйстве и в Приволжском крае, вопли, раздававшиеся и в «Московских Ведомостях», и в более либеральных органах, и в рядах представителей капитала, вызванных упомянутою выше комиссиею о положении сельского хозяйства, имеют точно основание, но что здесь дело в действительности идет не о хищническом хозяйстве *крестьян*, а о кое-чем ином.

«Что всего более истощает экономические соки самарского Поволжья, — пишет цитированный нами автор, — что буквально высасывает лучшую кровь этого живого экономического организма, — так это крупные арендаторы, которые как бы специально

существуют для того, чтобы в 6 — 12-летние арендные сроки выжать из земли все и потом бросить эту землю, как что-то негодное...

Все заволжские земли, по способу владения ими, могут быть разделены на 5 категорий: земли государственные, земли удельные, земли высочайше пожалованные частным лицам, земли помещичьи и крестьянские; шестая категория — это земли немецких колонистов, ныне поселян-собственников; но земли эти по системе эксплоатации их так не похожи на все остальные, что составляют как бы особняк, приятно вас поражающий своею более счастливой внешностью. Земли первых трех категорий — это пустыни, огромные площади довольно богатой земли, никем не заселенные, но уже отчасти, а иногда и совсем истощенные, — кем и как, мы это сейчас скажем; помещичьи земли также не особенно густо заселены и не особенно хорошо обработаны, хотя тоже порядком истощены; крестьянские земли — это небольшие клочки, а иногда ничтожные клинья, рассеянные по Заволжью там, где скучилось крестьянское, бывшее крепостное население, а отчасти государственные и удельные крестьяне, получившие надел вместе с прочими. Пользование землями первых трех категорий по преимуществу носит на себе характер хищнический, истощающий почву и не возвращающий ей бессовестно и безжалостно извлекаемых из нее производительных сил. Вся эта земля захвачена крупными арендаторами. Это — экономические хищники в полном значении этого слова. Арендаторское хищничество развито преимущественно в южной половине самарского Поволжья, которая родит хорошую пшеницу — «белотурку»; разорительное присутствие экономического хищничества сильно ощущается также землями, лежащими вдоль волжского побережья. Эти хищники снимают земли первых показанных нами трех категорий большей частью крупными участками, от 1 000 десятин земли до 30 000, до 40 000 и даже до 100 000 в участке! Хищническая аренда преимущественно обращается в долгосрочную так, чтобы свежая, нетронутая и плодовитая земля могла быть доведена до положительной чахлости, и потому хищники по преимуществу набрасываются на степные места, на «целины», на «новины» и на старые залежи. Хищники эти почти постоянно отбивают на торгах земли у крестьян, потому что дают против них высшую цену и притом торгуются на такие крупные доли, которые крестьяне снять не в силах, и только в таких случаях крестьяне иногда побеждают на торгах хищников, которые послабее, когда делают складчину на съем земли целыми обществами, артелями...

Но сами хищники засевают не все те огромные площади земли, которые они перебивают на торгах у крестьян: они сеют преимущественно там, где особенно развита хлебная торговля и вывоз пшеницы за границу — в южной части Самарского и Бу-

зулукского уездов и в Николаевском; но и то в последнее время все более и более суживают размеры своих личных засевов, потому что успели уже насильственно истощить землю, а, выдавив из нее лучшие соки, сдают потом крестьянам, наверстывая на передаче крестьянину земли то, что они недовыручили бы на личном посеве...

— Ноне хорошая земля у купца в сундуке, а мужику-то обо́рыш дают,— замечает русский крестьянин.

Действительно, крестьяне, снимая землю из вторых рук, истощенную «вдову», и притом значительно дороже против цен, состоявшихся на торгах, платят еще хищнику «отступное». Таким образом, хищник, сняв десятину за гривенник и в крайнем случае за рубль, за два и выжав из нее всю производительную силу в виде барышей на проданной «белотурке», сдает ее крестьянину уже за 5, 6, 7, 8, 9 р., выгадывая на каждой десятине 6, 7, 8 р., а на каждой тысяче — тысяч семь или восемь». Автор приводит один *официально засвидетельствованный* пример, где «получаемый арендатором-купцом барыш составляет 75% арендной платы», и прибавляет: «Барыш этот — косвенный вычет из крестьянского заработка»...

«А между тем, вследствие хищнической эксплоатации земли, почва там действительно год от году чахнет, и, повидимому, нет надежды остановить эту галопирующую экономическую чахотку населения теми скудными средствами, которыми оно до сих пор располагало...

Если на долю самарского Поволжья и выпадает иногда хороший урожайный год, как 1868, когда рабочих рук нехватало, чтобы собрать весь урожай того лета, и когда много хлеба погибло на корню, — где перезрелая нива высыпалась от ветру, а где дождалась зимы и была засыпана снегом, — то при всем этом население никогда не получает тех выгод, какие оно должно было бы получать: недостаток местных рабочих рук заставляет целые массы жнецов, косарей и других рабочих стремиться за Волгу из нагорных местностей, и тот заработок или тот доход от земли, который должен был бы оставаться за Волгой, уходит в другие губернии, а Заволжье остается при своем хлебе, который и покупается за бесценок кулаками, хорошо понимающими, когда именно крестьянин нуждается в деньгах для уплаты податей и когда именно, поэтому, его всего удобнее поприжать на хлебе.

«Кулак да саранча — одна епанча: хлеб на корню жрут, а нам ни синя пороха не оставляют», — местное крестьянское причитанье о погибшем хлебе».

Итак, хищническое разорение края производится не необразованным мужичьем, а представителями капитала, представителями *собственности*. В своей животной борьбе за обогащение они разоряют народ, а по пути разоряют и свой край для прославления хищнического закона всякой капиталистической борьбы:

пред стремлением к обогащению не существует ни родины, ни человека, существует лишь конкуренция, на алтаре которой следует заколоть *все*... В этом случае самарские эксплоататоры не хуже и не лучше хищников всего остального мира; но не худо русским экономистам приглядеться на этом *конкретном* примере не только к тому вопросу, кто *вообще* разрушает «основы» общества, но и к другому, более близкому вопросу для их патриотического сердца: кто *в частности* истощает экономические средства нашей родины?

Но это — спекуляции, косвенно истощающие страну и вызывающие ее обеднение, а вот прямо спекуляции на голод. В январе самарская управа вошла в соглашение с самарским капиталистом Духиновым[160] о поставке хлеба на обсеменение полей. Он немедленно потребовал авансом 100 000 рублей. Губернатор разрешил выдать. Он доставил хлеб и стал требовать, чтоб его приняли как можно скорее, не ожидая испытания всхожести доставленного зерна и даже не получив от него, Духинова, заявления, какое количество какого сорта хлеба и где именно закуплено. Очевидно, тут все дело заключается в том, чтобы сбыть товар и деньги получить, а там каков товар, — что за дело г. Духинову? Можно было бы думать, что мы напрасно делаем дурное предположение о г. Духинове, но он впоследствии заявил себя гораздо полнее. В мае писали, что самарский *купец-миллионер* Д. (фамилию, как видите, скрыли из уважения к капиталу), итак, купец-миллионер Д. обвесил крестьян Остроуховых[161], привезших ему зерновой хлеб. В июле разгадка разрешилась. «Суд. Вестнику» писали из Самары, что «одного из тамошних капиталистов мировой судья привлек к уголовной ответственности за умышленный обвес при приеме хлеба. Общественное мнение было сильно возбуждено этим делом и сочувствовало обвинительному приговору судьи, тем более, что этот же капиталист попался впоследствии в новом обвесе, при поставке продовольственного хлеба голодающим; хотя по этому последнему обвесу были составлены полициею, по приглашению члена губернской земской управы, 2 акта, но актам этим, как носятся слухи, не было дано дальнейшего движения. Таким образом, одно только первое дело поступило на рассмотрение мирового съезда, который хотя и признал факт обвеса, но не усмотрел в нем умысла, т. е. признал деяние ненамеренным и постановил: обвиняемому Духинову, на основании 9 ст. Уст. наказ., нал. мир. суд., сделать выговор. Публика осталась крайне недовольна решением».

Это было хищничество частного лица, но мы только что говорили о том, как южное земство попыталось тоже поэксплоатировать народный голод для приобретения в свои руки поставки продовольствия на железную дорогу. И много, много таких примеров представило современное голодание...

Но как голод и страдания народа общи всей стране и состав-

ляют явление не местное, не случайное, а хроническое, так и эксплоатация рабочего народа благочестивыми кулаками есть явление столь же общее и столь же хроническое. Мы для примера возьмем лишь один край, один угол России, далеко отстоящий от ее «житниц», изумивших близоруких наблюдателей крайностями своего голодания. Возьмем крайний север Европейской России.

Печальную картину страдания, вымирания народа, отвратительную картину хищничества кулаков представляет этот край на всем своем громадном пространстве.

Например, в конце 1873 года было в Шенкурске дело Булатова [162], которое заслуживает внимания.

Скупщик смолы Булатов занимался своим делом 25 лет и имеет неоплатными должниками до 600 крестьян на сумму 17 000 р. Как велась торговля и почему на крестьянах накопился такой огромный долг, легко видеть из следующей таблицы, где для нескольких лет показаны: цена смолы за границею, примерные расходы скупщика, включая сюда и 1 р. с бочки смолы за комиссию, цена весьма и весьма высокая для смолы; далее показана цена, полученная крестьянами, и насколько они были обокрадены скупщиком на каждой бочке смолы:

Годы	Цена смолы за границею	Расходы скупщика	Плата крестьянам	Похищенное у крестьян
	с	б о	ч к	и
1870	7 р. 63 к.	2 р. 83 к.	1 р. 50 к.	3 р. 30 к
1871	от 6 „ 30 „ до 7 „ 70 „	2 „ 83 „	1 „ 50 „	от 1 „ 97 „ до 3 „ 37 „
1872	11 „ 25 „	2 „ 93 „ мен.	3 „ 70 „ бол.	5 „ 62 „
1873	11 „ 35 „	2 „ 93 „	3 „ 70 „	5 „ 72 „

Так как заказ доходил до 5 000 бочек в год, то скупщик, кроме 5 000 р. за комиссию, крал у крестьян до 28 600 р. ежегодно. Не трудно видеть результаты, которые одна газета выражает так на основании доклада о деле Булатова: «Запродажа смолы производится заранее по условным ценам, какие назначат из Архангельска; нуждающимся крестьянам выдаются задатки с обязательством в известное время по известной цене поставить смолу. На таких условиях в округе приобретается несколько тысяч бочек смолы, которые скупщики доставляют в Архангельск своим доверителям. При помощи этой запродажи и низких цен крестьяне, доставляя всю смолу, однако, никогда не могут выплатить задатков в смоле; они постоянно находятся в долгах, поддерживать которые очень выгодно скупщикам. Таким образом целые волости попадают в кабалу»...

«Что удивительного, что крестьяне не могут уплатить скупщикам долгов, простирающихся до 50 — 100 р. на одного производителя, — прибавляет доклад. — Закабаляя скупщикам и доверенным купцов всю смолу вперед, крестьянин только при самой

высокой цене может немного погасить долги, а в противном случае следует пересрочка и бесконечное накопление долга».

И в нынешнем году те же известия из Шенкурска. «Скупщики,—пишут в газетах,—закабалили население, выдавая большие суммы в задатки, год от году не оплачиваемые и переносимые на целые поколения... Если бы считать хоть третью часть потерь, понесенных крестьянами вследствие покупок смолы по назначаемым самими конторами ценам, то и тогда все долги давно следовало бы считать погашенными не один раз. Еще безотраднее положение смолокуренного производства в Вельском уезде Вологодской губернии... Смола там покупается известными скупщиками, даже чуть ли не *состоящими в земстве,* по ценам еще дешевле шенкурских.

Идем еще далее на север, на берег океана и Белого моря. Мы уже видели выше *, что там «эксплоатация граничит с грабежом». Теперь можем сообщить более подробные известия об этом грабеже.

В последнее время мы встретили чрезвычайно рельефную в подробностях картину эксплоатации «покрученников», или рабочих промышленников на Мурманском берегу, число которых доходит до 3 600 человек. Эти работники, — говорит автор статьи, из которой мы черпаем наши данные, — «из лета в лето крутятся, нанимаются» в артель одного и того же хозяина (хотя название артели здесь совсем не годится); они «находятся в вечной кабале у него вследствие долгов, наросших мало-по-малу на их отцах и дедах и перешедших на них понаследству. Количество долгов еще увеличивается потому, что каждую зиму семья рабочего и он сам продовольствуются на счет хозяина». Хозяин получает $^2/_3$ вырученной суммы, рабочие $^1/_{12}$ (именно около 60 р. за 7 месяцев работы, или около 28 к. в сутки). В первый год заведения промысла хозяин получает уже 65%, в следующие 260%. В 5 лет на десять шняк хозяин выручает около 22 500 р., а рабочему приходится 300 р. за упорный 35-месячный труд. *Приходится,* но он их не получает, потому что хозяин доставляет ему и его семье хлеб по 1 р. 30 к. с пуда, покупая хлеб по 1 р. за пуд; доставляет ему соль от 70 до 90 к. за пуд, покупая ее по 30—50 к., доставляет ему ром по 7—8 р. за ведро, получая его за 1 р. 40 к. «Таким образом, рассчитываясь с хозяином по окончании промысла, рабочий денег не видит вовсе, а покрывает, *насколько возможно,* старый долг и тут же молит мироеда христом-богом не отказать ему в новом кредите... Таким образом созидается здесь *более чем крепостная* зависимость». Хозяева еще грабят рабочего на прогульных днях, вычитая «за каждый прогульный день по 1 р. Не вышел рабочий просто по произволу, от лени или уложила его на нары душной и вонючей избы горячка,—все равно, исключе-

* Стр. 263.

ния из общего правила не бывает вовсе. Болезни здесь очень часты... треть или более промышленников переболеет. В благоприятном случае из 26 покручеников умрет один, а восемь или девять переболеют. Количество умирающих дает от 25 до 5%. Горячки довольно упорны. Положим, что каждый больной провел в тифе, горячке или лихорадке — не на работе, а дома — 3 недели, — из его доли вычтется 21 р. Разложив эту долю на всех промышленников, находим, что каждый вместо 60 получит только 53. Отсюда ясно, чем вознаграждается покрученик пресловутой поморской артели». А каковы удобства, представляемые для заболевания! «Избы мурманских станов выстроены из леса, привезенного из Поморья. Лес берется дешевый, следовательно, неровный, сырой, плохой. В стенах избы громадные щели, крыши разворочены, внутри все переполнено снегом». Едва работник окончил трудный путь и добрел до становища, «отдохнуть некогда, нужно сначала вычистить снег, кое-как поправить развалившуюся печь. Потом уже можно расположиться спать мертвым сном посреди всей этой сырости в избе, где гниль стоит в воздухе, душном до того, что «хоть топор вешай»... Тут же сушится одежда промышленников, а впоследствии, когда начнется промысел, и снасти, причем приставшая к ним морская трава разлагается от тепла и издает весьма сильную вонь. Насекомые водятся здесь в ужасающих количествах, избы кишмя кишат всевозможными родами и видами самых отвратительных паразитов. Кроме того, на берегах становищ разбросаны слоями внутренности трески, гниющие и распространяющие миазмы на все окрестности... В таких избах, на пространстве от 3 до 4 квадратных сажен, скучивается от 15 до 30 человек на нарах и под нарами. Больные здесь не отделены от здоровых, дети от взрослых. В этих именно притонах скорбута и горячек промышленники, по прибытии в становище, проводят по неделе и по две без дела и почти без движения вследствие непогод, мешающих выйти на ранний промысел. Короче сказать, в самом начале промысла скопляются все условия, неизбежно вызывающие цынгу». Медицинская же помощь организована на Мурмане следующим образом: «На всем протяжении этого восьмисотверстного берега... есть только одна больница, да и то *без окон, без крыши, без дверей, без пола, без кроватей, без больных, без врачей, без аптеки*». Нечего говорить о страданиях рабочих при самом производстве ловли. Автор статьи описывает *лучшую* избу у *лучшего* хозяина и не может не высказать своего отвращения от этого притона грязи и болезни, а лучший хозяин, как оказывается, все-таки сильно грабит рабочих на соли, не говоря уже о грабеже при разделении долей. Таково каторжное, хуже, чем крепостное, житье *свободного* рабочего на нашем севере.

И так же эксплоатация идет всюду, всюду, как голод и нищета царствуют всюду, всюду...

А в то время, как голод свирепствовал в трети России, в то

время, как самое представление о «чистом хлебе» исчезало в народе, вот как торговали и наживались наши хлеботорговцы, по словам журнала, из которого мы уже черпали не раз данные:

«Мы уже сообщали, что на нашей юго-западной границе идет в настоящее время сильный отпуск хлеба в Австрию. В Бродах все амбары и магазины переполнены хлебом, и почти исключительно русской рожью. В первые девять дней ноября по одной Киево-Брестской железной дороге подвезено хлебного товара более 600 000 пудов. В Радзивилове стоят 131 вагон, нагруженные хлебом и ожидающие, чтобы их груз приняли на галицийскую Карла-Людвига железную дорогу. Почти все станции Киево-Брестской железной дороги завалены хлебом. В другую пограничную с Австрией станцию, Подволочиск, в то же время было подвезено по Одесской железной дороге 95 000 пудов хлебного товара. Вывоз ржи и ржаной муки из черноморских портов за границу идет также свободно, и в местностях, ближайших к юго-западной границе, заметно такое оживление в хлебной торговле, точно судьба наградила Россию баснословным, небывалым урожаем. «Киевлянин» пишет, что в Киеве в последние дни замечается сильное движение по хлебной торговле и явилось весьма много крупных требований, в особенности на рожь. В Самарской губернии, где уже началась голодная смерть, хлеб вывозится так же свободно, как в годы благополучия и изобилия. Подвоз пшеницы с волжских пристаней идет преимущественно из Новоузенского и Николаевского уездов»...

Это было писано в 1873 г. Мы видели выше; что это продолжалось и в январе — при восхищении правительства, при аплодисментах либералов... Это продолжалось и позже.

Но хлеб голодающей России не толькько продавался за границу для обогащения хищников-хлеботорговцев: он валялся по дорогам, он гнил под дождем и снегом от небрежности других — железнодорожных хищников. Вот что писал корреспондент «Вперед» в 1873 г.:

«Недавно совершил я поездку по Киево-Одесской железной дороге. У станции Голты, Вапнярки и других лежат массы хлеба. Лежат мешки с пшеницей, предназначаемые к отправке в Одессу, а оттуда в края чужеземные, подальше от голодных самарцев, донцов, херсонцев; лежат эти мешки по обеим сторонам насыпи, эдак на полверсты вдоль линии: пирамида за пирамидою. Прямо на земле, ничем не покрытые; мочит их дождь; оттепель — и сейчас там вода образуется; нижний ярус каждой пирамиды весь в воде. И это на шести станциях все одно и то же, без малейших вариаций. Видел я также, как вынимали эти мешки, чтобы отправлять. Большинство мешков драные. Дырья заткнуты соломой. Видел я мешки, уже лежащие на открытых вагонах; на иных по

---

* Стр. 198, 199.

двенадцати дыр, заткнутых соломой. Иные мешки совсем бросаются на месте, потому что их нельзя приподнять, не высыпавши всего содержимого. Это из нижних ярусов. Рассказывал мне сосед в вагоне, помещик, живущий недалеко от Голты, что когда он в сухое время приезжал на станцию, то в одном месте колеса его экипажа *вязли в пшенице,* в чистой пшенице, без примеси какой-либо грязи».

И это известие для нынешнего года подтверждается многочисленными корреспонденциями в газетах. Ограничиваемся лишь полутора месяцами, от 5 февраля до 20 марта, и только теми сведениями, которые находим в консервативнейшей и благонамереннейшей из русских газет, в «Моск. Ведомостях».

«На Елецкой дороге, — пишут 5 февраля, — по линии от Орла до Грязей и по Ливенской дороге валяется вот уже несколько месяцев до 4 000 вагонов, или до 2 500 000 пудов хлеба». Рожь увозили на лошадях, и она оказывалась подмокшею. В номере от 7 февраля находим, что «в Аткарске на платформе лежит разного рода хлеб более чем на 200 вагонов; хлеб лежит с 1 января... его занесло снегом». От 16 февраля узнаем, что на Тамбовско-Саратовской дороге «лежит более 6 миллионов пуд. хлеба», лежит «на открытом воздухе и подвергается всем вредным влияниям погоды». От марта 8 узнаем, что «на станции Лопаснь Московско-Курской железной дороги лежит на открытом месте и на голой земле до 130 000 пуд. хлеба, привезенного на станцию еще 16 января. Вследствие подмочки хлеб начал уже гнить. Правление железной дороги не отпускает должного числа вагонов для перевозки хлеба, несмотря на то, что часть хлеба *предназначена для крестьян Самарской губернии,* пострадавших от неурожая». От 16 марта опять узнаем, что на пути от Ельца в Москву через Липецк и Грязи хлеб валяется и гниет под открытым небом. От 20 марта подобному положению дел на Грязе-Царицынской дороге посвящено несколько столбцов. В течение всей зимы лежали миллионы пудов хлеба на станциях; его валили прямо на снег и т. д. и т. д.

Словом, богатство свидетельств подавляющее.

И точно, во имя священного права конкурировать и бороться за обогащение, что за дело хлеботорговцу до голодног крестьянина? Что за дело железнодорожному спекулятору до хлеботорговца и до того же крестьянина? Всякому дорог барыш для себя, а если люди голодают и гибнут... тем хуже для них...

В виду этого неизмеримого числа эксплоататоров народа, в виду правительственного хищничества, в виду конкуренции хищничества землевладельцев, хлеботорговцев, железнодорожников, — конкуренции, которая окончательно падает все на тот же обобранный, подавленный, ограбленный народ русский, — собираются 5 февраля в столице сельские хозяева и без возражений выслушивают доклад пресловутого Бланка об эконо-

мическом положении России; и высказывает он им десять предложений, которые должны помочь делу. В чем состоят эти предложения? Одно направлено противу государственного хищничества; эксплоататоры общественные ворчат, что лучшую долю добычи берет все-таки самый великий хищник: найдено необходимым «обратить внимание на обременение земли, произвольно и безгранично, налогами»; прибавим, что тут идет дело и о помещичьих землях. Конечно, требуются меры против пьянства. Несколько предложений направлено на уменьшение числа праздников в виду *увеличения массы крестьянской работы,* причем оратор готов стать на точку зрения свободной мысли, лишь бы добыть себе лишние рабочие дни от мужика. Но самые серьезные пункты в конце: найдено необходимым «в сельской жизни оградить спокойствие и безопасность частных лиц и жилищ; наконец, в видах замены нынешнего полнейшего беспорядка порядком и нынешней распущенности надзором, ходатайствовать, по вопиющей необходимости, о наискорейшем выполнении высочайшей воли 21 апреля 1858 г. касательно *«начертания сельского устава»,* который бы обнял весь экономический, промышленный и торговый внутренний наш быт».

Итак, вот универсальные экономические лекарства для России. Побольше полиции и сельский устав... Энергичные сыщики и воскресшее крепостное право в руках землевладельцев. Новое улучшенное орудие эксплоататорства народа для господствующих классов... Им мало прежних орудий... Государственный вампир сосет слишком много крови. Господам общественным хищникам остается мало... Стая волков поднимает вой, что они голодны.

Нет, дико и безнравственно для честного писателя даже произносить слово филантропия, даже в мысли обращаться с искренним призывом к этому обществу, которое выработало всех этих танцующих благотворителей; к обществу, которое не гонит из своих рядов людей, спекулирующих на голод, вырывающих последний кусок хлеба у голодного; к обществу, лижущему сапоги крупным капиталистам, которые живут одним хищничеством русского народа; к обществу, почтеннейшие, избраннейшие представители которого создают налог на личный труд среди работников, ограбленных до последней нитки, и требуют сельского устава, чтобы еще усовершенствовать способы эксплоататорства. Это общество испорчено до мозга костей вчерашним крепостным правом; оно усвоило пороки современного западного капитализма, всосало в себя всю низость тысячелетнего раба — эксплоататора других, более несчастных рабов; умеет лишь ползать пред грязным и кровавым троном русского императорства, ухватывать куски, грабить друг друга, грабить народ; оно созрело только для кнута бироновщины, для фухтеля николаевщины, для лицемерного разврата александровщины и — для топора новой пугачевщины.

IX. Наши интеллигентные силы

Что же делать?

Много было высказано по этому поводу и предложений, серьезных и искренних, и «прожектов», нелепых, появлявшихся на свет из-за одного процесса говорения; много было «мероприятий» и «распоряжений». Часть их читатели видели в предыдущих главах, и критика их едва ли была бы не напрасна. Мы указали истинную причину всеобщего бедствия. И эта причина до такой степени подавляет по своей энергии все остальные мелкие причины, что без отмены *ее* совершенно невозможны были бы всякие попытки улучшить положение народа. Если будут открыты для народа новые источники заработков на железных дорогах или в более или менее искусственных отраслях промышленности, то на всех этих путях новыми средствами обогащения воспользуются общественные хищники, капиталисты, а новые железные дороги, новые фабрики, работы по ирригации, по лесоразведению и т. п. немедленно обратятся в новые средства эксплоатировать народ. Если помощью систематической ирригации или удобрения расширится площадь обрабатываемой земли, то этим расширением опять-таки воспользуются прежде всего общественные хищники, а народ не приобретет ничего. Всякое «мероприятие» противу какой-либо специальной формы эксплоатации народа перенесет лишь эту эксплоатацию из одних рук в другие. Если бы правительство приняло какие-либо меры (а оно их никогда не примет, да и не может принять), чтобы оградить работника от сотен кулаков-паразитов, это будет сделано лишь для того, чтобы высосать из него более крови в форме податей. Если «цивилизованные классы» выработали бы в себе несколько более политического смысла (а они не в состоянии его выработать), чтобы стать силою, ограничить хищнического государственного вампира и уменьшить нестерпимую для крестьян тяжесть податей, то это было бы сделано лишь для того, чтобы доля общественных хищников в грабеже народа сделалась значительнее. Все меры паллиативные, частные, все реформы вполне бессильны при существовании двух основных, громадных врагов народа, наперерыв друг перед другом следящих за каждым моментом некоторого экономического облегчения его положения, чтобы сейчас же воспользоваться этим облегчением в свою пользу и снова бросить его в бездну вечной нищеты, вечного голодания, осудить его на роль вечного орудия *их* обогащения, *их* процветания. По самой своей сущности правительство русское должно быть вампиром народа, пока оно существует, как правительство. По сущности закона капиталистического производства и всемирной конкуренции владеющие классы должны быть губителями рабочего класса, пока они существуют, как отдельные классы.

Итак, мимо многочисленных серьезных и несерьезных предло-

жений и мероприятий можно пройти спокойно, пока они остаются в сфере частных улучшений и облегчений. Сами по себе они бессильны. Они важны лишь в смысле указаний на то, как та или другая часть нашего общества отнеслась к народному бедствию; насколько она была потрясена этим бедствием, насколько она нашла нужным указать на его размеры и на очевидные для всех его причины, именно на неминуемое разорение, на всеобщее обнищание народа, на громадность податей, на беззащитность народа перед эксплоататорством владеющих классов.

В этом отношении, конечно, всего важнее для нас роль тех общественных элементов, которые, как ни малочисленны, но все-таки представляют *все* наличные интеллигентные силы, способные *проявляться* в нашей родине при нынешнем положении дел. Это силы *науки и прессы.* Наука вырабатывает критическую мысль, и для людей науки, привыкших обдумывать факты в их причинной связи, факт обнищания русского народа, факт его подавления податями, факт его хронического голодания не мог оставаться ни незамеченным, ни необъяснимым. Это мы говорим для всякого человека, привыкшего мыслить критически. Но у нас есть и специалисты по политической экономии, по сельскому хозяйству; у нас есть ученые и технические общества, которые специально посвящают свои труды вопросам, находящимся в самой тесной связи с экономическим бытом народа. Как отнеслись эти ученые жрецы, эти собрания строгих специалистов к важному вопросу об обнищании России, о хроническом голодании народа, о государственном хищничестве, о повсеместном эксплоататорстве? Наша пресса, во имя собственных выгод, должна стремиться руководить общественную мысль, отзываться на все общественные вопросы. Консерваторы и либералы в ее рядах одинаково вырабатывают центры политических партий, которые будут спорить о первенстве, когда последний остаток неограниченной власти в Европе, русское императорство, должно будет сойти на степень конституционной власти, если социально-революционная партия, конечно, не предупредит наступление этого момента народным взрывом. Как же это пресса, подготовляющая будущие парламентские программы наших правых и левых центров, подготовила свое значение в обществе чутким отзывом на экономические явления, явно охватившие треть России и коренящиеся в самом строе нашего общества? Как она отнеслась к разливу голода в настоящем, к хроническому голоданию народа, к фатальным источникам этого бедствия?

Правда, что наша наука имеет часто оправдание, если она молчит по важным вопросам. Ее учено-литературные труды должны итти или в журналы и газеты, где их «опасность» подвергается цензуре издателей, или должны печататься в форме книг, которые могут — в случае излишней откровенности — сгнить в подвалах в форме печатной бумаги при современном *отсутствии*

цензуры, как они могли опочить в бюро автора в форме рукописи при прежней цензуре. Заявлений же в *иной* форме нашим ученым делать не приходится, так как наука не играет официальной роли в жизненном строе русского государства. К этому надо прибавить, что ученые трактаты у нас могут преспокойно фигурировать в книжной торговле, не обращая на себя ни малейшего внимания *властей* и не произведя никакого практического влияния на их действия, какой живой вопрос ни затрагивался бы в этих трактатах, как основательно он ни был бы исследован.

Однако этот раз и подобного оправдания привести нельзя. Комиссия по сельскому хозяйству, о которой мы упоминали выше, пригласила в свою среду нескольких представителей русской науки и техники. В числе 181 человека, ею спрошенных, находились 7 профессоров, 1 бывший профессор и председатель технического общества, 3 редактора изданий, 2 председателя технических обществ. Таким образом, 13 представителей нашей ученой и литературной мысли имели не только случай, но прямую обязанность высказать свое мнение по важнейшим вопросам для экономического быта нашей родины. Они могли быть уверены, что мнение, ими высказанное, будет внесено в официальное издание, будет выслушано официальной комиссией и, так или иначе, может иметь влияние на предложенные, а может быть, и принятые меры. Во имя этой науки, которой они посвятили себя, они обязаны были говорить истину, которую не видеть, не знать не могли. Во имя своего развития они обязаны были быть представителями страждущего народа, который других представителей пред комиссией не имел, а имел против себя сотни хищников-собственников, хищников-промышленников. Если эти ученые и техники — патриоты, то они обязаны были указать на бедствия родины. Если они люди, преданные правительству и надеющиеся на силу мероприятий, то они обязаны были сделать это для поддержания государственных сил. Если они либералы, то они обязаны были говорить во имя тех метафизических формул либерализма, который требует свободы и законности. Если б они были революционеры (просим извинения у этих господ: мы ни на минуту не заподозриваем ни одного из них в революционности, но логика требует исчерпания предположений), то они опять-таки обязаны были говорить для того, чтобы занести в официальное издание картину бедствия России, чтобы указать безысходность положения, бессилие реформ, а следовательно, навести читателя на мысль о неизбежности революции.

Они могли молчать о бедствиях родины лишь в том случае, если они изменники пред научным требованием истины, если они эгоистические индиферентисты пред народными страданиями, если они одинаково лгут, когда говорят о научной истине, как они лгут, когда называют себя русскими, патриотами, консерваторами,

либералами, радикалами или просто развитыми людьми. Лишь полное лицемерие ученого и техника, лишь глубокое нравственное ничтожество могло позволить им молчать.

Посмотрим, говорили ли они и что они говорили. Для нас единственно важны предметы, заключающиеся в пунктах, нумерованных комиссиею, как вопросы 4—8 (о состоянии хозяйства у крестьян) и 86—93 (о налогах и повинностях). Можно уже сразу судить о положении, принятом большинством этих интеллигентных сил нашей родины, по тому обстоятельству, что из тринадцати лиц, нами упомянутых, на вопросы 86—93 отвечало только *трое*. Но предмет этот заслуживает быть рассмотренным с большею подробностью.

Трех лиц из 13 приходится немедленно исключить, так как они были призваны, повидимому, лишь как специалисты-ветеринары, по вопросу о падежах скота. Мы не знаем, была ли предложена профессорам Равичу [163] и Сергееву [164] и редактору журнала министерства государственных имуществ и «Земледельческой Газеты» Баталину [165] вся программа вопросов, или им предложены были только вопросы 148 и 149, но они отвечали только на эти вопросы. Допустим выгоднейшее для этих господ предположение.

Оставим в стороне и председателя общества сельских хозяев, сенатора Гедеонова [166]. Он сознался откровенно, что вопросом о сельском хозяйстве не занимался. Оно, конечно, вполне прилично сенатору оставаться совершенно индиферентным к общему народному бедствию и председателю технического общества не иметь никакого мнения по вопросам, составляющим сущность рассуждений этого общества. На то он сенатор, на то он председатель. Его наивное сознание ставит его в ряды безответственных. Относительно же мнений общества, в котором он столь почетно председательствует, это мнение не составляет тайны, так как там г. Бланк делал свой знаменитый доклад и не вызвал, насколько нам известно, возражений. Мы уже говорили об *этой* группе русской хищнической интеллигенции выше.

Остается 9 человек *ответственных*. Послушаем их.

Наш известный химик г. Менделеев ограничился в отношении крестьянского хозяйства следующею фразой, увертливость которой заслуживает полного внимания, как образец для тех, кто *не хочет* говорить *о жгучих* вопросах: «Крестьяне мало улучшают свое хозяйство, на что причин множество, и, вероятно, главные из них всем известны, потому что общи для большинства русских крестьян». Ученый химик был одним из *трех* упомянутых выше лиц, отвечавших и на вопросы о податях, но и тут его ловкость и уменье молчать весьма заметны: он говорил *только* о податях, лежащих на землях *помещиков*.

Профессор земледельческого института Бажанов [167] о податях вовсе не говорил, да и не имел причины, так как, по его мне-

нию, «крестьянские хозяйства в нашей местности (Гродн. губ.) положительно улучшились и недалеки от отличного (!) состояния». Вслед за этим приятным для русского сердца сведением г. профессор сообщает о «всегдашнем изобилии рабочих рук по весьма умеренной цене» и еще раз повторяет ниже, что «рабочие руки у нас недороги». Предоставляем решить ученому профессору, как при отличном положении крестьян могут быть дешевы работники.

Профессор С.-Петербургского университета Советов[168] тоже о податях умолчал, может быть, потому, что он занимается сельским хозяйством, как он выразился, «из любознательности», а экономические вопросы могут расстроить удовольствие его «приюта на летнее время». По крайней мере нельзя объяснить, как это ученый профессор не потрудился пошевелить мозгами, подумав внимательнее о причинах замеченного им явления, что «на протяжении московско-петербургского шоссе крестьянское хозяйство положительно упало»; что «крестьяне терпят страшное стеснение относительно выгонов»; что «в этом обстоятельстве можно видеть в будущем своего рода закрепощение крестьян». Впрочем, не должно думать, что ученый профессор смотрит безнадежно на крестьянское хозяйство. Все это бедствие, по его мнению, грозит лишь общинникам. Напротив, «на приобретенных в личную собственность участках крестьянское хозяйство действительно обещает много хорошего в будущем... В этом отдельном владении крестьян я вижу задаток будущего русского сельского хозяйства»... И ниже «улучшение в сельском быту крестьян» он находит «заметным». Вероятно, нынче господа профессора открыли особую логику *сосуществования противоречий,* и это великое открытие, по нашему мнению, «обещает много хорошего в будущем» для русской науки.

Профессор Петровской земледельческой и лесной академии Стебут[169] ограничился мудрым замечанием, что «настоящее состояние нашей сельскохозяйственной промышленности страдает вследствие малой производительности труда. У нас на производство сельскохозяйственных продуктов тратится слишком много труда, а получается слишком мало пользы». И затем все остальное рассуждение посвящено технике. Заметим, что ученый профессор засвидетельствовал, что он не просидел всю жизнь в кабинете или техническом музее, но «знаком со всею Россией из поездок». Вот истинная ученая наблюдательность!

Последний профессор, о котором здесь приходится упомянуть, — специалист по *политической экономии.* Это г. Янсон[170]. Он заметил, что в Полесье «крестьянское хозяйство находится в безотрадном положении»; ведение хозяйства для крестьян почти невозможно; единственный заработок — рубка леса, «но он почти весь вырублен». Затем он заметил, что в «Волынской и Подольской губерниях крестьянское хозяйство значительно

лучше, нежели в других местностях России». Затем... затем больше ничего. Таковы выводы нашей политической экономии в лице ее официального представителя.

К предыдущим лицам мы причисляем и председателя русского технического общества П. А. Кочубея[171], бывшего профессора химии в пятидесятых годах. По его мнению, «благосостояние» крестьян «значительно увеличилось», «состояние их поднялось значительно», хотя «надел не вполне обеспечивает крестьян». Г. Кочубей принадлежит к тем немногим, которые коснулись вопроса о налогах. Именно он высказался о них так: «Сравнивая наше положение с положением других европейских государств, можно сказать, что у нас налоги на землю землевладельцев относительно их доходов не перешли еще должного предела. Но налоги на крестьян вообще слишком значительны, если принять во внимание, что одновременно крестьяне выкупают свой надел».

Из всех наших ученых единственный человек, который осмелился указать на один страшный источник истощения народа, оказывается именно тот, который сложил с себя звание ученого, но и тот как мягко отнесся к этой язве рабочего люда, как поверхностно посмотрел на положение русского крестьянства!

Переходим к литераторам.

Г. Чаславский[172], редактор статистического отдела департамента земледелия и сельской промышленности, более чиновник, чем литератор. Тем не менее, по собственному свидетельству, он разносторонне изучил предмет. Кроме Смоленской губернии, он, по поручению двух ученых обществ, объездил 6 центральных губерний; по поручению министерства государственных имуществ собирал сведения о положении сельского хозяйства в приволжских губерниях, между прочим, в Казанской и Самарской. Посмотрим, какие результаты получил он от изучения родного края в частях, положение которых было проверено слишком бесспорными фактами. «Положение крестьян улучшилось несомненно... Даже при некотором скептицизме при исследовании (какое беспристрастие!) нельзя не признать, что положение крестьян вообще поднялось». Но вслед за этим афоризмом находим, что крестьянское хозяйство весьма разнообразно, что «у некоторых крестьян хлеба хватает... с августа до октября» (что же и у этих положение «поднялось»?). «В северной полосе (Костр. губ.) нужны заработки для продовольствия и для уплаты налогов» (а положение все-таки поднялось). «В восточной части Костромской губернии, в Нижегородской и северной части Казанской... крестьяне живут довольно плохо». Но зато г. Чаславский нашел «счастливый уголок» в Макарьевском и Васильсурском уездах (в том самом Макарьевском, где, как мы видели *, «население не выходит из недоимок», где «хлеб продают на корню»); «затем крестьяне

* Стр. 259.

хорошо живут в южных уездах Самарской (!!) губернии, где земли совершенно свежие» (!!) (вероятно, дело идет о Николаевском уезде, занимающем *весь юг* Самарской губернии и в котором, как мы видели *, «нищета абсолютная»). Впрочем, как ни хорошо живут крестьяне в этих удивительных местах, но «крестьянский надел недостаточен для прокормления и для уплаты податей» (это, должно быть, от ученых профессоров г. Члславский усвоил теорию *сосуществования противоречий,* о которой сказано выше) и «огромные платежи» являются причиною «медленного улучшения (не более!) крестьянских хозяйств и их благосостояния» **.

Следующий свидетель—литератор, пользующийся довольно значительною известностью и когда-то (конечно, давно уже) принадлежавший к совсем иному кругу литературных деятелей. Это — автор многочисленных путешествий на север, на восток и на юг России, нынешний редактор «Ведомостей Петербургской полиции» г. Максимов[173]. Он наблюдателен и умеет представлять живо предмет. Если у него остался хоть малейший след его побуждений прежнего времени, то он *не мог* пройти мимо вопросов о бедствии народа, не обрисовав эти бедствия метким и образным словом. «Хозяйство крестьян заметно улучшается... Крестьянский быт особенно заметно изменяется к лучшему»... Кто это говорит? Неужели г. Максимов? Да, это говорит редактор полицейских ведомостей. И затем, не смущаясь, продолжает: «Хозяева не встречают затруднений в приискании рабочих, ибо их там очень много. Край... переполнен бобылями, батраками и прочим людом, который близок к крайнему пролетариату; все они ищут работы, но часто не находят ее». Да, *подобное* улучшение хозяйства, действительно, «особенно заметно»...

И вот все наши представители науки, представители ученых и технических обществ, которые были *спрошены* о бедствиях народа, *могли* указать на них, *обязаны* были говорить о них, и ни один из них не имел столько уважения к простой, фактической истине, ни один не имел настолько сочувствия к бедствующему народу, настолько чувства собственного достоинства, настолько элементарной человеческой нравственности, чтобы решиться высказать то, что всем было очевидно...

Жалкие представители жалкой интеллигенции...

Но в числе упомянутых 13 личностей остался еще один человек. Правду сказать, мы хотели пройти его мимо, так как он не ученый, не литератор и его звание президента Вольно-экономического общества есть скорее почетное звание. Если люди, вы-

---

* Стр. 192.

** Последнее замечание так издалека касается вопроса о податях, что даже комиссия не сочла возможным отнести его к вопросам 86—93. И мы не можем считать г. Чаславского в числе отвечавших на вопросы о тяжести податей.

работанные наукой, люди, избранные учеными обществами как внимательные исследователи, люди, обратившие на себя внимание в литературе своею наблюдательностью, оказались настолько ничтожными нравственно пред требованиями фактической истины и элементарной справедливости, чего можно было ожидать от генерал-адъютанта светлейшего князя?

Увы, на стыд всем официальным жрецам истины, этот «почетный» президент технического общества был единственный человек из 13 упомянутых личностей, который по-человечески отнесся к предложенным ему вопросам. «Хозяйство крестьян скорее в упадке, — говорит князь Суворов [174]. — Большинство из них едва ли что-нибудь зарабатывает от земли... Неосновательность и несправедливость способа раскладки (налогов) бросается в глаза... Принятый способ раскладки всю тяжесть взвалил на пашню и сенокос, т. е. на имения мелкопоместных и крестьян, которым нельзя оставить клочка необработанным, а целые земли крупных владельцев пользуются льготами. Вследствие такой несообразности накопление недоимок делается совершенно естественным». Кн. Суворов упомянул и об истощении рабочих сил рекрутскими наборами, прибавив: «люди, возвращающиеся со службы, плохие работники».

Это — единственные человеческие слова, сказанные по поводу одного из важнейших моментов современной русской жизни представителем нашей науки и наших технических обществ. Разврат умственный и нравственный, разъедающий все владеющие классы России, делающий их способными *только* эксплоатировать рабочий народ, обратил научные свидетельства в лживую болтовню наемных лакеев русского правительства, которые прониклись до мозга костей своим назначением развращать молодежь и подавать ей пример поругания над истиной, поругания над справедливостью...

Перейдем к нашей прессе.

Бесспорно, немало статеек и статей с разными более или менее серьезными данными, с более или менее фантастическими рассуждениями и паллиативными предложениями по случаю голода появлялись в ежедневной и еженедельной нашей прессе в последние месяцы, когда внимание было уже возбуждено, когда читатели ждали с нетерпением известия о том, что сделало земство, как решило правительство, сколько пожертвовал тот или этот богатый город. Но стояла ли наша пресса в этом отношении в уровень с важностью переживаемой Россией эпохи? Сделала ли она все, что могла и должна была сделать, чтобы надлежащим образом следить за всеми фазисами народного бедствия? О некоторых изданиях нам очень хорошо известно, что их средства не дозволяют им сделать ничего более. Но многие наши крупные ежедневные газеты имеют специальных корреспондентов в Париже и в Лондоне для получения полных сведений о борьбе Барань-

она[175] с Жюлем Фавром[176] в знаменитой версальской палате или о шансах Гладстона и Дизраэли быть первым министром в будущем году. Как же эти господа помещали лишь случайные корреспонденции из Самары, с берегов Дона, с берегов Черного моря, а то большею частью пробавлялись перепечатками друг у друга или из провинциальных газет? На венскую выставку, видите ли, послать специального корреспондента деньги нашлись; посмотреть и на развалины Парижа все поехали; а посмотреть на месте, как велики страдания народа, какие действительные меры приняты, что *можно* сделать, где шарлатанство, кто делает, что может, где можно еще предупредить растущее и разливающееся зло?—Нет, на это у нас нехватает ни охоты, ни денег, ни корреспондентов. Наши крупные ежедневные газеты, консервативные и умеренно-либеральные (других, как известно, у нас нет), гораздо менее посвятили труда и расходов на собрание сведений о голодании трети России, чем на известия о путешествии персидского шаха, о суде над Базеном, об интригах Брольи, и, конечно, гораздо менее, чем на получение самых точных данных о церемонии высочайшего бракосочетания и о празднествах, с ним связанных.

А большие журналы, консервативные и либеральные? Только в одном из них, и то в апреле нынешнего года, мы встретили серьезную статью об одной стороне самарского голода. Положим, автор торжественно провозгласил в этом случае: mea culpa[177], но достаточно ли этого? Впрочем, мы не станем перебирать все органы прессы. Мы ограничимся одним из них, любимцем публики, совмещающим в себе цвет нашего умеренного либерализма и недавно еще, в 1872 г., имевшим наибольшее число подписчиков из своих собратий[178]. Вот перед нами книжки за целый год, от августа 1873 до августа 1874 г. Сотрудников у этого журнала много, и это люди талантливые. Материальные средства его велики. Умеренность его всем известна, следовательно, большая опасность ему угрожать не может. Программа его обнимает всю энциклопедию. Что же, в этот год, когда голод в трети России наступал и развивался в страшных размерах, в этот год неслыханного страдания русского народа, как отозвался высокообразованный, гуманный, либеральный журнал на его страдания? Дал ли он немедленно точные специальные картины совершающегося, с указанием, какого распространения зла можно ожидать, каких размеров оно может достигнуть, со сведениями, собранными на месте? Сообщал ли он читателям во-время сгруппированный ряд данных о том, что совершалось, о полумерах правительства, о бестолковости местных властей, о неподвижности земств, о развратной филантропии общества, о возрастающих страданиях народа?

С августа 1873 по январь 1874 г. он не упомянул даже о страшном бедствии. В нем печатались статьи о молодости Пушкина и о грузинском экзархе, о хивинской экспедиции и о познанских поляках 1848 г., об Америке и об Австралии, о царе-

виче Дмитрии и о сравнительной мифологии, о возрасте вступления в брак и об общегерманском законодательстве, но никто из многочисленных сотрудников богатого журнала не удосужился написать статью по вопросу, от которого зависит жизнь и смерть сотен тысяч наших соотечественников. Только в феврале появилась в нем статья о нашей податной системе, статья, полная таблицами, потому, вероятно, мало кем прочитанная, но заключающая весьма серьезные выводы. Он все-таки молчал о голоде; все-таки прямой вопрос, занимавший Россию, не находил отзыва на его страницах. Он решился коснуться лишь косвенно невыносимого положения нашего крестьянства. Специальной статьи о голоде он так и не дал в продолжение всего года.

И во внутреннем обозрении (что составляет в этом журнале специальную рубрику) он молчал о самом важном факте русской жизни до марта нынешнего года. В этом обозрении было что угодно: суды, Хива, бюджет, патентный сбор, университеты, осушение болот... но о голоде трети России либеральный журнал до марта не говорил ни слова... Когда самарский голод перестал волновать умы, тогда лишь во внутреннем обозрении, между разбором государственной росписи и указанием на закон о государственных преступниках, появилось несколько страниц о самарском голоде и о бедственном экономическом положении России; они были сдержаны и осторожны, и автор как бы всеми силами старался уменьшить силу впечатления, неизбежно производимого фактами, о которых ему приходилось говорить.

Но возможно ли, мыслимо ли в журнале, который хочет руководить общественным мнением, подобное долгое молчание, подобное трусливое отношение к самому важному общественному вопросу?

После этого не совершенно ли прилично катковской газете требовать *плетей* для народа русского, который она называет «кабацкою голью»? Помилуйте, если журнал, около которого группируются все наши беллетристические, ученые, юридические, либеральные знаменитости, находит возможным более полугода *молчать* о голоде, игнорировать страшное бедствие, переживаемое Россией, спокойно толковать о разных исторических и заграничных вопросах и лишь впоследствии упоминать о бедствиях народа, да и то осторожно, между прочим, в углу внутреннего обозрения, — в таком случае совершенно естественно, что запачканный всеми грязями доносов, облитый всеми извержениями гнилой внутронности, орган Катковых, Любимовых [179], Щебальских [180], Воскобойниковых [181], и как их всех там зовут, находит для русского народа единственным лечением — *плети*... Это в порядке вещей, и противное было бы очень уже стыдно... для либерального журнала.

А вот другой орган нашего умеренного либерализма так заслужил даже европейскую известность за свое чересчур объективное отношение к народным страданиям. По поводу продажи жолудей

голодающим «С.-Петербургские Ведомости» высказали, что желуди и исландский мох составляют лучшие из суррогатов хлеба, и подтвердили это даже химическим анализом. Мы встретили это в разных газетах. Дошло это учено-успокоительное сведение и за границу. Весьма многие рабочие газеты Германии сообщили о подобном выражении читателям, прибавляя очень почтительный отзыв о либеральной редакции. «Почему эти литераторствующие свиньи (Schriftstellende Säue) сами не жрут прекрасные желуди? Их натуре это гораздо более соответствовало бы, чем натуре рабочего народа», так выражается будапештская газета «Arbeiter Wochen Chronik» 21 декабря 1873 г., и это несколько грубое выражение перешло и во многие другие рабочие издания. Русская либеральная пресса получает почетную известность за границею.

И эти люди мечтают о политической будущности для родины, которую они развращают! Эти люди считают себя хранителями здравых политических традиций, оберегателями гуманных начал, учителями будущих деятелей на пользу России... Осторожность хороша в свое время, и тратить даром силы не во-время бесполезно. Но разверните историю, мудрые умеренные либералы, и убедитесь, что есть минуты, когда только решимость и дерзость может заявить политическую жизнь партии, кружка, группы руководителей; есть минуты, когда *должно* ставить на карту почти все и когда тот, кто *не ставит* себя самого на эту карту, имеет менее всего шансов выиграть, чем тот, кто рискует самым безумным образом. Мы говорим теперь с господами умеренными либералами *их* языком, мы говорим не о социальной задаче, а о задаче политической, о *их* задаче. Если бы русская либеральная пресса имела каплю политического такта, она поняла бы, что именно в минуту обширного народного бедствия она могла и должна была заявить себя представителем народных требований—заметьте, требований вовсе не радикальных, не идущих до сути дела, до колебания общего порядка государства. Она *должна* была ожидать, что на нее посыплются предостережения, запрещения, высылки, аресты. Но ведь очень строго дело бы не обошлось: повторяем, что наличные требования крайне умеренны, несоответственны сущности дела, паллиативны, и власть Александра II не поколебалась бы от какого-нибудь временного сложения всех недоимок, употребления крупного займа на помощь народу или от одной из тех громких, но вовсе несущественных мер, которые кажутся нашим трепещущим либералам такими ужасными, а в сущности замазывают только общественные раны. Но защита подобных мер либералами дала бы им действительное *политическое* значение (конечно, не социальное); рискнув настящим, они могли бы выиграть довольно видное будущее в политическом смысле. Они могли бы стать некоторою силою в ближайшей политической истории России. Они приобрели бы ореол, приверженцев, которых паллиативные предложения привлекают даже скорее, чем предложения радикаль-

ные. Лишь в таком случае наши либералы не навлекли бы на себя того позора, что даже газета Каткова серьезнее относилась к вопросу о народных бедствиях, более доставляла о них оригинальных сведений, чем органы нашего либерализма. Они, может быть, потерпели бы немало; но они имели бы политическое будущее; они были бы *чем-нибудь*.

Теперь они остались целы, не вызвали даже неудовольствия, это так... Зато у них теперь нет будущего... Зато они теперь *ничто* для ближайшей истории России.

Приходится здесь упомянуть и еще об одной форме участия нашей литературы в пособии самарским голодающим, о сборнике «Складчина». Но он носит на себе все признаки нашей общественной филантропии: главная часть его состоит из литературных произведений, никому не нужных, из того литературного балласта, на который и авторы не рассчитывают, и редакторы журналов смотрят с неудовольствием. Целая $^1/_7$ доля его состоит из стихов (101 страница на 708) — в наше прозаическое время! Талантливые литераторы дали, как давали капиталисты, — грошами, да и то не самыми тяжеловесными. А остальное... Это — литературная филантропия третьего разряда.

И вот все наши *явные* общественные силы в одну из самых серьезных минут жизни нашей родины.

Вампир государства продолжает сосать кровь народа и не имеет достаточно ума, чтобы хотя временно поддержать силы своей жертвы.

Местные коронные власти и органы местного самоуправления соперничают в эгоизме, в бессмыслии, в неумелости, в ограниченности, в бессилии...

Общество выказывает всю пошлость своего застарелого разврата, своей ребяческой любви к игрушкам...

Общественные хищники вымучивают у народа все, что оставил ему правительственный вампир; они на всех путях рвут хлеб изо рта голодного; они истощают страну хищническим хозяйством; они вывозят хлеб из голодного края, гноят его в дорогах...

Наука лакействует, молчит и лжет, трепеща за свой гонорарий. Пресса, в главных своих либеральных и консервативных представителях, обнаружила все свое политическое бессилие, все свое историческое ничтожество... Консерваторы добесновались до призыва к плетям для страждущего народа. Либералы додрожались до онемения в ту минуту, когда надо было говорить под опасением нравственного самоубийства...

А голод растет, переходит в новые области, пожирает новые жертвы...

И за ним идут неизбежные следствия... Министерство внутренних дел успокаивало публику 24 декабря известием, что в него не поступало «никаких официальных сведений о болезнях, порожденных последствиями голода». Через месяц после того точно

так же успокаивал императора Яфимович. Подождите немного, почтенные господа, болезни будут, будут...

Вот что говорил ученый врач еще в начале сентября 1873 г.

«Голод и его последствия — явления далеко не новые...

У всех на памяти страшный голод, свирепствовавший в Холмском уезде Псковской губернии в 1867, 1868 и 1869 годах. Неизбежным последствием тамошнего голода были сыпной тиф и возвратная горячка. Доктор Држевецкий [182] говорит, что в Холмском уезде более полуторых лет существует на крестьянах эпидемия тифа и возвратной горячки, истребившая около $^{1}/_{7}$ части крестьянского населения... Возвратная горячка здесь, как и везде, есть указатель дурного экономического быта населения. И, действительно, бедность холмских крестьян достигла до невероятных размеров.

Этому бедствию можно было бы помочь во-время, но помощи ниоткуда не было. Земские учреждения, назначенные для заведывания делами, относящимися к хозяйственным пользам и нуждам местности, задались единственною мыслью, что бедность крестьян происходит от их лености и безнравственности. В земских собраниях читались красноречивые доклады о лености крестьян, о пьянстве их, происходили не менее красноречивые прения, и в результате всего было не старание об улучшении быта крестьян, а ходатайство о восстановлении телесного наказания... На самом же деле... крестьянин, наделенный небольшим количеством земли, к тому же имел мало заработков, потому что работал большею частью обязательно за право пользования выгоном и дровами у соседей, крупных землевладельцев. Он разорялся, последнее его имущество продавалось на пополнение недоимок. Подняться ему не было возможности, потому что при постоянной дороговизне на хлеб заработная плата понизилась, а крупные землевладельцы воспользовались его бедностью и, давая заимообразно хлеб, получали дешевых работников. Что касается до хлеба, то он оказался дурного качества... хлеб оказался заплесневелый, вонючий, не только не питательный, но даже вредный для потребителей...

Какие же были последствия этого страшного голода? Самая сильная эпидемия тифозной и возвратной горячки, свирепствовавших в продолжение 3 лет...

Из приведенных мною цитат... легко убедиться, что Самарская губерния находится в совершенно аналогичном положении, что ей грозит чуть ли не большее бедствие и что она накануне самых страшных и опустошительных эпидемий — тифов и горячек. Прецеденты уже есть: в нашу больницу теперь то и дело прибывают тифозные и горячечные больные»...

Да, будут эпидемии. Из Самары, с берегов Дона и с берегов Черного моря хлынет зараза. Унесет она много жертв. Массами будет гибнуть истощавший, исстрадавшийся, измученный трудом

народ. Вся жизнь его — ряд мучений, и немного теряет он радости, расставаясь с ней. Но эпидемия, зарожденная среди нищих и голодных, не останавливается там, где зародилась. «Конечно, было бы меньше бедствий, — пишет 6 февраля 1874 г. тот же врач, — если бы эпидемия поражала одних голодных и оставляла бы в покое наслаждаться жизнью, не задевала бы сытых, но вся беда в том, что зараза не разборчива и, раз появившись, она не щадит никого: ни малых, ни невинных, ни бедных, ни богатых... Еще бы ничего, если бы зараза, эпидемия хотя бы голодного тифа, ограничивалась лишь той местностью, где господствует голод, но эпидемическая зараза отличается совершенно противоположным свойством, или, лучше сказать, безграничным произволом. Она заносится за тридевять земель, и какая-нибудь Ирландия, голодная и хворая, заражает Америку, Канаду и другие страны, несмотря ни на какие карантины, преграды и препятствия... Такая же участь ожидает и нас...»

Да, такая участь ожидает вас. Когда эпидемия усилится, она пойдет далее. Она станет стучаться в двери пышных домов, где наслаждается развращенное общество, умеющее только танцовать и пировать в пользу голодных и страждущих. Она позовет и вас, пирующие и танцующие, на свою веселую пляску, на свой пышный пир. Она постучится и в двери эксплоататоров, что куют себе золото из народного страдания; в двери торговцев, которые вывозят хлеб от голодных, чтобы продать его подороже; в двери земцев, для которых земство не богадельня; в двери думцев, которые придумывают налог на личный труд, думцев, которые отдают деньги на музыку, когда рядом с ними развивается голод; в двери лесовладельцев, находящих, что голод прекрасный случай, чтобы торговать желудями. Она постучится в двери министерств. Она постучится в двери царских дворцов... И перед ее стуком отворятся все эти двери, от ее зова не откажутся все эти паразиты, все эти эксплоататоры общества, говоря, что им некогда... Тому давно Луиза Коле [188], слыша о последней болезни дочери Николая, писала: «Но Польша умерла, и твоя дочь умрет». Она была провиденциалистка, верила воздаянию и связывала факты, не имеющие между собой никакой зависимости. Но теперь предсказание может быть более рационально. Развращенное общество, эгоистическое и отупелое самоуправление, хищный вампир правительства — вызвали в народе голод, вызовут неизбежно в народе эпидемии, но и они дадут определенное число жертв этой эпидемии, и они будут оплакивать то, что есть еще дорогого для их испорченного чувства. Народ русский голодает, народ русский умирает и будет умирать тысячами от болезней, — но будет умирать не один народ, будут умирать и жители богатых палат, будут умирать и жители дворцов... Ждите стука эпидемий у дверей ваших кабинетов, у дверей спальни вашей жены или любовницы, у дверей вашей детской... Ждите вампира!..

Но этого мало. Эпидемия слепа и бессмысленна, как все в общем течении природы. Она не знает, кого поражает. Она не есть воздаяние. Но вам будет, вам должно быть воздаяние...

И здесь мы перед последним вопросом, вызванным страшным голодным бедствием... Мы перед вопросом, еще прежде поставленным: что же делать? — Но теперь он обрисовался перед нами совсем иначе. Мы перебрали все *официальные* силы России, всех *явных* ее деятелей; мы всюду нашли лишь лицемерие, безумие, бессилие, вражду к народу. Мы знаем, что *отсюда* нет и не может быть спасения. Мы знаем, что *здесь* именно гнездится зло, вызвавшее прежние бедствия, вызывающее бедствия настоящие.

И, зная это, мы спрашиваем: что же делать?

Если читатели наши внимательно прочли предыдущие страницы, то едва ли могут колебаться относительно единственного возможного ответа. Мы не сочиняли фактов. Мы даже не собирали их сами для нашей цели. Мы взяли готовое, официальное, всем доступное. Мы цитировали собственные слова «Правительственного Вестника», «Московских Ведомостей», слова корреспонденций крепостников и консерваторов, слова ответов *благонамеренных* лиц перед официальными комиссиями, слова докладов этих бюрократических комиссий, слова провинциальных листков, статьи священников, речи и отзывы врачей. Мы только группировали эти факты и подводили итоги. Но неизбежно вытекал *один,* только *один* результат...

Много данных представили нам русские газеты, но не от недосмотра цензуры. Если бы императорское правительство в своей панике запретило все газеты, кроме одной, — хотя бы эта одна была грязная газета Каткова или тупой листок князя Мещерского, хотя бы это был «Правительственный Вестник, — все-таки каждая строка этой одной газеты, где было бы сказано о народном вымирании, говорила бы ясно: вот убийцы! вот убийцы!

Центральное правительство и его местные орудия, органы самоуправления, наше общество в формах, неизбежно выработанных им из его прошедшего, наша пресса в усвоенных ею традициях — оказались хуже того даже, что мы могли ожидать от них... Во всех этих общественных факторах русской жизни не оказалось ничего живого для будущности нашей родины; во всех этих явных общественных силах высказалось лишь их полное бессилие...

«Поздно говорить о средствах против беды, когда она уже разразилась», пишет один из авторов, которым мы пользовались для нашего очерка. Поздно говорить о частных улучшениях, скажем мы, о реформах на легальном пути, о передаче власти в более интеллигентные группы общества, когда все элементы настоящего государственного и общественного строя не сохранили ни одного здорового места... Поздно! Поздно!

Дело не в том, *что* делать. Дело в том, *кто* может еще сделать

что-либо для излечения нашей родины от страшного недуга, ей грозящего.

Кто может помочь России?

Правительство не может этого сделать. Оно живет народным разорением. Оно будет разорять народ, пока оно будет существовать. Оно обречено на роль вампира.

Иные люди при той же форме правительства? — Это невозможно, потому что условия для правительственного существования, для правительственной деятельности останутся те же. Да этих людей и нет. Мы это видим из полной беспомощности правительства в виду настоящей задачи, из его неумения скрыть даже самые явные следы хищничества, из его неспособности даже лицемерить получше. Если около императора никто не нашелся, чтобы сказать ему, насколько, — не скажу позорно, потому что для русского императорства ничто не слишком позорно, — но насколько нерасчетливо задавать небывалые празднества, когда треть государства голодает; если *теперь* не нашлось подле него достаточно сообразительного человека, значит, между возможным персоналом министров, любимцев, шефов и т. п. вовсе нет людей, годных на придумывание даже паллиативных мер, даже внешне приличного управления...

Земский собор? Из кого он будет состоять? — Из представителей тех земских собраний, которые собирались через полгода после начала голода и допрашивали кухарок о нигилизме во время народного бедствия; или из тех, которые вотировали деньги на музыку, когда народ ел суррогаты; или из тех, которые считали себя не членами богадельни для помощи народу; или из тех, которые хотели эксплоатировать голод в свою пользу на юге, которые спекулируют на смолу на севере; или из тех, которые «не стыдились и не краснели» пред мыслью о налоге на личный труд; или из тех, — и это чуть ли не лучшие, — которые *ничего* не делали, когда история звала их в трудную минуту к политической жизни; из тех, которые обрекли себя на веки вечные на роль статистов русской истории. Если бы земство имело какую-либо будущность, если бы оно заключало в себе какую-либо жизнь, то оно заявило бы себя в настоящую минуту. Оно этого не сделало; повторяем: оно — *ничто*.

Или этот будущий земский собор был бы оживлен представителями нашей политической интеллигенции? Где они? Не в наших ли консервативных и либеральных изданиях? Не те ли помогут, которые требуют плетей для русского народа? Не те ли, которые не находят в себе смелости рискнуть своим залогом, когда голод разливается по трети их родины? — Нет, не из грязного гнезда московских доносчиков, не из безобразного варева петербургских отупелых эпилептиков, не из трусливых рядов приличных и прилизанных русских либералов могут выйти люди, способные принести даже временную помощь народу.

Или в нашем цивилизованном обществе таятся еще новые силы? Где они? На маскарадном аллегри? На обедах в пользу голодных? На собраниях акционеров, которые в наивном вожделении к деньгам не видят, как их самих обкрадывают? В дирекциях компаний, которым правительство дает ссуды для удобнейшего хищничества? Среди землевладельцев, которые нанимают подешевле работников, благо они голодны, и изготовляют для продажи суррогаты? Среди торговцев, которые везут хлеб в Австрию, когда их родина голодает? Среди хоровых певцов, которым некогда думать о голодных? Среди чувствительных комиссионеров дамских обществ, комиссионеров, которые более пишут о своих слезах, чем о народном бедствии? На три, четыре честных голоса сколько грязи и киселя, детского идиотизма и абсолютной испорченности! Это общество в своем целом не заключает в себе никаких сил, никаких возможностей для будущего; если бы силы в нем были, то они бы проявились *теперь;* если бы возможности существовали, то они оказались бы в *настоящую* минуту. Те немногие, разбросанные живые элементы, которые в нем существуют, принадлежат не ему; эти элементы, чтобы не заглохнуть и не вымереть, должны выйти из этого общества, должны стать *против* него, должны пойти на тот путь, на который мы призываем, как на единственный путь спасения нашей родины, — на путь *народной, социальной революции...*

Немногие живые элементы... Да, перечисляя наши интеллигентные силы, мы не упомянули об одной из них, малочисленной, дурно организованной, но которая одна *имеет будущее,* одна *может* содействовать спасению нашей родины. Это не официальная наука, лицемерно смолкающая перед властью из-за опасений за гонорарий. Это не трепещущая пресса либералов, не верноподданная пресса доносчиков. Это — группа работников социальной революции, которые знают, что народ не может найти помощи ни у правительственных, ни у общественных хищников, что он может найти эту помощь только в своих собственных силах, что первое условие улучшения его положения есть полное и окончательное разрушение хищнических элементов современного общества..; группа людей, которые знают это и решились отдать свои силы на пробуждение, на укрепление, на развитие в народе того же сознания, той же решимости...

Ученый врач, которого мы не раз цитировали и которого теперь можем назвать, так как он стал в ряды защитников существующего порядка, поставив рядом в перечислении «ужасных поступков» «порок» и «неповиновение властям», «душевные болезни» и «ослабление и расторжение семейных уз и самую страшную социальную анархию», — итак, ученый защитник настоящего социального и государственного порядка, г. Португалов [184], справедливо опасается, что голод народа может расшатать ту рутину повиновения, рутину установленного хищничества, которая не доз-

воляет народу верить, что его положение *может* быть иным, что ему *может* быть лучше. Острый приступ голода *может* раскрыть глаза народа на истинные причины его хронического голодания, на *единственный* исход из его страшного положения...

Этою *возможностью* обязана воспользоваться та небольшая доля наших интеллигентных сил, которая *действительно* хочет спасти народ, *действительно* хочет помочь ему; та доля интеллигентных сил, которая верит, которая знает, что будущее русского народа заключается только в народной, социальной революции...

Она, одна она может спасти Россию от страшного грозящего ей бедствия, сметя и уничтожив всю эту стаю вампиров, всю эту грязь эксплоататоров и доносчиков, весь этот кисель идиотических детей, безалаберных прожектеров и онемевших от трусости либералов... Она может спасти Россию, потому что с корнем вырвет эту ядовитую паразитную растительность, которая душит нашу родину, разом уничтожит те причины, которые хронически подрывают благосостоянине русского народа... Она может спасти Россию, потому что она есть *единственная* не паллиативная мера, которую можно принять в настоящем положении дел...

И будет она не только спасением страждущих. Она будет воздаянием виновным... Она выдавит из удушаемого вампира народную кровь, высосанную им в продолжение веков. Она напомнит спекуляторам их отклик [185] на страдания народные, на голод и на мор, их великие подвиги. Она ответит своим весельем, своим ликованием на веселье и ликование нынешних сытых и могучих, когда народ голодает и мрет... Она распугает пляшущих и поющих; взвизгнет ее страшная плеть над поклонниками плетей; навеки замолчат уста тех, которые молчали, когда должны были говорить...

Она будет спасение... Она будет воздаяние... К ней идите с нами, все братья, оставшиеся еще живыми среди этой мертвечины!..

Идите во все концы России, идите в города и села, на фабрики и посиделки, на рынки и в больницы, в остроги и в кабаки, на паперти церквей и на сходки ограбленных у крыльца играющего в карты исправника, пред дверями спящего после попойки судьи... идите и рассказывайте голые факты, всем доступные, всюду напечатанные; рассказывайте, как народ голодал, болел, умирал; и как праздновал в это время царь; и как ему подносили богатые подарки; и откуда брались на это деньги; и как веселились бары; и как продавали купцы хлеб голодных; и как нанимали дворяне подешевле голодных работников; и как готовили им муку из желудей; и как продавали им желуди; и как толковали на своих собраниях эти думцы, эти земцы о народной беде; и что решили они; и что решил царь; и как молчали другие грамотеи-

говоруны из боязни за свой кошель, за свою утробу; и как вымогали у голодных подати; и как их обкрадывали, обсчитывали, истомляли, морили...

Идите и рассказывайте, не преувеличивая, не украшая... То, что есть, достаточно: оно говорит само за себя...

И когда вы расскажете это, растолкуйте хорошенько, что все это могло быть иначе; что все это и будет так, пока будут в России и бары, губернаторы и крупные торгаши, власти не из народа и толстопузы, живущие на народный счет; растолкуйте, как легко обойтись безо всей этой оравы, и как мог бы это сделать народ и как *должен* он это сделать...

Идите же, братья, и пусть народ русский передает из села в село, из города в город повесть о голоде, о страшном голоде в дни веселья и празднеств царя русского, в дни господства барства и торгашей...

Бросайте семя: оно созреет. — Придет спасение; придет воздаяние...

ДОПОЛНЕНИЯ

Уже по отпечатании соответственных листов этой брошюры мы получили некоторые дополнительные сведения, которые вносим сюда.

К стр. 200.

Нам пишут относительно бывшего секретаря самарского дамского комитета Мордвинова, что «Шувалов потребовал его отставки quand même[186]. Знатная родня и государственный контролер просили позволения нарядить сначала «дознание», чтобы выискать предлог вне «голода». Дознание не показало ничего. Тогда его вызвали в Петербург для объяснений и *перевели* из Самары в другую губернию». — Ищите революционеров в этих сферах, господа; ищите!

К стр. 245

Об экстренном собрании Тираспольского уезда сообщены теперь в газетах более подробные сведения. «Съехалось 28 гласных. До открытия собрания съехавшиеся с разных концов уезда гласные передавали один другому о положении известной им местности. Никто никого ничем не мог обрадовать, и вот что обнаружилось. Большая часть народонаселения ушла на заработки, а оставшимся дома уже и в настоящее время почти нечего есть; от бездождия корм выгорел, и скоту есть нечего; в некоторых местах иссякли колодцы, и воды нет; вследствие этого ожидается падеж скота, и без того сильно уменьшившегося в количестве вследствие падежа 1872 г. и неурожая 1873 г., вынудившего землепашцев для покупки продовольствия, семян и уплаты налогов

продавать скот». Собрание пришло к следующим заключениям: «Девяносто тысяч душ, занимающихся земледелием (за исключением частных землевладельцев, крестьяне, поселяне и мещане), сделали посева на 1874 г. около 40 000 десятин озимых хлебов и свыше 100 000 яровых. С озимых хлебов, за исключением трех волостей, в которых ожидается урожай (в одной выше среднего, в других ниже среднего), получится около половины семян, т. е. до двух четвериков с десятины. С яровых хлебов если получится столько же, то собранное зерно не годно для посева, так как испорчено кузькой (насекомое) и сильно запалено. Итого, исключая три волости, имеющие около 5 000 душ, остальные 85 000 душ не будут иметь ни семян для будущего посева, ни продовольствия. Все население уезда, как землевладельцы, так и земледельцы, разорено неурожаями нескольких лет, падежами скота и обременено огромными частными долгами, по которым землепашцы уплачивают ростовщикам не менее 60 и до 100 процентов». Вследствие полного истощения средств уезда «собрание решило ходатайствовать перед правительством: 1) об отпуске 50 000 р. для обсеменения озимых полей, 284 000 р. для обсеменения яровых полей, 225 000 р. для продовольствия 22 000 населения в течение 8 месяцев и 15 000 р. для пособия мелким землевладельцам, не имеющим права, по уставу херсонского земского банка, заложить в оном свои имения; 2) о рассрочке платежа повинностей и разных сборов на три года, считая начало трехлетия с 1 октября 1875 г.; 3) о разрешении повсеместной по империи подписки, так как просимой ссуды недостаточно и значительная часть населения до того обнищала, что необходимы безвозвратные пособия; 4) об отсрочке продаж недвижимых имений, по каким бы то ни было взысканиям, до 1 октября 1875 г., так как при общем кризисе они потеряли ценность и не имеют покупщиков. Ходатайствовать о применении к мещанам-земледельцам закона, применяемого к крестьянам, по которому необходимое для хозяйства имущество продаже за долги не подлежит; 5) заявить собранию земского банка Херсонской губернии, что землевладельцы Тираспольского уезда находятся в крайнем положении и нуждаются в отсрочке платежей, следуемых банку. Затем собрание перешло к обсуждению положения кассы земства. Из отчета управы оказалось: в кассе 299 р., долгу 22 000, поступлений никаких, расходовать необходимо ежемесячно свыше 6 тысяч. Так как председатель губернской управы, обыкновенно ссужавшей до сего времени уездные, заявил, что и в губернской кассе свободных сумм нет, то собрание признало необходимым: просить правительство о займе 70 000 рублей, необходимых для выполнения сметных назначений, с уплатой в два года; если же правительство откажет, то сделать заем у частных лиц».

РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ

(1874 г.)

РУССКОЙ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОЛОДЕЖИ

I

I. К кому я обращаюсь?

Из двух зол приходится выбирать меньшее.

Я очень хорошо знаю, что вся эта эмигрантская литература взаимно-обвинительных брошюр, полемики о том, кто настоящий и кто не настоящий друг народа, и кто искренен, и кто неискренен, и кто именно действительный представитель русской молодежи, заправской революционной партии, — вся эта литература личного сора русской эмиграции и читателям надоела, и в деле революционной борьбы не имеет никакого значения, и может быть всего более приятна лишь нашим врагам...

Знаю это и все-таки нахожу, что мне надо написать эти страницы, надо увеличить собственною рукою на одну единицу количество этой жалкой литературы, на скуку читателям, на радость врагам... Надо, потому что из двух зол приходится выбирать меньшее.

Брошюра, вызвавшая меня на это дело, полна личными нападками на меня. Если бы это было все ее содержание, то я бы совсем оставил ее в стороне или, во всяком случае, уже никак не обратился бы по поводу ее к русской молодежи. У русской молодежи гораздо более весьма серьезнейших дел, чем вопрос, кто и что такое редактор «Вперед», в чем его обвиняют, и лгут ли про него или говорят правду. Кто этим интересуется, может сам поискать в моем прошедшем: оно на виду; оно в памяти ряда поколений, рассыпавшихся ежегодно из скромной аудитории; оно в печати, доступное всем. Но кому это интересно? Личности в наше время исчезают в общем движении, они подчиняются этому движению, они в нем теряют свою индивидуальность. Я, конечно, и здесь не скажу ни слова в свою личную защиту; это не мое дело. Я не считаю нужным оправдываться в каком бы то ни было

действии. Объяснится же моя деятельность в ее связи когда-нибудь сама собою. Теперь, повторяю, это никому не интересно.

Брошюра полна нападками на журнал, которого редакция мне была предложена, и принять ее я счел для себя честью и обязанностью. И эти нападки не были бы достаточны, чтобы побудить меня увеселять наших врагов спектаклем полемики между микроскопическими представителями русской деятельной эмиграции. Две книжки «Вперед» пред читателями. Они настолько вызвали содействия, что мы надеемся не так уже скоро положить оружие. Следовательно, читатели имеют пред собою достаточно материала, чтобы судить на фактах, *что* именно мы проповедуем, к *чему* призываем молодежь, на *что* обращаем внимание в русской жизни, как относимся к революционному движению на Руси.

Не из отрывочных фраз программы, не из кусочков той или другой статьи того или другого сотрудника, но из общего характера более чем шестидесяти печатных листов читатели достаточно могут выяснить, что такое «Вперед» и какие цели его одушевляют. Читатели — не подьячие, вылавливающие слова; они вынесут общее впечатление. Они оправдают нас от всякой лжи, фальсификации и извращения смысла, если мы правы; они нас осудят хуже всякой полемической брошюры, против нас направленной, если мы неправы. Мы будем продолжать наше дело. Если три-четыре толстых тома не уяснят себя сами читателям, то комично было бы объяснять их в брошюрке на нескольких печатных страницах. «Вперед» будет сам себя защищать своим содержанием, а не эмигрантской полемикою.

Но брошюра заключает не только нападки на меня, не только нападки на «Вперед»; она выставляет в своем заглавии «Задачи революционной пропаганды в России»; она, действительно, отводит некоторую долю рассмотрению этих «задач»; она при этом высказывает идеи, которые мне кажутся настолько вредными, и скрывает между строками еще другие идеи, еще более опасные, а написана настолько ловко, что я считаю своею обязанностью обратиться к русской социально-революционной молодежи для настоящего ее уяснения. Зло, которое могло бы произойти от неясного ее понимания увлекающимися умами нашей молодежи, по-моему, значительнее зла увеличения литературы эмигрантской полемики. Из двух зол приходится выбирать меньшее, и я выбрал.

Я не обращаюсь с ответом к автору брошюры, потому что он как личность и его личные мнения не имеют для меня ровно никакого значения в общем деле. Он публично уверяет меня в дружеских чувствах. Я не считаю вовсе нужным говорить публике о моей дружбе к одному, о моем презрении к другому, потому что публике крайне неинтересно знать мои личные отношения к тому или другому. Как личность я не считаю себя в праве обращать на себя внимание в печати. Для читателя мы все имеем только значение как общественные деятели.

Даже не мы сами имеем значение, а наши действия. Их мы можем, их мы обязаны судить, но опять-таки лишь по отношению к нашему общему делу.

Какое же наше общее дело?

В августе 1873 года мы печатали в нашем обращении к читателям «Вперед»: «Мы зовем к себе, зовем с собою всякого, кто с нами сознает, что императорское правительство — враг народа русского, что настоящий общественный строй — гибель для России». Мы развивали ту же мысль в разных формах не раз на страницах обзора того, что делается на родине, в обоих вышедших томах журнала. Необходимости «устранения власти, бессильной для добра, всемогущей для зла», мы посвятили первую статью нашей первой книжки. К необходимости борьбы с основами нынешнего общественного строя мы возвращались каждый раз, в каждой статье, где дело шло о России.

И вот в апреле 1874 г. автор брошюры *противопоставляет* (!) нам девиз, который пишет на знамени «партии действия, а не резонерства» (резонеры, это — мы): «Борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей» *.

Что это? забывчивость? или наивность открывателя давно найденной Америки? или невнимание к тому, что автор разбирает? или преднамеренная фальсификация? Мне это все равно. В настоящую минуту для меня важно лишь указание, что автор брошюры ставит девизом русской партии действия то самое, на что давно уже призывает «Вперед» сочувствующих ему. В общем деле мы, значит, согласны.

Если *это* наше общее дело, то во имя нашего общего дела мы и можем действовать один относительно другого.

Это самое не позволяет мне вовсе взять в соображение личность автора, потрудившегося направить против меня брошюру. Считаю ли я его героем, настоящим, типическим представителем нашей революционной молодежи, или гаером революции, мелким лгунишкою, человеком без убеждений, это — мое личное дело, мое личное мнение, интересующее очень немногих близких мне лиц, но вовсе не важное для борьбы с правительством и современным общественным строем. Герой, страдавший за великое дело, человек, живший десять лет душа в душу с лучшими людьми своего времени, может на одиннадцатом году сделать что-либо очень скверное, и оно не будет нисколько менее скверно потому, что он имеет за собою хорошее прошедшее. Гаер, неспособный ни на одно искреннее чувство, лжец, сам не верующий в то, что он болтает, может случайно, или по расчету, действовать словом и делом на людей, мало его знающих, вдохновляя их на хорошую, самоотверженную деятельность, и его влияние не бу-

* Автор полагает, что на этом знамени должны быть написаны «только» эти слова и, вероятно, придает особую важность этому добавлению. Об этом «только» потом.

дет нисколько хуже от того, что он сам — дрянь. Вредное дело следует парализовать, кто бы его ни делал; хорошее дело следует поддержать, от кого бы оно ни исходило. А человека приходится оставить в стороне. Нас всех, искренно и неискренно борющихся с правительством и с настоящим общественным строем, так мало, что приходится щадить каждого, кто выражает намерение бороться, каков бы он ни был и каким бы оружием ни боролся. Не со всяким можно итти вместе, и об этом я скажу после. Есть союз, который вреден; есть союз, который компрометирует. Но поле борьбы с общим врагом так обширно, что нелепо сталкивать с него всех, которых мы не можем или не хотим признать своими союзниками. Посмотрим, как они будут бороться; посмотрим, как они будут держать свое знамя. Всякий удар, который они нанесут общему врагу, есть успех, может быть, и в нашу пользу. За что же мы будем заранее обессиливать их нападками на их личности, подрывом доверия к ним в тех, кто им верит? Нет, я не стану нападать на личность автора брошюры. Я искренно желаю ему успеха в борьбе с общим врагом. Я беру только слова его так [188], как они сказаны.

Автор брошюры ссылается на частные разговоры. Я не стану этого делать потому, что, во-первых, никогда нет ручательства для читателя, что не вполне добросовестный, не вполне внимательный или несколько забывчивый слушатель передает точно слова разговора, происходившего без свидетелей; во-вторых, потому, что — признаюсь — сохранил старую привычку относиться к частным разговорам и к частным письмам, как к предмету, не подлежащему публичности без разрешения говорившего или писавшего. Другое дело — прения при свидетелях, веденные с обдуманностью и с взвешиванием терминов. Другое дело — рукописи, назначенные для публикации. На них можно опираться, и на них я буду опираться для разъяснения смысла, скрытого между строками «задач революционной пропаганды в России». В продолжение моего недолгого знакомства с автором брошюры у нас разговоров с ним было немало: и относительно разных программ «Вперед», и относительно «типических» революционеров, и относительно русских революционных кружков; если в этих разговорах и встречались некоторые поразительные диссонансы с тем, что он печатает теперь, то я не считаю себя в праве указывать эти диссонансы, которые могли сорваться и случайно с языка, не считаю и читателя обязанным мне верить на слово в том, что я один слышал; вероятно, и он не считает себя обязанным верить, что мой противник, передавая частные разговоры, ненамеренно или намеренно не исказил моих слов. Познакомившись ближе с автором брошюры, я счел необходимым последние наши прения вести при свидетелях. Эти свидетели прекрасно помнят термины, употребленные спорившими, и пункты, о которых шел спор. Это мне только и нужно для того, что читатель найдет на этих страницах.

Я не обращаюсь к автору брошюры потому, что *его* убеждения, если он их имеет, для меня не важны. Мне важны задачи, которые он ставит молодежи, и важны *для нее,* а не *для него.*

Я обращаюсь к русской социально-революционной молодежи, потому, что ей нужно ясно понять, каков истинный смысл тех действий, на которые ее зовут, на *чью* службу она понесет свою голову, на *какую* борьбу она пойдет ослепленною жертвою.

Может быть, я не заслуживаю доверия, а автор брошюры заслуживает его; может быть, наоборот. Не верьте никому. Верьте собственному рассудку. Разберите сами, русские социальные революционеры, вы, «люди будущего», о которых «Вперед» говорил, что в вас «заключены все силы русской интеллигенции», что вы не «в праве уныло опускать руки». Вы еще менее в праве итти по пути, где под громкими фразами, способными увлечь вас, скрывается вред тому делу, которому вы *обязаны* служить, *обязаны,* потому что, кроме вас, некому служить ему.

II. Какова наша молодежь?

Молодежь, к которой я обращаюсь, весьма разнообразна. Разные сотрудники «Вперед» в различной степени верят в ее способность забыть интересы привилегированного сословия, стать в ряды народа, работать на пользу народа и деятельно участвовать в борьбе с правительством, в борьбе с существующим общественным порядком, что составляет, как мы видели, наше общее дело. Одни относятся к ней совсем скептически, как корреспондент, слова которого мы поместили на стр. 6 и след. обзора «Что делается на родине?» [189] в первом томе «Вперед»; другие немного менее скептически, как автор статьи «Революционеры из привилегированной среды» [190]; третьи, напротив, придают ей весьма важную роль в революционной деятельности, как автор статьи «Потерянные силы революции» [191], который пишет: «*Только* союз интеллигенции и силы народных масс может дать победу... Поэтому наш народ... ждет от современной молодой интеллигенции, чтобы она обрекла себя на роль революционных агитаторов среди русского народа... Это *может* сделать наша молодая интеллигенция... Это она и *должна* сделать. Я верю, что она это *сделает*». Я подписываюсь под этим последним мнением, но считаю совершенно возможным допустить на страницы журнала полное разнообразие мнений в этом отношении. Русская молодежь сама своими действиями докажет, кто из сотрудников «Вперед» в этом отношении прав, и много ли в ней людей, действительно искренних в своих социальных убеждениях, в своей любви к народу. Она, конечно, не впадет в уныние и бездеятельность потому, что в ней сомневается тот или другой корреспондент или сотрудник, как ее способность к народной деятельности не увеличится от того, что другой верит в ее историческую будущность. Эту будущность она

сама себе создаст, и «Вперед» может быть лишь одним из голосов, указывающих ей ее настоящее дело, если она *захочет* и *будет в состоянии* исполнить это дело.

Всякое коллективное издание может и должно допускать на своих страницах разнообразие оценок вероятностей и возможностей по некоторым вопросам, не касающимся общей цели, и существование различных взглядов на участие нашей молодежи в революционном деле у разных авторов весьма понятно. Но вовсе непонятно, как один и тот же человек в той же брошюре может писать на одной странице (20) о русской молодежи, что «никто и ничто не может выкурить из нее революционного духа... На место погибших борцов сейчас же являются новые, и борьба продолжается почти без отдыха», что русская революционная молодежь «бессмертна», что «вера в ее революционное призвание... одушевляя и вдохновляя юношей... укрепляет их энергию... делает из них героев», а на другой (стр. 35), что «наша молодежь... страдает... недостатком сильных аффективных импульсов, толкающих людей на практическую, революционную деятельность», что наше «так называемое образованное большинство... по своему умственному невежеству, по своей крайней неразвитости... не может еще возвыситься до понимания коренных причин зла».

Как же это: неистребимый «бессмертный революционный дух» и «недостаток импульсов, толкающих на революционную деятельность»? Допустим, что я плохо знаю русскую молодежь и, может быть, напрасно верю, что она *сделает* то, что ей *должно* сделать, но, при всем моем малом знании ее, я неспособен приписать ей *прямо противоречивых* качеств в революционном деле. *Или* она чересчур порывиста в своих революционных стремлениях, и тогда в ней весьма *достаточно* импульсов для революционной деятельности; *Или* у ней этих импульсов недостаточно, и тогда она не обладает вовсе бессмертным революционным духом. «Жить десять лет в рядах молодежи одной жизнью с нею, делить пополам горе и радость» ее и вынести из этой жизни *прямо противоречивое*, совершенно *невозможное* представление о сфере, в которой автор имеет *наибольшую* опытность, — это очень печально, если автор искренен. Конечно, я не имею ничего возразить, если для потребности риторического упражнения, для блеска адвокатского красноречия автор нашел удобным в одном месте говорить одно, в другом другое. Русская молодежь лучше всего знает сама, насколько силен в ней революционный дух или насколько она страдает недостатком революционных импульсов. Она оценит сама всего лучше по достоинству, сколько логики в этих заявлениях и насколько можно верить рассудительности товарищей, которые *так цельно* поняли ее после долгого общения; искренности друзей, которые, грубо льстя ей на одной странице, способны для упражнения в красноречии тут же сами забыть сказанное и на другой странице говорить прямо противоположное.

Я обращаюсь к русской молодежи так, как она есть, с теми разнообразными элементами, которые она заключает, с теми надеждами, которые на нее возлагают одни, с теми опасениями, которые относительно ее имеют другие. Я обращаюсь к тем, к которым обращалась первая книжка «Вперед» со словами: «мы — только выражение *ваших* чувств, *ваших* стремлений, *вашей* злобы, *вашей* борьбы»; к тем, которым она говорила: «всякий разделяющий наши мнения обязан быть в наших рядах, обязан участвовать в нашем деле». Конечно, «Вперед» мог сделаться ее выражением лишь тогда, когда она захотела бы этого; лишь в случае, если бы надежды, на нее возлагаемые, оказались верны, а опасения относительно ее — ошибочны. Но, повторяю, она *одна* может сделать дело, которое нужно народу русскому; если *она* не услышит нашего слова, то не к кому более обратить его при настоящем положении дел, при наличном развитии большинства; и потому со словом *народной, социальной* революции я обращаюсь к ней. Она не может быть зараз и революционна и не революционна. Она одно из двух. Пусть она сама решит, чем она хочет быть из двух противоречивых представлений, которые вынес о ней ее непоследовательный товарищ.

III. Какая революция?

Борьба против императорского правительства, против настоящего общественного строя — вот борьба, к которой призывал вас «Вперед» в августе 1873 года. Борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей — вот что повторило запоздалое эхо брошюры в апреле 1874 г.

Как бороться? На каком пути? «*Единственный* путь спасения нашей родины — путь *народной, социальной* революции», писал «Вперед» в первых числах 1874 г. «Честный, убежденный русский человек в наше время может видеть спасение русского народа лишь на пути радикальной, социальной революции; может содействовать этому спасению, лишь содействуя революционной организации, революционной агитации, революционной пропаганде», писал автор «Потерянных сил революции» в той же книжке. — «Делать революцию», отвечает на вопрос: что делать? и эхо брошюры.

Но тут уже есть некоторая разница, повидимому, небольшая, на деле очень крупная. Эхо нигде не повторяет слов «народная, социальная» революция. Брошюра не говорит ни слова прямо о причине этого умолчания, но оно уясняется другими ее местами. «Насильственная революция * тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство само

* Плеоназм, потому что революция не насильственная есть не революция, а реформа.

сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, *навязать* ему это сознание» (стр. 7). «Революция тем и отличается от мирного прогресса, что первую делает меньшинство, а вторую* большинство»**. Итак, революция, как ее представляет себе автор брошюры, революция, на которую он зовет русскую молодежь, есть революция *не* народная, *не* социальная, а политическая, произведенная меньшинством, которое «не хочет ждать», а решилось «навязать» массе свой взгляд на вещи. Это — совершенно определенное представление, которому история представляет столько примеров, что сомнения быть не может, что и как тут должно произойти. Группа заговорщиков захватывает власть, издает декреты, преследует и казнит непослушных, ставит *своих* людей повсюду и дает обществу форму по *своим* соображениям, как горшечник мягкой глине; затем новая борьба за власть, новый захват ее прогрессистами или реакционерами, новое «навязывание» массе «сознания» и т. д. и т. д. Все знакомые картины.

Другое разногласие высказано совершенно ясно, и во имя его наша пропаганда считается особенно вредною автором брошюры.

Ступайте, *подготовляйте* народную, социальную революцию, говорит «Вперед».

Делайте революцию сейчас, немедленно, говорит брошюра. «Революционер всегда считает и всегда должен считать себя в праве призывать народ к восстанию... Он признает народ всегда готовым к революции». «Всякий народ, задавленный произволом и т. д. (а в таком положении находятся все народы)... всегда *может*, всегда *хочет* сделать революцию, — он всегда готов к ней». «Ждать?.. Имеем ли мы право ждать?». «Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления». «Мы не можем и не хотим ждать». «Пусть каждый поскорее соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь» и т. д. и т. д. — И это совершенно ясно. Автор брошюры уверяет молодежь, что в *каждую* данную историческую минуту можно произвести революцию, что народ к ней *всегда* готов, что стоит вот пойти и позвать его, и он победит, и башни Иерихона падут пред трубными звуками. Он говорит молодежи:

---

* Фраза не отличается грамматической точностью и логическою ясностью, но понять можно.

** Последняя фраза должна немало удивить русских читателей. Без особенно глубокого знания истории, они слышали о пугачевщине и о движении Разина, о французской жакерии, о крестьянских войнах и т. д. и т. д. и должны с изумлением узнать, что эти движения большинства, которые доныне считались самыми резко революционными явлениями, должны быть отныне отнесены к мирному прогрессу, потому, дескать, что «большинство» производит лишь «мирный прогресс». Оно невероятно, но напечатано. Автор настолько образованный человек, что *не знать* этих движений не мог. Вероятно, он обмолвился для красивой антитезы в виду доказательства своего положения, что «меньшинство» должно «навязывать» свои стремления народу, когда оно «ждать не хочет».

потому что у вас кровь кипит при виде страданий народных, при виде правительственных безобразий, потому что вы не *хотите* ждать, так и не *можете* ждать и *в праве* не ждать, а прямо звать народ к бунту, с целью произвести революцию не народную, не социальную, а политическую, свалить правительство, перебить, кого нужно, захватить власть, а там уже дело пойдет своим порядком. К обращению этого поспешного бунта в победоносную революцию, произведенную «меньшинством», которое «навязывает» свое сознание большинству, народ, видите, всегда готов. Он даст вам власть, а вы ею распорядитесь.

Оно очень просто и ясно, эффектно и патетично; и это очень хорошо сказано, как автор и его приятели «постоянно думают о бесправии нашей родины, о ее кровожадных тиранах» и т. д.; очень красива картина, как они же, могучие витязи, лезут на Голгофу «свалить крест и снять с него» бессильный и беспомощный народ русский, который сам сойти с креста не может. Только логики здесь очень мало.

Первое. Если народ «всегда готов» к победоносной революции, то всегда можно произвести революцию движением большинства. Значит, меньшинству тут и делать нечего, кроме того, что позвать народ. Но уже это сказано слишком ясно для красоты речи. И тот, кто не читал самого короткого учебника истории, знает, что большинство *бунтов* не сделались *революциями* именно вследствие неподготовленности тех, которые звали народ к бунту, и вследствие неподготовленности народа к нему. Да и сам автор немедленно говорит противное. Он высказывает в другом месте, что революция необходима «в настоящее время», прибавляя: «теперь или очень нескоро, быть может, никогда». Как же это, если народ «всегда» готов к революции, если революционер «всегда в праве» призывать к ней народ? Как это «нескоро»? Или еще «никогда»? Значит, чрез некоторое время народ, «всегда» готовый к революции, к ней готов не будет; революционер, который «всегда» в праве призывать народ к революции, не будет иметь этого права? Как ни велико, по мнению автора брошюры, «умственное невежество» и «крайняя неразвитость» нашего образованного класса, но такую логическую несообразность трудно проглотить всякому читателю.

Второе. Если в настоящую минуту народ «готов» к революции, значит, «историческое течение событий *указало* минуту переворота и готовность к нему народа русского», как требовала это программа «Вперед». Против чего же так красноречиво плэдировал автор брошюры? Если оно так, то нам спорить нечего. Народ сознал, где его враги, сознал свои права, свои обязанности, свои силы. Настала та минута, которую мы ожидали. Мы требовали, чтобы события указали на «готовность народа». Эхо повторило: «народ готов», но зачем же эхо ругает нас, повторяя наши слова? — И это немаловажная логическая несообразность.

Третье. *Если* народ готов... Если вы готовы... Но готов ли он? Готовы ли вы? Мы видим, что, на зло уверению, что народ «всегда готов», оказывается из самых слов автора, что бывают времена, когда народ бывает не готов; бывают времена, когда призывать его к восстанию мы не в праве. Как же в настоящую минуту? — С удивлением, вслед за нетерпеливым советом: «пусть каждый наскоро соберет свои пожитки», вслед за уверением, что «отсрочек, промедлений» допускать нельзя, вслед за «*теперь* или очень нескоро, быть может, *никогда*» — читаем следующие слова: «вопрос об организации есть существенный вопрос революционной пропаганды по отношению нашей революционной молодежи». В другом месте указана еще необходимость «революционной агитации». Читатели видят, что и тут эхо повторяет задачу, поставленную в приведенных выше словах статьи «Потерянные силы революции», но дело не в этом. Как? Нужна еще организация? Нужна еще агитация? Что же это значит? «Делать» революцию или «подготовлять» ее? Если еще нужна *подготовка* организации, если нужно еще агитировать народ, то вы не готовы, народ не готов, надо *подготовлять* себя и его к ней. Или, может быть, ваша агитация уже совершила свое дело? Может быть, ваша организация готова? Готова? Точно готова? И не есть это знаменитый таинственный комитет «типических революционеров», комитет из двух человек, посылающий декреты? Нашей молодежи столько лгали, ее столько надували, ее доверием так злоупотребляли, что не сразу она поверит в *готовность* революционной организации. Да и брошюра не дает никаких оснований заключить, что есть снова люди, готовые волновать ее *этой* иллюзией.

Итак, допускаем, что революционная агитация еще не совершила своего дела; допускаем, что революционная организация не готова. Ее надо вызвать в дело. Ее нужно создать. И это будет доля того самого *подготовления* себя и народа к революции, о котором говорил «Вперед». Мало того; самую агитацию надо организовать, самую организацию надо *подготовить* при раздельности, рассеянности, соперничестве, личном разладе кружков. Значит, опять революцию нельзя произвести сию минуту, сейчас, наскоро собирая пожитки, наскоро зовя народ к восстанию. Если бы даже большинство русской революционной молодежи думало, в противоположность с мнением «Вперед», что ей можно пренебречь всяким знанием общественных вопросов для производства революции, что в свои ряды, для трудной борьбы, она безопасно может принимать людей с дрянным характером, с мелкими стремлениями, с желанием играть в революцию, — и тогда ей следует подготовить хотя бы успех взрыва, ослабить силы правительства. Все-таки надо *подготовление,* а наскоро можно бросаться в революцию лишь для красоты слога на страницах, писанных в кабинете.

Когда народ не готов, когда сами революционеры не готовы,

то мы знаем, кто «считает себя всегда в праве призывать к восстанию».

Призывали неподготовленный народ к восстанию белые блузы Наполеона III. Жаждали восстания реакционеры версальской палаты, зная, что у них войско и сила и возможность подавить восстание и что оно неизбежно *будет* подавлено и что это подавление позволит им еще далее итти по пути реакции. Жаждет восстания работников в Бельгии буржуазия, потому что это было бы поводом легально преследовать Международную ассоциацию. Жаждет восстания работников как можно скорее Бисмарк с компаниею, пока еще организация народа недостаточно сильна, пока он не готов. С радостью услышат и наши «блюстители порядка» призыв к восстанию, исходящий из немногих дурно организованных кружков, призыв, обращенный к народу, еще не понявшему, зовут ли его молодые баричи, сердитые за уничтожение крепостного права, или его настоящие друзья; призыв, обращенный к народу, который сам не сплочен, разрознен, когда восставшие деревни легко будет пересечь, сослать, расстрелять, если восстание будет местно, отрывочно, слабо, если оно будет *неподготовлено*.

Да, агенты всех этих враждебных сил, всех этих врагов народа «считают себя всегда в праве призывать народ к восстанию», и чем менее подготовлен народ, тем это лучше для них; чем более «наскоро» бросаются в битву друзья народа, тем для них выгоднее. Нужно много... легкомыслия, чтобы играть *их* игру, обращаясь к молодежи, к народу с подобным же призывом. Революционеры, настоящие революционеры не считают себя в праве этого сделать. Они *подготовляют* победу до начала битвы, подготовляют армию для битвы, подготовляют себя для нее и тогда, *только* тогда — *делают* революцию...

Вы не *можете* ждать? — Слабонервные трусы, вы *должны* терпеть, пока не сумели вооружиться, не сумели сплотиться, не сумели внушить доверие народу! — Вы не *хотите* ждать? Вы не хотите? Право? Так из-за вашего революционного зуда, из-за вашей барской революционной фантазии вы бросите на карту будущность народа? Года через два народ мог бы победить; он, может быть, был бы готов; но вот, видите ли, русской революционной молодежи невтерпеж. Надо сейчас, сию минуту...

Нет, если бы самые скептические мнения о вас были верны, я все-таки не поверю, чтобы русская революционная молодежь была до такой степени развращена, что бросилась бы *делать* революцию без подготовки, зная наверное, что каждый неудачный *бунт* есть отложение победы *революции* на более далекое будущее. Не верю в существование революционной партии, которая не может, не хочет ждать минуты, когда победа будет возможна, когда победа будет вероятна.

Миф Христа на Голгофе может дать повод совершенно к иной картине. Народ действительно бог-страдалец, но бог, не знающий

своего всемогущества. Не своею волею пошел он на свой крест, надел на себя терновый венок. Он истекает кровью, но в нем божественная сила, и могучие витязи, которые лезут на Голгофу спасать его, сами — микроскопические мошки перед ним. У него одного есть возможность свалить крест, к которому он пригвожден, свалить его *социальной, народной* революцией. Все, что могут сделать слабые творения, стоящие у подножия этого великого креста, это шепнуть ему: ты бог, ты всесилен! вырви свой крест и раздави врагов! Ты можешь, ты должен сделать это! Мы можем истребить стражу, разогнать фарисеев, но твоего великого исторического креста мы вырвать не в силах. Ты один можешь сделать это. Могучие же витязи, которые громко кричат, что *они* свалят крест народа-бога своими лилипутскими силами, эти витязи, когда долезут до креста, прежде всего наденут на себя ризу первосвященника, сядут на коня проконсула, станут драться из-за алмазов на магическом нагруднике Каиафы [192], из-за золотого перстня на руке Пилата [193]; они будут драться долго и усердно, а мученик — будет продолжать висеть, будет истекать кровью, пока не сознает сам, что он — бог, пока не сойдет с креста сам и не раздавит этих витязей-червей с Пилатами, Каиафами и всеми другими фарисеями, пока не установит сам *своего* царства, «ему же не будет конца».

Но я удалился от предмета.

Автор брошюры призывает вас, русскую молодежь, к политической организации меньшинства, которое одно производит революцию, по его мнению; к политической революции, где вы, меньшинство, захватите власть, навяжете сознание народу и повторите в сотый раз попытку облагодетельствовать народ декретами, переходом власти из одних рук в другие, легальными распоряжениями новой власти.

Это ли, точно, ваш идеал? Это ли ваше знамя? Хотите ли вы последовать примеру французской молодежи школ, которая дралась на баррикадах 1830 г., на баррикадах 1848 г. и отсутствовала на баррикадах Коммуны? Примеру немецкой университетской молодежи, которая агитировала в двадцатых годах, дралась в 1848 г. и отсутствует в международном движении рабочих?

Точно ли вы согласны на то, что слова «народная, социальная» революция — лишние в нашей программе? Что нам не нужно *народной* революции, не нужно *социального* переворота? Что довольно смести Романовых, свалить императорство, провозгласить русскую республику, и все будет прекрасно?

Я не верю, чтобы вы хотели этого, или даром писали для вас ваши учителя, даром умирали, даром шли на каторгу лучшие люди русской мысли. Я не верю, чтобы вы в огромном большинстве — враги наши и друзья, порицатели и последователи — не сказали: мы хотим народной революции, мы хотим социального переворота.

Если так, — и я уверен, что это так, — то я уверен и в том,

что ни один из вас из-за революционного зуда, из-за того, что ему невтерпеж, не станет звать народа к восстанию, пока народ не готов, пока вы не готовы, пока восстание будет только *бунтом,* пока вы не *подготовили* победы, пока вы не *подготовили* революции, настоящей революции, победоносной, крепкой, прочной, против которой не устоит никакая правительственная и общественная сила, после которой не восстать старым хищникам, которая не потерпит никакой диктатуры.

Вы не пойдете радовать врагов ребяческим взрывом, который сейчас раздавят; не станете играть в фантастические комитеты, не имеющие опоры в народе; не станете звать народ на верную гибель сегодня, когда завтра можете ему обеспечить победу. Вы обдумаете, вы подготовитесь.

Как подготовиться, чем подготовиться к революции? Иным из вас кажется, что «Вперед» требует слишком многого. Может быть. Мы об этом спорить не будем. Это будет разобрано в особых статьях журнала. Готовьтесь, как умеете, как можете; но *подготовляйте* революцию, *подготовляйте* к ней себя. И только тогда, когда она будет *подготовлена,* тогда *делайте* революцию.

Но вам говорят, что революция необходима для России теперь, или она не осуществится никогда, и потому вы должны звать народ к восстанию, что из этого ни выйдет. Вам рисуют картину развивающейся у нас буржуазии и говорят вам, что с ее развитием борьба станет труднее, что революция будет невозможна. Очень плохо думает автор о вашей сообразительности, если думает, что вы поддадитесь на эти аргументы.

Даже если бы он, действительно, был прав, если бы, точно, борьба с русскою буржуазиею, которая может развиться у нас лет через десять, была очень трудна, то возможность *успешного* революционного взрыва в настоящем не сделалась бы значительнее, и призыв к нему без достаточной подготовки мог бы быть оправдан лишь с точки зрения агента, вызывающего на волнения с целью подавления их и удобнейшего введения притеснительных мер, с целью более полного, более скорого утверждения господствующих классов, т. е. именно той самой буржуазии, развитие которой грозит народу в будущем. Восстаний не следует начинать сегодня потому только, что завтра победа революции будет трудна; их следует начинать сегодня только тогда, когда возможна их сегодняшняя победа.

Но какое основание думать, что борьба народа с буржуазией в России была бы немыслима, если бы, действительно, в России установились формы общественной жизни, подобные формам заграничной? Разве не развитие буржуазии именно вызвало пролетариат к борьбе? Разве не во всех странах Европы раздаются громко призывы к близкой социальной революции? Разве не сознает европейская буржуазия опасность, которая грозит ей от рабочих и все приближается?

Или русская молодежь поверит, что идея «бескровных» революций лежит в основе современного западно-европейского рабочего движения, в основе немецкой программы Интернационала? Оно, точно, в Россию трудно проникнуть листкам обширной рабочей прессы и легко распространить там ложные понятия о характере рабочего движения в Европе, но тот, кто прожил хотя недолго за границею, тот, кто не остался совершенно чужд рабочим изданиям, тот может высказывать подобные мнения лишь как преднамеренную фальсификацию. Не говоря об органах французских коммунаров, о федералистах разных стран, трудно выбрать подряд два-три номера «Volksstaat», «Gleichheit» или «Tagwacht» [194] и не найти в них выражений, прямо указывающих на полное убеждение немецкой рабочей партии в неизбежности кровавого, насильственного переворота. Это прямо высказал ее руководитель, Карл Маркс, в часто цитированных словах: «насилие помогает родам всякого старого времени, беременного новым». Точно так же выражался Либкнехт, как цитировано в «Вперед»: «социализм давно уже перестал быть вопросом теории и сделался вопросом силы, который может быть разрешен только на улице, на площади, на поле битвы». Беру первый попавшийся номер «Volksstaat» и нахожу там следующее: «...то же происходит во всех странах. «Тысячерукий великан», пролетариат... скоро двинет так сильно своими членами, что старое общество, старый мир потрясется в своих основах». Не трудно, если поискать, найти и еще более резкие выражения. То же подтверждали многочисленные празднества в честь Коммуны в среде немецких рабочих, их постоянное выражение сочувствия ее борьбе даже с кафедры рейхстага. А брошюра толкует о «бескровной революции» в немецком рабочем движении! Даже в Англии, стоящей в этом отношении ниже других, вследствие ее обычного идолопоклонства пред легальностью, даже и там в иных речах на митингах слышатся уже голоса, грозящие насилием; и эти голоса идут — что для России всего важнее — не из среды фабричного пролетариата, но из среды сельского населения. Если они нас обманут, сказал Арч одному из своих приятелей после разговора с Гладстоном, я с 200 000 человек приду в Лондон. «Земледельцы, — говорил на-днях Кук [195], — готовы, если нужно, итти к своей цели сквозь потоки крови». А автор брошюры говорит о мирной основе западного рабочего движения. Неудобно приписать это невежеству, но не хотелось бы видеть здесь намеренную ложь. Для чего *здесь* лгать?

Нет, в Европе господство буржуазии не остановило подготовления социальной революции. При союзе правительства с буржуазиею, при полном подчинении всех господствующих сил капиталу, борьба против правительства и существующего общественного строя там растет и приближается к катастрофе. Обе стороны готовятся в бой. Не «улыбаются лукаво», не «кивают одобрительно головами» Бисмарки и Мак-Магоны, а готовят армии. Готовятся

и рабочие. Наша молодежь не настолько отрезана от мира, чтобы вовсе не знать этого положения дел, и люди, желающие уверить ее, что господство буржуазии было бы непоколебимо у нас, чересчур рассчитывают на ее недостаток знания, рисуя ей фантастическую картину дел в Европе.

Следует ли из этого, что не надо торопить революции в России, что надо ее отложить на неопределенное время? — Читатели «Вперед» знают прекрасно, что это вовсе не наше мнение. Достаточно им припомнить, между прочим, сказанное в статье «Потерянные силы революции» на страницах 234, 237, 238 [196]. В виду процесса ослабления, вырождения, вымирания, грозящего русскому народу, спешить нужно, спешить необходимо, но надо спешить *подготовлять* революцию; надо торопить подготовление себя, сближение с народом, уяснение ему положения дел, организацию его восстания; для *этого* нельзя быть достаточно поспешным; но обманывать себя, обманывать других представлением, что народ «всегда готов», что можно «делать революцию» без подготовления, это — преступление против революционного прогресса, преступление против народа русского.

Революционный прогресс... я не даром употребляю это слово. Реакционеры и консерваторы часто и охотно противополагают прогресс революции. По их словам, революция — всегда остановка или отступление назад в развитии человечества. Оно может быть достигнуто *только* мирным прогрессом. До сих пор прогрессисты доказывали, что революции прогрессивны; даже иные доказывали, что *только* на пути революций есть прогресс. Между многочисленными нелогическими особенностями брошюры, которые уже видел читатель, встречается и особенность, до сих пор, насколько мне известно, небывалая. Автор, причисляющий себя к революционерам, *противополагает* прогресс и революцию. Слово все терпит, и адвокатура разных стран представляет примеры самых невероятных извращений терминов, смысла и фактов. Но я надеюсь, что читатели сами видят очень хорошо, в чем тут бессознательная или сознательная спутанность мысли.

Прогресс есть распространение и укрепление истины в умах людей, расширение справедливости в формах и в процессе их жизни. Первая половина его задачи неизбежно совершается мирным путем, но последняя, хотя, повидимому, и могла бы совершаться мирно, в действительности почти всегда требует более или менее элемента насилия. Все мирные реформы, в смысле расширения справедливости, совершались и совершаются или из страха пред грозящей революцией, или как следствие революции совершившейся. Но доля справедливости, таким образом введенная в жизнь, всегда была не особенно значительна. Большая часть ее завоевывается с бою. Таким образом, за незначительными исключениями, можно сказать, что прогресс идет везде двумя путями: истина распространяется и укрепляется мирным путем, справед-

ливость воплощается путем революций. Прогресс мирный — распространение истины — есть подготовление прогресса революционного, как прогресс революционный — расширение справедливости — есть расширение почвы для прогресса мирного. Между прогрессом и революцией нет противоположности, как говорят консерваторы, реакционеры и некоторые особенно оригинальничающие артисты слова: революция есть один из необходимых элементов прогресса.

Революция, но не попытка к бунту. Революция обдуманная, рассчитанная, хорошо вооруженная, надлежащим образом подготовленная, а не безумная забава революционными порывами. Революция *победоносная* желательна и необходима, как едва ли не единственный путь к справедливости. В нее не верить можно, лишь не зная истории. Но к бунтовским порывам, производимым из-за революционного зуда, приходится в большинстве случаев относиться крайне скептически. Как сказано уже, успех революции, по моему мнению, возможен только при соединении интеллигентных сил общества с его физическими силами; у нас — при союзе социально-революционной интеллигенции меньшинства с подавленными массами. Кто не убедился, что наша интеллигенция *может* дать достаточно сил для этого союза, что наш народ *может* поверить своим союзникам, что этот союз интеллигенции с народом есть *факт,* — тот в праве не верить возможности победоносной революции в данный исторический момент. Так, по моему мнению, революция победоносная в 1868—71 годах была в России невозможна, и призыв к бунту был бы тогда игрою в революцию. С тех пор правительство постаралось сделать многое для увеличения ее шансов. Может быть, в 1874 году «историческое течение событий» очень, очень приблизило «минуту переворота» и гораздо более подготовило к нему народ русский, русскую молодежь... *Это* решат не эмигранты... Готовы ли вы? Готов ли русский народ? Вам самим следует ответить на это.

Пришла ли минута, или еще не пришла для революции, будет ли она до образования у нас многочисленной буржуазии, или после того, — условия революции остаются одни и те же. Она должна быть народная, она должна быть социальная, она должна быть произведена народом, должна быть направлена не только против правительства, не только с целью перенести власть с одних голов на другие, но должна разом опрокинуть экономические основы настоящего общественного строя. *Только* такая революция может быть целью, для которой русская молодежь не должна жалеть никаких жертв.

Революций политических было много, но исход их везде и всегда был одинаков. Всегда ими воспользовались прежде всего те, которые обладали экономическою силою, выгодным общественным положением. Всегда на трупах простонародья, строившего баррикады и сражавшегося на них, поднималась власть меньшинства,

которое эксплоатировало народ; улучшалось положение небольшой группы людей, а народ продолжал страдать. Когда меньшинство производило революцию, когда оно *навязывало* свое сознание народу, начиналась наверху, у «кормила правления» долгая борьба честолюбцев за власть, а внизу народ продолжал страдать. Большею частью его страдания увеличивались. Революция, действительно произведенная в пользу народа, может быть произведена только народом, не меньшинством, а большинством. Лишь то революционное меньшинство будет, действительно, служить народу, которое сумеет поднять народ, слиться с народом и в его рядах одержать социальную победу над существующим общественным строем. На знамени революционной партии русской молодежи, если она честна, если она верна преданиям тех, кто пробудил в ней революционную мысль, если она точно хочет быть строительницей лучшего будущего, должны быть написаны не только слова: «борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей», не только слово «революция», столько раз злоупотребленное, но *борьба за социальный переворот, народная социальная революция*. Только за народ, только с народом имеете вы право итти в бой.

IV. Каковы орудия революции?

Как же подготовлять революцию? Мы уже указали ответ на это на страницах «Вперед»: содействуя «революционной организации, революционной агитации, революционной пропаганде». Эхо брошюры указывает тоже лишь эти пути, смело уверяя при этом, что «Вперед», дескать, «устраняет все пути, кроме одного»; автор надеется, может быть, что читатели поверхностно читают разбираемое им издание и поверят на слово уверениям смелого критика.

Но тут есть маленькое недоразумение. Эхо брошюры, повторяя буквально термины статьи «Вперед» *, приняло, повидимому, перечисление, сделанное автором статьи, за систематическую классификацию. Мало того, из прений, веденных при свидетелях (я уже сказал, что на иные разговоры не ссылаюсь), видно, что автор брошюры весьма серьезно предполагает существование трех разрядов революционеров: заговорщиков, пропагандистов, агитаторов. Он долго и упорно спорил о том, что знания, нужные для революционеров одного из этих разрядов, вовсе не нужны для другого; что некоторые нравственные качества могут быть необходимы тут, бесполезны там; что подготовление себя к одной из этих деятельностей не имеет ничего общего с подготовлением к другой, так как цели каждой из этих деятельностей существенно различны. Посмотрим, так ли это. Допустим на минуту, что мысль

* Только вместо «организации» говорится в иных местах о «заговоре», в других именно об «организации».

автора осуществлена, что образовались три касты революционеров, ставящих себе каждая совсем особые цели и специально к ним себя подготовляющих. Что из этого выйдет? Полюбуемся. Картина будет комична, но я вывожу лишь логические последствия из посылок автора.

Заговорщики могут вовсе не думать о народных целях, о социальной революции; они могут вовсе не знать народа, вовсе не сближаться с ним; могут вовсе не понимать вопросов общественных, истинных причин общественного зла, истинных средств помочь ему; они об этом вовсе не заботятся; их специальность — конспирировать, и они конспирируют; все равно для кого: для диктатора, для земского собора, для самозванца, для народа; они все ушли в процесс конспирации, — как бы поддеть правительство, свалить власть, а там не их дело; они спокойно лягут себе спать, когда их конспирация достигнет цели, что из нее ни выйдет, и могут спать долго, потому что ни для какой другой общественной специальности себя не готовили.

Агитаторы возбуждают страсти народа, вовсе не думая ни об организации его сил, ни об уяснении ему, что ему можно и что ему должно делать. Ложь и истина для них безразлична, лишь бы агитировать; понимать соцальные задачи, как задачи политические, им вовсе не нужно; возможность успеха восстания, вызываемого агитациею, их вовсе не интересует; они специалисты по волнению народа, они только этим и занимаются, они на это только и годны. Вспыхнет восстание, и им опять делать нечего. Они должны немедленно убираться по-добру по-здорову от взволновавшегося народа, который, конечно, прежде всего к ним же обратится с вопросом: что же, любезные, вы так ясно доказывали, что нам нужно восстать; что же вы-то устроили, чтобы помочь нашему бунту? и что, по-вашему, надо нам теперь сделать? «Любезные» ничего не устроили, потому что организация заговора против правительства — не их специальность. «Любезные» и совета никакого дать не могут, потому что ничего, кроме агитации, и не понимают, ни к чему более не готовились. Они спрячутся скорее по углам, оставив народу расхлебывать следствия их агитационной деятельности.

Пропагандисты только поучают истинам наук естественных и общественных, спокойно и мудро, не делая никаких приложений к страданиям народа, не заботясь вовсе о практическом устранении препятствий для решения социальных задач. Страстным ученикам, которые захотят решить на деле задачи, ими поставленные, они ответят: мы, господа, этим не занимаемся, мы — только поучаем. Практическим умам, которые после их мудрых лекций сообразят, что между тем, чему *следует* быть, и тем, что *есть*, встречается возмутительная разница, — возмутительная, следовательно, агитационная, — эти учителя ответят: мы только изучаем истину и чужды страстям. Когда революция совершит-

ся, то эти пропагандисты придут в советы диктатуры, на народные веча и станут столь же бесстрастно излагать теорию нового общества, но во время совершения революции им следует сидеть сложа руки. Они находятся вне всякой организации, следовательно, против правительства бороться не могут; они не могут биться в рядах народа, потому что без страсти никто не бьется, а их каста выработала в себе спокойный ум и подавила страсть, охолостила себя для агитации, значит, и для битвы...

Но кто же, боже мой, произведет революцию? Кто будет в рядах народа биться с его врагами, парализовать его противников, уничтожать бесчисленные попытки честолюбцев всех сортов воспользоваться отсутствием прежнего правительства, *устраненного* заговорщиками, и отсутствием нового, еще *не устроенного* пропагандистами?

Заговорщики не могут этого сделать. Они, свалив правительство, ни на что более не годны, так как специально приготовили себя для этой борьбы и ничего более не понимают.

Агитаторы давно попрятались по углам от народа, ими поднятого, и *вести* дело опять не умеют: они к этому вовсе не готовились.

Пропагандисты ждут в олимпийском спокойствии, чтобы революция *совершилась* и их позвали строить. Они борьбы вовсе не понимают.

На революционной сцене деятелей нет. Решительно никого нет. Остается на сцене взволнованный народ, предоставленный честолюбцам и приверженцам старого порядка. Помощников, друзей из интеллигенции у него в эту трудную минуту нет ни одного. Само собою разумеется, что растерянные в первую минуту хищники и пиявки воспользуются немедленно этою пустотою сцены. Заговорщикам и агитаторам, конечно, до этого дела нет, потому что первые конспирировали, а вторые агитировали без всякого понимания, к чему дело могло и должно было вести. Их специальность достигла своей цели. Напротив, торжество всякой старой партии им приятнее: новая почва открывается им для конспираций и агитаций; они опять почувствуют себя *нужными* людьми, общественными революционными деятелями. Пропагандисты же будут ждать до окончания веков, чтобы их позвали в советы *совершившейся* революции для построения нового общества. Нужна бы четвертая специальность революционеров, но она не придумана, и, за неимением ее, революция совершиться не может.

Вот картина революционной деятельности, выясняющаяся сама собою из того, что сказано, и из того, что не досказано в строках брошюры. Вот на какую деятельность зовет русскую революционную молодежь автор брошюры.

Но эта специализация трех каст революционеров, если ее продумать до конца, настолько нелепа, что ее нелепость режет гла-

за не только тому, кто знает *нашу* молодежь, но всякому, кто имеет какое-нибудь понятие о людях вообще.

Без ясного понимания задач, для которых нужна революция, идут в заговор только очень увлекающиеся или очень ограниченные люди. Только страстное желание помочь народу заставляет человека нести в народ истины общественной науки, и поучение социальным истинам есть неизбежно агитация. Люди, агитирующие из страсти агитировать, равнодушные к истинности и лживости орудий, ими употребляемых; люди, агитирующие в народе без подготовления со своей стороны его победы целесообразной организацией, агитирующие среди него без понимания того, что ему следует сделать, когда народ восстанет, — вовсе не деятели революции, вовсе не честные общественные деятели, а отрыжка в революционных кружках нынешнего гнилого строя, развивающего в личностях способность эксплоатировать всех и все в свою пользу; но об этом после.

Автор «Задач» сильно ошибся, приняв перечисление «пропаганды, агитации, организации» за классификацию. Автор «Потерянных сил» и не думал здесь о какой-либо систематической классификации. Это не только не *равносильные,* не *равноценные* пути революции, это даже не *различные* пути.

Пропаганда революционная обнимает и предполагает агитацию. Без агитации она вовсе не есть пропаганда *революционная,* потому что общественные истины не могут быть уяснены иначе, как в форме возбуждения к действию, в форме распространения неудовольствия к существующему общественному порядку, в форме призыва к борьбе против него, следовательно — в форме агитации. *Пропаганда понимания общественного зла есть по своей сущности агитация против этого зла.* В то же время агитация честного революционного деятеля может быть ведена только на основании *истинного* уяснения общественного зла, на основании *истинного* установления общественных задач. Агитация, опирающаяся на ложь, извращающая задачи революции, враждебна революционному делу.

Следовательно, *революционная агитация может быть ведена только как пропаганда революционных истин в их практическом применении к наличному положению дел.*

И это нисколько не замедляет революционного дела. Общественные истины так тесно связаны с самыми жгучими вопросами жизни, что лишь тот не волнуется ими, кто их неясно понимает, и волнуется он ими тем более, чем яснее их понимает. Истины эти вовсе не сложны, когда они уже добыты, и ход рассуждения для их уяснения вовсе не мудрен. Но это ясно тому, кто их приобрел, лишь тогда, когда он их уже приобрел. Тогда он видит, как самый простой, обыденный факт, мимо которого все проходят без внимания, мимо которого и он вчера проходил без внимания, может служить блестящею иллюстрациею общественной

истины, возмутительным примером для общественной агитации. «Потребности народа» уясняются не одна за одною при общественной пропаганде, как говорит автор брошюры. Так уясняются они сами собою в истории. Так уяснялись в истории и математические и физические истины. Тысячелетия проходили в этом процессе уяснения. Но когда они были завоеваны, то весьма посредственный учитель мог уяснить в полчаса весьма посредственному ученику законы, над которыми трудились в продолжение веков замечательнейшие умы человечества. Так и потребности общественные. Они связаны между собою, и революционная пропаганда уясняет их сразу, уясняет их в весьма короткое время, *если они ясны пропагандисту,* если он достаточно *подготовил* себя к роли революционного *пропагандиста-агитатора,* вызывающего страсть и раздражение наглядным изображением истины в резко выставленном и ловко анализированном факте; уясняющего истину на факте, волнующем народную страсть и вызывающем народное раздражение. Чем лучше *подготовлен* пропагандист-агитатор, тем быстрее пойдет его пропаганда, тем теснее для него уяснение народных бедствий, народной силы, народных прав, народных обязанностей свяжется с призывом к революции, тем скорее настанет ***возможность победоносной революции.***

И заговор не может составить особой специальности в революционном деле. Так как только сочиненные заговорщики кончат свою деятельность с успехом заговора и пойдут спать, свалив или устранив правительство, реальные же заговорщики непременно будут играть деятельные роли во время самого революционного периода, то в заговор для успеха *народной, социальной* революции (о ней одной, как я сказал, думает русская молодежь, о ней одной говорю я) могут с пользою войти лишь люди, понимающие, что же такое *социальная* революция, чем она отличается от политической, какие народные потребности ее вызывают и в чем ее задачи; т. е. люди, *понимающие* социально-революционное дело и *страстно* относящиеся к его целям; иначе говоря, люди, подготовившие себя к социальной пропаганде, способные к социальной агитации. Следовательно, они заговорщики не по специальности, а по случайному положению, по возможности влиять на солдат, по знакомству, открывающему им доступ к людям и к бумагам, для других недоступным, по средствам, находящимся в их руках для приведения заговора к успешному результату и т. д. Завтра положение их изменится, возможность уменьшится, или представится случай действовать в народе, и они станут пропагандистами-агитаторами, уясняя этому, волнуя того. Завтра один из деятелей среди народа станет в положение, где он, *в виду осуществления социальной революции,* может быть полезен как заговорщик, и он направит свою деятельность на прямой заговор противу правительства, на удар, ловко нанесенный власти для разрушения ее сопротивления народному восстанию в данную минуту, на мест-

ный, решительный эпизод революции среди других разнообразных ее эпизодов.

Мало того, при наличном правительстве, при наличном порядке вещей в России никакая революционная пропаганда (она же и агитация) не может быть ведена с успехом без правильной связи кружков, без взаимной помощи, при необходимости тайны этой связи и этой помощи. Иначе говоря, по самой сущности русского революционного дела, социально-революционная организация, социально-революционный заговор должен охватывать все отрасли пропаганды и подготовления восстания, *подготовления революции*. Надлежащее подготовление революции есть неизбежно революционная организация, действующая в народе пропагандою (следовательно, и агитациею), в центрах государства парализующая действия правительства, собирающая оружие для решительного удара в надлежащее время.

Я не говорю здесь чего-либо нового. Все это заключалось в словах программы «Вперед», в статьях этого издания. *Логически* пропаганда заключала и агитацию; *логически* она требовала организации; *логически* восстанию народных масс должны были помогать его союзники из интеллигенции, направляя удары на самые центры, самые вершины власти. Это все само собою следовало; читатели едва ли не видели этого; мне нечего было делать «уступок» в этом отношении, так как сама логика требовала определенных следствий, от которых не уклонялся ни один из сотрудников «Вперед».

Связь пропаганды революционных идей с агитацией в пользу их и с организацией революционной партии для решительного дела так неизбежна, что она существовала всегда и для всех политических революций гораздо раньше, чем начали говорить о задачах новой, социальной революции. И попытки социальных революций не избегали никогда той же логической необходимости: рабы Рима составляли заговор; Спартак[197] в одно и то же время уяснял рабам их силу и их право восстать и возбуждал их страсти. Если «Вперед» *преимущественно* говорил о пропаганде среди народа, то потому лишь, что в связи с народом мы видели *особенность* новой социальной революции, хотели указать на эту особенность из опасения, что рутина старых революционных партий придаст слишком много значения политическому элементу нового движения: заговорам около дворцов, агитационной пропаганде в среде цивилизованного класса и т. п. «Вперед» имел право и обязанность напирать на характеристические социальные элементы, так как прежние *общереволюционные* элементы предполагались сами собою. «Вперед» говорил преимущественно об *уясняющем* элементе пропаганды, потому что нравственный разврат старого общества отрыгнулся и в иных представителях новой революции, решившихся проповедывать, что можно вести агитацию, опираясь на ложь, обманывая народ, обманывая товарищей

по делу, возбуждая страсти старого хищничества, старого наслаждения без труда[198]. Против системы лжи и обмана в революционном деле мы всегда будем бороться, и потому выставляли всегда на вид *уяснение* истины социального дела. Агитация при этом подразумевалась сама собою. Вообще я полагаю, что все сотрудники «Вперед» считали в настоящем особенно важным положение, которое «Вперед» всегда будет защищать: *лишь тот может быть полезным деятелем в современной революционной организации русской молодежи, кто проникся началами социально-революционной пропаганды, как агитационного орудия среди русского народа.*

Но именно потому, что новая революционная организация должна иметь постоянно в виду социальную революцию, потому в ней не может *исключительно* участвовать молодежь наших привилегированных классов, наша молодая интеллигенция. Новая организация должна резко отличаться от старых; новый заговор должен иметь свою характеристическую особенность; он должен широко и глубоко итти в народ... Я, конечно, не имею возможности в печати высказывать более. Не для предупреждения же наших «блюстителей порядка» я пишу.

Для нашей молодежи довольно и сказанного. Орудия народной, социальной революции заключаются и должны заключаться в обширной и крепкой организации, вызванной в дело русскою молодежью и распространенной в народе; в организации, которая способствовала бы энергической агитационной пропаганде социально-революционных идей, пропаганде, уясняющей их и тем самым вызывающей страстное желание осуществить их, страстную ненависть против порядка, мешающего их осуществлению, построенного на повсеместном противоречии социальным, народным началам; в организации, которая готовила бы победу народного восстания, сплачивая недовольных в народе, приготовляя решительный удар правительству в его центрах, соединяя все социально-революционные усилия в одно согласное целое. В образовании, расширении и укреплении этой организации для агитационной пропаганды и для решительного действия в виду социального переворота заключается подготовление социальной революции в России.

Всякий сторонник социальной революции должен быть членом организации, орудием пропаганды, заговорщиком и народным агитатором, смотря по случайности изменяющегося положения.

Всякий должен вырабатывать в себе *понимание* революционной задачи, насколько может, *искренность* революционной страсти, насколько он к ней способен, *решимость* к революционному делу, когда минута его настанет.

В этом заключается подготовление *себя* для социальной революции, подготовление себя дома и в народе, мыслию и делом.

V. С кем вместе можно итти?

Всякий должен стремиться войти в революционную организацию, но всякого ли можно допустить в нее? Кто может быть товарищем социального революционера?

«Вперед» призывал молодежь на борьбу с правительством, на борьбу с существующим общественным порядком. Он призывал ее на эту борьбу под знаменем народной, социальной революции. Он писал в своей программе: «средством для распространения истины не может быть ложь; средством для реализации справедливости не может быть авторитетное [199] господство личностей». Это определяет совершенно точно, с кем мы можем итти вместе и кто не может быть в наших рядах.

По мнению «Задач», на знамени партии действия должны быть написаны «только» слова: «борьба с правительством, борьба с установившимся порядком вещей». Что означает это «только»?

Неужели русская социальная молодежь допустит в свою организацию, в свой заговор всякого врага правительства, во имя чего ни враждовал бы он против этого общего врага?

Пойдет ли она вместе с конституционалистами, которые тоже могут составить *заговор* с целью *ограничения* императорской власти всероссийским представительным собором с либеральными гарантиями? С конституционалистами, которые хотят парламентского правления, парламентского влияния? С нашими будущими Фаврами и Гамбеттами, Кастелярами и Ласкерами? Забыла ли она, что из рядов этих говорунов, из рядов этих пламенных ораторов свободы выходили всегда худшие враги народа? Забыла ли она, что при союзе народных партий с партиями буржуазии *всегда* проигрывал, *всегда* был обманут народ? Неужели она думает, что есть что-либо общее между народной, социальной революцией и революцией в пользу либеральной конституции, которою прежде всего воспользуются капиталисты и адвокаты? Неужели слово «революция», написанное на обоих знаменах, значит для нее одно и то же?

В таком случае почему же ей не пойти вместе с *революционерами*-крепостниками, которые захотели бы *насильственно* возвратить себе свое потерянное «право»?

Почему ей не пойти вместе с *революционерами,* желающими изменить порядок престолонаследия в доме Романовых и посадить на престол кого-либо другого вместо Александра II или Александра III, потому что этот *другой* обещал им места и чины и именья? Почему русской революционной молодежи не помочь своей организацией новому перевороту, в роде попытки Долгоруковых при Анне Ивановне [200], в роде замены Анны Леопольдовны [201] Елизаветой Петровной, Петра III Екатериной II, в роде убийства Павла I? История Романовых так полна подобными *революциями,* и при самодержавном правительстве они так естественны, что попытки

легко могут повториться. Это будет борьба «против правительства, против установившегося порядка вещей». Что же, русская молодежь, и этих *революционеров* вы признаете своими товарищами? И с ними вы *вместе* пойдете на народное дело?

Нет, вы не можете пойти с ними вместе, и если автор брошюры в прениях *при свидетелях* не выказал особенного несогласия итти вместе с политическими революционерами-либералами, со сволочью дворцовых революционеров, хранящих предания Шетарди [202], Орловых [203] и Зубовых [204], то вы с отвращением отвергнете мысль подать им руку. Вы хотите *народной, социальной* революции и не можете быть товарищами по делу тем, которые *всегда* обманывали народ, когда народ им верил; с теми, которые никогда не думали о народе, сажая на кровавый престол Романовых одну личность вместо другой. Вас не обманет слово *революция,* произносимое *этими* заговорщиками, слова *борьба против правительства,* произносимые *этими* агитаторами. Они не за народ русский; они с вами быть не могут.

Эти вас не обманут, не увлекут; но есть другие, более опасные для вас ложные союзники, ложные друзья.

Есть революционные кружки, которые говорят, что они хотят блага народа, что они имеют в виду осуществить это благо путем революции, но революции *не народной.* «Составим политический заговор, — говорят они, — захватим власть, уничтожим главных представителей правительства, удержим за собою диктатуру, рядом декретов перевернем старый порядок, введем новый повсюду помощью своих людей, разосланных в разные местности, и революция совершится. Так как мы *желаем* блага народа, так как мы *понимаем,* в чем заключается это благо, то мы должны доставить счастие народу, счастие России». Другие хотят диктатуру лишь временную, только для того, чтобы распустить войско, *снять* верхний слой противников и сойти со сцены, оставив народ решить свою судьбу. Третьи мечтают передать эту диктатуру, когда они совершат свое дело, земскому собору из народных представителей или местным собраниям и т. д. и т. д. Общее у всех революционеров этого рода — революция, произведенная меньшинством, при более или менее продолжительной диктатуре этого меньшинства. На прениях при свидетелях автор «Задач» признал не только возможным, но желательным, необходимым вступить в союз с приверженцами диктатуры и настаивал на изменении программы журнала в том смысле, чтобы журнал признал цели этой партии своими целями, совершенно наравне с целями той партии, которой он теперь служит органом и которая в нем заявила, что «перестройка русского общества должна быть совершена не только с *целью* народного блага, не только *для* народа, но и *посредством* народа». Именно эту партию защитников диктатуры имел в виду, не называя ее, автор брошюры, говоря о «пути государственного политического заговора», по сравнению его с другими путями, что все пу-

ти «одинаково целесообразны». Именно вопрос о диктатуре подразумевал он между теми, которым «наша революционная молодежь» будто бы «не может придавать слишком большого значения», как вопросам, не имеющим «никакого отношения к практической революционной деятельности в *настоящем,* касаясь исключительно *будущего».* Именно на вопросе о допущении стремления к диктатуре в программу «Вперед» произошло самое решительное теоретическое разногласие между автором брошюры и редакциею «Вперед». Слово *диктатура,* стоявшее в записке, читанной автором в предпоследний день прений *, он не счел нужным вносить в свою брошюру, но я считаю полезным восстановить этот пункт, слишком памятный свидетелям прений, и уяснить смысл фраз, сюда относящихся.

Действительно, редакция «Вперед», пока она остается в том виде, в каком она теперь существует, никогда не сочтет возможным допустить *без возражения* на свои страницы теорию революционной диктатуры меньшинства, так называемую *якобинскую* теорию. Если автор считает, что за нее может стоять русская молодежь, то он едва ли не ошибается, тем более, что желание редакции выставить ясно и резко именно *этот* пункт программы «Вперед» нашло очень ясно высказанный отголосок в некоторых кружках молодежи, наиболее близких автору «Задач», насколько мне это известно. Это желание не только не встретило возражений ни от одного из главных сотрудников журнала, но было принято ими с полным сочувствием. Имея в этом случае за себя все кружки молодежи, ей близкие, и заявленное желание даже кружков, ей более далеких, редакция «Вперед» не имела бы повода изменять в *этом* отношении своей программы для удержания очень ценного сотрудника, если бы дело здесь шло и о вопросе второстепенном; но это вопрос вовсе не второстепенный.

История доказала и психология убеждает нас, что всякая неограниченная власть, всякая диктатура портит самых лучших людей и что даже гениальные люди, думая облагодетельствовать народы декретами, не могли этого сделать. Всякая диктатура должна окружить себя принудительною силою, слепо повинующимися орудиями; всякой диктатуре приходилось насильственно давить не только реакционеров, но и людей, просто несогласных с ее способами действия; всякой захваченной диктатуре пришлось истратить более времени, усилий, энергии на борьбу за власть с ее соперниками, чем на осуществление своей программы помощью этой власти. О сложении же диктатуры, захваченной насильно какой-либо партиею, можно мечтать лишь до ее захвата; в борьбе партий за власть, в волнении явных и тайных интриг каждая минута вызывает новую необходимость сохранить власть,

* Между этою запискою и напечатанною брошюрою и в форме, и в содержании весьма мало общего.

высказывает новую невозможность оставить ее. Диктатуру вырывает из рук диктаторов лишь новая революция.

Неужели наша революционная молодежь согласна служить подножием трона нескольких диктаторов, которые и при самых самоотверженных намерениях могут быть лишь новыми источниками общественных бедствий, но которые, всего вероятнее, будут даже не самоотверженные фанатики, но страстные честолюбцы, жаждущие власти для самой власти, жаждущие власти для себя?

Неужели наша революционная молодежь допускает на минуту, что декреты могут возбудить самодеятельность народа? Неужели наши революционеры повторят историю Петров, цивилизовавших народ под страхом кнута; Иосифов [205], эмансипировавших его, разрушая и подавляя его самые интимные привычки? Неужели мало доказала история бессилие декретов, мероприятий, распоряжений для облагодетельствования масс?

Если, действительно, доля нашей молодежи стоит за диктатуру, за захват власти меньшинством, то органом *этой* доли молодежи «Вперед» никогда не будет; никогда не допустит на свои страницы ее мнений без прямых возражений; никогда не согласится, чтобы ее знамя считали его знаменем. Пусть борются русские якобинцы против правительства; мы им мешать не будем; мы желаем им успеха и постараемся воспользоваться их успехом; но партия народной социальной революции станет всегда их врагом, едва один из них протянет руку к власти, которая принадлежит народу и больше никому; в революционную организацию русских социалистов могут войти только те, которые борются против правительства для облегчения народного восстания, для того, чтобы государственная власть преобразовалась прямо в самодержавие народных общин, народных собраний, народных кругов. Это вопрос не второстепенный, а вопрос существенный. Государственная власть, в чьих бы руках она ни была, враждебна социалистическому строю общества. Всякая власть меньшинства есть эксплоатация. Диктатура не может быть ничем иным. Мы не можем признать программы революции в пользу диктатуры равноправной с программой социальной революции. С приверженцами диктатуры мы не только будем бороться завтра, — мы не можем итти с ними сегодня.

Но и это не самые опасные союзники народа. С людьми, чуждыми народным стремлениям, вступают в союз только те, которые вовсе не знают истории коалиций разных партий. Охотники до диктатуры, по крайней мере, прямо заявляют свои тенденции, и вы знаете, с кем имеете дело. Но есть люди, которые заявляют, что они друзья народа, приверженцы социальной революции, и в то же время вносят в свою деятельность ту лживость и неискренность, которые я назвал выше «отрыжкой старого общества». Это общество было основано на борьбе всех против всех за на-

слаждения жизни при помощи легальности и капитала. Совершенно естественно, что оно развило всеобщую лживость, всеобщее лицемерие. В конкуренции за обогащение под личиною закона не может быть искренних товарищей, не могло быть и самоотверженной службы принципу, обществу, народу. Надуть всех для собственной выгоды, подчинить всех, захватить все для себя одного, высказывать в пламенной речи, в красноречивой газетной статье принципы, над которыми сам смеешься; быть адвокатом чего угодно для достижения личной цели — все это были естественные приемы общества, испорченного в самых своих основах жаждою личного обогащения и лицемерием буквы закона.

Но именно это начало иные представители революционных стремлений вздумали внести в новое, социальное общество, основанное на солидарности людей, на святыне труда, на отрицании всякой монополии, всякой эксплоатации, на принципе, связующем людей, а не разделяющем их, на принципе взаимного содействия, а не на всеобщей конкуренции.

Эти люди пользовались раздражением приверженцев нового строя против несправедливости старого и выставили начало: все средства годны для борьбы. В эти *годные* средства они включили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили. Они готовы были лгать всем и каждому, лишь бы организовать довольно сильную партию, как будто сильная *социально-революционная* партия могла составиться вне *искренней солидарности* ее членов! Они готовы были разжигать в народе старые страсти хищничества и наслаждения без труда, как будто восстание, поднятое во имя *хищничества и наслаждения без труда,* могло привести к социальному перевороту, способному установить справедливый строй общества! Они готовы были эксплоатировать своих друзей и товарищей, лишь бы сделать их орудиями своих планов; они готовы были на словах защищать полнейшую независимость и автономию личностей и кружков, организуя в то же время самую решительную тайную диктатуру, приучая приверженцев к самому овечьему, неосмысленному повиновению, как будто социальную революцию могла произвести комбинация эксплоататоров и эксплоатируемых, группа людей, отрицающих на каждом шагу на деле то, что они проповедуют на словах!

Редакция «Вперед» с самого начала признала, что истина и солидарность нового социального строя не может быть основана на лжи и лицемерии, на эксплоатации одних другими, на игре принципами, которые должны лечь в основании нового строя, на овечьем подчинении кружков нескольким предводителям. Ни один из его главных сотрудников никогда не отступал от убеждения, что эта «отрыжка старого общества» не только безнравственна в деятеле нового, но подрывает самые начала, за которые борется социалистическая партия. Мы останемся верны словам: «Средством для распространения истины не может быть ложь; средством

для реализации справедливости не может быть... авторитетное[206] господство личности».

Но, конечно, вылечить конституционную болезнь, вынесенную многими из старого общества, невозможно. Редакция «Вперед», желая, по возможности, собрать около своего издания более сил революционного лагеря, пыталась привлечь к этому изданию и тех, которые страдали этою болезнью; их силы могли быть полезны для дела, при общности цели и при тщательном устранении элементов лжи, лицемерия, эксплоатации и тайной диктатуры, которые они могли внести в дело. Страдая конституционным недостатком, существенно вредным для *социально*-революционного дела, они могли быть полезными помощниками, но *никогда* не распорядителями в издании, которое поставило себе целью подготовить, по мере сил и возможности, торжество *социальной* революции в России. Дать участие в *распоряжении* изданием лицам, которые требовали этого участия, но прошедшее которых или совершенно доказательные факты свидетельствовали, что они могут употребить в дело орудия, подрывающие социальное дело в его корне, редакция не могла и не может.

Автора брошюры я считал весьма полезным сотрудником для «Вперед». Я с удовольствием напечатал *с его согласия* извещение, что он «в наших рядах». Я был очень рад, когда он добровольно принял на себя составление нескольких статей для этого журнала, статей, о которых еще в первой половине апреля 1874 г. он говорил как о приготовляемых для «Вперед». Я искренно сожалею, что те или другие соображения и побуждения лишили «Вперед» сотрудника, весьма полезного по литературному таланту. Я оставляю автору брошюры решать с собственною совестью, каковы его *настоящие* соображения и побуждения. Но есть требования, которые, *при данных обстоятельствах,* я не считал и не считаю себя в праве исполнить.

Передо мною лежит рукопись, хорошо знакомая автору «Задач», рукопись, заключающая часть книжки, назначенной для распространения среди народа русского. Автор читал эту рукопись при нескольких лицах, он имел в виду, что его слова будут напечатаны; следовательно, они составляют не частный факт, не частную переписку. На них можно ссылаться. В этой рукописи автор, между прочим, говорит о том, что было бы после народной революции в России: «И зажил бы мужичок припеваючи, зажил бы жизнью развеселою... не медными грошами, а червонцами золотыми мошна бы его была полна. Скотины всякой да птицы домашней у него и счету не было бы. За столом у него мяса всякие да пироги именинные да вина сладкие от зари до зари не снимались бы. И ел бы и пил бы он — сколько в брюхо влезет, а работал бы столько, сколько сам захочет. И никто бы и ни в чем неволить его не смел: хошь — ешь, хошь — на печи лежи... Распречудесное житье!» Автору, способному рисовать русскому народу *как цель*

социальной революции подобную картину обжорства, бездельничества и концентрировки имущества; автору, на минуту воображающему, что, разжигая эти животные страсти к золотым червонцам, к именинным пирогам, к сладким винам и к лежанию на печи, он содействует *социальной* революции, созданию более справедливого общественного строя, — нельзя предоставить «существенного влияния» и права делать «поправки и изменения» в издании, цель которого есть именно подготовление *социального* переворота.

Никакое раздражение против существующего подавляющего правительства, никакая жажда ускорить революцию не может оправдать в глазах социалиста разжигание в народе страстей хищничества и бездельничания, стремления наслаждаться без труда, наслаждаться эгоистически, наслаждаться, как животное. Социализм есть царство наслаждения солидарным трудом, солидарною жизнью, солидарным развитием. Кто может рисовать народу *такие* картины, как приведенные, в форме желательного будущего, тот или заражен до мозга костей болезнью лжи и лицемерия, или не развил в себе самых элементарных понятий о требованиях *социалистического* убеждения, *социально*-революционной деятельности.

Он может быть весьма полезным сотрудником при внимательном наблюдении за его деятельностью. При самом замечательном литературном таланте ему «права контроля над общим направлением» социалистического издания «предоставить» невозможно.

Оставляю русскую социально-революционную молодежь судить, прав ли я в этом случае.

Резюмирую сказанное: русская социально-революционная молодежь *не может* итти вместе со всякими революционерами; революционеры во имя реакции, во имя династических интриг, во имя политических комбинаций неизбежно чужды тем, которые ставят себе целью *социальную* революцию; приверженцы захвата власти, диктатуры меньшинства не могут быть товарищами тем, которые хотят *народной* революции; зараженные старою болезнью лжи и лицемерия даже в отношении к товарищам, даже в отношении к народу, зараженные стремлением к эксплоатации и к тайной диктатуре должны быть допущены лишь с самою крайнею осторожностью в ряды строителей нового социального мира.

А легалисты? — спросят с лукавою насмешкою мои противники.

Я очень рад, что имею случай объясниться печатно по этому поводу, так как этот пункт вызвал много недоразумений, сплетен, намеков из-за угла, в журнале же объяснение было бы неуместно, так как оно касается не журнала, а лишь моих личных взглядов на возможность действовать вместе с теми или другими личностями.

Социальный переворот при помощи народа — вот был цент-

ральный пункт практической задачи, которая имелась в виду при первой мысли о журнале, и около этого пункта я думал сгруппировать радикальную оппозицию. Но с различными оттенками *несогласных* предполагалось поступить розно.

Противники *социального* переворота должны были быть объявлены прямо врагами. Противников *народного* переворота мы врагами *прямо* не объявляли, но должны были третировать как противников, т. е. всякая статья в их духе могла быть помещена лишь с многочисленными возражениями от редакции, тут же внизу страницы, с предисловиями и послесловиями, опровергающими их точку зрения.

Статьи, допускающие социальный переворот при помощи народа, по моему *личному* мнению, могли быть допущены *все* без прямых возражений, но так, чтобы преобладали по количеству, по месту, если можно, то по убедительности, статьи, доказывающие неизбежность *насильственного* переворота, совершенного самим народом, помимо всех легальных органов, а не переворота, произведенного каким-нибудь земским собором или федерацией земских собраний, которые, захватив власть и склонив на свою сторону часть войска, низвергли бы самодержавное императорство формальным решением, как легальная власть, и произвели бы народно-социальный переворот легальным решением крестьянского большинства, в них участвующего. Против легалистов, исповедующих веру в подобную легальную революцию, можно было, как я думал, вести весьма полезную полемику *внутри* журнала, доказывая неизбежность прямого народного переворота. Так как «Летопись»[207] должна была быть ведена в духе неизбежности социальной *революции*, то разнице мнений сотрудников первого отдела в этом отношении я *лично* не придавал особенной важности и был уверен, что само собою, с течением времени, из хода полемики уяснится преобладание народно-*революционного* элемента журнала над *легалистическим*. Между тем людей, искренно верующих в возможность легального переворота, при помощи народа, я считаю лишь заблуждающимися, а не врагами, верю в честность многих из них и в их преданность народному делу гораздо более, чем в искренность большинства революционеров, стремящихся к диктатуре, и считаю их менее вредными, чем последние, для народного дела. Люди, желающие достигнуть социального переворота легальным путем при участии народа, только ошибаются в возможности своего дела; они не ставят себя отдельно от народа, выше народа, благодетелями народа. Автор «Потерянных сил революции» ни в каком случае не изменил бы ни одной строки своей статьи, направленной против легалистов, но он был, я думаю, в праве считать их лишь *несогласными,* а не *врагами;* людьми, идущими к *нашей* же цели, но по пути, который не может привести к ней, а не людьми, имеющими *иную* цель от нашей. Вот были причины, по которым я сначала полагал, что журнал мог допу-

скать в себя все статьи, требующие социального переворота при помощи народа, *каким бы путем* этот переворот ни предполагалось совершить, предоставляя полемике лиц, ближе стоящих к редакции, уяснить, который из этих путей *единственно возможен*.

В этом предположении я составил наскоро проект программы журнала, назначенный для прочтения весьма *немногим* личностям, на участие которых в журнале и в его распространении я более или менее надеялся.

Оказалось, что почти все сотрудники и пособники «Вперед» пожелали *прямо* выставить на вид *в самой программе*, а не в полемике внутри журнала необходимость народно-революционного пути для социального переворота. Так как это было *не отступление* от основного принципа, а лишь более прямое его уяснение, и так как при начале журнала весьма мало легалистических социалистов заявило желание нам содействовать, то *единственная программа*, написанная *для печати*, за которую отвечает журнал, которую *он* распространял литографированною и печатною как *свою* программу, была составлена в определенных выражениях, известных читателям.

Лично я до сих пор остаюсь при мнении, которого никогда не скрывал в частных разговорах, что допущение легалистов народной социалистической партии в журнал без прямых возражений от редакции и опровержение их полемикою против них в статьях, писанных с другой точки зрения, никакого вреда принести не могло. Их можно, мне кажется, в наибольшем числе случаев убедить в их ошибке, чисто логической, а не нравственной, тогда как у других «несогласных» нравственное извращение стоит на первом плане.

Я лично остаюсь при этом мнении; но, несмотря на «единоначалие», я в этом случае подчинился мнению, определенно высказанному большинством сотрудников, и решился написать *на самом знамени* журнала то начало, которое предполагал оставить *лишь в его содержании*.

Надеюсь, что этих объяснений достаточно для русской революционной молодежи по пункту, до журнала вовсе не касающемуся, так как вещи, *не назначенные для печати* и распространенные лишь вследствие довольно странного и не совсем ловкого поступка посредников, не могут вовсе относиться до издания, которое началось с программы, *публикованной редакцией*. Я мог бы даже от себя отклонить ответственность за страницы, *не назначенные* для публики, но я от них не отказываюсь ни на одну минуту.

VI. Чем должен быть социально-революционный журнал?

Мне остается сказать лишь о роли, которую я придаю журналу, имеющему в виду подготовить социальную революцию.

Социальная революция отличается от политической тем, что должна произойти не в форме замены одной власти другою властью, не во имя одного раздражения противу существующего порядка, а в форме полного экономического переворота, во имя определенных начал, которые требуется осуществить. В наше время задача социальной революции еще более уяснена тем обстоятельством, что ее прочная почва в рабочих союзах и в их федерациях вполне определилась.

Это результат самых последних годов. Революционеры сороковых и пятидесятых годов имели перед собою власть, которую хотели низвергнуть; самые передовые из них имели перед собою экономический порядок, который необходимо было разрушить; но для них лишь в самых неясных чертах рисовались основы, на которых можно было установить новый порядок, чуждый недостатков нынешнего, порядок, который сделал бы невозможным возвращение власти, подобной нынешней [208].

Именно это отсутствие ясных целей, это отсутствие твердой почвы для лучшего строя могло вызвать во многих умах того времени упорный скептицизм относительно значения революционной деятельности и исторического смысла тех кружков и партий, которые передавали друг другу тогда традицию революционной агитации.

В «Былом и думах», как и в «Посмертных сочинениях» [209], мы находим великолепный ряд портретов политических и социальных агитаторов этого периода, и неопределенность революционной задачи, недостаток прочной почвы для революционного действия слишком очевидны в этих портретах. Это были артисты революции, раздраженные современным им тяжелым положением, для которых все явления общественного зла и государственного притеснения были одинаково возмутительны, одинаково важны, и против каждого из этих явлений они шли на бой; на каждый факт злоупотребления власти и влияния, низости личной, притеснения слабых издания этого времени одинаково обращали внимание читателей; каждое возмущение против общего врага было им одинаково дорого; с каждой партией они готовы были итти вместе против ненавистной им власти. К «потомкам Рюрика» тогда могли обращаться с прокламациями в то же время, как и к русским крестьянам. Чарторижские и религиозные сектаторы были *возможными* союзниками тогда в глазах агитаторов-социалистов, агитаторов-атеистов. Они в этом были не виноваты, потому что в то время революционеры могли ясно сознавать, *против чего* им следует бороться, но лишь в смутных образах рисовали себе то, *за что* они борются, на какой почве они борются. Они ненавидели и умели ненавидеть определенных врагов, но революция, к которой они стремились, не имела определенной программы; их социализм был общим впечатлением, а не определенною задачею. Их агитация

отражала силу и определенность их ненависти точно так же, как неопределенность их цели — смутность их программы.

Это время прошло, и прошло невозвратно. Социальные революционеры нашего времени не имеют права *только* ненавидеть зло настоящего порядка. Они обязаны понимать совершенно ясно, *за что* они борются и *чего* именно они хотят. Рабочий социализм, народный социализм имеет вполне определенную, точную программу. Он знает, в чем *основное* зло существующего порядка, зло, влекущее за собою все остальные мелкие симптомы. Он знает, на какую громадную силу он опирается, где его настоящая почва, и почему *только* эта почва — организации рабочих союзов, рабочих федераций — доставляет определенность, ясность его программе. Факты притеснения и зла для него не безразличны: одни — мелкие симптомы зла, лежащего далеко глубже, и не могут исчезнуть без искоренения этого зла; другие указывают именно на сущность болезни, против которой приходится направить хирургический нож революции. И союзники для народного, для рабочего социализма не все *возможны:* они возможны лишь настолько, насколько они близки *народному* делу, насколько могут стоять за *социальный* переворот.

Вследствие этого характер издания, имеющего в виду содействовать *социальной, народной* революции, становится уже совсем иным, чем тот, каким мог быть характер издания времени Герцена. Он превосходно делал *свое* дело. Нам следует стараться делать надлежащим образом *наше* дело.

Смешно читать в брошюре противоположение литературы, уясняющей факты, литературе агитационной *. Это все — старая-старая рутина, отделяющая мысль от жизни, как будто *уясненный* жизненный факт не есть *тем самым* страстное побуждение к действию; как будто можно уяснить общественное зло, не агитируя против него, и как будто агитация против *действительного* общественного зла может состоять в чем-либо ином, как в уяснении, насколько оно есть зло! Для рутинеров, мечтающих о кастах агитаторов-пропагандистов и пропагандистов-неагитаторов в революционном деле, оно, может быть, сколько-нибудь мыслимо, но для революционера-социалиста, понимающего истину основ своих социалистических стремлений и прямую связь этих основ с агитацией против возмутительного настоящего порядка, для револю-

* Автор собственно противополагает какую-то «научно-философскую» литературу агитационной, литературу, уясняющую не отношение современных явлений к коренному, общественному злу — экономическому порядку, а теоретическое зло этого порядка. Но далее видно постоянное противоположение двух способов изложения фактов: мы распределяем их в перспективе по отношению к экономическому их значению; автор желает, чтобы мы всеми возмутительными фактами одинаково пользовались для возбуждения неудовольствия, вовсе не объясняя настоящего значения факта. «Научно-философская» литература здесь лишь для красоты слога.

ционера-социалиста уяснение явлений и агитация помощью их — одно и то же.

Наше дело поэтому не устранять агитационный элемент из нашего издания, — это было бы противоречиво, — но дать революционной агитации *определенное* направление, согласное с полной определенностью социально-революционной программы, программы революции, долженствующей произойти на почве рабочего народа, для торжества рабочего народа, для установления строя, где главным элементом будет организация групп рабочего народа. Идя к определенной цели, мы не можем употреблять безразлично всякое орудие, ставить на один и тот же план все возмутительные факты современной истории, итти вместе со всяким недовольным, со всяким врагом нашего врага. Наши орудия определяются для нас нашею целью; наша перспектива фактов устанавливается для нас программою социальной, народной революции; наши союзники обозначаются для нас нашим идеалом общественной рабочей организации.

В наше время недовольство существующим есть чувство, общее весьма многим. Недовольны все эксплоатируемые, потому что страдания их растут, но некоторая апатия распространяется между ними, потому что они чувствуют лишь симптомы зла, не знают, где его корень, а многочисленные энтузиасты, эмпирики и шарлатаны последнего периода, выдававшие симптомы болезни за самую болезнь, внушили большинству глубокое недоверие к новым энтузиастам, эмпирикам и шарлатанам, которые опять указывают только симптомы, опять волнуют только внешностями, но корня зла не открывают. Недовольны и эксплоататоры, потому что чувствуют колебание почвы под ногами, не имеют прежней уверенности в прочности своего господства, потеряли старое убеждение в правоте этого господства. Недовольны все, но взрыва не происходит, потому что большинство недовольных лишено определенной программы, в которую бы они поверили, как в возможный идеал будущего, стоящий, чтобы за него боролись; программы, которая бы указала определенную почву, где можно было бы бороться с надеждою на победу. Эксплоататоры уже не могут иметь подобной программы. Для эксплоатируемых рабочий социализм доставляет именно эту определенную, ясную, возможную для осуществления программу.

И в то время, как у нас *есть* эта программа, в то время, как она указывает нам *определенный* путь агитации для *определенной* цели, *определенную* перспективу для освещения фактов, *определенную* систему союзов и борьбы, — в это время нам говорят: вернемся к эпохе борьбы без программы, без ясной цели, без перспективы фактов, без указания друзей и врагов; к эпохе, когда знали только, кто самый явный враг, когда социализм рисовался смутным идеалом организации труда, общности имущества утопической Икарии, когда Международная ассоциация [210] не выста-

вила еще своей программы, когда национальное соперничество, национальная раздельность казались непреодолимыми, когда вопрос о том, чем можно заменить нынешнее государство, едва был поставлен, но не мог быть правильно решен.

Подобное предложение есть не защита агитационного элемента литературы, а его разрушение, подрыв именно того начала, которое придает современной революционной агитации силу и значение.

Давно говорят и со всех сторон говорят обществу: смотрите, как все около вас скверно, смотрите, как вам скверно, — измените это. Это говорили друзья народа, говорили политические интриганы из своих кружковых видов, говорили честолюбцы, желавшие власти, говорили и просто нетерпеливые люди. Во всех этих агитаторах прежнего времени изверились. К этой агитации без твердой почвы и без определенной реальной задачи будущего имели полное право критические умы относиться скептически. Пора указать обществу действительную причину, почему в нем все скверно и почему ему так скверно. Пора указать ему место, на которое надо бить как на существенное, чтобы исправить все остальное. Это *можно* сделать теперь; это и *должно* делать всякое честное издание, имеющее в виду подготовить социальную, народную революцию, если у него есть определенная программа, если оно точно стоит за народный социализм, за рабочий социализм, за организацию рабочего народа, как за основу будущего общества.

Оно должно указывать на зависимость вредных политических явлений от экономических; должно уяснять каждый возмутительный факт или как результат сущности вредных экономических отношений, или как следствие иллюзий прошлого времени, на которые тратит еще по преданию слишком много сил, времени и жизни подавленный народ в настоящую эпоху. Оно должно говорить: боритесь *здесь,* потому что здесь ваши настоящие враги; не тратьте сил на *это,* потому что тут вы подаете руку врагам *народного* дела, врагам *социализма.* С уяснением отношений всех современных явлений, всех современных партий к основному вопросу *социальной, народной* революции неразделько связана вся суть революционной агитации для нашей *определенной* цели.

Люди, желающие агитировать иначе, сами не понимают, чего они хотят, когда они пишут на своем знамени: «борьба с установившимся порядком вещей».

В чем заключается «установившийся порядок вещей»? Уж не в императорстве ли с его полицией и с его армией? Надо совсем не знать ни одного слова современной социалистической полемики, современного рабочего движения, чтобы не понимать, что «установившийся порядок вещей», против которого следует бороться, есть порядок экономических отношений, поддерживаемых государственною легальностью; что от них зависит все

остальное; что, не тронув их, мы *не можем* помочь народу; что, лишь изменив их *определенным* образом, народ может помочь сам себе. Как же это вести борьбу против «установившегося порядка вещей», не направляя ее именно против его *сути*, а раздробляя силы на все возмутительные симптомы, вызываемые ею попутно? Или эта «борьба против установившегося порядка вещей» означает именно борьбу против экономических основ современного общества в определенном направлении, не отворачиваясь ни направо ни налево, то есть именно борьбу, как она стоит в программе «Вперед»; или о ней сказано лишь для красоты слога, и эти слова ровно ничего не обозначают, кроме того, что писавший их совершенно чужд даже элементарного смысла современной социальной борьбы.

Мы заявили с самого начала, что «Вперед» имеет определенную программу рабочего социализма, что он зовет социально-революционную русскую молодежь осуществить именно эту программу, что всякая другая агитация была бы отвлечением сил русской молодежи от настоящей социально-революционной агитации. Мы при этом и остаемся. Я не знаю, какие кружки русской революционной молодежи заслуживают, по мнению автора брошюры, название «наиболее радикальных» или еще «наиболее радикальных и последовательных», но с нами немало кружков *социально-революционной* молодежи. Мы довольны нашими товарищами и надеемся, что «Вперед» не обманет их ожиданий. Если доле молодежи наша программа не нравится, если ей более сочувственна агитация прежнего времени, то эта доля не может себя считать деятелем *социальной* революции. Говоря: «мы — только выражение *ваших* чувств, *ваших* стремлений, *вашей* злости, *вашей* борьбы», «Вперед» имел в виду лишь *социально-революционную* русскую молодежь.

VII. В чем обвиняют „Вперед“?

Я кончил. Пусть судят читатели, пусть судит русская социально-революционная молодежь, — не между мною и автором «Задач»: наши личности не имеют значения; не между «Вперед» и его обвинителем: «Вперед» говорит сам за себя, — но пусть судят цели, которые ставит им автор брошюры как «задачи революционной пропаганды в России»; пусть судят путь, на который он зовет их.

Это путь политической революции, ставящей на второй план задачи народа, задачи социализма.

Это путь поспешного призыва неподготовленного народа неподготовленными агитаторами к бунту, который никогда не может обратиться в победоносную революцию.

Это путь союза с приверженцами диктатуры меньшинства, мо-

жет быть, с революционерами-конституционалистами, может быть, с революционерами дворцовыми.

Это путь лжи народу, развития в нем инстинктов хищничества и наслаждения без труда при постройке общества, которое должно быть воплощением справедливости, царством солидарного труда.

Это путь агитации без определенной цели, без определенной программы; путь, на котором все интриганы, все честолюбцы обманывали своих приверженцев; путь, в который изверились столько раз обманутые, столько раз разочарованные...

Обвинение «Вперед», что это не его путь, редактор «Вперед» может считать лишь честью для издания, которое доверено его руководству.

(О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ)[211]

Между письмами и корреспонденциями, нами полученными, нам приходится остановиться здесь на одном письме, которое касается принципиального вопроса.

Мы получили от одного поляка-литератора письмо с указанием на передовую статью в № 261 «Dziennika Polskiego» [212], с приглашением ответить на нее, выяснив отношение русской революционной партии к польским революционерам и в особенности опровергнуть следующую фразу упомянутой статьи, высказанную по поводу волнения в России и арестов, за ним следовавших:

«Было бы легкомысленно с нашей стороны предаваться теперь каким-либо мечтательным соображениям по поводу этих все выше подымающихся в России революционных волн, тем более, что все тамошние партии до сих пор сближались в одном, в ненависти к Польше...».

Самое важное желание нашего польского корреспондента мы давно исполнили; мы в самой программе нашего издания установили наше отношение к «польскому вопросу» и не имели никакого повода изменить наш взгляд на этот предмет. Мы тогда же сказали:

«Кто поставил интересы хлопов выше интересов шляхты, кто бьется за идеал европейской федерации свободных общин, тот наш брат и союзник... Защитники преобладания шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они прежде всего враги народа польского».

Нам пришлось в этой самой книге вернуться к польскому вопросу, и на стр. 101—103 «Что делается на родине» [213] наш корреспондент найдет полное выяснение отношения русской революционной партии к польским революционерам. Оно все резюмируется одною фразою, там помещенною: «Единственный союзник польского народа, как и всякого другого, есть социальная революция».

Отвечать особо автору передовой статьи «Dziennika Polskiego» на его обвинение всех русских партий в ненависти к Польше мы не будем, потому что это обвинение не стоит того. Оно есть

выражение только невежества, и еще невежества *добровольного*. Автор упомянутой статьи не мог не знать, насколько сочувственно относились к Польше декабристы; он не мог не знать, что все произведения партии, группировавшейся около Герцена, проникнуты самым глубоким сочувствием к польскому движению. Он не мог не знать, что деятели «Земли и воли» в начале 60-х годов были в самой тесной связи с польскими революционерами; он не мог не знать, что были русские, которые бились в рядах польских повстанцев в 1863 г., что русские офицеры были расстреляны на гласисе варшавской цитадели за свое содействие им. Он не мог не знать, что ни в одном из многочисленных и разнородных изданий русской эмиграции не было *никогда* ни одного выражения против польского народа. Он не мог не знать, что никогда в тюрьме, в ссылке, на каторге русский народ, русские мыслящие кружки не относились враждебно к польским. Наши издания «Dziennik Polski» получает. Если он, после всего этого, решился напечатать приведенные выше строки, то это может быть лишь *добровольное, вполне добровольное невежество*... Неужели *его* стоит опровергать?..

К тому же, если бы мы коснулись этой передовой статьи, нам пришлось бы возражать на слишком многие остальные ее пункты.

В ней мы встречаем старые, знакомые мотивы о том, что «царь для народа там (в России) — бог, если не нечто высшее», о том, что у социалистов «нет программы», о стремлении социалистов установить «деспотизм, еще худший нынешнего» и т. д. и т. д. Мы это все читали на стольких языках и столько раз, что все эти стереотипные фразы нас не поражают уже своею лживостью. Они только характеристичны для направления издания, и там, где они встречаются, мы не изумляемся, встречая какое угодно извращение истины и в других отношениях.

Нет ничего общего между нами и партиею, издающею «Dziennik Polski, партиею старой буржуазии и старой государственности. Мы расходимся с нею не по польскому вопросу, а по основной постановке всех общественных вопросов. Польский народ, конечно, дорог патриотам «Dziennika Polskiego»; дорог он и нам, как всякий страждущий, подавленный народ; но мы позволяем себе думать, что мы *лучше* любим народ, *настоящий* народ польский, чем буржуазные патриоты-государственники.

Между нами и ими нет ничего общего. Мы с ними поэтому и полемизировать не можем. Но мы с ними по польскому вопросу не имеем повода и враждовать. Автор упомянутой статьи кончает ее словами, что людям их партии надо быть внимательными к русскому движению и выполнять свою программу. Мы им в этом мешать не станем. Мы повторим сказанное на стр. 103 «Что делается на родине»: «Пусть они делают свое дело, борются за

свое убеждение. Один из их врагов есть и наш враг». Мы будем делать *наше* дело для народа русского, для народа польского, для всего страждущего, подавленного человечества.

Страдания поляков и притеснения их русским правительством, их патриотические усилия снова и снова переломить фатальное течение истории слишком неизбежно и слишком резко окрасили все проявления их мысли, все формы их деятельности, чтобы здесь мы сочли себя хоть сколько-нибудь в праве приложить строгую историческую критику к тому, что рисуется в воображении патриотических публицистов как прошедшая история, как государственное будущее Польши. Мы готовы даже дополнить один пропуск в документе, отрывки из которого мы только что привели, пропуск, который мы приписываем скромности подписавшего этот документ.

Из «глубины ли своего национального сознания» или из живой восприимчивости славянских народов вообще к новым социальным идеям и стремлениям, но польские деятели занимали видное место и во всех социальных битвах, которые имели место в Западной Европе в последние полвека. Польские имена были в числе баденских борцов 1849 года. Польские имена были в первых рядах борцов за Парижскую коммуну, за которую бился и пал Домбровский [214], которую защищал и тот, чье имя мы встречаем под обращением польских эмигрантов к английскому народу [215]. Эта группа поляков этим самым доказала лучше всего и убедительнее всего, что лучшие люди польской эмиграции умеют не только биться за патриотические цели, как бились их отцы и деды, как бьются приверженцы королевских прав Чарторижского и непогрешимости папы; что они умеют жертвовать всем не только за *старую* Польшу, но что они способны воспринять и увлечься теми новыми социальными идеями, которые одни могут осуществить девиз: «вольные среди вольных, равные среди равных» и «за нашу свободу и за вашу». Да, лишь те поляки суть истинные патриоты нашего времени, которые сознали, что в битве за социальный переворот, в битве за социальное будущее человечества они бьются за польский *народ,* за всех поляков, одинаково *равных,* одинаково *вольных* лишь в будущем обществе, где не будет ни панов, ни ксендзов, ни собственников, эксплоатирующих хлопа, ни аристократов, гордых своим шляхетским происхождением. Лишь в битвах за социальную революцию *всюду* каждый новый деятель бьется за независимость своего народа. Возвратить историю к прошлому *нельзя,* и старые государства, растерзанные историческими хищниками, не могут воскреснуть в будущем мире, где и их хищников разнесет напор новой исторической волны. В Парижской коммуне, за которую вел в бой войска г. Врублевский, в Интернационале, в Совете которого он заседал, он боролся за

будущность своих соотечественников, в то время как боролся за будущность человечества...

Но если он — и не один он между поляками — сознал, что *здесь* будущее, как же он может искать союза для будущего «вольного и равного» народа польского в старой Англии, в представительнице капитализма и эксплоатации, неравенства и политической рутины? Как он, подписывавший приказы войскам Коммуны, подписывавший циркуляры Совета [216] работников—борцов против капитала, может подписывать восхваление «свободе» Англии, где люди труда умирают с голоду, восхваление «чудесному развитию торговли, промышленности и богатства», которое есть другой термин для эксплоатирования миллионов немногими хищниками? Как он может говорить об Англии, как «покровительнице международной справедливости»?.. Международная справедливость? Да разве она возможна вне международного союза рабочих, разрушившего все современные государства?..

Тот из *истинных* польских патриотов, который оставил за собою иллюзии *старой* Польши с ее блестящею шляхтою, тот, который «из глубины национального сознания» развил в себе убеждение, что *все* вопросы свободы, равенства, справедливости разрешимы только на социальном поле битвы, что ни один народ не может быть свободен *один*, — тот не может и не должен искать союза своему народу с главными представителями старых политических начал, с государствами хищников и эксплоататоров. Они *не могут* помочь народу польскому. Их помощь была бы всегда в пользу его хищников.

Единственный союзник польского народа, как и всякого другого, есть социальная революция. Она унесет его нынешних политических врагов; она унесет и его врагов внутренних, которым он во многом обязан своими бедствиями, неудачами своих героических восстаний...

Повторяем, мы не имеем в виду обращаться к седым и к юным поколениям *прежних* польских патриотов-героев, жертвовавших и жертвующих всем для идей прежнего времени. Живя и умирая для своего Христа — для старой блестящей шляхетской Польши 1774 года, они нас не услышат и не поймут. Пусть они делают свое дело, борются за свое убеждение. Один из их врагов есть и наш враг. Но имя под адресом польских эмигрантов не есть имя одного из них. Президент общества «Польский народ» был генералом Коммуны, секретарем в совете Международной ассоциации рабочих. Он знает, в чем истинная «вольность», истинное равенство». Он нас должен понимать. Он должен видеть, *где* единственное спасение польского народа. Как же он протягивает руку старой, эксплоататорской Англии?..

Мы не можем не удивляться, что лучший орган рабочих, «Volksstaat», отдавая отчет об этом произведении литературы эмигрантов, в лице одного из своих талантливейших сотрудников

и самых энергических борцов Интернационала, не обратил внимания на эту сторону документа польских эмигрантов; что лучший специалист по положению английских рабочих мог выписать слова об «изумительном развитии» западно-европейского «богатства» без малейшего замечания *.

* Нас поразили в этой статье и следующие слова: «Народ, подавляющий других, не может и себя освободить. Масса, которая ему нужна для подавления других, окончательно обращается против него. Пока русские солдаты стоят в Польше, русский народ не может освободиться ни политически, ни социально.. Потеря Польши и революция в России взаимно обусловливают друг друга». Мы ни на минуту не сомневаемся, что ученый автор, знающий и русский язык, лишь по lapsus calami[217] приписал *русскому народу* подавление народа польского. Что революция в России (конечно, социальная) повлечет за собою освобождение народа польского от всякого господства, это разумеется само собою, но форма слов автора может повести к недоразумению. Социальная революция *может* вспыхнуть в Германии и освободить народ немецкий, когда еще прусские солдаты будут стоять в Эльзасе и в Шлезвиге; эта революция положит здесь конец проявлению политического хищничества, но не вызовется потерею Эльзаса и Шлезвига: ее основание глубже. Социальная революция *может* освободить работников Англии, пока еще английские чиновники и ландгольдеры господствуют в Ирландии; она положит конец подчинению Ирландии, но не обусловится потерею Ирландии: и здесь источник ее глубже. Точно так же потеря Польши русским правительством (народ русский никогда не владел Польшею и никогда владеть ею не будет) вовсе не обусловила бы социальной революции в России, если бы потребность ее не лежала гораздо глубже. Она может вспыхнуть, когда войска русского императора будут в Польше, уничтожит, конечно, господство императора там, как везде, но это будет лишь проявление социальной революции, а источником ее быть не может. Потерять Польшу в *будущем* Россия не может, потому что *государство* Польша будет столь же невозможно, как *государство* Россия, как будет невозможна всякая политическая подчиненность там, где будет лишь союз рабочего народа, в форме ли рабочего государства, как думают одни, или в форме безгосударственной, как предполагают другие. Во всяком случае «народов избранных», «народов-христов», «народов-интеллигенции» там не будет, как не будет «народов-Сандрильон»[218].

ПРИМЕЧАНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЕ
БИБЛИОГРАФИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Хаос буржуазной цивилизации», это — постоянный отдел «Вперёд», в котором Лавров старался показать, «*что* разрушается и *как* оно разрушается» в современном ему капиталистическом строе, в противовес очеркам о конгрессах Интернационала, где Лавров старался показать, «*что* растет и *как* оно растет в современном обществе».

Лавров кончает первую статью «Хаоса буржуазной цивилизации» фразой очень характерной: «Окончательное столкновение между растущею силою и разрушающимся порядком становится с каждым годом, с каждым месяцем неизбежнее. Социальный переворот в той или другой форме есть вопрос времени, и времени не особенно долгого — в историческом смысле, конечно».

Относительно России у Лаврова то же противопоставление: «Гниль старого и рост нового» (так озаглавлены 6 статей в первых 7 номерах газеты «Вперед» за 1875 г.), но здесь господствующим классам противопоставляется не рабочий класс, а крестьянство; кроме того, противопоставление это непродолжительно: оборвавшись на 7-м номере, оно в остальных 41 номере уже не встречается. Повидимому, никакого «роста нового» Лавров в крестьянстве отметить не мог и потому о нем не говорил; о «гнили» же «старого» говорил попрежнему в отделе «Что делается на родине».

2. Кеттелер, Вильгельм-Эммануил (1811—1877), депутат франкфуртского парламента в 1848 г. и с 8150 г. майнцский епископ, автор ряда книг о рабочем вопросе в духе «христианского социализма».

3. Бародэ, Дезире (род. в 1823 г.), франц. бурж. политический деятель; провозгласил республику в Лионе 4 сентября 1870 г., играл выдающуюся роль в парламенте в Париже в 70-е годы.

4. Симон, Жюль-Франсуа (1814—1896), французский буржуазный республиканец, возглавлявший при Наполеоне III парламентскую оппозицию; член временного правительства в 1870 г. и один из руководителей борьбы с Коммуной; министр нар. просвещения в правительстве Тьера; министр-президент в 1876—77 гг., автор многих книг по научным и социальным вопросам; член Французской академии; непримиримый враг социализма.

5. Здесь Наполеону III (см. примеч. 229 в т. I) противопоставляется Вильгельм I (1797—1888), с 1866 г. король прусский, а с 1871 г. император германский.

6. Руэр, Эжен (1814—1884), министр Наполеона III, пользовавшийся таким большим влиянием, что получил прозвище «вице-императора»; один из главных виновников франко-прусской войны; после революции 4 сентября 1870 г. глава бонапартистов.

7. Фальк, Адальберт (1827—1900), министр народного просвещения и исповеданий в Пруссии, ярый германизатор польских, датских и эльзас-лотарингских областей Германии; с 1873 г. начал проведение законов (так называемых «майских») против католиков.

8. Кастеляр, Эмилио (1832—1899), испанский бурж. госуд. деятель, в 1873 г. член временного правительства и с 12 июня президент испанской республики до избрания на этот пост в декабре 1873 г. Серрано.

9. Фигверас, Эстаниславо (1819—1882), испанский бурж. госуд. деятель, президент испанской республики с 12 февр. по 11 июня 1873 г.

10. Пи-и-Маргаль, Франциско (1820—1901), испанский бурж. госуд. деятель, министр в 1873 г., позднее вождь республиканской партии в Испании.

11. Зорилья, Руис (1834—1895), испанский бурж. политич. деятель, председатель кортесов в 1870 г., глава кабинета министров в 1871—73 гг.; по отречении Амедея удалился в Париж, откуда руководил республиканской пропагандой в Испании.

12. Брольи, Альберт, герцог (1821—1901), франц. бурж. госуд. деятель и литератор клерикального направления, член Французской академии; связанный с Наполеоном III парламентский интриган, по оценке К. Маркса.

13. Жонстон (Johnston), Натаниэль (1836), адвокат, депутат с 1869, член Национ. собрания с 1871 г.; крайний реакционер, противник республики.

14. Дюфор, Арман-Жюль-Станислав (1798—1881), франц. адвокат, член Фр. академии, депутат в 1848 г., министр юстиции в правительстве Тьера, преследовавший после 18 марта 1871 г. сторонников соглашения с Коммуной.

15. Конскрипт — новобранец для французской армии.

16. Шамбор, Анри д'Артуа, граф (1820—1883), последний представитель старшей линии династии Бурбонов во Франции, считавшийся роялистами французским королем под именем Генриха V. Прожив всю жизнь вне Франции, оставался до смерти главой легитимистов и католиков-реакционеров.

17. Граф Парижский, Луи-Филипп (1838—1894), герцог Орлеанский, претендент на королевский престол во Франции.

18. Гладстон, Вильям-Эварт (1809—1898), англ. бурж. госуд. деятель, член парламента с 1832 г., член министерства с 1835 г. и с 1868 г. премьер-министр с перерывами до 1894 г.; сначала член консервативной партии, с середины 60-х гг. вождь либеральной промышленной партии; склонный к компромиссам, искал сближения и с консерваторами, сделал уступки и рабочим, и ирландцам.

19. Толен, Анри-Луи (1828—1897), рабочий-чеканщик, прудонист, враг революции, один из основателей Интернационала во Франции, делегат всех 4 конгрессов Интернационала 1866—69 гг.; исключен из него во время Парижской коммуны 16 апреля за то, что в качестве члена Национального собрания Версаля солидаризировался с ее палачами; сенатор с 1876 г., активный деятель Третьей республики; делегат Франции на конференции труда в Берлине в 1891 г.

20. Бебель, Август (1840—1913), рабочий-токарь, основатель и вождь германской социал-демократии с 1869 г., член Интернационала с 1865 г., с 1867 г. член рейхстага; в мае 1871 г. выступил в рейхстаге в защиту Парижской коммуны, за что приговорен вместе с Вильг. Либкнехтом к 2 годам тюрьмы в 1873—75 гг.; подвергался тюремному заключению и в 1878 и в 1886 гг. При жизни Маркса и Энгельса, под их руководством, проводил революционную пролетарскую линию в немецкой с.-д. и был «образцом рабочего вождя» (Ленин), хотя и не был чужд примиренческих шатаний и ошибок (не изжил влияния Лассаля и Дюринга). После смерти Энгельса стал вождем центристского течения во II Интернационале. Автор нескольких работ о социализме, из которых известнейшие: «Наши цели» (1870), «Крестьянская война в Германии» (1876), «Женщина и социализм» (1879).

21. О расстрелянных 22 января 1873 г. за участие в Коммуне па-

рижских пролетариях Фенуйо (у Лаврова — Фэнульо), Декан и Безо известно только, что последний был членом Интернационала, Декан, Батист (1834—1873) — рабочий-литейщик, член Федеральной камеры рабочих обществ и член Интернационала, национальный гвардеец, член Коммуны от 14-го округа, работал в его мэрии; после падения Коммуны был арестован в конце июня, но судом оправдан, в 1873 г. снова привлечен к суду и расстрелян.

22. Черетти, Често, член I Интернационала в Италии.

23. Кафьеро, Карло (1846—1892), с 1867 г. один из вождей I Интернационала в Италии, сначала сторонник Маркса, а с 1871 г. — Бакунина, участник восстаний в Болонье 1874 г. и Сан-Лупо 1877 г., с 1880 г. сторонник легальной парламентской борьбы. В тюрьме составил первое сокращенное изложение «Капитала» на итал. языке.

24. Малатеста, Энрико (род. в 1853 г.), известный анархист, член I Интернационала и сторонник Бакунина с 1872 г., участник восстаний в Апулии 1874 г., в Беневенте 1877 г., в Сицилии 1894 г., в Романье 1914 г. и в волнениях, связанных с дороговизной 1919 г. Издатель анархистской газеты «Новое Человечество».

25. О Франческо Кьявини (у Лаврова — Киавини) и Альчесте Цаджали, членах I Интернационала, бакунистах, из Италии, нет иных сведений.

26. Бренн, вождь одного из галльских племен Верхней Италии, вторгшийся в Рим и сжегший его, кроме Капитолия, в 390 г. до хр. эры.

27. Фюстэ (Fuster), Жозеф-Жан-Никола (1801—1876), редактор «Медицинской Газеты», французский ученый, производивший в 1870-х годах обследование эмиграции рабочих из Савойи; результаты его он доложил в докладе на научном конгрессе в апреле 1873 г. Его работа—«Об убыли сельского населения и о прогрессе эмиграции» (1876).

28. Гуляр, Эжен (1808—1874), депутат в 1847 и 1871 гг., с февраля 1872 до 19 мая 1873 г. министр внутр. дел во Франции, крайний реакционер, преследовавший республиканскую печать и ратовавший за восстановление монархии.

29. Эйленбург, Бото-Генрих (1831—1912), граф, консерватор, член рейхстага с 1871 г., прусский министр внутренних дел в 1878—81 и 1892—94 гг.

30. Здесь имеется в виду статья, посвященная кризисам, «Кто разрушает «основы» общества?», напечатанная во 2-м томе «Вперед».

31. Лефевр-Дюрюфле, Ноэль-Жак (1792—1877), франц. фабрикант сукон, депутат с 1849 г. и с 1851 г. министр земледелия, торговли и общественных работ, с июля 1852 г. сенатор; администратор «Промышленного общества». Рандоэн (Randoing), Жан-Батист (1798—1883), директор суконной фабрики, с 1848 г. депутат, потом префект. Оба они вместе с маркизом Радепоном и графом Катлагеном — тоже деятелями Второй империи — в качестве членов совета «Промышленного общества» были арестованы в 1873 г. и присуждены к штрафам от 6 до 10 тысяч франков каждый.

32. Окс Эмс, член вашингтонской палаты депутатов, изобличенный в плутнях в 1873 г.

33. В тексте, по ошибке, вместо продавал — предавал, что лишает фразу смысла.

34. Кольфакс, бывший вице-президент САСШ, и генерал Дикс, бывший посланник САСШ в Париже, уличенные в подкупности в 1873 г.

35. Ласкер, Эдуард (1829—1884), нем. политич. деятель, основатель национальной либеральной партии, член рейхстага.

36. Вагенер, Герман (1815—1889), тайный советник, основатель и руководитель центрального органа консерваторов «Крестовой Газеты» до 1854 г., затем вождь той части юнкерской партии Германии, которая помогала Бисмарку; крайний реакционер. Штруеберг, Беттель-

Генри (1823—1884), крупный финансист. Оба они с князем Путбусом и герцогом Бироном были изобличены в рейхстаге в 1873 г. в спекулятивных плутнях в качестве железнодорожных строителей.

37. Брукс, сановник САСШ, изобличенный в плутнях в 1873 г.

38. Карлисты в Испании — сторонники Дон-Карлоса, а во Франции — Карла X.

39. «Ватиканским узником» называл себя папа Пий IX (1792—1878), бывший кардинал Мастаи (граф Феретти), ставший папой в 1846 г.; представитель средневековой реакции, поборник светской власти пап, окончательно лишенный ее в 1870 г., когда ему были предоставлены только дворцы Ватиканский и Латеранский.

40. Чизльгорст — местечко близ Лондона, куда удалился и умер в 1873 г. бывший фр. император Наполеон III.

41. Мак-Магон, Мари-Патрис-Морис (1808—1893), герцог Маджентский, французский маршал Второй империи, сдавшийся в плен при Седане 2 сентября 1870 г. и затем во главе версальских войск подавивший Парижскую коммуну; в 1873—79 гг. президент республики. Ярый реакционер-монархист, вынужденный (вследствие изменения общественных сил) отказаться от президентской власти после двухлетней борьбы с республиканским большинством палаты депутатов.

42. Гольбах, Поль-Анри (1723—1789), барон, франц. философ-энциклопедист, наиболее последовательный представитель механистического материализма XVIII века, рационалист, атеист и враг мистицизма, но идеалист в обществ. вопросах, ждал хороших законов от просвещенного монарха; идеолог франц. прогрессивной буржуазии; главный его труд — «Система природы».

43. Юм (Hume), Давид (1711—1766), шотландский философ, историк и экономист; в философии — эмпирик-скептик и субъективный идеалист; признает практическую необходимость религии, хотя теоретически ее отрицает; в истории — сторонник наследственной монархии с дворянством без феодальных привилегий и с «упорядоченным» парламентом; в экономике — сторонник ошибочной количественной теории денег и свободы торговли (противник меркантилизма); является выразителем интересов пришедшей к власти верхушки английской буржуазии, примирившейся с дворянством и церковью и довольствовавшейся поверхностным эмпирическим познанием действительности. Главные его работы: «Исследование о человеческом уме» (1748), «Политические речи» (1751), «Естественная история религии».

44. Мастаи — имя «Ватиканского узника», папы Пия IX (см. выше 39). В 1854 г. он провозгласил догмат бессеменного зачатия богородицы, в 1864 г. опубликовал «Силлабус» — список умственных заблуждений человечества со времени средних веков, где осуждены все открытия новой науки; в 1870 г. он провозгласил догмат непогрешимости папы.

45. Константин Великий, римский император с 306 по 337 г., использовавший силу возросших в численности христиан, соединивший под своею властью всю Римскую империю, перенесший столицу (по его имени она названа Константинополем) в Византию, удобно расположенную для торговли с Востоком и свободную от республиканских традиций Рима; сделал христианство господствующей религией и в 325 г. собрал в Никее первый вселенский собор.

46. Дицген (у Лаврова — Дитцген), Иосиф (1828—1888), нем. рабочий-кожевник; в 1848 г. изучил «Коммунистический манифест» и стал сторонником Маркса; работал в 60-х годах в Петербурге, а с 1869 г. в Германии; пролетарский философ-самоучка, материалист и коммунист, автор «Сущности головной работы» (1869) и антирелигиозных памфлетов; с 1884 г. в эмиграции в САСШ. Самостоятельно пришел к принципам диалектического материализма, но иногда сочетал его с идеями «практического разума», делая уступки идеализму. Другие его работы: «История материализма», «Философия социал-демократии», «Ре-

лигия социал-демократии», «Аквизит философии». Высоко оценивался Марксом и Лениным.

47. Старокатолики — католики, отвергающие догмат непогрешимости папы, провозглашенный Пием IX в 1870 г.

48. Изабелла II, Мария-Луиза (1830—1904), с 1833 г. королева Испании, в 1868 г. свергнута революцей, в 1870 г. отказалась от прав на престол в пользу сына Альфонса XII.

49. У Лаврова — Уэстминстерская.

50. Дон-Мигуэль, Мария-Эварист (1802—1866), с 1826 по 1830 г. регент португальского королевства, провозгласивший себя королем, но в 1832 г. изгнанный из Португалии.

51. Виндгорст, Людвиг (1812—1891), до объединения Германии вел борьбу с гегемонией Пруссии, с 1871 г. глава католической партии в германском рейхстаге, выдающийся оратор, руководитель оппозиции против Бисмарка в эпоху культуркампфа; защитник интересов католического духовенства и реакционной мелкой буржуазии.

52. Штибер, Вильгельм (1818—1882), организатор кельнского процесса коммунистов в 1851 г., начальник прусской полицейской контрразведки во время франко-прусской войны 1870—71 гг., директор политической полиции, специализировавшийся на выслеживании деятелей рабочего движения и на провокации.

53. Шпенер, Филипп-Яков (1635—1705), протестантский теолог-пиетист, основатель клерикальной газеты, пользовавшейся влиянием в 1870-е годы в Германии.

54. Бернардс, германский клерикальный политический деятель 1870-х гг.

55. Доведение до абсурда.

56. Мысленная оговорка у иезуитов при присяге, делающая ее недействительной.

57. Россель, Джон (1792—1878), лорд, с 1813 г. член парламента, автор проекта избирательной реформы 1832 г., один из вождей англ. либералов, министр внутр. дел с 1835 г. и колоний — с 1839 по 1841 г., бывший между 1846 и 1866 гг. три раза премьером; защитник представительства меньшинства и реформы верхней палаты; боролся за уравнение в правах католиков с англиканцами, за отмену хлебных законов и (в интересах английских колоний) за отмену Навигационных актов 1851 г., обеспечивавших за англ. капиталом монопольное использование морского колониального транспорта. Маркс считает, что «вся жизнь лорда Росселя была жизнью притворных ходов» и что он был малодушный политик.

58. Долой папство!

59. Мермильо, епископ в Швейцарии, выпровожденный за границу в эпоху культуркампфа 70-х годов.

60. Фольтэт, член большого совета в Швейцарии, и его жена, католичка-ультрамонтанка.

61. Нерон и Диоклетиан, римские императоры 54—68 и 284—305 гг., жестоко преследовавшие христиан.

62. Грейлих, Герман (1841—1925), основатель вместе с Бюркли в 1868 г. швейцарской секции I Интернационала и в 1889 г. швейцарской с.-д. партии, сторонник правого крыла во II Интернационале.

63. Монталамбер, Шарль (1810—1870), граф, французский клерикальный публицист, защищавший иезуитов. Маркс назвал его «шефом иезуитов». В начале своей деятельности сочувствовал Ламенне, но порвал с ним после осуждения его папой.

64. Фреппель, Шарль-Эмиль (1827—1891), франц. прелат и клерикальный политич. деятель, выдающийся оратор.

65. Плантье, Клод-Анри-Огюстен (1813—1875), франц клерикальный политич. писатель эпохи 1850—60-х гг., проповедник парижского собора Нотр-Дам.

66. Гибер, Жозеф-Ипполит (1802—1886), архиепископ Парижа с 19 июля 1871 г., с конца 1873 г. кардинал, автор сборника «писем» к властям об актуальных вопросах с католической точки зрения.

67. Иннокентий III, папа в 1198—1216 гг.; как и папа Григорий VII (см. 139 в т. II), горячий сторонник верховенства папской власти над императорской; объявил себя наместником Христа, поднял 4-й крестовый поход в Палестину, покровительствовал монашеским орденам.

68. Монсабре (1827—1907), франц. доминиканец-священник, проповедник в церкви парижской богоматери в 1873—90 гг.

69. Жиронне, франц. доминиканец-священник, проповедник-роялист 1870-х годов.

70. Дебора и Юдифь, легендарные еврейские женщины—героини библейских сказаний.

71. Ревивали — временные вспышки религиозного чувства у лиц, погруженных в житейскую суету.

72. Базен, Ашиль (1811—1888), франц. маршал, сдавшийся в плен в Меце со 170 000-ой армией во время франко-прусской войны 1870 г. и за это приговоренный судом в 1873 г. к пожизненному заключению, но бежавший из крепости за границу.

73. Ламармора, Альфонсо-Феррера (1804—1878), маркиз, итал. генерал, усмиритель республиканского восстания в Генуе в 1848 г., руководитель итальянского правительства в 1864—66 гг., главнокомандующий в войне Италии с Австрией в 1866 г., главный виновник поражения 24 июня при Кустоцце.

74. Деказ, Луи-Шарль-Эли (1819—1886), герцог, реакционер, представитель партии орлеанистов после 1848 г., член Национ. собрания 1871 г., министр иностр. дел Франции в 1873—77 гг., помогавший в 1877 г. попытке свержения республики со стороны буланжистов.

75. Наполеон IV, Евгений-Луи-Жан-Жозеф (1856—1897), единственный сын Наполеона III.

76. Одифре-Пакье, Гастон (1823—1905), герцог, член Французской академии, консервативный госуд. деятель.

77. Ранк, Артюр (1831—1908), журналист, боролся против Империи, был в ссылке до 1859 г., в 1861—65 гг. бланкист, близкий к членам Интернационала; мэр 9-го округа после революции 4 сентября 1870 г., депутат Нац. собрания с 8 февраля 1871 г. (сложил полномочия); был избран в члены Парижской коммуны 26 марта от 9-го округа и Коммуной — в члены комиссий внешних сношений и юстиции с 29 марта, но 6 апреля подал в отставку, не будучи согласен с направлением Коммуны во многих пунктах и «не желая создавать разногласий в момент, когда республика больше всего нуждается в единстве действий». После поражения Коммуны его фактически не преследовали. 30 июля 1871 г. он был избран членом муниципального совета 11-го округа Парижа и, кроме того, занимался писательством, ратуя за амнистию коммунаров; депутат в 1873 и 1881 гг.

78. Генрихом V легитимисты называли графа Шамбора (см. выше 16).

79. Омальский, герцог, Анри-Эжен-Луи Орлеанский (1822—1897), сын франц. короля Луи-Филиппа, живший в эмиграции в Англии с 1848 г., но в 1871 г., после поражения Коммуны, вернувшийся во Францию.

80. Сулук (1782—1867), негр-император на острове Гаити-сан-Доминго с 1849 г., отличавшийся страшной кровожадностью и глупостью и низвергнутый восстанием в 1859 г.

81. Мольтке, Карл-Бернгард (1800—1891), граф, прусский генерал-фельдмаршал, начальник главного штаба, ближайший сотрудник Бисмарка, подготовивший планы войн 1864, 1866 и 1870—71 гг.; консервативный депутат рейхстага, монархист и пруссак.

82. Фридрих-Карл (1828—1885), прусский принц, племянник герм. императора Вильгельма I, подавил баденское восстание в 1849 г.; жестокий прусский генерал, участник войн 1866 и 1870—71 гг.

83. Малинкродт, Герман (1821—1874), германский госуд. деятель партии центра.

84. Даниил, легендарный еврейский пророк, якобы предсказавший вавилонскому царю Валтасару близкую гибель на основании таинственных надписей «мани, текел, фарес» на стене его дворца (относится к 618—530 гг. до хр. эры).

85. Фразер, епископ манчестерский, кокетничавший оппозицией правительству и защитой рабочих в 1870-х гг.

86. Пиль (Peel), Роберт (1788—1850), англ. госуд. деятель, глава консерваторов в парламенте; потом сблизился с либералами и провел эмансипацию католиков и снижение хлебных пошлин, за что пользовался большой популярностью.

87. Ребук, буржуазный государственный деятель Англии, враг рабочих.

88. Брайт, Джон (1811—1889), англ. либеральный госуд. деятель, вождь движения за свободу торговли, противник восточной политики Дизраэли. Вместе с Кобденом основал в 1839 г. Лигу борьбы против хлебных законов.

89. Гошен и Гент, первые лорды адмиралтейства в Англии в 1870-е годы. Из них Гошен, Джордж-Иоахим (род. в 1831 г.) — экономист, автор книги «Теория внешнего обмена» (1876), с 1885 г. депутат-консерватор.

90. Сэндгорст, лорд, начальник войск в Ирландии, уличенный в плутовстве в англ. парламенте в 1874 г.

91. Эйльсфорд, лорд, начальник варвикширской милиции, прославившийся своим скандальным поведением в 1870-е годы.

92. Алдермен (у Лаврова — Альдермэн), глава ремесленного цеха; позднее член городского самоуправления в Англии и в САСШ.

93. Теннисон, Альфред (1809—1892), популярный английский поэт, сын пастора, возведенный в лорды за аристократические тенденции и увенчанный королевой Викторией лавровым венком, как придворный поэт; его поэзия гармонии и успокоения вполне соответствовала вкусам преуспевавшей во 2-й половине XIX века английской буржуазии.

94. Рейнольдс, Джордж-Вильям (1814—1879), английский радикал, примыкавшей к чартистам, редактор лондонской газеты «Reynolds Newspaper» (газета Рейнольдса), в которой печатались иногда отчеты о заседаниях Генер. совета Интернационала.

95. Горчаков, Ал-р Мих. (1798—1883), светлейший князь, бездарный дипломат, враг реформ и слуга дворянства; в 1856—82 гг. министр иностр. дел, с 1867 г. госуд. канцлер, враг объединения Италии. Сначала ориентировался на союз с Францией в надежде на пересмотр Парижского мира 1856 г.; после выступления Наполеона III в защиту поляков в 1863 г. стал опорой Пруссии в ее стремлении создать империю и воспользоваться ее поддержкой для отмены ограничения русских морских сил в Черном море. В 1876—77 гг. пытался предотвратить войну с Турцией, а по ее окончании на Берлинском конгрессе 1878 г. согласился на пересмотр Сан-Стефанского мирного договора, уступив Австрии и Англии плоды побед России.

96. «Кому принадлежит будущее. Разговор последовательных людей», как видно из письма Лаврова к Штакеншнейдер от 16 февраля 1872 г., носило сначала заглавие «Последовательные люди» и предназначалось Лавровым для легального журнала, сначала для «Дела», потом для «Вестника Европы». В первоначальном своем виде эта статья состояла «из следующих элементов: письмо помещика в редакцию при доставке рукописи; донесение шпиона высшего сорта некоему дипломату о собрании, при котором шпион присутствовал; четыре речи (подслушанные шпионом) представителей четырех противоположных мнений в самой резкой их форме, именно: умного буржуа, интернационалиста, духовного фанатика и позитивиста». Так как из

статьи не было видно, «чтобы то или иное направление хвалилось; напротив, и помещик, и шпион относятся ко всем четырем с порицанием», то Лавров надеялся, что статья может быть напечатана в «Деле». Но там она не прошла, так как цензор С. С. Юферов 22 марта 1872 г. отозвался о ней, что она «не может быть допущена в подцензурном издании», и вот Лавров просил редакцию «Дела» доставить рукопись Штакеншнейдер, а эту последнюю произвести в рукописи некоторые изменения и найти кого-нибудь, «кто взялся бы представить статью в «Вестник Европы», как свою... Если удобнее поместить в другом журнале, то я и на то согласен, лишь бы не искажена была статья совсем неподходящими прибавками к речам или сокращением одной речи, напечатав остальные, и т. п.». Но, повидимому, ни в «Вестнике Европы», ни в другом журнале статья не печаталась, хотя была уже набрана. (Недавно эту статью нашел в архиве цензуры Б. П. Козьмина, напечатавший ее в сборнике «Звенья», I, изд. «Academia». М.-Л. 1932, стр. 413—458 с предисловием и примечаниями).

5 (17) июля 1872 г. Лавров пишет Штакеншнейдер: «...У меня завязались еще литературные сношения (намек на решение Лаврова стать редактором «Вперед»), и, кажется, «Последовательные люди» увидят свет даже полнее, чем корректура, которую вы имеете и в которой весьма многое выброшено. Если вам в будущем откуда бы то ни было пришлют статью, то храните ее, а я напишу, что с ней делать».

Если сравним план статьи, как он изложен в письме к Штакеншнейдер, с тем, что напечатано во «Вперед», то увидим, что письмо помещика в редакцию и донесение шпиона, как написанные из цензурных соображений, вовсе выброшены, зато к речам буржуа, интернационалиста, духовного фанатика и позитивиста добавлены: завещание учителя «последовательных людей», письма художника и государственного человека и речь русского революционера, полная веры в скорый успех социалистической революции.

Статья эта неоднократно переиздавалась и за границей, и в России и считалась одним из лучших популярных изложений социализма. Но необходимо отметить, что она носит в себе и следы утопизма Лаврова, присущие ему всякий раз, когда он говорит о будущей социальной революции в России: Лавров находит, что «наша социальная революция должна выйти не из городов, а из сел», и стоит за немедленное уничтожение государства (от последнего он вскоре отказался). В этой же статье Лавров сводит исследование общественных явлений к изучению способов удовлетворения потребностей личности — мысль, встречающаяся у Лаврова, как и у Чернышевского, и характеризующая отсталость их общесоциологических взглядов по сравнению с марксизмом.

97. Джулио — герой произведения Лаврова «Кому принадлежит будущее?», первостепенный живописец.

98. Антонелли, Джакомо (1806—1876), кардинал игравший в начале 1870-х годов большую роль в борьбе папы с испанским правительством; по происхождению сын пастуха.

99. У Лаврова вместо дипломатия — дипломация.

100. «Адам» — произведение Микель-Анджело Буонаротти (1475—1564), знаменитого итал. художника, одновременно живописца, скульптора и архитектора, основателя новейшего искусства; грандиозность замыслов, построение на основе борьбы контрастов, драматичность его произведений были отражением социальных противоречий Италии XVI века, борьбы папского самодержавия с гуманистическим движением.

101. Намек на срок в три месяца, которые дали рабочие временному правительству во Франции сейчас после февральской революции 1848 года.

102. Здесь слово «случае», по очевидной ошибке наборщика, в тексте «Вперед» пропущено.

103. Антиохи — имя четырех сирийских царей династии Селевкидов, царствовавших с 281 до 164 г. до хр. эры.

104 Аттила (у Лаврова — Атила), царь гуннов с 433 до 453 г., державший в страхе все государства Европы, опустошивший Восточную Римскую империю, Германию и Галлию; создал государство от Волги до Рейна, но после его смерти оно распалось.

105. Гензерих, король вандалов с 427 по 477 г., опустошавших Европу.

106. Палисси, Бернар (1510—1589), фр. горшечник, открывший способы обжигания и эмальирования, керамист и живописец на стекле.

107. Колумб, Христофор (1446—1506), знаменитый мореплаватель, убежденный в шарообразности земли, совершивший 4 экспедиции на дальний запад и открывший Америку, хотя сам он умер в убеждении, что открыл лишь новый путь в Индию.

108. Мальтус, Роберт (1766—1834), священник, англ. экономист, защитник привилегий буржуазии, автор «Опыта о законе народонаселения» (1798), где доказывалось, что нищета народных масс — следствие не недостатков общественного строя, а слишком большой рождаемости и перенаселения, тогда как средств на пропитание нехватает. Для борьбы с нищетой рекомендовалось воздержание от деторождения, а не революционная борьба с капиталистами. Теорию М. опроверг Маркс, доказавший, что корень нищеты масс в эксплоатации их капиталистами и в бесплановости и анархии производства.

109. Отсюда и дальше до конца фразы в тексте, по очевидной ошибке корректора, напечатано: «стремление», «борьбу», «ненависть», «разрушение», вместо: «стремления», «борьбы», «ненависти», «разрушения».

110. «Улица Ломбард», где живут в Лондоне представители крупного капитала.

111. «Потерянные силы революции» — это статья, направленная против проповедников «малых дел», например, устройства артелей и школ для облегчения положения народных масс в рамках земского и городского самоуправления, в совершенно легальных условиях. В своем ответе Ткачеву 1874 г. (стр. 50) Лавров указывает, что «Потерянные силы революции» направлены против «легалистов» как идущих по пути, который не может привести к «нашей» цели, хотя они и не «враги». Лавров сам пережил на опыте своей работы в качестве члена разных артелей и обществ грамотности и, наконец, земского и городского гласного все разочарования в возможности какой-либо основательной работы для народа на легальном пути, и потому его статья имеет и известный автобиографический интерес.

Но Лавров не отрицает огулом всякую деятельность в рамках легальности, а лишь такую, которая не использует ее для революционной пропаганды, чем пробовал заниматься и Лавров в эпоху своей легальной общественной работы. Отвлечение молодежи от революционного пути внушением ей мысли о необходимости действовать на легальной почве Лавров считает вредным для народа. Эта статья особенно важна для понимания того, насколько не прав Б. П. Козьмин, утверждающий, будто Лавров, в отличие от «революционеров того времени», считал, что «долг, лежащий на интеллигенции», может быть оплачен и «деятельностью врача, народного учителя и т. д., вплоть до деятельности чиновника, честно относящегося к своим обязанностям и старающегося ограждать интересы народа» (см. «От 19 февраля к 1 марта». М. 1933, стр. 156).

112. Здесь имеется в виду граф Андрей Павлович Шувалов (1816—1876), флигель-адъютант, предводитель дворянства Петербургской губернии, председатель губернского земского собрания, автор несколь-

ких работ по сельскому хозяйству в «Трудах Вольно-экономического общества», либерал, высланный за границу за свои речи в земстве. Его Лавров лично знал по работе в петербургской городской думе и земстве в 1865 г. и дал оценку его бесплодной легальной деятельности в статье «Три могилы» в № 33 «Вперед» от 3 (15) мая 1876 г.

113. Разумеется Иван IV Грозный (см. 206 в т. I), Борис Федорович Годунов (1551—1605) и Алексей Михайлович (см. 333 в т. I). Годунов стал фактическим правителем Московского царства с 1584 г., когда умер Иван Грозный и его преемником стал его слабоумный сын Федор, женатый на сестре Годунова Ирине. До смерти Федора в 1589 г. Годунов был выразителем интересов среднего дворянства и «посадских людей» (городской буржуазии), которые и избрали его царем на «земском соборе». В их интересах Годунов издал ряд законов, стеснивших передвижение крестьян и способствовавших установлению крепостного права. Став царем в 1589 г., Годунов пытался опереться на крестьян, облегчив их подати, устраивая общественные работы и раздачу хлеба из казны во время голода и т. п. Но удовлетворить интересы крестьян Годунов все же не мог, а дворяне и посадские, недовольные его политикой по отношению к крестьянам, отвернулись от него. Лишенный классовой опоры и угнетенный сознанием своего бессилия, Годунов умер.

114. Тушинский вор — презрительная кличка, данная дворянами и купцами расположившемуся под осажденной Москвой в селе Тушине самозванцу Лжедимитрию II (настоящее имя его неизвестно), выдавшему себя в 1607 г., при царе Василии Шуйском, за спасшегося царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, и быстро объединившего вокруг себя десятки тысяч восставших крестьян и казаков, которых он призывал бить «изменников-бояр» и захватить их земли. Лишь весной 1610 г. войскам Шуйского удалось оттеснить восставших от Москвы, причем Лжедимитрий II был убит во время охоты, но и после этого восстание еще продолжалось при новых вождях.

115. Разумеется царь Василий Иванович Шуйский, избранный царем в 1606 г. и низложенный в 1610 г.; ставленник боярско-купеческо-посадского блока, составившегося для борьбы против крестьянско-казацкого движения, он был низложен после отхода от блока купцов и части дворян.

116. «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского Лаврову были привезены Г. А. Лопатиным и напечатаны Лавровым во II томе «Вперед» и отдельной брошюрой, чтобы дать им «возможно широкое распространение». В «Предисловии от редакции» к этим «Письмам» Лавров выразил то высокое мнение, которое он имел о Чернышевском (между прочим, он считал его «заметным уяснителем сложных задач социологии в эпоху между главными произведениями Прудона и основными трудами Маркса). Интересно сопоставить это «Предисловие» с позднейшей большой статьей «Н. Г. Чернышевский и ход развития русской мысли», напечатанной Лавровым в нью-йоркской рабочей газете «Знамя» в 1890 г. (см. ее в VII томе настоящего издания) и доказывающей, как высоко Лавров ценил Чернышевского как мыслителя и революционера.

117. Книжка «По поводу самарского голода» составилась из статей Лаврова в отделе «Что делается на родине» во II и III томах «Вперед», которые он для отдельного издания несколько переработал и дополнил. Книжка эта представляет довольно обстоятельное исследование о положении сельского хозяйства и крестьянства не только в Самарской губернии, но и во всей России во время голода 1873—74 гг., исследование, основанное на русских газетных и журнальных корреспонденциях и массе официальных материалов начала 1870-х годов. Для историков нашего сельского хозяйства материал этот ценен и теперь. Кроме того, в книжке мы находим критику мер,

принятых против голода, критику податной политики царя, его государственных расходов, его трат на вооружения, на церкви, на пособия капиталистам, на роскошь двора; разоблачение всего лицемерия «освобождения» крестьян, критику земского и городского самоуправления, отрицательную характеристику русской интеллигенции и русской прессы. При этой дискредитации царской политики и русских легальных деятелей доказывается, что вся суть не в личности царя, а во всей системе буржуазной власти. Книжка призывает к возмущению против этой системы и против царя, как ее представителя, и указывает, что единственный путь спасения масс — социалистическая революция. Книжка эта — образчик политической *публицистики* Лаврова, написанной живо и талантливо. Как видно из указаний провокатора Балашевича-Потоцкого, Лавров хотел издать эту книжку и на иностранных языках, но ему не удалось это осуществить.

118. Мария Николаевна (1819—1876) и Александра Иосифовна — великие княгини, участвовавшие в комитетах помощи нуждающимся.

119. Овчинников — владелец крупнейшего магазина драгоценных изделий в Петербурге 1870-х годов.

120. Мещерский, Владимир Петрович (1839—1914), князь, редактор реакционной газеты «Гражданин», враг даже самых умеренных либеральных реформ, оказывавший влияние на назначения царем министров и других сановников.

121. Автор «Мертвого дома», точнее, «Записок из мертвого дома»,— Фед. Мих. Достоевский (1822—1881), сосланный на каторгу по делу Петрашевского и описавший каторжную тюрьму; яркий представитель части интеллигенции, близкой к реакционерам-славянофилам.

122. Имеется в виду соиздатель и сотрудник «Моск. Ведомостей» Каткова с 1865 г. Павел Михайлович Леонтьев (1822—1875), профессор римской литературы Московского университета, филолог и публицист-реакционер, боровшийся для спасения молодежи от «язвы материализма» за классическое образование; содействовал Каткову при основании им журнала «Русский Вестник».

123. Валаам — легендарный пророк Библии, невольно прорицавший противное тому, что он хотел.

124. Алабин, Петр Влад. (1824—1896), управляющий гос. имуществами Самарской губ. в 1870 г., затем городской голова в Самаре, автор военных мемуаров.

125. Ржанов — помещик Бугурусланского уезда Самарской губ., корреспондент «Моск. Ведомостей» в 1870-х гг.

126. Кузьмин — председатель губернской земской управы в Самаре в начале 1870-х годов, реакционер.

127. Городецкий, Чембулатов — гласные губ. земства в Самаре в 1870-х гг.

128. Н. Г. Мордвинов — помещик Самарской губернии, казначей «дамского комитета» помощи голодающим в Самаре в 1874 г.

129. Это не Аксаков, Иван Сергеевич (1823—1886), известный славянофильский публицист, член Московского славянского комитета в 1870-е годы, обличавший злоупотребления администрации, а его родственник или однофамилец, бывший самарский губернатор, упоминаемый и дальше.

130. Николаев — помощник удельного управляющего в Самаре.

131. Иванов, Трофим, и Баландин, Лазарь — крестьяне Бузулукского уезда Самарской губернии, умершие от голода.

132. Опочинина — помещица Бугурусланского уезда Самарской губернии в 1870-е годы.

133. Рагозин, Евг. Ив., экономист, соиздатель газеты «Неделя» в 1872—74 гг., Шмерлинг, Лоде, Кокорев, ген. Фролов — члены Петербургского комитета помощи голодающим в 1874 г. Кокорев, Вас. Ал-рович (1817—1889), богатый откупщик.

134. Граф Орлов-Давыдов, Влад. Петр., и генерал-от-артиллерии Яфимович 1-й — члены общества попечения о больных и раненых в Петербурге в 1874 г.

135. Шейлок — герой драмы Шекспира «Венецианский купец», беспощадный ростовщик.

136. Шварц — делопроизводитель Лифляндского центрального комитета помощи голодающим в 1874 г.

137. Фон-Бруммер — агроном 1870-х гг. и переводчик с шведского языка.

138. Герасим — епископ самарский и ставропольский в 1870-е годы.

139. Тимашев, Александр Егор. (1818—1893), генерал-адъютант, с 1856 г. управляющий III отделением, а в 1868—78 гг. министр внутренних дел; ограничил права земства, стеснил печать, усилил влияние III отделения.

140. В тексте, по ошибке, вместо «Мензелинском» напечатано «Менделеевском».

141. В тексте здесь и далее «оренбургцев» вместо «оренбуржцев».

142. Крыжановский, Николай Андр. (1818—1888), генерал-от-артиллерии, уфимский губернатор в 1870-е годы и затем оренбургский генерал-губернатор.

143. Погибай весь мир!

144. Абаза, Н. С., бывший херсонский губернатор.

145. Константинов — городской голова в Бердянске, в Крыму, в 1874 г.

146. Бланк, Григ. Борис. (1811—1889), дворянский публицист-крепостник 1870-х годов.

147. Васильчиков, Ал-р Иллар. (1818—1881), князь, публицист либерально-народнического направления и земский деятель 1865—72 гг., автор ряда работ по вопросам аграрному, местного самоуправления и народного образования; в с.-х. кредите видел панацею против «распадения крестьянского сословия», т. е. общины, подвергал капитализм реакционной критике, был врагом революционного движения.

148. Тургенев, Л. Б., самарский помещик 1870-х годов.

149. В тексте, по ошибке, А. Н. Васильчиков. См. примеч. 147.

150. Лугинин, Влад. Федор. (род. в 1840 г.), бывший в сношениях с Герценом, известный земский деятель, основавший в Ветлужском уезде Костромской губ. первое в России сельское ссудо-сберегательное товарищество шульце-делического типа, автор «Практического руководства к учреждению сельских и ремесленных банков» (1869) и вместе с А. В. Яковлевым книги «Сельские ссудные товарищества» (1870).

151. Лебёф, Эдмонд (1809—1888), франц. генерал, во время франко-прусской войны взятый в плен вместе с Мак-Магоном и Базеном. У Лаврова — Лебэф.

152. Климов, Фед. Дмитр., самарский губернатор, получивший позорную известность своим бездействием во время голода 1873—74 гг.

153. В тексте, по очевидной ошибке, напечатано: «из газет».

154. С—н — мировой посредник Самарского уезда, преданный суду в 1874 г. за телесную расправу с крестьянами. Полную фамилию установить трудно.

155. Д. Ф. Самарин и упоминаемые в последующем тексте Федоров, Тарасов, Юнг, Ильин, Аксенов, Н. М. Щепкин, Шипов — гласные московской городской думы в 1874 г.

156. Слово «нужно» в тексте, по очевидной ошибке корректора, пропущено.

157. Черкасский — гласный московской городской думы в 1874 г.

158. Патти, Аделина (1843—1919), знаменитая итальянская оперная

певица, уроженка САСШ, дебютировала в Нью-Йорке в 1859 г., с 1861 г. выступала во всех столицах главных стран Европы и Америки.

159. Доротт — владелец ресторана в Петербурге в 1870-х гг.

160. Духинов — самарский купец-миллионер 1870-х годов, поставщик хлеба самарской управе в 1874 г.

161. Остроуховы — самарские крестьяне 1870-х годов.

162. Булатов — скупщик смолы в Шенкурске Арханг. губ. в 1870-х гг.

163. Равич, Иосиф Ипполитович (1822—1875), ординарный профессор ветеринарии.

164. О каком именно профессоре Сергееве идет здесь речь, не удалось установить.

165. Баталин, Федор Ал-рович (1824—1895), с 1860 г. редактор «Журнала министерства госуд. имуществ», переименованного позднее в «Сельское хозяйство и лесоводство», и «Земледельческой Газеты», писатель по с.-х. вопросам; в 1875—78 гг. издавал ежегодник «Справочная книга для сельских хозяев», с 1879 г. так называемый «Календарь Баталина» («Календарь и справочную книжку русского сельского хозяина»).

166. Гедеонов, Ив. Мих. (1816—1890), генерал-от-инфантерии, сенатор, председатель Общества сельских хозяев.

167. Бажанов, Алексей Мих. (1820—1889), агроном, профессор Лесного института, автор работ «Начальные основания ботаники» (1859), «Что можно заимствовать у иностранцев по части земледелия» (1863), «Руководство к разведению крупного рогатого скота» (1867) и др.

168. Советов, Ал-р Васил. (1826—1901), агроном, с 1859 г. профессор Петерб. ун-та, редактор «Трудов Вольно-экономич. об-ва», председатель с.-х. отделения этого Об-ва и автор ряда книг по сельскому хозяйству.

169. Стебут, Иван Ал-рович (1833—1925), крупнейший агроном, профессор Петровской земледельческой академии в Москве, редактор журнала «Русский сельский хозяин», автор многих книг по сельскому хозяйству, из которых главная — «Основы полевой культуры и меры к ее улучшению в России» (1873 г.).

170. Янсон, Юлий Эдуард. (1835—1893), профессор-экономист и статистик, с 1881 г. заведывал статистич. бюро петербургской губернской земской управы, участник нескольких международных статистических конгрессов и Комиссии по исследованию кустарной промышленности в России, организатор петербургской переписи 15 декабря 1890 г.; главные его работы: «О значении теории ренты Рикардо» (1864), «Сравнительная статистика России и западно-европейских государств» (1878—80), «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» (1877), где ратовал за уменьшение выкупных платежей с крестьян.

171. Кочубей, Петр Аркадьевич (1825—1892), председатель Русского технического общества, бывший профессор химии в 1850-х годах.

172. Чаславский, Вас. Ив. (1834—1879), редактор статистического отдела департамента земледелия и сельской промышленности, ученый этнограф, член Вольно-экономического общества и литератор, участник экспедиции по исследованию хлебной торговли и производительности России, автор работ «Земледельческие отхожие промыслы» (1876) и «Вопросы русского аграрного устройства» (1878 г.), близких к народничеству.

173. Максимов, Сергей Васил. (1831—1901), писатель-этнограф и путешественник, изучавший местный быт и раскол. В 1862 г. в связи с приездом из Лондона (по собственной инициативе) в Москву и Петербург весной этого года, сотрудника «Колокола» Вас. Ив. Кельсиева (1835—1872) для организации старообрядческой молодежи и революционных кружков (поездка эта не дала серьезных результатов) Макси-

мов привлекался по делу о сношениях с Герценом и Огаревым и был под секретным надзором полиции до конца 1864 г. Повидимому, Лавров знал лично Максимова в 1862 г., как имевшего сношения с Герценом, с которым и у самого Лаврова были сношения.

174. Суворов-Рымникский, князь италийский, граф, Александр Аркадьевич (1804—1882), адъютант Николая I, в 1861—66 гг. генерал-губернатор Петербурга, имевший славу гуманного чиновника; в 60-е годы он не сочувствовал политике графа Муравьева, крайнего реакционера. Ему-то писал Лавров в марте 1869 г. из ссылки, прося его исходатайствовать ему у царя разрешение уехать за границу. Суворову писал из крепости 20 ноября 1862 г. и Н. Г. Чернышевский.

175. Бараньон, Луи-Нюма (род. в 1835), член Нац. собрания 1871 г. от легитимистов и клерикалов, реакционер, боровшийся с министром иностр. дел Жюлем Фавром; с ноября 1873 г. был пом. секретаря министра внутр. дел, потом секретарем министерства юстиции, в 1882 г. назначен председателем совета администрации банка «Французский кредит».

176. Фавр, Жюль (1809—1880), франц. адвокат, буржуазный республиканец, один из главарей оппозиции против Империи, министр иностранных дел 1870-х годов, непримирмый враг Коммуны 1871 г., преследовал членов Интернационала.

177. Моя вина, мой грех — в смысле покаянного признания в вине.

178. Имеется в виду «Вестник Европы», выходивший с 1866 г. по 1918 г. под редакцией М. М. Стасюлевича, а с 1909 г. — К. К. Арсеньева.

179. Любимов, Николай Алексеевич (1828—1897), автор «Истории физики» и публицист «Русского Вестника» Каткова.

180. Щебальский, Петр Карлович (1810—1886), историк и реакционный публицист, родственник П. Л. Лаврова.

181. Воскобойников, Ник. Ник. (1838—1882), реакционный публицист, сотрудник газеты «Моск. Ведомости».

182. Држевецкий, Александр Игнатьевич (1837—1885), доктор медицины, сверхштатный ординатор Мариинской больницы в Петербурге с 1875 г., автор статей в журнале «Знание» за 1872 г. и в специальных медицинских изданиях.

183. Коле (Colet), Луиза (1808—1876), известная франц. детская писательница, революционерка. У Лаврова, по ошибке Коллэ.

184. Португалов, Вениамин Осипович (1835—1896), врач-гигиенист и публицист, неоднократно арестовывавшийся правительством в 1858, 1860, 1862 и 1874 гг.; в 1874 г. служил губернским земским врачом в Вятке.

185. Слов «их отклик» нет в тексте, но они, очевидно, пропущены по ошибке корректора, так как без них строй фразы совершенно неправильный.

186. Во что бы то ни стало, даже в крайнем случае.

187. Брошюра «Русской социально-революционной молодежи» написана Лавровым в ответ на вышедшую в апреле 1874 г. брошюру Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России», где Лавров выставляется в виде бывшего либерала, чуть ли не реакционера, не знающего революционной молодежи и неспособного быть редактором революционного журнала. На личные нападки Лавров вовсе не отвечает Ткачеву, а Энгельс назвал их «ребячеством». Лавров отвечает Ткачеву принципиально, отвергая его демагогизм и склонность к вспышкопускательству. В противовес Ткачеву, не понимавшему тактики Маркса в I Интернационале и отзывавшемуся о «немецкой программе Интернационала» и о немецком социал-демократическом рабочем движении с пренебрежением, как о мечтающем о «бескровной революции» (обычное обвинение бакунистов начала 70-х гг.), брошюра Лаврова подчеркивала *революционный* характер социал-демократиче-

ского рабочего движения и доказывала, что нарастание господства буржуазии в России неизбежно вызовет и нарастание революционного движения, как это было и в Западной Европе. Здесь же даны прекрасные определения того, что надо разуметь под пропагандой и агитацией и чем должен быть социально-революционный журнал. К слабым местам брошюры относится ряд мест против диктатуры и государственной власти вообще, от которых сам Лавров вскоре отказался, развив в «Госуд. элементе» противоположные взгляды. Фридрих Энгельс в своей статье в «Volksstaat» в октябре 1874 г., отозвавшись на полемику Ткачева с Лавровым, принял сторону последнего, хотя при этом и упрекал его в эклектизме и в занятии нейтральной позиции в споре Маркса против Бакунина. Впоследствии и Плеханов, полемизируя с «Бундом» по поводу усилившихся в нем симпатий к террору (после порки демонстрантов в Вильне при фон-Вале), направил против него цитату из брошюры Лаврова против Ткачева.

Брошюра эта, как сообщает Лавров в «Народниках-пропагандистах», была набрана в одни сутки «бывшим военным, по прозвищу «капитан» (это был бывший артиллерийский офицер М. И. Янцын, технический сотрудник журнала «Вперед»). Судя по этому факту, квалифицируемому Лавровым, как «невероятный подвиг», и по тому, что вся молодежь, обслуживавшая «Вперед», единодушно отвергала все претензии Ткачева на участие в редакторстве «Вперед», можно думать, что в то время редакторство Лаврова считалось его сотрудниками образцовым и даже вызывало энтузиазм.

188. В тексте запятая поставлена после слова «его», но это, несомненно, является ошибкой, вызванной большой спешностью набора брошюры.

189. В тексте слова «Что делается на родине» напечатаны без кавычек и без большой буквы, что является очевидной ошибкой наборщика и корректора. Статьи «Что делается на родине?» в I томе «Вперед» написаны самим Лавровым, и цитирует он в них на стр. 6 «неизвестного» корреспондента.

190. Автором этой статьи был Валерьян Николаевич Смирнов (1850—1900), главный сотрудник «Вперед» после Лаврова; был исключен из 4-го курса медиц. факультета Моск. университета за участие в студенческих беспорядках осенью 1869 г., участвовал в нечаевской организации, арестован в феврале 1870 г., но через 4 месяца выпущен на поруки и в июне 1871 г. бежал в Цюрих, где стал сторонником Лаврова.

191. Автор статьи «Потерянные силы революции» — сам Лавров. Отсутствие точных указаний на авторов статей «Вперед» объясняется, повидимому, и соображениями конспирации и желанием скрыть тот факт, что в это время (после выхода II тома «Вперед») у этого журнала еще было мало литературных сотрудников и большинство статей в двух книгах его было написано самим Лавровым.

192. Каиафа — первосвященник у евреев, при котором якобы был распят на горе Голгофе, близ Иерусалима, легендарный Христос. К. носил нагрудник, украшенный алмазами и имевший якобы магическую силу.

193. Пилат, Понтий, римский наместник Иудеи, согласно евангельской легенде, отдавший Христа на распятие, хотя и неохотно, «умывши руки». И Ткачев, и Лавров, как и все революционеры их эпохи, воспитанные на евангельских легендах, невольно используют образы этих легенд, хотя сами не относятся к ним иначе, как к мифам.

194. Первый орган издавался социалистической рабочей партией Германии в Лейпциге, второй — социально-демократической рабочей партией Австрии в Вене, третий — швейцарским рабочим союзом в Цюрихе.

195. Кук — деятель английского рабочего и крестьянского движения 1870-х гг. Других сведений о нем нет.

196. В настоящем томе см. страницы 154, 157, 158.

197. Спартак — предводитель рабов, восставших против римлян в 73—71 гг. до хр. эры; нанес несколько поражений римским войскам, но в конце-концов был ими побежден.

198. Намек на нечаевцев, поскольку речь идет об обмане народа и товарищей, и намек на самого Ткачева, возбуждавшего страсти «старого наслаждения без труда», как это видно из дальнейшего.

199. В эпоху Лаврова слово «авторитетный» часто употреблялось в современном нам значении «авторитарный». Здесь это слово надо понимать именно в значении «авторитарный».

200. Попытка князей Долгоруких, или Долгоруковых, и других членов верховного тайного совета, отражавших интересы родовитого боярства, при Анне Ивановне (1693—1740), дочери царя Ивана Алексеевича и овдовевшей жены курляндского герцога, заключалась в том, что, желая ограничить императорскую власть, чтобы удержать ее в своих руках, они пригласили А. И. на императорский престол России на известных условиях; она же, став императрицей в 1730 г., разорвала эти условия, уничтожила верховный тайный совет и правила самодержавно-террористически через своего жестокого фаворита Бирона. Ее царствование ознаменовано реакцией, отразившей интересы небольшой кучки придворной феодальной знати и главным образом иностранцев.

201. Анна Леопольдовна (1718—1746), внучка царя Ивана Алексеевича, жена брауншвейгского герцога, сделалась правительницей России в 1740 г. за своего малолетнего сына Ивана Антоновича, но путем дворцового переворота в ночь 25—26 ноября 1741 г. свергнута Елизаветой Петровной и сослана в Холмогоры.

202. Шетарди, Иоахим-Жак-Тротти (1705—1758), маркиз, французский посланник в Петербурге в 1739—43 гг., содействовавший свержению Анны Леопольдовны и восшествию на престол Елизаветы Петровны.

203. Орловы, Григорий Григ. (1734—1783) и Алексей Григ. Чесменский (1737—1807), графы, приняли деятельное участие в дворцовом перевороте 1762 г. при свержении Петра III и замене его Екатериной II. Первый был фаворитом Екатерины II, второй впоследствии за истребление турецкого флота под Чесмою во время русско-турецкой войны 1769—74 гг. получил прозвище «Чесменский».

204. Зубовы, Платон Ал-рович (1767—1822), князь, фаворит Екатерины II, и Николай Ал-рович (1763—1805), граф, обладавший громадной физической силой, были участниками заговора против Павла I, в результате коего последний был 11 марта 1801 г. убит и на престол вступил Александр I, знавший о заговоре.

205. Имеется в виду Иосиф II, с 1765 г. римско-германский, а с 1780 по 1790 г. и австрийский император, представитель «просвещенного абсолютизма», проведший сверху в интересах торгового капитала ряд реформ, но при этом сильно притеснявший разные национальности и тем вызвавший отпадение Бельгии и восстание в Венгрии. К концу жизни отменил большинство своих реформ.

206. См. выше примеч. 199.

207. Имеется в виду «Летопись рабочего движения». В тексте, по ошибке, слово «Летопись» напечатано с малой буквы и без кавычек.

208. В тексте, по очевидной опечатке, напечатано «нынешним».

209. Разумеются сочинения Герцена, А. И. (см. примеч. 19 в I томе).

210. Разумеется «Международная ассоциация рабочих», т. е. I Интернационал.

211. Под заглавием «О польском вопросе», придуманном мною и потому заключенным в прямые скобки, даны 2 отрывка: 1) из заме-

ток «От редакции» в конце III тома «Вперед» (стр. 148—150) и 2) из статьи Лаврова в том же томе «Благодушное правительство и его лакеи» (стр. 101—103), на которую ссылается заметка «От редакции». Отрывки эти интересны для характеристики интернационализма Лаврова и его отношения к национальному вопросу. В частности, интересны упреки Лаврова бывшему генералу Коммуны и члену Генерального совета Интернационала Врублевскому за его восхваление «свободной» Англии и примечание Лаврова о будущности польского государства, когда в России произойдет социальная революция.

212. «Dziennik Polski» — «Дневник Польский», ежедневная национал-либеральная газета 1870-х годов; выходила в Львове.

213. Это — страницы из статьи Лаврова «Благодушное правительство и его лакеи», которые печатаются здесь как второй «отрывок» о польском вопросе.

214. Домбровский, Ярослав (1835—1871), польский революционер 60-х годов, друг Герцена, бывший офицер Генерального штаба в России, участник Неаполитанского похода Гарибальди в 1860 г., один из вождей польского восстания 1863 г., за что был сослан в Сибирь, но бежал во Францию; организатор армии Парижской коммуны 1871 г. и ее генерал, комендант Парижа с 8 апреля, руководил обороной Монмартра в последние дни Коммуны, смертельно ранен на баррикаде и умер в больнице в конце мая 1871 г.

215. Врублевский, Валериан (1836—1908), участник польского восстания 1863 г., генерал Парижской коммуны 1871 г., во время «майской недели» руководил борьбой на левом берегу Сены; после падения Коммуны бежал в Лондон, где был членом Генерального совета Интернационала в качестве его секретаря для Польши, сотрудником Энгельса по военным вопросам, сторонником Маркса в его борьбе с Бакуниным.

216. Имеется в виду Генеральный совет Интернационала.

217. Lapsus calami — ошибка в правописании, ошибка вообще.

218. Сандрильона (Золушка) — героиня народной сказки, падчерица, преследуемая родными. В тексте, по ошибке, «Сендрильон».

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕХ ПЕРВЫХ ТОМОВ ЖУРНАЛА «ВПЕРЕД» (1873—1874)

Цель настоящего приложения — дать читателям представление об общем содержании журнала «Вперед», а особенно о тех статьях его, которые написаны не самим Лавровым, для чего о последних даны подробные аннотации в прямых скобках. Статьи самого Лаврова аннотированы дальше, в «Библиографии его сочинений». По возможности раскрываются и авторы статей, не принадлежащих самому Лаврову. В «Летописи рабочего движения» содержание первой главы, как принадлежащей самому Лаврову, не указывается. Содержание других глав указано подробно в оглавлении «Вперед» и здесь только перепечатывается.

Том I

Предисловие. «Вдали от родины мы ставим наше знамя»... Дата: 13 (1) августа 1873. Цюрих. Стр. III—IV.

Оглавление. Стр. V—VII.

Отдел первый. I. Вперед! — наша программа. Стр. 1—26. II. Счеты русского народа. Стр. 27—59. III. Из истории социальных учений. Главы I—III. Стр. 60—109. IV. Очерк развития Международной ассоциации рабочих. Стр. 110—177. [Статья С. А. Подолинского. Оглавление ее: Глава I. Основание Междун. ассоциации. Отношение рабочих движений к теориям экономической науки и к практике политики. Глава II. Виды эксплоатации. Древние рабы. Средневековые рабы и крепостные. Средневековое землевладение и развитие городов. Глава III. Союзы в городах. Гильдии и цехи. Глава IV. Рабочие союзы в Англии и английское законодательство о рабочих]. V. Фикции судебной правды. Стр. 178—216. [Статья Н. Г. Кулябко-Корецкого. Содержание ее: Право есть фикция метафизиков общества, как бог есть фикция метафизиков природы. Судьи беспристрастного и способного решить все споры тяжущихся быть не может. Судебная правда — самая грубая фикция. Кодексы пишутся, изменяются и дополняются в виду интересов господствующих, эксплоатирующих классов. Борьба социализма с современным буржуазным обществом есть в то же время борьба против фикции современной легальности. Суд уголовный есть насилие громадного организованного целого против уединенной бессильной единицы. Разрешающей спор 3-й стороны в нем нет. Власть ставит в нем свою волю как безусловное право, решает сама спорный вопрос в свою пользу и путем насилия приводит свое решение в исполнение. Разделение дел о присвоении чужой собствен-

ности на гражданские и уголовные не прием открытия правды, а прием поддержания авторитета власти. Для войска и чиновничества — этих опор власти и закона — созданы суды специальные. — Государство может быть хищническим (монархии Востока, средних веков и Московское царство), механическим (современные милитарные государства) и органическим, где большинство населения чувствует свою солидарность с политическим целым и с руководящим центром (к этому идеалу стремились древние республики, «стараются приблизиться наиболее передовые государства современности; он составляет цель... мыслителей-государственников... которые еще искренно убеждены, что государственная форма жизни есть необходимое условие будущности человечества»). «Органическое государство стремится тем более перестать быть государством, чем более в нем органической жизни». — Анализ русского военно-судебного устава, по которому начальники судят своих подчиненных. Разница в организации судов над «нижними» чинами и офицерами (вторые суды мягче). Конкретные примеры военного суда в Киеве и других городах, доказывающие, что он — послушное, бесцеремонное и бесчеловечное орудие поддержания власти против личности. О кассационных жалобах по военным делам. Уголовный суд вообще органом правды быть не может. Право народной суверенности должно быть завоевано]. VI. Знание и революция. Стр. 217—246. VII. 1773—1873. Прошедшее. Будущее. Стр. 247—269.

Отдел второй. I. Что делается на родине? Главы I—IX. Стр. 1—88. II. Летопись рабочего движения. I. Стр. 1—21. II. Германия. Стр. 22—43. [Статья В. Н. Смирнова. Содержание: «Священная Германская империя». О том, как бежит народ из Германии и почему он бежит. Что думают об эмиграции буржуа и что думают рабочие. Общий очерк положения германского рабочего народа и образчики нищеты. Процесс по делу о беспорядках в Берлине и квартирная нужда в Берлине и других городах Германии. Причины и сущность квартирной нужды по понятиям рабочего социализма. Эпидемия голодного тифа в Берлине. Смертность детей. Рабочая пресса о причинах ее. Несколько слов об огромной болезненности и смертности и о причинах этого явления. Заключение]. III. Германия. Стр. 44—90. Дата в конце: июнь 1873 г. [Статья В. Н. Смирнова. Содержание: Новое «евангелие» на германской почве. Две социалистические партии: Общий германский союз рабочих и Социально-демократическая (эйзенахская) партия рабочих. Революционная агитация. Выборы Бебеля в рейхстаг. Протест против увеличения налога на табак. Пивные и хлебные беспорядки; отношение к ним социалистических партий. Собрания в память Коммуны и берлинской революции 1848 года; демонстрация рабочих в Берлине; речь Распе в Кельне. Цель этих собраний; отношение к ним правительства и буржуазии. Ремесленное движение. Эпидемия стачек. Стачка наборщиков. Преследования рабочих]. *Примечание* к последним двум главам «Летописи рабочего движения». Стр. 91—93. III. Хаос буржуазной цивилизации за первую треть 1873 года. Стр. 94—119.

Том II

Отдел первый. I. Кому принадлежит будущее. Разговор последовательных людей. Стр. 1—73. II. Очерк развития Международной ассоциации рабочих. Стр. 74—121. [Статья С. А. Подолинского. Глава V. Очерк истории главнейших рабочих союзов в Англии. Глава VI. Организация рабочих союзов. Отношение их к правительству и к буржуазии. Экономические задачи союзов]. III. Революционеры из привилегированной среды. (По поводу некоторых жгучих вопросов). Стр. 122—155. [Статья В. Н. Смирнова. Содержание: Революционная молодежь (русская интеллигенция тож) недавно полагала, что она одна

может составить тайное общество, путем заговора захватить власть и провести ряд реформ сверху; народ совершит под влиянием ее воззваний революцию, но затем активная его роль кончена. Но автор думает, что не «опекуны» народа, а лишь «сам народ», «стройная организация рабочего народа каждой страны», может создать новое человеческое общество при неустанной революционной пропаганде среди рабочих масс. Но много ли можно найти годных для этой пропаганды людей из привилегированной среды? Русская молодежь вообще не отличается революционным духом; революционеры из ее среды — исключение. В большинстве это — узкие эгоисты, боящиеся ссылки, лишающей их удобства жизни, невежественные относительно всего, что касается положения народа и социальной революции. Отсюда и множество враждебных друг другу кружков революционеров из привилегированной среды, самомнение их членов, их пустые кровожадные речи, желание рисоваться перед толпой. Еще реже можно встретить серьезных революционеров среди женщин. (Здесь примечание Лаврова, что женщин нельзя выделять и что он вообще считает взгляд автора чересчур мрачным, стр. 142). Но все же человек привилегированной среды *может* стать серьезным революционером, если он сольется с народною массою, сделает революционную работу своею насущною потребностью, захочет честно и серьезно мыслить, сумеет бодро переносить все лишения, захочет переродиться, приобрести нужные ему для революционной работы знания. Он должен пойти на фабрики, заводы, в мастерские, в деревни, на самом себе испытать, что такое жизнь рабочего народа, узнать, какие сведения ему понадобятся чаще при будущей работе. Таких людей было мало. Но их будет больше, если только организовать условия революционного воспитания молодежи]. IV. Кто разрушает «основы» общества? Стр. 156—223. [На принадлежность этой статьи Лаврову указал М. Антонов в «Былом» (Париж, № 13), но, как видно из рукописи статьи с редакторскими пометками Лаврова и с поправками самого ее автора, статья не принадлежит перу Лаврова. Об авторе ее ничего неизвестно. Статья ставит себе задачей показать, что не пролетариат, а буржуазия разрушает семью и собственность. Изложен только вопрос о собственности, описан кризис 1873 г., доказано, что кризисы, разрушающие собственность, неизбежны при капитализме, рассказано о кризисе в начале XVIII века во Франции и в Англии (крах Лоу); о кризисах 1815, 1825, 1839, 1847, 1857, 1866 и 1873 гг. Статья не окончена; в конце обещано, что в следующей статье «мы рассмотрим, кто и как разрушает семейство», но продолжения не было]. V. Потерянные силы революции. (Письмо к несогласному). Стр. 224—249. VI. Письма без адреса. Неизданная статья Н. Г. Чернышевского. Стр. 250—281. [5 «писем» 1862 г. о крестьянском вопросе и о бюрократическом решении его Редакционной комиссией для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости].

Отдел второй I. Что делается на родине? 1. Голод! Голод! Голод! Стр. 1—74. [Значительно дополненная Лавровым вообще и главой I из раздела «Что делается на родине?» в III томе, статья вошла в книгу «По поводу самарского голода», перепечатанную в настоящем томе]. 2. Паника правительства. Стр. 74—96. 3. Из Великих Лук. [Корреспонденция П. Н. Ткачева от декабря 1873 г. О недоимках крестьян, вытекающих из тяжелых непосильных налогов; о комиссиях правительства, приписывающих недоимки нерадивости крестьян и бездействию властей; что говорили крестьяне в Великолуцком уезде комиссии в объяснение, почему не платят выкупных платежей; о борьбе III отделения с молодежью, идущей в народ; о наблюдении полиции за ходом преподавания в народных училищах; трусость есть признак слабости правительства]. 4. Из Одессы. Стр. 102—105. [2 корреспонденции. Авторы неизвестны. О появлении множества жандармов в Одессе, о

«революционной пене» и о либералах из профессоров, об инструкции дворникам по наблюдению за жителями (содержание инструкции из 2-й корреспонденции из Одессы же)]. 5. Из Иркутска. Стр. 105—115. [Корреспонденция Г. А. Лопатина. О положении политических ссыльных; о строгостях против Чернышевского в изъятие из постановлений о каторжных и ссыльных, о переводе его в Вилюйск на поселение; о Лопатине (Лопатин о самом себе) и о 3 его побегах из тюрьмы; о Щапове, сосланном в Иркутск; о Худякове, сосланном в Верхоянск, об Ишутине и других каракозовцах, об офицере Кувязеве, о нечаевцах Успенском, Кузнецове, Николаеве, Прыжове; о ссыльных по другим делам (Обручев, Гончаров); о секте «не-наших». Сообщение от редакции, что Лопатин и Ткачев — «с нами», бежали удачно из России]. 6. Русский народ и его паразиты. Стр. 115—129. [Статья Лаврова]. II. Летопись рабочего движения. I. Стр. 1—64. [Статья Лаврова]. II. Австрия. Стр. 65—96. [Статья В. Н. Смирнова. Содержание: Вступление. Из жизни венских работниц. Положение рабочих на льнопрядильнях. Брюннские сцены. Каково живется австрийскому рабочему народу. Как отозвался на положении рабочих венский биржевой крах. Холера и голод. Убийство трехсот рабочих в Галиции]. III. Стр. 97—135. [Продолжение. Содержание: Австрия. Несколько слов по поводу юбилейного года. Борьба австрийского государства с рабочим движением. «Бунты» рабочих в Розенау, Ратцерсдорфе, Вейце, Андрице. О том, как правительство не дозволяет рабочих собраний, обществ, разгоняет общества, и что из этого выходит. Высылка коммунаров. Организация австрийских рабочих. Агитация, ремесленное движение]. Несколько слов по поводу выборов в германский рейхстаг. Стр. 135—136. Дата: 3 февраля. [Статья В. Н. Смирнова. О результатах выборов — цифры голосов за отдельных депутатов и по партиям]. Уставы Международной ассоциации рабочих 1874 г. Стр. 137—142. [Статья Лаврова]. От редакции. Стр. 143—144. [Заметка Лаврова].

Том III

Отдел первый. 1. Неизбежная вражда. (Переписка двух приятелей). Стр. 1—44. [Статья Н. Г. Кулябко-Корецкого. Олицетворяющий «эгоистический индифферентизм к общему делу» (1-й приятель) доказывает, что неравенство в обществе в виде разделения умственного и физического труда неизбежно, так как без него невозможен прогресс. «Развитой и добросовестный деятель нашего времени» (2-й приятель) возражает, что накоплено уже достаточно материальных благ и знаний в человечестве и что прогресс теперь возможен лишь в смысле самого широкого проведения в жизнь начала равенства. *Первый* затем утверждает, что увеличение равенства происходит в обществе постепенно само собою и что революция для его установления не нужна. *Второй* возражает, что постепенного материального прогресса для масс нет, они живут хуже, чем раньше (при этом излагается теория прибавочной стоимости Маркса), источник неравенства — в собственности, в легальности, в государстве, а их надо разрушить силою социальной революции. Опять *первый* соглашается, что существующий строй несправедлив, но вместо социальной революции рекомендует всякого рода рабочие ассоциации и кассы. *Второй* возражает, что при капитализме все эти филантропические меры только отделяют массы от цели, так как их использовать могут только единицы; нужна только социальная революция. *Первый* на революцию не согласен, так как не верит в ее победу и боится возврата эпохи варварства. *Второй* доказывает, что как только индифферентизм к революции в обществе уменьшится, армия перейдет на сторону народа. и революция легко победит, принеся с собой не варварство, а самый реальный прогресс; жертвы неизбежны, но ведь при существующем

капитализме страданий гораздо больше. *Первый* все же остается индифферентным и желает выждать, чтобы «история осудила настоящее более решительно, чем она делала это до сих пор». *Второй* отвечает ему презрением]. II. Из истории социальных учений. (Продолжение). Главы IV—VI. Стр. 45—119. III. Письмо коммуниста. Приложение к «Письму коммуниста». Стр. 120—145. [Из примечания редакции на стр. 120—121 видно, что письмо принадлежит Вильяму Фрею и прислано из коммуны в Канзасе в Америке. В дальнейших примечаниях от редакции содержится ряд возражений против содержания «письма», доказывающего, что для доказательства возможности водворения справедливости в обществе надо выработать новые формы жизни постепенно на практике; что, хотя попытка Оуэна и фурьеристов устроить коммуну в Америке не удалась, новые коммуны должны быть экспериментальными предприятиями по внутренней психологической переработке людей и реформе общественных отношений на основе справедливости и любви; к работе интернационалистов, имеющих в виду кровавую борьбу, Фрей не относится враждебно, а считает, что эта работа нужна преимущественно в Европе, в Америке же возможны и нужны коммуны. В «приложении» дана конституция «прогрессивной коммуны», в которой работает Фрей]. IV. Знание и революция. Статья вторая. I. Письмо из Петербурга. (Получено 1/I 1874 нов. ст.). Стр. 147—152. [Письмо Н. В. Чайковского. О нецелесообразности статьи Лаврова «Знание и революция»; возражения на нее из фактов жизни, реальных потребностей и свойств натуры нашего юношества; знание — монополия высших классов, и к нему надо относиться осторожно; необходимо предпочтительно изучать вопросы жизни, а не науки; статья уже имела вредное влияние на молодежь]. II. Ответ на разные критики. Стр. 153—187. V. Солдатчина. По поводу всесословной воинской повинности. Стр. 188—278. Дата: 13 (1) сентября 1874 г. [Статья В. Н. Смирнова. Содержание: Солдатчина, введенная в России с 1 января 1874 г., есть перевод России на военное положение, как это уже сделано во всех государствах Европы. Цель солдатчины — хищнические завоевания новых стран и удержание в рабстве народных масс. Солдатчина несет народу еще большее разорение и вырождение, новые земские поборы, конную повинность и набор рекрут на 6 лет, после чего они уже не способны к труду. Мы стоим накануне новых страшных войн. В то время как одни массы рабочих людей будут воевать, остальные миллионы рабочих масс будут страдать под тяжестью налогов по прихоти эксплоатирующих классов. Дисциплинирование солдат, это — их обезличение, вколачивание в них всех пошлостей развратного солдатского катехизиса путем драконовских кар, превращение их в рабов-машин. Воинская реформа поэтому может стать громадным препятствием к социальной свободе народа. Никакой «всесословности» в солдатчине нет; нижние чины — рабочие, а офицеры — дворяне и другие не подлежащие рекрутству сословия. Никакие разрозненные бунты не могут уничтожить современный строй; надо готовить и организовать повсеместное восстание; надо спешить приняться за эту работу, повести революционную пропаганду в войсках, особенно среди молодых солдат, особенно во время самого набора солдат. Надо не отказываться от солдатской службы революционерам, а итти в нее, жить с солдатами одною жизнью. Затем указывается практический образ действия для успешной пропаганды среди солдат].

Отдел второй. I. Что делается на родине? 1. Еще о голоде. Стр. 1—81. [Вошло в книжку «По поводу самарского голода»]. II. Благодушное правительство и его лакеи. Стр. 81—121. III. Закон о недозволенных сообществах. Стр. 121—160. IV. Из Иркутска. Стр. 160—181. [Корреспонденция Г. А. Лопатина с введением и послесловием от редакции. О секте «Не-наши». Перепечатано в книге: Г. А. Лопатин

(1845—1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пгр. Гиз. 1922]. V. Процесс. Стр. 181—240. VI. Государство в опасности. Стр. 240—316.

Отдел третий. I. Хаос буржуазной цивилизации за последнее время. Стр. 1—53. Дата: 23 июня 1874. II. Летопись рабочего движения I. Деятельность Генерального совета. Стр. 53—110. Дата: 18 (6) ноября 1874 г. II. Швейцария. Стр. 111—130. [Статья В. Н. Смирнова. Содержание: У входа в свободную республику. Аппенцелские ткачи и вышивальщицы. На гларусских ситцепечатнях и прядильнях. Эмиграция из Гларуса. В Сэнт-Галлене. В Цюрихском кантоне. В Аарау. В Берне. Крестьянское благосостояние. Да здравствует свободная республика!]. III. Швейцария. Стр. 130—146. Дата: 29 (17) ноября 1874. [Продолжение статьи В. Н. Смирнова. Содержание: Организованные группы рабочих в 1873 г. Цюрихский ремесленный комитет; его план общешвейцарской организации рабочих; его инициаторская деятельность. Образование женевского «комитета инициативы»; его предложения; его образ действия. Воззвания женевского и винтертурского (вспомогательного) комитетов. Ольтенский конгресс. Образование Швейцарского рабочего союза]. От редакций. Стр. 147—151.

БИБЛИОГРАФИЯ
СОЧИНЕНИЙ П. Л. ЛАВРОВА И О НЕМ

В настоящем обзоре дается библиография статей Лаврова с марта 1872 до конца 1874 г., т. е. с того момента, как он был приглашен в редакторы заграничного революционного журнала и составил первую его программу до начала издания *газеты* «Вперед», как дополнения к журналу. По утверждению А. А. Гизетти, Лавров за эти годы «не напечатал ни одной сколько-нибудь значительной статьи в *легальных* русских или иностранных журналах, кабинетная работа его как бы прервалась» (см. «П. Л. Лавров и «Вперед» в «Былом» 1925, № 2 (30), стр. 47). Из настоящей библиографии видно, что утверждение это не соответствует действительности. Больше *трети* статей Лаврова за эти годы (23 из 62), и притом статей довольно крупных, напечатаны им в *легальных* изданиях (включая сюда и его французские статьи в журнале Брока). Объясняется это тем, что Лавров, отдавая большую часть своего времени журналу «Вперед», для которого он был и главным поставщиком статей и радактором всех чужих статей, не жил сам на средства группы своих сторонников в России, а, наоборот, старался еще из своего личного литературного заработка выделять суммы на материальную поддержку журнала.

Как и в «Библиографии» I тома, подпись Лаврова не указывается там, где Лавров подписывается полной своей фамилией, псевдонимы же его и отсутствие подписей всегда отмечаются, равно как и даты написания статей, если они имеются при подписи.

Содержание статей Лаврова из журнала «Вперед», которые в настоящем томе *не* перепечатаны, дано в возможно полном изложении.

Список сокращений в III томе

Д. — «Дело». Спб.
Зн. — «Знание». Спб.
Н. в. — «Новое время». Спб. (газета Устрялова).
От. зап. — «Отечественные записки». Спб.
Спб. вед. — «С.-Петербургские ведомости». Спб. (газета).

Bull. — «Bulletin de la société d'Anthropologie» («Бюллетень Парижского антропологического общества»).

Rev. d'Anthr.—„Revue d'Anthropologie" («Антропологическое обозрение». Париж).

Книги и статьи П. Л Лаврова с марта 1872 до конца 1874 г.

1872 год (с марта)

116. L'idée du progrès dans l'anthropologie. Bull. T. VII, 2-e série, p. 172—201. Идея прогресса в антропологии. Автореферат П. Л. по этому вопросу на французском языке. Прочитано на заседании Парижского антропологического общества 1 февраля 1872 г.

117. Sur l'idée du progrès dans l'anthropologie. Réponse à M. Pellarin. Bull. VI, 2-e série, p. 535—560. Об идее прогресса в антропологии. Ответ г. Пелларену. Прочитано на заседаний Парижского антропологического общества 18 апреля 1872 г.

Вместе с № 116 издано отдельно под заглавием: L'idée du progrès dans l'anthropologie par M [onsieur] Lavroff. Extrait des Bulletins de la Société d'Anthropologie de Paris. Séances des 1-er fevrier et 18 avril 1872. Paris 1873. P. 58. [Идея прогресса в антропологии г-на Лаврова. Оттиск из „Бюллетеня Парижского антропологического общества". Заседания 1 февраля и 18 апреля 1872 г.].

118. Revue allemande. Beiträge zur Anatomie des Hylobates lenciscus und zur vergleichenden Anatomie der Muskeln des Affen und des Menschen. Münch. 1870. Muskeln der vorderen Extremitäten der Reptilien und Vögel... 1863.— Bau des Menschen - und Affenhirns. 1871.— Rev. d'Anthr. T. I, p. 137—142. Обзор трех немецких работ по сравнительной анатомии.

119. Recueil médico-topographique, édition du département de la médecine, redigé par le docteur S. Lovzoff. St.-Pétersbourg, 1870.—Rev. d'Anthr. T. I. p. 490—491. Рецензия на русский журнал по географической и сравнительной патологии. Изд. медицинского департамента, под ред. д-ра С. Ловцова. Спб. 1870 г.

120. Revue russe. Bulletins de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg. Nouvelles géographiques. Bulletins de la section caucasienne.— Rev. d'Anthr. T. I, p. 531—536. Рецензия на ряд статей в 3 русских академич. изданиях: Бюллетени Спб. Академии наук. Новости географии. Бюллетени Кавказской секции.

121. Первобытная форма взаимных человеческих отношений. «Дело» 1872, № 2, стр. 295—348. Подпись: П. Кедров. [Первые 6 глав]. Содержание в след. номере.

122. Первобытная форма человеческих отношений. Д. № 4, стр. 208—237. Подпись: П. Кедров. Продолжение предыдущей статьи. О первобытной семье по книгам Мак Леннана, Моргана, Бахофена, Леббока, Мэна и Дарвина.

123. Два старика. Письма из Парижа. Письмо I. Н. в. № 110 от 27 апреля. Подпись: Наблюдатель. О Викторе Гюго и о Жюле Мишле. За эту статью «Новое время» было прекращено. Статья разыскана П. Витязевым. Перепечатана в книге: П. Л. Лавров. Этюды о западной литературе. Пгр. 1923.

124. Философия в Германской империи. Д. № 4, стр. 208—237. Подпись: Л. Кедров. О книгах Наловского, Банзена, Гартмана, Гербарта и Шопенгауэра. Вывод: высшая и единственная реальность — человек.

125. Социологи-позитивисты. Зн. № 5, стр. 127—152. Подпись: П. М—в. Об основании группой чистых позитивистов социологического общества, о его составе, о бесплодности его споров о клас-

сификации наук. Перепечатано в Собр. соч. П. Л., серия 3, вып. VIII, Пгр. 1918.

126. Русским цюрихским студенткам. Листовка, вышедшая в Цюрихе в мае 1873 г. без обозначения места и года издания. Стр. 6. Без подписи. По поводу приказа русского правительства цюрихским студенткам от 22 мая 1873 г. оставить Цюрих; почему эмиграция имеет силу в общественном мнении передовой России; критика русских университетов; протест против оскорбления правительством русских студенток; политические выводы и предположения о революции в России.

127. Тревожные симптомы. L'allemagne aux Tuileries de 1850 à 1870. Collection des documents tirés du cabinet de l'Empereur, recueillis et analysés par Henri Bordier. Paris. 1872. Спб. вед. № 135 от 18(30) мая, стр. 1—2 (фельетон) и № 136 от 19 (31) мая, стр. 1—2 (фельетон). Подпись: П. П—в. По поводу книги «Германия и Тюильри с 1850 до 1870 г. Коллекция документов, извлеченных из кабинета императора, собранных и анализированных Анри Бордье». Париж, 1872.

128. Новая наука. Зн. № 6, стр. 23—57. Подпись: П. М—в. Новая наука — «наука о религии»; о книгах Бюрнуфа и Гаве о религии, а также о М. Мюллере, Пфлейдерере и Вашро. Перепечатано в Собр. соч. П. Л., серия 5, вып. I, Пгр. 1918.

129. Очерки систематического знания. Зн. № 8, стр. 115—153. Подпись: П. М—в. Содержание см. № 115 в конце I тома.

130. Г. Кавелин как психолог. От. зап. № 8, стр. 240—267, № 10, стр. 173—202 и № 11, стр. 1—31. Без подписи. Разбор и критика «Задач психологии» К. Д. Кавелина. Перепечатано в Собр. соч. П. Л., серия 1, вып. VI. Пгр. 1918.

131. Подготовление новой европейской мысли. (Отрывки). Д. № 11, стр 318—443. Подпись: П. Кедров. О средневековой оппозиционной мысли, об эпохе пробуждения мысли и о средневековых дуалистах. Перепечатано в Собр. соч. П. Л., серия 4, вып. VII, Пгр. 1918.

1873 год.

132. Развитие выразительности. Зн. № 1, стр. 1—26. Подпись: П. М—в. Об английском издании книги Дарвина «Выражение эмоций».

133. По поводу новых энциклопедических предприятий. Зн. № 2, отдел «Критика и библиография», стр. 37—46. Подпись: П. М—в. О «Русском энциклопедическом словаре» проф. Березина в 17 томах и о 4-м дополнит. томе «Справочного словаря» Толля. (Указано Чижиковым с неточностями, как открытая им статья П. Л., хотя раньше уже более точно указано Колубовским).

134. Очерки систематического знания. Зн. № 4, стр. 142—156, и № 5, стр. 122—143. Подпись: П. М—в. Содержание см. № 115 в т. I.

135. Критическая история философии. Зн. № 6, стр. 9—28. Подпись: П. М. О «Критической истории философии» Дюринга.

Статьи П. Л. в I томе „Вперед“,

вышедшем в августе 1873 г. Все статьи без подписей (во всех томах «Вперед») (№№ 136—153).

136. [Предисловие]. Вдали от родины мы ставим наше знамя... [Перед оглавлением]. Стр. III—IV. Дата 13 (1) августа 1873. Цюрих.

137. Вперед! — Наша программа. Отдел I, стр. 1—26,

Объяснение целей журнала в частном их отношении к различным вопросам, волнующим современность. Перепечатано в отрывке в сборнике Бурцева «За сто лет (1800—1896)» (Лондон 1897) и в «Историко-революционной хрестоматии» (т. I, М. 1923).

138. Счеты русского народа. Отдел I, стр. 27—59. «Избрание первого Романова было выражением общенародного желания поддержать единство России», а получилось полное разрушение этого единства, обман в обещаниях европейской цивилизации, гибельная внутренняя и внешняя политика и т. п.

139. Из истории социальных учений. I. План работы. II. Религиозные социалисты. III. Политические метафизики. Отдел I, стр. 60—109. Вошло в отдельную книгу под тем же заглавием. Изд. «Колос». Пгр. 1919. Рец.: *Книжник-Ветров, Ив.* П. Л. Лавров. 2-е изд. М. 1930, стр. 128—129.

140. Знание и революция. Из письма к **. Отдел I, стр. 217—246. В чем автор согласен с корреспондентом и в чем несогласен; аргументы из истории; выдержки из статей Бакунина, Либкнехта и Поля Робена о силе науки; о важности знаний для пропагандиста до революции, во время нее и при создании нового строя; почему прочными оказались только английская революция 1688 г. и американская 70-х гг. XVIII века; примеры из эпохи восстаний под знаменем религий; надо готовиться серьезно и обдуманно к революционной деятельности. Перепечатано в брошюре: Лавров, П. Знание и революция. С портретом автора. Книгоизд-во «Молодая Россия». М. 1906. Стр. 3—31.

141. 1773—1873. Прошедшее. Будущее. Отдел I, стр. 247—269. Сопоставляется чисто *политическая* революция в Сев. Америке, положившая основание САСШ, и социальное движение пугачевщины. Издано под заглавием: «В память столетия пугачевщины 1773—1873». Изд. 2-е. Лондон. Изд. журн. «Вперед». Типография не указана. 1874. Стр. 43 (16°).

142. Что делается на родине? I. Вступление. Отдел II. стр. 1—10. Россию мало знают, автор хочет дать о ней сведения по печатным источникам и по корреспонденциям. «Русское крестьянство есть фокус, от которого исходят для нас лучи, освещающие все события... Для нас важно одно: где разложение старого? где нарастание нового?». О печальном настроении умеренной оппозиции, безнадежный ее взгляд на молодежь (выписки из легального журнала и из нескольких корреспонденций). Выражение веры в молодежь.

143. II. Высшая политика. Там же, стр. 11—14. О визите царя в Вену с полицией; об обысках у русских, живущих в Вене, перед приездом царя (из корреспонденций). О проезде через Россию персидского шаха и о безумных расходах царя на его прием (по газетам). О хивинском походе, отягчившем тяготы русского народа.

144. III. Инородцы. Там же, стр. 14—19. О беспорядках в Ходженте Туркест. губ. 14 апреля 1872 г. из-за податей; о вымирании населения в сев.-вост. части Арханг. губ.; об эпидемии горячки среди киргизов на Иртыше; о нужде народа в Якутской области; о голоде в Кахетии; о бесчеловечном обращении с горцами на Кавказе, вызвавшем выселение черкесов в Турцию; о бунте 3 селений Дагестанской области из-за вероломного обмана царя (корреспонденция).

145. IV. Иноверцы и православное духовенство. Там же, стр. 19—27. О преследованиях штундистов (несколько корреспонденций из Киева и письмо из Парижа); о деятельности попов, притесняющих народ (корреспонденция из Котельнич. у. Вятской губ., из Гродно, из деревни Натальиной Сарат. губ.); об ограничении в правах евреев и о выселении из Киева 3 000 евреев по распоряжению нового городского головы Демидова-Сан-Донато.

146. V. Наши администраторы и наше самоуправление. Там же, стр. 27—38. О новом губернаторе Москвы генерале Дур-

ново и о грубом столкновении его с городским головой Ляминым; о самодуре — рязанском губернаторе Болдареве, гонителе земства, об его охоте на... крестьянских овец и замученном их пастухе; о самарском губернаторе Климове и об отрешении им от должности председателя губ. земской управы Хортина за неприсутствие на общем представлении губернатору; о борьбе Трепова в Петербурге со стачками рабочих; о растратах земских сумм выборными представителями; о бессарабском мировом посреднике, заведшем сельскую конную стражу в 120 человек на счет крестьян; о подкупе при выборах гласных от крестьян; о мошенничествах думцев в Пинске, Моршанске, Енисейске, Николаеве; о растратах чиновников в разных городах.

147. VI. Наши просветители. Там же, стр. 38—55. Как правительство мешает развитию просвещения; о министре нар. просв. графе Д. А. Толстом (о нем обещана отдельная статья) и начальнике главного управления по делам печати М. Н. Лонгинове, авторе неприличных стихов; о сожжении многих книг на основании обратного действия закона о цензуре, о «предостережениях» периодической прессе; о деморализации молодежи в университетах (корреспонденция), о проф. Захарьине, акционере Рязанской жел. дороги, и других профессорах, участниках в банкирских операциях; о притупляющих «испытаниях зрелости» в гимназиях (две корреспонденции); о «бунте» учащихся в екатеринбургских гимназиях из-за попа-доносчика; об инспекторах земских школ, задерживающих их открытие, и о препятствиях для народных школ со стороны властей; низкие цифры нашего школьного обучения по сравнению с другими странами.

148. VII. Мученичество русского народа. Там же, стр. 55—73. О поборах с крестьян со стороны правительства, попов, помещиков; о работе крестьян на фабриках и жел. дорогах и об эксплоатации их там; о суде, полиции и тюрьме; об эпидемиях скотских падежей и пожаров; о громадной смертности среди крестьян (факты из газет); о положении рабочих на фабриках (то же); из этого ясно молодежи, что ей надо делать, чтобы помочь народу.

149. VIII. Защита государственного порядка. Там же, стр. 73—83. О волнениях крестьян в Дзыговцах Могилевской губ., в селе Ивановском Тамб. губ., в Малиновской волости Витебской губ.; об учреждении уездной полиции и о шпионстве дворников в Петербурге; о наказаниях плетьми, о режиме каторжных тюрем; о Нечаеве в Шлиссельбурге, о Чернышевском в Вилюйске, о Худякове в Якутской области; о стараниях избежать рекрутчину среди крестьян; о плохом питании солдат в Хиве; о болезнях среди солдат и моряков; о кампании в «Русском мире» генерала Фаддеева против военного министра Милютина; о приказе вел. князя Николая Николаевича Старшего по войскам от 14 дек. 1872 г., воспрещающем товарищество среди офицеров.

150. IX. Заключение. Там же, стр. 83—88. Притеснение, лицемерие и безумие — девиз правительства в отношении к другим странам; полнейшее бессилие — девиз деятельности цивилизованных классов на благо народа; неисходное бедствие — девиз нашего народа. Правительство хочет отдалить взрыв народный, а само сеет раздражение во всех классах. Надо подготовить торжество этого взрыва.

151. Летопись рабочего движения. I. Рабочее движение и Международная ассоциация рабочих. Два направления. Развитие Генерального совета. Конференция в Римини. Пятый конгресс в Гааге. Его решения. Протест меньшинства. Конгрессы в Сент-Имье. Протест Руанской федерации. Конгрессы в Брюсселе и Кордове. Адрес нью-йоркского Генерального совета. Решение о распущении Юрской федерации. Циркуляр Генерального совета. Решение об исключении всей оппозиции из Ассоциации. Раскол федеральных советов в Англии. Лондонский конгресс. Предложения федерального совета большин-

ства. Голландский федеральный совет и утрехтская секция. Раскол федеральных советов в Америке. Группировка партий. Исключение бельгийцев, части испанцев и англичан из Интернационала. Отдел II, стр. 1—21. Вошло в книгу: «Очерки по истории Интернационала». Изд. «Колос». Пгр. 1919. Рец.: 1. *Сосис. И.* «Книга и революция», Пгр. 1920, № 6, стр. 24. 2. Ф. Энгельс о П. Л. Лаврове и П. Н. Ткачеве. «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6, стр. 53—63.

152. Примечание к последним двум главам «Летописи рабочего движения». Отдел II, стр. 91—93. По поводу статьи Н. Ф. в «Вестнике Европы», излагающего современное положение рабочей силы, между прочим, и в Германии, и надеющегося, что правительство и капиталисты доставят рабочим возможность жить прекрасно. Это, по Л—ву, «жалкий взгляд иностранных Шульце-Деличей и К°». Связь судьбы русского крестьянства с движением заграничных рабочих. О будущих статьях и либералах. Отзыв о либеральной прессе.

153. Хаос буржуазной цивилизации за первую треть 1873 г. Отдел II, стр. 94—119. Из содержания: Вступление. Буржуа и пролетарии. Смысл современной политики. I. Франц. буржуазия и Вторая империя. Германская империя. Централисты и федералисты в Австрии. Республика в Испании. Министерский фарс в Англии. II. Борьба буржуазии с пролетариатом. Казни. Преследование членов Интернационала. Заключение Бебеля. Датский и франц. закон о работе детей на фабриках. Неизбежность социального кризиса.

154. Эпоха появления новых народов в Европе. Зн. № 9, стр. 1—20. Подпись: П. М—в. Новые европейские народы. Падение античной цивилизации. Опустение Рима. Разорение Италии. Лонгобарды. Разорение Африки. Вандалы. Византийцы. Обезлюдение римского государства. Грабеж. Разорение Галлии. Франки. Вестготы. Перепечатано в собр. соч. П. Л., серия 4, вып. VIII, Пгр. 1918.

155. Научное издание 150 профессоров. Зн. № 12, стр. 35—51. Подпись: П. М—в. О словаре проф. Березина (о новых выпусках его). См. № 133.

1874 год.

156. Введение в историю мысли. Зн. № 1, стр. 1—42, № 2, стр. 43—98. Подпись: П. М—в. Глава I. Задачи истории мысли. § 1. Мысль и ее формы. § 2. Элемент необходимости в истории. § 3. Существенное содержание истории. § 4. Столкновение элементов мысли в истории. § 5. Главные деления истории мысли. § 6. Материал истории мысли. (Открыто Чижиковым, но им ошибочно отнесено к 1876 г.).

157. О методе в социологии. Письмо в редакцию «Знания». Зн. № 1, стр. 1—16. Подпись: П. М—в. По поводу статьи Южакова; о иерархии потребностей и о необходимости субъективности в методе. Перепечатано в Собр. соч. П. Л., серия 3, вып. VIII. Пгр. 1918.

Статьи П. Л. во II томе „Вперед“,

вышедшем в марте 1874 г. (№№ 158—166).

158. Кому принадлежит будущее?—Разговор последовательных людей. «Вперед». Цюрих. 1874. Том. II. Отдел I, стр. 1—73. Попытка популярного изложения идеи социализма в форме спора о взаимоотношениях капитала, государства, науки, религии, искусства и труда, олицетворенных в живых людях; выявляется значение необходимости революционной борьбы, недостаточность духовного прогресса и государственных реформ и абсурдность религии. Перепечатки: I. Лавров, П. Л. Кому принадлежит будущее? Издание Комитета па-

мяти П. Л. Лаврова. Типография Группы старых народовольцев. Без указ. места. 1902. Стр. 103. [Перед текстом предисловие «От издателей», характеризующее это произведение П Л.]. 2. Арнольди, С. С. Кому принадлежит будущее? Из рукописей 90-х годов. Книгоиздательство Е. Д. Мягкова «Колокол». М. 1905. Стр. 253 + 3 нен. (12°). [«Кому принадлежит будущее?» занимает стр. 3—159]. 3. Лавров П. Л. Кому принадлежит будущее? Изд. «Революционная мысль». Пгр. 1917. Стр. 125. Рец.: *Книжник-Ветров. Ив,* П. Л. Лавров. 2-е изд. М. 1930. Стр. 129.

159. Потерянные силы революции. (Письмо к несогласному). Отдел II, стр. 204—249. Доказательства того, что никакая легальная работа для России невозможна и только революционная может дать эффект.

160. Предисловие от редакции [к «Письмам без адреса»]. (Неизданная статья Н. Г. Чернышевского). Отдел I, стр. 250—251. О значении Чернышевского как мыслителя и общественного деятеля. Указывается, что статья его относится к 1862 г. и издается одновременно и отдельною брошюрою.

161. Что делается на родине? I. Голод! Голод! Голод! Отдел II, стр. 1—74. Вошло в книжку «По поводу самарского голода». См. № 178.

162. Паника правительства. Там же, стр. 74—96. О надеждах, возлагавшихся на Александра II Герценом, Огаревым и Бакуниным; о прокламации, призывающей интеллигенцию итти в народ; о нелегальной брошюре «Русскому народу»; корреспонденция из Петербурга об арестах и прокламациях; об арестах — из других корреспонденций; о деле быв. студента Петра Попова в моск. окружном суде; о распоряжениях Трепова, об обысках при въезде в Россию и рескрипте царя на имя министра нар. просв. графа Д. А. Толстого, свидетельствующих о панике правительства.

163. Русский народ и его паразиты. Там же, стр. 115—129. Дата: 1 февраля 1874. О паразитах 2 родов: о землевладельцах и фабрикантах; о вере в знахарей и в чертей со стороны помещика Великолуцкого уезда; о волнениях крестьян в селе Топильной Киевской губ. (корреспонденция); о притеснении крестьян помещиком Гудим-Левковичем (он же вице-губернатор) в местечке Горошине Полтавской губ. (корреспонденция); о грабежах крестьян солдатами между Елисаветградом и Екатеринославом (корреспонденция); о бесцеремонности полиции при взысканиях недоимок с крестьян в Сумском и Екатеринославском уездах (2 корреспонденции); об эксплоатации крестьян на заработках на Лозово-Севастопольской жел. дороге, в Мелитопольском уезде Таврич. губ., на Кременчугско-Полтавской железной дороге и на Знаменско-Николаевской (4 корреспонденции); о притеснениях рабочих на фабриках в Сумском уезде, в Петербурге, в Казани (1 корреспонденция и 2 газетных сообщения); о стачках рабочих в Серпухове на фабрике Третьяковых (из газет); о Пермской тюрьме и положении в ней заключенных (корреспонденция); заключение: воздаяние эксплоататорам само не придет, но надо привести его. [Рукопись этой статьи, писанная рукой Лаврова, имеется в архиве «Вперед» в Берлине].

164. Летопись рабочего движения. I. Новый фазис в борьбе партий Интернационала. Деятельность нью-йоркского совета. Решение местного юрского совета. Издания федералистов. Решение Бельгийского конгресса. Столкновение партий на Ольтенском конгрессе рабочих. Женевский конгресс федералистов. Издание централистов. Предложение групп романских рабочих. Женевский конгресс централистов. Русские отзывы. Письма М. А. Бакунина. Отдел II, стр. 1—64. Вошло в книгу «Очерки по истории Интернационала». См. № 151.

165. Уставы Международной ассоциации рабочих

1874 г. Отдел II. Летопись рабочего движения, стр. 135—142. Введение Лаврова и текст уставов с примечаниями об отступлениях в публикации текста бакунистов. Входит как приложение к II главе «Летописи рабочего движения» в настоящем томе. Первоначально перепечатано в книге «Очерки по истории Интернационала». См. № 151.

166. От редакции. Отдел II, стр. 143—144. О большом накоплении материала; о возражениях, полученных по поводу статьи «Знание и революция»; о других полученных статьях и почему они еще не напечатаны; о деньгах, о письме Кларионова.

167. Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры «Задачи революционной пропаганды в России». Редактора журнала «Вперед». Лондон. Наборня журнала «Вперед». 1874. Стр. 60. Без указания имени редактора «Вперед». Полемическая брошюра против брошюры П. Н. Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед». Женева. Тип. не указана. Апрель 1874. Стр. IX + 43. Оглавление: I. К кому я обращаюсь? II. Какова наша молодежь? III. Какая революция? IV. Каковы орудия революции? V. С кем можно итти вместе? VI. Чем должен быть социально-революционный журнал? VII. В чем обвиняют «Вперед»? Рец. *Козьмин, Б. П.* Ткачев и Лавров. «Воинствующий материалист». I, М. 1924. *Энгельс Ф.* Эмигрантская литература. «Под знаменем марксизма» 1922, № 5—6.

Статьи П. Л. в III томе „Вперед",
вышедшем в декабре 1874 г. (№№ 168—177).

168. Из истории социальных учений. (Продолжение). IV. Условия научного социализма. V. Античный социализм. VI. Утопия всеобщего труда. Отдел I, стр. 45—119. Вошло в книгу, указанную в № 139.

169. Знание и революция. Статья вторая. I. Письмо из Петербурга [Н. В. Чайковского]. II. Ответ на разные критики. Отдел I, стр. 146—187. [«Письмо из Петербурга» в настоящем томе не перепечатывается. См. содержание его в «Приложении»]. «Для решения вопроса об отношении знания к революционному делу» надо «рассматривать не только потребности молодежи, но *самые свойства* революционного дела и *самые свойства* знания» — такова основная мысль статьи. Необходима, кроме знаний, выработка характера. Учиться надо не только по книгам, но и на практике. От всех революционеров требуется изучение не целой энциклопедии знаний, а лишь вопросов экономических и состояния современной России, а затем 1—2 специальных вопроса, более знакомых для революционера по его предшествовавшим занятиям. Но знания должны быть основательные, действительные.

170. Что делается на родине? I. Еще о голоде. Отдел II, стр. 1—81. Вошло в книжку «По поводу самарского голода». См. № 178.

171. II. Благодушное правительство и его лакеи. Отдел II, стр. 81—120. О «всеподданнейшем» адресе московского дворянства в январе 1874 г. по поводу рескрипта царя министру народного просвещения и об отражении его в легальной печати; об обращении царя к дворянству 22 августа 1874 г. для охраны народа «от ложного направления»; об отказе гейдельбергской русской библиотеки выписывать «Вперед»; о страсти к наживе и псевдопатриотизме интеллигенции (критика германофобии Бакунина); о плутнях высших должностных лиц в России, о краже бриллиантов великим князем у своей матери; о политической амнистии 9/I—74 г. (Письмо Г. А. Лопатина по этому поводу в «Daily News» и царю от 15/V—74); об обращении в

России с политическими ссыльными; о двух «дипломатических казусах» в Англии и Греции; об «*Адресе польских эмигрантов» по поводу приезда царя в Лондон*; о преследованиях униатов в русской Польше, о слухах о конституции; о законах против общины (стр. 114—115); о приговорах крестьянских обществ об уничтожении кабаков; о сменах русских министров; о вызове 19 русских эмигрантов.

172. III. Закон о недозволенных сообществах. Там же, стр. 121—160. О прениях в комиссии, подготовлявшей закон (много цитат); изложение закона; критика его.

173. V. Процесс. Там же, стр. 181—240. О разных оппозиционных попытках; о книге Кошелева «Наше положение»; о революционных попытках; о процессе Долгушина и Дмоховского в сенате; о нарушениях в нем формального юридического порядка (перепечатка части дела, не бывшей в печати в газетах); о том, почему подсудимые присуждены к жесточайшим наказаниям (об обвинителе и о судьях); о роли защитников Утина, Спасовича и Слонимского; об их доказательстве бессмыслия попыток волновать народ, об их либеральной оценке социализма; о том, как следовало защищать обвиняемых; как должны были держаться на суде обвиняемые; о показаниях свидетелей; выводы для пропагандистов, как им надо готовиться к своей работе.

174. VI. Государство в опасности. Там же, стр. 240—316. Дата: 25 (13) ноября 1874. О готовящихся многих процессах, о неизбежности преследований мыслящей молодежи, о ее апатии в 1869—70 гг. и возбуждении с 1872 г. Корреспонденции из Киева от осени 1873 г. о равнодушии студентов к революции, о стремлении женской молодежи к учению; из Тифлиса — об обыске в семинарии; из Петербурга — об арестах рабочих и о том, как хорошо держатся на допросах 2 студента; из Вены — о допросах русских учащихся полицией; из Петербурга — об аресте П. А. Кропоткина и артели рабочих в 11—12 человек, об аресте Берви по доносу Титовой, о 4 шпионах, о бесцеремонности обысков, о положении арестованных при полицейских частях, о прокурорах при III отделении; о спорах молодежи, как итти в народ; из Казани — о злоключениях либеральной «Камско-Волжской газеты»; с юга — о пропаганде правительства среди народа; из «Моск. вед.» — о действиях полиции; из писем скептика — о росте недовольства в России; из Саратова — об аресте конспиративной мастерской; из Петербурга — об арестах в типографии Мышкина в Москве и в других городах, о грабителях с социалистической тенденцией в Киевской губ.; из письма Мышкина — об арестах в России; из других писем — об арестах по всей России неопытных пропагандистов, из коих более половины рабочих; о шипении пом. прокурора Масловского; о запугивании арестованных рабочих; об арестах в Киеве и Одессе; об аресте Волховского по показанию Любавского; о замене Шувалова Потаповым в III отделении; о прибытии в Киев столичной полиции для обысков и изъятии из обращения книг на украинском языке; об арестах в Черниговской губ.; об особой комиссии для преследования политических кружков под председательством ген. Слезкина; о сознательности арестованных рабочих (стр. 282); из Петербурга — о допросах рабочих и о малодушии некоторых из них (указание Лаврова, что интеллигенция хуже рабочих); еще об арестах по всей России и о волнении в публике; о бывших цюрихских студентках и о «подозрительных»; о действиях полиции на Волге, о панике в Казани, об арестах в Москве, в Орловской губ., в Харькове, Екатеринославе, Симбирске, Саратове, Иркутске, Петербурге и т. д.; об освистании студентами проф. Циона в Медико-хирург. академии; об отражении арестов в России в иностранной печати; о проекте положения о полицейской страже; о лекции графа Комаровского о международной полиции; о волнениях в Земле войска уральского; о крестьянских бунтах на севере, в Томской губ. и близ Пинска.

175. Хаос буржуазной цивилизации за последнее время. Отдел III, стр. 1—52. Дата: 23/VI—1874. Из содержания: I. Галлюцинация религиозных вопросов. Нелепость христианского государства. Папа Пий IX. Слабость либерализма. Шамбор и его знамя. «Борьба за цивилизацию» в Германии. Митинг в Англии. Религиозная борьба в Швейцарии. II. Политические деятели. Падение Тьера. Нескромность Ламарморы и честность Бисмарка. Консерваторы и либералы в Англии. Русская принцесса и русский император. Как изменить современную политику?

176. Летопись рабочего движения. I. Деятельность Генерального совета. Филадельфийский конгресс. Всеобщая лига рабочих корпораций и ее орган. Брюссельский конгресс. Отдел III, стр. 53—110. Дата: 18 (6) ноября 1874. Вошло в книгу, указанную в № 151.

177. От редакции. Отдел III, стр. 147—151. Благодарность корреспондентам; объяснение, почему книга вышла толстой; ответ поляку-литератору (перепечатывается в наст. томе); ответы корреспондентам; о полученных деньгах; о цене «Вперед» в России.

178. По поводу самарского голода. 2-е изд. Лондон. Изд. журнала «Вперед». Типография не указана. 1874. Стр. 174 (12°). Без указания автора. Сюда вошли первые главы из отделов «Что делается на родине?» II и III томов журнала «Вперед», значительно дополненные и измененные. Оглавление: 1. Голодные и сытые. 2. Самарский голод. 3. Голод в других местностях. 4. Голод всюду. 5. Вампир русского народа. 6. Деятельность органов самоуправления. 7. Самодеятельность общества. 8. Общественные хищники. 9. Наши интеллигентные силы. — Дополнения. Ценная книга для историка России 70-х гг.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Цифры означают страницы, курсивом обозначены страницы, где о данном лице даны, кроме упоминаний, и краткие сведения. Иностранные имена даны в конце).

Абаза, Н. С. — 246, *392*.
Аксаков — 195, 196, 205—208, 212, 213, 219, 272, *391*.
Аксаков, И. С. — *391*.
Аксенов — 295, 296, *392*.
Алабин, П. В. — 182, 183, *391*.
Александр I — 396.
Александр II — 286, 322, 358, 409.
Александр III — 358.
Александра Иосифовна — 174, *391*.
Алексей Михайлович — 160, 161, 390.
Альфонс XII — 385.
Амедей — 10, 14—16, 382.
Анна Ивановна — 358, *396*.
Анна Леопольдовна — 358, *396*.
Антиохи — 115, *389*.
Антонелли, Д. — 82, *388*.
Антонов, А. — 400.
Аристотель — 112.
Арнольди, С. С., псевдоним П. Л. Лаврова — 409.
Арсеньев, К. К. — 394.
Арч — 348.
Аттила — 116, *389*.

«Бабёф» — 82, 83, 86, 91, 97, 101, 109, 118, 121, 124, 125, 144.
Бажанов, А. М. — 315, *393*.
Базен, А. — 54, 64—65, 280, 320, *386*, 392.
Бакунин, М. А. — 383, 395, 397, 406, 409, 410.
Банзен — 404.
Баландин, Л. — 198, 391.
Балашевич-Потоцкий — 391.
Бараньон, Л. Н. — 319—320, *394*.
Бародэ, Д. — 10, 17, 63, *381*.
«Барон» — 82, 83, 86, 88, 90, 91, 118, 121.
Баталин, Ф. А. — 315, *393*.
Бахофен — 404.
Бебель, А. — 20, 25, *382*, 408.
Безо — 21, *383*.
Берви (Флеровский) — 411.
Березин, проф. — 405, 408.
Бернардс — 46, *385*.
Бирон, герцог — 29, *384*.
Бисмарк, кн. — 12, 13, 28, 29, 31, 40, 44, 46, 47, 49, 67, 68, 77, 348, 383, 386, 412.
Блан, Л. — 60, 61.
Бланк, Г. Б. — 250, *392*.
Болдарев — 405.
Боссюэт — 51.
Брайт, Д. — 72, *387*.
Бренн — 25, *383*.
Брока, П. — 403.
Брольи, А. — 19, 54, 57, 59, 320, *382*.
Брукс — 29, *384*.
Бруммер-фон — 206, *392*.
Булатов — 306, *393*.
Буонаротти — 94, *388*.
Бурбоны — 41, 50, 60.
Бюркли — *385*.
Бюрнуф — 405.

Вагенер, Г. — 29, *383*.
Валаам — 176, *391*.
Валтасар — 69, 387.
Васильчиков, А. И. — 251, 275, *392*.
Ващро — 405.
Вильгельм I — 12, 13, 28, *381*, 386.
Виндгорст, Л. — 46, *385*.
Витязев, П. — 404.
Волховский, Ф. — 411.
Вольтер — 33, 51.
Воскобойников, Н. Н. — 321, *394*.
Врублевский, В. — 375, *397*.

Гаве — 405.
Гамбетта — 59, 60, 77, 358.

Гарибальди, Д. — 397.
Гартман, Э. — 404.
Гедеонов, И. М. — 315, *393.*
Гензерих — 116, *389.*
Генрих V — 64, *382,* 386.
Гент — 73, *387.*
Герасим, еп. — 217, *392.*
Гербарт — 404.
Герцен — 368, 392, 394, 396, 397, 409.
Гибер, Ж.-И. — 51, *386.*
Гизетти, А. А. — 403.
Гладстон. В.-Э. — 20, 31, 70, 72, 76, 77, 320, 348, *382.*
Годунов, Б. Ф., царь — 160, *390.*
Гольбах, П.-А. — 33, *384.*
Гончаров, Н. П. — 401.
Городецкий — 187, *391.*
Горчаков, А. М. — 77, *387.*
Гошен, Д.-И. — 73, *387.*
Грейлих, Г. — 49, *385.*
Григорий VII, папа — 51, 386.
Гудим-Левкович — 409.
Гуляр, Э. — 27, *383.*
Гюго, В. — 404.

Даниил — 69, *387.*
Дарвин, Ч. — 404.
Дебора — 52, *386.*
Деказ, Л.-Ш.-Э. — 54, 60, *386.*
Декан, Б. — 21, *383.*
Демидов, Сан-Донато — 406.
«Джулио» — 82, 83, 91, *388.*
Дизраэли — 20, 31, 69, 76, 320, 387.
Дикс, ген. — 28, *383.*
Диоклетиан — 48, *385.*
Дицген, И. — 34, *384.*
Дмитрий Иоаннович — 321.
Дмоховский — 411.
Долгоруковы — 358, *396.*
Домбровский, Я. — 375, *397.*
Домициан — 33.
Дон-Карлос — 40, 41, 42, 384.
Дон-Мигуэль, М.-Э. — 42, *385.*
Доротт — 299, *393.*
Достоевский, Ф. М. — 176, *391.*
Држевецкий, А. И. — 324, *394.*
Дурново, ген. — 406.
Духинов — 305, *393.*
Дюринг Е. — 382, 405.
Дюфор, А.-Ж.-С. — 18, 22, *382.*

Екатерина II — 161, 358, 396.
Елизавета Петровна — 358, 396.

Жиронне — 52, *386.*
Жонстон, Н. — 18, *382.*

Захарьин, проф. — 407.
Зорилья, Р. — 16, *382.*
Зубов, Н. А. — *396.*
Зубов, П. А. — *396.*
Зубовы — 359, *396.*

Иануарий — 51.
Иван Антонович — 396.
Иван Грозный — 160, 390.
Иван V Алексеевич — 396.
Иванов, Т. — 197, *391.*
Изабелла II, М.-Л. — 39, *385.*
Ильин — 296, *392.*
«Инквизитор» — 82, 84, 86, 91, 97, 107, 117, 118, 120, 121, 125, 139, 142, 144.
Иннокентий III — 51, *386.*
Иосиф II — 361, *396.*
Ишутин, Н. А. — 401.

Кавелин, К. Д. — 405.
Каиафа — 346, *395.*
Карл X — 384.
Карлисты — 31, *384.*
«Картежник» — 82, 83, 86, 91, 97, 105, 107, 121, 125, 139, 144.
Каспе — 399.
Кастеляр, Э. — 14, 15, 42, 358, *382.*
Катков, М. Н. — 176, 179, 294, 321, 326, 391.
Катлаген, гр. — 28, *383.*
Кафьеро, К. — 24, *383.*
Кедров, П., псевдоним П. Л. Лаврова — 404.
Кельсиев, В. И. — *393.*
Кеттелер, В. Э. — 10, 13, *381.*
Кларионов — 410.
Климов, Ф. Д. — 288, *392,* 407.
Книжник-Ветров, И. С. — 406, 409.
Кобден, Р. — 387.
Козьмин, Б. П. — 388, 389, 410.
Кокорев, В. А. — 200, *391.*
Коле, Л. — 325, *394.*
Колубовский, Я. — 405.
Колумб, Х. — 130, *389.*
Кольфакс, — 28, *383.*
Константин Великий — 34, *384.*
Константинов — 246, *392.*
Конт, О. — 33.
Коста, А. — 24.
Кочубей, П. А. — 317, *393.*
Кошелев — 411.
Кропоткин, П. А. — 411.
Крыжановский, Н. А. — 226, *392.*
Кувязев, — 401.
Кузнецов, А. К. — 401.
Кузьмин — 185, 186, *391.*
Кук — 348, *396.*
Кулябко-Корецкий, Н. Г. — 398, 401.

Ламармора, А.-Ф. — 54, 57, 58, *386,* 412.
Ламенне, Ф.-Р. — 385.
Ласкер, Э. — 28, 29, 46, 68, 358, *383.*

Лассаль, Ф. — 169, 382.
Леббок, Д. — 404.
Лебёф, Э. — 280, *392.*
Ленин, В. И. — 382, 385.
Ледрю-Роллен — 60—62.
Леонтьев, П. М. — 176, *391.*
Лессинг, Г.-Э. — 44.
Лефевр-Дюрюфле, Н.-Ж. — 28, *383.*
Лжедимитрий II — *390.*
Либкнехт, В. — 348, 382, 406.
Ловцов, С. — 404.
Лоде — 199, *391.*
Лонгинов, М. Н. — 407.
Лопатин, Г. А. — 390, 401, 402, 410.
Лоу, Д. — 400.
Лугинин, В. Ф. — 275, *392.*
Луи-Филипп — 10, 386.
Любавский — 411.
Любимов, Н. А. — 321, *394.*
Людовик XIV — 84.
Лялин — 406.

Маджентский, герцог — *384.*
Майков, А. Н. — 176.
Мак-Леннан — 404.
Мак-Магон, М.-П.-М. — 31, 50, 51, 55—60, 64, 67, 280, 348, *384,* 392.
Максимов, С. В. — 318, *393,* 394.
Малатеста, Э. — 24, 383.
Малинкродт, Г. — 68, *387.*
Мальтус, Р. — 135, *389.*
Мария Александровна — 75.
Мария Николаевна — 174, *391.*
Маркс, К. — 169, 348, 382—385, 389, 390, 394, 395, 397.
Масловский — 411.
Мастаи — 33, 38, *384.*
Менделеев — 315.
Мермильо, еп. — 48, *385.*
Мещерский, В. П. — 176, 326, *391.*
Микель-Анджело Буонаротти — 94, 388.
Милютин, Д. А. — 407.
Мишле, Ж. — 404.
Мольтке, К.-Б. — 45, 67, *386.*
Монсабре — 52, *386.*
Монталамбер, Ш. — 50, *385.*
Мор, Т. — 134.
Морган, Л. Г. — 404.
Мордвинов, Н. Г. — 189, 200, 330, *391.*
Мышкин, И. — 411.
Мэн — 404.
Мюллер, М. — 405.
Мягков, Е. Д. — 409.

Н. Ф. (Фирсов) — 408.
Навуходоноср — 115.
Наловский — 404.
Наполеон I — 10.
Наполеон III — 45, 64, 67, 74, 345, 381, 382, 384, 387.
Наполеон IV — 57, 58, 63, *386.*
Нерон — 48, 115, *385.*
Нечаев, С. Г. — 407.
Николаев — 196, *391.*
Николаев Н. Н. — 401.
Николай I — 325, 394.
Николай Николаевич Старший — 407.
Ньютон — 129.

Овчинников — 174, *391.*
Огарев, Н. П. — 394, 409.
Одифре-Пакье, Г. — 60, *386.*
Омальский, герцог — 64, *386.*
Опочинина — 198, *391.*
Орлеанский, герцог — *382.*
Орлеаны — 60, *386.*
Орлов-Давыдов, В. П. — 200, 205, 206, 272, *392.*
Орлов-Чесменский, А. Г. — *396.*
Орлов, Г. Г. — *396.*
Орловы — 359, *396.*
Остроуховы — 305, *393.*
Оуэн, Р. — 402.

Павел I — 358, 396.
Палисси, Б. — 130, *389.*
Парижский, граф, Л.-Ф. — 19, 57, 58, *382.*
Патти, А — 299, *392—393.*
Пелларен — 404.
Петр I — 361.
Петр III — 161, 358, 396.
Петрашевский (Буташевич) — 391.
Пи-и-Маргаль, Ф. — 14, *382.*
Пий IX — 31—33, 38, 39, 41, *384,* 412.
Пилат, П. — 346, *395.*
Пиль, Р. — 69, *387.*
Питт, В. — 71.
Плантье, К.-А.-О. — 51, *385.*
Платон — 134.
Плеханов, Г. В. — 395.
Подолинский, С. А. — 398, 399.
Полонский — 176.
Попов, П. — 409.
Португалов, В. О. — 328, *394.*
Потапов, А. Л. — 411.
«Профессор» — 82—84, 86—89, 97, 117, 125, 128, 132, 135, 141, 144.
Прудон, П.-Ж. — 390.
Прыжков, И. Г. — 401.
Пугачев, Е. — 161.
Путбус, кн. — 29, *384.*
Пфлейдерер — 405.

Равич, И. И. — 315, *393.*
Рагозин, Е. И. — 199, *391.*

Радепон — 28, *383.*
Разин, С. — 161, 342.
Рандоэн, Ж.-Б. — 28, *383.*
Ранк, А. — 63, 386.
Ребук — 71, *387.*
Рейнольдс, Д.-В. — 75, *387.*
Ржанов — 184, 302, *391.*
Робен, П. — 406.
Романовы — 76, 346, 358, 406.
Россель, Д. — 48, 72, *385.*
Руэр, Э. — 12, *381.*
Рюрик — 367.

Самарин — 297.
Самарин, Д. Ф. — 294, 295, *392.*
Сандрильона — 377, *397.*
Сен-Симон — 134.
Сергеев, — 315, *393.*
Серрано — 31, 42, 382.
Симон, Ж.-Ф. — 10, 17, 18, *381.*
Слезкин, ген. — 411.
Слонимский — 411.
Смирнов, В. Н. — *395,* 399, 401—403.
Советов, А. В. — 316, *393.*
Сосис, И. — 408.
Спартак — 356, *396.*
Спасович — 411.
Стасюлевич, М. М. — 394.
Стебут, И. А. — 316, *393.*
Струков — 259.
Суворов, А. А., Рымникский — 319, *394.*
Сулук — 66, *386.*
Сэндгорст — 74, *387.*

Тарасов — 295, 296, *392.*
Теннисон, А. — 75, *387.*
Тимашев, А. Е. — 218, 220, *392.*
Титова — 411.
Ткачев, П. Н. — 389, 394, 395, 396, 400, 408, 410.
Толен, А.-Л. — 20, 22, 61, *382.*
Толль — 405.
Толстой, Д. А. — 407, 409.
Толстой, Л. Н. — 178, 184, 294.
Трепов, Ф. Ф. — 209, 218, 220, 407, 409.
Тургенев, Л. Б. — 269, 270, 287, *392.*
Тушинский вор — 160, 161, *390.*
Тьер, А. — 10—12, 17—19, 50, 54, 56, 57, 59, 63, 64, 66, 381, 382, 412.

Успенский, П. Г. — 401.
Устрялов — 403.
Утин, Н. Г. — 411.

Фавр, Ж. — 320, 358, 394.
Фаддеев, ген. — 407.
Фальк, А. — 13, 44, *381.*
Федоров — 295, 296, *392.*
Фейербах — 33, 44.
Фенуйо — 21, *383.*
Феретти, гр. — *384.*
Фигверас, Э. — 14, 382.
Фирсов, Н. Н. — 408.
Фольтэт — 48, *385.*
Фон-Бруммер — 206, *392.*
Фразер, еп. — 69, *387.*
Фрей, В. — 402.
Фрешпель, Ш.-Э. — 51, *385.*
Фридрих-Карл — 67, *386.*
Фролов, ген. — 200, *391.*
Фурье — 134.
Фюстэ, Ж.-Ж. — 26, *383.*

Хортин — 407.
Христос — 84, 108, 345, 395.
Худяков, И. А. — 401, 407.

Цаджали, А. — 24, *383.*
Цион, проф. — 411.

Чайковский, Н. В. — 402, 410.
Чарторижский — 367.
Чаславский, В. И. — 317, 318, *393.*
Чембулатов — 187, *391.*
Черетти, Ч. — 24, *383.*
Черкасский — 297, *392.*
Чернышевский, Н. Г. — 169, 170, 388, 390, 394, 400, 407, 409.
Чижиков, Л. — 405, 408.

Шамбор, А. — 19, 33, 40, 41, 57, 58, *382,* 386, 412.
Шварц — 205, *392.*
Шейлок — 200, *392.*
Шекспир, В. — 392.
Шетарди, И.-Ж.-Т. — 359, *396.*
Шиллер, Ф. — 43, 44.
Шипов — 295, 392.
Шмерлинг — 199, *391.*
Шопенгауэр — 404.
Шпенер, Ф.-Я. — 46, *385.*
Штакеншнейдер, Е. А. — 387, 388.
Штибер, В. — 46, *385.*
Штраус — 33, 44.
Штрусберг, Б.-Г. — 29, *383.*
Шувалов, А. П. — 274, 287, 330, *389,* 411.
Шуйский, В. И. — 161, *390.*
Шульце-Делич — 408.

Щапов, А. П. — 401.
Щебальский, П. К. — 321, *394.*
Щепкин, Н. М. — 295, *392.*

Эйленбург, Б.-Г. — 27, *383.*
Эйльсфорд — 74, *387.*
Эмс, О. — 28, 29, *383.*

Энгельс, Ф. — 382, 394, 395, 397, 408, 410.
Юдифь — 52, *386*.
Южаков — 408.
Юм, Д. — 33, *384*.
Юнг — 295, *392*.
Юферов, С. С. — 388.

Яковлев, А. В. — 392.
Янсон, Ю. Э. — 316, *393*.
Янцын, М. И. — *395*.
Яфимович 1-й — 200, 205, 209, 216, 219, 282, 324, *392*.

Colet, L. — *394*.
Fuster, J.-J.-N. — *383*.
Johnston, N — *382*.
Pellarin, — 404.
Randoing, J.-B. — *383*.

---

27 Лавров, т. III. Н. 125.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Хаос буржуазной цивилизации за первую треть 1873 г. 7
Хаос буржуазной цивилизации за последнее время (1874) 31
Кому принадлежит будущее? (1872—74) 79
Потерянные силы революции. (Письмо к несогласному) (1874) 145
Предисловие от редакции [К «Письмам без адреса» Н. Г. Чернышевского] (1874) 169
По поводу самарского голода (1874):
I. Голодные и сытые 173
II. Самарский голод 177
III. Голод в других местностях 222
IV. Голод всюду 250
V. Вампир русского народа 265
VI. Деятельность органов самоуправления 289
VII. Самодеятельность общества 293
VIII. Общественные хищники 301
IX. Наши интеллигентные силы 312
Дополнения 330
Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры «Задачи революционной пропаганды в России» (1874):
I. К кому я обращаюсь? 335
II. Какова наша молодежь? 339
III. Какая революция? 341
IV. Каковы орудия революции? 351
V. С кем вместе можно итти? 358
VI. Чем должен быть социально - революционный журнал? 366
VII. В чем обвиняют «Вперед» 371
От редакции (О польском вопросе) (1874) 373
Примечания 381
Приложение:
Содержание трех первых томов журн. «Вперед» 398
Библиография сочинений П. Л. Лаврова и о нем . . . 403
Указатель имен 413

Цена книги 6 р. 50 к.

Переплет 1 р. 50 к.

